СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

РУССКИЙ ДОМ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых замечательных книг выдающихся деятелей русского национального движения, посвященных борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

Аверкиев Д. В.
Айвазов И. Г.
Аквилонов Е. П.
Аксаков И. С.
Антоний (Храповицкий), митр.
Аракчеев А. А.
Бабурин С. Н.
Башилов Б.
Бондаренко В. Г.
Бородин Л. И.
Булацель П. Ф.
Буткевич Т. И.
Бутми Г. В.
Величко В. Л.
Винберг Ф. В.
Воробьевский Ю. Ю.
Восторгов И. И.
Вязигин А. С.
Голицын Д. П.
Грингмут В. А.
Державин Г. Р.
Достоевский Ф. М.
Дубровин А. И.
Дудко Д. С.
Жевахов Н. Д.
Жеденов Н. Н.
Замысловский Г. Г.
Иванов В. Ф.
Ильин И. А.
Книга русской скорби
Крупин В. Н.
Крушеван П. А.
Кузьмин А. Г.
Куняев С. Ю.
Личутин В. В.
Любомудров М. Н.
Марков Н. Е.
Меньшиков М. О.
Мержеевский В. Д.
Миронов Б. С.
Нечволодов А. Д.
Никольский Б. В.
Нилов В.
Нилус С. А.
Осипов В. Н.
Пасхалов К. Н.
Проханов А. А.
Рогозин Д. О.
Розанов В. В.
Ростопчин Ф. В.
Семанов С. Н.
Сенин А. А.
Солоухин В. А.
Суворин А. С.
Фотий (Спасский), архим.
Хатюшин В. В.
Цикунов А. К.
Чванов М. А.
Чивилихин В. А.
Шарапов С. Ф.
Шафаревич И. Р.
Шевцов И. М.
Шиманов Г. М.
Шипунов Ф. Я.
Шмаков А. С.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

РУССКИЙ ДОМ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2013

УДК 8р2+9(с)
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К 91

Куняев С. Ю.

К 91 Русский дом / Сост., коммент. С. С. Куняев, предисл. Ю. М. Павлов / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 912 с.

В книге собраны главные публицистические труды выдающегося русского поэта и общественного деятеля Станислава Юрьевича Куняева. В 80–90-е годы XX века возглавляемый им журнал «Наш современник» стал одним из главных центров русского национального движения и успешно противостоял силам мирового зла, русофобии и расизма. Куняев был одним из первых русских писателей, поднявших вопрос о еврейском засилье в русских литературе и искусстве, о пагубном влиянии сионизма на русскую культуру. Публицистика Куняева глубоко патриотична и наполнена переживаниями за судьбу России.

ISBN 978-5-4261-0060-2

© Куняев С. Ю., 2013
© Институт русской цивилизации, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Станислав Юрьевич Куняев родился в 1932-м году в Калуге. Многие события XX века оставили след в судьбе его рода и его самого. К ключевым эпизодам истории минувшего столетия, увиденных сквозь призму судьбы отдельного человека, рода, народа, государства, Куняев неоднократно обращается в статьях, интервью, мемуарах.

Дед писателя по отцовской линии был известным врачом, общественным деятелем, педагогом. В 1913 году на пожертвования горожан он построил в Нижнем Новгороде больницу, которой впоследствии успешно и заведовал. Дед и бабка писателя, врачи этой больницы, умерли от тифа в 1920 году. Через 10 лет кладбище Печерского монастыря, где они покоились, было уничтожено. Подобная участь постигла и могилу деда писателя по материнской линии, крестьянина по происхождению, ставшего сапожником.

В разножанровых публикациях Куняев неоднократно подчеркивает, что он вырос в среде простонародья. Мать писателя, вынужденная с 12 лет работать «за кусок хлеба» в богатой еврейской семье, получила два высших образования. Отец Станислава Юрьевича погиб в Великую Отечественную войну. Воспитанием мальчика занималась преимущественно бабка Куняева, безграмотная крестьянка, ставшая для будущего писателя Ариной Родионовной. Эти и другие факты свидетельствуют, что история рода Куняевых – история миллионов русских семей.

Простонародный фактор определяет многое в характере, мировоззрении, творчестве писателя.

Оба мира – простонародный и кастовый – отличаются друг от друга мировоззренчески, духовно, творчески. И вполне закономерно, что Станислав Куняев, характеризуя различные явления, события, людей, считает важным указать на их кастовость или простонародность. Так, в статье «“Дело” ордена русских фашистов» (1992) Станислав Куняев справедливо оценивает тезисы Алексея Ганина «Мир и свободный труд – народам» как «великий документ русского народного сопротивления ленинско-троцкистско-коммунистической банде», «плод народного низового сопротивления». А в «Лейтенантах и маркитантах» Куняев, ведя речь о новой государственной политике в СССР во второй половине 30-х годов, уточняет, что Сталин «запустил механизм по созданию новой государственной элиты из простонародья». Новая элита пришла на смену «ленинской гвардии».

Простонародность – одно из ключевых слов в мире Куняева. Оно рифмуется с подлинностью, состраданием, сопричастностью с судьбой другого, народа, государства.

Ст. Куняев принадлежит к поколению, которое он называет «детьми Победы». Перед этим поколением в Советском Союзе были открыты все двери, поэтому и Станислав Юрьевич имел возможность получить бесплатное образование в МГУ (что сегодня есть смысл подчеркнуть особо). С 1952-го по 1957-ой годы Куняев обучается на филологическом факультете этого самого престижного вуза страны. В отличие от многих выпускников данного факультета, с восторгом вспоминающих своих преподавателей, Станислав Юрьевич делает акцент на строгой идеологизированности учебного процесса, на том, что интересы ведущих профессоров (С. Бонди, Н. Гудзия, В. Ржиги, С. Радцига) были обращены в прошлое, а в программе по литературе XX века имена М. Булгакова, И. Бунина, А. Платонова, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Н. Клюева, П. Васильева и многих других писателей отсутствовали. То есть, по словам автора, «правильно развить вкус в те годы было трудно» («Поэзия. Судьба. Россия»).

После окончания МГУ Ст. Куняев три года работает в районной газете города Тайшет Иркутской области. Здесь, в

Сибири, через общение с самыми разными людьми, многие из которых вышли из лагерей, Станислав Юрьевич получает необходимый жизненный опыт, значение которого он ощущает на протяжении всей жизни, что, в частности, отмечает в интервью «Счастье быть частицей русской культуры» (2002). В Иркутске Куняев знакомится с Валентином Распутиным, Юрием Скопом, Александром Вампиловым, Вячеславом Шугаевым, Анатолием Преловским. Сибирский период ознаменован публикациями стихотворений писателя, первая же его книга вышла в 1960 году в родной Калуге.

Человеческий, мировоззренческий, творческий рост Куняева продолжается в Москве, в которую он вернулся в 1960-ом году. Работа в журнале «Знамя», и не только она, знакомит Куняева в первой половине 60-х годов с такими разными авторами, как И. Сельвинский, М. Светлов, С. Кирсанов, Н. Асеев, Б. Слуцкий, Д. Самойлов, А. Межиров, И. Бродский, А. Ахматова, С. Дмитриев, Л. Аннинский, О. Михайлов, П. Палиевский, С. Семанов, Д. Жуков, В. Чалмаев, И. Шкляревский, Ю. Алешковский и др. Особо следует упомянуть В. Кожинова, Н. Рубцова, В. Белова, В. Соколова, А. Передреева, дружба и общение с которыми для Куняева стали «школой взаимного обогащения», «школой гораздо более серьезной, нежели любой университет» («Счастье быть частицей русской культуры»). Но, конечно, наибольшее влияние на Куняева оказал В. Кожинов. Позже, в 2007 году, Станислав Юрьевич назовет Вадима Валериановича гениальным мыслителем, без которого невозможно представить вторую половину XX века, а роль Кожинова в своей судьбе определит так: «Вадим всегда умел объяснить то, на что у меня самого мозгов не хватало. Все его работы были для меня значительными и подвигли меня в моем развитии»; «Это умение без пропагандистского упрощения глядеть на явление в полном его объеме – вот чему я учился у Вадима всю жизнь».

В первой половине 60-х годов Куняев открывает для себя запрещенных в СССР русских мыслителей: К. Леонтьева, В. Розанова, И. Ильина, И. Солоневича… С подачи Кожинова Станислав Юрьевич знакомится с трудами Бахтина.

В 60-е годы Станислав Куняев «созрел» для того, чтобы стать одним из лидеров «русской партии», и все его последующие статьи, письма, выступления, интервью – это ответы на вызовы времени, реакция на деятельность антирусских, антигосударственных сил.

XX век – это век тотальной борьбы против ценностей и мира русского простонародья, век катастрофического его уничтожения – физического и духовного. Неудивительно, что Станислав Куняев почти сорок лет является одним из самых смелых и последовательных защитников этого мира, защитников русского народа вообще.

XX век – это век русского простонародья, давший огромное количество выдающихся людей в разных областях жизни, литературе в частности. И вполне естественно, что именно Станислав Куняев посвятил так много глубоких и содержательных статей писателям, выходцам из простонародья. Назовем только некоторые из его работ: «"Дело" ордена русских фашистов», «Жизнь и смерть поэта» – об Алексее Ганине, «Жизнь – океан многозвенный» – о Николае Клюеве, «Русский огонек», «Образ прекрасного мира» – о Николае Рубцове, «И мой народ меня благословляет» – о Викторе Бокове, «Дитя человечьего сада», «От Вардзии до Константинова» – о Сергее Есенине. Конечно, самой значительной и выдающейся работой стала книга «Сергей Есенин», написанная вместе с сыном Сергеем. Она, выдержавшая уже семь изданий, является лучшим исследованием о жизни и творчестве одного из самых великих представителей русского простонародья в минувшем столетии.

Также большой интерес представляют работы Куняева о Пушкине («Духовной жаждою томим…»), Блоке («Русская и мировая…», «Крушение великой иллюзии. К 130-летию со дня рождения Александра Блока»), о «деле» «Сибирской бригады» («Огонь под пеплом»), о поэзии 70-х годов и ее вольном толкователе С. Чупринине («Возрождая из пепла…»), о Данииле Андрееве («Демон и ангел России»), о русскоязычных писателях («Змея, укусившая собственный хвост…») и другие. Из всех

статей Куняева о поэзии XIX–XX веков сегодня наибольший резонанс, думается, вызовет материал «Пища? Лекарство? Отрава?» (1982–1986). Он включает статью Станислава Юрьевича, с которой он принял участие в дискуссии о массовости и народности (1982), а также размышления о многочисленных откликах на данную публикацию.

Бурно-резко-долгий резонанс на эту работу Куняева был вызван тем, что проблема массовости и народности рассматривается в ней, в первую очередь, на примере творчества Владимира Высоцкого. Высоцкий, по Куняеву, многими своими текстами фельетонно-куплетистской направленности далеких от высокой поэзии, не только не боролся с духовным распадом человека, «а, наоборот, эстетически обрамлял его». А в интервью 1988 года Станислав Юрьевич так подытожил свои размышления о барде: «Дело не в Высоцком, который был личностью разнообразно талантливой, хотя и чересчур зависимой от «спроса публики», а в культе его, доведенном поклонниками до абсурда» («Борьба мировоззрений»).

Понятно, что в наше время, время небывалого в истории России духовно-культурного одичания миллионов, приведенные оценки Куняева вызовут еще большую, чем 80-е годы, бурю негодования. Мы же отметим, что и в случае с Высоцким Станислав Юрьевич оказался провидцем, еще тридцать лет назад точно увидев тенденцию сделать из талантливого, и не более того, поэта гения, «икону». Сегодня Высоцкий, как в один голос уверяют нас с экранов телевидения, – это, по сути, главный герой 60–70-х годов минувшего столетия, один из самых гениальных поэтов XX века, личность уровня Пушкина… Стоит ли комментировать такие утверждения?

Сорок лет назад было написано стихотворение Куняева «Мальчик», заканчивающееся признанием: «Вечный мальчик, мой милый двойник». «Вечный мальчик» узнается и в тех безрассудно опасных поступках, которые так часто совершал Куняев в своей жизни. Самые резонансные из них – выступление на дискуссии «Классика и мы» (1977) и «Письмо в ЦК КПСС по поводу альманаха “Метрополь”» (1979).

В своем выступлении Станислав Юрьевич затронул проблему сущности отечественной классики и русской литературы вообще (именно это до сих пор не оценено в полной мере) на примере творчества Э. Багрицкого, которого друзья и почитатели тогда уже записали в классики. Куняев же утверждал, что поэзия Багрицкого направлена против всего, «что поддерживает на земле основы жизни». И как следствие – полно неприязни и ненависти поэта к человеку, который создает традиционные ценности, материальные и духовные. Поэтому в творчестве Багрицкого происходит разрыв с гуманистической традицией (тогда невозможно было сказать точнее – христианским гуманизмом) русской литературы, которую Куняев характеризует, в частности, так: «Наши классики могли увидеть в этой заурядной человеческой особи всегда нечто значительное». Как известно, по-другому об этом говорил Федор Достоевский, определяя свое кредо: «Найти человеческое в человеке».

Ст. Куняев справедливо считал: полный разрыв Багрицкого с русской литературой состоит и в том, что он в своем творчестве оправдывает разрешение крови по совести. Пафосом кровавого человеконенавистничества пропитаны «Дума про Опанаса», «ТВС», «Смерть пионерки», «Февраль» и т.д.

На разных примерах из поэзии Багрицкого Ст. Куняев показывает бессердечность, жестокость, физиологическую злобу героя к своему родному – еврейскому – миру. И это отношение, с точки зрения русского поэта, удручающе, противоестественно, оно – волчье.

В своем выступлении Ст. Куняев точно передает основной мотив поэмы «Февраль»: еврейский юноша насилует русскую девушку, используя свое новое чекистское положение, и видит в этом своеобразную месть за себя и своих предков. Через тридцать лет в «Лейтенантах и маркитантах» (2007) Станислав Юрьевич обращает внимание на эпизод из жизни Давида Самойлова (хвастовство близостью со Светланой Сталиной), который, на наш взгляд, стоит в одном ряду с «местью» из «Февраля». Куняев не проводит параллелей с

Багрицким, он видит в случае с Дезиком проявление давней, ветхозаветной традиции.

В феврале 1979 года еврейская тема, тема Багрицкого в частности, получила своеобразное продолжение в «Письме в ЦК КПСС по поводу альманаха “Метрополь”». Сие «Письмо…» отличается от статей и выступлений Куняева этого периода идеологическим антуражем, отдельными вкраплениями партийно-окрашенной лексики. То есть Станислав Юрьевич сделал необходимую поправку на адресата «Письма…». В целом же история с «Метрополем» для Куняева – лишь повод для разговора с сильными мира сего об общей литературно-культурной ситуации в стране, о тех идеях, которые спокойно транслировались в советской печати.

К еврейской теме Куняев по разным поводам обращается и в последующих своих многочисленных статьях и интервью. Назовем некоторые из них: «Палка о двух концах» (1989), «Семейство Норинских» (1989), «Русский антисемитизм – вымысел русофобов» (2002), «Письмо другу-поэту в заморские края» (2003), «Ритуальные игры» (2005), «Сам себе веревку намыливает…» (2007), «Лейтенанты и маркитанты» (2007), «Лейтенант Третьей мировой» (2007), «Косматые сердца» (2010).

На протяжении последних тридцати лет отношение Куняева к Э. Багрицкому осталось неизменным, взгляды Станислава Юрьевича на О. Мандельштама не раз корректировались.

В интервью 1989 года «Идея и стихия» он утверждал, что Мандельштам «вольтовой дугой своего таланта» соединяет два мира: ветхозаветный, мифический, и русский, реальный. В данном интервью четко не сказано, к какой литературе Куняев относит поэта. Но с учетом того, что говорится о делении на русскую и русскоязычную литературу и с каким пониманием цитируется Лион Фейхтвангер («По убеждению я интернационалист, по чувству я еврей, по языку я немец»), Мандельштама можно отнести, если использовать мою классификацию, к амбивалентнорусским писателям.

В последней на сегодняшний день работе Ст. Куняева о О. Мандельштаме «Крупнозернистая жизнь» (2004) показыва-

ется, как меняется мировоззрение и творчество поэта на протяжении 30-х годов. Об этих изменениях применительно к муссируемой «левыми» теме происхождения сказано так: «Жизнь без наживы! Подобное состояние для Осипа Эмильевича, порвавшего еще в юности с “хаосом иудейским”, с культом золотого тельца, ушедшего в русскую бескорыстную литературную жизнь, было вполне естественным».

Конечно, у Станислава Юрьевича на протяжении трех последний десятилетий изменилось отношение не только к Мандельштаму. Так, в работах Куняева времен перестройки о поэзии и идеологии 20-30-х годов даются резко-отрицательные оценки всем руководителям советского государства. Однако с середины 90-х годов личность Сталина и проводимая им политика оценивается принципиально иначе. Например, в заметке «Или нас сомнут…» карточная система, коллективизация, индустриализация, внутрипартийная борьба, репрессии против крестьянства и т.д. характеризуются как вынужденная необходимость, трагическая неизбежность, «составная часть в цену нашей победы в 1945 году» (Наш современник. 1998, №11–12). К подобным мыслям в 90-е годы приходят не только некоторые «правые» (М. Лобанов, В. Кожинов, О. Платонов), но и некоторые либералы-шестидесятники, о чем на примере книги Жореса и Роя Медведевых «Неизвестный Сталин» говорит Куняев в публикации «Жизнь учит…» (Наш современник. 2003, №8).

Взгляд на Сталина как на советского патриота и государственника по-разному транслируется в статьях о Данииле Андрееве («Демон и ангел России»), о Ярославе Смелякове («Терновый венец»), об Осипе Мандельштаме («Крупнозернистая жизнь»)... Сталинская тема в творчестве этих и других писателей (Б. Пастернака, А. Ахматовой, Н. Заболоцкого, Н. Клюева и т.д.) для Куняева – ключ к пониманию общих закономерностей в жизни, литературе, историософской мысли XX века. В контексте такого Сталина принципиально по-новому видятся Станиславу Юрьевичу судьбы героев его статей, судьбы, не вписывающиеся в старые (советские) и новые (либеральные) мифы.

Большое место в жизни и творчестве Станислава Куняева, как уже говорилось, занимают Вадим Кожинов и Николай Рубцов, наиболее созвучные ему – идейно, душевно, духовно – современники. В статье о Вадиме Кожинове «За горизонтом старые друзья…» (2001) читатель найдет много очень точных суждений Куняева о своем друге и не только о нем. Уверены, историки литературы, биографы Кожинова со временем – если русское время не остановится – растащат эту статью на цитаты.

И у нас есть все основания сказать, что Станислав Юрьевич по-сыновьи благодарен своему народу – почве, на которой только и вырастают русские таланты, гении. Всем своим творчеством, подвижнической деятельностью он возвращает долг народу, делает все возможное, чтобы русские и Россия не исчезли с исторической сцены.

В несвойственной ему высокопарной манере Вадим Кожинов в дарственной надписи на книге, подаренной Станиславу Куняеву, в частности, утверждает: «…И поверь мне, – я знаю, – что твоя мудрость, мужество и нежность, воплощенные в твоих словах и деле, останутся как яркая звезда на историческом небе России». И это действительно так.

Юрий Павлов

ЧАСТЬ I.
ВОЗРОЖДАЯ ИЗ ПЕПЛА

КРУПНОЗЕРНИСТАЯ ЖИЗНЬ

История человечества устроена так, что после любой великой революции новая, молодая власть сводит с прежней эпохой безжалостные счеты – политические, экономические, нравственные, культурные...

Новый порядок вещей всегда утверждается в умах и сердцах одновременно с искоренением и очернением прежнего уклада. Однако после того как проносится девятый вал разрушения, неизбежно наступает время, когда очередным хозяевам жизни приходится кое-что брать из старого миропорядка, с чем-то примириться, что-то реставрировать... И лишь в нашей «криминальной революции» за все пятнадцать лет ее развития было вылито на прошедшее семидесятилетие столько клеветы и лжи, было сочинено такое количество фальсификаций и подлогов, что ничего подобного во всей мировой истории припомнить невозможно. Впрочем, все понятно: чем крупнее масштабы ренегатства – тем выше градус ненависти к порядку вещей, которому ренегаты в прежние времена ревностно служили. В исторической науке этот «комплекс Талейрана» хорошо известен.

А потому некоторые особенно ценные крупицы истины о прошлом надежнее всего черпать не из сочинений нынешних историков, социологов, экономистов и прочего обслуживаю-

щего персонала, но из судеб и творчества талантливых людей, которые в советскую эпоху подвергались преследованиям, сидели в лагерях, жили в ссылках, лишались гражданских прав... Они лишний раз не похвалят время. Их слова не подольстят сильным мира сего, обесславленным ныне, они не будут выслуживаться и изменять своему призванию за чечевичную похлебку. Все, что они сказали, уже принадлежит вечности.

Я попытаюсь восстановить некоторые особенности советской цивилизации, вглядываясь в судьбы и творчество Осипа Мандельштама (две ссылки, арест и смерть в лагере), Николая Заболоцкого (семь лет тюрем, лагерей, ссылок), Даниила Андреева (двадцать пять лет тюремного заключения, из которых отсидел десять), Ярослава Смелякова – трижды судимого по политическим статьям. Все они выдающиеся поэты сталинской эпохи, а ведь Ярослав Смеляков как-то написал: «Ежели поэты врут – больше жить не можно...» Почему я выбрал их? Потому что для многих идеологов и «политтехнологов» нынешней власти, читателей, ими обманутых, и просто доверчивых наших телепотребителей ссылки на имена Твардовского, Шолохова, Алексея Толстого, Максима Горького, Леонида Леонова мало что значат. В их глазах они в лучшем случае всего лишь навсего талантливые «слуги режима». А нам сейчас страдальцев подавай, жертв политических репрессий, диссидентов... Ну что же. Поговорим о них.

«Я сердцем виноват...»

С миром державным я был лишь ребячески связан,
Устриц боялся и на гвардейцев глядел исподлобья –
И ни крупицей души я ему не обязан,
Как я ни мучал себя по чужому подобью, –

написал о себе Осип Мандельштам в 1931 году. И верно. Первую половину жизни бывший акмеист, баловень судьбы, инфантильный любимец Аполлона жил в мире ветхозаветных сюжетов, царскосельских вольных забав, в мире античных

теней и призраков Средневековья, в пространствах Валгаллы, развалинах Акрополя, на холмах Рима, в обществе Оссиана и Баха, Лорелеи и Персефоны. Он действительно ничем «не был обязан» державному миру, сторонился его и разве что в революционное лихолетье, с 1918 по 1923 год, написал несколько стихотворений, в которых присутствовал шум времени – «Сумерки свободы», «Феодосия», «В Петербурге мы сойдемся снова...», «1 января 1924», стихи о Петрополе...

Настоящее гражданское возмужание пришло к нему позже, на грозном рубеже 20-х и 30-х годов. Кульминационными и роковыми мгновениями в его жизни были те, когда в 1933 году он написал и прочитал собеседникам стихотворный памфлет «Мы живем, под собою не чуя страны...». Это был необратимый шаг на территорию державного мира, резко изменивший дальнейшую судьбу поэта, после чего связь с державным миром стала осью его творчества. Во время подневольных поездок на Урал и обратно, а потом в Воронеж он, который раньше «на гвардейцев глядел исподлобья», цепко вглядывался в лица «славных ребят из железных ворот ГПУ», неожиданно для себя открывал, что любит «шинель красноармейской складки», и хотя с долей иронии, но понимал простую историческую истину: «чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов, грамотеет в шинелях с наганами племя пушкиноведов». Не мешает вспомнить, что эти строки были написаны в преддверии столетия со дня гибели Пушкина, которое вскоре прокатилось по стране как государственно-всенародные торжества, как чудесное освобождение поэта от идеологического, русофобского глумления с классовых позиций, длившегося над ним почти два десятилетия. И конечно же, Мандельштам был признателен сталинской эпохе за это.

Неведомые дотоле картины жизни открывались ему во время его невольных путешествий на Каму, через Чердынь, Соликамск, Свердловск под присмотром «славных ребят». Вот как рассказывает об этом Надежда Мандельштам в своих воспоминаниях:

«Ночи уже были белые, и перед нами мелькали уральские леса, станции и холмы. Дорога была проложена в густом

лесу, и О. М. не отрываясь смотрел в осень всю ночь напролет... Мы ехали в переполненных вагонах и на пароходах, сидели на шумных, кишащих народом вокзалах...»

«В дорогу я захватила томик Пушкина, и О. Э. читал "Цыган" вслух своим конвоирам».

«В Соликамске нас посадили на грузовик, чтобы с вокзала отвезти на пристань. Ехали лесной просекой. Грузовик был переполнен рабочими».

В сущности поэт, дитя дореволюционного Петербурга и нэповской Москвы, лишь в середине 30-х годов впервые увидел просторы глубинной России и услышал шум взбаламученного людского моря раскулаченных крестьян и подневольных переселенцев.

Нет худа без добра. Благодаря массе лишений, высыпавшихся на него, словно из ящика Пандоры, он наконец-то познал внезапно явленный ему облик Родины, ее мощь и бесконечность, с ужасом и восторгом вгляделся в разливы великих рек, «подобные морям», в «хвойное мясо» лесов, отражающихся в водах Камы... И самое главное – в лицо простонародья:

Как люб мне натугой живущий,
Столетьем считающий год,
Рожающий, спящий, орущий,
К земле пригвожденный народ.

С начала 30-х годов Мандельштам осознает, что наступило особое время, когда история сгущается, когда в недели и месяцы совершается столько событий, сколько в иные времена не совершалось за десятилетия. Это осознание – случайно или закономерно – совпало со знаменитыми словами Сталина, сказанными им в 1931 году: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

В то же время Осип Эмильевич «почти по-маяковски» определил свою новую сверхзадачу. Он уже далеко ушел от своих прежних убеждений, выраженных в словах: «Нет, ни-

когда ничей я не был современник». Как бы возражая «прежнему» Мандельштаму, поэт в 1931 году пишет:

Пора вам знать, я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвея, –
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать, –
Ручаюсь вам – себе свернете шею!

Последний раз в 1931 году поэт иронически-печально попрощался с прошлой жизнью, с «военными астрами», с «барской шубой», с «маслом парижских картин» и «рыжей спесью англичанок», отряхнул со своих ног остатки акмеистической пыли и шагнул навстречу грозной судьбе, чтобы чувствовать себя не попутчиком, не небожителем, а летописцем эпохи и даже соучастником стремительного хода истории. Любимым его словом в стихах становится эпитет «крупный» и его разнообразные синонимы – «да будет жизнь крупна», «для укрупненных губ, для укрепленной ласки», «и вы, часов кремлевские бои, – язык пространства, сжатого до точки», «и не ограблен я, и не надломлен, но только что всего переогромлен».

Укрупнение жизни для поэтов эпохи строительства советской цивилизации, поиски «крупнозернистого добра» были общей целью, к которой каждый из них шел по-своему.

Я стал не большим, а огромным,
попробуй тягаться со мной,
как башни Терпения, домны
стоят за моею спиной.

Это Ярослав Смеляков, остро чувствовавший непомерную тяжесть строительства башен Терпения.

Для Бориса Пастернака величие социализма олицетворялось в эпически-былинном образе Сталина, и то, что стихи о нем были написаны и напечатаны в 1936 году (после ареста и

ссылки Мандельштама!), лишний раз свидетельствует о фанатичной вере поэта в величие вождя:

А в те же дни на расстоянье,
За древней каменной стеной,
Живет не человек – деянье,
Поступок ростом в шар земной.

В поисках Мандельштама не было самоуверенной гордыни, свойственной Пастернаку, ощущавшему себя одним из полюсов «двухголосной фуги»; вторым полюсом был «гений поступка» – человек, живший за стенами Кремля. Он с большей осторожностью, нежели Пастернак и Смеляков, искал свое скромное место летописца в «буднях великих строек». Спрашивал сам себя, размышлял, сомневался:

Ужели я предам позорному злословью –
Вновь пахнет яблоком мороз –
Присягу чудную четвертому сословью
И клятвы крупные до слез?

(Поскольку стихотворение написано в морозные дни 1924 года, иные историки считают, что речь идет о сталинской клятве над гробом Ленина.)

Чур, не просить, не жаловаться! Цыц!
Не хныкать –
для того ли разночинцы
Рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал?

Поэту, вышедшему из семьи еврея-торговца, естественнее всего было представлять себя как разночинца, человека четвертого сословия. Хотя до революции он был одним из любимцев поэтической богемы, это не помешало ему, а скорее помогло принять как должное аскетический быт времен Гражданской войны, коллективизации, карточной системы и коммуналок.

Он, конечно, знал стихи Пастернака о Сталине, написанные в 1935 году:

Я понял: все живо.
Векам не пропасть,
И жизнь без наживы –
Завидная часть.

Жизнь без наживы! Подобное состояние для Осипа Эмильевича, порвавшего еще в юности с «хаосом иудейским», с культом золотого тельца, ушедшего в русскую бескорыстную литературную жизнь, было вполне естественным. Дальше естественность продолжалась сама собой: безбытные скитания по пространствам Гражданской войны, поиски казенного или съемного жилья, корзина с немудреным скарбом, пачка папирос да стопка писчей бумаги на столе, крепкий чай да томик Данта под рукой – вот и все, чем без ропота довольствовался этот пролетарий умственного труда.

Да и все его знаменитые собратья были такими же, вспомним хотя бы Есенина:

Да! Богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиблет.

А Марина Цветаева, черпавшая из своей бедности целые пригоршни вдохновения:

И за сим, упредив заране,
Что меж мной и тобою – мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно мое место в мире...

Она открыто объявляла, что «любит богатых» за «растерянную повадку из кармана и вновь к карману», «и за то, что

их в рай не впустят, и за то, что в глаза не смотрят», и еще «за какой-то их взгляд собачий»...

А Владимир Маяковский, которому, хотя он и зарабатывал хорошие гонорары для содержания бриковской компашки, на деле была нужна лишь коммунальная комнатушка в Лубянском проезде, его рабочий угол, где он смежил очи и где написал:

Мне и рубля не накопили строчки,
краснодеревщики не слали мебель на дом,
И, кроме свежевымытой сорочки,
скажу по совести, мне ничего не надо.

«Жизнь без наживы», русско-советское бессребреничество были по душе Мандельштаму. За небольшими исключениями, без которых история не обходится, это был общий стиль эпохи, в которой даже люди высшей власти довольствовались аскетическим бытом.

«Квартиры, в которые вожди революции въехали после того, как советское правительство перебралось из Петрограда в Москву, были довольно невзрачные, с низкими потолками, маленькими комнатами, обставленные старой мебелью, оставшейся еще от дореволюционных времен. Тогда эти квартиры занимала прислуга, поддерживавшая на должном уровне царские апартаменты в Кремле» (из воспоминаний личного переводчика Сталина В. Бережкова).

Или еще один отрывок из той же книги, чтобы сравнить обеды высшей советской знати на даче у вождя с нынешними фуршетами и презентациями: «Обед был очень простой. На первое густой украинский борщ, на второе хорошо приготовленная гречневая каша и много отварного мяса. На третье компот и фрукты».

И это на приеме у владыки полумира! Что же было говорить о бедных поэтах!

«За стеной обиженный хозяин ходит–бродит в русских сапогах», – сказано поэтом о воронежском съемном жилье, где рядом «нищенка подруга», где приходится спать, «укрывшись рыбьим мехом», а потому, когда тебе предлагают съехать, –

«завязать корзину до зари»... Ничего своего – «полночный ключик от чужой квартиры», выходя из которой ты можешь «в роскошной бедности, в могучей нищете» утешаться «величием равнин и мглой, и холодом, и вьюгой...».

Но ведь в подобной же безбытности в то время жили и Анна Ахматова, и Павел Васильев, и Ярослав Смеляков, и Николай Клюев. Однако сознание того, что он живет во времена «сотворения» нового мира, для Мандельштама искупало все неудобства и несуразицы жизни. Знаменитые в то время слова Пастернака:

Напрасно в дни Великого Совета,
Где высшей страсти отданы места, –
Оставлена вакансия поэта.
Она опасна, если не пуста –

не были истиной для Осипа Эмильевича. Да, вакансия опасна. Но пустой – быть не может. Какой соблазн стать летописцем «дней Великого Совета», «крупнозернистой жизни», «большого стиля»! Он, в отличие от поверхностно-революционного Бориса Леонидовича, был человеком глубокой культуры и в 30-е годы с «лихорадочной радостью» ищет и находит сходство великих цивилизаций с цивилизацией, возникающей у него на глазах. Потому-то в его стихах возникают образы Гомера, Эсхила, Софокла, Данте, Ариосто. У каждой великой эпохи был свой великий летописец, и кто знает, может быть, именно ему подарит судьба счастье стать в их ряд! Жизнь обретала смысл. Лишь бы убедиться в громадности всего, что происходит вокруг, в подлинности того, что поэт называет «укрупнением» жизни:

Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну...

Такими гиперболами, модными разве что в первые годы революции – вспомним хотя бы «150 000 000» Маяковского, – в 30-е годы не распоряжался никто. И даже звуковой символ любой тогдашней стройки – гудок (заводской ли, паровозный)

воспринимается поэтом как нечто мифологическое, былинное, как трубный глас, не просто призывающий идти на работу, но утверждающий вершину тысячелетней истории страны:

Гудки за власть ночных трудов,
Садко заводов и садов...
….....
Гуди протяжно в глубь веков,
Гудок советских городов.
(декабрь 1936)

А средняя по русским меркам Воронежская область в мандельштамовской «системе укрупнения» жизни становится чуть ли не материком, расположенным в центре мира:

Эта область в темноводье –
Хляби хлеба, гроз ведро –
Не дворянское угодье –
Океанское ядро.
Я люблю ее рисунок –
Он на Африку похож...

Но не только «рисунок» Воронежской области полюбил в те годы опальный, ссыльный поэт.

Известный литературовед Михаил Гаспаров, вместе с которым я поступал на филфак МГУ еще в сталинское время (1952), опубликовал в 1996 году работу: «О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года». В ней мой однокашник, кстати, человек весьма либеральных взглядов, добросовестно изучил «сталинские» стихи поэта, написанные с 1935 по 1937 год, буквально «осязая» движение его мысли, и сделал честный вывод, что «ни приспособленчества, ни насилия над собой в этом движении нет».

Да, в стихотворении 1933 года, когда голод, как следствие принудительной коллективизации, опустошал черноземные области страны, Мандельштам писал:

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украйны и Кубани...

В то же время или даже раньше Шолохов шлет в Кремль Сталину страшные письма о гибели крестьян, и Сталин вынужден принимать меры, распоряжаться, чтобы в голодающие села и станицы было отправлено из государственных запасов зерно.

Но через два года, в июле 1935-го, Мандельштам уже пишет в письме отцу:

«...Вместе с группой делегатов и редактором областной газеты я ездил за 12 часов в совхоз на открытие деревенского театра. Предстоит еще поездка в большой колхоз...» Совсем иные чувства, иные картины.

О вышеупомянутой поездке так рассказывает в письме от 31.7.1935 г. знакомый поэта С. Б. Рудаков: «Осип был весел. Там было так... Осип пленил партийное руководство и имел лошадей и автомобиль и разъезжал по округе верст за 60–100... Знакомиться с делом... А фактически это может быть материал для новых "Черноземов" (стихотворение, написанное в апреле 1935 г. – *Ст. К.*). Говорит: "Это комбинация колхозов и совхоза, единый район (Воробьевский) – целый Техас... Люди слабые, а дело делают большое – настоящее искусство, как мое со стихами. Там все так работают". О яслях рассказывает, о колхозниках... Факт тот, что он... видел колхоз и его воспринял... как ребенок, мечтает поехать еще туда» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1993 год. СПб., 1997. С. 78, 79).

Когда в советской деревне разрушение жизни сменилось созиданием, изменилось и отношение поэта к Сталину. Михаил Гаспаров честно и точно комментирует смысл знаменитой мандельштамовской «Оды» 1937 года, сравнивая ее с памфлетом «Мы живем, под собою не чуя страны...», написанным четырьмя годами ранее:

«В середине "Оды"... соприкасаются прошлое и будущее – в словах "Он свесился с трибуны, как с горы. В ряды голов. Должник сильнее иска". Площадь, форум с трибуной... Это не

только площадь демонстраций, но и площадь суда. Иск к Сталину предъявляет прошлое за то злое, что было в революции и после нее (в том числе и за коллективизацию. – *Ст. К.*). Сталин пересиливает это светлым настоящим и будущим... Решение на этом суде выносит народ... В памятной эпиграмме против Сталина поэт выступил обвинителем от прошлого – по народному приговору он неправ...» (из работы М. Гаспарова. С. 94).

Жизнь, преодолевшая страшные раны коллективизации, налаживалась на глазах.

Уже в 1931 году ЦИК СССР начал возвращать избирательные права «лишенцам» – сократив их число до двух с небольшим миллионов человек (2, 5% от численности взрослого населения). А летом 1936 года все они были восстановлены в политических правах, так же как и 768 тысяч человек, репрессированных по закону от 7 августа 1932 года, известному как «закон о трех колосках».

30 декабря 1935 года «Известия» опубликовали постановление правительства «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы», отменявшее все ограничения, связанные с социальным происхождением лиц, желающих получить образование.

А 21 апреля 1936 года власть отменила свои предыдущие постановления, ущемляющие казачество, восстановила казачьи части с их традиционной формой, с правом на воинскую службу. В том же году было разрешено свободное проживание по всей стране многих тысяч людей, высланных из Ленинграда в связи с убийством Кирова, осенью 1936 года страна рассталась с карточной системой. С 1 октября была узаконена свободная продажа мяса, масла, рыбы, сахара, овощей. Страна готовилась принимать Сталинскую конституцию, в которой предполагалось нечто неслыханное: «...избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации... Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти» (из интервью И. Сталина американскому журналисту Рою Уилсону от 1 марта 1936).

(К сожалению, из-за мощнейшего сопротивления партийной бюрократии на местах эти планы Сталину осуществить не удалось.)

Все, к чему в это время прикасался поэт, вырастало как на дрожжах, обретало титанические объемы, входило всей громадой в историю:

«Я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах», «На Тоболе кричат. Обь стоит на плоту. И речная верста поднялась в высоту», «Ты наслаждаешься величием равнин», «И плывет углами неба восхитительная мощь», «К ноге моей привязан сосновый синий бор», «Дрожжи мира дорогие: звуки, слезы и труды», «В роскошной бедности, в могучей нищете» и т.д.

Изгнание и нищета не властны над жизнью духа, если речь идет об эпическом зрении, которым поэт видит «горловой Урал», «плечистое Поволжье». В это же время кинематографический эпос социализма – «Чапаев» – становится любимым фильмом Иосифа Мандельштама и Иосифа Сталина.

Поэт счастлив во время грандиозных сталинских демонстраций созерцать в XX веке на Красной площади картины величия, присущие легендарным временам Богов и Героев:

Я сердцем виноват – и сердцевины часть
До бесконечности расширенного часа.

Час, насыщающий бесчисленных друзей,
Час грозных площадей с счастливыми глазами...
Я обведу еще глазами площадь всей
<Всей> этой площади с ее знамен лесами.
(11.2.1937)

Не колонны «винтиков», механически марширующих по воле диктатора, видит он во время парада на Красной площади, но «бесчисленных друзей», участвующих в жизни более значительной, нежели жизнь Акрополя, Агоры, античного хора.

И конечно же, вершиной этих поисков «укрупнения» жизни у Мандельштама явились стихи, прямо и открыто об-

ращенные уже не к «кремлевскому душегубу и мужикоборцу», не к казнелюбивому «осетину», но к вождю, достойному того, чтобы о нем говорили губы Гомера, Софокла или Эсхила.

* * *

Ахиллесовой пятой всех профессиональных мандельштамоведов был и остается мистический страх перед тем фактом, что поэт был предельно искренен во всех своих стихах о советской эпохе, об укрупняющемся времени, о Сталине.

Им легче признать его двурушником, приспособленцем, спасавшим себя, в лучшем случае – «умопомраченным» человеком, творившим в атмосфере своеобразного самогипноза и самообмана. Ну и конечно, одновременно с такого рода рассуждениями мандельштамоведы усиленно занимаются мифологизацией Сталина.

«Если что Сталин умел в совершенстве, так это мстить – выжидать для мести удобного часа», – пишет во вступлении к двухтомнику поэта Сергей Аверинцев и продолжает: «Мандельштам, какими бы противоречивыми ни были к этому времени его, может быть, уже не всегда вменяемые мысли, – должен был причинить себе при работе над “Одой” немалое насилие». «Работа над “Одой” не могла не быть помрачением ума и саморазрушением гения» (выводы М. Гаспарова совершенно противоположны мыслям Аверинцева).

Б. Сарнов, пытаясь мыслить одновременно и за вождя, и за поэта, рассуждает как врач-психиатр из Института им. Сербского: «Узнав, что Мандельштам считается крупным поэтом, он (Сталин. – *Ст. К.)* решил до поры до времени его не убивать... Он хотел заставить Мандельштама написать другие стихи. Стихи, возвеличивающие Сталина».

Как будто Сталин только и был озабочен тем, чтобы его прославляли поэты и писатели, а не созданием армии и строительством Кузбасса, не авиацией и железными дорогами, не дипломатической борьбой и заботами о том, как отвести от страны приближающуюся войну.

Но какое до этого дело Льву Колодному, который в книге «Поэты и вожди» изображает Мандельштама заурядным ремесленником-стихоплетом:

«Мандельштам написал хвалебные стихи о Сталине в 1937 году, когда пришел конец ссылки, надеясь, очевидно, таким образом доказать, что он не "враг народа". Он пытался зарифмовать с огромными усилиями то, что, не уставая, твердила пропаганда: о сталинской клятве, побегах Сталина из ссылки, о том, что Сталин – это Ленин сегодня».

Ссылаясь на какое-то зарубежное издание поэта, Колодный, цитируя последнюю строку стихотворения «Если б меня наши враги взяли...», совершает в сущности подлог и взамен подлинного текста «будет будить разум и жизнь Сталин» – цитирует «губить».

Да и вообще, все разговоры о личной патологической мстительности Сталина – смердящий миф. Вождь жестоко относился лишь к тем, кто посягал на его Дело, на его государство, на его цивилизацию, а не на его личное имя или на его честь... Он был жесток к близким людям своей семьи, если они не понимали грандиозности его Дела и мешали осуществлять его: к жене Надежде Аллилуевой, к сыну Василию, которого много раз наказывал, осаживал, ставил на место. А его знаменитый ответ: «Я солдат на фельдмаршалов не меняю» относительно судьбы сына Якова, находившегося в немецком плену? Разве это не говорит о почти полном отсутствии в натуре Сталина личного, кровного, естественного для большинства людей эгоизма?

Вспомним, какое наказание в разгар войны получил Алексей Каплер, киносценарист, сорокалетний одесский «дон Жуан», соблазнивший школьницу, шестнадцатилетнюю любимую дочь Сталина. Сначала сотрудники НКВД предлагали ему прекратить волочиться за Светланой, уехать из Москвы, но Каплер демонстративно играл с огнем, покамест Сталин не приехал к дочери, когда она «собиралась в школу», потребовал письма ее соблазнителя, а в ответ на то, что она Каплера любит, как всякий отец, вышел из себя, дал ей пощечину и закричал: «Ты бы посмотрела на себя – кому ты нужна?! У него кру-

гом бабы, дура». Вечером, когда Светлана вернулась из школы, она увидела, что отец ищет в ее бумагах письма и фотографии Каплера и рвет их. Да, несчастный отец жестоко обошелся с дочерью, но как он, грузин, восточный человек, аскет, владыка полумира, поступил с негодяем-соблазнителем? Да ему стоило пальцем бы пошевелить, чтобы того сгноили, в порошок стерли. Однако дело было не государственное, а его, Сталина, личное, и человек, опозоривший его семью, посягнувший на честь его фамилии, отделался легким испугом. Не забудем и то обстоятельство, что эта история произошла во время Сталинградской битвы, когда все существо Сталина было занято одним – как устоять... Поистине, наверное, именно тогда, по словам Вертинского, – «над разорванной картой России поседела его голова»... А тут еще Каплер...

Вот что пишет в своих воспоминаниях Валерий Фрид, киношник, который несколько лет был в заключении вместе с Каплером в приполярном лагере:

«О своем деле Алексей Яковлевич рассказывал не очень охотно... Сначала он попал в Воркуту. Воркутинское начальство встретило новоприбывшего уважительно: срок и статья были по сравнению с другими пустяковыми, а кто такой Каплер, лауреат Сталинской премии, орденоносец, автор сценариев прогремевших фильмов, знали все. В первые же дни его сделали бесконвойным, предложили походить, присмотреться и, может быть, написать о горняках Заполярья. Алексей Яковлевич походил, осмотрелся и, собравшись с духом, объявил, что писать не будет: о лагере рассказать не позволят, а написать о Воркуте, как писали о Комсомольске-на-Амуре, что построили город исключительно энтузиасты-добровольцы, совесть не позволяет.

К удивлению Каплера, начальник Воркутлага отнесся к его объяснению с пониманием...»

Кстати, уязвленный отец потом прилагал немало усилий, чтобы устроить семейную жизнь своей дочери, выдал ее за сына Жданова, но она уже была поражена своеобразным «вирусом порчи» и продолжала светскую жизнь в мужском кругу друзей Алексея Каплера.

* * *

Об этом предельно искреннем стихотворении Мандельштама его апологеты вспоминать не любят.

Средь народного шума и спеха,
На вокзалах и пристанях
Смотрит века могучая веха
И бровей начинает взмах.

Я узнал, он узнал, ты узнала,
А потом куда хочешь, влеки –
В говорливые дебри вокзала,
В ожиданья у мощной реки.

Вздыбленное народное море, разбуженное пространство, историческая мощь... И даже игра в грамматические, школярские спряжения глагола нужна поэту, чтобы вписать себя в мир, где «я», «ты», «он», «она» живут, как в детской считалке, и рифмуются со страной – «вместе целая страна».

Шла пермяцкого говора сила,
Пассажирская шла борьба...

Это воспоминание о путешествии в ссылку на Чердынь, на Каму... Меня самого как раз в эти годы бабушка везла из Калуги в Пермь, к отцу с матерью. Когда я вырос, бабушка рассказывала мне, какие толпы народа в те времена штурмовали вокзалы и пристани, заполоняли палубы пароходов, где на одной из них моя Дарья Захаровна с трехлетним внуком на руках устроилась возле бака с кипяченой водой и кружкой на цепочке, которые, может быть, и запомнил поэт: «Тот с водой кипяченой бак, на цепочке кружка-жестянка». Может статься, что и он тогда с женой и двумя чекистами находился на той же палубе. Впрочем, нет. Он, как особый пассажир, был в каюте, потому что

Занавеску белую било,
Несся шум железной листвы.

А со стены каюты на него смотрел человек, выполнявший волю истории, направляющий потоки народных масс, которые несли, как щепку, сухонького немолодого поэта:

И ласкала меня и сверлила
Со стены этих глаз журьба.

За что же журил вождь своего подневольного поэта? За то, что тот три года тому назад написал легкомысленную хулу на него, да что там на него лично – на его Дело. За то, что выкрикнул, как бедный чудак Евгений: «Добро, строитель чудотворный. Ужо тебе...» За то, что по-мальчишески безрассудно и тщеславно попытался осудить в 1933 году строительство нового мира... Находясь в каюте под «журьбой» всевидящих глаз, поэт искренне, наивно и косноязычно перечислял доказательства своего участия в жизни страны:

Много скрыто дел предстоящих
В наших летчиках и жнецах,
И в товарищах реках и чащах,
И в товарищах городах...

Грешно иронизировать над этим простодушием, как и над тем, что в поистине сказочном финале стихотворения гордец Мандельштам («нрава он был не лилейного»), смирив свою иудейскую жестоковыйность, приносит покаяние вождю, которого он ради красного словца не то чтобы обидел или оскорбил, а хуже: о котором написал неправду и с которым попытался обойтись столь же легкомысленно, как несчастный Евгений с «кумиром на бронзовом коне»:

И к нему, в его сердцевину
Я без пропуска в Кремль вошел,

Разорвав расстояний холстину,
Головою повинной тяжел...

В это же время Николай Алексеевич Клюев, находившийся в колпашевской ссылке, прислал своим друзьям, писателю Иванову-Разумнику и художнику Яру-Кравченко, – каждому по одной копии – поэму «Кремль», которая хранится в частном собрании и содержание ее до сих пор неизвестно. Мы только знаем из книги воспоминаний Иванова-Разумника, что это – поэма-покаяние Клюева перед Сталиным и что заканчивается она последней строкой: «Прости иль умереть вели»... Оба поэта перед смертью успели повиниться перед вождем.

* * *

Когда Осип Мандельштам написал памфлет о Сталине, Пастернак в отчаянье произнес слова, которые одесский писатель Аркадий Львов, ныне живущий в Америке, комментирует в книге «Желтое и черное» так:

«Борис Леонидович трепетал за свою жизнь, как трепетал на Руси всякий еврей, черт его знает, чего может ударить в голову православному человеку, но чего бы ни ударило – под Сталиным погрому не быть! А к тому и другое: при каком царе на Руси были евреям так открыты двери? А к тому и третье: кто с января того же тридцать третьего года забрал власть над Германией? Гитлер забрал. Вот и вышел от Бориса Леонидовича вопрос Осипу Эмильевичу: “Как мог он написать эти строки – ведь он еврей!”».

Пастернак со Львовым правы, когда речь идет о «дверях, открытых евреям» в 30-е годы.

Еврейское засилье во всех сферах жизни 20-х и 30-х годов доходило до трагического абсурда. Изнеженный наш литературовед, абсолютный шабесгой, женатый на еврейке Петр Алексеевич Николаев, со скучнейших лекций которого в начале 50-х годов мы сбегали из Коммунистической аудитории МГУ на Моховой, в книге «Поэтический пантеон победной войны» (М., 2005) так пишет об этом историческом феномене:

«Известно, что в 1920–1930-е годы люди, желавшие идти во власть, стремились жениться на еврейках и даже пытались изменить имена своих жен с русских на еврейские. С такой женщиной (женой министра путей сообщения Ковалева) мне пришлось однажды откровенно разговаривать о том, почему она свое девичье имя Дарья сменила на Дору. Муж сказал, что он не сделает карьеру, если она оставит свое русское имя. И вдруг однажды все переменилось (может быть, дружба с Гитлером и одинаковые эстетические вкусы: в окружении Гитлера и Сталина писали одинаково – как под копирку – статьи о социалистическом реализме), вместо поклонения всему еврейскому в 1940-е годы в общественном сознании стало внедряться сверху, разумеется от вождя, антисемитское воззрение на мир».

Здесь все смешно: и то, что книжка, составленная Николаевым, вышла в издательстве «Русский импульс»; и то, что не просто «статьи», а книги, тома о социалистическом реализме в 50–60-е годы сам Петр Алексеевич пек, как блины; и то, что он сокрушается: почему «вместо поклонения всему еврейскому в 1940-е годы» (! – *Ст. К.*) наступила эпоха борьбы с космополитизмом, ликвидации еврейского антифашистского комитета, «дела врачей». Мордвин П. Николаев не понимал, что в России «поклонение всему еврейскому» не может длиться вечно и что рано или поздно история все поставит на свои места. Кстати, этот бесталанный филолог, не написавший ни одной яркой и своеобразной книги, обслуживавший самым примитивным образом идеологию (до сих пор помню его злую и убогую статью о Михаиле Лобанове в «Литературной газете» начала 80-х годов, развивавшую русофобские положения яковлевской работы «Против антиисторизма»), сделал немыслимую карьеру: он стал заслуженным профессором МГУ, вошел в состав Российской академии наук, стал вице-президентом Российской академии словесности и вице-президентом Международной ассоциации профессоров, а в 29 лет, еще при жизни Сталина, уже был председателем сценарной коллегии Министерства кинематографии. Ну как тут не вспомнить, что «важнейшим из искусств у нас является кино» и что женой Пети Николаева

была Ирина Иосифовна, которой совсем не надо было притворяться еврейкой, как это делала русская жена министра путей сообщения Ковалева!

Весной 2003 года я выступал в одном из ленинградских залов. После выступления ко мне подошла женщина и протянула письмо с фотографией. В письме я прочитал:

«Передаю Вам ксерокс фото из архива моего мужа, православного человека. В центре – его отец, директор школы, осетин, и вокруг... вы видите сами – ни одного русского учителя, ни одного русского ученика.

Это фото опровергает домыслы о дискриминации в образовании. Получали аттестаты и шли в институты, а все остальные вкалывали на стройках коммунизма.

Людмила Короева».

С фотографии на меня смотрели учителя и ученики выпускного десятого класса 11-й средней школы Василеостровского района – 1939 год...

Из восьми преподавателей действительно лишь один директор был осетином – все остальные семеро: Шницер, Розенблюм, Розенблат, Ленский, Михайловская, Домнич – были соплеменниками Пастернака.

Из двадцати четырех учеников лишь одна (!) круглолицая девочка носила русскую фамилию – Болотина. Остальные 23 были: Хейфиц, Нейштадт, Рывкин, Штерн, Гуревич, Вейсман, Рохлин и т.д. Всех перечислять не буду. Фотография сделана после 1937 года, якобы сломавшего еврейскую власть над русским народом, по мнению многих историков. Эту фотографию я передам в музей холокоста, если он когда-нибудь будет создан в России на деньги Березовского или Абрамовича.

Через несколько лет Мандельштам, знавший отзыв Пастернака о своем неумном стихотворении, своеобразно, но все-таки повинился перед будущим спасителем еврейства от окончательного холокоста, написав стихи о двух европейских диктаторах:

Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь – сам друг, –

Я слышу в Арктике машин советских стук,
Я помню все – немецких братьев шеи
И что лиловым гребнем Лорелеи
Садовник и палач наполнил свой досуг.
(1935)

Это – о настоящем антисемите Гитлере. А еще через два года о Муссолини:

И над Римом диктатора-выродка
Подбородок тяжелый висит.

Но советское общество середины 30-х годов еще не было монолитным, и трещина проходила на скрытой от глаз глубине. Многие «интеллигенты» эпохи готовы были на союз с кем угодно – с Троцким, с Пилсудским, с Гитлером – лишь бы не со Сталиным.

Я приведу несколько высказываний Анны Берзинь, жены известного писателя Бруно Ясенского, из «дела», которое мне удалось прочитать на Лубянке в 1991 году, во время работы над книгой о Сергее Есенине.

«Нет, уж лучше открыть фронт фашистам, чем воевать»; «я воспринимаю эту власть как совершенно мне чуждую. Сознаюсь, что я даже злорадствую, когда слышу, что где-то плохо, что того или другого нет... Теперь мне воевать не для чего и не за что»; «В свое время, в гражданскую войну, я была на фронте и воевала не хуже других. За существующий режим воевать? Нет уж, лучше открыть фронт фашистам»; «мы сами, это мы сами во всем виноваты. Это мы расстреляли наших друзей и наиболее видных людей в стране. В правительстве подбираются люди с русскими фамилиями. Типичный лозунг теперь – “мы русский народ”. Все это пахнет черносотенством...»

Вот такие настроения перед войной были у части нашей творческой интеллигенции. В своей безумной «революционной», «интернациональной» гордыне она, как черт от ладана, шарахалась от единственно спасительного пути – ставки на

русский патриотизм, сделанной Сталиным уже за четыре года до начала Великой Отечественной.

И Мандельштам в этом выборе был с вождем, а не с Берзинь, которая, впрочем, вполне могла восхищаться его стихами 1933 года о «мужикоборце»...

* * *

А между тем страна стремительно втягивалась в очередной виток политической борьбы, насыщенной арестами, митингами, открытыми и закрытыми политическими процессами, индивидуальными и массовыми репрессиями. Сталин решил окончательно и бесповоротно расправиться с явными и скрытыми сторонниками Троцкого, со всеми оппозиционерами, подобными Анне Берзинь, с противниками его плана строительства монолитного общества и могучего государства в преддверии неизбежной войны.

19–24 августа 1936 года страну потрясло дело «объединенного троцкистско-зиновьевского центра», 23–30 января 1937 года прошел процесс «параллельного» антисоветского троцкистского центра, 23–27 февраля последовал Пленум ЦК ВКП(б), на котором рассматривались дела Рыкова и Бухарина.

Май–июнь 1937-го – дело о «заговоре военных» во главе с маршалом Тухачевским. И, наконец, это полуторагодовое землетрясение закончилось в марте 1938 года, когда в политическое небытие ушли Бухарин, Рыков, Радек.

Полтора года шло искоренение антисталинского крыла партийно-государственного и военного руководства, известнейшие люди страны исключались из партии, снимались с должностей, отдавались в руки прокуроров и судей. Рабочие собрания требовали кары для врагов народа, на улицах больших городов шумели демонстрации с призывами правосудия и расправы. Страницы газет выходили с заголовками: «Расстрелять убийц», «Врагов народа к ответу», «Стереть с лица земли», «К высшей мере!»…

Писатели, знакомые и друзья Мандельштама – Шкловский, Катаев, Безыменский, Инбер, Олеша, Зощенко, Анто-

кольский и другие (в большинстве своем евреи) подписывали письма с требованиями расстреливать двурушников.

А что же в это время делал Мандельштам, находившийся в воронежской ссылке и не имевший никаких гражданских прав, кроме права писать стихи? В самый пик накала идеологической и репрессивной температуры – зимой и ранней весной 1937 года – он чувствовал такой небывалый прилив творческих сил, что поневоле начинаешь думать о тайной глубинной связи эпохи Большого террора с окончательным утверждением в поэзии Мандельштама Большого стиля.

Январь–июнь 1937 года – решается судьба Бухарина, Радека, Пятакова, Сокольникова, Рыкова, Тухачевского, Корка, Якира, Примакова, а Мандельштам пишет, пишет и пишет стихи о расширяющемся времени, об укрупнении жизни, об уплотнении пространства, о своей неимоверно быстро крепнущей связи с эпохой. Он не извлекает из этого творчества никакой выгоды, никуда не посылает стихи – ни в газеты, ни друзьям-поэтам, ни в Кремль, то есть его творчество в это время лишено всякого прагматического смысла, всякой корысти... Он просто уясняет сам для себя свое понимание жизни с возможной надеждой, что все написанное им в это роковое время когда-нибудь прочитают в будущем. Именно в знаковом 1937 году он писал так вдохновенно, как никогда. В декабре 1936 года – шестнадцать стихотворений, в январе 1937-го – пятнадцать, в феврале – двенадцать, в марте – пятнадцать. Пятьдесят восемь стихотворений за четыре месяца! В иные дни по два-три стихотворения. И почти все стихи излучают не просто согласие с временем, но даже восхищение им...

21–22 января 37-го года он зовет на помощь в работе «по укрупнению жизни» своего любимого Данта:

С черствых лестниц, с площадей
С угловатыми дворцами
Круг Флоренции своей
Алигьери пел мощней
Утомленными губами.

Бытовые неурядицы не помеха для творчества в эпоху борьбы Сталина и Троцкого, гвельфов и гибеллинов. Если уж Дант мог говорить с «черствых лестниц» о новой жизни, то эти строки о нем были написаны через несколько дней после того, как поэт поставил молодые воронежские холмы рядом с легендарными холмами Тосканы. Голос Данта, слышимый «с площадей с угловатыми дворцами», перекликается в стихах с его голосом, несущимся из центра Третьего Рима с площади, где «круглей всего земля», простирающаяся «вниз до рисовых полей», «покуда на земле последний жив невольник». «Я обведу глазами площадь всей – всей этой площади с ее знамен лесами». Может быть, это описание народного шествия, требующего расправы с врагами социализма?

А почему бы нет? Разве поэт через несколько дней, после сообщения о расстреле Тухачевского и его соратников, не написал:

Необходимо сердцу биться:
Входить в поля, врастать в леса.
Вот «Правды» первая страница,
Вот с приговором полоса.

И далее о том, что всем патриотам страны до́лжно сплачиваться в трудное время вокруг вождя:

Непобедимого, прямого,
С могучим смехом в грозный час,
Находкой выхода прямого
Ошеломляющего нас.

В воспоминаниях М. Чудаковой о встречах с вдовой Михаила Булгакова Еленой Сергеевной есть важные свидетельства того, что взгляды Булгакова и Мандельштама на события 1937 года были очень близки:

«– У него (Булгакова. – *Ст. К.)* было ощущение возмездия от этих арестов?

– Да, не скрою от вас, было! Он открывал газету и видел там имена своих врагов... Все эти люди – они же травили его!»

Там же приведена запись Е. С. Булгаковой из дневника от 23.4.1937 г.: «Да, пришло возмездие. В газетах очень много дурного о Киршоне и об Афиногенове...» Фамилий Булгакова и Мандельштама нет под письмами, требующими кары, расстрела, наказания, о «сталинистских» стихах поэта никто не знает, они не напечатаны, но написаны «в стол», а потому их искренность – неопровержима в своем бескорыстии.

Словно бы бросая вызов робким душам, не знающим, куда деться от «грозных площадей» с «лесами знамен», Осип Мандельштам мужественно сравнивает трагедию своего времени, разыгрываемую в театре, не уступающем античному, с трагедиями великих греков:

Воздушно-каменный театр времен растущих
Встал на ноги, и все хотят увидеть всех –
Рожденных, гибельных и смерти не имущих.
(12 янв. – 4 февр. 1937)

Он видит в этом театре искры бессмертия и глубоко запрятанный под покровами обоюдного политического словоблудия трагический смысл происходящего на мировой арене, коей в те времена стали московские суды и партийные пленумы. Вышинский говорит одно, Бухарин – другое, а Мандельштам, косноязычно бормоча, облекает в слова-символы свои прозрения:

Необоримые кремлевские слова –
В них оборона обороны
И брони боевой – и бровь и голова
Вместе с глазами полюбовно собраны.

(Пророческие догадки о будущей войне и победе! – *Ст. К.)*

Все звонки Сталина Пастернаку (с разговором о Мандельштаме) Булгакову были отчаянной и рискованной попыткой объединить общество перед неизбежной войной «хоть

лаской, хоть таской», хоть кнутом, хоть пряником. Бывший семинарист помнил ветхозаветную истину о том, что «царство, разделившееся само в себе», должно неизбежно погибнуть, и понимал, что после жесточайшей гражданской войны и мучительной коллективизации какая-то часть народа может отшатнуться от власти и даже перейти на сторону врага. Создать монолитное общество по всей вертикали – задача была почти невыполнимая даже и при всей сверхчеловеческой воле и организационном гении Сталина.

* * *

Воронежскую тетрадь поэт заполнял в здравом уме и твердой памяти, в привычной для него сложной, перетекающей из одного стихотворения в другое словесной ткани, из которой он выкраивал и шил свои лучшие вещи. А коли ткань того же качества, то и социально-исторические, или социально-философские, или в конце концов социально-патетические стихи его воронежской зимы бессовестно считать поделками второго или третьего сорта, некими жеманными извинениями или неумело-льстивыми одами. Не на таких дрожжах восходил его талант. Это был человек-кремень, готовивший себя всю жизнь к жертве за свои убеждения, и подозревать его в двуличии и трусости могут только ничтожные души или мелкие политические мошенники.

Одних только стихотворений о вожде в книге воронежской зимы – целых пять. И неужто они не перевешивают легкомысленную эпиграмму 1933 года, толкованием которой вот уже несколько десятилетий питаются мандельштамоведы, в упор не замечая трогательного признания поэта «Я сердцем виноват»? Лучше бы честно вчитались в оду, написанную с державинской силой:

Если б меня наши враги взяли
И перестали говорить со мной люди,
Если б лишили меня всего в мире:
Права дышать и открывать двери
И утверждать, что бытие будет

И что народ, как судия, судит, –
Если б меня смели держать зверем,
Пищу мою на пол кидать стали б, –
Я не смолчу, не заглушу боли,
Но начерчу то, что чертить волен,
И, раскачав колокол стен голый,
И, разбудив вражеской тьмы угол,
Я запрягу десять волов в голос
И поведу руку во тьме плугом. –
И в глубине сторожевой ночи
Чернорабочей вспыхнут земле очи,
И – в легион братских очей сжатый –
Я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся в даль клятвы –
И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жизнь Сталин.

(Февраль–март 1937)

Обнюхивают эту глыбу и бормочут несусветное о том, что Осип Эмильевич был болен и не ведал, что творит, а потом раскаивался за неискренние стихи. Или второй вариант: Мандельштам сознательно написал хвалебные стихи тирану, чтобы избегнуть смерти; или же – он писал хвалебные стихи, но в них были зашифрованы слова, строки, в которых, если их разгадать, заключена ненависть и презрение к вождю народов. Словом – либо больной, либо приспособленец, либо хитрец, каких поискать.

Афанасий Фет, переводивший «Метаморфозы» Овидия, посвященные Цезарю, сделал однажды к переводам любопытный комментарий:

«Смешно уверять, что такие вещи плод лести, лишенный внутреннего убеждения. Пусть любой льстец преднамеренно напишет что-нибудь подобное, и мы охотно согласимся с мнением, что люди, о личном существовании которых Цезарь никогда не узнает, сговорились из лести строить ему алтарь

и заживо воздавать божеские почести. Не менее добродушна (видимо, Фет хотел, сказать «наивна». – *Ст. К.)* мысль, чтобы сердцевед, как Август, допустил в лицо себе такую преувеличенную лесть, если не чувствовал себя действительно носителем всемирной римской власти» *(*Овидий. XV книг превращений в переводах с объяснениями А. Фета. М., 1887. Ст. VIII).

Одной из особенностей поэтического мира Мандельштама является присутствие в нем слов-символов, имеющих для поэта сакральное значение. Все стержневые, «позвоночные» стихотворения Мандельштама насыщены ими, держатся на словах-опорах, воплощающих для поэта некие узловые скрещения чертежей мира. Они – словно сгустки звездного вещества («звезды-карлики»), тяжелее и плотнее которого в космосе ничего до сих пор не обнаружено: «ласточка», «роза», «соль», «изба», «мед», «солнце», «сердцевина», «шерсть», «век», «кровь», – повторяются в стихах во много раз чаще, нежели «обычные» слова. Чаще всего – это существительные, но есть и любимые прилагательные: «хищный», «сухой», «жирный», «желтый», «смелый». Комментаторы, которые толкуют «Оду» и другие стихи о Сталине как написанные ради спасения, «страха ради иудейска» просто не умеют их читать. Но наличие сакральных слов-сгустков – «клятва», «очи», «желчь», «уголь», «спелый» и т.д. – первый и основной признак того, что стихи не вымучены с прагматической целью, но рождены в состоянии подлинного вдохновения, что они обладают энергией первородства. Именно эти слова-вспышки дают стихам подъемную силу, чтобы парить в воздухе.

Мандельштам вводит в одно из стихотворений – «там, где бушлатник шершавую песню поет» – тему ссыльного человека, и когда в «Оде» мы читаем: «Хочу назвать его – не Сталин, – Джугашвили», – то до́лжно понять, что поэту изначально близок человек, сегодня ставший вождем, но вчера бывший таким же каторжанином, как и поэт, в «бушлате», знавший мир нищеты, жизни на чужих квартирах, мир случайных ночлегов, одиночества, радости разговора с незнакомым прохожим. Но – какое несовпадение! – Мандельштам опять поет «против

шерсти мира». Сталин уже не любил, когда ему напоминали, что он Джугашвили. Не хотелось ему вспоминать на высотах своего величия о бездомной, кочевой, ссыльной жизни, в которой прошли чуть ли не двадцать лет. Обращался он к ней лишь в исключительных случаях, когда эти воспоминания нужно было бросить на чашу весов политической борьбы. Тогда он немного приоткрывался и однажды в 1931 году сказал в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом:

«Тех товарищей, которые не уезжали за границу, конечно, гораздо больше в нашей партии и ее руководстве, чем бывших эмигрантов, и они, конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты... Я знаю многих товарищей, которые прожили по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Шарлоттенбурге или Латинском квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и все же не сумели изучить Европу и не поняли ее».

Это сказано не только о многих соратниках Ленина, приехавших в 1917 году в Россию в «пломбированном вагоне», не только о тех, чьи фамилии через несколько лет будут знаковыми на знаменитых процессах и о ком так будет жалеть Анна Берзинь, но можно подумать, что это сказано и о самом Владимире Ильиче...

А стихи о «веке-волкодаве» – не так уж просты. Ну прежде всего поэт понимал, что волкодавы нужны для борьбы с настоящими волками, для защиты человека от волков. Поэт хочет объяснить своему веку, что «не волк он по крови своей», что не живет он по ветхозаветным кровным законам волчьего племени. Нежели жить по ним – лучше пусть уведут «в ночь, где течет Енисей»... И слова «я лишился и чаши на пире отцов» – тоже имеют особый смысл, если вспомнить моление о чаше... Все стихотворение, как развернутое моление из Евангелия – «Боже мой, для чего Ты меня оставил?» – и «пронеси чашу сию мимо меня...»

Неизбежность самопожертвования и страх перед Голгофой, на которую и Христос пошел «за великое племя людей» и был обесчещен перед смертью грубой римской силой, спровоцированной ветхозаветной яростью фарисеев... Поэт понимал, что волкодавы нужны человеку для обороны от волков, но –

и это несчастный случай: произошла роковая ошибка – век-волкодав не узнал своего поэта. За месяц до ареста в письме к Б. С. Кузину из санатория в Саматихе поэт был уверен, что он пригодится своему веку:

«Здесь должно произойти превращение энергии в другое качество. “Общественный ремонт здоровья”, значит, от меня чего-то доброго ждут, верят в меня. Этим я смущен и обрадован. Ставскому я говорил, что буду бороться в поэзии за музыку зиждущую. Во мне небывалое доверие ко всем подлинным участникам нашей жизни, и волна встречного доверия идет ко мне. Впереди еще очень много корявости и нелепости, – но ничего, ничего, не страшно!»

Но век-волкодав обознался...

«Дивная мистерия вселенной»

В 1948 году Заболоцкий, давно отошедший от обериутов, не любивший ни футуризма, ни акмеизма, написал стихотворение и демонстративно назвал его «Читая стихи».

Я уверен, что в нем он выразил свое отношение к поэзии Осипа Мандельштама, к его вдохновенному косноязычию, к ироническому легкомыслию, в которое нередко впадал собрат по призванию, к его «приступам жеманства» и «скомканной речи»:

Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти не похожий на стих,
Бормотанье сверчка и ребенка
В совершенстве писатель постиг.

И в бессмыслице скомканной речи
Изощренность известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принесть?

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,

Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не смогла?*

Конечно же, это об Осипе Эмильевиче, много раз уподоблявшем себя щеглу – «мой щегол, я голову закину», «до чего ты щегловит», «когда щегол в воздушной сдобе», «это мачеха Кольцова, шутишь: родина щегла». Но, несмотря на понятную для нравственного максималиста Заболоцкого неприязнь к поэзии Мандельштама, судьбы обоих поэтов во многом были похожи одна на другую.

Обоих не понимала и преследовала вульгарная рапповская и соцреалистическая критика, обоих породнила тюремная и лагерная участь, оба поэта жаждали участвовать в исполинском социальном эпосе – строительстве советской цивилизации, оба, каждый по-своему, в годы страданий нашли опору в «Слове о полку Игореве»... «Как Слово о Полку струна моя туга», – гордо вещал Осип Эмильевич из Воронежа, а Николай Алексеевич, переводивший в неволе поэму на современный стихотворный язык, писал из Караганды в письме к Н. Степанову:

«Есть в классической латыни литые, звенящие как металл строки: но что они в сравнении с этими страстными, невероятно образными, благородными древнерусскими формулами, которые разом западают в душу и навсегда остаются в ней! Читаешь это слово и думаешь: – Какое счастье, боже мой, быть русским человеком!»

К Николаю Заболоцкому судьба была, пожалуй что, более несправедлива, нежели к Мандельштаму. Он не дразнил власть, как Осип Эмильевич, не сочинял убийственных стихотворных памфлетов. Наоборот, в 1936 году Заболоцкий написал «Горийскую симфонию» – живое и вполне искреннее стихотворение, в котором воспел Грузию, ее народ и молодого юношу из Гори. И хотя различные критики-функционеры (А. Тарасенков, Е. Усиевич, О. Бескин, С. Розенталь, Д. Данин) всячески пытались доказать, что его натурфилософские стихи 30-х годов враждебны социализму, ничто не предвещало внезапного его ареста в мар-

* Курсив мой. – *Ст. К.*

те 1938 года. Лишь спустя много лет выяснилось, что органы НКВД задумали создать «ленинградское дело», в центре которого находился бы известный поэт Николай Тихонов, и ради этого были арестованы многие литераторы Северной столицы. Из них следователи стали выбивать «показания». Обвинительное заключение Заболоцкому было подписано помощником Ленинградского управления НКВД неким Хатеневером.

Поэта пытали бессонницей при круглосуточном ярком электрическом свете, бесконечными допросами, избивали дубинками, терзали мощными струями воды, но он не дал ни на Тихонова, ни на кого другого никаких показаний, а когда впал в полное душевное расстройство, то был помещен в институт судебной психиатрии, – сначала в буйное, потом в тихое отделение... Такого, слава Богу, Осипу Мандельштаму испытать не довелось. В октябре 1938 года и Заболоцкий, и Мандельштам были отправлены в битком набитых теплушках на восток.

Мороз. Вши. Голод. Жажда. Грязь. Вот как вспоминал сам поэт об этом пути:

«Два с лишним месяца тянулся наш скорбный поезд по Сибирской магистрали. Два маленьких заледеневших оконца под потолком лишь на короткое время дня робко освещали нашу теплушку. В остальное время горел огарок свечи в фонаре, а когда не давали свечи, весь вагон погружался в непроглядный мрак. Тесно прижавшись друг к другу, мы лежали в этой первобытной тьме, внимая стуку колес и предаваясь безутешным думам о своей участи. По утрам лишь краем глаза видели мы в окно беспредельные просторы сибирских полей, бесконечную, занесенную снегом тайгу, тени сел и городов, осененные столбами вертикального дыма, фантастические отвесные скалы байкальского побережья... Нас везли все дальше и дальше, на Дальний Восток, на край света...» («История моего заключения»).

Мандельштам умер в декабре 1938 года в пересыльном лагере под Владивостоком (его жена в «Воспоминаниях» благодарит судьбу за то, что из-за слабого здоровья он не доехал до Колымы). А эшелон Заболоцкого, который отправлялся в ту же самую пересылку, где поэты могли встретиться, был вне-

запно повернут на север, к Комсомольску-на-Амуре, в котором началась его трехлетняя лагерная жизнь.

Лесоповал на морозе, отчаянные попытки выполнить норму, чтобы не угаснуть от дистрофии, потом работа в каменном карьере – кайло, лопата, долбежка шурфов для взрывчатки, сторожевые собаки. Шло строительство довоенного БАМа... Словом, жизнь Ивана Денисовича, но во время которой поэт успевал увидеть многое:

«По ночам черное-черное небо, усеянное скопищем ярких звезд, висит над белоснежным миром. Лютый мороз. Над поселком, где печи топятся круглые сутки, стоит многоствольная, почти неподвижная колоннада дымов. Почти неподвижен и колоссально высок каждый из этих белых столбов, и только где-то высоко-высоко вверху складывается он пластом, подпирая черное небо. Совсем-совсем низко, упираясь хвостом в горизонт, блистает Большая Медведица. И сидит на столбе, над бараками, уставившись оком в сугробы, неподвижная полярная сова, стерегущая крыс, которые водятся тут, у жилья, в превеликом множестве...»

Три года такой жизни. А потом облегчение – работа чертежником, но начинается война, ужесточение режима, и опять земляные работы. В 1943 году лагерь перебрасывают на Алтай, где поэт вычерпывает со дна озера (там он, по собственным словам, «оставил свое сердце») содовый раствор. Затем его, уже вольнонаемного, но еще ссыльного, перевозят в Казахстан, где лишь в 1945 году он получает полное освобождение.

Семь лет неволи. Но какой силой духа нужно было обладать ему, если в письме жене в ответ на отчаянные женские жалобы о семи годах жестокой разлуки («жизнь так и прошла мимо») он со смиренным достоинством отвечает:

«Ты пишешь – “жизнь прошла мимо”. Нет, это неверно. Для всего народа эти годы были очень тяжелыми. Посмотри, сколько вокруг людей, потерявших своих близких. Они не виноваты в этом. Мы с тобой тоже многое пережили. Но мимо ли нас прошла эта жизнь? Когда ты очнешься, отдохнешь, разберешься в своих мыслях и чувствах, – ты поймешь, что *недаром прошли эти годы;* они не только выматывали твои силы, но и в то же

время обогащали тебя, твою душу, – и она, хотя и израненная, будет потом крепче, спокойнее и мудрее, чем была прежде.

Время моего душевного отчаяния давно ушло, и я понял в жизни многое такое, о чем не думал прежде. Я стал спокойнее, нет во мне никакой злобы, и я люблю эту жизнь со всеми ее радостями и великими страданиями, которые выпали на нашу долю».

Да, до такой высоты мужественного смирения не подымались ни Солженицын, ни Шаламов, ни Домбровский, ни Волков...

И отношение к Сталину у Заболоцкого было своим, особым. Поскольку он не писал стихотворных фельетонов о нем, то не испытывал перед вождем никакой вины и ему не было нужды впадать в истерическое покаяние. Сын поэта Никита Заболоцкий в книге «Жизнь Н. А. Заболоцкого» слишком самоуверенно решает за отца, что «никакого преклонения перед “вождем народов мира” поэт не испытывал». Но неслучайно же, что имя Сталина появляется в первой редакции стихотворения «Творцы дорог», написанного уже после освобождения:

Кто днем и ночью слышал за собой
Речь Сталина и мощное дыханье
Огромных толп народных, – тот не мог
Забыть о вас, строители дорог.

И в этих строках я не слышу ни одного фальшивого звука. Жена Заболоцкого Екатерина Васильевна после его смерти вспоминала: «Он говорил, что ему надо два года жизни, чтобы написать трилогию поэм “Смерть Сократа”, “Поклонение волхвов”, “Сталин”. Меня удивила тема третьей поэмы. Николай Алексеевич стал мне объяснять, что Сталин – сложная фигура на стыке двух эпох. Разделаться со старой этикой, моралью, культурой было ему нелегко, так как он сам из нее вырос. Он учился в духовной семинарии, и это в нем осталось».

Разговор происходил после 1956 года. Однако понимание эпохи социализма в творчестве поэта было еще более сложным, и сводить эту сложность к стихам о Сталине было бы легкомысленным упрощением.

* * *

В 1931 году Осип Мандельштам написал знаменитое стихотворение о «веке-волкодаве», в котором предъявлял счет эпохе. При всей вдохновенной экзальтированности текста в нем четко прописано, какие жертвы готов принести поэт на алтарь истории. «За гремучую доблесть грядущих веков, за высокое племя людей», «за жизнь без наживы» он готов отказаться «от чаши на пире отцов» (то есть от своего иудейского избранничества, от частицы племенного величия); он приносит эпохе и свою личную жертву – «честь и веселье». Это – договор со временем (своеобразный мандельштамовский Новый Завет), гарантирующий ему личное поэтическое бессмертие, и за него можно заплатить самую дорогую цену.

Заболоцкий же не ставил никаких условий, не помышлял о стоимости билета в грядущее, без осуждения и гордыни принимая «все, что Господь ни пошлет», не сводя никаких счетов с «веком-волкодавом». Он нес крест самопожертвования с соборным чувством общей судьбы и со смиренным достоинством:

Нас ветер бил с Амура и Амгуни,
Трубил нам лось, и волк нам выл вослед.
Но все, что здесь до нас лежало втуне,
Мы подняли и вынесли на свет.

В стране, где кедрам светят метеоры,
Где молится березам бурундук,
Мы отворили заступами горы
И на восток пробились и на юг.

Охотский вал ударил в наши ноги.
Морские птицы прянули из трав,
И мы стояли на краю дороги,
Сверкающие заступы подняв.

Стихи написаны в 1947 году, уже после освобождения, так что поэта нельзя подозревать в корысти, что сочинял их в расчете

на смягчение своей участи, на лагерные льготы либо на досрочное освобождение... Нет, он писал их как свободный человек, поражаясь своему собственному участию в сотворении мира:

Поет рожок приятно и уныло –
Давно знакомый утренний сигнал!
Покуда медлит сонное светило,
В свои права вступает аммонал.

Над крутизною старого откоса
Уже трещат бикфордовы шнуры.
И вдруг – удар, и вздрогнула береза,
И взвыло чрево каменной горы.

Поет рожок над дальнею горою,
Восходит солнце, заливая лес,
И мы бежим нестройною толпою,
Подняв ломы, громам наперерез...

Стихотворение называется «Творцы дорог» – и в нем никакой речи о «шмоне», о «пайках», о «вертухаях», никаких номеров на лагерных бушлатах, никаких покойников с бирками на ногах, разборок с уголовниками, разговоров с «кумом» и прочих атрибутов низкого гулаговского стиля. «Громам наперерез», «сверкающие заступы подняв» – словно боги, богатыри или титаны, а не какие-то Иваны Денисовичи.

В стихотворении нет и намека на мандельштамовский спор личности с эпохой, оно выражает (кощунственно сказать!) высшую героическую красоту общенародного артельного подвига, совершаемого ради будущих поколений, которым придется жить за счет рудников Норильска, освещать и обогревать жилье энергией волжских гидростанций, выходить к Охотскому морю по дорогам, пробитым через сопки руками поэта и его подневольных товарищей. Самоотречение, подобное тому которое живет разве что в древнегреческих трагедиях, в голосах античного хора...

Оба поэта, и Заболоцкий, и Мандельштам, осмысливая XX век, не могли обойтись без постоянной оглядки на античные времена, когда рождалось понятие высокой трагедии. «Гомер степей на пегой лошаденке», «лысое темя Сократа», «читайте, деревья, стихи Гезиода», «Пифагорово пенье светил», «Одиссей и сирены» – это Заболоцкий. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса», «Останься пеной, Афродита», «Когда бы грек увидел наши игры», «Ахейские мужи во тьме снаряжают коня» – это Мандельштам, уверенный в том, что «поэзия – это чувство правоты», тоскующий по «большому стилю», в который невозможно войти, минуя трагедию, и поэт с ужасом и восторгом призывает ее:

Где связанный и пригвожденный стон,
Где Прометей – скалы подспорье и пособье?
А коршун где – и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?

Тому не быть: трагедий не вернуть,
Но эти наступающие губы –
Но эти губы вводят прямо в суть
Эсхила-грузчика, Софокла-лесоруба.

Мандельштам жаждет глотнуть воздуха трагедии, чтобы приобщиться к ее древним тайнам, и призывает к себе на помощь тени ее отцов Эсхила и Софокла, дерзко пророчествуя о том, что сегодняшние ее творцы и герои могут быть грузчиками или лесорубами... Да, он угадал направление поиска, но не успел выразить в творчестве эпическую, свободную от своевольных лирических излияний, чистую суть трагедии. За него это сделал другой поэт, в буквальном смысле Софокл-лесоруб советской эпохи, работавший не где-нибудь, а на таежном лесоповале:

За высокий сугроб закатилась звезда,
Блещет месяц – глазам невтерпеж.
Кедр, владыка лесов, под наростами льда
На бриллиантовый замок похож.

Посреди кристаллически-белых громад
На седом телеграфном столбе,
Оседлав изоляторы, совы сидят,
И в лицо они смотрят тебе.

Запахнув на груди исполинский тулуп,
Ты стоишь над землянкой звена.
Крепко спит в тишине молодой лесоруб.
Лишь тебе одному не до сна.

Обнимая огромный канадский топор,
Ты стоишь, неподвижен и хмур.
Пред тобой голубую пустыню простер
Замурованный льдами Амур.

И далеко внизу полыхает пожар,
Рассыпая огонь по реке.
Это печи свои отворил сталевар
В Комсомольске, твоем городке.

Это он подмигнул в ледяную тайгу.
Это он побратался с тобой,
Чтобы ты не заснул на своем берегу,
Не замерз, околдован тайгой.

Так растет человеческой дружбы зерно.
Так в январской морозной пыли
Два могучие сердца, сливаясь в одно,
Пламенеют над краем земли.

(Слова-то все какие эпические: «огромный», «исполинский», «могучие»!)

Судьба привела Заболоцкого туда, куда Мандельштам направил свое «моление о чаше»: «в ночь», где, правда, течет не «Енисей», но «Амур», и где «до звезды» достает не «сосна», а «кедр»; где над тайгой сияют не «голубые песцы» а «за высокий

сугроб закатилась звезда», но зато есть – льды Амура, лежащие перед глазами «голубой пустыней». Все эти совпадения и перекличи слов и образов наводят на мысль, что Заболоцкий знал стихотворение Мандельштама и в известной степени обратился к знакомому сюжету, чтобы изложить его по-своему...

Героика повседневного и естественного самопожертвования досталась в удел Заболоцкому и стала сердцевиной его дальнейшего творчества. Сразу же после освобождения из ссылки он пишет стихотворение «Журавли», в котором еще раз воплощает свое понимание трагедии и философию героизма.

Да, «черное зияющее дуло», словно символ безымянного, безликого, слепого рока, посылает в сердце вожака журавлиной стаи «луч огня» да, это – высокая трагедия, но не только потому, что «частица дивного величья с высоты обрушилась на нас», но еще и потому, что горе утраты преодолевается в очистительном катарсисе, в причастии к бессмертию «стаи», «племени», «народа».

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И рыданью горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе –
Все, что от былого поколенья
Переходит, молодость, к тебе.

У Заболоцкого его личная трагедия – победа – одновременно трагедия-победа артельная, коллективная или даже общенародная: «Срываясь с круч, мы двигались вперед», «Мы отворяли

заступами горы», «И мы стояли на краю дороги». У него кроме двух сил – тиранической эпохи и его собственных – есть третья: античный хор, рок, судьба. Два старика замерзают «где-то в поле возле Магадана». Но, несмотря на все жестокие обстоятельства лагерного быта, естественные и главные у Солженицына или Шаламова («околоток», «наряды в город за мукой», «воровская шайка», «бандитские глотки» и т.д.), их смерть не бытовое явление, не лагерная обыденность, а величественная трагедия (подобная гибели вожака журавлиной стаи), последний акт которой завершается в таком театре и с такими «зрителями», что не снились никаким Софоклам и Эсхилам – чего уж говорить о наших лагерных бытописцах! На героев стихотворения взирают северные светила, сполохи полярного сиянья освещают необозримую сцену, вьюга отпевает последние мгновенья их жизни:

Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь ее проникновенный,
До людей уже не доходил.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Объяла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела...

Они уже неподвластны лагерной администрации, мирской власти, времени, истории, потому что уходят в вечность, в эпические миры, где блуждают души Антигоны и Эдипа, Гамлета и Отелло, Бориса и Глеба. Стихи звучат как гимн освобождения:

Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

Заболоцкий совершает чудо, выходя в пространство мирового эпоса, в отличие от Мандельштама, который мечтал

прорваться в мир трагедии вплоть до последних дней жизни, но не успел осуществить свой замысел и утвердил за собою право говорить всего лишь о своей судьбе: «Мне на плечи бросается век-волкодав», «Сохрани мою речь навсегда», «Я лишился и чаши на пире отцов», «Куда мне деться в этом январе», «Это какая улица? Улица Мандельштама». Закваска вечного протестантизма, суть которой выражена у него в стихах – «против шерсти мира поем», – была неизживаема.

Эпическая роль «вожака» стаи или племени, неестественная для Мандельштама, для Заболоцкого была органична.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно;
И заря над ним образовала –
Золотого зарева пятно.

Зарево, окаймляющее мученические и одновременно героические лики творцов лагерных дорог, магаданских стариков, которые умирают так же, как умирал Седов из стихотворения Заболоцкого, написанного в 1937 году:

Он умирал, сжимая компас верный,
Природа мертвая, закованная льдом,
Лежала вкруг него, и солнца лик пещерный
Через туман просвечивал с трудом.

И недаром стихотворение завершается мольбою автора судьбе, у которой он просит одного: «Так умереть, как умирал Седов».

Все тридцатые годы Заболоцкий неуклонно шел к героическому эпосу, под его пером даже обычные газетно-политические эпизоды советской жизни, имевшие, если говорить сегодняшним языком, лишь «пиаровское» звучание, преображались в сказочные картины:

Там тень «Челюскина» среди отвесных плит,
Как призрак царственный, над пропастью стоит.

Православное подвижничество Заболоцкого заключается в том, что его эпос не эгоистичен, но человечен. В нем, оттесняя автора на второй план, живет множество самых простых, земных, невеликих людей, в чертах которых поэт ищет и находит «образ Божий», – прачки из маленького русского городка, старухи, которая в ссылке протянула ему ломоть поминального хлеба, девочки Маруси, ходоков, пришедших к Ленину. Словом, «старые люди и дети».

Его демонстративно нравоучительные стихи о некрасивой девочке, пламень души которой «всю боль свою один переболит и перетопит самый тяжкий камень», полны простого и высокого очарования. Но они и о себе. Душа поэта тоже перетопила все несправедливые обиды, все унижения в чистое вещество поэзии.

Однако я рискну сделать к этому бесхитростному стихотворению еще один комментарий.

Заболоцкий – о чем Борис Слуцкий пишет в своих воспоминаниях – «говорил, что женщина стихи писать не может. Исключений из этого правила не делал ни для кого».

Лидия Корнеевна Чуковская как бы подтверждает это, размышляя об отношениях Заболоцкого и Ахматовой в своих «Записках»:

«Бешеная речь Анны Андреевны против “Старой актрисы” Заболоцкого. Она вычитала нечто такое, чего там, на мой взгляд, и в помине нет:

– Над кем он смеется – над старухой, у которой известь в мозгу, над болезнью? Он убежден, что женщин нельзя подпускать к искусству – вот в чем идея! Да, да, там написано черным по белому, что женщин нельзя подпускать к искусству! Не спорьте! И какие натяжки: у девяностолетней старухи десятилетняя племянница. Когда поэт высказывает ложную мысль – он неизбежно провирается в изображении быта...

Она не давала отвечать, она была в бешенстве. Другого слова не подберу...

– Где там написано, что старухе девяносто лет, а девочке десять? – успела я только спросить. Ответом был гневный взгляд».

Но дело было не в том, «допускать» или «не допускать женщин к искусству»... Спор был мировоззренческим – с глубочайшими причинами. У Ахматовой есть стихотворение, написанное в 1942 году в Ташкенте:

Какая есть. Желаю вам другую –
Получше. Больше счастьем не торгую,
Как шарлатаны и оптовики.
Пока вы мирно отдыхали в Сочи,
Ко мне уже ползли такие ночи,
И я такие слышала звонки!

Над Азией – весенние туманы
И яркие до ужаса тюльпаны
Ковром заткали много сотен миль.
О, что мне делать с этой чистотою
Природы и с невинностью святою,
О, что мне делать с этими людьми!..

Мне зрительницей быть не удавалось,
И почему-то я всегда вклинялась
В запретнейшие зоны естества,
Целительница нежного недуга.
Чужих мужей вернейшая подруга
И многих безутешная вдова.

Седой венец достался мне недаром,
И щеки, опаленные загаром,
Уже людей пугают смуглотой.
Но близится конец моей гордыне:
Как той, другой – страдалице Марине,
Придется мне напиться пустотой.

Однажды Александр Межиров, когда мы говорили об Ахматовой, прочитал вслух это стихотворение и сказал, что у нее «животное чувство красоты». Может быть. Но меня в стихотворении

«Какая есть...» всегда задевало иное – чувство холодного высокомерия, почти презрения к миру простого человеческого бытия.

«Какая есть. Желаю вам другую» – неприятно-надменная интонация. «Пока вы мирно отдыхали в Сочи» – звучит как обвинение в том, что мирно отдыхающие и не подозревают, что за «ночи» ползут к ней. А от обычного, народного слова «люди» («добрые люди») – ее просто трясет, как нечистую силу от ладана: «о, что мне делать с этими людьми!», а заодно и с «чистотою природы», и с «невинностью святою»... Еще бы! Она приоткрывается как блюстительница «ночей» (уж не «египетских» ли?), во время которых «всегда вклинялась в запретнейшие зоны естества», враждебные «святой невинности». Не эта ли тьма своими лучами опалила ее щеки до потустороннего загара, и они «уже людей пугают смуглотой»? Стихотворение звучит как вызов простой «людской», «святой и невинной» жизни, брошенный от имени «ночи» и «гордыни». И потому неизбежно ее обращение к образу Марины Цветаевой, которая была как бы ее сводной сестрой по жизни «в запретнейших зонах естества», в апофеозе и культе смертных грехов, столь родных творцам Серебряного века русской поэзии. «Седой венец достался мне недаром...»

А ведь умный циник Валентин Катаев, младший из сыновей порочного Серебряного века, тоже додумался до того, что рано или поздно и он будет увенчан таким же седым венцом, о чем и написал в книге «Алмазный мой венец»:

«Мне вдруг показалось, будто звездный мороз вечности сначала слегка, совсем неощутимо и нестрашно коснулся поредевших, серо-седых волос вокруг тонзуры моей непокрытой головы, сделав их мерцающими, как алмазный венец... Звездный холод стал постепенно распространяться сверху вниз по всему моему помертвевшему телу с настойчивой медлительностью, останавливая кровообращение... делая меня изваянием, созданным из космического вещества безумной фантазией Ваятеля...»

Ну что ж, вполне допустима и такая картина Ада, где раскаленные сковородки заменены адским абсолютным холодом... Чует кошка, чье мясо съела.

Да и Анна Андреевна догадывалась, из рук какого «ваятеля» этого венца ей придется принимать «не людскую» награду:

И ты придешь под черной епанчою,
С зеленоватой страшною свечою,
И не откроешь предо мной лица.
Но мне недолго мучиться загадкой:
Чья там рука под белою перчаткой
И кто прислал ночного пришлеца?

Вот за эти-то ночные загадки, за темные тайны, за шашни с «ночными пришлецами», за жизнь «в запретнейших зонах», за высокомерное презрение к «обычному людскому естеству» Заболоцкий всю свою жизнь отворачивался от Ахматовой и старался не замечать ее, видимо, ощущая опасность темной, не просветленной нравственным светом, вызывающе-грешной, «животной» красоты ее поэзии. Не потому ли он демонстративно назвал одно из своих стихотворений «Некрасивая девочка»? Оно – антиахматовское по замыслу, по идеям, по чувствам. Ахматова наслаждается жизнью в мире сатанинской, темной, чувственной красоты, Заболоцкий ищет спасения в мире красоты духовной, светлой, божественной. Его девочка, «напоминающая лягушонка», всего лишь «бедная дурнушка», у которой

Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.

Но она «ликует и смеется, охваченная счастьем бытия», для нее «чужая радость так же, как своя», она не знает «ни тени зависти, ни умысла худого», а потому образ Божий запечатлен в каждой ее черте, в каждом движении куда явственней, нежели на лице, окаймленном «седым венцом» со «смуглотой», неизвестно почему пугающей людей.

«Придется мне напиться пустотой», – с надменностью, под которой прячется страх, говорит о себе героиня ахматовского сти-

хотворения. Заболоцкий также не может обойтись без роковых слов «красота» и «пустота», но его вера в то, что душа человеческая хранит в себе свет, спасает его от соблазна игры с темными силами.

Стихи Заболоцкого – простые, нравоучительные, почти декларативные, но в их простоте сила молитвы и стилистика Евангелия. Проще молитвенных слов у человечества нет ничего.

И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить воображенье,
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движенье.

А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

У поэта доставало смирения, чтобы вопросительной интонацией этих строк отдалить их от молитвы на почтительное расстояние... Жалко ему было искусства, которому он служил, но у него хватало сил ставить его в подчинение нравственному, то есть божественному чувству.

Разве девочка может понять до конца,
Почему, поражая нам чувства,
Поднимает над миром такие сердца
Неразумная сила искусства.

Две последние строки о старой актрисе, но они могли бы быть написаны и об Ахматовой, о той, которая не без кокетства признавалась в старости перед смертью:

Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.
(1963)

Почему-то мы часто иронизируем над строчкой Маяковского «Товарищ Ленин – работа адовая...».

Но слова «адский», «адовый» в поэзии Ахматовой встречаются гораздо чаще, нежели у Владимира Владимировича.

«Демон и ангел России»

Вдова поэта Даниила Андреева в предисловии к его книге «Русские боги», изданной в 1990 году, вспоминает: «На одном из допросов его спросили об отношении к Сталину. “Ты знаешь, как я плохо говорю”.

Это была правда, он был из тех, кто пишет, но не любит и не умеет говорить – из застенчивости.

“Так вот, я не знаю, что со мной произошло, но это было настоящее вдохновение. Я говорил прекрасно, умно, логично и совершенно убийственно – как для “отца народов”, так и для себя самого. Вдруг я почувствовал, что происходит что-то необычное. Следователь сидел неподвижно, стиснув зубы, а стенографистка не записывала – конечно, по его знаку”.

Этот страстный монолог Андреева был для него тем же самым произведением, что и для Мандельштама роковые стихи о «кремлевском горце». Но на самом деле отношение Андреева к Сталину было куда более сложным, нежели оно изображено в воспоминаниях его жены.

В 1947 году поэт был арестован и получил 25 лет тюремного заключения. Сидел во Владимирской тюрьме, где встречался с Шульгиным, с академиком В. В. Париным, с сыном генерала Кутепова. В тюрьме писал книги: «Роза мира», «Русские боги», «Железная мистерия».

Поэт освободился в 1957 году, а умер в 1959-м в возрасте 52 лет. Он был сыном известного русского писателя Леонида Андреева.

Редкой особенностью его взгляда на русскую историю было то, что он, в отличие от большинства современников, считавших революцию и строительство социализма совершенно новым явлением в судьбе России, был убежден, что,

несмотря на ее внешнюю ненависть к старому миру, несмотря на кровавый разрыв с ним – ее глубокое, скрытое от глаз неразрывное с ним единство все равно сохраняется. Впрочем, так же, как сохранялось это единство во все катастрофические эпохи – во время перехода от феодальной Руси к России Третьего Рима, а от Третьего Рима Иоанна Грозного к императорской России Петра... Меняются династии, возникают новые сословия, льется кровь – но мистическое единство русской истории продолжается и остается живым.

Находясь в стенах Владимирской тюрьмы, поэт выразил это единство в стихотворении, посвященном Пушкину, который для Андреева был одним из вечных символов связи времен:

Здесь в бронзе вознесен над бурей, битвой, кровью,
Он молча слушает хвалебный гимн веков,
В чьем рокоте слились с имперским славословьем
Молитвы мистиков и марш большевиков.

(1950)

Стихи, видимо, написаны в связи с торжествами великого пушкинского юбилея 1949 года – стопятидесятилетия со дня рождения поэта.

Этот образ становится для Даниила Андреева своеобразной “идеей фикс”, к ней он так или иначе постоянно возвращается во все последующие годы жизни.

Этот свищущий ветр метельный,
Этот брызжущий хмель веков
В нашей горечи беспредельной
И в безумствах большевиков...

Строфа из стихотворения «Размах» (1950), где путь России через жертвы «и злодеяния» все равно ведет (прямо по-клюевски!) к «безбрежным морям Братства, к миру братскому всех стран...». С особой страстью поэт нащупывал эти связи в начале Великой Отечественной войны, ибо только в

них видел победный и кровавый путь Родины и ее спасение от очередного нашествия «двунадесяти языков» Европы, возглавляемого духом Германии:

Как призрак, по горизонту
От фронта несется он к фронту,
Он с гением расы воочью
Беседует бешеной ночью.

В то время так о мистической сущности войны не писал никто.

Но странным и чуждым простором
Ложатся поля снеговые,
И смотрит загадочным взором
И ангел и демон России.
И движутся легионеры
В пучину без края и меры,
В поля, необъятные оку,
К востоку, к востоку, к востоку.

Но что может их остановить? Только союз двух сил – народной, русской стихии и воли строителя нового государства. И Даниил Андреев пишет жуткое и загадочное стихотворение об эвакуации мумии Ленина из Мавзолея осенью 1941 года. Тело вывезено «из Зиккурата» ... «в опечатанном вагоне» на восток, на берега Волги, а дух его, «роком царства увлекаем», как тень, поселяется в сердце Кремля, в стенах, где склоняется над картами небывалых сражений продолжатель ленинского дела, укрепляемый этим духом, который

Реет, веет по дворцу
И, просачиваясь снова
Сквозь громады бастионов,
Проникает в плоть живого –
К сердцу, разуму, к лицу.

Андреев проникает в сверхъестественные сферы жизни, когда показывает, откуда и как черпают энергию тираны, диктаторы, «вожди всех времен и народов», «чудотворные строители» – как они передают свою силу и волю друг другу, что и случилось во время эвакуации тела Ленина на Восток:

И не вникнув мыслью грузной
В совершающийся ужас,
С тупо-сладкой мутной болью
Только чувствует второй,

Как удвоенная воля
В нем ярится, пучась, тужась,
И растет до туч над грустной
Тихо плачущей страной.
(1942–1952)

В сущности, Даниил Андреев проникает в тайну того события, когда Сталин во время знаменитого парада 7 ноября 1941 года произнес ошеломившие мир слова о связи ленинского дела с деяниями Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова и поставил их всех – вождей и полководцев тысячелетней России – под одно Знамя, объединив, как по волшебству, враждующие времена. Перед такого рода картиной (если принять ее) становятся ничтожными и плоскими россказни нынешних историков о том, что минувшие 70 лет России – это «черная дыра», «тупиковый путь», бессмысленно потраченная эпоха. В этой мистической речи вождь повторил и предвосхитил поэтическое мировоззрение Андреева: поэт в те дни, когда Сталин стоял на заснеженном Мавзолее, писал стихи-молитву, обращаясь к Творцу:

Учи ж меня! Всенародным ненастьем
Горчащему самозабвению учи,
Учи принимать чашу мук, как причастье,
А тусклое зарево бед – как лучи!

Когда же засвищет свинцовая вьюга
И шквалом кипящим ворвется ко мне –
Священную волю сурового друга
Учи понимать меня в судном огне.
(1941)

Я не буду расшифровывать – кого это поэт называет «суровым другом»... Впереди его ждет «чаша мук». Но он смутно догадывается, что такого рода «чудотворные строители» – неподсудны обычному человеческому суду:

Как покажу средь адской темени
Взлет исполинских коромысел
В руке, не знавшей наших чисел,
Ни нашего добра и зла?

Это сказано обо всех сделанных из одного сверхпрочного сплава российской истории – об Иоанне, Петре, Иосифе, при котором страна уже была под стать диктатору: не «грустная и тихо плачущая», но яростная, гневная, подымающаяся на дыбы. Какой высшей волей можно было объединить анархическую многоликую, многоплеменную русскую вольницу для борьбы с орднунгом тевтонским, с его колоннами, сокрушившими дряхлую Европу?

С холмов Москвы, с полей Саратова,
Где волны зыблются ржаные,
С таежных недр, где вековые
Рождают кедры хвойный гул,

Для горестного дела ратного
Закон спаял нас воедино
И сквозь сугробы, судры, льдины
Живою цепью протянул.

Даниил Андреев рисует поистине апокалипсическую картину всенародного сверхнапряжения, мобилизованного и

исторгнутого из народного чрева не просто «законом», но – и он понимал это – волей вождя, вдыхавшей энергию в ледовую «Дорогу жизни», единственную ниточку, соединившую город Петра и Ленина с Россией:

Дыханье фронта здесь воочию
Ловили мы в чертах природы:
Мы – инженеры, счетоводы,
Юристы, урки, лесники,

Колхозники, врачи, рабочие –
Мы злые псы народной псарни,
Курносые мальчишки, парни,
С двужильным нравом старики.

Только такой «сверхнарод», как назвал его Даниил Андреев, мог победить жестокую орду «сверхчеловеков». Поэт, в те времена служивший в похоронной команде, видел вымирающий, но не сдающийся Ленинград, несколько раз проходил туда и обратно через Ладогу по ледовой «Дороге жизни», – и он, конечно же, понимал, что мы устояли не просто благодаря закону или морозу:

Ночные ветры! Выси черные
Над снежным гробом Ленинграда!
Вы – испытанье; в вас – награда;
И зорче ордена храню
Ту ночь, когда шаги упорные
Я слил во тьме Ледовой трассы
С угрюмым шагом русской расы,
До глаз закованной в броню.

Образ императора и образ вождя, которые, каждый по-своему, заковывали «русскую расу» «в броню», у поэта сливаются, совмещаются, расплываются и снова накладываются друг на друга; и тот и другой подымают Россию «на дыбы», не позволяя народу расслабляться, жить по своей воле, разбойни-

чать, проматывать наследие великих строителей России. Поэт всю свою жизнь слышал «глагол и шаг народодержца сквозь этот хаос, гул и вой». Не просто «самодержца» – это грозное слово для Андреева не до конца выражает суть русской истории, и поэт усиливает его значение – «народодержца», чтобы потом найти еще один грозный синоним: «браздодержец».

О том же Петре поэт пишет как о преемнике не Алексея Михайловича, а Иоанна Грозного, потому что Петр унаследовал его созидательный голод, который:

Все возрастал, ярился, пух, –
И сам не зная, принял царь его
В свое бушующее сердце,
Скрестив в деяньях самодержца
Наитья двух – и волю двух.

Не так ли и Сталин у поэта, вбирая в себя волю Ленина, Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова, становился осенью 1941 года вдвое сильнее, о чем Андреев говорит теми же словами: «Как удвоенная воля в нем ярится, пучась, тужась».

В такие исторические минуты все личные счеты исчезают, сгорают, испаряются в раскаленном чреве истории:

Страна горит; пора, о Боже,
Забыть кто прав, кто виноват.

Знаменательно, что буквально в то же самое время знатная петербурженка, внучка великого русского композитора Римского-Корсакова Ирина Владимировна Головкина в автобиографическом романе «Побежденные» – о жизни дворянской семьи в первые 20 лет советской власти, жизни, полной страха, унижений, гибели родных и близких, – выражает своими словами те же мысли и чувства о связи «имен и времен», которыми жил в 1941 году Даниил Андреев:

«Большевизм... процесс этот самобытен и глубоко органичен. Он слишком значителен, чтобы насильно – вмешательством

извне притушить его. Я вынуждена прийти к мысли, что и в нем должны быть черты все того же дорогого мне лика, конечно, страшно искаженные... Но святое тело России все-таки здесь, и я не могу допустить даже в мыслях, чтобы его растерзали на части, как Господнюю ризу. В случае войны я... с большевиками! Я не знаю, как у меня рука повернулась написать эти строчки, но я так прочла в своей душе! Сейчас нет другого правительства, которое могло бы охранить наши границы, а на большую страну неизбежно набрасываются хищники. Россия в муках рождает новые государственные формы и новых богатырей, для которых все классовое уже должно быть чуждо, как дворянское, так и пролетарское, одинаково. Я ошибалась в сроках великой битвы, я ошибалась в источнике новой силы. Никакой реставрации, никакой антанты! Россия спасет себя сама, изнутри».

Вот совершенная, святая формула патриотизма русской женщины, дворянки, безмерно пострадавшей от большевиков, рядом с которой ненависть к сталинской России еврейской революционерки Анны Берзинь кажется омерзительной и ничтожной.

Леонид Бородин в своих недавних воспоминаниях «Без выбора» предположил, что этот монолог «о большевизме» был вписан в текст романа «Побежденные» сотрудниками Лубянки. Но, во-первых, таким пламенным и высоким штилем вряд ли они владели. А во-вторых, он путает «руку Лубянки» с дланью русской истории. И в-третьих: как похожи трагические признания русской патриотки на выстраданные всей судьбой чеканные строфы Даниила Андреева о русских сверхцарях, сверхимператорах, сверхгенсеках, а говоря проще, о вождях, появляющихся в роковые минуты русской жизни:

Лучше он, чем смерть народа.
Лучше он;
Но темна его природа,
Лют закон.
……
Жестока его природа,
Лют закон,

Но не он – так смерть народа.
Лучше – он!

Даниил Андреев, умерший почти полвека тому назад, сегодня бросает нам, ослабевшим, опустившимся, готовым признать все нынешние обвинения в «имперском мышлении», в «великодержавности», в «тоталитаризме», бросает в наши растерянные, бледные лица яростное проклятье за то, что мы свернули с вечного пути России и предали ее историческое призвание, продиктованное Высшей Волей. Поэт в своей жертвенной страсти бесстрашно пытается разглядеть, чью волю – адскую или небесную – выполняют русские вожди-цари, вожди-императоры, вожди-генсеки, для которых он находит особое слово – «уицраоры», и молит Создателя о том, чтобы это слово означало, в сущности, то, что когда-то называли «Бич Божий».

Пусть демон великодержавия
Чудовищен, безмерен, грозен;
Пусть миллионы русских оземь
Швырнуть ему не жаль. Но Ты, –
Ты от разгрома и бесславья
Ужель не дашь благословенья
На горестное принесенье
Тех жертв – для русской правоты?

Пусть луч руки благословляющей
Над уицраором России
Давно потух; пусть оросили
Стремнины крови трон ему;
Но неужели ж – укрепляющий
Огонь твоей Верховной воли
В час битв за Русь не вспыхнет боле
Над ним – в пороховом дыму?

Написано не где-нибудь, а во Владимирской тюрьме при жизни Сталина. А в эти же военные годы Даниилу Андрееву и

Римской-Корсаковой из далекой оккупированной Франции подает голос злейший враг советской власти Иван Алексеевич Бунин:

«Думал ли я, что сейчас, когда Сталин находится на пути в Тегеран, я буду с замиранием сердца переживать, чтобы с ним ничего не случилось».

И что бы ни говорил поэт во время допроса в 1956 году об «отце народов» («нечто убийственное», как вспоминает его вдова), высшее знание и высшая истина об «уицраорах России», и в их числе о Сталине, высказана не подследственным Даниилом Андреевым, но автором таинственных книг «Роза мира», «Русские боги», «Изнанка мира».

Бенедикт Сарнов в размышлениях об Осипе Мандельштаме с высоты своего исторического образования высокомерно упрекает поэта:

«Мандельштаму показалось, что Петербургский период истории продолжается». Но это «показалось» и Даниилу Андрееву, и Римской-Корсаковой, и Ярославу Смелякову («Петр и Алексей»), и Алексею Толстому («Петр Первый»), и Михаилу Пришвину («Осударева дорога»)... Одному Сарнову, видите ли, «не показалось»...*

«Строят и строят. Строят твердыню трансфизической державы на изнанке Святой Руси. Строят и строят. Не странно ли? Даже императрицы века напудренных париков и угодий с десятками тысяч крепостных крестьян строили ее и строят. И если время от времени новый пришелец появляется в их ряду, его уже не поражает, что карма вовлекла его в труд рука об руку с владыками и блюстителями государственной громады прошлого, которую при жизни он разрушал и на ее месте строил другую. Чистилища сделали его разум ясней, и смысл великодержавной преемственности стал ему понятен» («Изнанка мира»). Эти слова применимы к любому из властителей тысячелетней России. И к Сталину тоже.

* В завершение этого сюжета могу сказать Бородину, пытающемуся везде видеть «руку Лубянки», что рукопись «Побежденных» попала в журнал в 1991 году не из архивов КГБ, а от подруги уже умершей к тому времени Римской-Корсаковой, актрисы Янсен, которая живет до сих пор в Москве и может подтвердить «чистое» происхождение рукописи романа.

Даниил Андреев с его мистическими озарениями, в отличие от Осипа Мандельштама, от Николая Заболоцкого и Ярослава Смелякова, был сосредоточен на одном: разгадать тайну «уицраоров», правивших «сверхнародом». Кто они, посланники тьмы или света? Разрушители или созидатели? И не из одного ли теста вылеплена их сущность, что косвенно всегда подтверждалось страстным интересом каждого из них к своим предшественникам, а также фатальным сходством их судеб и характеров?.. Первым в этой мистической родословной был Иоанн Грозный, в котором воплотился «и ангел и демон России»:

Так избрал он жертвой и орудием,
Так внедрился в дух и мысль того,
Кто не нашим – вышним правосудием
Послан был в людское естество, –

Браздодержец русских мириад,
Их защитник, вождь и родомысл,
Направляющий подъем и спад
Великороссийских коромысл.
(Февраль, 1955. Владимирская тюрьма)

Даниил Андреев знал, что он, четвертьвековой узник сталинской тюрьмы, рискует быть не понятым грядущими поколениями, освободившимися от воли «русских уицраоров». Он как бы предчувствовал, что будущие люди не сумеют подняться до высот его мистических озарений, что они на пошлом газетно-телевизионном уровне оболгут всех вождей и императоров с их «тоталитаризмом», «авторитарностью», с их «парадигмой несвободы», казармами, гулагами и смершами, и потому постарался оградиться от этой мелкой бесовщины меловой чертой:

О, я знаю: похвалу историка
Не стяжает стих мой никогда...

……

Пусть другие о столетьях канувших
Повествуют с мерной простотой
Или песней, трогающей за душу,
Намекнут о жизни прожитой.

Я бы тоже пел о них, когда б
Не был с детства – весь от глаз до рук
Странной вести неподкупный раб,
Странной власти неизменный друг.
(Апрель 1951)

«Песней, трогающей за душу» – ну, это почти провидчески сказано и о «Протопи ты мне баньку по-белому...» Высоцкого, и об Алешковском с его «Товарищ Сталин, Вы большой ученый...», и о псевдонародных песнях-фельетонах Галича, и еще о многом, многом, многом... Но свидетельства Даниила Андреева для меня перевешивают все бытовые мелодраматические слюни подобного рода сочинений, написанных в безопасную для творцов пору, когда эра харизматических владык почти закончилась и всех мертвых львов стало дозволено лягать с наслаждением и немалой выгодой. Но всегда, как бы ни повернулась история человечество будет рождать сыновей, которые с волнением прочитают:

Хочешь – верь, а хочешь – навсегда
Эту книгу жгучую отбрось,
Ибо в мир из пламени и льда,
Наклонясь, уводит ее ось...

Тоталитаризм, то есть всеобщее, предельное напряжение сил «сверхнарода», рождается только тогда, когда стоит выбор между жизнью и смертью. Пугать народ им во времена вялого, бессильного, безвольного течения истории – дело пустое и корыстное.

Терновый венец

Перебирая свой архив, я нашел недавно четвертушку бумаги, на которой было несколько строк:

«На днях бюро секции поэтов приняло в Союз писателей Станислава Куняева. Он человек одаренный, а в его книге "Землепроходцы" есть немало хороших современных стихотворений. Но, как мы говорили ему на бюро, у него нередко бывают формалистические игрушки, легкомысленная игра в слова. Когда эта игра идет вокруг незначительных тем, она еще более-менее терпима. А в данном стихотворении о Кубе она выглядит совершенно неуместно и погубила стихотворение. Не буду приводить цитат, так как для этого надо было бы разбирать почти все стихотворение целиком. Печатать стихи решительно нельзя.

Я. Смеляков».

Стихи мои были о кубинской революции, о лозунге «Родина или смерть!». Из отзыва видно, что я не ходил в его любимцах. Что было чистой правдой.

Он, до последнего вздоха преданный эпохе социализма, истово верующий в ее историческое величие, никогда ни на йоту не сомневавшийся в ее правоте, умер 27 ноября 1972 года, в день моего рождения.

Нет, не прост был этот белорус, впервые арестованный «за моральное разложение» в конце 1934 года. Тогда при обыске в его квартире была найдена книга Гитлера «Моя борьба». А потом – финский плен, а после вызволения из плена подневольная работа на тульских шахтах, в 1951 году еще один арест и еще три года лагерной жизни в Инте. Но ему повезло больше, нежели его друзьям – Борису Корнилову и Павлу Васильеву: где они похоронены – не знает никто. Вроде бы проклинать должен был поэт это время, но вспоминаю, как его жена Татьяна Стрешнева на смеляковской даче в Переделкине незадолго до смерти поэта с ужасом и восторгом рассказывала мне:

«Я иногда слышу, как он во сне бредит, разговаривает. Так вы не поверите: однажды прислушалась и поняла, что он с кем-то все спорит, все советскую власть отстаивает!»

Впрочем, я это понял гораздо раньше, когда прочитал его некогда знаменитые 1947 года стихи, крамольные для нынешнего времени:

Я строил окопы и доты,
железо и камень тесал,
и сам я от этой работы
железным и каменным стал.

Я стал не большим, а огромным –
попробуй тягаться со мной!
Как Башни Терпения, домны
стоят за моею спиной.

Я стал не большим, а великим,
раздумье лежит на челе,
как утром небесные блики
на выпуклой голой земле.

Стихи не о выполнении каких-то хозяйственных планов, не о достижении успехов в личной судьбе, это – о строительстве небывалой в истории человечества цивилизации.

Конечно, Смеляков понимал, что ее созидание требует непомерных жертв, и главный вопрос, мучивший его всю жизнь, был таков: что определяло эти жертвы – принуждение или добрая воля? Если принуждение – то великая цивилизация строится на песке и рано или поздно ее домны и Башни Терпения пошатнутся. Если жертвы добровольны и над ними мерцает венчик священного, религиозного в полном смысле слова пламени, тогда они ни за что не канут в небытие и забвение...

Сносились мужские ботинки,
армейское вышло белье,
но красное пламя косынки
всегда освещало ее.

Любила она, как отвагу,
как средство от всех неудач,
кусочек октябрьского флага –
осеннего вихря кумач.

В нем было бессмертное что-то:
останется угол платка,
как красный колпак санкюлота
и черный венок моряка.

Когда в тишину кабинетов
ее увлекали дела –
сама революция это
по каменным лестницам шла.

Такими на резких плакатах
печатались в наши года
прямые черты делегаток,
молчащие лица труда.

(1940)

Но такими ли они были, эти лица, на самом деле? Ведь о том же времени и о тех же людях Андрей Платонов пишет свой «Котлован», где эти лица «стираются о революцию» и выглядят совершенно иначе. Но Смелякову я верю больше. В его стихотворенье нет ни одного фальшивого звука, никакого литературного штукарства, оно совершенно и самодостаточно, а если вспомнить еще две его строфы, не вошедшие в канонический текст, то глубина понимания поэтом народного самопожертвования в эпоху первой пятилетки покажется просто пророческой. Откуда возникла делегатка в нимбе красной косынки? Конечно же, из крестьянской избы.

Лишь как-то обиженно жалась
и таяла в области рта
ослабшая смутная жалость,
крестьянской избы доброта.

Но этот родник ее кроткий
был, точно в уступах скалы,
зажат небольшим подбородком
и выпуклым блеском скулы.

И опять ни одного лживого слова. Все – правда. Правда самопожертвования...

Когда наемные лакеи нынешней идеологической перестройки кричат о десятках миллионов крестьян, якобы ставших лагерной пылью, я перечитываю Смелякова и верю ему, говорящему, что крестьянское сословие в 30-е годы не легло в вечную мерзлоту, а стало в своей численной основе летчиками, рабочими, итээровцами, врачами, студентами, машинистами, рабфаковцами, партийными работниками, поэтами, солдатами новой цивилизации.

У моей калужской бабки, крестьянки, было четверо детей. Сын стал летчиком первого призыва, одна дочь врачом, другая – диспетчером железной дороги, третья – швеей и потом директором швейной фабрики. Читаешь, бывало, некрологи 70–80-х годов – хоронят академика, военачальника, секретаря обкома, народного артиста, известного писателя – и видишь, что все они – вчерашние крестьянские дети... Об этом трудном, но неизбежном для народного будущего превращении крестьянства в другие сословия Смеляков размышлял всю жизнь. Всю жизнь он жаждал точно определить, из какого материала создан жертвенный нимб, окаймляющий лики «делегаток» и «делегатов», лики чернорабочих социалистической цивилизации.

Чтоб ей вперед неодолимой быть,
готовилась крестьянская Россия
на голову льняную возложить
большой венок тяжелой индустрии.

Строки из предсмертного стихотворения 1972 года, демонстративно названного «Сотрудницы ЦСУ» (то есть Центрального статистического управления. Одна из аббревиатур грозного времени...):

Я их узнал мальчишеской порой,
когда, ничуть над жизнью не печалясь,
они с моею старшею сестрой
по-девичьи восторженно общались.

Женские судьбы вчерашних крестьянских дочерей особенно трогали душу подростка, благоговевшего перед их наивным, почти монашеским аскетизмом.

Идя из школы вечером назад,
я предвкушал с блаженною отрадой,
как в комнатушке нашей шелестят
моих богинь убогие наряды.

Но я тайком приглядывался сам,
я наблюдал, как властно и устало
причастность к государственным делам
на лицах их невольно проступала.

Будущий поэт, отрок, школьник был счастлив тем,

что с женщинами этими делил
высокие гражданские заботы

и что в шкафах статистики стальных
для грозного строительства хранится
средь миллионных чисел остальных
его судьбы и жизни единица.

И опять, в который раз поэт на склоне жизни требовал от судьбы ответа: чего больше было в «грозном строительстве» – подневольного жертвоприношения или добровольного самопожертвования? Нет, он не тешил себя риторикой лозунгов и социальными иллюзиями, он трезво, как сотрудницы ЦСУ, умел считать все победы и все утраты, он знал неимоверную цену, заплаченную народом за воплощение не-

бывалой мечты, он видел, как ложатся в ее фундамент лозунги, люди, машины...

Кладбище паровозов.
Ржавые корпуса.
Трубы полны забвенья.
Свинчены голоса.

Словно распад сознанья –
полосы и круги.
Грозные топки смерти.
Мертвые рычаги.

Градусники разбиты:
цифирки да стекло –
мертвым не нужно мерить,
есть ли у них тепло.

Мертвым не нужно зренья –
выкрошены глаза.
Время вам подарило
вечные тормоза.

В ваших вагонах длинных
двери не застучат,
женщина не засмеется,
не запоет солдат.

Вихрем песка ночного
будку не занесет.
Юноша мягкой тряпкой
поршни не оботрет.

Больше не раскалятся
ваши колосники.
Мамонты пятилеток
сбили свои клыки...

Великое стихотворенье эпохи!.. Эпоха родила нескольких замечательных поэтов: Заболоцкого, Твардовского, Мартынова, Слуцкого, Даниила Андреева, Павла Васильева. Но Ярослав Смеляков отличался от них всех какой-то особой, совершенно истовой, почти религиозной верой в правоту возникающей на глазах новой жизни. Его поэтический пафос был по своей природе и цельности родствен пафосу древнегреческих поэтов, заложивших основы героического и трагического ощущения человеческой истории с ее дохристианскими понятиями рока, личной судьбы и античного хора. В его взгляде на жизнь не было ни раздвоенности Маяковского, ни покаянных метаний Твардовского, ни иронии Заболоцкого, ни мировоззренческого надлома Бориса Слуцкого. Рядом с ними – уже в шестидесятые и семидесятые годы – будь они кто старше, кто моложе его, он казался каким-то не желающим сомневаться, эволюционировать и пересматривать свои взгляды «мамонтом пятилеток». Но что поразительно! В то же время, когда и Твардовский, и Ахматова, и Заболоцкий, и Мандельштам, и Пастернак, кто из «страха иудейска», кто искренне, создавали Сталину славословия космического размаха, Ярослав Смеляков, восхищавшийся героикой сталинской эпохи, посвятил вождю лишь одно стихотворение, да и то после смерти Сталина, да и то не назвав его даже по имени. А стихотворенье особенное, смеляковское, где вождь очеловечен особым образом.

На главной площади страны,
невдалеке от Спасской башни,
под сенью каменной стены
лежит в могиле вождь вчерашний.

Над местом, где закопан он
без ритуалов и рыданий,
нет наклонившихся знамен
и нет скорбящих изваяний,

ни обелиска, ни креста,
ни караульного солдата –

лишь только голая плита
и две решающие даты,

да чья-то женская рука
с томящей нежностью и силой
два безымянные цветка
к его надгробью положила.
(1964)

Вот так попрощался Смеляков со Сталиным.

К российской героической трагедии XX века он как никто другой прикасался бережно и целомудренно. Вот почему он останется в нашей памяти единственным и потому изумительным поэтом, подлинным русским Дон Кихотом народного социализма, впрочем, хорошо знавшим цену, которую время потребовало от людей за осуществление их идеалов. Поэтом «не от мира сего» Смелякова не назовешь.

Строительство новой жизни по напряжению, по вовлечению в него десятков миллионов людей, по степени риска, по цене исторических ставок было деянием, которое сродни разве что великой войне. А кто, какой историк скажет о войне масштаба 1812 или 1941 года, подневольно ли в такого рода событиях приносятся в жертву миллионы людских судеб или они живут стихией добровольного самоограничения и самопожертвования? Естественно, что в такие времена над людским выбором властвует и та и другая сила – и принудительная мощь государства, и то, что называется альтруизмом, героизмом, аскетизмом.

И все-таки в конце концов именно свободная воля решает исход великих войн и строительств. Не мысли о штрафбате и не страх перед заградотрядами заставлял солдата цепляться за каждый клочок сталинградского берега, как бы ни тщился Виктор Астафьев доказать обратное. Мой отец погиб голодной смертью в Ленинграде, но сейчас, перечитывая его последние письма, я понимаю, что он был человеком свободной воли. Смеляков знал о таинственном законе добровольного самопожертвования, когда размышлял о судьбе своего поколения:

Шумел снежок над позднею Москвой,
гудел народ, прощаясь на вокзале,
в тот час, когда в одежке боевой
мои друзья на север уезжали.

Как хочется, как долго можно жить,
Как ветер жизни тянет и тревожит!
Как снег валится! Но никто не сможет,
ничто не сможет их остановить...

Грань между принесением в жертву государством своих сыновей и дочерей и добровольным самопожертвованием зыбка и подвижна. Да, множество несогласных с жестокой дисциплиной и скоростью «грозного строительства» томились в лагерях великой страны, но десятки миллионов созидали ее, не щадя живота своего, понимая суровую истину слов вождя: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». И чуть было не смяли.

За несколько месяцев до смерти в стихотворении «Банкет на Урале» Ярослав Смеляков в последний раз безоговорочно поставил точку и благословил добровольную всенародную жертву, вспомнив о том, что первый в его жизни банкет случился в середине тридцатых годов – «в снегах промышленных Урала».

Я знал, что надо жить смелей,
но сам сидел не так, как дома,
среди седых богатырей
победных домн Наркомтяжпрома.

Их осеняя красоту,
на сильных лбах, блестящих тяжко,
свою оставила черту
полувоенная фуражка.

И преднамеренность одна
незримо в них существовала,

как словно марка чугуна
в структуре черного металла.

Пей чарку мутную до дна,
жми на гуляш с нещадной силой,
раз нормы славы и вина
сама эпоха утвердила.

Барельефы этих богатырей, отлитые словно бы из каслинского чугуна, не менее величественны, нежели мраморные статуи богов и героев Эллады. А по своей ли, по государственной ли воле вершили они подвиги, поэт различать не хочет, ибо понимает, что обе силы – и внешняя, и внутренняя – двигали ими... Недаром же он, трижды попадавший на круги лагерного ада, ни в одном своем стихотворенье ни разу нигде не проклял ни эпоху, ни свою судьбу, ни Сталина, умело использовавшего для строительства оба могучих рычага истории: вдохновение и принуждение. А ведь в шестидесятые годы рядом со Смеляковым уже писали, уже издавались и Солженицын, и Юрий Домбровский, и Варлам Шаламов. Но как ни старалось поэтическое окружение Смелякова – Евтушенко, Межиров, Коржавин и другие искренние или фальшивые певцы революции и социализма – добиться от Ярослава осуждения эпохи первых пятилеток, старый лагерник не пошел на самоубийственный шаг и не предал ни своего призвания, ни своей судьбы. А если и прикасался к «высоковольтным проводам» времени, то с какой-то своей, осторожной человечностью.

Когда встречаются этапы
вдоль по дороге снеговой,
овчарки рвутся с жарким храпом
и злее бегает конвой.
…….

И на ходу колонне встречной,
идущей в свой тюремный дом,

один вопрос тот самый вечный,
сорвавши голос, задаем.

Он прозвучал нестройным гулом
в краю морозной синевы:
Кто из Смоленска? Кто из Тулы?
Кто из Орла? Кто из Москвы?

И слышим выкрик деревенский,
и ловим отклик городской,
что есть и тульский и смоленский,
есть из поселка под Москвой.

Ах, вроде счастья выше нету –
сквозь индевелые штыки
услышать хриплые ответы,
что есть и будут земляки.

Шагай, этап, быстрее, шибко,
забыв о собственном конце,
с полубезумною улыбкой
на успокоенном лице.

(1963)

А к евтушенковско-межировским крикам о тоталитаризме и культе личности Смеляков относился с плохо скрытой брезгливостью. Всем с нетерпением ожидавшим от него после XX съезда партии мазохистского осуждения истории, проклятий тоталитарному режиму, солженицынского, говоря словами Блока, «публицистического разгильдяйства» он неожиданно ответил публикацией стихотворенья «Петр и Алексей».

Петр, Петр, свершились сроки.
Небо зимнее в полумгле.
Неподвижно белеют щеки,
и рука лежит на столе.

Та, что миловала и карала,
управляла Россией всей,
плечи женские обнимала
и осаживала коней.

Как похож его «строитель чудотворный» на богатырей из Наркомтяжпрома, на Тараса Бульбу, приговорившего к смерти изменника – сына Андрея, на Иосифа Сталина, отчеканившего: «Я солдат на генералов не меняю», когда ему предложили обменять попавшего в плен сына Якова на фельдмаршала Паулюса!

День в чертогах, а год в дорогах,
по-мужицкому широка,
в поцелуях, в слезах,
в ожогах императорская рука.

Слова вымолвить не умея,
ужасаясь судьбе своей,
скорбно вытянувшись пред нею,
замер слабостный Алексей.

Читаешь и словно бы видишь, как от столкновения мощных и противоречивых чувств из разгневанных очей Петра искры летят, как от стального лезвия, соприкоснувшегося с точильным камнем.

Тайным мыслям подвержен слишком,
тих и косен до дурноты.
“На кого ты пошел, мальчишка,
с кем тягаться задумал ты?”»

Нет, не в петровской гордыне тут дело, не в сверхчеловеческом тщеславии. Все серьезней: Алексей – это угроза делу Петра, создаваемой его волей новой жизни, будущему России.

Не начетчики и кликуши,
подвывающие в ночи, –

молодые нужны мне души,
бомбардиры и трубачи.

Что происходит в этой сцене? Кто и чем жертвует? Кто идет на самопожертвование? И то и другое происходит одновременно. Ибо Алексей – плоть от плоти государевой, он его наследник, его продолжение, и, отправляя сына на казнь, Петр как бы жертвует кровной частицей себя самого... В это мгновенье талант Смелякова взмывает до вершин мировой поэзии, где в разреженном горнем воздухе витают героические души протопопа Аввакума, эсхиловской Антигоны, гоголевского Тараса, пушкинского Медного Всадника:

«Это все-таки в нем до муки,
через чресла моей жены,
и улыбка моя и руки
неумело повторены.
……..

Рот твой слабый и лоб твой белый
надо будет скорей забыть.
Ох, нелегкое это дело –
самодержцем российским быть!..»

И в это мгновенье человеческой слабости лик Петра становится похожим на лик крестьянки-работницы, пожертвовавшей льняным венком ради «стального венца индустрии», женщины, подавляющей свою жалость, которая все равно проступает в почти окаменевших от напряжения чертах:

Но этот родник ее кроткий
был, точно в уступах скалы,
зажат небольшим подбородком
и выпуклым блеском скулы.

По всем портретам и скульптурам видно, что у Петра, человека великой воли, был небольшой подбородок... Но главный

трагический парадокс стихотворенья в том, что поэт жалеет не сына, не жертву, а Петра-жреца за его страшное отцовское решенье и за его отцовскую муку.

Зимним вечером возвращаясь
по дымящимся мостовым,
уважительно я склоняюсь
перед памятником твоим.

Молча скачет державный гений
по земле – из конца в конец.
Тусклый венчик его мучений,
императорский твой венец.

Опять и опять, в который раз Смеляков не может отделаться от искушения разгадать, какой же венец окаймляет головы его героев и есть ли в нимбах, осеняющих лики, отблеск святости... А потому столь навязчиво и постоянно возникает в его поэзии образ венка: «императорский твой венец», «тусклый», почти терновый «венчик его мучений», «красное пламя косынки», венок из цветущего льна на голове крестьянки, «красный колпак санкюлота», вдавленная морщина от «полувоенной фуражки» на сильном лбу богатыря из Наркомтяжпрома, «черный венок моряка», «большой венок тяжелой индустрии»...

...В смеляковские времена, помню, как однажды я выступал в Медицинском институте вместе с поэтом Наумом Коржавиным. Сейчас молодое поколение литераторов, видимо, не знает его имени, а в те годы Коржавин был «широко известен в узких кругах». Иные критики считали его чуть ли не одним из крупнейших наших поэтов.

На вечере он прочитал стихи об Иване Калите. Якобы никакого объединения Руси он не желал, а просто был интриганом, травил соседних князей, науськивал на них татар, чтобы расширить свою вотчину. Словом, мелкий злодей, и нечего ему хвалу возносить...

Я вспомнил стихи о Калите, когда узнал, что Коржавин-Мандель уехал в Америку, и стыдно мне стало, что не понял я

тогда всю меру ненависти к России, которую изливал в наивной студенческой аудитории этот тщедушный литератор с брезгливым, высокомерным выражением лица, со всклокоченной головой, ушедшей в пиджачный воротник, густо облепленный перхотью.

Не понял – потому и промолчал или даже сам аплодировал. А вот Смеляков – тот понимал. Недаром, вспоминая лукавого князя, он писал:

Небритый, худой, бледнолицый,
уже не боясь ни черта,
по улицам шумной столицы
иду, как Иван Калита.

Великий русский философ нашей эпохи Алексей Федорович Лосев, сам, как и Смеляков, познавший в 30-е годы вкус лагерной баланды, размышляя о том, что такое в философском смысле понятие «жертва», писал в одной из своих работ на исходе 1941 года:

«Я многие годы провел в заточении, гонении, удушении: и я, быть может, так и умру, никем не признанный и никому не нужный. Это жертва. Вся жизнь, всякая жизнь, жизнь с начала до конца, от первого до последнего вздоха, на каждом шагу и в каждое мгновение, жизнь с ее радостями и горем, с ее счастьем и с ее катастрофами есть жертва, жертва и жертва. Наша философия должна быть философией Родины и жертвы, а не какой-то там отвлеченной, головной и никому не нужной "теорией познания" или "учением о бытии или материи". В самом понятии и названии "жертва" слышится нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое. Это потому, что рождает нас не просто "бытие", не просто "материя", не просто "действительность" и "жизнь" – все это нечеловечно, надчеловечно, безлично и отвлеченно, – а рождает нас Родина, та мать и та семья, которые уже сами по себе достойны быть, достойны существования, которые уже сами по себе есть нечто великое и светлое, нечто святое и чистое. Веления этой Матери Родины непререкаемы. Жертвы для этой Матери Родины неотвратимы. Бессмысленна

жертва какой-то безличной и слепой стихии рода. Но это и не есть жертва. Это просто бессмыслица, ненужная и бестолковая суматоха рождений и смертей, скука и суета вселенской, но в то же время бессмысленной животной утробы. Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственное только и осмысливает жизнь».

Окружение Смелякова 50–60-х годов не зря относилось к нему и с подобострастием, и с тщательно скрытым недоверием. Он тоже понимал, с кем имеет дело, знал сплоченную силу этих людей, помнил о том, как был повязан их путами в атмосфере чекистско-еврейского бриковского салона его кумир Маяковский, помнил, что духовные отцы тех, кто сейчас крутится возле него, затравили Павла Васильева за так называемый антисемитизм и русский шовинизм, до поры до времени молчал или был осторожен в разговорах на эту тему, но, как честный летописец эпохи, не мог не написать двух необходимых для него стихотворений, которые в полном виде были опубликованы лишь после его смерти.

Жидовка

Прокламация и забастовка.
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.

Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая ни мать, ни жена –
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она...

В 1987 году демократы из «Нового мира» впервые опубликовали это стихотворение. Но они, всю жизнь, со времен Твардовского, воевавшие против цензуры, не смогли «проглотить» название и первую строфу: стихотворение назвали «Курсистка», и первую строфу чья-то трусливая рука переделала таким образом:

Казематы жандармского сыска,
пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала курсистка
комиссаркой гражданской войны.

Конечно, понять новомировских «курсисток» можно... Ну хотя бы поэт «еврейкой» назвал свою героиню. Ведь написал же он дружеские стихи Антокольскому: «Здравствуй, Павел Григорьевич, древнерусский еврей!» А тут – «жидовка»! Невыносимо, недопустимо, в таком виде печатать нельзя!

Брызжет кляксы чекистская ручка,
светит месяц в морозном окне,
и молчит огнестрельная штучка
на оттянутом сбоку ремне.

Неопрятна, как истинный гений,
и бледна, как пророк взаперти.
Никому никаких снисхождений
никогда у нее не найти.

Все мы стоим того, что мы стоим,
будет сделан по-скорому суд,
и тебя самое под конвоем
по советской земле повезут...

Две женщины. Одна – русская работница («прямые черты делегаток, молчащие лица труда»), все умеющая мать и жена, обутая в мужские ботинки, одетая в армейское белье, – и другая – профессиональная революционерка, фанатичная чекистка в кожанке с револьвером на боку, не умеющая «ни стирать, ни рожать», а только допрашивать и расстреливать... Два враждебных друг другу лика одной революции... Какой из них был Смелякову дороже и роднее – говорить излишне. После смерти Смелякова это одно из лучших его стихотворений по воле составителей и издателей не вошло даже в самую полную его книгу – однотомник,

изданный в 1979 году «Большой библиотекой поэта». Настолько оно было страшным своей исторической правдой так называемым «детям XX съезда партии». Впрочем, как и стихотворение о смерти Маяковского – о еврейских дамочках полусвета, о «лилях» и «осях», о «брехобриках», о «проститутках с осиным станом», которые, «словно вермут ночной сосали золотистую кровь поэта». Какой шабаш поднялся после его публикации! Как же! Смеляков замахнулся на святая святых – на нашу касту! Симонов бегал в ЦК и требовал наказания виновных, утверждал, что стихи написаны Ярославом Смеляковым в невменяемом состоянии, что автор сам был против их публикации, что они были опубликованы помимо его воли. Борис Слуцкий звонил вдове поэта Татьяне Стрешневой и угрожал, что она не получит больше ни строчки переводов, что все «порядочные люди отшатнутся от нее», что копейки больше нигде не заработает... Хорошо еще, что у Вадима Кузнецова, опубликовавшего стихотворенье в альманахе «Поэзия», сохранилась верстка стихотворения, завизированная Смеляковым. А сам поэт к тому времени был уже недоступен для гнева ничего не забывших и ничему не научившихся поклонников бриковского салона – он уже спал вечным сном под каменной плитой Новодевичьего кладбища.

О драматичной истории этого стихотворения так вспоминал в одной из книг Николай Старшинов:

«После выхода в альманахе “Поэзия” стихотворение не было ни разу опубликовано ни в одном издании. А с самим этим номером альманаха произошла непонятная история. Он мгновенно исчез с полок книжных магазинов. А поэт и прозаик Виталии Коржиков рассказал мне даже такое:

– Подошел я несколько дней назад к книжному магазину, который находится поблизости от моего дома. Смотрю: подъехала к нему легковая машина. Из нее вышли несколько молодых людей. Они по-быстрому забежали в магазин, вынесли из него с десяток пачек каких-то книг. Я услышал их разговор: “Сейчас отъедем за город и сожжем...” Я зашел в магазин и поинтересовался у продавца: что за книги вынесли сейчас молодые ребята? А он мне: “Да это альманах “Поэзия”».

Вот какой властью еще в начале 70-х годов обладал бриковский клан в литературе и политике!

Я в этой статье вспоминаю, конечно же, лучшие, «искрящиеся», истинные стихи Смелякова. Но «амортизация сердца и души» частенько настигала и его. В этом состоянии он написал множество стихов о Ленине, о комсомоле, о советской власти, о дружбе народов, чреватых многословием и политической риторикой. Сейчас они кажутся (да и раньше тоже казались) наивными, плакатными, нарочито повествовательными. Они не искрились, эти слова, с них сыпалась металлическая пыль, смешанная с крупицами точильного камня. Но даже в стихотвореньях, написанных поэтом с усталой искренностью, не было самого страшного для поэзии изъяна – истерического лицемерия, которым были отмечены деяния популярных стихотворцев, заискивавших перед Ярославом и пытавшихся делать имя и карьеру, сочиняя многометровые поэмы о Ленине и Революции. Кто сейчас их помнит, эти полотна диссидентского соцреализма в исполнении Евтушенко, Рождественского, Рыгора Бородулина, Вознесенского, Коротича, Олжаса Сулейменова? Целая Лениниана, которую нынешним ее зодчим, конечно, хотелось бы вырвать из своих книг, забыть, стереть из памяти историков. Ныне ее авторы, когда-то лебезившие перед Смеляковым, глумятся надо всем, что было свято для него. Он же и в те времена держал их на почтительном от себя расстоянии, поскольку верил в одну истину:

Ежели поэты врут,
больше жить не можно.

И не случайно, что Ярослав Васильевич в середине шестидесятых потянулся к новым поэтам.

Помню вечер в Доме журналиста. Выступали Анатолий Передреев и Белла Ахмадулина. Смеляков представлял их публике. Фамилия «Передреев» на рукописной афише в фойе была безжалостно переврана – «Переведреев» или что-то в этом роде. Открывая вечер, Смеляков не мог не сказать об этом.

– Внизу висит афиша, – с негодованием произнес он, – на ней изуродована фамилия поэта. Он – Анатолий Пе-ре-дре-ев! Пусть будет стыдно тем, кто переврал его фамилию. Скоро ее будут знать тысячи наших читателей. Это предсказываю вам я, Ярослав Смеляков!

Но будем смотреть правде в глаза: время сломало и опрокинуло многие устои смеляковского мировоззрения. Он верил, что союз народов создан уже навсегда, что «дело прочно, когда под ним струится кровь», кровь самопожертвования. Он любил ездить на Кавказ и в Среднюю Азию, он любил Кайсына Кулиева и Давида Кугультинова и за талант, и за невзгоды, которые они перенесли вместе со своими народами. Он верил, что все эти кровавые противоречия – в прошлом.

Мы позабыть никак не в силах,
ни старший брат, ни младший брат,
о том, что здесь в больших могилах,
на склонах гор чужих и милых
сыны российские лежат.

Апрельским утром неизменно
к ним долетает на откос
щемящий душу запах сена
сквозь красный свет таджикских роз.

Я бродил по этим тропам Гиссара и Каратегина, не отдавая себе отчета в том, что лишь тридцать лет тому назад буденновские конники сходились здесь грудь на грудь с басмачами-душманами. Однажды, возвращаясь из геологического маршрута по каменистой тропе, вьющейся над кипящим голубым потоком, я увидел под тутовым деревом холмик из камней, над которым свисали с зеленых веток разноцветные тряпичные ленты.

– Что это? – спросил я у сопровождавшего меня местного таджика.

Он внимательно посмотрел мне в глаза и не сразу, но ответил:

– Известный басмач тут похоронен. Из нашего рода.

Так что «на склонах гор чужих и милых» были зарыты и те и другие. И однако я с естественным спокойствием во время геологических маршрутов забредал в самые отдаленные кишлаки, где по-русски кое-как можно было объясниться лишь с чайханщиком, присаживался к чабанскому костру попить чаю с чабанами – потомками басмачей-душманов. Мы улыбались друг другу, в глазах моих собеседников не было ни затаенной злобы, ни коварства, только любопытство и радушие:

– Кибитка Москва?

– Москва!

– Баранчук бар?

– Бар!

– Кизинка бар?

– Йок!

(– Дом в Москве? – В Москве! – Сын есть? – Есть. – Дочь есть? – Нет.)

Я прощался с этими темнолицыми белозубыми людьми, мы жали друг другу руки, не подозревая, что через тридцать лет их соплеменники будут отрезать головы русским солдатам на разгромленных заставах расчлененной страны. Но в те времена мир Средней Азии еще жил общим укладом, столь дорогим сердцу Ярослава Смелякова.

Правда, он предчувствовал, что после его смерти история может быть переписана, кое-какие опасения жили в его душе.

Мне говорят и шепотом и громко,
что после нас, учены и умны,
напишут доскональные потомки
историю моей родной страны.

Не нужен мне тот будущий историк,
который ни за что ведь не поймет,
как был он сладок и насколько горек
действительный, а не архивный мед.

Смеляков как будто бы предвидел появление различных волкогоновых, антоновых-овсеенков, александров яковлевых, но такого количества грязи, лжи и клеветы, которое выльется на его поколение и на историю отечества, он предвидеть не мог. Хотя и предупреждал их от наглого легкомыслия и тщеславного амикошонства, когда создал в своем воображении сцену, как якобы однажды он подошел в Кремле к креслу Иоанна Грозного в его царственной спальне:

И я тогда, как все поэты,
мгновенно, безрассудно смел,
по хулиганству в кресло это
как бы играючи присел.

Но тут же из него сухая,
как туча, пыль времен пошла,
и молния веков, блистая,
меня презрительно прожгла.

Я сразу умер и очнулся
в опочивальне этой там,
как будто сдуру прикоснулся
к высоковольтным проводам.

Урока мне хватило слишком,
не описать, не объяснить.
Куда ты вздумал лезть, мальчишка?
Над кем решился подшутить?

А нынешние – не просто играючи, не просто шутя, не по безрассудной смелости, а по глумливому расчету, за большие деньги, за карьеру и льготы, с напряженными от страха и ренегатской ненависти лицами хватаются за высоковольтные провода истории, корчатся, гримасничают, лгут до пены на губах. Им никогда не понять душу истинного поэта русского социализма; они жаждут заглушить его голос – «чугунный голос, нежный го-

лос мой», стереть с лица земли его «заводы и домны», закрыть его шахты, разрушить его монументы, вывернуть с насыпи шпалы его железных дорог, осквернить его мавзолей. Мародеры истории... Впрочем, пусть они не забывают о судьбе еще одного мародера – Исаака Бабеля, который после октября 1917 года приехал в Зимний дворец, зашел в царские покои, примерил на себя халат Александра III, отыскал спальню и завалился в кровать вдовствующей императрицы. Все было на самом деле, и возмездье настигло его через 20 с небольшим лет – в 1940 году...

Да, видимо, можно разрушить материальную часть цивилизации Ярослава Смелякова. Но духовный мир, мир памяти, мир его героев и героинь с нимбами, венками, кумачовыми косынками, «венчиками мучений» живет по своим неподвластным для разрушителей законам. «В нем было бессмертное что-то...» Поэт знал об этой тайне бессмертия, когда, протягивая нить советской истории в глубь веков, писал:

Над клубящейся пылью вселенной,
над путями величья и зла,
как десницу, Василий Блаженный
тихо поднял свои купола.

Современная юность России
тут встречается с Русью отцов,
мерно движутся танки большие
по невысохшей крови стрельцов...

Написано в год восьмисотлетия Москвы.

А еще он чувствовал и завещал нам нелегкое бремя памяти обо всем русском крестном пути и знал, что сквозь всю пелену грядущего глума будут все-таки проступать как бы начертанные тусклым пламенем его слова, которые он оставил на соловьевской истории России:

История не терпит суесловья,
трудна ее народная стезя.

Ее страницы, залитые кровью,
нельзя любить бездумною любовью
и не любить без памяти нельзя.

За полгода до смерти он, которого считали соперником Александра Твардовского, защитил честь своего собрата по поэзии от Солженицына, опубликовав в «Нью-Йорк тайме» следующее письмо:

«Твардовский – человек и поэт

Я только что прочитал статью А. И. Солженицына “Печаль по Твардовскому”, опубликованную в Вашей газете (12 февраля).

Мы, читатели и друзья этого выдающегося поэта, тоже скорбим над его могилой, но по-другому – без политической истерики, без нелепого желания обратить к собственной выгоде даже смерть знаменитого писателя, признанного своим народом и правительством. Уверен, что Твардовского огорчила и возмутила бы похоронная патетика этого выступления Солженицына, что он бы воспринял это выступление как попытку посмертной политической дискредитации. Автор статьи стремится представить Твардовского противником не только правительства, но и нашей армии. В слепом запале он не замечает, что сам себе противоречит, когда пишет о том, что на гроб поэта были возложены венки от советских военнослужащих. Или он считает, что венки возлагали втайне от командиров и заодно с ним, Солженицыным?

Было бы очень кстати напомнить читателям о том, что незадолго до смерти поэта Воениздат выпустил в свет одному Богу ведомо какое по счету издание “Василия Теркина”. Во время последнего съезда писателей Российской Федерации “Теркиным” торговали в книжных киосках рядом с Колонным залом, и я видел, как Твардовский весело спустился со сцены, где сидел президиум Съезда, купить несколько книг, чтобы их раздарить.

Немного позже издательство “Советский писатель” выпустило двухтомник Твардовского, и я с радостью написал о поэте, по просьбе газеты “Известия”, большую, исполненную признательности статью. Не так давно в издательстве “Художественная литература” вышло полное собрание сочинений Александра Твардовского, честь, выпавшая очень немногим писателям. В прошлом году ему в третий раз вручили Государственную премию. Разве это похоже на травлю? Солженицыну до смерти хочется превратить этого широкоплечего, умного и веселого человека в затравленного страдальца и причислить его, как и самого себя – именно, как самого себя, – к так называемым мученикам.

Я не хочу, чтобы у иностранных читателей сложилось с моих слов представление о моем старшем товарище как о счастливце с безоблачной биографией. Подобно всем большим писателям, он прожил жизнь трудную и деятельную; были у него свои огорчения, были ошибки, свои радости и свои иллюзии. Но он не разделял, да и не мог разделять иллюзии Солженицына о том, что в один прекрасный день советская власть рухнет и новая молодежь построит матренин мир на ее дымящихся руинах. Твардовский был олицетворением нашей социальной системы.

Современная советская поэзия берет лучшие стихи и поэмы Александра Твардовского за образец и будет, как и народ, всегда любить и почитать это имя.

Ярослав Смеляков
Москва, 3 марта 1972 г.»

Как сказал сам Твардовский, «тут ни убавить – ни прибавить»...

В 1997 году молодой поэт Михаил Молчанов опубликовал в журнале «Наш современник» стихотворение о Смелякове, которое заканчивалось так:

При нем пленялись реки.
Он свято верил в труд.
Теперь его вовеки
У нас не издадут.

Неправда. У «них» не издадут. «Они» не издадут. Издадут «у нас». Издадим «мы».

Небольшую книжечку, тридцать-сорок стихотворений, но таких, у которых вечная жизнь.

* * *

Фальсификаторы истории утверждают, что Сталин наяву и во сне только и мечтал, чтобы люди искусства воспевали и прославляли его имя. Но вспомним, что он не разрешил в 1938 году постановку пьесы Булгакова «Батум», что запретил издание книги «Рассказы о детстве Сталина», а заодно и не позволил печатать апологетическую книгу о себе Михаила Кольцова-Фридлянда.

В 1949 году вождь остановил съемки фильма, запланированного кинорежиссерами к его 70-летию. В 1950 году то же самое произошло с книгой о вожде писательницы Л. Капанадзе.

Впрочем, это мелочи по сравнению с тем, что было написано, поставлено в кино и театрах, изваяно в мраморе. С людской страстью к сотворению кумиров никто и никогда не смог ничего сделать. Древних пророков, клеймивших еврейскую чернь за эту страсть, ветхозаветные евреи побивали камнями, но все без толку.

Однако если у русских поэтов Сталин – это вождь, отец, живой человек, к которому естественнее всего относиться с сыновьим почтением, как к главе народа-семьи или семьи народов, который наказует и милует, о котором можно слагать легенды и песни, то поэты с еврейской душой делали из него сверхчеловека, хозяина, человекобога, «поступок ростом с шар земной», ветхозаветного Иегову, истово преклонялись перед ним, как их пращуры перед идолом, и также истово мстили ему за свои несбывшиеся надежды; сначала возводили, а потом разрушали его гигантские монументы, проходя привычный для себя путь от истерики поклонения до истерики глумления.

«С Божией стихией, – как сказано у Пушкина в «Медном всаднике» о наводнении, – царям не совладать». И пророкам тоже.

Однажды Сталин в разговоре с Шолоховым на вопрос, зачем ему такое почтение, столько портретов и славословий, недовольно проворчал: «Бошка им нужно». Шолохов не сразу понял, что не «башка», а «божка». Божок был слеплен, но не самим Сталиным, а двумя силами: «снизу» – инстинктом народа, и «сверху» – жрецами: Михаилом Роммом, Емельяном Ярославским, Матвеем Блантером, Михаилом Кольцовым, Павлом Антокольским, Фридрихом Эрмлером, Алексеем Каплером, Иосифом Хейфецем, Григорием Козинцевым, Александром Зархи, Сергеем Юткевичем, Дмитрием Шостаковичем, Исааком Дунаевским. В общей сложности вся эта компания получила за свое жертвенное служение то ли 25, то ли 30 Сталинских премий, именно Сталинских. Только не обвиняйте меня в антисемитизме, если я скажу, что почти все они евреи. Ведь кроме них «служителями культа» с русской стороны были Александр Твардовский, Михаил Исаковский, Василий Лебедев-Кумач... А для тех, кто хочет понять душевную тайну преклонения перед вождем, я приведу запись из дневника Корнея Чуковского о том, что они чувствовали с Борисом Пастернаком в 1936 году, 22 апреля, когда в президиуме X съезда комсомола появился Иосиф Сталин:

«Что сделалось с залом! А он стоял немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с каким-то разговором Демченко. И мы все равно ревновали. Завидовали – счастливая! Каждый его жест воспринимался с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой – все мы так и зашептали: “Часы, часы, он показал часы” – и потом, расходясь, уже возле вешалки вновь вспоминали об этих часах. Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: “Ах, эта Демченко заслоняет его!..” Домой мы шли с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью».

10 апреля 1934 года Политбюро вынесло «выговор редакциям “Правды” и “Известий” за то, что без ведома и согласия ЦК и т. Сталина объявили десятилетний юбилей книги т. Сталина “Основы ленинизма” и поставили тем самым ЦК и т. Сталина в неловкое положение». 4 мая Политбюро постановило: «Принять предложение т. Сталина об отмене решения Заккрайкома о постройке в Тифлисе Института Сталина. Реорганизовать строящийся в Тифлисе Институт Сталина в филиал Института Маркса – Энгельса – Ленина»; 17 декабря еще одно суровое указание Политбюро: «Утвердить просьбу т. Сталина о том, чтобы 21 декабря, в день пятидесятипятилетия его рождения, никаких празднеств, или торжеств, или выступлений в печати или на собраниях не было допущено».

Все эти запреты вершились по воле самого вождя.

Ну что было делать Иосифу Виссарионовичу, как он мог остановить или запретить такой поток пастернаковско-чуковских изощренных чувств, по сравнению с которым стихотворные излияния вышеупомянутых русских поэтов выглядят либо посыновьи простодушными, либо официально-декларативными. Вклад же поэзии Мандельштама, Смелякова, Заболоцкого и Андреева в поток славословия можно считать нулевым, поскольку их стихи в то время знали лишь близкие люди. Эта советская четверка шла к окончательному пониманию эпохи через страдания, неволю, истязания. Но не потому ли образ эпохи и ее демиурга, ими воссозданный, пережил все другие более поверхностные изображения и до сих пор понуждает нас жить страстями и мыслями отшумевшего века, века-волкодава...

ПИЩА? ЛЕКАРСТВО? ОТРАВА?

В мае 1982 года я лихорадочно засобирался в дорогу; мне все чаще стали сниться таежная река, шумно впадающая в Белое море, ее острова, окаймленные золотыми лентами кувшинок, рокочущие пороги с гладкими валунами, серебряная

рыба, выпрыгивающая из черной воды, тихие белесоватые ночи, когда особенно тревожат душу звонкие голоса лебедей с безымянного озера...

Но за несколько дней до отъезда раздался звонок из «Литературной газеты»:

– Станислав Юрьевич, приглашаем вас выступить в дискуссии о массовости и народности.

Я метался по Москве в поисках пороха, нейлоновой жилки, запасных частей для снегоходов и лодочных моторов – предстояли встречи с любимой моей вольницей: геологами, вертолетчиками, рыбаками, всем надо было что-нибудь привезти столь необходимое для жизни в суровом краю – и одновременно обдумывал, что и как написать. Больная тема давно мучила меня, и вот предлагают трибуну. Я сел к столу, за неделю изложил все, что я думаю о призрачной, по сравнению с той жизнью, что ждала меня, массовой культуре, вскочил в поезд «Москва – Архангельск» и, счастливый, покатил к Северу, не задумываясь ни о каких последствиях своего поступка.

Когда через месяц я вернулся домой, меня ждала целая тысяча писем, требующих автора к ответу, несколько статей в «Литературке», продолживших дискуссию, где главным моим оппонентом был доктор философских наук В. Толстых, и печальная жена, которой пришлось выдержать первый натиск телефонных поздравлений и проклятий. «Ты еще жив?», «Ну, погоди!», «Завистник! Свои стихи не удаются» и т.д. Словом, начался обычный «террор среды». Я сердился, спорил, отшучивался, но тем не менее пришлось надолго погрузиться в читательское море, сесть за ответы, поблагодарить своих сторонников, задуматься над аргументами противников, кое-что переосмыслить. Сложность состояла в том, что писем, не принимающих мою точку зрения, было намного больше. Друзья утешали меня: «Те, кто согласен с автором, – те почти не пишут. Они и так довольны, что ты выразил их мысли. Пишут в основном те, кто не согласен!» Но с эмоциональной точки зрения это было слабым утешением. Единственный выход заключался, видимо, в том, чтобы не торопясь обдумать всю чи-

тательскую разноголосицу и еще раз подвести итог всем страстям, мыслям и спорам.

Так я и поступил, через два года опубликовав продолжение разговора в журнале «Наш современник» (№ 7, 1984). На журнал, как и следовало ожидать, также обрушился шквал почты. Но поскольку журнал не газета и его читатель несколько иной (чаще всего это подписчик, читающий журнал постоянно, стоящий, на мой взгляд, на более высоком уровне читательской культуры), то соотношение моих сторонников и противников было более отрадным – приблизительно половина на половину.

Многие письма по-настоящему порадовали меня. И тем не менее полной ясности в мыслях не было. Я копнул глубже – и читатели в ответ копнули глубже. В письмах выплеснулось столько страстей, обнаружились такие глубины нашей жизни, о которых я и не подозревал.

Читатель оказался крайне разнообразным: умным, примитивным, глубоким, обманутым, скептическим, яростным, верующим... Передо мной разверзлось такое море мнений, в котором перемешались быт, политика, консерватизм, вера, жажда идеала, снобизм, потребительство, вещизм, государственность, равнодушие, боль и т.д. Словом, все девять десятых громадного айсберга, о связи которых с массовой культурой трудно было и подозревать... И тут я понял: дальнейший разговор без этого читателя вести нельзя хотя бы потому, что многие письма были написаны с такой искренностью, с таким знанием жизни, с таким страстным блеском, с такой твердостью убеждений, что иные наши публицисты, в том числе и я, могли бы лишь позавидовать их авторам. Да, я отдавал себе отчет, что некоторые читатели сформулировали то, что я хотел сказать в статьях, глубже, точнее и бесстрашнее.

Бесценная исповедальная стихия жизни – всех ее социальных слоев, поколений, профессий, обнажилась передо мной, как срез геологических отложений. Дух эпохи, психология масс, раздираемая противоречиями коллективная душа... Но чья душа? Толпы? Народа? Публики? Потребителя? Это надо было решить. Письма, за которыми стояли люди, спо-

рили уже не со мной, но друг с другом, и я чувствовал, что две противоборствующие стихии оттеснили меня в сторону и сами сошлись в рукопашной, выясняя истину.

Вот почему, положив в основу этой главы в некоторой степени переработанные свои статьи, я решил включить в текст как можно больше читательских откликов или отрывков из них, а также публицистических, а порой и лирических отступлений автора, возникших во время трудного плавания но этому бурному эпистолярному морю.

От великого до смешного...

(Литературная газета. 9.06.1982)

Ты заснешь надолго, Моцарт!
А. Пушкин. Моцарт и Сальери

Критик Лев Аннинский, защищая репутацию французского читателя в одной из статей, со страстью воскликнул: «Или народ, давший миру Рабле и Роллана, впал в безграмотность!.. Во всем цивилизованном мире действуют одни законы». Конечно, с грамотностью у французского читателя все в порядке, но уровень грамотности – одно, а уровень общественной совести и духовной жизни народа – другое. Если в «цивилизованном мире действуют одни и те же законы», то наш читатель ничем не должен отличаться ни от французского, ни от американского. А на деле получается, что «законы одни», а результаты почему-то разные... Массовая культура – естественное и историческое порождение буржуазного образа жизни. Вспомним, что еще Пушкин, прозорливо угадывая наметившийся полтора века тому назад после революции 1793 года буржуазный характер отношений между читателем и писателем, беспощадно отзывался о современных ему французских властителях умов: «Когда писатели перестали толпиться по передним вельмож, они в стремлении к низости обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостью и странностями, но с одной целью: выманить себе

репутацию или деньги! В них не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ!»

Брезгливость к коммерческому временному успеху и страсть к истине всегда были сутью классического русского искусства. На Западе такой тип художника был исключением. Разница эта со скидкой на время жива и по сию пору, и только поэтому нам есть о чем спорить и за что ратовать сегодня.

Странно, что ни один из участников дискуссии о массовой культуре не вспомнил о том, что у нас есть живая духовная сила, противостоящая любым издержкам цивилизации, – наша классика. Думаю, что и понятие «массовой культуры» в буржуазном смысле слова и в полном объеме его у нас не существует, потому что этого не разрешает классика. Но не потому ли жизнь ее сегодня небезоблачна?

Когда я читаю о «зонгах» современного поэта в мюзикле «Убивец» (по «Преступлению и наказанию»), «представляющих эквивалент прозы» Достоевского, когда вижу, что златоглавая колокольня едва торчит, отрезанная от ансамбля холодной стеклянной коробкой, когда с телевизионного экрана в час кинопанорамы то и дело слышится: «гениальный актер», «гениально», «конгениально», мне ясно: массовая культура идет в атаку на культуру вечную.

Все хорошо у создателей массовой культуры, одно плохо: неуютно им рядом с классикой. Все комплексы неполноценности и самозванства рядом с ней начинают выпирать наружу. А коли так, чтобы выжить, надо соперницу перелицевать, перекроить, адаптировать, приспособить к диктату моды, уравнять с собой, модернизировать... Но ох как трудно модернизировать то, что никогда не ветшает, что, как вечный двигатель, не торопясь, но и не останавливаясь, продолжает работу по освобождению и просветлению душ человеческих. Классика постоянна в требованиях к миру, строга к публике, и публика не всегда и не во все времена выдерживает ее строгость, ее духовную и эстетическую требовательность. Но в таком случае надо «подымать» публику, а не «упрощать» для нее классику.

Да не оставит нас тревога Александра Блока, взывавшего «наложить строгое и решительное вето художника... на ту чудо-

вищную вульгаризацию ценностей, которая уже принесла свои плоды, извратив в ушах читающей и интересующейся искусством публики смысл многих явлений в области Прекрасного»!

«Вечная прелесть», «норма и недосягаемый образец» – вот как писал Маркс об античной классике. То же самое можно сказать и о классике мировой и, что для нас дороже и понятней, о классике русской. Нам есть что противопоставить и элитарной культуре, и массовой, тем более что они в определенные периоды смыкаются в борьбе с классикой. Вспомним хотя бы тот факт, что в двадцатые годы, во время торжества в живописи всякого рода кубистов во ВХУТЕМАСе, о чем пишет Владимир Солоухин в одной из своих публикаций, «на учебные холсты для всевозможных кубистических упражнений изрезали двенадцатиметровый шедевр Рериха «Град Китеж». Холста, видите ли, не хватало...

Однако драма апологетов массового или элитарного искусства в том, что изменить суть классики невозможно. Она, как воздух, земля, вода, лес, как природная стихия, может существовать только в том объеме истины и величия, в котором рождена. Правда, ее материальные формы – архитектуру, скульптуру, живопись – можно расчленить, снести, застроить, перестроить, ссылаясь на прагматические требования времени, можно на время разрушить исторически сложившийся репертуар театра, но что сделаешь с романом, со стихотворением, с мелодией, с устойчивой прапамятью человеческой? Нет, с ними не совладать прагматикам массовой культуры – ни западным, ни восточным, ни отечественным...

Однако стоит ли бороться с массовой культурой? Тяга к ней в обществе всегда есть и будет, и каждый из нас, когда берет в руки детектив или садится к «ящику», чтобы погрузиться на часок-другой в объятья его «сладкой, – по словам Юрия Бондарева, – тирании», отдает неизбежную дань времени и самым слабым свойствам своей натуры. Это естественно. Неестественно другое: не надо выдавать черное за белое, не надо сознательно путать явления массовой культуры и вечной, не надо мюзиклы и шлягеры объявлять вершинами совести и красоты. Всякая попытка создать вариант и оттиск идеала – по

сути есть стремление опустить его до уровня массового спроса. Слишком он высок, не по зубам, давайте его экранизируем, упростим, разжуем – и публике хорошо будет, и мы внакладе не останемся! На народ ссылаемся: мол, народ любит, аплодирует, слушает, за магнитофонными записями гоняется. А давайте вспомним, что писал Достоевский о Пушкине и о любви народной: «Пушкин на той ступени своего развития, на которой он стоял, никогда бы не мог быть понят простонародьем. Неужели ему, для того чтоб его понимало простонародье, следовало непременно идти к нему и, заговорив его языком (что он очень сумел бы сделать), скрыть от народа свое развитие? Народ почти всегда прав в основном начале своих чувств, желаний, стремлений; но дороги его во многом иногда неверны, ошибочны, И, что плачевней всего, норма идеалов народных часто именно противоречит тому, к чему народ стремится, конечно, моментально противоречит».

Теряя различие «народного» (содержательное понятие) и массового (внешнее), мы теряем представление о сути культуры. Я всегда удивляюсь писателям, которые, соблазняясь массовыми вариантами культуры, с удовольствием переделывают свои романы в пьесы, а потом эти пьесы – в сценарии и т.д., клишируя и тиражируя порой и без того бледный оригинал. Достоевский, понимая, что всякое истинное произведение может жить полнокровной жизнью лишь в той форме, в какой рождено, писал однажды литератору Федорову, переделавшему его повесть «Дядюшкин сон» в пьесу: «Хотите поставить на сцену, ставьте: но я умываю руки и переправлять сам ни одной строчки не буду. Кроме того, об одном прошу настоятельно и обязательно: имени моего на афишах чтобы не было... Конечно, лучше бы было совсем и не ставить...» Вот о чем не стоило бы забывать любителям инсценировок и мюзиклов, перелицовывающих на свой лад Толстого, Достоевского, Гончарова... Чаще всего из их уст слышатся такие аргументы: ну а Чайковский, а Мусоргский, создававшие оперы на пушкинские сюжеты?

Что ответить на это? Во-первых, здесь одна классическая форма «переливалась» не в киносценарий, не в «мюзикл», а в

оперу – то есть в другую «конгениальную» классическую форму. Во-вторых, «соавтором» гения был другой гений. Согласимся все-таки, что когда с Пушкиным «сотрудничает» Чайковский или Глинка, получается принципиально нечто другое, нежели перелицовка Льва Толстого Розовским или Федора Достоевского Ряшенцевым.

В прошлые времена массовая культура не лезла не в свои сани, знала свой шесток и не имела теоретиков, которые выдавали бы ее за естественное развитие классики. Делается это, кстати говоря, по-разному. Палиевский в свое время в статье «К понятию гения» едко высмеял один из таких приемов: «Ведется, скажем, какой-нибудь список бесспорных имен, и вдруг в конце или как-нибудь в середине является еще одно или два. Невзначай, как бы сами собой разумеющиеся, давно, мол, пребывающие в этом ряду. «Все великие новаторы музыкальной мысли, подобные Берлиозу, Вагнеру, Мусоргскому и Шонбергу...»; или: «В наше время проповедники пошлости уже не решаются открыто выступить против искусства Гольбейна и Рубенса, Рафаэля и Пикассо»... Позвольте, откуда Шонберг, почему Пикассо? А ни почему – просто «тоже». Это признает весь мир!.. Несмотря на крайнюю простоту этого приема, действие его все еще остается в силе. Критик прав. С действием этого приема «присоединения» можно встретиться буквально на каждом шагу. Однажды, например, я выступал с группой писателей в Центральном лектории общества «Знание», и перед лекторами, съехавшимися со всей страны, молодая писательница с полной уверенностью заявляет: «Пройдет некоторое время, и мы увидим, что романы братьев Стругацких будут стоять в учебных хрестоматиях рядом с “Капитанской дочкой”». Смешно? Вы скажете, что это, мол, устное выступление, не больше того! Однако подобное в нашей критике встречается частенько. Как-то мне попался в руки номер журнала «Литературное обозрение», в котором В. Оскоцкий «в ряд классиков» наряду с Пушкиным, Некрасовым, Шевченко включает... Кирсанова. В том же номере в одном списке стоят «Тютчев, Лермонтов, М. Карим, Н. Глазков, Д. Самойлов». А разве в нашей родной «Литературной га-

зете» не встречается нечто похожее? Пожалуйста! В одном из номеров были напечатаны размышления Э. Рязанова об артисте Г. Хазанове. Рязанов, размышляя о том, как трудно было молодому актеру сказать свое слово на эстраде, где безраздельно царил Аркадий Райкин, пишет следующее: «Как создать новый эстрадный спектакль, когда Райкин по-моцартовски осуществил почти все возможное в этом жанре? Если бы Хазанов был Сальери, он знал бы, как поступить с маэстро Райкиным. Но он и сам одарен по-моцартовски». Мд-а-а...

До сих пор, если иметь в виду выдающиеся имена нашей культуры двадцатого века, лишь о Сергее Есенине, словами Бориса Пастернака, было сказано нечто подобное: «Есенин был живым бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим Моцартовским началом, Моцартовской стихией». А тут сразу две «Моцартовских стихии»... Не чересчур ли?

Впрочем, вспоминаю, что тень Моцарта уже была потревожена на страницах журнала «Литературная Грузия»: «Нужна пауза сосредоточенности и самоочищения, чтобы позволить себе вступить в этот моцартианский, пушкинский по дивной чистоте и гармонии мир...» – из статьи критика Г. Маргвелашвили о подборке стихов Б. Ахмадулиной. Пушкин – Стругацкие, Моцарт – Пушкин – Ахмадулина – Хазанов, Тютчев – Лермонтов – Самойлов... Все тот же «закон присоединения»...

* * *

Стихотворный вариант массовой культуры, я думаю, у нас в своем крайнем воплощении возник в начале 60-х годов – во времена вечеров в Лужниках с обязательной конной милицией, во времена лозунгов типа: «Политехнический – моя Россия». «Останкинские вечера» безмерно расширили клан зрителей и слушателей поэзии, но едва ли увеличили число ее читателей. Все это было бы хорошо, если бы не издержки процесса, о которых в свое время уже начинал задумываться Пастернак. Правда, он думал об издержках, касающихся не потребителя, а

творца, но тем не менее мысли его небесплодно вспомнить деятелям эстрадной поэзии, кто и сегодня декларирует свою связь с творчеством то Пастернака, то Маяковского и одновременно конструирует модные мюзиклы. Вот что писал Пастернак в середине тридцатых годов: «Году в 22-м я был пристыжен сибаритской доступностью победы эстрадной. Достаточно было появиться на трибуне, чтобы вызвать рукоплескания. Я почувствовал, что стою перед возможностью нарождения какой-то второй жизни, отвратительной по дешевизне ее блеска, фальшивой и искусственной; и это меня от этого пути отшатнуло. Я увидел свою роль в возрождении поэтической книги со страницами, говорящими силою своего оглушительного безмолвия, Я стал подражать более высоким примерам. Если у нас терпится разврат эстрадных читок, в балаганном своем развитии доходящих временами до совершенного дикарства, то это только потому, что Маяковский в этом отношении, т.е. как явление на эстраде, был такою живою истиною и дал так потрясающе много, что как бы на несколько поколений вперед оправдал это поприще, искупив грехи многих будущих героев мюзик-холла».

У Е. Евтушенко есть любопытное стихотворение, посвященное памяти Высоцкого. Поэт возмущается, что «рядом с шашлычной» в киоске звукозаписи бойко идет чернорыночная торговля его песнями. Евтушенко не по себе, что Высоцкого «вдруг полюбили со стереомагами автомобили», что «торгаш тебя ставит в игрушечке-“Ладе” со шлюхой, измазанной в шоколаде», поэта коробит, что эпохальные записи бесцеремонно заталкивают «прошашлыченным пальцем в кассету»... Евтушенко заканчивает стих пессимистической нотой: «Жизнь кончилась – и началась распродажа». И, однако, несмотря на страстное заверение автора: «тебя торгаши не отнимут – ты наш» – стихотворение наводит на сложные размышления. В самом деле, почему торгаши (в числе и других слоев населения) выбрали себе кумиром Высоцкого? Только ли потому, что он в моде? Да и потому, конечно. И неубедительными мне кажутся рассуждения Р. Рождественского в предисловии к книге Высоцкого «Нерв», во многом повторенные критиком А. Киреевой в

журнале «Юность», о том, что, мол, «мещанство старается прибрать к рукам и действительно талантливые явления». Да, и так бывает, но только тогда, когда явление дает к тому повод, если оно демонстративно или молчаливо соглашается войти в систему: мода – спрос – предложение. (Почему-то мещанство не хочет «прибрать к рукам», допустим, поэзию Николая Заболоцкого, Николая Рубцова или музыку Георгия Свиридова – то ли неинтересно, то ли «не по зубам».) Так что пустое дело горевать, что мещанствующие снобы прибрали к рукам наследие певца, напрасный труд отрывать Высоцкого от моды, которую он сам создавал, на которую работал. «Началась распродажа...» Нет, распродажа началась гораздо раньше, еще при жизни Высоцкого, и он не особенно огорчался этим, иначе не написал бы целый пласт блатных, полублатных песен, на которые была мода в 60–70-е годы (к сожалению, эти тексты, создавшие ему главную славу, не вошли в сборник поэта, его облик без них очень «причесан»); иначе не сочинял бы громадное количество по-фельетонному броских и грубых песен, в которых жизнь изображена чем-то вроде гибрида забегаловки с зоопарком. Иногда говорят, что мир Высоцкого схож с миром Шукшина...

Из письма Н. Игнатьевой (Москва):

«Недавно на творческом вечере очень известного и многими любимого композитора спросили: “Как вы относитесь к творчеству Высоцкого?” Он ответил: “В наше время было только два человека – Шукшин и Высоцкий, которые знали, что сказать людям”».

Нет, их герои похожи друг на друга только внешне. Вспомним песню Высоцкого о Лукоморье. «Лукоморья больше нет, от дубов простыл и след, дуб годится на паркет – так ведь нет...» В сущности, это демонстративная попытка сделать из высокой поэзии фельетон на тему «современные нравы», фельетон, где действует «дядька Черномор в Лукоморье первый вор», и леший, вопящий голосом современного алкоголика: «Дай рубля, прибью а то, я добытчик али кто», русалка, кото-

рая «родила» дите неизвестно от кого – то ли от лешего, то ли от Черномора, то ли от тридцати трех богатырей.

Впрочем, если мне не изменяет память, похожая пародия на «Лукоморье» уже существовала во времена моего детства, в тридцатые годы. Но без музыкального и исполнительского антуража, без магнитофонного тиражирования – поэтому ее ирония была не столь тотальной: «У Лукоморья дуб спилили... кота на мясо изрубили, златую цепь в Торгсин снесли...»

Видимо, она пришла из нэпмановской эпохи, была анонимной и не столько смешной, сколько вульгарной. Высоцкий же повторил подобную попытку, но, естественно, как одаренный актер, с большим фельетонным остроумием, с большим «чувством современности» и в эффектном исполнении. Так что поклонникам, которые, обижаясь за своего кумира, упрекают меня, что я посягаю на святое имя, неплохо бы знать, что знаменитый бард ради эстрадного успеха, «ради красного словца» не щадил наших национальных святынь. Ведь на прекрасной пушкинской сказке выросло много поколений русских детей. Сам Пушкин написал «Лукоморье» лишь потому, что с детских лет жил в благотворной для души ребенка стихии сказок и преданий:

Ах, умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь бывало.
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.

Прекрасный и таинственный сладкий ужас воспитывает детскую душу, и я с горечью думаю о том, что нынешний ребенок, если он сначала услышит пародию Высоцкого на «Лукоморье», уже едва ли испытает это душеобразующее чувство,

прочитав «Лукоморье» настоящее, потому что персонажи его уже безнадежно осмеяны. Сказка умерщвлена раствором черного юмора, обескровлена. «Лукоморья больше нет...» Да его и никогда не было в жизни: оно – создание пушкинского гения! Но разве этого мало?..

В борьбе с вечной культурой можно уничтожить памятники зодчества, взорвать их, как об этом пишет Ю. В. Бондарев в статье «Наследство культуры»: «...играя и прикрываясь революционными фразами, с железной поступью прогресса многое на этом свете возможно объяснить – даже и то, почему в 30-х годах был снесен красавец архитектуры Страстной монастырь, а в 50-х годах исчезло неповторимое и колоритное Зарядье с его дорогими национальными памятниками».

Да, памятники архитектуры можно снести. Но что делать с бессмертным стихотворением? Его можно высмеять, спародировать и тем самым – унизить.

Весной 1982 года на дикой северной реке, куда я все-таки добрался к началу июня, в нескольких километрах от моей стоянки рыбачили два москвича. Время от времени я забредал в их лагерь послушать транзистор, погостить.

Оба они, стокилограммовые сорокалетние мужики, принадлежали к «деловому миру» и, закончив серию зимних забот, приехали набраться здоровья в мезеньскую тайгу. У них всегда был всякий дефицит: баночное пиво, консервированные шпикачки и паштеты, изысканные соусы с иностранными наклейками. Ребята они были добродушные, хлебосольные, и я в шутку звал их «амбалами», а территорию, где они жили, рыбачили и охотились, – «землей амбалов».

Однажды мы сидели у костра. Речь зашла о Высоцком, и я высказал кое-какие соображения на эту тему. «Амбалы» ощетинились:

– Ты нам своего Пушкина не навязывай! У нас Володька! Он нам нужнее... Володьку не тронь! Помнишь, как он твоему Пушкину врезал?

И старший из «амбалов» хриплым голосом, неумело подражая Высоцкому, завопил:

Лукоморья больше нет,
От дубов простыл и след...

Печальный принцип такого переосмысления вечных ценностей классики и нашей истории не нов и, к сожалению, весьма распространен. Вспомним хотя бы сцену из мюзикла М. Розовского «Убивец» по «Преступлению и наказанию», где Сонечка Мармеладова («вечная Сонечка»!), лихо отплясывая, поет на сцене вместе с хором блудниц:

Ох, не просто девушке
достаются денежки,
где духи, а где румяна,
щечка бита, кофта рвана...

Словом, канкан, фельетон, куплеты вместо высокой трагедии и высокой поэзии. И едва ли справедливо с этой точки зрения рассматривать Высоцкого и Шукшина как художников общего поиска, потому что фельетонно-пародийная перелицовка «Лукоморья» не имеет ничего общего с любовью Василия Шукшина к русской культуре.

«Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами... Уверуй, что все это было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку» (В. Шукшин).

Высоцкий многое отдавал за эстрадный успех. У «златоустого блатаря», по которому, как сказал Вознесенский, должна «рыдать Россия», по существу, нет светлых песен о ней, о ее великой истории, о русском характере, песни, написанной любовью или хотя бы блоковским чувством: «...Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне». Так что пути Шукшина и Высоцкого совершенно противоположны друг другу.

Из письма В. Лобанова (Москва):

«Если внимательно проанализировать тексты песен Высоцкого, то налицо опошление образов русской истории (“Песнь о вещем Олеге”, “Что за дом стоит погружен во мрак” и т.д.), сказок (“На краю края земли”, “Лукоморья больше нет” и др.). Ирония и издевательство – вот характерные черты этих песен. Тем не менее популярность велика, а ведь это страшно. Страшно за людей, хотя они здесь мало в чем виноваты, – это реакция на совершенно безликие песни профессиональных авторов».

Шукшин никогда окончательно не терял из виду идеала, преображения своего героя, недаром он вместе с ним мучительно искал и нашел в конце концов в «Калине красной» пути возрождения души и личности, докопался до корней нравственности народной. Лирический же герой большинства песен Высоцкого, за исключением немногих песен о войне и мужском товариществе, написанных чаще всего для кинофильмов, как правило, примитивный человек – полуспившийся Ваня, приблатненный Сережа, анекдотическая Нинка и т.д. Надрыв этого человека – окончательный разрыв с идеалом, в лучшем случае замена его правилами полублатного коллективизма. Над этим «быдлом» можно лихо поиздеваться, можно беспощадно посмеяться, что и делает торгаш из стихотворения Евтушенко. Правильно делает – Высоцкий дал ему такое право. Рождественский пишет, что «для мещанствующих снобов» Высоцкий прежде всего был «модным». Не только для «снобов» – он был модным и для дельца из «игрушечки “Лады”», который, «достав» книгу Высоцкого, не прочитает ее, нет, делец поставит эту книжку на полку к роскошным подписным изданиям классиков, потому что книги ему нужны для престижа, а исполнение – для души. Зачем ему читать тексты, лишенные музыкального и актерского обаяния, проще нажать кнопку стереомага – и автор обслужит потребителя умелым аккордом, щемящей хрипотцой, разрывающимися от напряжения связками, вместе с ним посмеется над жертвами своей острой наблюдательности:

Я пил из горлышка, с устатку и не евши,
Но как стекло был – остекленевший,
А уж когда коляска подкатила,
Тогда в нас было семьсот на рыло...

Хорошо душе дельца – это его мир, его друзья и клиенты, его лексика, его огорчения и радости... Как же ему не любить Высоцкого? При всем своем таланте и при том, что эти песни свои актер сам называл «антиалкогольными», объективно многие из них обслуживали атмосферу того двадцатилетия (шестидесятые – семидесятые годы), с последствиями которого наиболее умным и трезвым людям сегодняшнего нового времени приходится вести тяжелую борьбу. От этой истины никуда не уйти. Поистине, «какое время на дворе – таков мессия».

В течение этих двадцати лет из окон домов слышалось не чтение стихотворений, позже напечатанных в книге «Нерв», а его собственное страстное исполнение того, что не было напечатано, но тем не менее впечаталось в сознание современников. Что бы ни говорил о них автор, какие бы благие цели он ни ставил перед собой, песни эти не боролись с распадом, а, наоборот, эстетически обрамляли его. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Е. Евтушенко вольно или невольно, но, глядя правде в глаза, выразил драму таланта, который, может быть, неожиданно для самого себя вступает в неразрывные отношения с потребителем своего творчества:

Володя, как страшно – меж адом и раем
крутиться для тех, кого мы презираем...

Поэт, живущий и творящий по законам вечной культуры, дорожит читателем и уважает его. Потребителя культуры можно в лучшем случае презирать, но деваться от него некуда, ибо он один из тех, кто диктует моду. И когда Евтушенко в ужасе срывается на фальцет: «...тебя торгаши не отнимут. Ты наш!», торгаш может спокойно ответить защитнику чести Высоцкого: «Не горячись, он – и наш тоже. Все вы – немного наши...» Иные по-

клонники Высоцкого любят сравнивать его метания с духовными поисками Есенина. Но как сказал Николай Рубцов о Есенине:

Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!

Версты всей потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музы!

У Высоцкого же эта стихия выродилась и фельетонизм, в бытовой анекдот, в лихой скепсис, в пародию на жизнь. Однажды на Севере в маленьком аэропорту поморского села, слушая текущую в уши из транзистора какую-то «Песню-77» или «78» (уже забыл), я написал небольшое стихотворение, как будто специально для нашей дискуссии.

Рифмачи, трубачи, хохмачи,
разноликое племя эстрады,
я подумал в деревне Ручьи,
над которой пылают закаты,
что исчезнут, в пространстве смердя,
гонорары, престижи, афиши,
но дойдет до грядущего дня
этот вечный дымок из-под крыши,
где старуха, что зелье варит
и бормочет обрывок напева,
с большей страстью культуру творит,
чем вся ваша большая капелла...
Потому что ее существо,
зная цену и слову и хлебу,
невелико, но и не мертво
и работает не на потребу...

* * *

После публикации в «Литературной газете» многие рассерженные авторы возмущались: как, мол, он смел противопоставить великим и всенародно известным именам эстрады какую-то то ли самогонщицу, то ли вообще несуществующую мифическую старуху, придуманную специально, чтобы очернить кумиров?

А я читал эти письма, и перед глазами вставала древняя поморская деревня, три неровные улицы домов с чахлыми палисадниками, с одной стороны шум прибоя – там Белое море, с другой – река. Во время отлива вода уходит далеко от берега и тяжелые рыбацкие лодки ложатся на глянцевое илистое дно. Ветер. Песок. На холме черный контур деревянной церкви, словно бы врезанный в алый морской закат.

– Здравствуйте, бабушка! Давайте помогу...

– Ну помоги, милок, старухе...

Распилили несколько чурок. Разогнулись передохнуть.

– Лет-то сколько, бабушка?

– Да без году восемь десятков!

– А что дрова одна пилишь – ай помочь некому?

Два синих глаза на изрезанном морщинами круглом лице молодо блеснули:

– Одна пилю, одна колю, одна поленницу кладу! Пошли в избу, чайком угошшу!

Мы подошли к ее громадному дому, стоявшему на берегу реки. Его парадная стена выгнулась, словно кто надавил на нее изнутри, окошки перекосились, крыша, обросшая зеленым мхом, кое-где провалилась, взвоз со стороны улицы обрушился...

Евлампия Анкудиновна поняла мой недоуменный взгляд.

– Одна я осталась на свете. Родных – никого. Одна пилю, одна колю... А народ-то какой нынче пошел: позовешь мужика на помочи – бутылку купить надо. А вся пензия тридцать восемь рубликов.

За самоваром она рассказала мне всю свою жизнь.

– Мужа-то взяли в сентябре сорок первого. А в феврале он погиб. Вон мы с ним – красивая у нас пара была! Кудрявый был мой Василий, да и я ничего...

Со стены с большой фотографии в черной самодельной рамке на нас смотрели молодые – скуластая крепкая девушка и чубатый парень.

– Так после Василия одна и живу. Ни с кем не связалась. Не дал бог сыру, а сывороткой не нахлебашся... Пензию-то мне колхозную дали поперва восемнадцать рублей. Ну, думаю, плохи твои дела, Евлаша. Пошла к морякам прачкой – восемь годов стирала, потом уборщицей в клубе пять годов, вот справок и набрала на тридцать восемь рубликов. – Евлампия улыбнулась, победно блеснув крепкими зубами. – Да ишшо картошку сажаю – летось колхозу сдала шесть мешков по семь копеек за кило. Жить-то надо! Избу мне токо надо поправить. Хоть бы крышу перекрыли. За стол сяду – и в чашку текет, засну – по роже текет, перевернусь – на спину текет... Да снегу за зиму с повети в сени целый сугроб нанесет. Изба без заду, что баба без задницы, – озорно засмеялась она. – Председатель приходил: давай, говорит, Евлампия, тебя в комнату сельсоветовскую переселим! А я никуда со своей избы не пойду, пусть задавит меня. Помогите горюшку вылезти на волюшку из завалинки своей. Стенку клеенками обила и живу. Сама живу и скотинку держу. Был кот Фомка, по девкам пошел и пропал – на шапку попал. А кошка Машка взамен родила мне Ваську – глядишь, принесет счаську...

Кошка Машка с котенком Васькой возились на кровати с никелированными блестящими набалдашниками. Над кроватью висела фотография – человек тридцать мужиков в кепках, дешевых пиджаках, в сапогах – худые, скуластые обветренные лица. «25.7.1933 г. Совещание капитанов зверобойного промысла».

Глядя на фотографию, Евлампия погрустнела:

– Вот там, в середке, в первом ряду Василий мой сидит...

Напившись чаю, мы вышли допилить дрова. Ветер усилился, принося со стороны моря песок и соленую влагу. Вече-

рело. Черный контур церкви торчал на песчаном холме, разрезая пополам полоску красного заката.

Мы взвалили на козлы сутунок. Пила шла тяжело. Раза три пришлось передохнуть, распрямиться, поглядеть на закат, на клочья пены в реке – вода прибывала с моря. «Вода заживала» – начинала жить.

– Лиственяк! – с восхищением глядя на сутунок, сказала Евлампия. – Болонь-то сгнила, а сердце цело. Пилишь – не распилишь...

Именно о ней, вспоминая ее живой переливающийся язык, ее шутки, прибаутки, присказки, рождающиеся на глазах, ее глаза – два голубых василька на коричневом морщинистом лице, я написал впоследствии стихотворение, столь возмутившее поклонников нашей эстрадной, массовой культуры.

И не подозревала бедная Евлампия Анкудиновна, сколько проклятий посыпалось на ее голову: «Тоже нашел кого противопоставить великим людям – Высоцкому, Пугачевой, Резнику...»

А я читал эти проклятья и вспоминал Евлампию Анкудиновну, ее синие невыцветшие глаза, седые густые волосы, белозубую улыбку и грусть, которую она всю жизнь носит в своем крепком, как сердцевина лиственницы, сердце и с которой она борется живым словом, рожденным в ее народе здесь, на неуютной северной земле, где шумит море, свистит на ветру песок, «заживает вода» и пламенеют в редкие тихие вечера тревожащие душу закаты.

– Не дал бог сыру, а сывороткой не нахлебашся!

– Помогите горюшку вылезти на волюшку!

– Одна пилю, одна колю, одна поленницу кладу!

Что тебе поют?

Итак, по просьбе «Литературной газеты» я написал статью о массовости и народности.

Не думая особенно о последствиях и, может быть, наивно полагая, что желание сказать истину, как ты ее понима-

ешь, для литератора – главное, в части своей статьи я затронул песни Высоцкого. Не собираясь широко и в целом оценивать его творчество, я остановился лишь на издержках, на мой взгляд, почти неизбежных в случае, когда человек искусства становится сверхпопулярным и когда по закону обратной связи его творчество уже запрограммировано, порой независимо от него самого, вынуждено, может быть, иррационально формулировать то, что жаждет от творца публика. В этом я увидел определенную и фатальную взаимную несвободу поэта и его поклонников. И пошла ко мне почта, продолжающая идти до нынешнего времени.

Я сделал из писем несколько сотен выписок, поскольку мне показалось, что никакое социологическое исследование не даст столь яркой и точной картины о нравах, эмоциях, страстях того феномена, который называется «публика». Не целиком, конечно, но в какой-то весьма значительной своей части. И именно о нем, этом современнике, о приметах его коллективной души, внезапно открывшейся какими-то очень важными для меня гранями, были мои мысли во время нелегкого, но захватывающего чтения. А впрочем, я, отчаиваясь, тоже, видимо, впадаю в крайность. Разве у меня под рукой нет писем, написанных не представителями толпы, а личностями? Писем, из которых черпаешь убеждение в своей правоте? Их, правда, по числу меньше, но в них есть неоспоримое достоинство: это письма-размышления. Потому их приходится цитировать большими отрывками (в отличие от эмоционально-негодующих писем, очень похожих друг на друга), ибо в них есть и система доказательств, и личные, индивидуально выработанные взгляды каждого из авторов. Уровень содержания этих писем много выше, чем у поклонников массовой культуры, наверное, потому, что они, как правило, написаны зрелыми людьми, озабоченными вопросами духовной жизни. Итак – пусть в наш спор время от времени вмешиваются читатели.

«Быть может, через 100 лет Высоцкий будет стоять рядом, а может быть, и выше Шекспира и Пушкина... Не надо

трогать народных любимцев, наших героев, наших кумиров. Мы их любим и уважаем, и это навечно!!!»

(М. Милковская. Ставрополь)

«Вы Сальери – и больше никто...»

(Р. Орлова. Магадан)

«Его имя не может являться предметом дискуссии. Лучше молчите. Как молчали. Вы! Вы! Вы!»

(Группа студентов ил Воронежа)

«Таким людям, как Высоцкий, можно доверить и собственную жизнь, и Родину».

(А. Пупков. Кишинев)

«А кроме Высоцкого я ни одному сегодняшнему поэту не верю»

(А. Максимова. Алдан)

Что говорить – мало радости получать такие письма, но пусть М. Милковская, А. Пупков, А. Максимова и студенты из Воронежа задумаются о том, почему крупнейший русский композитор нашего времени, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Георгий Васильевич Свиридов, прочитав ту же самую статью «От великого до смешного», оценил ее иначе, нежели мои молодые оппоненты:

«Не имея чести быть знакомым с Вами лично, хочу пожать Вам руку и поблагодарить за Вашу замечательную статью. Как я понимаю, речь идет о сохранении крупных духовных ценностей, без которых жизнь теряет смысл. И дело не только в тех или иных именах литературного обихода...»

Вскоре я познакомился с Георгием Васильевичем и немало незабываемых часов провел с ним в разговорах о судьбе русской культуры, каждый раз наслаждаясь его глубоким умом, природным вкусом и точным словом.

А вот еще отзыв читателя, имеющего также прямое отношение к искусству, вернее, к воспитанию молодой творческой интеллигенции:

«Стоит ли всерьез рассуждать о творчестве Высоцкого, о его “Ванях” и “Зинах”? В чем я абсолютно уверена, так это в том, что все его опусы – свидетельство инфантилизма души. Люди, росшие не нормально, обделенные радостями детства по вине войны, находят отдушину в душе на уровне “уличного снобизма”... Думаю, у меня найдутся единомышленники. И немало».

(Е. Молчанова, преподаватель)

Одно из писем, полученных «Литературной газетой» в ответ на мою статью, было опубликовано и вызвало несколько откликов, весьма любопытных, завязалась локальная дискуссия, в которой читатели вышли на прямой разговор друг с другом, и каждый из них по-своему отразил весьма важные веяния времени. Я сам не комментирую эти письма, ибо они вкупе составляют особый сюжет и дополняют друг друга.

«Станислав Куняев решил выполнить архитяжелую задачу – повернуть всю нашу культуру вспять к Моцарту, Пушкину, Есенину, Ахматовой. Его статья возмущает и побуждает взяться за перо вместо привычной гитары. Музыка, которая легко воспринимается, не должна быть серьезной. Моцарт был хорош в свое время, “Машина времени” в свое, и, если вы будете у меня допытываться, кто из них “выше”, я спокойно отвечу: “Конечно, “Машина времени”. Она современна. Ее понимают миллионы советских людей...»

(Симеон Галицкий, солист рок-ансамбля, Львов)

А вот своеобразный ответ С. Галицкому:

«Моцарт был всегда и всегда останется и мировой культуре, а “Машина времени” однодневка и времянка, как печь-буржуйка в свое время. Конечно, “Машина времени” выше Моцарта по децибелам, но слушают ее лишь те, кто уже никогда не будут способны понять и почувствовать музыку Моцарта и Чайковского. К слову сказать, оставить бы из этих

ВИА и роков минимум более менее приличного, а большую часть бесталанную – в сферу производства, рабочей силы-то везде недостает...»

(И. Дудкин, участник ВОВ, Волгоград)

Следующее письмо дает еще один ракурс начавшемуся разговору:

«Почему “дешевая музыка” царствует на современной эстраде, на танцах владеет миллионами людей? Только потому, что она совпадает с чувствами этих миллионов. Думающих, как Вы, – единицы, десятки, ну тысячи, а их – “миллионы”, а они – “масса”... Для вас “Машина времени” плохой воспитатель, а для ребят и девчонок, которые свою первую любовь крутят под эту музыку, – хороший. Общественные интересы включают в себя и интересы этих молодых людей, не важно, хорошие или плохие, важно, что эти интересы живые. Ваша статья – только видимая часть айсберга. Она ведет к пониманию более глубоких слоев жизни. Почему, допустим, Вас не понимают, а понимают Высоцкого и Пугачеву? Ведь Вы же (и по моему мнению!) правы! По идее должны принимать Вас. А принимают “Машину времени”. Значит, “Машина времени” права? Я и сам не знаю, что ответить... но твердо знаю: овладение массами – величайшее искусство, немногим оно дано».

(В. Плясов, тренер по футболу. Волгоградская обл.)

С некоторыми письмами спорить легко – достаточно их прокомментировать.

«В фильме “Шла собака по роялю” старушку попросили собиратели фольклора исполнить что-нибудь “этакое народное”. И она запела им Высоцкого! Вот вам пример широчайшего признания и народности. Его знала вся страна, и Америка, и Франция. Не смейте его чернить! Я горжусь, что я его современница!»

(Н. Чащегорева. Свердловск)

Наивная читательница даже не понимает того, что сценарий фильма сочинен профессиональным сценаристом, что это но документальная съемка, а «сочиненный сюжет», что старушку играет известная артистка, выучившая свою роль, и в конце концов, что одна-две гастроли по Америке и Франции, где каждый день гастролируют какие-нибудь знаменитости, совсем не дают гарантии артисту навеки остаться в памяти французского или американского народа.

«Нет лучше строк о любви в мировой поэзии, чем “что с Вами было, королева грез моих, что с Вами стало, мое призрачное счастье!”»

(Ю. Власов. Курган)

Опять разговор только о мировой поэзии – никак не меньше, а строки, которыми восхищается Ю. Власов, если говорить откровенно, звучат столь по-северянински, что восхищение ими автора письма может вызвать только грустную улыбку.

«Всем миром он признан, как неповторимый самородок, который войдет в историю не только советской литературы, но и мировой».

(Мангушев В. Ростов)

Да, это, конечно, комплекс потребителя массовой культуры: если уж любить – то только мировую известность (или верить, что она мировая), если уж гордиться, что ты чей-то современник, – то самого великого поэта всех времен и народов. Такая причастность и себя как-то возвышает в собственных глазах, коли ты становишься каплей его естества, частичкой его славы. Потому-то такой почитатель защищает кумира, как самого себя, и нет ему никакого дела до того, что в других странах читателям, слушателям и потребителям нет никакого дела до его кумира.

«Куняев защищает классику от экранизации. А где другой путь к сердцу людей, которые не читают, а смотрят телевизор?»

(А. Крылов, Московская обл.)

На этот вопрос я бы ответил так: где путь к культуре для неграмотных? – Только через обучение грамоте. Другого пути нет.

«Оказывается, у нас еще есть выродки, которые высказываются против современной культуры. Почему Куняев пишет, что шлягер нельзя объявлять вершиной красоты? Почему мы должны слушать только классику, а красоту “Скай” и “АББЫ” выбрасывать на помойку? Почему “Комсомолка” напечатала статью Астафьева о “Машине Времени” и почему она не печатает миллионы писем, прославляющих этот коллектив?»

(С. Авдонин. Томск)

Бедный Виктор Петрович Астафьев, один из крупнейших и честнейших наших писателей! Однажды он осудил своим жестким словом ансамбль «Машина времени», и «террор среды» не замедлил дать знать. Зачем потребителям массовой культуры убеждения, совесть и талант Виктора Астафьева, зачем им «Последний поклон», «Царь-рыба», «Пастух и пастушка»? Знать они эти книги не хотят! Никакой авторитет Астафьева не поможет ему, если писатель не потрафляет поклонникам или, хуже того, открыто осуждает стадные чувства потребителей культуры.

«Зачем “Л. Г.” понадобилось предоставлять газетную полосу некоему поэту для грубого осквернения имени Высоцкого, тявканья на талантливый ансамбль “Машина времени” – гордость нашей эстрады. Жаль, что Астафьев, не разобравшись, подписал письмо в “Комсомольскую правду” и опозорил себя на всю страну. Зачем выливать “Комсомольской правде” ушат грязи на прекрасный музыкальный фильм о любимой миллионами советских людей группе АББА. Этой любви наши слушатели обязаны фирме “Мелодия”, выпустившей не одну пластинку популярной группы, снабдив их восторженными рецензиями» .

(Л. Сутырин. Архангельск)

Вот и Астафьев уже «опозорил» себя на всю страну...

Конечно, «нам не дано предугадать», как наше слово действует на читателя, и отношения творца с человеком, открывающим сердце строке, звуку, картине, – сложны, непредсказуемы, стихийны. Но в безбрежном эмоциональном море этой стихии должны мерцать друг другу два маяка, две равноправные воли – человека искусства и человека жизни, ибо, как сказал мудрец, «поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в беспомощности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов».

В ответ на эту мысль всемирно известного философа культуры М. Бахтина я получил из г. Канибадама Таджикской ССР письмо Розы Хомракуловой, заканчивающееся тремя восклицательными знаками:

«Да, под мудрецом, слова которого вы приводите, наверняка, подразумеваете себя. А я вам приведу слова Вознесенского: “О златоустом блатаре рыдай, Россия!” Так что ваш мудрец глуп! Знайте же: Высоцкий – это озарение, это наше знамя, наша душа, это Эверест, в мировой поэзии ему нет равных! Это поэт номер один планеты Земля!!!»

Когда я читал такие отклики, то думал: в стране Пушкина и Толстого, где здравый смысл и строгое реалистическое отношение к миру лежат в основе народного понимания жизни и культуры, каким образом, как, при помощи каких механизмов могут возникать столь странные и чуждые нашему национальному сознанию формы поклонения, скорее свойственные Египту фараонов?

Перечитывая сейчас слова о «восторженных рецензиях», я вспомнил недавнюю речь Василия Белова на съезде писателей России, его слово, полное гнева и печали:

«Кстати, о рок-музыке. Этому уродливому явлению посвящаются целые подвалы, коммунальные и газетные. Адепты этой музыкальной чумы утверждают, что рок-музыка открывает путь к пониманию классической. В действительности наоборот. Рок-

музыка – это прежде всего наркотическое средство. Одновременно она кормит и поит множество бездарных композиторов и такое же множество так называемых поэтов. Эстрада почти начисто вытеснила из нашей жизни Глинку и Мусоргского».

Так что придется Л. Сутырину осудить по только Астафьева и Свиридова, но и Василия Белова и еще многих и многих, кто не согласен с тотальной обработкой массовой культуры душ человеческих.

Сначала я вел некоторую статистику – сколько писем «за», сколько «против», сколько написанных в спокойном тоне интеллигентного спора, сколько диктаторско-фанатичных, сколько недоумевающих...

Потом перешел к социальному положению – студентка, рабочий, инженер, школьник, торговый работник, кандидат наук. Женщин было больше, чем мужчин... Но и статистика ничего не прояснила. Конечно же, дело не в количестве писем, а в «качестве» многих из них. Древние, когда говорили «не сотвори себе кумира», знали, что делали, понимая, что кумир – человек из плоти и крови. Свято место пусто не бывает, а в результате получается вот что:

«Вы посмели наступить на святая святых».

(Аноним)

«Как посмел какой-то самозванец оскорбить память Великого Человека».

(Эдик Жилевин, 10 кл. Ковров)

«Мы, студенты, лишь мечтаем о том, чтобы хоть прикоснуться к его сборнику “Нерв”».

(Минск. Университет)

«Высоцкий – драгоценный камень, выброшенный океаном лет на нашу грешную землю. Такие люди бывают раз в тысячелетие».

(Р. Цукерман. Актюбинск)

Я-то думал, что раз в тысячелетие бывают Рублев, Гете, Пушкин, Моцарт, Достоевский... Впрочем, опять мысль от-

влекается от главного: ты начал спор о вкусах, а замахнулся, сам того не подозревая, на религиозное чувство, на «святая святых», на «Великого Человека...». Высоцкий уже не интересовал меня – бесстрастное время покажет, насколько этот незаурядный талант работал для своего дня, насколько для Вечности – да разве можно в такой высокотемпературной атмосфере уяснить хоть что-нибудь бесспорное и объективное!.. Нет, гораздо интереснее подумать о другом феномене – о читателе, почитателе, слушателе, поклоннике, потребителе... Что это – любовь, уважение, пиетет? Но разве бывают любовь и уважение столь беспощадны и столь непримиримо яростны к чужому мнению? Почему эта любовь не просветляет, а ожесточает? Разве естественно, что любовь к одному явлению культуры закрывает человеку глаза на все остальные имена («Кроме Высоцкого, я ни одному сегодняшнему поэту не верю»)? А может, это вовсе не любовь, а просто некий агрессивный культ? И почему все оскорбившиеся пишут письма с одинаковыми эмоциями, чуть ли не одинаковыми словами? Почему столь унифицированы, стандартизированы их чувства? Почему эти люди чувствуют так, словно за их спиной нет великой поэзии, великой культуры, великого мелоса, словно бы лишь вчера они шагнули из небытия в цивилизованный мир, услышали Его и отдали Ему всю свою душу, ничего больше знать не желая?... Может быть, массовая культура при сегодняшних средствах распространения стала наркотиком невиданной, незнакомой человечеству силы?

Количество переходит в качество. Ведь элементы того бесчеловечия, которое в двадцатом веке получило имя «фашизм», были во все времена человеческой истории. Но по-настоящему страшным это явление стало лишь тогда, когда сумело тотально, абсолютно, безраздельно владеть не просто отдельной человеческой душой, но целым народом, то есть когда оно стало массовой идеологией, монополией миллионов, агрессивной религией. Может быть, в наше время «мода» столь органически срослась с высоким уровнем потребления массовой культуры, что в мире возник иной, не виданный

ранее «тотальный» уровень моды, захватывающий не только вкусы и привычки – но всю душу без остатка? Может быть, поэтому так беспощадно быстро сходят со сцены, изнашиваются, вырабатывают запасы своего таланта творцы популярного искусства? Спивается связавшийся с Голливудом Скотт Фитцжеральд, разрушаются от необходимости постоянного наркотического допинга кумиры следующего поколения: Элвис Пресли и Дженис Джоплин, Джимми Хендрикс и Джим Моррисон, не выдерживает гастрольно-коммерческих перегрузок Джо Дассен, умирает Владимир Высоцкий, гибнет от пули фанатика (а фанатизм – тоже сила, действующая на тех, кто вызвал ее к жизни) переставший творить Леннон. Чем это объяснить? Тем ли, что талант, данный человеку свыше, заставляет его столь непомерно мыслить, чувствовать, работать, что не выдерживает человеческая оболочка подобных нагрузок? Или подобное предположение скорее относится к «старомодным временам»? «Амортизация сердца и души», какая случилась с Есениным, Маяковским, Пушкиным, «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит»?

Или же Молох массовой культуры приносит в жертву своих верных жрецов, если они не выходят из игры, не хотят становиться респектабельными дельцами, а честно доигрывают роль до конца и самой дорогой ценой платят за искреннюю игру? Да, здесь речь идет не о вкусах, «о которых не спорят», а гораздо о большем, как сказано у Льва Толстого в рассказе «Смерть Ивана Ильича», – «не о больной почке, а о жизни и смерти».

Если ты добровольно отдал Молоху душу, то обязан соответствовать образу, который сам создал для публики, – в этой несвободе твоя великая драма, к сожалению, в наше время, как правило, перемежаемая элементами фарса: так кто же властвует в итоге – ты над публикой или публика над тобой? Поэт Андрей Вознесенский, очень хорошо изучивший в 60–70-е годы среду творцов западного массового искусства, в своих недавно опубликованных мемуарах очень точно изобразил подобную фарсодраму: «Съезжались вожди демокра-

тической волны поэзии. Прилетел Ален Гинзберг со своей вольницей. С нечесаной черной гривой и бородой по битническому стилю тех лет. В черной прозодежде, философ и эрудит, в грязном полосатом шарфе, он как мохнатый шмель врывался в редакции, телестудии, молодежные сборища, вызывая радостное возмущение. Уличный лексикон был эпатажем буржуа, но что главное, это была волна протеста против войны во Вьетнаме... Обожали, переполнялись, ломились, освистывали, балдели, рыдали, пестрели, молились, раздевались, мяукали, кайфовали, кололись, надирались, отдавались, затихали, благоухали, смердели, лорнировали, блевали, не фурыкали, кускусничали, акулевали, оборжали, революционизировались». Надо отдать должное таланту Вознесенского – картина впечатляющая. Непонятно только, почему эту панораму распада, моральной и физической деградации творцов массовой и элитарной культуры, эти общественные оргии люмпенов, наркоманов и алкоголиков нужно выдавать за прогрессивное и даже революционное движение.

«В основном согласен с позицией Ст. Куняева: я и мои друзья резко отрицательно относимся и к зарубежной и к отечественной “дискотятине”. В магазинах завалы дисков с эстрадной халтурой, за которую получены немалые гонорары. Но Высоцкий – стоит особняком. Я слышал его песни в юности, и они мне не нравились, очевидно, потому, что жил на окраине рабочего городка и “блатные” песни поэта шли вперемешку с настоящими воровскими песнями моих приблатненных сверстников. Многие из них попали в заключение: драки, поножовщина, бедность духовная да и материальная сделали свое дело. И только в прошлом году я случайно прослушал все песни Высоцкого и решил, что в них есть по крайней мере два бесспорных достоинства: смелость и правдивость, что трудно обнаружить у его критиков. Во всяком случае мне неизвестно, осмелился ли кто-нибудь прямо написать, что именно в творчестве поэта он считает чуждым нашей идеологии и почему...»

(В. Брюханов Академгородок. Новосибирск)

Я думаю, пусть читатели сами ответят Брюханову на его вопрос, тем более что в письмах, которые я подобрал для ответа, идет речь и о том, что «смелость и правдивость» Высоцкого весьма своеобразны. Читатели комментируют по-разному.

Из письма М. Н. Жаворонковой (Рыбное, Рязанская обл.):

«На областном семинаре руководителей дискотек (я там ведущая) четыре часа дискутировали на тему: сатирик ли смелый Высоцкий или ему “все дозволено”.

В воздухе носится, я чувствую с каждым годом лучше, это мировоззрение: все дозволено. Его ждали. Ему была почва. И выдающий себя за смелого и бескорыстного, он в эту почву свалился. Да, он не хотел зла. Но вы правильно сказали в конце, только глухо, “ответственность за каждое слово”...

На вечере о Высоцком, говоря о его блатных, тюремных и проч. песенках, напомнила мысль Белинского о том, важен не только талант, но и направление таланта. А еще зачитала из дневника Достоевского перед смертью: “самоуважение нам нужно, наконец, а не самооплевание”».

Из письма В. И. Тимченко (Томск):

«Восторги Вознесенского по поводу песен Высоцкого разделить не могу. “О златоустом блатаре рыдай, Россия!” Рыдать о блатаре было бы слишком самоубийственно для народа, это означало бы нечуткую на истину душу».

* * *

Настойчивый телефонный звонок. Это Альбина Максимова. Та, что из Алдана прислала мне письмо, где писала, что «кроме Высоцкого, ни одному поэту не верит». Оказывается, она уже переехала в Москву, работает телефонисткой и предлагает мне встретиться с ней и с ее друзьями. Поспорить. Потому что переписка по почте и телефонные разговоры – это «не то».

– Я и мои друзья хотим с вами встретиться лично. Мы надеемся, что докажем вам свою правоту, переубедим вас, убьем, так сказать, интеллектом!..

Ну, когда девушка вызывает мужчину на дуэль, – отказываться неловко. Через несколько дней мы встретились. Я с любопытством вглядывался в лица «младого», но немного знакомого племени. Десятиклассник, студент, телефонистка, рабочий, военнослужащий. Простые русские лица. Одни молчат. Другие бросаются в спор со мной, с художником Алексеем Артемьевым, прозаиком Юрием Доброскокиным, поэтом Олегом Кочетковым.

– Ну хорошо, вы не согласны со мной, вам не нравится то, что я написал о вашем кумире. Но откуда такая ярость? Всего лишь одно мнение прозвучало за последние годы вразрез общему хору похвал: вы сами мне говорите – Высоцкого до небес возносят статьи Крымовой, Карякина, Лавлинского, стихи Вознесенского, Ахмадулиной, Окуджавы. Неужто вам этого недостаточно? Да что там говорить! Мне один любитель прислал на семи страницах список рецензий, работ, интервью всяческих газет и журналов – центральных, областных, комсомольских о Высоцком – так читайте их и радуйтесь. Одних этих материалов сто семьдесят пять! Вот поглядите, библиография со мной!

Деловой серьезный десятиклассник взял сколотый скрепкой список и небрежно пролистал его:

– Ну, в этой статье всего лишь несколько слов, в этой говорится о нем только как об актере, в этой о гастролях театра на Таганке... Мы все это знаем, читали...

– Альбина, а вот вы написали мне, что, кроме как Высоцкому, ни одному другому поэту не верите. Неужели и Николаю Рубцову не верите – это один из самых искреннейших современных русских поэтов?

Молчание. Недоуменные выражения лиц. Мои собеседники переглядываются, как бы спрашивая друг друга: а кто такой этот Николай Рубцов?

– Неужели никто из вас не слыхал о Рубцове?

Нет, оказывается, никто из них не слыхал о нем.

– Ну хорошо, а кто из вас читал Василия Белова?

Переглянулись. Пожали плечами. С досадой посмотрели на меня. Но ни один из них не вспомнил ни одной книги Василия Белова.

– А что написал Виктор Астафьев? – я начинал уже задавать вопросы с плохо скрываемым раздражением. – Виктор Астафьев, крупнейший писатель военного поколения, лауреат Государственной премии, чьи книги переведены на десятки языков мира?!

Нет. Они ничего не слыхали об Астафьеве.

– А Валентина Распутина знаете?

Молчание.

– Юрия Кузнецова?

Молчание.

– Федора Абрамова?

Молчание.

– Владимира Соколова?

На этот раз молчание было нарушено самым темпераментным из спорщиков, рабочим парнем:

– Это тот самый Соколов, что стихи памяти Высоцкого написал?

Пришла пора недоумевать мне. Споря и перебивая друг друга, мы с трудом выяснили, что мой оппонент имел в виду не Владимира Соколова, а Владимира Солоухина, у которого вроде бы действительно есть стихи памяти Высоцкого.

– Ну а того же Солоухина – «Владимирские проселки», «Капля росы», «Черные доски», «Письма из русского музея» кто-нибудь читал?

Молчание...

– Почему же вы ничего не читаете?

– А нам не надо. Нам Высоцкий сказал все – всю правду, обо всех и для всех! – заявил один из них – десятиклассник, неулыбающийся юноша с холодным взглядом, с полным убеждением своей правоты, и в глазах остальных я читал полное согласие с его словами: да, сказал все, обо всех и для всех,

и потому любое сомнение в этой истине – святотатство, кощунство, подлежащее осуждению...

Давно у меня не было так тяжело на душе, как после этого разговора. Они почти «убили» меня. Но не интеллектом, а убеждением, не допускающим никакого сомнения в истинности своего культа.

Из письма О. А. Разводовой, преподавателя Госуниверситета (Воронеж):

«Мир Высоцкого – это мир Мужчины. Супермена, не менее того. Все вращается вокруг него одного. Даже война:

У братских могил нет заплаканных вдов,
Сюда ходят люди покрепче...

Это про нас с вами, про страну, где несколько поколений вдов плачут над могилами неизвестных солдат. Что поделаешь, братская могила в мире Высоцкого для других целей. «Сюда ходят люди покрепче». Вдовы на них не рыдают. Герой Высоцкого не знает нормального мира народных, общечеловеческих ценностей. Герой этот – всегда особенный, всегда противопоставленный – заранее и всему. Я больше верю другим мужчинам:

Но, бездомный и безродный,
Воротившись в батальон.
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.

На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой – сирота...

Если б ту слезу руками
Из России довелось

На немецкий этот камень
Донести – прожгла б насквозь.
(А. Твардовский)

Больше всего мне претит поэтизация жестокости и агрессивности при потребности героя в сострадании. Но особенно не по себе, когда замечаешь, что интонация – это единственное, что у Высоцкого цельно и последовательно. Одинаковой интонацией наделены советский воин, наступающий фашист, пират и альпинист. Они все поставлены над миром. Они – одного корня. Исключительность им родина:

Если парень и горах – не ах,
Если сразу раскис – и вниз,
Шаг ступил на ледник и сник,
Оступился – и в крик... –

Что будем делать?

Значит, рядом с тобой – чужой,
Ты его не брани – гони, –
Вверх таких по берут...

Немилосердная дружба – это что-то новое для Руси.

Но скажет кто-нибудь, почему же я не говорю ничего хорошего, а впадаю в односторонний характер обличения? Во-первых, потому, что барда никто и нигде не смеет тронуть. Во-вторых, попробую сказать самое главное: бард хотел улучшить людей. Но хороши ли средства? Хорош ли его идеал? Если и была у него маска, то она приросла к лицу, стала лицом – есть у маски такая скверная тенденция прирастать. Вот и прижился Высоцкий там, где, может быть, и не хотел бы. Сильные личности поют его песни пьяными голосами...»

Из письма библиотекаря М. И. Жаворонковой (Рыбное, Рязанская обл.):

«Бывала на его могиле. Чувствовала подбор публики. Жажда скандальчика. Вообще чего-нибудь. От скуки. Слы-

шала, как плакала истерически деваха: “Столько часов отстояла и не попала!” Моя покойная мать говорила в таких случаях (в голод она побиралась, да и остальная жизнь): “Не видели горя настоящего...”»

* * *

«Сходите на кладбище! Посмотрите, сколько там цветов...»

Таких писем было много, к ним прилагались фотографии надгробия с толпами людей у ограды, и я, уже загипнотизированный непрерывным диктатом, действительно собрался на кладбище.

– Ты, когда там будешь, – попросил меня мой товарищ, – посмотри, пожалуйста, цела ли там одна ничем не знаменитая могила – она метрах в четырех от Высоцкого, да вот, кстати, погляди фотографию...

На фотографии в окружении множества людских ног был виден небольшой холмик с полуметровым деревянным столбиком, на котором была выведена скромная надпись: «Майор Н. Петров, умер в 1940 г.».

– Я фотографию делал год назад, – продолжал мой приятель. – Думается, что этой могилы уже не существует.

…На кладбище, как всегда, толпился народ. Пространство вокруг ограды было завалено и заставлено алыми кустами гвоздик и гладиолусов, торчащих из блестящих эмалированных ведер и стеклянных банок. Народ толпился, перешептывался, глядя на портрет покойного, также заваленный цветами. Многие стояли с магнитофонами, готовые к записи, если вдруг кто-либо скажет страстное поминальное слово. Наверняка с утра таких слов было уже сказано немало...

Вдруг из-за густых кустов с противоположной стороны ограды возник парень, одетый в какую-то рваную спецодежду, небритый, нечесаный, с помятым лицом. Он отворил дверцу, встал за портретом и сразу же, без предисловия, из его рта вырвался куплет знакомой песни:

Вы егерей за кровожадность не пинайте,
Вы охотников носите на руках.
Любим мы кабанье мясо в карбонаде,
Обожаем кабанов в окороках!

Парень победно оглядел толпу и завопил истерическим голосом:

– Слышите, я тот же самый подранок, о котором пел Володька. Что вы там стоите у ног его? Я стою в головах и чувствую тепло, идущее от него. Только в головах можно это тепло почувствовать! Проходите – мужчины справа, женщины слева...

Магнитофоны тихо жужжали, записывая эту речь, и все же чувствовалось, что людям неприятно похмельное кощунство над могилой, не принятое на кладбищах развязное поведение, но тем не менее все стояли молча, кто несколько смутившись, а кто приняв все как должное. Лишь одна бабка в цветном ситцевом платочке, стоявшая рядом со мной, повернув голову к своей товарке, произнесла вполголоса:

– Конечно, зенки-то залил, вот и тепло ему! Ишшо поллитру примет – совсем горячо станет...

Допускаю, что в сердцах людей, стоявших вокруг, было некое чувство, что действительно этот небритый юноша настолько искренен, непосредствен в своем хамстве, насколько ему разрешает стихия его любимых песен, что он действительно в какой-то степени создание автора, почти персонаж его творчества, его персонифицированная эмоция, его ущербное духовное дитя – и поэтому вроде бы можно ему простить то, что на другой могиле было бы простить невозможно...

Вечерело… народ постепенно расходился. Я смог оглядеться вокруг и увидел то, что можно было бы предположить. Вокруг была истоптанная ровная земля. Могилы майора Петрова не существовало.

Я не могу себе представить, чтобы поклонники Блока, Твардовского, Заболоцкого или Пастернака могли позволить

себе из любви к своему божеству равнодушно топтаться на чужих могилах.

Кладбище – особенно древнее – всегда есть памятник культуры. Недаром для него есть синонимы: мемориал, некрополь... Кладбище – это и имена, и скульптуры, и гробницы, и особый печально-торжественный дух памяти и благоговения. Кладбищенский мемориал всегда сродни громадному музею. А в музеях не кричат, не митингуют, не «самовыражаются, а ходят с благоговением, размышляя об именах, об эпохах, о бренности и бессмертии...

Из письма преподавателя Госуниверситета О. А. Разводовой (Воронеж):

«Гнетет постоянное присутствие толпы там, где толпами ходить не принято, где не принято махать руками и патетически выражаться. Или самовыражаться. Что влечет к гению? Легко ли с ним общаться? Попробуйте, помашите руками, покричите на могиле Пушкина! Проявите себя над холмиком тульской земли в Ясной Поляне... Почему же это можно у Высоцкого?»

* * *

Однако ради справедливости надо оговориться, что массовая культура возникла не только в результате коммерции, но также из благого стремления человечества к тому, чтобы всего всегда было много – хлеба, добра, искусства, чтобы производство стихов было «выше довоенной нормы». Но не только стихов, но и музыки, и песен, и зрелищ. В прежние времена всякое явление искусства было обрядовым празднеством, редкостью, исключением. Свадьбы, окончание жатвы, похороны, проводы на войну... Искусство отражало вехи и грани бытия... В наше время, когда нам хочется, чтобы всего было много – и каждый день, когда мы нажимаем кнопку первой программы и слушаем Кобзона, вторая программа – ансамбль «Березка», третья программа – фуга Баха, когда ис-

кусство стало сиюминутным бытом, вроде бы и осуществилась мечта умов, желавших, чтобы всего было много, и вроде бы не на что жаловаться. А все равно жалуемся и все равно чем-то недовольны. Да, хочется, чтобы «по нашему велению», по нажатию кнопки искусство было удобным, бытовой комфортной вещью – и в то же время обидно, что святость потеряна, что ощущение праздничности при созерцании танца, при исполнении песни утрачено. Хочется потреблять – но чтобы ощущение торжественности при этом не пропадало. А так не бывает. И роптать нечего, и главное – не на кого.

Главным критерием массовой культуры служит категория «тривиальное» – слово, происходящее от латинского «trivium» – «три пути». В средневековом Европе этим термином обозначали простейшую систему образования, состоящую из трех (грамматика, риторика, логика) предметов. Потому впоследствии «тривиальное» стало означать – примитивное, банальное, общедоступное.

В наше время «искусство достижения тривиального» в западной культуре, ориентируясь на зрительское восприятие, которое не требует размышления, усилия, напряжения, достигло многих изощренных степеней. Со временем эта тривиальность стала открыто воинствующей, бросающей прямой вызов и реальной жизни, и мировой классике. Упрощение оригинала часто выглядит как борьба с его сутью. К сожалению, иные деятели нашего искусства охотно используют в своем творчестве явные приемы тривиализации.

«Кто рискнет за 40 минут пересказать роман Достоевского “Идиот”?» – спрашивает газета «Московские новости» (28.06.1981) и отвечает: «Рискнул ленинградский балетный ансамбль под руководством Бориса Эйфмана. Сначала создатели балета обратились к произведениям Дмитрия Шостаковича. Но невольно ощутилась разница во времени, в эпохе. Эквивалентом Достоевского должен быть современник, так чувствовал Борис Эйфман, автор сценария, хореографии и постановки. Счастливый выбор постановщика пал на 6-ю симфонию Чайковского, которая стала музыкальной основой балета “Идиот”».

Надо сказать, что зарубежные упростители классики гораздо смелее – они не то что пересказать «Идиота» за 40 минут – «Войну и мир» пересказывают в «дайджесте» на 70 страницах, одновременно рекламируя в том же издании противозачаточные пилюли фирмы «Кун и Леб», благодаря которым Элен Курагина якобы не забеременела от Пьера Безухова.

Тривиализация классики может идти и по всякого рода мелочам, когда, например, пародист Александр Иванов, неудовлетворенный немалым количеством материала, которое представляет ему творчество его современников, мрачно иронизируя с телеэкрана на 100 миллионов зрителей, в сущности компрометирует своим амикошонством многие имена и хрестоматийные строки: «И долго буду тем любезен я народу, что, в руки взяв перо, ему я не дал ходу»; или: «Краткость – сестра таланта и мачеха гонорара», или: «Когда бы увидал его Рублев, разув глаза» и т.д. К тому же самому «тривиальному», то есть опошляющему, эффекту стремится, видимо, артист Винокур, назвав свою «хохмаческую» программу великой лермонтовской строчкой: «Выхожу один я...»

Из письма слесаря А. Козакова (Новосибирск).

«...Правильно, давайте запретим Макаревича, выстроим всю массовую культуру по ранжиру, поставим заслон зарубежной халтуре и отечественную изничтожим жестким контролем, и то-то благодать настанет. Но не будут ли потребляться более ядовитые суррогаты?..

А как вы относитесь к курам из Бельгии?.. Так вот то же самое и с АББой: недохватка у нас кур и талантов, и по причинам сходным. И те, и другие плохо размножаются в неприспособленных условиях. А вы ратуете за то, чтоб условия эти сделать еще менее приспособленными».

Автор письма, видимо, совершенно уверен в том, что уровень производства бройлеров впрямую определяет высокий уровень культуры. Но история человечества не приемлет такого упрощенного понимания своего пути. Андрей Рублев

был монахом-аскетом – с нашей точки зрения, нищим человеком, после смерти Гоголя его наследникам остались лишь личные вещи из небогатого гардероба гения, у Есенина за всю его жизнь обжитого угла на земле не было, кроме овина в родной деревне.

И почему же это А. Козаков уверен, что обществу обязательно нужно потреблять более или менее ядовитые суррогаты культуры? Ведь в конце концов до начала борьбы с алкоголизмом мы тоже думали, что попытки сопротивления этому бедствию бесполезны.

Интересно, на мой взгляд, размышляет о том, что при любом, даже самом высоком уровне жизни материальной в жизни культурной и нравственной могут развиваться негативные процессы, читатель А. Бахвалов (Томилино, Московская обл.):

«“Я хочу говорить о печали...”, то бишь о разрушениях, какие оставляет в людях это самое “массовое искусство”. Утверждение, что оно всего лишь “селедка с душком”, приготовляемая на потребу неких во всем остальном безукоризненных членов общества, несостоятельно. “Массовое искусство” отличается от подлинного тем, что устремляет человека вспять, невзирая на его экономическое состояние и социальные условия, в которых он живет.

Может быть, и не все жанры доморощенного “массового искусства” достигли уровня западных аналогов... но что касается ловкости изготовления, то иные его образцы уже вполне могут соревноваться с “кассовыми” боевиками Запада. А это означает, что авторы “массового искусства” не только отлично знают своего потребителя, но и научились обхаживать тех, кто “заведует” выпуском этого искусства.

Потрафляя низменному в человеке, “массовое искусство” не только утверждает хама в праве быть тем, что он есть, но и поощряет его. Мне скажут, хам древен, он появился как разновидность “хомо сапиенс”. Да, но то, что хам больше не прячется, в этом немалая заслуга различных жанров “массового искусства” как реальной действенной темной силы.

Стихи “массового потребителя” – не книги, а изуродованный мюзиклами Достоевский, скверное кино, бросовые музыкальные ансамбли, инсценированные анекдоты, именуемые “эстрадными миниатюрами”, песни “бардов” в магнитофонных записях...

Поэт Некрасов мечтал о времени, когда крестьянин “не милорда глупого, Белинского в Гоголя с базара понесет”. Мог ли он подумать, что придет время и “милорд” сам станет являться в крестьянском доме и орать во всю глотку: “Пора-пора-порадуемся на своем веку!..”

В статье В. Толстых говорится: “Массовое часто оказывается всего-навсего временно популярным или модным, не отражаясь сколько-нибудь положительно на образе мышления и чувствования людей. И, следовательно, не становясь фактом их культурного развития”.

Кем, где, на каких компьютерах высчитано, как сказываются на незрелых душах разного рода модные “вольности, введенные нескромно” (перефразирую Дидро)?.. Когда юная пара взасос целуется на эскалаторе метро, прилюдно ублажая интимные позывы, они потому только поступают так, что однажды “временно популярное” навсегда разрушило в них чувство благопристойности, издревле присущее русским. Навсегда, достопочтенные всех мастей!»

Читатель прав: иные наши теоретики часто подчеркивают, что массовая культура на Западе и у нас – это разные вещи, но это – в теории. А на практике бывает по-всякому. Однажды Вл. Симонов в статье «Хайпинг» в «Литературной газете» рассказал о полной рабской подчиненности якобы «стихийного интереса» западной публики планам и расчетам дельцов массовой культуры, конструирующих для поддержания постоянного спроса публики заранее запрограммированных кумиров. В этой практике главное место отведено «таблице популярности» – «чартсу», который, однако, как недавно выяснилось, благодаря скандальным откровениям организаторов «МК», есть полное производное от «хайпинга» –

слова, означающего подкожное впрыскивание, вливание, иначе говоря – надувательство, ведущее к запланированному и безошибочному созданию кумиров (так что сомнительно утверждение Аннинского о том, что «никакому Голливуду никогда не удавалось навязать американскому кино «звезду», если народ ее не принимал». Ну, во-первых, времена Греты Гарбо – доисторические с точки зрения массовой культуры, а во-вторых, не слишком ли большая честь называть публику с несамостоятельным вкусом высоким словом «народ», сама подмена терминов уже небезобидна.)

Я вспомнил о статье Симонова после того, как познакомился с постоянной полосой газеты «Московский комсомолец», посвященной всякого рода отечественным и зарубежным ансамблям. Эта полоса – «Звуковая дорожка», или «Музыкальный парад», на мой взгляд, есть настоящая и беззастенчивая реклама музыкальных ансамблей и шлягеров без всякой попытки осмыслить их, разобраться в их качестве. На полосе каждый раз печатается постоянная анкета с табличкой под названием «Наиболее популярные», которую читатель должен вырезать, заполнить, проставив по номерам самую популярную, на его взгляд, пластинку и песню, и отправить обратно в редакцию, которая каждый месяц подводит итоги этого «музыкального парада» и публикует таблицу популярности, своего рода «чартс». Язык этого рекламного ролика очень похож на язык биржевого листка или ипподромной программки с комментариями о заездах лошадей. «Это не помешало лидирующей уже несколько месяцев песне Давида Тухманова “Там в сентябре” остаться на прежнем первом месте. Всего на несколько баллов от нее отстают “Танец на барабане” Раймонда Паулса и “Синяя птица”. Четвертое место сохранила песня Аллы Пугачевой “Когда я уйду”. Еще две композиции в исполнении певицы “Уходя уходи” и “Московский романс” соответственно сместились на шестое и одиннадцатое места». Коммерческий характер рекламы, повторяющийся в «Московском комсомольце» каждый месяц, уже несколько лет (!) подчеркнут деловой фразой: «при пере-

печатке и использовании материалов ссылка на “ЗД” (звуковая дорожка. – *Ст. К.*) обязательна».

В том же номере рецензия на диск английской группы «Скай» с пассажами вроде следующих: «Пять виртуозных музыкантов объединились в группу и стали исполнять музыку, какую мир не слышал около трех лет» (бедный «мир»! – *Ст. К.*) и далее: «Подобный лаконизм изложения идет от партитур Моцарта (бедный Моцарт! – *Ст. К.*) и Шостаковича». И это о заурядном ансамбле, о детище всемогущего «хайпинга»... Борьбу с моцартовской стихией начал 200 лет тому назад Сальери, но даже и он не мог подозревать, что она выродится в такие формы. Поистине – от великого до смешного...

В «Звуковой дорожке» от 31 января 1982 г. «Московский комсомолец» сообщает, что в Ливерпуле 4 улицы были названы именами создателей знаменитого ансамбля «Битлз», что поклонники собираются соорудить четверке памятник (вот как, мол, там кумиров чествуют, не то что у нас!), рядом сообщение о том, что по итогам года впереди три песни Макаревича: «Скачки», «Снег» и «Хрустальный город», цифры указывают– на каком они месте по популярности, цифры в скобках уточняют, на каком месте были в прошлом месяце; тут же рубрика «Музыка в мире», где сказано, что «английский музыкальный парад возглавил альбом группы новой волны “Хьюмен Лиг”, за ним следует альбом квартета “АББА”». Чуть ниже в рубрике «Новинки» опять реклама «АББА»: «За 9 лет выпущено 60 миллионов их пластинок. Альбом, выпускаемый фирмой “Мелодия”, является четвертым в Советском Союзе и восьмым в дискографии ансамбля». И так без конца. Откуда взята эта четкая схема беззастенчивой рекламы? Да все оттуда же. Вот что пишут о коммерческой рекламе бестселлеров Т. Голенпольский и В. Шестаков в книге «США: кризис духовной жизни»: «Списки эти постоянно появляются в еженедельном издании “Нью-Йорк таймс бук ревью” и в журнале “Тайм”. Колонка бестселлеров состоит из порядкового номера, который на данную неделю занимает книга, ее названия и фамилии автора, а также небольшой ан-

нотации, максимум в сорок слов. Указывается также место, которое книга занимала на прошлой неделе».

Так что, как мы видим, редакция газеты «Московский комсомолец» неоригинальна. Ее «Звуковая дорожка», или «Музыкальный парад», есть прямая и неоригинальная копия буржуазных образцов рекламы, дающая ориентиры для ансамблей, антрепренеров, ресторанов, словом, открывающая путь к коммерческим целям. Какое дело авторам этого рекламного бюллетеня до того, что, например, в коллективном письме в «Комсомольскую правду» Виктор Астафьев и другие работники культуры Красноярска пишут о репертуаре ансамбля «Машина времени»: «Мы говорим о позиции ансамбля, каждый вечер делающего тысячам зрителей опасные инъекции весьма сомнительного свойства»... Нет, об этом авторы «Музыкальной дорожки» не задумываются: зачем им идеи, содержание – для них главное, что песня «Синяя птица» в ноябрьском списке занимает второе место вместе с «Танцем на барабане» Раймонда Паулса.

Из письма мастера электроцеха Л. Михайловой (Каменск-Шахтинский):

«А “Машину времени” трогать не смейте. Это уже теперь не единственная, но первая группа, имеющая смелость, быть может, даже наглость петь так, как мы думаем, и про то, как мы живем. Вот так, безо всякой патриотической шумихи, так, как оно есть на самом деле, без прикрас, не стыдясь наготы... А что вы имеете против полосы “Звуковая дорожка” в “Московском комсомольце”? Еще в двадцатые годы был сделан вывод о том, что все передовое в капиталистическом обществе надо быстренько перенимать. И правильно сделала газета, что переняла такую рубрику».

А может, рукой на все это махнуть – и повторить обычное: «о вкусах не спорят»... Так-то оно так, но вот что тревожно. Когда «Комсомольская правда», кстати, весьма активно взявшаяся, в отличие от «Московского комсомольца», в

последнее время за очищение молодежной эстрады от коммерческой пошлости, опубликовала статью «Где начинается коммерция» – размышления о широкой демонстрации нашим кинопрокатом фильма «АББА», то в редакцию хлынул поток писем, среди которых было и немало таких: «В фильме “АББА” нам показали людей преуспевающих, довольных жизнью. Людей, способных дирижировать многотысячной толпой. Они разъезжают в шикарных автомобилях, живут в дорогих отелях. Как они достигли этого – их дело. Но я бы не отказался от такого успеха – любой ценой!» «А вы не хотели бы иметь дворец, быть богатыми»...

Во многих таких письмах авторы их – ярые поклонники «АББА», которые вроде как за любимых музыкантов обиделись, – не о музыке идет речь. О ценностях и целях. Но вот беда. Ценности эти подчас имеют четкое денежное выражение, слишком ярко выраженную вещность: шикарный автомобиль, дорогой отель, а то и вовсе дворец! И приглядишься внимательнее – не собственные это идеалы, заемные. Не в мучительных спорах с самим собой рожденные, а взятые напрокат из заморского фильма, из модного эстрадного шлягера... Но газета «Московский комсомолец» рекламирует не только «хиты», не только имена, но и технику, без которой, оказывается, успеха на современной эстраде и не жди... Что стоит интервью корреспондента газеты с западногерманским коммерсантом, который очень благосклонно отозвался о наших возможностях: «На советской эстраде появились эстрадные исполнители, которым необходима аппаратура самого высокого класса!»

И далее господин Чернинг и вместе с ним вторым голосом и «Московский комсомолец» начинают рекламу аппаратуры: «“Блок фейзер” вызывает ощущение “звука из-за угла”, система “Флейнджер” как бы размножает голос певца, “Вокодер” модулирует человеческий голос на определенный тон или аккорд, например органа или скрипки. Представьте, орган “разговаривает”, произносит вполне различимые слова! Эффект, как вы могли заметить, просто поразительный»... Еще поразительнее эффект, видимо, будет, когда электро-

аппаратура вообще станет обходиться без человеческого голоса. Другой западногерманский бизнесмен, Гюнтер Кренц, осчастливил «Московский комсомолец» несколькими снисходительными похвалами в адрес нашей эстрады: «Об интересе к советской музыке можно судить и по тому, что недавно в одной из передач мы 50 минут посвятили только ей, а это очень много...» Заодно господин Кренц благосклонно отозвался и о нашей публике, которая «отлично знакома с творчеством рок-звезд из других стран».

Оптимизм гг. Чернинга и Кренца (последнее интервью так и называется – «Оптимистические прогнозы») понять можно: им надо что-то продать и на чем-то заработать. Но чему радуются сотрудники «Московского комсомольца», подобострастно отдающие свои страницы всяким зарубежным «экспертам и коммерсантам»?

Часто теоретики популярного музыкального жанра говорят о том, что молодежи нужно особое, молодежное искусство. Я прочитал «Белые ночи» и «Неточку Незванову» в пятом классе, и эти повести поразили мою душу неизмеримо сильнее, чем любая специально созданная детская литература. Достоевский читал своим семилетним детям Шиллера, русские былины, «Тараса Бульбу», Вальтера Скотта, «Историю» Карамзина – и правильно делал. А в наше время изучение спроса во имя моды доходит до таких несуразностей, что профессиональный композитор Г. Гладков признает как должное: «Сейчас то, что нравится тринадцатилетнему, шестнадцатилетний уже слушать не будет. Он живет в ином ритме, в другом ускорении...» Прямо-таки не искусство, а сервис, реагирующий на любые особенности клиентуры. «В шестнадцать уже хочется создать свой собственный ансамбль, тем более что наличие аппаратуры это позволяет». О «наличии аппаратуры» мы уже читали в интервью г. Чернинга «Московскому комсомольцу».

Из письма тракториста А. Бодокова (Новгородская обл.):

«Этот пятидесятидвухлетний писатель не может понять, что время уходит безвозвратно, и то, что было популярно в его

двадцать лет, через тридцать лет не удовлетворяет увеличившихся запросов. Автор жалуется, что нет хороших песен. Да песен очень много на самый разный вкус. А о вкусах, как известно, не спорят. Не нравится? Не слушай! Александр Иванов... Ну у кого не бывает недоработок. Зато его знают все, а о Станиславе Куняеве я узнал лишь после его статьи».

А техник-лаборант из Омска Виктор Иванович Тимченко, если бы он лично встретился и поспорил бы о вкусах с трактористом А. Бодоковым, то наверняка не согласился бы с уверенностью последнего об «увеличившихся запросах» в нашей культурной жизни, потому что совсем иначе оценивает положение вещей:

«Бездуховность, возникшая в последние годы, образовалась, когда литературу в школе стали не изучать, а “проходить”, когда телевизионная певичка стала “отбирать” у народа миллионы “человекочасов”, – время, потребное душе для размышления... Идут четко, согласованно... на нас вещизм, пьянство, примитивизм в культуре, поступках, мыслях...»

Как это ни печально признавать, но очевидно, что у нашей массовой прессы на сегодняшний день нет единых критериев оценки популярной массовой культуры. Разве не показательно, что две крупнейшие молодежные газеты – «Комсомолка» и «Московский комсомолец» оценивают одни и те же явления (АББА, «Машину времени» и т.д.), делая диаметрально противоположные выводы? Какой же тут может быть спрос с молодых незрелых голов, если «воспитатели» единую точку зрения выработать не в силах?..

Впрочем, иногда на страницах нашей прессы появляются и серьезные теоретические размышления, касающиеся «легкого жанра». Не так давно в «Советской культуре», в частности, была опубликована статья Раймонда Паулса «Балалайка, гитара и... джаз». В этой статье наряду с призывами о повышении качества эстрадного жанра содержатся две главные идеи, ради которых

она написана. Прежде всего Паулс сетует, что «мы не научились еще научно анализировать коэффициент полезного действия искусства... Нам нужна массовая аудитория. Нам нужно считать и деньги, вложенные народным государством в полезный и вдохновляющий предмет искусства. Так не пора ли, – спрашивает композитор, – поставить на научную основу оценки, критерии и прогнозы в эстрадной музыке?» Но есть ли опыт в этом деле? У кого научиться изучению спроса на «легкий жанр»? Есть опыт, отвечает Паулс. Есть у кого поучиться. «Большой буржуазный бизнес в этом смысле (по мысли композитора) далеко опередил нас, потому что бизнес требует результата. И чтобы заранее определить, стоит ли вкладывать деньги в того или иного исполнителя, в тот или иной ансамбль, используются и психологи, и социологи и, конечно, мастера рекламы, коммерсанты».

Осуждая на словах «большой бизнес» Запада, Паулс на деле, в сущности, предлагает нам то же самое индустриально-коммерческое руководство эстрадой «с научными оценками, критериями и прогнозами». Как это выглядит па практике – мы уже видели, поприсутствовав на музыкальных парадах «Московского комсомольца». А то, что главной причиной изобилия песенной продукции являются коммерческие интересы, давным-давно уже не секрет. «Литературная Россия» еще несколько лет назад в дискуссии о судьбах массовой песни сообщала, что «подобная плодовитость легко объяснима. Производитель средних порой механических песенок, ловко пущенных в “эстрадный оборот”, может получать авторские (то есть отчисления за исполнение на эстраде и в ресторанах), не считая первоначального гонорара, четыре-пять тысяч рублей в месяц». Исполнителям, естественно, не хочется отставать от текстовиков, и они также стали искать пути к легкому заработку. В конце концов дело закончилось тем, что 9 февраля 1983 года в «Литературной газете» появилась статья заслуженного деятеля искусств РСФСР дирижера Анатолия Бадхена «Пение без пения, или имитация творчества», в которой рассказывалось, что вот уже лет десять как на эстраде укоренилось исполнение концертов под ранее сделанную запись, то есть под фонограм-

му, – паразитическая форма эстрадного жанра, подменяющая собой правду одухотворенного труда, видимость творчества, полновесно оплаченная обманутым потребителем, легкость поточных концертов, бесстыдное, на глазах у людей циничное пренебрежение к ним и к искусству. Почва для этой формы была давно унавожена практикой, а порой и теоретическими изысканиями о специфике песенного жанра, в корне которых лежало агрессивное утверждение права на халтуру.

Из письма Н. Богданова, аппаратчика (Московская обл., Мамонтовка):

«Не вполне согласен, что широкий читатель отдал свою душу и симпатии дурману потребительской культуры. Нет, не все сходят с ума по Высоцкому и другим “звездам”. Среди нас, рабочих, немало любителей иной, более скромной по сравнению с массовой, но от этого не менее значащей в жизни народа культуры. Многие мои друзья с удовольствием слушают концерты русской музыки, народной песни, старинного романса, военной песни и не принимают современные поделки-примитивы. Вот, например, простые слова народной песни “Черный ворон, что ж ты вьешься над моей головой”. Века проходят, поколения сменяют друг друга, а песня все живет и напоминает нам о людях, отдавших жизнь за родину, наталкивает на размышления о непреходящей ценности человеческой жизни и одновременно о ее бренности и еще о многом другом. А какая простая и в то же время очаровывающая мелодия! Пение – труд... На хорошо работающего человека смотреть приятно. На человека, делающего халтуру, – глаза не глядят. А ведь за каждое выступление перед камерой или со сцены под фонограмму артист получает гонорар как за полноценное исполнение. Один раз записался па пленку, а потом позирует в разных костюмах и рот открывает – вот ведь до чего додумались. Высоцкий – тот хоть сам пел».

Малограмотное ремесленничество непросто искоренить: столь значительное количество заинтересованных лиц – тек-

стовиков, музыкантов, исполнителей, администраторов и т.д. – делят «песенный пирог». Вот что ответил на вопрос «Советской торговли» один из «хозяев» современной песенной эстрады – Илья Резник, когда корреспондент пожелал узнать, как он, Резник, стал поэтом-песенником:

«Пожалуй, – признался тот, – я сначала стал песенником, а потом поэтом».

Весьма циничная откровенность: признавая, что он не был поэтом, Резник спокойно утверждает, что это не мешало ему быть песенником. А может быть, в этом и заключена правда? Может быть, как раз это больше всего говорит и о том, что сочинение песен у нас стало делом совершенно безответственным? Впрочем, судите сами:

Разве может птица
К небу не стремится,
Если птица та – душа певицы.
(И. Резник)

Недалеко от этого уровня ушли иные песни А. Дементьева:

Ах, как хочется влюбиться,
Влюбиться, влюбиться, влюбиться!
Сердце бьется, словно птица,
К тебе мое сердце стремится...

Теми же примитивными приемами пользуется ленинградский текстовик М. Рябинин:

Милая, не думай, не гадай, не гадай,
Если любишь, солнцу передай, солнцу передай...

Из письма Е. И. Афониной (Ленинград):

«На мой взгляд, в течение по меньшей мере двух десятилетий многие деятели культуры, в том число и именитые, активно насаждают так называемую “массовую культуру” по

западному образцу, пропагандируя примитив, посредственность, а зачастую и откровенную пошлость и воинственно изолируя массы от подлинно прекрасных произведений, которых мы так много накопили за свою историю.

Возьмем только одну область искусства – эстрадную музыку. Что пропагандирует телевидение? Пугачеву, Леонтьева, Понаровскую, Боярского. По всем программам несколько раз на неделе, в самое боевое вечернее время.

Чего стоит, например, постоянная передача "Утренняя почта", цель которой, как мне кажется, – популяризация самого пошлого, самого бездарного и безыдейного, что появляется на нашей эстраде.

Остается лишь вспоминать о золотых временах нашей эстрады, когда на ней царствовали Обухова, Максакова, Лемешев, Козловский. Патриотическую или народную песню из уст общепризнанных звезд не услышишь. Они до этого не опускаются.

Следовало бы еще сказать о пресловутой передаче "Вокруг смеха", которую надо бы назвать "Вокруг пошлости". Эпизоды из жизни известного писателя в пересказе доктора филологических наук З. Паперного звучали мещанскими сплетнями. Кем-то из хохмачей зубоскальству была подвергнута телогрейка. Не потертые джинсы, не майка с портретом Боярского, а телогрейка! Какими циниками надо быть, равнодушными к жизни народа, чтобы, облачившись в фирменные штаны, хихикать по поводу телогрейки, выручавшей миллионы тружеников в годы бедствий».

Бедность исполнительных приемов и интонаций убивает содержание и смысл песни. Отсюда безграмотные стихи и музыка без музыки, которая прячется, прикрывая свою творческую немощь современной аранжировкой. Вспоминая нашу великую песенную культуру, Д. Лихачев с горечью заметил, что ей «противоречат иные нынешние песни, которые основываются на двух-трех словах. Буквально два-три слова выкрикиваются певцом в разных вариациях. Это надоедает, это раздражает, это какая-то нищета слова современного!»

Главная идея Паулса в вышеупомянутой статье та, что для успеха на сцене нынешний эстрадный артист должен держаться перед публикой гораздо более свободней и естественней, чем его предшественники: «Нынешний век требует от эстрадного артиста импровизационной легкости, свободных и эксцентрических движений... смелость поведения на сцене еще вовсе не означает дурного вкуса... Самое сложное в искусстве исполнителей – умение свободно держаться на сцене...» До сих пор было бесспорно, что прежде всего «самое сложное в искусстве исполнителей» – это высокая профессиональная подготовка и одаренность в главном деле, а не просто в «умении держаться». К тому же на практике, как правило, «смелость поведения на сцене» часто приводит к такой низкопробной клоунаде, о которой писала «Советская культура» в письме костромича А. Андрущенко, справедливо возмущавшегося «эксцентричностью движений» артистов Саратовского ансамбля «Интеграл»: «Дым на сцене, стойка артистов на голове, модным стилем стало появляться на эстраде в стоптанных кроссовках и мятых джинсах» (12.7.1983).

Из письма рабочего Олега Н. (Туапсе):

«В 60-х годах велась борьба с битломанией, как в свое время с джазом. Чего только не делалось, чтобы остановить новую волну в поп-музыке, хотя бы затормозить. Не смогли. Чего же добились борцы за чистоту музыки от тлетворного влияния Запада? Мощного выброса в середине 70-х и особенно в начале 80-х на эстрадные подмостки современных отечественных песен. Неизбежно, что среди них большая часть пустые, бульварные, примитивные. Но их создателей можно понять: они хотят кушать, и не простую пищу, а подобающую их престижному положению. Чтобы заработать их годовой доход, простому рабочему (не пьющему, не курящему, не алиментщику) надо работать 7–8 лет! А тут сел и сочинил, благо образование позволяет. Дотошному же критику вроде вас всегда можно ответить: “Ну кто же вам мешает песни писать!” Или еще проще: “Ну, ты, Сальери!”»

Будучи однажды летом в родной Калуге, я зашел в городской парк культуры, где под столетними липами сверкала, гремела, – словом, жила своей лихорадочной жизнью танцевальная площадка с эстрадой, где в давние послевоенные вечера мы с друзьями проводили свое молодое время...

На эстраде выступал вокально-инструментальный ансамбль, под звуки которого раскачивались несколько сотен модно одетых молодых людей. Билет за высокую железную ограду стоил 40 копеек, как в кино. Я вспомнил, что в наше время он стоил в четыре раза дешевле. Значит, нынешнее удовольствие – покайфовать, пообщаться, подвигаться поставлено на солидную коммерческую основу. Высокий красивый парень с засученными рукавами, с микрофоном, зажатым в кулаке, вышел на край эстрады. Грянули усилители, и многодецибельный ритм сорвал с места разноцветную массу.

Я ненавижу судьбу свою
И что увижу-у,
Про то пою-у-у... –

раскачиваясь, с придыханиями и неестественными модуляциями, приседая и жестикулируя, запел солист...

Я глядел на танцующих. С отрешенными лицами, в каком-то полугипнозе они включились в стихию ритма. В их движениях, в их глазах, во всем их существе не было той творческой радости исполнения, скорее было какое-то безличное механическое растворение в нем... Танцевали не парами, а чаще группами по 3–4 человека, кое-где танцевали по одному, опустив голову, лениво работая локтями и коленками, полузакрыв глаза... «Что это? – подумал я. – Игра или естественное состояние, соответствующее духу музыки и тексту песен?» Дух какого-то безликого стандарта царил над толпой, какое-то добровольное, пассивное превращение в пыль, в однообразную человеческую икру.

А солист, гипнотизируя массу и одновременно самого себя, продолжал раскачиваться на сцене с микрофоном, возле разверстого рта:

Ты, наверное, прав,
Чтобы просто петь,
Лучше бы вокруг
Вовсе не смотреть,
И, закрыв глаза,
Свято верить в миф,
В то, что мир людской
Сказочно красив...

Слушаешь песню Макаревича «Хрустальный город» – о том, как «лучшие люди» сначала его построили, потом украсили, потом разрушили, потом снова его построили «на выжженном месте», с рефреном после каждой строфы «Весь мир сошел с ума» – и убеждаешься, что примитивно-фатальная философия, бесстрастная, безвольная, гипнотически расслабляющая душу молодых людей, и лежит в основе сладкого кайфа, который делает их столь однообразными и отрешенными от реальной жизни...

Автоматическое однообразное покачивание... Сами собой вспомнились страстные стихи Марины Цветаевой о том, как в парижском метро, покачиваясь, люди-манекены читают бульварную прессу, насыщаясь «газетной пустотой», которая нивелирует их:

Кто – чтец? Старик? Атлет?
Солдат? – Ни черт, ни лиц.
Ни лет. Скелет – раз нет
Лица: газетный лист!,
Которым весь Париж
С лба до пупа одет.
Брось, девушка!
Родишь –
Читателя газет.

Идейная направленность, чувства и настроения музыкального произведения не так наглядны, как в других ис-

кусствах (в кино, театре, литературе), но воздействуют на человека значительно сильнее, ибо он, как правило, не в состоянии их анализировать, воспринимает их не столько на уровне сознания, сколько на подсознательном – помимо своего волевого контроля.

Человек, подвергаясь влиянию музыки, которая ему по душе, беззащитен от нее. Вот почему Платон считал, что законы музыкальной гармонии так же священны, как и законы государства (и те и другие обозначаются в греческом языке одним словом «номы»). «Никто, – пишет Платон, – не должен петь либо плясать несообразно со священными общенародными песнями... Этого надо остерегаться больше, чем нарушений любого закона». Задумывался об этом и «антигосударственник» Л. Толстой. «Музыка – государственное дело. И это так и должно быть. Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом делал бы с ними, что хочет». И даже такой гений, вроде бы далекий от злобы дня, как Циолковский, писал в своих дневниках: «Музыка есть сильное возбуждающее, могучее орудие, подобное медикаментам. Она может и отравлять, и исцелять. Как медикаменты должны быть во власти специалистов, так и музыка».

Двадцать лет тому назад в знаменитом Сопоте я впервые стал свидетелем того, что при помощи музыки можно сделать с человеческой толпой.

Зал под открытым небом был переполнен наэлектризованной молодежью – все ждали выхода кумиров, не помню их имен, гастролировала рок-группа из Англии.

Когда актеры с кинематографическими улыбками, в блестящих скафандрах, подобных тем, которые сейчас в ходу у горнолыжников, выбежали из-за кулис, амфитеатр взревел от восторга – зрители, сшибая друг друга с ног, бросались к эстраде, не в силах совладать со своими чувствами. С каждым исполненным номером неистовство толпы возрастало, люди орали, воздевали к небу руки, падали на колени, а когда одна из «звезд», желая взвинтить коллективную истерику до предела, сорвала с себя цветную жилетку и швырнула ее в первые ряды,

блестящая тряпка тут же, как майка Пеле или Гарринчи, была растерзана идолопоклонниками на сувениры... Но этого им показалось мало – они начали ломать скамьи, выпрыгивать на эстраду, падать к ногам своих кумиров, демонстрируя готовность то ли взорвать от избытка чувств весь мир, то ли умереть в счастливых конвульсиях.

Когда по Польше спустя 17 лет прокатилась анархическая разрушительная волна антисоциалистических страстей, я вспомнил этот вечер и подумал, что люди, опрокидывавшие трамваи, разрушавшие памятники советским солдатам, давшие волю своим агрессивным анархическим инстинктам, не с неба упали. Их надо было долгое время формировать в соответствующем духе, растить на определенной почве, и, может быть, одним из удобрений, в красивой упаковке много лет беспрепятственно эту почву удобрявших, была система действ-зрелищ, страшный образец которой так четко запомнился мне...

Из письма лаборанта В. И. Тимченко (Омск):

«Почему слушатели расходятся с концерта симфонической музыки или, скажем, из театра, даже из цирка, – не хулиганят, чтят уголовный кодекс, а на дискотеках всегда приходится усмирять страсти? Ответ ясен. В первом случае соприкосновение с культурой, сотворчество, в крайнем случае здоровый смех (в цирке), а во втором потребление своеобразного наркотика. В мире классики никому не тесно. В мире идолов – постоянная гонка, все зыбко, кроме постоянного требования: “сделайте мне красиво”, как у художника, который ухлопал все деньги на розы, а она, неблагодарная, не оценила. Я бы ему сказал: “дурашка ты, и ее-то, наверное, держишь за дурочку, раз у тебя такая придуманная любовь”. Вот шлягер почище “Черного кота”, потому что пошлость куда утонченней».

* * *

Несколько лет тому назад я прочитал в газете «Правда» драматический рассказ о том, как во время боев под Ленин-

градом наш танк был подбит и двое раненых танкистов жили и сражались в нем целых тринадцать дней, не подпуская немцев к себе. Стояла зима. Оглохшие, обмороженные, ослабевшие от потери крови восемнадцатилетние парни Алексей Соколов и Виктор Чернышенко спали по очереди, отстреливались, ели снег и сухари, а когда становилось совсем невмоготу... пели песни. Нет, не модные шлягеры тридцатых годов, под которые они вырастали, и даже не песни, рожденные Великой Отечественной войной, не танго «В парке Чаир распускаются розы» и не «Синий платочек» – впрочем, дальше обращусь к первоисточнику: «...Осталось лишь четыре гранаты. – Прибережем для себя, – сказал Алексей. – Не тушуйся, Витя, – Потом вдруг предложил: – Давай споем про степь, у нас в деревне хорошо пели на гулянках. – И запели – “Степь да степь кругом...” Где-то грохотало, ухало, в сотне метров от танка таилась вражья сила. А в стылой броне звучала печальная русская песня. И странно, но она как-то облегчала душу замерзающих гибнущих танкистов. Ямщик стал как бы третьим членом экипажа, разделяя их беду.

Потом пели украинские. Тут уже запевалой был Виктор. Пели, и каждый видел свое детство: одному чудились оренбургские степи, другому донецкие. А холод пробирался невидимым диверсантом сквозь броню, под тужурки, в валенки. И кроме песни им нечем было отразить его атаку...». На четырнадцатые сутки наши солдаты вызволили танкистов. Обоим – одному посмертно – было присвоено звание Героя Советского Союза. Один из них, Виктор Семенович Чернышенко до сих пор живет в городе Челябинске. Он и поведал корреспонденту газеты об этих трагических тринадцати днях, пережить которые им помогла бессмертная народная песня.

* * *

Правда, наиболее расчетливые звезды «масскульта» знают цену своему поклоннику и невысоко ставят его обожание, понимая, видимо, примитивность взаимоотношений. Однаж-

ды после большого поэтического концерта один малопопулярный, но истинный поэт, поэтическая знаменитость, только что отработавшая часа три на эстраде, и автор этих строк очутились в кафе за столиком. К нам тут же подлетел поклонник. Вернее, не к нам, а к Нему.

– Подпишите! – задыхаясь от удачи, он протянул своему Кумиру его же книгу.

Кумир, не прерывая разговора с нами, вытащил авторучку – и не то чтобы спросить поклонника, как того зовут или что-нибудь другое – повернулся к нему лишь настолько, чтобы не промахнуться золотым пером «Паркера» мимо обложки, и коряво черканул на ней что-то отдаленно похожее на свою фамилию.

– Молодой человек, – обратился я к поклоннику, – вот, – я показал на истинного, но малопопулярного поэта, – возьмите и у него автограф, он тоже пишет стихи и – замечательные...

Почитатель поглядел на меня как на ненормального:

– Какой еще поэт? Вот он – поэт! А этого вашего я не знаю да и знать не хочу...

Мы рассмеялись, и когда поклонник гордо удалился, я сказал Кумиру:

– Ты бы хоть именем поинтересовался, написал бы два слова, а то неудобно как-то!

Тут уж Кумир посмотрел на меня как на ненормального:

– Да ты что? С него и автографа за глаза будет! Им больше ничего не надо, я этот народ знаю, уж поверь мне...

В чем в чем, а в этом ему можно было действительно верить...

* * *

Видимо, наивно и бессмысленно требовать от любой звезды «масскульта» прямой ответственности за поведение поклонников. Но почему не поговорить о последних? Нужно ли их ставить в положение касты неприкасаемых? Может быть, я многого уже не понимаю в сегодняшней жизни и в

чувствах современной публики, но не могу себе представить, чтобы почитатели Блока или Пастернака, приходя на Переделкинское или на Волково кладбище, позволяли себе (пусть нечаянно!) топтаться на чужих могилах от избытка чувств перед своим божеством.

О, куда мне бежать
От шагов моего божества! –

писал молодой Борис Пастернак, вспоминая встречу с композитором Скрябиным. Сколько в этих строках интеллигентной застенчивости, целомудрия, не показного, а истинного благоговения! Это культ другого рода, нежели тот, при котором поклонник рвет на память клок от футболки Пеле или рубашки Леннона. А ведь речь идет тоже о божестве, но поэт бежит не к нему, а от него. Нормой для русской поэзии всегда (еще и в недавние времена!) были естественные отношения человека творящего и человека, принимающего его творчество в душу, отношения, полные нравственного здравого смысла.

Вспомним полные глубочайшего уважения к читателю, сознания долга перед ним при абсолютном сохранении собственного достоинства стихи Анны Ахматовой:

А каждый читатель, как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд...

В этой таинственной, бессловесной, но всегда ощущаемой стихии главная надежда нашего бессмертия:

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят.

Не душевной воспаленности, не крикливого почитания ждет поэт, уходя под сень читательской любви, а безмолвного разговора души с душой, тени, прохлады, доверия.

За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной.
Там исповедь льется немая,
Беседы блаженнейший зной...

Золотые времена, одно воспоминание о которых вызывает столько чувств – и гордости, и горечи, и разочарования, и надежды... И все же – все же нельзя терять веру в бессмертие умной читательской души, как бы она ни была сегодня затуркана шумным господством массовой культуры. Такое безверие – гибель для поэта. Ахматова в самые тяжелые времена не теряла веры:

Наш век на земле быстротечен,
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен,
Поэта неведомый друг.

Не терял этой веры и Александр Твардовский, хотя знал цену читателю-современнику; вспомним хотя бы жесткие строки о том, что читатель бывает

И крайним слабостям потатчик,
И на расправу слишком скор...

Но тот же Твардовский, думая о читательской любви к поэту, являющейся неким черновиком любви народной (хотя этот черновик не всегда переписывается временем набело), в итоге все-таки пишет с исповедальной страстью:

И ради той любви бесценной,
Забыв о горечи годов,

Готов трудиться ты и денно
И нощно – душу сжечь готов.

Свою душу. Не читательскую. Иначе – нельзя. А лучше, чтобы не сгорела ни та, ни другая.

ЖЕРТВЫ И ПАЛАЧИ «МЕТРОПОЛЯ»
(история одного юбилея)

А сам «Метрополь» кем только сейчас не славится и где только не прославляется!
С. Чупринин («Лит. газета». 1989. 8 февраля)

Для тех, кто забыл, что такое «Метрополь», напомню, что это был альманах 23 московских писателей, изданный ими за границей в 1979 году.

Организатором и вдохновителем альманаха стал В. Аксенов, сжигавший корабли и готовивший свой отъезд на Запад. Акция была продуманная и очень эффектная. Прямо-таки детективная. Издание уже составленного альманаха его создатели подзадержали, чтобы не помешать получить Вознесенскому осенью 1978 года Государственную премию. Когда дело с премией прошло благополучно – козырная карта «Метрополя» была брошена на стол. События развивались прямо-таки по детективному сюжету: по Москве объявлялись слухи о пресс-конференциях редколлегии альманаха, места конференций переносились то на переделкинские дачи, то в целях широкопропагандистских в различные городские кафе, власти сбились с ног, не успевая закрывать намеченные для подобных акций кафе на срочные «ремонты». Иностранные журналисты, аккредитованные в Москве, с поразительной осведомленностью толпой появлялись у закрытых две-

рей «Лиры» или «Аэлиты» с табличкой «Санитарный день» и тут же отстукивали в свои газеты информацию о гонениях на метропольцев. Отдел культуры ЦК и руководство Союза писателей сбились с ног, не зная, что делать: уговаривали, грозили, сулили дополнительные блага – хватались то за кнут, то за пряник... А слухи, разговоры, репортажи в мировой прессе нарастали, как снежный ком, создавая невиданный ореол гонимому общественному деятелю В. Аксенову, уже принявшему окончательное решение...

«Дела давно минувших дней, и вот – справляем юбилей».

Как всегда, излишне восторженный критик С. Чупринин опять не удержал эмоций, опять переборщил: десятилетний юбилей «Метрополя» не стал все-таки всенародным торжеством, как 600-летие Куликовской битвы или Тысячелетие христианства на Руси, и был отмечен не всей страной, а только литературным вечером в Доме архитектора, да еще Вознесенский, а за ним Мальгин с Евг. Поповым и Ф. Медведевым объявили метропольцев по центральному телевидению «предтечами перестройки». И все. Словом, торжества прошли хоть и достойно, но скромно, без подробностей, которые сопровождали в свое время скандал с «Метрополем», с простым перечислением участников – Вознесенского, Аксенова, Ахмадулиной, Липкина, Лиснянской, Арканова, Алешковского, Искандера, Битова, Ерофеева и т.д. В общих словах говорилось, правда, что их преследовали, травили... Но почему-то, вопреки правилам разоблачительной практики времен гласности, имена гонителей не назывались. Не то что во время кампании против тех писателей, кто подписал «Письмо одиннадцати». Так, намекалось туманно, чтобы можно было понять: виноваты идеологи застоя, сталинисты, столпы административно-чиновничьей системы, литературные реакционеры. А кто у нас сейчас в реакционерах ходит? Да само собой разумеется, все те же подписавшие «Письмо одиннадцати» шовинисты, националисты, антисемиты. Словом, намекалось, но без ярости, без называния фамилий... Даже странно как-то!

Может быть, мы культуре дискуссий научились и личных, да и групповых счетов уже ни с кем не сводим? Ах, если бы так! К сожалению, ничуть мы не изменились, а просто «в другом месте собака зарыта».

Листаю газеты тех жарких лет, дискуссии и стенограммы обсуждений и не вижу там в числе гонителей «Метрополя» никаких одиозных фамилий, «певцов застоя», «реакционеров», редакторов «антиперестроечных» журналов... Ни С. Викулов, ни М. Алексеев, ни В. Белов, ни В. Астафьев, ни П. Проскурин, ни Н. Грибачев, ни В. Кожинов, ни М. Лобанов, ни Ан. Иванов, ни В. Чивилихин ни слова не сказали в печати о «Метрополе»... В печати. В частных разговорах – да, помню, говорили приблизительно следующее, сходясь на одной мысли: «этих метропольцев чиновники из ЦК КПСС и из руководства Союза опекали весьма усердно, многие из них из “загранки” не вылезали, никаких отказов им не было. Америка? – Америка! Япония? – Япония! Зал в Лужниках? – Пожалуйста! Телевидение? – Ради бога! Избранное? – Пожалуйста! Ну и пусть сами наши идеологи, создавшие такую элиту, несут ответственность за неприятности, которые причинила им элита со своим “Метрополем”. А мы за это не отвечаем и просто брезгуем заниматься грязным делом»...

Так говорили писатели между собой и так игнорировали призывы чиновников из ЦК КПСС – Зимянина, Шауро, Беляева, Долгих и других «пожурить» избалованных литературных инфантов... Дело все-таки было серьезным. И чтобы его «закрыть», надо было провести хоть какое-то формальное осуждение, хотя бы для спасения чести идеологии, ее брежневско-сусловского застойного лица, вдруг исказившегося от пчелиного укола метропольского жала... Как ни крутились, а обсуждение альманаха пришлось устроить. Поговорили, видимо, с другими людьми, чего-то пообещали им, организовали ораторов. Кто же стали этими ораторами? Только не удивляйся, дорогой читатель: метропольцев, то есть будущих «прорабов перестройки», осудили другие будущие прорабы той же перестройки: и те и другие сейчас стоят в

одном ряду и, забыв старые разногласия, печатаются в одних органах, нахваливают друг друга, и фотографии их в обнимку часто украшают страницы наших популярных изданий.

Но в 1979 году нынешние друзья «Метрополя» отзывались об альманахе так, как до́лжно отзываться людям, живущим по принципу «чего изволите?» Я не сужу их: они такими родились – сегодня обслуживают одну идеологическую ситуацию, завтра – другую, послезавтра обслужат третью. Но назовем фамилии «гонителей и преследователей». Что говорил о «диссидентах» десять лет тому назад нынешний главный редактор журнала «Знамя» Г. Бакланов?

«Не могу себе представить американского читателя, который бы по доброй воле прочел весь этот альманах. Я этого сделать не смог, так как художественный уровень большинства произведений оставляет желать лучшего. Я уж не говорю о рассказах, например, Ерофеева, которые вообще не имеют никакого отношения к литературе».

А вот отзыв сегодняшней перестройщицы Р. Казаковой:

«Налицо невероятная безнравственность поведения. Это мусор, а не литература, что-то близкое к графомании. Здесь сексопатология. Это литература частного лавочника. Этого мы не должны допустить. Для этого надо ехать в Америку».

А вот что писал нынешний пропагандист творчества А. Вознесенского, Ф. Искандера, А. Битова, Б. Ахмадулиной и других метропольцев критик Евгений Сидоров:

«Он («Метрополь». – *Ст. К.*) заслуживает самого решительного морального идейного осуждения, ибо писатели, в нем представленные, сыграли по шулерским, а не по джентльменским правилам».

Автор книг и статей о Н. И. Бухарине, о Н. И. Вавилове известный прозаик перестроечной волны В. Амлинский:

«“Мутное щегольство словами” есть в этом альманахе, который в целом ряде сочинений составляет впечатление тягостное».

Член-корреспондент АН СССР П. Николаев, тот, который ныне в своих литературоведческих интервью защищает

любую свободу творчества и клянет эпоху застоя с ее давлением на художников слова:

«Авторы сборника сделали нечто такое, что является задворками западноевропейской культуры... Конкретное содержание и форма материала сборника – вне вековых традиций нашей культуры и, по существу, враждебны ей... За серьезных, вернее, одаренных писателей, принявших участие в этом сборнике, стыдно. Сама же идея подобного издания не может не быть нравственно и профессионально осуждена».

Один из самых боевых и прогрессивных критиков и ораторов последнего двадцатипятилетия А. Борщаговский:

«У нашей литературы всегда был нравственный порог, которого достигала жизнь и за нею литература, нравственный порог, о котором забывать нельзя, ибо, если его утратить, это будет служить развращению подрастающего поколения и вносить в умы молодежи сумятицу. Грех "Метрополя" – в измене нравственному уровню, достигнутому советской литературой».

Активнейший пропагандист перестройки драматург В. Розов:

«Мы печатать этого не собираемся, потому что это не художественного уровня издание».

Популярный детский писатель, громко ратующий сегодня против всякого рода остатков сталинизма и диктата над волей писателя, А. Алексин:

«Дело с альманахом достойно презрения, потому что замешено на лжи и подлежит всеобщему осуждению...»

Были в числе судей «Метрополя» и Б. Полевой, и С. Залыгин, и В. Карпов. Руководил кампанией первый секретарь Московской писательской организации Ф. Кузнецов. По должности и по приказу свыше, так сказать. Остальные «гонители» были «вольнонаемные». Все они страстно, убежденно, со знанием дела – что самое пикантное, на мой взгляд! – по существу справедливо критиковали альманах. Одного только не рассчитали, что изменится время, «Метрополь» снова будет, как утверждает С. Чупринин, «прославлен» на гребне перестройки, а они, находящиеся на том же гребне,

будут вынуждены сделать вид, что не имеют никакого отношения к судьбе альманаха, или, подмигнув метропольцам, должны будут намекнуть: «Оцените, какую неблагодарную, черную, но нужную работу мы сделали тогда – прорабатывая вас, мы фактически спасли вас от оргвыводов идеологии, сыграли роль громоотводов, потому вы сегодня и можете негромко, но все-таки праздновать свой юбилей... А эти гордецы-консерваторы – всякие Алексеевы, Ивановы, Викуловы, Кожиновы, Беловы, Чивилихины – истинные-то ваши враги, не помогли вам в трудную минуту, не спустили щекотливое дело на тормозах, не вняли просьбам Большой Идеологии, в позу встали, консервативно-патриотическую, и до сих пор стоят в ней, за что и осуждала и осуждает их Большая Идеология и в метропольские времена, и в наши тоже... Ишь, чистенькими быть захотели в грязное время! Уже тогда они показали свою негибкость, свою якобы принципиальность, словом, свою неспособность к перестройке... А мы-то хоть и клевали Вас, да все равно, как родных, любя клевали! Так что не обижайтесь! Кто старое вспомянет...» Но самое пикантное в том, что главный режиссер этой драмы зам. зав. отделом культуры А. Беляев (впрочем, с американской стороны был режиссер не менее главный – издатель «Метрополя» – Карл Проффер, которого вся пресса тех времен клеймила, как сотрудника ЦРУ), так вот этот А. Беляев сейчас, будучи главным редактором газеты «Советская культура», собрал под одно крыло всех «метропольцев» и их «преследователей» в одно идеологическое объединение. Как ни откроешь газету – так видишь: А. Вознесенский, Е. Сидоров, Искандер, П. Николаев, Гр. Бакланов, В. Ерофеев, В. Высоцкий, В. Амлинский, Р. Казакова, В. Розов, А. Арканов, М. Розовский, С. Липкин, И. Лиснянская, А. Борщаговский и т.д., словом, «палачи и жертвы», «волки и овцы» – все объединились, то ли по мировоззренческому, то ли по перестроечному принципу, а режиссер тот же – с нашей советской стороны Альберт Беляев (Карл Проффер, его коллега, к сожалению, недавно помер.) И хороводит этот дружный коллектив на

страницах газеты «Советская культура» по принципу «возьмемтесь за руки, друзья». Словом, последний акт десять лет длившейся трагикомедии под названием «Метрополь» подошел к концу, прояснив окончательно первоначальные замыслы режиссеров, отодвинув в сторону консервативных статистов, побрезговавших представлением, и высветив все неисчислимые таланты солистов и всех участников международного литературного шоу. Аз же, грешный, в те годы, видя растерянность наших чиновников, вынужденных одной рукой наказывать метропольцев, а другой спасать их, решил воспользоваться ситуацией и написал свое размышление о «Метрополе», о сочинениях, помещенных в нем, о завуалированных и явных русофобских и сионистских мотивах альманаха – и пустил свое сочинение по белому свету.

Я понимал, что рискую, а потому, чтобы не «сгореть дотла», оформил эти заметки как якобы письмо в ЦК КПСС. Пусть оно выглядит официальным документом, а не как нелегальная листовка, пусть лучше меня проработают в ведомстве Суслова, а не Андропова. А пока прорабатывают – пусть письмо расходится по руслам и ручейкам патриотического самиздата. Я уже знал, что в отличие от диссидентско-западного существовал и самиздат такого рода.

Официальный гром грянуть не замедлил: такое неожиданное толкование и такое несанкционированное обсуждение «Метрополя» крайне раздражило «власти предержащие». Последовал вызов на Старую площадь, где в течение двух с лишним часов два зам. зав. отделами ЦК КПСС – А. Беляев (нынешний редактор газеты «Советская культура») и В. Севрук (нынешний зам. главного редактора газеты «Известия») укоряли и покрикивали на меня, и грозили, и увещевали... Главный пафос их грозных причитаний заключался в том, что, мол, нечего учить нас борьбе с сионизмом, сионизма у нас в стране нет, не лезьте не в свои дела, знайте свой шесток. Третьим, молча записывая весь наш разговор в блокнот, сидел в кабинете секретарь Краснопресненского райкома КПСС И. Бугаев. Поскольку я стоял на партийном

учете в его районе, он должен был быть в курсе дела, на всякий случай, если придется наказывать меня по партийной линии. Когда-нибудь я напишу об этом фантасмагорическом действии поподробнее, так как, выйдя из проходной, я сразу сел на лавочку возле памятника Героям Плевны и по свежим следам записал все разговоры, монологи и диалоги только что закончившейся проработки. А сейчас вспомню только то, что в завершение разговора окончательно вышедший из себя Альберт Беляев закричал:

– Вы действуете точно так, как Солженицын: пишете письмо якобы в ЦК, а на самом деле пускаете его по рукам! Вы нарушаете партийную этику. Идите и обдумайте все, что мы вам сказали!..

Я вышел на улицу, записал весь разговор и обдумал его, пришел к выводу, что поступил совершенно правильно. Письмо мое «работает» и просвещает головы до сих пор...

Через несколько дней я, как рабочий секретарь Московской писательской организации, получил официальное предложение уйти на полгода в творческий отпуск, а через некоторое время был убран со своего совершенно ненужного мне поста как человек (очень хорошо помню формулировку одного из чиновников), не обладающий «ролевым сознанием»...

Получив полугодичный отпуск, я с облегчением вздохнул и поехал рыбачить на Север, к берегам холодного Белого моря. Это было похоже на эмиграцию – но совсем особого рода...

В годы застоя, когда душилась любая живая мысль под негласным, но мертвящим гнетом цензуры и всяческого калибра партийно-государственных правил и инструкций, творческие натуры, не выносящие этого давления, эмигрировали, но в разные стороны: кто за границу, кто в самого себя, кто в пьянство, кто в иронию... Но были и такие, кто «эмигрировал» в свою страну, в ее глубины, в ее почву, куда не доходило обжигающее жизнь дыхание Великого мертвеца. Впрочем, в истории России такое было не раз – Гоголь «эмигрировал в Россию», проездился по ней, записывая на листочках «Выбранные места из переписки с друзьями»; Александр Блок «эмигрировал» в

себя, когда «Победоносцев (Суслов тогдашнего времени) над Россией простер совиные крыла»; Достоевский чуть раньше – «эмигрировал» в Оптину пустынь, в стихию «Братьев Карамазовых», Андрей Платонов – в фантасмагорический мир «Котлована» и «Чевенгура».

Разные есть пути эмиграции для русского интеллигента, и определяются они запасом патриотизма в его душе.

Итак, в застойные времена я время от времени «эмигрировал», но не куда-нибудь, а в свою страну. Подружился с геологами и несколько сезонов прожил в работе на Тянь-Шаньских горах и в долинах Гиссара, среди вечных льдов, альпийских лугов, громокипящих голубых рек, среди поднебесных, сверкающих голубыми молниями гроз, рычащих бурых селевых потоков, среди бедных, но гордых и трогательных в своем нищем гостеприимстве жителей высокогорных кишлаков и пастбищ, среди орущей, мускулистой, загорелой, не жалеющей себя ни в гульбе, ни в работе геологической, студенческой, шоферской вольницы... Либо месяцами я пропадал в эвенкийской тайге, добираясь туда через маленькие дощатые сибирские аэропорты на «аннушках», на вертолетах, разглядывая сверху дикие просторы – сопки, усеянные редколесной тайгой, распадки, черные реки, медленными змеями впадающие в Нижнюю Тунгуску, на берегу которой стояло зимовье рядом с двумя березами и овальным калтусом, затянутым в октябре сверкающим льдом.

Меня встречал дед – Роман Иванович, два кобеля, Рыжий и Музгар, мы обнимались – от деда терпко пахло ондатровыми шкурами, рыбой, солью... Он тащил меня в зимовье, где на столе уже дымилась уха, поблескивали мороженые сижки и хариусы да еще что-то тускло светилось в зеленоватой бутылке, и начинались разговоры о соседях, о внуках, о тайге, о звере... Каждый день с утра мы бороздили тайгу по путикам и аргишам, задыхаясь от азарта, мчались на лыжах к далеким лиственницам, куда наши кобели загоняли соболя или белку. А в иные дни красными, словно вареные раки, руками проверяли сети, вытряхивали на лед золотистых ка-

расей и снова опускали снасти в лунки, наполненные темной озерной водой... А вечерами – долгими зимними вечерами при патриархальном свете керосиновой лампы – текли нескончаемые наши разговоры о крестьянской жизни в 20-е годы, о раскулачивании, о репрессиях, о войне, о плене – словом, обо всем, о чем сейчас говорит весь мир – мы толковали в нашем жарко натопленном зимовье с раскаленной печуркой, сваренной из железной бочки, под звонкие разрывы древесных стволов (от пятидесятиградусного мороза лопались у нашего зимовья березы и елки)...

А в другие времена я уезжал на черную ледниковую реку Мегру, шумно впадающую в Белое море, подымался с жителями бывшей старообрядческой деревни – Витькой Кулаковым либо Ленькой Хардаминовым – на карбасе к истокам реки, к необъятным Мегорским озерам, ловить запрещенную семгу, неделями жить в палатках либо под громадными шатровыми непромокающими елями и опять же слушать бесконечные разговоры о том, как их предки добирались сюда по хребтам и рекам, как ставили в устьях поморские деревушки, рубили из листвяка церкви, как старухи уходили на шестах в глубь тайги, рубили там свои монастырские кельи, как в 30-е годы уполномоченные НКВД раскатывали и жгли их лиственничные церкви – ссылать отсюда, с края света, было некуда, – как добирались огепеушники и до старушечьих келий, а там, как на грех, незнакомые мужики, беглые, которыми наводнены были в те времена архангельские пристани, – ждали переправы на Соловки, а кто смел да удал – уходил из-под вохровских взглядов, бежал навстречу восходящему солнцу на восток, добредал до деревень и до Мегры, где мужики советовали скитальцу: иди по реке в старушечьи скиты, там надежнее... Но и там их находили... А скиты рушили огнем, как во времена Аввакума.

Сидим на берегу Мегры, толкуем... Гуси, прорезая полосу северного сияния, летят с Канина Носа. Их рыдающий крик стелется над болотами и озерами, а самих птиц не видно, пока их извилистый клин не попадет в струю дрожащего

зеленовато-лилового сполоха – северного сияния... Темные трехметровые обетные кресты, поставленные на берегу обрыва, под которым шумит вода, – словно врезаны в тусклое вечернее северное небо...

– Рыбу нам имать не дают, – жалуется Витька Кулаков, двухметровый потомственный помор, поигрывая на коленях кулаками, каждый из которых величиной со средний арбуз... – Деды и прадеды наши на этой рыбе выросли. А нам – запрет. Перегородят реку к июню, пригонят вертолет с цинковыми ящиками – да и давай семгу отбирать, что в ловушки зашла, какая покрупнее – на кремлевские столы... Нас же и заставляют укладывать, солью пересыпать да грузить... Улетели, а с нами рыбнадзор остался. За каждую рыбину пойманную – сто рублей. Зато магазин у нас в Мегре полон ящиками с водкой да с бормотухой. А ишшо что? Килька в томате да баба в халате... Школу – закрыли, медпункт закрыли, строиться не дают. Всех нас, вольных поморов, хотят в райцентр согнать, чтобы мы там бетон месили да бормотуху жрали... Кто послабее – тот уехал. А мы – лучше тут помрем...

А Мегра все шумит и шумит, а гуси все кричат и кричат в темном небе, то заходя в светлую полосу северного сияния, то исчезая из нее...

А еще время застоя проходило в разговорах с Николаем Рубцовым и Анатолием Передреевым, Вадимом Кожиновым, Вячеславом Шугаевым, Эрнстом Портнягиным... И когда Николай Рубцов своим хриплым голосом, под звон случайной гитары выдыхал из себя:

На болотной земле, в этом городе мглистом
Я по-прежнему добрый неплохой человек, –

каждый раз сердце замирало, потому что сказано это было вроде обо всех нас.

А еще дни и ночи застоя пролетали над книгами не только Александра Блока и Сергея Есенина. Шевелились, излучая жар, страницы Константина Леонтьева и Василия Розанова,

«Дневники» Достоевского и главы «Архипелага ГУЛАГа», «Окаянные дни» Ивана Бунина и просто «Дни» Виталия Шульгина – да не перечислить всего, что было прочитано и обговорено нами тогда...

А частые возвращения в Калугу, где, бывало, бродишь вокруг разрушенных церквей, выходишь на окский берег, глотаешь весенний, насыщенный тленом и жизнью воздух, идешь на старое Пятницкое кладбище, оглядывая родные могилы и кланяясь им; где, сидя в местном архиве, листаешь газету 30-х годов, натыкаешься на фамилии своих родных и близких – и запутываешься в кошмарном клубке раскулачиваний, трудовых подвигов, репрессий, исключений из партии, приговоров, и одновременно вспоминаешь себя маленьким мальчиком возле проходной калужской тюрьмы, мальчиком, которого мать оставила на зеленой весенней травке, а сама пошла в какую-то будку, пытаясь передать передачу своей старшей сестре, тете Поле... Тетя Поля, кстати, возвратилась из Магадана в 1956 году, вскоре умерла... Вон там, возле елки, ее могила рядом с бабкиной, сейчас я подойду к ним, почищу могилы от ветвей и листьев, поговорю с покойниками...

Так прошли для меня два десятилетия застойного времени, в трудах и раздумьях, что мог – печатал, а что не мог – оставлял в столе и в душе, зарабатывал деньги на жизнь переводами, часто весьма постылыми.

Годы застоя невыносимы для людей с ярко выраженным политиканствующим складом характера, для людей активного, карьерного склада, для людей нигилистического таланта, умеющих лихо и поверхностно осмеивать все и вся на своей несчастной родине, для которых, как говорится, ради красного словца не жалко ни матери, ни отца...

Таким людям в годы застоя было совсем не по себе. Многие из них, видевшие, что они не могут реализовать свои возможности, эмигрировали «за бугор»... Для меня же, при всей его тяжести, застойное время не было столь катастрофическим, ибо у меня была возможность эмигрировать с поверхности жизни – вглубь, в почву, в историю, в коренную систе-

му своего генеалогического дерева... Там было чем дышать. В родных глубинах никакой застой не мог отравить меня. Так же, как Рубцова или Белова, Тряпкина или Шукшина.

Приложение.

Письмо в ЦК КПСС
по поводу альманаха «Метрополь»

В альманахе «Метрополь», кроме открытых антисоветчиков, диссидентов и полудиссидентов, выступили весьма известные советские писатели – Аксенов, Искандер, Битов, Вознесенский, Ахмадулина, Липкин, Лиснянская, Арканов, Розовский... Зададимся вопросом: а чем же вызвано их участие в альманахе, их, чьи книги издаются и переиздаются, чьи имена не обделены вниманием критики, кому предоставляются для выступлений самые громадные залы? Кто чаще других говорит, якобы от имени советской литературы, в зарубежных аудиториях. Семен Липкин опубликовал в «Метрополе» стихотворение «В пустыне» об очередном еврейском исходе.

Идем туда, где мы когда-то были,
чтоб ныне праотеческие были
преображали правнуки в мечты.
Нам кажется, что мы на месте бродим,
однако земли новые находим,
не думая достичь мечты.

Не думаю, чтобы удел «исхода» и смены родины соответствовал сущности советского патриотизма. Однако удивляться нечему, все логично, потому что Липкин еще десять лет назад опубликовал в советской прессе стихотворение «Союз И». Я хорошо помню его главный рефрен: «Человечество быть не сумеет без народа по имени “и”...»

Приведу выдержку из инструкции Министерства просвещения Израиля: «Педагогический секретариат. Отдел основ-

ного общественного воспитания: “Евреи в Советском Союзе и мы” (материал для общественного часа)».

«Вопрос: Что олицетворяет чувство принадлежности к еврейству?

Ответ: Сборы у синагог... слушание передач “Голос Сиона” в диаспоре. Призыв к протестам, письмам... Урок заканчивается декламацией “Союза И” С. Липкина на иврите...».

Когда в конце прошлого года я выступал на вечере поэзии в Государственном музее Маяковского, мне пришло в форме записок от учителей средних школ несколько вопросов, среди них были и такие: «В свою прошлую поездку по Соединенным Штатам поэт А. Вознесенский с успехом выступал в организациях американской сионистской молодежи, за что даже получил звание почетного гражданина Лос-Анжелеса. Считаете ли вы этически возможным для советского поэта выступления в подобных аудиториях?»

Андрей Вознесенский не раз декларировал суть искусства, независимую от отечества. В стихотворении «Васильки Шагала» он прямо пишет: «Родины разны, но небо едино. Небом единым жив человек». В этом же стихотворении, обращаясь к Шагалу, Вознесенский, весьма двусмысленно играя словами, призывает художника: «Ах, Марк Захарович, нарисуйте непобедимо синий завет...». И словно бы услышав этот призыв, Шагал нарисовал «непобедимо синий завет» – расписал кнессет – парламент в Тель-Авиве.

Одним из авторов альманаха «Метрополь» является стихотворец Генрих Сапгир. Стихи его в начале шестидесятых годов широко были представлены в разного рода диссидентских «синтаксисах», потом – и до сих пор – он регулярно печатался и печатается на Западе в откровенно антисоветских изданиях. А у нас этот литератор благополучно издает книги для детей в издательстве «Детская литература» и является одним из составителей «Букваря», изданного миллионными тиражами, «Букваря», уникального в том смысле, что в нем есть немало стихов Сапгира и впервые в истории нашего школьного дела нет стихов Алексан-

дра Пушкина. А ведь до войны были! Как же можно такому человеку доверять дело, с которого начинается познание родины и родной русской литературы! Надо сказать, что за последнее время вообще немало исторических, литературоведческих и филологических изысканий выходит в свет с идеями, родными и близкими сионизму в самом широком смысле слова. Печально известны в этом смысле исторические «исследования» поэта Олжаса Сулейменова с его постоянным определением еврейского народа, как «главного народа»... Это ли не льет воду на мельницу тех, кто говорит о мессианской роли Израиля в судьбах человечества? Надо сказать, что Сулейменов последователен в пропаганде аналогичных взглядов. В одной книге его стихотворений есть поэма «От января до апреля» – вроде бы о Ленине, хотя большая часть ее посвящена страданиям еврейского народа, несмотря на то, что в последние десятилетия после того, как сионизм показал свои зубы, разговор об этих страданиях становится бестактным по отношению к народу Палестины. Повествование ведется Сулейменовым на таком примитивном «литературно-историческом» уровне:

Евреи злые, евреи знали,
что не евреи Христа распяли!
Скрывали хитрые, все принимали,
все понимая, миру давали
взамен Христа других богов,
а им за тех богов – Голгофу!

Не буду говорить об этой поэме подробно – в ней много политически наивного и поэтически беспомощного, процитирую только отрывок, в котором речь идет о Ленине. Вот каким изображает Ленина Сулейменов:

Его таким нарисовал Андреев –
его один бы бог не сотворил.
Арийцы принимали за еврея

его, когда с трибуны говорил.
Он знал, он видел, оставляя нас,
что мир курчавится, картавит и смуглеет (?)

(Это что – мир становится семитским, что ли? – *Ст. К.*)

Мир был совсем иным в последний час,
в последний час короткой жизни Ленина.
Приходится порой простые мысли
доказывать всерьез, как теоремы.
Он, гладкое поглаживая темя,
смеется хитро, щуря глаз калмыцкий.
Разрез косой ему прибавил зренья,
он видел человечество евреев...

Изобразить Ленина в образе вождя, поддерживающего сионистские идеи о «человечестве евреев», – это уж слишком! Нет, не таков был он, страстный борец против Бунда и всякого национализма, в том числе и еврейского, сторонник естественной исторической ассимиляции евреев в тех народах, где они живут.

В 1977 году в большой серии «Библиотеки поэта» – популярном издании вышла книга стихотворений Эренбурга. Эренбург – поэт сложный. Много раз менявший свои убеждения и написавший за свою долгую жизнь много всего разного. Не все из того, что он написал, конечно, заслуживает переиздания. Особенно стихи, продиктованные поэту его сионистскими иллюзиями и убеждениями. Так зачем же в таком случае составителю Б. Сарнову надо было включать в книгу, а издательству издавать следующее стихотворенье Эренбурга, написанное в 1922 г. ?

Когда замолкнет суесловье,
В босые тихие часы,
Ты подыми у изголовья
Свои библейские весы.

Запомни только, сын Давидов,
Филистимлян я не прощу.
Скорей свои цимбалы выдам,
Но не разящую пращу.

Ты стой и мерь глухие смеси,
Учи неистовству, пока
Не обозначит равновесья
Твоя державная рука...

Стихи, полные сионистской фразеологии, сознания избранничества, гордыни и религиозного национализма, настолько близкого шовинизму, что их вполне можно, допустим, рекомендовать для чтенья в частях нынешней израильской армии, «сыновей Давида», которые учатся неистовству»! А давайте заглянем в сборник «Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников», изданный «Советским писателем» в 1973 г. и щедро нафаршированный всякого рода размышлениями об «избранничестве». «Мы чувствовали себя сильными, ловкими, красивыми. Был ли это так называемый мелкобуржуазный индивидуализм, актерская жизнь воображения, «интеллектуальное пиршество» фармацевтов и маклеров? Нет, не был. Наши мечты сбылись. Мы действительно стали «управителями», «победителями», владетелями шестой части земли... Эдуард Багрицкий принадлежал к поколению и классу победителей» (А. Адалис).

Странно, что классом победителей здесь названы не рабочие и крестьяне – а фармацевты и маклеры! В этой же книге есть воспоминания Бабеля, в которых говорится следующее:

«Я ловлю себя на мысли, что рай будущего, коммунистический рай будет состоять из одесситов, похожих на Багрицкого. Из верных, умных, веселых товарищей, лишенных корысти. Какими легкими соседями будем мы тогда окружены, как неутомительна и плодотворна будет жизнь!».

Неважно, что все эти весьма тенденциозные рассуждения написаны в тридцатые годы, – важно, что они переизданы

в семидесятые, что это кому-то было нужно – рассуждения о «коммунистическом рае из одесситов» и о победе на шестой части земли «маклеров и фармацевтов». Нельзя в наше время, в новых исторических условиях, вытаскивать на свет эти уже обветшавшие идеи, так же, пожалуй, как нецелесообразно уже автоматически перепечатывать кое-что в книгах самого Багрицкого, отдавшего при всей своей революционности и таланте щедрую дань сионистским заблуждениям. Разве можно сейчас читать без недоумения следующие, допустим, строфы из поэмы «Февраль»?

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа...
Я много бы дал, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которой седой спиралью
Спадают пейсы и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной,
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне
Над летящими фарами и штыками.

Не бескорыстной интернациональной радостью – за первые демократические победы революции, а хмельной националистической гордыней обуреваем герой этой поэмы, проповедующей насилие и буржуазный истерический анархизм. Поэму Багрицкого напечатали за полвека миллионными тиражами! Так же как и его стихи, оправдывающие любой террор и в корне противоречащие гуманистической традиции русской классики: «Оглянешься – а кругом враги, руку протянешь – и нет друзей, но если век скажет: солги! – солги. Но если век скажет: убей! – убей».

Кстати, я написал статью об идейной борьбе в поэзии двадцатых годов, где поднимаю все вышеизложенные проблемы, – и вот уже несколько лет не могу ее опубликовать, так же как не могу опубликовать антисионистские стихи, написан-

ные после поездок на съезд писателей Палестины, в Ирак и в Египет. Да что говорить о нашей прессе, о наших издательствах, о наших статьях и стихах! Достоевского полного собрания сочинений издать не можем – дошли до семнадцатого тома несколько лет тому назад и остановились в недоумении перед «Дневником писателя», в котором гениальный Достоевский уже фактически сто лет тому назад разглядел цели и суть тогда еще нарождающегося сионизма и писал, глубоко проникая в тайну его могущества:

«А безжалостность к низшим массам, а падение братства, а эксплуатация богатого бедным, – о, конечно, все это было и прежде и всегда, но не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель. Стало быть, не даром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, не даром они движут капиталами, не даром же они властители кредита и не даром, повторю это, они же и властители всей международной политики»...

Издание собрания сочинений задержано, и нет особенной надежды, что возобновится, если принимать в расчет нашу уступчивость по отношению к сионизму в области литературы. А о собрании сочинений Блока я уж и не говорю. Все предыдущие собрания выходили с купюрами, там где Блок касался проблем еврейства и русофобства, – купюр этих около полусотни. Совершенно уверен в том, что собрание сочинений, готовящееся к столетнему юбилею Блока, появится в том же обрезанном виде. А что же появляется у нас в необрезанном виде ? Размышления Гейне, работающие на идею мессианства, на прославление «избранного» народа, на националистическое высокомерие. Вот несколько мыслей из Собрания сочинений (М., 1959 г.).

Еврейство – аристократия, единый бог сотворил мир и правит им, все люди – его дети, но евреи – его любимцы, и их страна – его избранный удел. Он монарх, евреи его дворянство и Палестина экзархат божий».

Или: «Мне думается, если бы евреев не стало и если бы кто-нибудь узнал, что где-то находится экземпляр представи-

телей этого народа, он бы пропутешествовал хоть сотню часов, чтобы увидеть его и пожать ему руку...». Или: «...В конце концов Израиль будет вознагражден за свои жертвы признанием во всем мире, славою и величием»...

Что это такое, как не националистические религиозные заблуждения, издавая которые громадным тиражом без комментариев, мы фактически работаем на сионизм, проповедуемый устами Гейне – крупного поэта вообще, но в данном случае маленького обывателя, находящегося в шорах иудаизма. Издание классиков – тоже политика. Но почему в результате этой политики почти расистские откровения Гейне мы популяризируем, в проницательные размышления Достоевского по этому поводу (мирового классика покрупнее, чем Гейне), которые работали бы в борьбе с сионизмом на нас, а не против нас, мы держим под спудом... Почему?

О многом еще можно было бы написать: о русофобстве как о форме сионизма (примеров более чем достаточно), о том, что в самые сложные и трудные, казалось бы, капиталистические страны чаще всего наш Союз писателей посылает людей, кокетничающих с диссидентством, что и подтвердилось фактом появления «Метрополя», о том, что эти люди заботятся не столько о пропаганде советской литературы, сколько о собственной рекламе, о собственных изданиях, о собственной популярности, а за все это приходится платить уступками в самом главном – в сознании своего патриотического долга перед родиной.

«ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ...»

Збигнев Бжезинский – осуществил главную мечту своей жизни – написал книгу «“Большой провал”. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке». Книга вышла в прошлом году, сразу же была переведена на русский язык и опубликована издательством «Либерти».

Бжезинский – профессор Колумбийского университета, того самого, в котором когда-то учились, слушая его лекции, бывший член Политбюро т. Яковлев и бывший генерал КГБ т. Калугин.

Вообще надо сказать, что Колумбийский университет – главный центр по подготовке зарубежных и отечественных советологов. Не потому ли профессорство Бжезинского в сем заведении есть его постоянное занятие – а все остальные (советник многих президентов, глава Совета национальной безопасности при Картере, консультант Центра стратегических исследований и многих финансовых трестов и политических организаций) – это, так сказать, должности временные... «Одна, но пламенная страсть» Бжезинского – это всегда Прекрасная Дама по имени Советология...

Книга «Большой провал» написана неглупым человеком, обладающим большим запасом политических знаний, жестким прагматиком, оценивающим понятие «коммунизм» только как политическую систему в ее различных национальных модификациях. Бжезинский знает свои возможности и не пытается анализировать коммунистическую идею как явление всемирной истории или как религиозный феномен. Не по зубам ему, видимо, и попытка взглянуть на коммунистическую ментальность с позиций христианской этики. Отстраняется он также и от попытки взглянуть на коммунистическое мировоззрение как на причудливое ответвление материалистическо-иудаистской стихии...

Словом, его критика коммунизма, по сравнению, допустим, с критикой К. Леонтьева, Ф. Достоевского, С. Булгакова, И. Ильина, И. Шафаревича, носит прагматический, поверхностно-политический характер, хотя безапелляционность тона, приговоров и выводов, оснащенность изложения фактами и примерами из новейшей истории несомненно представляют интерес. Бжезинский, оценивая разные стороны нашей так называемой перестройки, ставит весьма часто жирные точки над «i», и потому книга может по-своему быть любопытной для самого широкого круга политизированных читателей – от Нины Андреевой до Юрия Афанасьева.

Явной слабостью книги является большое количество ссылок на статьи, цифры, факты и выводы, почерпнутые автором из самой что ни есть «перестроечной прессы» – со страниц «Огонька», «Литературки», «Московских новостей»... Зная степень достоверности и объективности публиковавшихся там в последние годы многих материалов, мы можем только посочувствовать Збигневу Бжезинскому.

Закрывая книгу, все-таки делаешь окончательный вывод: она написана не философом, не мыслителем, не крупномасштабным государственным деятелем, а всего лишь политиком 70–80-х годов, крупным сотрудником американской администрации недавней эпохи...

Вот для примера несколько отрывков из книги, по которым читатель сможет в какой-то степени судить обо всем произведении:

«Кто мог предвидеть, что взгляды никому неизвестного эмигранта-библиотекаря, немецкого еврея, с таким энтузиазмом воспринятые на стыке столетий малоизвестным русским политическим писакой, станут самой привлекательной доктриной века? Ни в Америке, ни в Европе никто всерьез не задумывался над возможностью появления сколько-нибудь значительного идеологического вызова самой сущности тогдашней системы».

«Размышляя над причинами советского провала, поучительно вкратце остановиться на истории реализации марксистского эксперимента в России. В сущности своей это была западная доктрина, разработанная в читальном зале Британского музея одним интеллектуалом, немецким евреем. Затем это чужеземное растение было пересажено в далекую евразийскую империю с традициями полувосточного деспотизма – пересажено одним автором брошюрок, русским революционером, выступившим в роли хирурга истории».

«В умении оправдывать свои деяния и добиваться их одобрения Сталин равным образом преуспел и за пределами страны. В течение долгого времени многие западные комментаторы были более склонны – лишь отчасти отличаясь друг

от друга в терминологии – хвалить его за индустриализацию России, нежели осуждать за террор. Таким образом, сталинская эпоха в значительной степени интерпретировалась как эпоха великих социальных перемен, стремительной динамики, перехода от сельскохозяйственной экономики к индустриальной. И в некотором смысле это верно. При Сталине Советский Союз действительно стал великой индустриальной державой, действительно произошел отток его населения из деревень. Была в полном объеме отстроена централизованная социалистическая система. И при этом у советской экономики был относительно высокий темп роста. Согласно советской официальной статистике, национальный доход увеличился вчетверо в годы в ходе первых пятилеток, ежегодно давая прирост почти в 15 процентов. Это требовало перемещения больших масс людей – за тринадцать лет число городских жителей удвоилось. С 1928 по 1940 гг. годовое производство электроэнергии выросло с 5 миллиардов киловатт до 48, 3 миллиарда, производство стали – с 4, 3 миллиона тонн до 18, 3 миллиона; производство станков возросло с 2 тысяч до 58 400 в год; автомобилей стали выпускать не 8 тысяч в год, а 145 тысяч. В канун войны промышленность составляла 84,7 всей советской экономики. Даже если эти цифры и преувеличены официально статистикой, то факт, что советская экономика добилась больших успехов, отрицать не приходится».

«Последствия того, что в Кремле оказался генеральный секретарь-ревизионист, были огромными. Это должно было привести не только к вспышке более резкой и страстной полемики относительно почти всех аспектов советской жизни. Это также не могло не оживить и не усилить куда более решительный в своих устремлениях восточно-европейский ревизионизм, в то же время лишая Кремль идеологического амвона, с которого можно было бы предать анафеме еретиков».

«В результате последовавших после чисток 1936–38 годов судебных процессов были казнены все еще оставшиеся в живых члены ленинского руководства, которым Сталин не доверял и с некоторыми из которых у него были идеологиче-

ские разногласия. Никто уже более не подвергал сомнению факта, что эти ведущие политические деятели были убиты несправедливо и даже противозаконно. Их реабилитировали юридически и воздали им должное исторически в ходе ужасного макабрического ритуала, который можно назвать уникальным, сугубо советским явлением – посмертным круговращением элиты».

«Стоящие перед перестройкой дилеммы осложнены и национальными проблемами. Темп прироста населения значительно выше в республиках, чем в России, особенно в Средней Азии, численность населения которой выросла с 1959 по 1979 гг. почти на 72 процента, тогда как темп роста славянского населения СССР равнялся примерно 19 процентам. Недалек день, когда русские составят меньшинство населения СССР».

«...В течение следующих примерно десяти лет у Китая есть вполне реальный шанс поддерживать высокие темпы роста, если не случится не поддающееся предсказанию стихийное бедствие или политическая катастрофа. Следовательно, к 2000 году общая производительность экономики Китая (хотя наверняка не в пересчете на душу населения) может даже перегнать таковую СССР – ситуация, чреватая как идеологическими, так и политическими последствиями».

«...В связи со столетним юбилеем большевистской революции очередной советский вождь будет рассыпаться в обещаниях процветания советскому народу, одновременно взваливая на своих предшественников, включая Горбачева в один ряд с Брежневым и Сталиным, вину за плохое состояние дел».

«Соответственно посткоммунистическая система будет системой, в которой отмирание коммунизма дойдет до такой черты, когда ни марксистская теория, ни была коммунистическая практика уже не будут в значимой мере определять – если будут определять вообще – текущую общественную политику. Посткоммунизм просто станет системой, в которой люди, провозглашающие себя коммунистами, уже не будут всерьез трактовать коммунистическую доктрину как руководство для социальной политики...»

Пусть читатель сам подумает, где в этих высказываниях глубина, где наивность, где трезвое предостережение, где объективная правда, где злая идеологическая нахрапистость.

Вскоре после выхода книги в свет Бжезинский дал интервью американской русскоязычной газете «Новое русское слово», в котором среди прочих был задан и такой вопрос: «Скажите, как реагировал академик Арбатов, считающийся специалистом по США, или член политбюро Яковлев на содержание вашей книги “Большой провал”?» Бжезинский тогда только что вернулся из Союза, где, как он сказал «меня встречали необычайным полетом и уважением. Мне была предоставлена возможность встречаться с представителями советской внешнеполитической элиты, я прочел лекцию в Высшей дипломатической академии». Колумбиец о своем бывшем ученике Яковлеве не сказал ни слова, видимо, боясь повредить карьере подопечного. А что касается Арбатова – то не пожалел и ответил с американской бесцеремонностью и шляхетской заносчивостью: «Арбатова я не видел, так как встречался только с серьезными советскими лидерами и настоящими академиками»... Даже мне стало обидно за нашего родного депутата, человека, положившего всю жизнь на алтарь советско-американских отношений, и тут – такая черная неблагодарность! Так вот, возражая Бжезинскому, я хочу сказать, что зря он так пренебрежительно отозвался об Арбатове.

Я, например, абсолютно уверен, что и Арбатов вполне мог бы написать книгу такого содержания и такого характера, как «Большой провал». И способностей у него хватило бы, и знаний. Да не только один Арбатов – книгу подобного журналистско-концептуального взгляда сегодня вполне по силам создать тому же Яковлеву, или известным политологам-международникам Бовину или Бурлацкому, а при известном старании и Галину Старовойтову я могу представить автором подобной книги. А Николай Шмелев? А Гавриил Попов? Что они – хуже Бжезинского, что ли? А Николай Травкин? Впрочем, нет, тут я зарапортовался. Этому знаний не хватит. Так

же, впрочем, как и генералу Калугину – словарного запаса... Но человек восемь-десять у нас есть, которые ни в чем Бжезинскому не уступят... Есть, однако, область эмоций у Бжезинского, в которой он несомненно перещеголял бы при прочих равных условиях любого из вышеназванных конкурентов. Но не потому, что они думают иначе, а потому, что он всегда имел возможность высказываться откровенно по отношению к русским и России. Вот и в этой книге застарелая болезнь у Збигнева опять-таки дала себя знать: «русское господство», «централизованное господство русских», «порвать путы, наложенные сверху Москвой, то есть русскими», «центральная политическая власть принадлежит исключительно русским», «экономическая политика Кремля благоприятствует капитальным вложениям в РСФСР и ее развитию»... И таких, мягко говоря, «огоньковских» формулировок в книге пруд пруди... Хотя надо сказать, что лет десять тому назад Бжезинский высказывался по отношению к России куда хлеще: «Русские господствуют в Советском Союзе, русские – враги, если мы хотим предотвратить войну, то следует запугать русских. Если же система сдерживания не сработает, необходимо убивать прежде всего русских. Если убивать русских именно за то, что они русские, то можно было бы ускорить распад русской империи» (В. Большаков. Агрессия против разума. М.: Молодая гвардия, 1984. Стр. 14).

Так что нынешние русофобские формулировки Збигнева, по сравнению с тем, что было, – это же просто вершины добра гуманизма, нового мышления, прорыва к общечеловеческим ценностям. Может быть недаром его так хорошо приняли летом 1990 года в столице русских – России: «Меня принимали с необычайным почетом и уважением...» – растрогавшись сказал несентиментальный Збигнев, – мне была предоставлена возможность встречаться с представителями советской внешнеполитической элиты, я прочел лекцию в Высшей дипломатической Академии, выступал перед будущими дипломатами, сотрудниками МУРа и КГБ. Я встречался с некоторыми советскими государственными руко-

водителями»... Интересно, были или нет в составе «элиты» наши советологи-политологи Юрий Жуков, Альберт Беляев, Валентин Зорин, всю жизнь боровшиеся с Бжезинским? Если да – то «за что боролись?!» Что же касается лекций в Высшей дипломатической Академии – то сегодня кто только не учит наших будущих дипломатов уму-разуму... Недавно даже Александр Янов выступал перед птенцами славного гнезда Эдуарда Амвросьевича Шеварднадзе...

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ДНЕВНИКА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

«В начале было Слово...»

Разлюбил я самое массовое искусство. Перестал выстаивать очереди за билетами, перестал запоминать фамилии актеров и режиссеров. Видимо, потому что с годами мне открылось некое хищничество этого жанра. Кино высасывает из человека за один прием все его чувства своим внешним жизнеподобием, своим ошарашивающим давлением на зрителя за короткое, спрессованное время – за полтора-два часа. Зрительные ощущения (все как в жизни!) вообще очень сильны. Власть у них недолгая, но захватывающая и полная. Как человек может хищнически в короткий срок при желании истощить кусок земли и превратить его в пустыню, перейдя пределы возможного во имя своего беспечного торжества, точно так же и кино совершает похожее насилие над человеком. Со словом можно спорить, жить, договариваться, вчитываться в него, ощущать себя создателем, растворяться в нем, а кино создано для одноразового употребления. Его главный принцип: «хоть час – да мой!» Великую книгу можно перечитывать много раз, с каждым разом открывая для себя все большие ее глубины. Кино же – если смотреть его второй, третий, четвертый раз – произ-

водит на тебя все меньшее впечатление, ибо оно запрограммировано на впечатление первое и окончательное.

В кино все позволено. Попробуйте описать убийство или самый интимнейший акт. С каким бы натурализмом вы это ни сделали – слово все равно поставит вам пределы. Оно сопротивляется откровенному и сознательному бесчеловечию. Кино же лишено целомудрия. В слове есть тайна, в кинокадре ее нет. Читая что-либо, человек может воспринимать прочитанное в меру своего душевного опыта, соразмеряя количество своих чувств с волей автора, руководствуясь своим опытом и своим инстинктом самосохранения души. В слове он воспринимает столько, сколько может вместить. В кино он должен вместить все. Иначе надо закрывать глаза – а что делать с закрытыми глазами в кинозале?

По своим целям и темам кино может быть и нравственным, и человечным, и благородным, но это искусство безгранично в своих агрессивных возможностях, и в силу их могущества его диктаторское требование эмоций объективно выглядит безнравственным. Зритель безоружен перед ним, и велик соблазн использовать эту безоружность. Но за это человеческая природа по-своему, как умеет мстит киноискусству. Я чувствую эту месть в своем нарастающем равнодушии к кино. О кино я вспоминаю только тогда, когда о нем заходит специальный разговор. Чтобы так, сами по себе выплывали кадры, отрывки, эпизоды, как выплывают строки стихотворений или мотивы песен – этого со мной не бывает. Никакие – даже самые лучшие фильмы, – которыми я когда-то был потрясен, восхищен, ошарашен, не стали частью моего душевного мира. Есть какая-то роковая несовместимость души и кино. В соответствующем расположении духа человек может раскрыть книгу Блока и Есенина, пойти в театр на «Гамлета», запеть «Позарастали стежки-дорожки...», «Невечернюю» или «Утро туманное...» Но призвать себе на помощь кадры из Бергмана, Феллини или Тарковского он не может.

«Выхожу один я на дорогу» – написал поэт. Но, произнося эти стихи, каждый из нас живет тем же чувством, что

и Лермонтов, – каждый слышит, как «звезда с звездою говорит» и как «пустыня внемлет», и со смутной надеждой мечтает о том, чтобы и над ним «темный дуб склонялся и шумел». А кино? Да нет этому синтетическому детищу двадцатого века дела до нас. Не разговаривает оно с нами, а втягивает тебя в мясорубку, в трубу, и чем талантливее его создатели, тем больше пропускная способность машины, выталкивающей обратно, в дневной мир, не просветленную и очищенную, а усталую и обескровленную душу.

Немало фильмов нашего времени я видел. Самых знаменитых. Но ни разу «в минуту жизни трудную», когда нужно было сделать душевное движение, стать выше самого себя, открыть в себе нечто большее, чем ты есть, – никогда кино не помогло мне. Поэзия помогала всегда. Видимо, потому, что все-таки «в начале было Слово».

«Порвалась цепь великая...»

Сто с лишним лет тому назад великий поэт Николай Алексеевич Некрасов, раздумывая об отмене крепостного права – своеобразной революции сверху, – задумчиво произнес: «Порвалась цепь великая – одним концом по барину, другим – по мужику...»

Действительно, любая революция, разрушая и опрокидывая социальные, экономические, правовые каноны и механизмы, на первых порах (а этот период может затягиваться на неопределенные сроки) крайне осложняет жизнь общества. Осложняет настолько, что обязательно вызывает противодействие не просто со стороны прямых врагов революции, но часто и со стороны широких народных масс.

В некрасовскую эпоху многие представители не то чтобы административно-бюрократической системы, но даже и передовой русской интеллигенции к середине 60-х годов XIX века вдруг потеряли уверенность в своем призвании, в своей государственной и культурно-исторической миссии. Интеллигенция растерялась. Хлебнув неожиданных свобод,

два журнала – «Отечественные записки» и «Современник» – вступили в такую атмосферу вольнодумства и интеллектуального экстремизма, что через несколько лет правительство решило вновь ввести отмененную было цензуру и прекратить издание журналов.

Крестьянство, утратившее за века крепостничества чувство самостоятельности, лишившись вдруг жестких, но привычных форм жизни, также долго, вплоть до столыпинских реформ или до революции 1917 года, так и не могло найти себе надежное место в мире новых форм полукапиталистической, полубюрократической жизни, чем-то напоминающих сегодняшние формы хозрасчета, самофинансирования и эгоистических инстинктов новой буржуазии.

Мир интеллигенции того времени раскололся весьма быстро на несколько враждующих лагерей, уровень нравственности в обществе резко упал, кривая преступности – вспомним хотя бы знаменитые пожары в Петербурге, нечаевский процесс, «Дневники» Достоевского, наполненные уголовной хроникой – поползла кверху; приступы гласности то и дело сменялись конвульсивными попытками властей ограничить ее правые и левые крайности. В довершение ко всему началось национальное движение на окраинах – восстала Польша. Армия после севастопольского поражения стала подвергаться шельмованию, полнейшей дискредитации... Студенты, религиозные секты, небольшие группки полупрофессиональных революционеров начали сбиваться в своеобразные неформальные организации, враждебные слабеющему режиму...

Словом, «порвалась цепь великая», так же как порвалась она сейчас, ударяя своими концами по партии, по бюрократии, по рабочему классу, по пенсионерам, по национальным окраинам, порвалась цепь, имя которой – стабильность, устойчивость, прочность. Разлетелась она на куски, и звенья, разбивая своей тяжестью духовно-регламентированные нормы, неправовые отношения, замешенные на идеологии гражданской войны и классовой неприязни, осколки полетели то

в русских, то в евреев, то в армян, то в военных, то в арендаторов, то в секретарей обкомов... Одни только хищники выигрывают в такие времена хаоса и «мутной водицы»... Но как положено в истории – и это тоже ее закономерность, – в подобных случаях общество также лихорадочно начинает вырабатывать внутри себя противоположные силы, стремящиеся возникший хаос направить в новые идеологические и организационные русла, отформовать стихию в свежих рамках, и эту волю можно было бы только приветствовать, если бы она носила приметы общенародного движения, а не просто движения отдельных групп, сект, кланов, обуреваемых эгоистической жаждой обретения власти.

Нет воли к жизни на земле,
А воля к власти есть, –

сказал поэт Юрий Кузнецов.

В области мысли все эти эгоистические силы прежде всего хотят переписать историю в выгодном для себя свете, создать новый вариант прошлого, возвеличивающий клановую идеологию их отцов – «первопроходцев Арбата», идеологию, кровно и духовно родственную их сегодняшним взглядам.

Борясь со сталинизмом, они одновременно пытаются романтизировать и поставить на пьедестал тоталитаризм своих отцов, не понимая, что одно усилие разрушает результаты другого. Они – духовные и генетические потомки тех, кто, создав абсолютно неправовое государство в 20-е годы, привел в конечном счете в годов 30-е к власти Сталина. Они – уродливое эхо гражданской войны.

Но, обеляя отцов, маскируя их действия, дети Арбата и Дома на Набережной стремятся как можно глубже и быстрее похоронить объективную истину под ворохом статей, скороспелых исторических комментариев, пропитанных агрессивной русофобией. Истина их не интересует. Им нужна сиюминутная победа их точки зрения. А что дальше? Дальше? Дальше? Неважно! Важно оседлать мутную стихию сегодня.

Но подобное уже было в нашей истории, и мы с ужасом вспоминаем, чем оно закончилось.

Тоталитарное мышление – главная болезнь XX века – имеет разные политические, социальные, культурные, правовые и прочие формы, но которые объединены одним принципом: «До основанья!» До основанья переделать человеческую жизнь, до основанья перестроить культуру, до основания выкорчевать все корни, все традиции, все обычаи, доселе рожденные и выработанные человечеством. До основанья перетрясти систему религиозных взглядов, политических систем, человеческого быта, землеустройства...

И то, что несколько десятилетий назад нам казалось справедливым, естественным и необходимым, сейчас вдруг оказывается катастрофическим, тупиковым, кажется чуть ли не болезнью или агрессивным помрачением, охватившим группой людей, классы, а порой целые народы в недавнем прошлом. А ведь какие грандиозные планы строились еще совсем недавно и сколько яростного энтузиазма они вызывали! А сегодня мы – да и не только мы, а, пожалуй, все человечество с недоумением глядит в прошлое и недобрым словом поминает отцов и патриархов тоталитарного мышления.

Вот что писал один из них несколько десятилетий тому назад:

«Нынешнее расположение гор и рек, полей и лугов, степей, лесов и морских берегов никак нельзя назвать окончательным.

Кое-какие изменения, и немалые, в картину природы человек уже внес; но это лишь ученические опыты в сравнении с тем, что будет. Если вера только обещала двигать горами, то техника, которая ничего не берет “на веру”, действительно способна срывать и перемещать горы. До сих пор это делалось и в целях промышленных (шахты) или транспортных (туннели), в будущем это будет делаться в несравненно более широком масштабе по соображениям общего производственно-художественного плана. Человек займется перерегистрацией гор и рек и вообще будет серьезно и не раз исправлять природу... Социалистический человек хочет и бу-

дет командовать природой во всем ее объеме, с тетеревами и осетрами, через машину изменит направления рек и создаст правила для океанов.

Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший хомо сапиенс снова поступит в радикальную переработку и станет под собственными пальцами – объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки».

Это написано Львом Троцким-Бронштейном и напечатано в его статье «Искусство революции и социалистическое искусство» в 1923 году в газете «Правда» от 23 сентября.

Много я читал сочинений самых известных идеологов тоталитаризма XX века, но такой всеобъемлющей и всепереворачивающей программы изменения жизни не встречается ни у кого из них. Параноиком был Гитлер, сегодня называют параноиком Сталина, но то, что настоящим параноиком тоталитаризма был Троцкий – для меня вне сомнений. В этих его рассуждениях сконцентрировано все, на что сегодня мы смотрим с ужасом: господство технократии, поворот северных рек, дегуманизация промышленности, отчуждение человека от земли и от самого себя, расистские концепции «выведения» новой человеческой породы, а если еще вспомнить, что Троцкий был главным идеологом тоталитарного плана создания лагерной системы подневольного труда, то, ей-богу, придется признать, что, прокляв в 30-х годах имя Троцкого, мы жили и развивались в известной мере по планам, предначертанным им. И сегодня мы изживаем это наследство, отказываемся от него, порой даже не понимая, кто является одним из главных идеологов разрушения жизни на нашей земле в XX веке.

У писателя первой волны эмиграции М. А. Алданова есть статья «Убийство Троцкого», которая начинается так: «Конрад Гейзен в своей биографии Гитлера рассказывает: однажды фюрер за столом в тесном кругу спросил: “Читали ли вы “Воспоминания” Троцкого?” Послышались ответы: “Да, отвратительная книга! Это мемуары сатаны!” – “Отвратитель-

ная? – переспросил Гитлер. – Блестящая книга! Какая у него голова! Я многому у него научился!”»

Антисемит и фашист Гитлер многому научился у коммуниста и еврея Троцкого. Многому, видимо, научились у Троцкого и Сталин, и Мао Цзедун, и Пол Пот, ибо всех их объединяло одно: идеология тоталитаризма. Чем быстрее мы стряхнем с себя ее лохмотья, тем быстрее вернем человека к самому себе. К естественному, природному, включенному в цепь поколений... Тем успешнее будет наша борьба с новыми тоталитарными веяниями сегодняшнего дня: с массовой античеловечной культурой, с тотальным атеизмом, с тотальной концентрацией власти, которая намечается в завтрашнем дне человеческой истории.

Думая обо всех этих процессах, я в последние годы стал писать своеобразные «дневники эпохи перестройки», стараясь понять, кого и почему бьют концы разорванной великой цепи. Конечно же, наивно полагать, что громадный экскаватор истории, работающий на кладбище, аккуратно и с ювелирной точностью выроет лишь одно захоронение. Нет, все кладбище будет перевернуто. Это же сверхчеловеческая сила, не зависящая от нашей воли, от нашего «нравится или не нравится».

И коли мы уже решились на такое, то весь прах будет уложен заново: достойные займут свое место, а недостойные тоже... Главное, чтобы отделить зерна от плевел, жертв от палачей, Есенина от Бухарина, правду от новой лжи. Недавно, будучи в Италии, я проходил по аллее, где рядом стоят бюсты еретиков и инквизиторов, революционеров и их гонителей. Такое – возможный вариант, но при условии, что общество до конца будет знать «кто есть кто», – и тогда мы вздохнем полной грудью, почувствуем свою связь со светлым прошлым, отречемся от темного в нем и пойдем в будущее, мимо памятников Якову Свердлову и императору Николаю II, которые, возможно, будут стоять рядом, хотя мне тошно даже предположить такой финал нашей всемирно-исторической трагедии.

* * *

По радиостанции «Свобода» передали, что три тысячи американцев едут в Россию, чтобы помогать «процессу реформ». История повторяется. Один раз это уже было. Я не представляю себе коренного американца, дорожащего своим временем и своим делом, который бы бросил ферму, фабрику, концерн, парикмахерскую, авторемонтную мастерскую и на неопределенное время по своей воле погрузился бы в наш хаос, не зная обычаев, народа, языка, местных условий. Конечно эти три тысячи – наши бывшие. Эмигранты третьей волны. Они приедут в Россию так же, как хлынула после семнадцатого года в несчастную и обессиленную страну вся дореволюционная эмиграция, возглавляемая командами из «вагона Ленина» и с «корабля Троцкого». Троцкий приплыл из Америки. Ленин приехал из Германии. Приехали помогать революции. Мы сейчас доподлинно знаем, чем это кончилось. И для нас, и для них. Но духовные внуки Ленина, Троцкого, Ганецкого, Парвуса, Шиффа и других славных эмигрантов не унимаются. Так и хочется вспомнить поднадоевшие слова Юлиуса Фучика: «Будьте бдительны!»

* * *

Соборное, коллективное, общенародное сознание в наиболее развитых, сложившихся своих формах неизбежно вступает в противоречие с главным нынешним принципом западной жизни – принципом Прав Человека. В конце концов Десять Заповедей настолько ограничивают всяческие темные человеческие страсти и поползновения, что объективно последовательные борцы за права человека воюют, в конечном счете, с основами христианства, которые, что называется, стоят им поперек горла. Отсюда и антихристианское пламя – то и дело вспыхивающее в разных формах в так называемом цивилизованном обществе – в формах революционных бунтов, сатанизма, борьбы за права секс-меньшинств, разруши-

тельной наркотизированной массовой культуры... Кстати, первые в истории засвидетельствованные борцы за права секс-меньшинств жили в Содоме и Гоморре. Именно они захотели «познать» ангелов Божиих, спустившихся с неба, за что и были испепелены небесными громами и молниями... Так что борьба за такие права человека вступает в противоречие не только с христианством, но и с Законом Ветхого Завета, с Пятикнижием, а, значит, и с основами иудаизма.

* * *

Чуть речь заходит об истории России, чуть прозвучат слова о единой и неделимой, о всечеловечности, о традициях народа и государства, то лево-демократическая, в основном, русофобская пресса начинает просто заходиться в припадках, брызгать слюной и кричать: «Мифы!», «Мифологическое имперское мышление!» И как ни странно, порой идеологи патриотизма пасуют перед этой истерикой, скребут в затылке, попадают в тупик оттого, что как бы признают: «Раз мифы, то это действительно плохо, оторвано от жизни и как бы бесполезно для будущего». А между прочим, вся история человечества строилась на мифах и при помощи мифов и двигалась ими. Маркс был прав, говоря, что «идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами». А что, у вчерашнего или у сегодняшнего развитого западного цивилизованного мира разве нет и не было мифов? Да оно в значительной степени рождено ими, ибо ни одно общество не может жить без идеологии, а мифы – это самый глубокий и прочный фундамент всех идеологических систем в истории человечества. Так, к примеру, тип западного волевого протестанта, фаустовского человека в течение нескольких поколений воспитывался на мифе о Робинзоне Крузо, человеке, который, начиная с нуля, без ничего построил целый многообразный богатый мир, целую цивилизацию, в одиночку создал на острове сельское хозяйство, промышленность, перерабатывающие сырье структуры, наладил межнациональные

отношения с представителем туземного народа. Этот миф в течение трех столетий помогал англосаксонской протестантской воле, авантюристам, пиратам, уголовникам, каторжникам, первопроходцам творить свои формы жизни на многих материках и создавал необходимый для этой работы тип человека, не теряющегося ни при каких обстоятельствах. Вся австралийская и североамериканская цивилизация в сущности построены Робинзонами. К двадцатому веку миф о Робинзоне претерпел некую модернизацию и превратился в американский миф о том, что любой бродвейский мальчишка, чистящий на углу обувь, может стать миллионером, если очень того захочет. Сколько сил, средств, воли потратили идеологи нескольких поколений Америки, чтобы внедрить этот миф в сознание нации, сделать его таблицей умножения, альфой и омегой каждой американской семьи! И неважно, что в реальной жизни, может быть, лишь один парнишка из ста тысяч, уверовавших в миф, станет миллионером. Для американской элиты важно, чтобы все верили в миф, тянулись к нему, как к идеалу, чтобы люди стремились к успеху, а не к революции или наркотикам... Так что любое общество нуждается в мифах, и оно всегда демонстрирует миру выгодную и положительную сторону своей мифологии, скрывая ядовитую и разрушительную... А разве знаменитый лозунг Французской революции – «Свобода, равенство, братство» – не стал мифом, определившем жизнь Европы в девятнадцатом веке? А нынешняя идеология «прав человека» разве не есть новая мифологическая система, пришедшая на замену «свободе, равенству и братству» как раз тогда, когда миф Французской революции окончательно не поизносился и не скомпрометировал себя в сознании человечества?

Наше социалистическое государство культивировало миф об обеспеченности граждан социальными программами, бесплатными медициной и образованием, системой детских учреждений... Что это было – миф или реальность? И то и другое. Ибо на самом деле такая система существовала, но умалчивалось, что она существует за счет чрезмерной недо-

платы за труд, что громадные социальные фонды созданы от начала до конца как трудом свободных людей, так и трудом подневольной части общества – зэков или крестьянства. Но государство, естественно, молчало об этом, чтобы выглядеть в глазах своего народа и всего мира единственным благодетелем, одаривающим чуть ли не каждого неизвестно откуда взявшимся материальным благом...

Веру, религию, мифологию трогать нельзя. Борцы с мифологией – последовательные политические прагматики и последовательные атеисты. В конце концов, религиозная жизнь всех народов – христиан, мусульман, буддистов – покоится на глубочайшей мифологической основе. Воздействие этих мифов на сегодняшнюю историю гораздо сильнее, нежели любая правительственная политическая или экономическая программа. Общечеловеческие и национальные мифы до сих пор правят миром, и бороться с ними – означает бороться с основами человеческого бытия. Очень часто борцы с мифологией попадают в смешное положение. Совсем недавно еще леводемократическая пресса – «Огонек», «Литературная газета», «Знамя» – все разговоры о масонстве называла мифом, распространяемым патриотическими изданиями, черносотенцами, «Памятью», с пеной у рта доказывала, что никакого масонства в России, а, может быть, и в мире нет и не было, и быть не может... И что же? Как только коммунистическая система ослабела параллельно с этими криками, у нас все чаще стали появляться сообщения об открытии масонских лож, клубов, обществ. И уже никто больше не оспаривает, что и правительство Керенского было во многом масонским, и отдельные большевистские лидеры якшались с вольными каменщиками... Словом, опасность миновала – можно и открыться, наконец...

* * *

Да, 19-го числа заговорщики показали свои тоталитарные когти, закрыв ряд изданий. Но то, что победившая демократия поступила по-ленински, доказывает, что лидеры и того, и дру-

гого стана – люди одного и того же психологического склада, и в этом смысле я большой разницы между ними не вижу.

Ленин тоже в первые же дни после Октябрьского путча закрыл все монархические, буржуазно-демократические и прочие оппозиционные газеты. Но аппетит приходит во время еды – через полгода были закрыты газеты всех существовавших революционных партий, кроме единственной – и общество покатилось к тоталитаризму, естественно перешедшему в сталинизм. Репрессии эпохи революции и гражданской войны – отозвались кровавым эхом в 37-м году...

Маяковский – когда его в середине 20-х годов спросили: «Какова форма стихотворений Гумилева?» – цинично ответил: «Белогвардейская!» Гумилев уже несколько лет как лежал в земле. Да, Гумилеву сегодня мы воздаем должное – но с опозданием в 70 лет. Маяковского устыдить – уже невозможно. Но те, кто сегодня идет по его пути циничной политической – повторяю – политической, даже не литературной, травли своих коллег – имеют шанс дожить до того времени, когда их щеки зальет краска стыда. Хотя трудно ждать этого от тех, кто успел прославить и Сталина, и Ленина, и Хрущева, и Фиделя Кастро, и народников, и большевиков, и Троцкого, и красный террор, и Брежнева с Медуновым. Я имею в виду Шатрова, Евтушенко, Черниченко, Егора Яковлева – а уж о таких мелких сошках, как Петр Николаев или Оскоцкий, и вспоминать нечего. Кто они по сравнению с Распутиным – круглые нули и литературные импотенты.

* * *

Все-таки как внезапно и неожиданно для себя проговариваются русофобы. И хотели бы промолчать, но очень уж хочется сказать самое главное и вылезает оно из всех маскировочных оберток, как шило, которое в мешке не утаишь. В «Литературной газете» № 2 за 1992 год на первой полосе опубликовано письмо некоего читателя И. Хорола, восхваляющее Горбачева: «Прочитал очень интересное интервью

А. Н. Яковлева. Конечно, автор прав. Горбачев – великая фигура. Он просто не мог учесть, а тем более изменить биологию своего народа». Далее автор сравнивает Горбачева с Дж. Неру, Б.Расселом, А.Эйнштейном, А. Сахаровым и многими другими «великими людьми XX века». Так вот, в чем таится голубая мечта перестройщиков (горбачевцев-яковлевцев) и окружающей их идеологической свиты: «изменить биологию своего народа». Какой великий, какой фантастический, какой соблазнительный замысел! Ведь до сих пор это не удалось ни Троцкому, ни гитлеровским расистским столпам науки, ни нашим отечественным специалистам по евгенике... «Изменить биологию народа» под силу разве что Творцу, сотворившему всех нас – черных, белых, желтых – с одной, лишь ему ведомой целью... Поистине богоборческую задачу ставит «Литературная газета» в этом письме перед Горбачевым и горько сожалеет, что не смог он ее выполнить, силенок не хватило справиться с русским менталитетом, с нашим «извечным рабством», с нашей генетической тягой к авторитаризму... Какая уж тут демократия; для нее, оказывается, надо «изменить биологию народа». Я не зря упомянул Троцкого и двадцатые годы. Именно тогда коммунисты пытались привить русскому человеку и «американскую деловитость», и стопроцентный атеизм, и беспощадность в классовой борьбе... Так что попытка «изменить биологию» уже была. И, к сожалению для идеологов «Литературной газеты», она провалилась.

* * *

Каковы достижения демократии за годы перестройки – никому толком не понятно. Гласность – другое дело. Ее успехи налицо. Она считается высшим достижением эпохи, и правые, и левые, и патриоты, и космополиты – жадно питаются плодами гласности... Но кто эти все – опять же политизированная интеллигенция, творческие натуры, образованные демагоги из всяческих Академий общественных наук, инженеры душ человеческих.

Им бы еще не хвалить гласность! Представилась возможность вытащить из столов все крамольные размышления, все обиды, претензии, счеты, выставить напоказ миру, народу истории... И неплохо заработать на этом. Да, да! Не стесняйтесь, ребята, признайтесь, тот, кто успел попасть в эпицентр этого круговорота с вашими чонкиными, собраниями анекдотов о Сталине, бесконечными антитоталитарными эпопеями, с якобы историческими монографиями о Сталине, о Троцком, о Бухарине... Парламентские дискуссии, зарубежные турне, теледебаты, валютные гонорары, сериалы передач по «Свободе», бесконечные интервью – вот сочные плоды гласности для избранных. Плоды, осевшие такими плотными денежными слоями на счетах, что им не грозит никакая инфляция и никакой рынок. Потому-то и можно призывать призрак этого рынка, который бродит по России. Страшен этот призрак народу, не получившему от гласности ничего, кроме отвращения к своей так называемой интеллигенции.

* * *

Требование от России и русских всемирного покаяния на деле оборачивается для нас политическим, экономическим, моральным ущербом. «Вас, русских, притесняют в Прибалтике? Отнимают у вас земли? Крым окончательно отрезают и Черное море с флотом? А что вы хотели? Вы ведь во всем виноваты! Вам надо молчать, терпеть и каяться!» Вот в какую идеологическую концепцию антирусские силы хотят трансформировать идею покаяния, столь присущую доверчивому русскому сознанию. Но на этот диктат нам должно твердо ответить: «Кесарю – кесарево, а Богу – Богово». Каяться будем, но так, как нам говорит наше внутреннее светлое чувство, а не ваши темные русофобские цели и страсти».

А чего бы это демократической прессе до сих пор поливать «Память»? Ведь столько требований «Памяти» нынче демократы присвоили себе! «Память» требовала восстановления российского национального флага, «Память» требовала вос-

становления старинного герба Москвы «Георгия Победоносца», «Память» требовала снести с площадей статуи палачей русского народа Свердлова и Дзержинского... Много лет «Память» в своих программах и на своих митингах вдалбливала в массовое сознание эти идеи. И демократы, в намерениях которых ничего подобного нельзя было и днем с огнем отыскать, придя к власти, вынуждены были осуществить требования «Памяти»... Так что Старовойтовой, Попову, Станкевичу, Илье Заславскому и прочим надо бы поблагодарить своих заклятых врагов...

* * *

Общественные институты с течением времени неизбежно меняются, их нравы смягчаются, их идеология, как правило, обрабатывается потоком вкруг текущей жизни и неизбежно становится более терпимой, более гуманной, более считающейся с национальным окружением, в котором они существуют. А потому глупостью было бы, допустим, сегодня предъявлять счет папству и католицизму за преступления, совершенные им в Средние века и даже в эпоху Наполеона и Меттерниха или, к примеру, смешно было бы привлекать к ответственности за все исторические деяния Орден Иезуитов, благополучно действующий и сегодня в цивилизованном мире. Австралия создавалась, как страна каторжников, куда Британская империя ссылала всю свою преступную накипь аж до середины XIX века, но нелепо рассматривать нынешнюю Австралию с этой точки зрения... Лишь нашей коммунистической партии внутренние демократические силы, поддерживаемые так называемым мировыми сообществом, не дали такого исторического шанса вписаться в новый виток цивилизации.

Плач по России

Я не просто жалею о распаде Союза. Я – плачу. Но не потому, что от Союза отломилась Прибалтика, отгоражи-

ваются неприязнью, а то и ненавистью Грузия и Молдавия, нагнетает «антимосковскую» истерию Украина... Бог с ними. Насильно мил не будешь. С холодной усмешкой я вспоминаю моих недавних друзей по «советской литературе», живых классиков из Грузии, Литвы, Украины. Как самозабвенно воспевали они дружбу народов, какими высокими (и высокооплачиваемыми!) словами клялись в любви к великой России... И все разом замолчали несколько лет тому назад, передохнули, а потом яростно заговорили о необходимости уничтожения империи, о великорусском шовинизме. Бесполезно было напоминать им о том, как персы вырезали жителей Тифлиса, как турки опустошили армянские города и села, как крымские татары покупали украинских девушек прямо под окнами «независимых» гетманов самостийной Украины, напоминать о временах, когда всем для того, чтобы выжить, нужны были русские штыки и русские солдаты. Но нынешним политикам не нужна история, оправдывающая Россию, потому что развал Союза мог произойти лишь при одном непременном условии: надо было во что бы то ни стало унизить Россию и изобразить ее вечным врагом не только Грузии или Татарстана, но врагом чуть ли не всей мировой цивилизации. Русофобия стала находкой не только для «желтой» прессы, но и для большой политики. «Рабская нация», «Россия – вечная раба», «рабский менталитет» – и это говорят о народе, разгромившем Наполеона и Гитлера, о народе, цвет которого – дворянство, офицерство, духовенство, казачество – погиб смертью храбрых во время роковой борьбы с ленинским интернационал-большевизмом, о народе, чье крестьянство шло на Беломорканал с и сибирскую ссылку – лишь бы не идти в колхозы.

Жаль русский народ, который ради того, чтобы развалить Союз, надо было обязательно оклеветать и унизить. Да, мы, русские, долго не доверяли Западу. А что хорошего мы видели от него? Одни интернациональные нашествия. То объединенная армада Наполеона, то Крымская война, то фашистский общеевропейский интернационал. Я уже не говорю

о нашествии марксизма, об американских деньгах, на которые прибыл в Россию в 1917 году Троцкий со своей бандой.

Сегодня на Россию с Запада идут рука об руку СПИД, рынок, массовая культура, которую Солженицын назвал навозной жижей.

Одна идеология – социалистически-казарменная – вырабатывалась в кофейнях Цюриха, другая – нынешняя рыночно-самоубийственная – в коридорах Гарварда и на набережных Сены.

* * *

Да, с точки зрения Запада мы народ нецивилизованный. Но я не стыжусь этой особенности, а горжусь ею. В августе 1991 года я был на перенесении мощей русского святого Серафима Саровского в Дивеевском монастыре, в глубочайшей русской провинции. Слезы подступали к горлу, когда я глядел на море народа, пришедшего на праздник со всей России, как в былые времена. Это были в основном бедные русские люди, плохо одетые, с узелками и сумками, измученные не только дальней дорогой, но и всей многотрудной жизнью. Но если бы вы видели, как начинали светиться внутренним светом любви и веры их глаза и лица, когда они встречали Патриарха Всея Руси, когда приближались к раке с мощами святого, когда падали на колени и целовали крышку раки. И тогда я подумал: культура – это Бог в душе, а не пиво в жестяных банках. Культура России не сравнима ни с европейской, ни с китайской, ни с американской. Мы – евразийцы, а потому попытка построить на нашем пространстве чисто европейский дом – есть абсолютная утопия, не меньшая, чем ленинская идея мировой революции или хрущевская авантюра «догнать и перегнать Америку».

Мне жаль Союза еще и потому, что он умер не своей смертью, а был принесен в жертву, с одной стороны, мондиалистской, с другой – националистической воле. Наши политики не использовали громадные возможности для сохране-

ния, поступая как прожектеры, а то и как провокаторы или предатели. Когда Армения, жизнь и благополучие которой на 90% зависит от российского сырья, гордо заявила о своей независимости, тут же должно было оставить ее вне Союза, перенести границы к северу и перейти на торговлю с ней по мировым ценам. Армения тут же почувствовала бы «дружеское покровительство» Турции, и через неделю армянские лидеры приехали бы в Москву, чтобы заявить, что они несколько погорячились. А Грузия, уничтожающая Осетию? Почему вожди перестройки не объявили в ответ на геноцид осетинского народа такие же экономические санкции против Грузии, какие мировое сообщество в свое время установило против ЮАР? Вот почему я уверен, что в окончательных тайных стратегических планах перестройки распад СССР был запрограммирован, и его мощная конструкция сознательно разрушалась руками Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе и Ельцина... Вот почему с исторической точки зрения они преступники не меньшие, нежели Ленин и Троцкий, а после нынешней голодной зимы и насильственного внедрения в нашу жизнь рыночных отношений масштаб их деяний станет окончательно ясен народу и миру.

Вся беда в том, что мы и сегодня имеем в высшем эшелоне власти людей, сознательно разрушающих не только Союз, но и Россию.

* * *

Во многих писаниях представителей «третьей волны» эмиграции мне не раз приходилось читать, что «русские патриоты», «почвенники», «государственники» «монополизируют право на патриотизм»... Но в чем же дело? Возвращайтесь, берите эти права тоже, сможете – частично, а если много сил – хоть все берите... Что? Не хотите возвращаться в разоренную страну? Ну тогда пеняйте сами на себя, что права на патриотизм, брошенные вами при бегстве или при отъезде, подобраны нами... Помню в связи с этим эффектную и корот-

кую реплику двухгодичной давности скульптора Эрнста Неизвестного, который на вопрос тележурналиста – «не хочет ли он вернуться на родину» – надменно усмехнулся и ответил: «Ну что Вы, у меня же недвижимость». Вот так вот. Либо недвижимость, либо право на патриотизм.

* * *

Бедная Россия! Из последних сил с какой-то фатальной покорностью судьбе она до сих пор почти машинально демонстрирует Союзу то ли всечеловечность, то ли обветшалый интернационализм, то ли полное отсутствие инстинкта национального самосохранения. Ну посудите сами: в высших эшелонах российской власти – чеченцы и грузины, евреи и армяне (Хасбулатов, Кунадзе, Шахназаров, Ситарян, Шахрай – и т. д. и т. п.). Но зададимся вопросом: возможно ли, чтобы сегодня в Грузии, Армении, Чечне рядом с генералом Дудаевым или президентом Гамсахурдиа сидел бы русский по национальности министр, помощник, вице-президент, советник? А Россия все продолжает метать интернациональный бисер перед националистами всех наших республик. Мне больно, что мир не ценит эту уникальную, реликтовую, дожившую до нашего времени черту российской государственности, на которой, в сущности, строилась тысячелетняя империя, поднимавшая к общероссийскому самодержавному престолу татар и немцев, армян и грузин и даже французских аристократов, спасавшихся от своей революции.

* * *

Гибель Союза – это гибель тысячелетней Русской идеи. И еще я говорю о бывшей стране, потому что под ее обломками погребается великий аскетический опыт России, бесценный для грядущей жизни человечества. Фаустовская воля Запада, выродившаяся в идеологию потребления, беспощадно разрушает воды и землю, леса и воздух. Чтобы выжить в эпо-

ху глобальной экологической катастрофы, миру придется отвергнуть религию безграничного прогресса и потребления и вернуться к опыту самоограничения поневоле и по Божьему Промыслу, выработанному Россией за всю историю, особенно за последние 70 лет. Еще придется поблагодарить мою Родину за опыт страдания и опыт испытаний, предстоящих Западу. Но возродимся ли мы? Евреи ждали своего возрождения две тысячи лет и дождались. И даже воскресили почти мертвый язык иврит, что само по себе чудо. Болен сегодня русский человек. Но мечется, ищет, напрягает силы, а значит, живет.

Биологи однажды взяли от бабочек самое ущербное потомство, получили от него приплод, снова отобрали самых худших особей, снова получили от них скверных детей и довели популяцию в конце концов до полного вырождения. Бабочки едва ползали и уже не размножались. Тогда экспериментаторы выбрали из полумертвого поколения самых приличных, получили от них с трудом потомство и продлили весь обратный путь до тех пор, пока не восстановили полноценную и роскошную породу в ее истинном виде. Так почему бы не возродиться и нам?

* * *

Вольно и хорошо мне работается только в моей родной Калуге. Только здесь у меня рождаются стихи, только здесь я погружаюсь всей душой в чувства и мысли. А раздумывать в наше трагическое время приходится о многом. И самое главное – о будущей судьбе не только республик, государства, суверенитетов, а судьбе чего-то большего – Родины. А Родина для меня не книжное, не научное, не юридическое понятие – а земное, и кровное, и духовное... Это и Ока, и Оптина пустынь, и древний калужский бор, и возрождающиеся церкви, и тихие в прошлом, а ныне митингующие, взбудораженные, воспаленные улицы и площади моего родного города, и шумные большеглазые ребятишки, играющие на детсадовской площадке под окном дома, где я пишу эти строки.

А потому хочется сказать землякам: не забывайте уроков истории, не забывайте великой крови, которая тучно удобряла нашу русскую землю в двадцатом веке. Не доверяйте демагогам, властолюбцам, «лжепророкам», как называл людей такого склада Иисус Христос. Выбросьте из души и сердца все злые страсти, толкающие вас к мести и кровопролитию. Я всегда осуждал политику большевиков во время захвата власти, во время гражданской войны, голода, продразверстки, насильственной коллективизации. Но те, кто сегодня призывает к расправе над сегодняшними коммунистами, – это люди того же склада, что и те, которые семьдесят лет тому назад призывали к расправе над священниками, дворянами, философами, казаками, честными чиновниками, без которых не обходится ни одно государство. Это демагоги-ораторы типа Троцкого, Ярославского, Дзержинского, Бухарина и прочих беспощадных и бессердечных деятелей того времени.

Самая страшная черта нашей эпохи – это митинговая безответственность. Ну подумали бы лидеры леворадикалов, которые на разных уровнях – от столичных до областных митингов – призывают к борьбе с компартией России, что ведь это несколько миллионов людей, и если прибавить к ним сочувствующих да членов их семей, родных и близких – это десятки миллионов! И призывать к борьбе против десятков миллионов?! Разве это не призыв к гражданской войне? Надо опомниться, надо вспомнить свою историю, надо вспомнить пророческие слова Александра Сергеевича Пушкина из «Капитанской дочки» о том, что те, кто призывают у нас в России к бунту, «либо не знают своего народа», либо это люди столь безответственные, что им «своя голова полушка, а чужая шейка копейка».

Литературные чекисты

Тяжело читать «Литературную газету» со стенограммой самозваного секретариата. Отнюдь не литературные вопросы волнуют «восьмерку» путчистов. Вот несколько отрывков

и формулировок из их истерических речей, где обвиняются известные русские писатели и патриотические издания, чьи взгляды надо «непременно приобщить к делу по заговору идейных путчистов», «дух идейного терроризма, дух фашизма» (Черниченко), «они одобрили шествие танков на наших детей» (П. Николаев). «Я рассматриваю “Слово к народу” как документ неошовинизма, неофашизма», (он же), «три литературные газеты подготавливали этот путч – “День”, “Литературная Россия”, “Московский литератор” и два журнала – “Наш современник” и “Молодая гвардия”» (Ананьев), «кто послал арестовывать российское правительство... посылали и Бондарев, и Проханов» (Адамович), «ясно, что последние обращения, указы, приказы писали прохановы, салуцкие, бондаревы... Писатели – писари палачей», «нам грозила страшная опасность русского нацизма» (Карякин), и так далее, и тому подобное...

Когда я прочитал всю эту параноическую словесную брань, я не стал вспоминать, что Черниченко лизал седалище Брежневу, что Ананьев клеймил Солженицына, что Оскоцкий и Николаев всегда были верными исполнителями воли Суслова и Зимянина – нет, это, как говорится, семечки. Собирая материалы для книги о Сергее Есенине, я работал в архивах ЧК – ОГПУ – НКВД и познакомился со страшными уголовными делами 20–30-х годов, по которым были замучены, расстреляны и обесчещены многие деятели русской культуры, друзья и соратники Есенина, патриоты 20–30-х годов. Везде во всех этих уголовных делах, в газетных вырезках, приложенных к ним, во всех явных и тайных доносах фигурирует все та же лексика: «фашизм», «национализм», «шовинизм». Поэт Алексей Ганин, друг Есенина, вместе с семью своими товарищами расстрелян палачами из антирусского интернационального ЧК в 1925 году как «глава ордена русских фашистов». В «фашизме», «национализме», «шовинизме» были обвинены погибшие в подвалах Лубянки Иван Касаткин, Петр Орешин, Василий Наседкин, Сергей Клычков и многие другие писатели. Павел Васильев объяв-

лен участником «фашистского террористического государственного переворота». Великий мыслитель Павел Флоренский погиб как член «фашистской организации». Во многих приговорах, подписанных Вышинским, есть формулировки о том, что во главе антисоветского националистического русского движения стоял начиная с 1922 года Сергей Есенин. Итак, ярлыки «фашизма», «шовинизма», «национализма» всегда употреблялись антирусскими силами для расправы с патриотическими взглядами, движениями и мыслями в литературе и культуре. А потому я считаю, что провокационные формулировки путчистского секретариата, вырвавшиеся из воспаленных уст литературных чекистов, – это возвращение к ревтрибуналам, к красному террору, 1934 и 1937 годам. Шатрову, на мой взгляд, вместо того чтобы принимать на секретариате такие решения, нужно рыдать на обломках железного Феликса и Якова Свердлова, любимых героев его революционной драматургятины.

Нам до́лжно заявить протест – и я прошу представителей республик понять мою боль – против того, что любое наше слово в защиту патриотизма, русского национального самосознания, возрождения России клеймится, как в 20–30 годы, как «фашистское».

Нам до́лжно заявить протест во все отечественные и зарубежные органы и предупредить литературных чекистов, что их высказывание – «идеологическое обеспечение» расправы над русскими писателями, которым этими воплями вольно и не вольно готовится судьба Гумилева, Ганина, Клюева, Павла Васильева, Павла Флоренского и других сыновей России. Вспомним и о том, что после расправы над «русскими националистами» в ту эпоху тут же или одновременно начиналась расправа над «националистами» – украинскими, белорусскими, казахскими и так далее...

А потому мы должны твердо заявить, что страшная история не повторится. Русский народ и новая российская государственность не должны отдать второй раз в истории свою патриотическую интеллигенцию на растерзание...

А что касается путчистского секретариата – то пусть писатели подумают о том, что вместо Юрия Бондарева, вместо великого русского писателя Валентина Распутина ими будут руководить идеологический доносчик Оскоцкий, просто доносчик Савельев и оставшийся на преподавательской работе в Америке Коротич… Что ж, путчистский секретариат достоин именно таких кадров...

Чума на оба ваши дома!

Конечно, нынешним правителям нашего государства позарез нужен был суд над компартией и ее полное унижение хотя бы для того, чтобы оправдать свое ренегатство, может быть, крупнейшее в истории человечества. Присутствие компартии в реальной политической жизни настолько было поперек горла Ельцину, что он пошел на риск быть похожим на Гитлера и Пиночета, генерала Сухарто, которые с наслаждением организовывали подобные же судилища, заканчивая их резней.

Неужели этот бывший партийный босс не знает истории своей родной партии, не знает того, что преступная антирусская ленинская элита закончила свою кровавую биографию в 1937 году, когда над ней был совершен (по иронии истории, руками Сталина) Божий суд?.. Так что те, кто сегодня призывает судить коммунистов, опоздали на полвека с лишним. А после 1937 года в стране возникла уже другая партия, сокрушившая фашизм и прошедшая во время войны горнило патриотизма. В громадной степени – русского. Делать вид, что между этими двумя партиями нет разницы – невежество и преступление перед историей. Франция все-таки не пала до такой степени, чтобы поставить на пьедестал вишистов взамен героев Сопротивления.

Что же касается истерических воплей об угрозе фашизма – то любителям исторических аналогий, рассуждающих о Веймарской республике, следует вспомнить о том, что одним из первых политических процессов Адольфа Гитлера был процесс о запрещении компартии и о ее неконституционности.

Фашиствующие государственники давно уже сидят в номенклатурных креслах... Посмотрите, как комически напряжены лица двух юристов-марксистов Шахрая и Бурбулиса: не выполнить воли своего шефа они просто не имеют права – иначе закончится их и без того шаткая карьера. Лишь адвокату Макарову ничем не грозит провал процесса, ибо он и без него совершенно фарсовая фигура, как нельзя более достойная всего спектакля. Словом – балаган.

Но и противная сторона, увы, выглядит не лучше.

Из шахраевского лагеря несется брань: «Преступники! Гэкачеписты!»

Из другого – раздраженные возгласы: «Неправда! Не участвовали! Не замешаны ни в чем! Чисты!»

«Тут натиск пламенный, а тут отпор суровый», как сказал Пушкин. Но если учесть партийное происхождение Шахрая, Бурбулиса и Макарова, то вспомнится поневоле: милые бранятся – только тешатся.

Да, это шок, когда в августе прошлого года на глазах у всего мира совершились фарсовый, но тем не менее роковой «путч» и его «подавление», а коммунистическая партия, как 14-я армия при генерале Неткачеве, соблюдая нейтралитет, стояла в стороне от великой державы. Перепугавшись, сняла с себя ответственность за все: за смену социального строя, за надвигающееся народное горе, за приближающиеся к России разруху и кровь, за Бендеры, за Карабах, за потерю морей, за торжествующее политическое и хозяйственное мародерство...

«Мы не виноваты! Не замешаны ни в чем! Конституцию не нарушали!» – скулят нынешние честные коммунисты. Я им верю – и негодую. Да лучше вы были бы во всем виноваты, лучше, если бы вы сидели в «Матросской тишине» или Петропавловской крепости! Да лучше, чтобы вы были рядом с Варенниковым, Шениным и Баклановым или с авторами воззвания «Слово к народу»! Хоть было бы за что предстать перед судом. А то ни за что – и судят! Вот в чем позор. Нашли чем гордиться: ни в чем не участвовали... Тьфу! Нет бы с гордостью сказать: «Мы сделали все, чтобы спасти страну от гибели, по-

зора и разложения». Но у вас, преданных кликой Горбачева, не хватило сил... «Судите нас, победители. Мы сядем в ваши тюрьмы и лагеря, но завтрашняя история оправдает нас, и завтрашние русские люди склонят свои головы перед нами, побежденными коварством!»

А ведь ваши генетические предшественники – какими бы русофобами, авантюристами и аморальными мерзавцами рядом с вами, «честными девушками», они ни были, заслуживают куда большего уважения. Они были людьми другой породы. В безвыходном положении они с яростью кричали: «Есть такая партия!» И брали ответственность на себя за все – за кровь, за будущее государства, за все великие потрясения, превращая судебные процессы в победоносные пропагандистские шоу. А вы в «звездный час» (он мог бы быть вашим) прошептали: «Нет такой партии! Ни к чему не причастны! Ни в чем не виноваты!»

И все полозковы, ивашки и дзасоховы, как в той сказке – «крокодилы в крапиву забилися, и в канаве слоны схоронилися». Конечно, на этом фоне и Ельцин глядится чуть ли не героем...

К сожалению, вас не за что судить – потому и процесс выглядит обоюдным фарсом. Писатели России не дали новой торжествующей русофобской бюрократии закрыть писательский дом, разорвали бумажонку, подписанную префектом, забили во все колокола и построили баррикады на подходах к своей осажденной крепости – и выиграли эту борьбу. Скажите мне: хоть один райком КПСС из многих тысяч поступил ли подобным образом? А вы еще хотите, чтобы после того вас не судили. Бесславно сдавшихся, поднявших руки вчерашних хозяев жизни победители не жалеют.

Абсурдно и позорно обвинение в вашем якобы активном участии в государственном перевороте, но ничтожно правдивы и ваши доказательства своей невины – жалкий лепет оправданья. Обоюдный позор и для победителей, и для побежденных. С хорошенького дела начинается судьба нашего Конституционного суда!

Конечно, не вы – третьестепенные лица – должны быть на этой скамье, а Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Алиев, Рыжков, Назарбаев и кое-кто из «Матросской тишины» (но не за 19 августа). Словом, все политбюро последнего позорного состава, но все лидеры перед крушением поезда успели выпрыгнуть из вагонов в другие государства, в фонды, в академии, и вместо них выпихнули в первый ряд безвинных Ивашко и Купцова. «Не виноваты!» – скулят они. Стыдно в наше время всенародной беды произносить такие слова! Юридического суда вы, конечно, избегнете, но ваш оправдательный приговор «со строгостью судьи и гражданина потомок оскорбит презрительным стихом, насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом».

Да признайтесь с гордостью, что стихией партии давно была неконституционность! Рождалась партия как подпольная организация фанатиков, готовых идти на эшафоты, в тюрьмы и ссылки за свои убеждения и свои цели. Гражданская война украсила чело партии кровавым и героическим венком. Индустриализация, коллективизация, Отечественная война – эпоха предельного риска, поиска, самопожертвования и принесения в жертву. Целина, двадцатипятитысячники, аскетизм, партийный долг – вечное неконституционное напряжение всех сил, вечное чрезвычайное положение...

Что же вы, обвинители, дурака-то валяете, что-то невразумительное бормоча о неконституционности? А вы, обвиняемые, что, тоже забыли от страха свою историю, сложили лапки и бормочете о том, что мы, мол, самые что ни на есть послушные холопы Конституции, почти что кадеты...

Когда шел XXVIII съезд КПСС и небольшая радикальная часть съезда заподозрила Горбачева в целенаправленном разрушении партии и державы, генсек, понимая, что он еще не до конца разрушил организацию, пошел на риск – и с актерским возмущением (не доверяют, мол!) заявил, что готов подать в отставку. Тут законопослушный съезд дрогнул: ну как мы без генсека, без отца родного, без «социалистического выбора»! И все дружно бросились уговаривать Михаила Сергеевича не делать этого.

Когда я увидел эту сцену, то подумал о том, что северные таежные охотники, чтобы не кормить старых, уже не работающих охотничьих собак, пристреливают их, отслуживших службу, из ружья. Дряхлая собака тянется к хозяину, с которым она охотилась всю жизнь, пытается лизнуть ему руку, а он уже поднимает свою двустволку...

Жалко мне было эту партию, которая когда-то подымала своих солдат на смерть и победу возгласом «Коммунисты, вперед!», а в дни своего последнего съезда в последний раз попыталась неуклюже лизнуть руку замыслившего убийство владыки.

Эх, законопослушники, не виноватые ни в чем, ничего не замышлявшие...

Обманутые аборигены

«Кто с мечом к нам придет – от меча и погибнет…» Тысячи раз слышал я эту гордую патриотическую наивную похвальбу! Да, наша история доказала, что так оно и есть на самом деле. Ну а если не с мечом? Если с деньгами, с дипломатией, с хитростью и коварством, приемы которых отработаны в веках? А если с лестью, с гуманитарной помощью, с кредитами, с долговой удавкой, с тайными соглашениями?.. Если с советниками, которых Россия перевидала неисчислимые множества, начиная от «жидовствующих проповедников» до петровских немцев, от Бирона и маркиза де Кюстина до нынешних протестантских ораторов и Джеффри Сакса? Богаты приемы и возможности мировой закулисы, а мы все талдычим: «Иду на вы», «вот ежели с мечом, то дело серьезное, а без меча нам не страшно!..» И хвалится в стихах поэт Феликс Чуев, «что обмануть нас можно, но победить нельзя!» А разве обман, дипломатические ловушки, непосильные долги, международное ростовщичество не есть победа над нами? Может быть, хватит уповать на князя Святослава и князя Александра Невского и пора бы не только за меч, но и за ум браться, а то так и останемся храбрыми, доверчивыми, наи-

вными и обманутыми аборигенами в холодном и жестоком мире грядущей мировой истории?..

«Талантливый человек»

Майский номер еженедельника «Литературные новости» открывается горестной и сногсшибающей сенсацией: над портретом Булата Окуджавы напечатан следующий абзац: «40 миллионов погибших – вот страшный вывод совместной российско-американской комиссии по оценке потерь в Великой Отечественной войне. Соотношение с потерями врага – 10:1. Вот цена победы».

Поскольку официальная цифра немецких потерь – и военных, и среди мирного населения, и умерших от ран и бомбежек – общепринята в Европе и приблизительно равна 8 миллионам, то, по логике «Литературных новостей» (десять к одному), мы должны потерять не сорок миллионов, господа журналисты, а восемьдесят. То есть ровно половину населения тогдашнего Советского Союза... И не стыдно вам врать-то? Ну хотя бы бывшие фронтовики, члены редколлегии, тот же Окуджава или Нагибин пристыдили своих присяжных борзописцев. Ну хотя бы Артем Анфиногенов, который на этой же полосе объявлен «честным летописцем фронтового братства», сказал своим молодым мерзавцам: «Ребята, побойтесь Бога. Мы и так понесли тяжелейшие потери – двадцать с лишним миллионов... Неужели вам этого мало? Неужели вы так ненавидите Россию и победоносный Советский Союз, что со сладострастным садизмом хотите, чтобы погибших было не двадцать миллионов, а сорок, а еще лучше восемьдесят?!»

Стыдно, господа! Но вам ведь, как говорит народная пословица, «хоть... в глаза – все божья роса!».

* * *

Недавно отпраздновали юбилей Окуджавы. Смотрел я бесчисленные передачи, затмившие День Победы, радио с

утра до вечера гоняло окуджавские песенки, газеты пестрели его портретами, а я глядел на все это и думал: «Нет, все-таки талантливый человек! Как умеет перевоплощаться! Когда нужен был патриотический шлягер, когда за патриотизм хорошо платили – написал знаменитую песню к фильму “Белорусский вокзал”: “А значит, нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим”. Помню, как со слезой пел ее покойный Евгений Леонов... А когда мода на патриотизм прошла, когда за “антипатриотизм” стали платить больше, тот же Окуджава быстро сформулировал, что патриотизм, мол, никчемное чувство, что “чувство патриотизма есть даже у кошки” и потому незачем гордиться этим поветрием».

А кровавая бойня третьего-четвертого октября? В сущности, она была гражданской войной в миниатюре. А ведь тот же Окуджава когда-то пел знаменитые строки: «Я все равно паду на той, на той единственной Гражданской...» Вспоминал я эти строки в часы октябрьской бойни и думал: «Где Окуджава? В ряду головорезов Ерина, а может быть, рядом с Руцким и Хасбулатовым? Вроде звездный час его наступил, гражданская война, обещал пасть на ней, последний шанс: не упустил бы... Ан, нет! Недооценил я талант поэта, способность его гениальную к перевоплощению. Посмотрел он на все происходящее по телевизору и заявил на всю страну, что для него эта трагедия была, как захватывающий душу детектив, и что он с нетерпением ждал развязки, чем это кончится...

Нет, что ни говори, удивительно талантливый человек!

Раздавили...

«Раздавите гадину!» – заклинал с пеной у рта писатель Юрий Черниченко компанию молодых ребят, встретившихся ему на вечерней московской улице в кровавые октябрьские дни. Тут же рядом с Черниченко каким-то образом оказался телеоператор, записавший на пленку каннибальские призывы летописца брежневской эпохи. Откуда молодым людям было знать, что перед ними брызжет слюной не просто

рассерженный пожилой человек, а один из главных певцов целины, автор киносценария о косноязычном генсеке, придворный журналист одного из самых могущественнейших и криминальных секретарей обкомов КПСС – краснодарского князька Медунова? Если он под «гадиной» подразумевал коммунистическую партию, то надо признаться, что он очень хорошо обслуживал ее в свое время. Но дело уже не в политическом лакействе, а в позорном невежестве писателя. Забыл он, должно быть (а может, и никогда не знал), что призыв идеолога кровавой французской революции Вольтера «Раздавите гадину» относился к католической церкви Франции и что этим призывом с садистским наслаждением воспользовались палачи якобинцы. Воплощая в жизнь безумный лозунг Вольтера, они жгли и грабили по всей Франции монастыри и церкви, вспарывали животы провинциальным священникам, топили их в Сене и Луаре сотнями, насиловали монахинь и справляли атеистические шабаши по всей несчастной стране, предвосхищая деяния нашего антицерковного чекиста Губельмана-Ярославского, который тоже призывал «раздавить гадину» – Русскую Православную Церковь.

Если бы молодые люди, перед коими у ночного костра на московской улице выступал Черниченко, знали, чем закончился призыв «Раздавите гадину» во Франции – они бы отшатнулись в ужасе от полуночного агитатора, как от зачумленного. А именно таким он остался на телевизионной пленке: сумасшедшие, выкатившиеся из орбит глаза с кровавыми отблесками в них ночного пламени, лысый, сверкающий от бликов пламени, потный, крупный, почти ленинский череп, искаженное, перекошенное от ярости и страха лицо, оскаленный рот с кариесными зубами, из которого несется утробное «Раздавите-е!»

...Возле стадиона «Авангард», что на Красной Пресне, стоит Крест, окруженный временной оградой, у Креста горят свечи, лежат цветы, шевелятся под ветром траурные ленты... На стене стадиона имена погибших, стихи, проклятья палачам, фотографии погибших и пропавших без вести. На том

месте, где стоит Крест, погиб в октябрьские дни украинский священник Виктор Заика. Когда из бронетранспортера лихие таманцы полоснули по толпе свинцом, отец Виктор бросился навстречу машине в священническом одеянии с крестом, поднятым над головой. Он надеялся, что стрелок, сидящий за пулеметом, прекратит стрельбу. Но молодой палач нажал на гашетку, и отца Виктора прошила свинцовая очередь, он упал, и стальная громада переехала через бездыханное тело. Вот так буквально исполнилось требование писателя и нынешнего члена Государственной думы Юрия Черниченко: раздавили...

Сталин — тиран

Мой старый калужский товарищ задрал небритый седой подбородок так, что напряглась морщинистая исхудавшая шея, в несколько глотков засосал в чрево полстакана домашнего дурного самогона, осторожно поставил стакан на клеенку и, выдержав долгую паузу, ни с того ни с сего произнес, как бы продолжая с кем-то невидимый давний спор:

– Нет, что ни говори, а Сталин – тиран!

Я смотрю на него – худого, старого, одетого в какую-то рванину. Один ботинок лопнул и сквозь трещину в коже торчат грязные скособоченные пальцы – носков на нем почему-то нету. Смотрю и думаю о том, что всего лишь несколько лет тому назад он был весьма преуспевающим инженером на своем заводе, но началась смута, Витек заразился ее вирусом, бросился в политические споры, пропагандистские шоу, демократические тусовки и даже не понял, как случилось, что его завод начал медленно разваливаться и закрываться, и в один прекрасный день мой правдоискатель очутился за воротами его проходной... Вот тогда-то я впервые с ним, уже безработным, попытался поговорить о тайных целях перестройки. Он молча и недоверчиво слушал, а когда я закончил, ни с того ни с сего выпалил:

– Нет, что ни говори, а Сталин – тиран!

Его жена – властная практичная женщина – отправила его, почти старика, на заработки в Карелию – строить дороги. Целый год он мучился там в общаге бок о бок с бомжами и вчерашними зэками, не выдержал, сбежал и сейчас сидит на дачном хозяйстве, в щелястом деревянном домике, окучивает картошку, кормит кур, гонит самогонку...

Я говорю ему:

– Посмотри на себя в зеркало – как ты, вчерашний инженер, опустился, перестал бриться, в чем ты ходишь, тебе даже не с кем здесь поговорить, живешь, как батрак на выселках... О такой ли жизни на старости лет ты мечтал?

Он недоверчиво слушает меня, его компьютер медленно интегрирует все, сказанное мною, и вдруг выдает нечто такое, что заталкивалось во все клеточки его существа в последние годы:

– Нет, что бы ты ни говорил, а Сталин – тиран! – и, довольный, ухмыляется, словно победил меня в тяжелейшем споре.

Бедный, зомбированный, выброшенный из жизни Витек, рядовая жертва перестройки, демократизации и гласности...

Темная сила

Три года тому назад во время апрельского референдума знаменитый русский писатель Виктор Астафьев, призывая поддержать президента, мрачно вещал: «Есть люди, в первую очередь воспрянувшие коммунисты, готовые на любую кровь, на любые жертвы, лишь бы вернуть себе власть». Удивлялся из своего сибирского далека писатель-гуманист: «Почему же не судят разнузданных воинствующих молодчиков – Зюганова, Проханова, ущербного умом депутата Михаила Астафьева да и Эдичку Лимонова тоже?»

Судебных процессов в преддверии референдума хотелось Виктору Петровичу. Задолго до письма 42-х своих кровожадных коллег он упрекал президента в мягкотелости, нерешительности, по-отечески журил, называя «мямлей»,

и запугивал читателей «Литературной газеты» картиной будущего коммунистического мятежа: «Если президент и его правительство будут и дальше действовать уговорами, увещеваниями, анкетами, восторжествует самая оголтелая, самая темная сила. И заговорит она пулеметами, танками, колючей проволокой».

В октябре 1993-го года пророчества Астафьева наконец-то сбылись. «Темная сила» действительно восторжествовала. Но колючая проволока – «спираль Бруно» – была растянута в центре столицы по приказу Лужкова, а не Проханова, танки и бронетранспортеры расстреляли несколько сотен русских людей по воле Ельцина и его опричников, а не по воле Зюганова и Лимонова. Убитые похоронены неизвестно где, как в сталинские времена. А некогда любимый мною писатель Виктор Петрович Астафьев угодничеством перед кровавой властью опозорил свои седины в канун своего семидесятилетия...

Двойной позор и двойное поражение России...

«Мы не ожидали...»

Писатель Фазиль Искандер в одном из недавних интервью с некоторым смущением признался как бы от имени «честных» соратников-демократов: «Мы не ожидали, что смена общественной формации приведет к крови...»

Чего в этом признании больше – глупости или наивности – сказать трудно. Они, «инженеры душ человеческих», мыслители и творцы, гуманисты и «прорабы перестройки», видите ли, «не ожидали». А чего же вы ожидали, господа? Вы что, не знаете вечную и непреложную истину истории: то, что созидается и укрепляется кровью, то и разрушается только той же силой, той же теплокровной энергией. Все, что создано при помощи жертв и жертвоприношений, разрушается точно такими же путями. При какой температуре рождается атомное ядро – лишь при той же оно может быть разъято и разрушено. Иного не дано. Это как бы отражение в человеческой истории вечного природного закона сохранения материи и энергии

или освобождения материи и энергии того же рода и качества, которые были заложены во время рождения либо кристалла, либо государства, либо социального строя...

Не только трудом и духом, но и кровью сплачивалась на протяжении веков Российская империя, но отворили ей жилы в 1917 году, и потоки впитавшейся в ее фундамент крови омыли нашу грешную землю от Бреста до Владивостока...

Кровью была спаяна Югославская федерация, а ныне ее куски дрейфуют, сталкиваются и отторгаются друг от друга в бушующих кровавых потоках. Железом и кровью было достигнуто невольное мирное единство Северного Кавказа, и вот уже несколько лет на наших глазах оно размывается горячей соленой влагой.

Вечный, простой закон, понятный любому человеку, хоть немного думающему о последствиях своих слов и поступков... Любому, но не нашим прорабам духа и мародерам перестройки. Вольным или невольным провокаторам эпохи. «Мы не ожидали», – с недоумением поживают они плечами, когда до них доходит, что за годы столь желанных для них перемен на просторах страны насильственной смертью погибло почти двести тысяч людей, что по России бродят около трех миллионов беженцев, что мы не досчитались за эти годы нескольких миллионов неродившихся детишек...

А горы Тянь-Шаня и Памира, где шестьдесят с лишним лет тому назад ручьями лилась кровь басмачей-моджахедов? В отместку за разрушение порядка, покоящегося на их костях, таджикская сухая земля сегодня впитала в себя кровь чуть ли не сотни тысяч своих заблудших сограждан. И писатели тоже были творцами и соавторами всенародной трагедии. Помню, когда с геологами я бродил по тропам Тянь-Шаня в шестидесятые годы, то не раз встречался я в тенистом саду Союза писателей в Душанбе с тихим, застенчивым молодым человеком – поэтом Бозором Собиром, проникновенным лириком. Я переводил его стихи, в которых таял умиротворяющий зной осени в Рамидском ущелье, тянулись к холодному небу дымки чабанских костров, шумели желтогривые памирские

реки. Потом мы не раз встречались в Москве, в Дубултах, в Пицунде... И вдруг в 1990 году я с ужасом узнаю, что мой Бозор стал одним из уличных вождей националистической черни, выходит на митинги, произносит речи и пишет о том, чтобы русские пьяницы убирались с его земли, а свои дома и квартиры отдали бы угнетенным и обездоленным таджикам. А рядом с ним в первых рядах возбудителей народного гнева носится, как фурия, бывшая любимица таджикского партийного и комсомольского истеблишмента поэтесса Гулрухсор Сафиева. Черноволосая Гуля. И тоже призывает изгнать русских с древней земли фарси. А чем же все это кончилось? Таджикская оппозиция терпит поражение, и проигравшие свою гражданскую войну Бозор Собир и Гуля ищут спасение и прибежище в России, которую они так страстно проклинали два года тому назад... Где-то и сейчас болтаются в Москве в заслуженной ими роли политических эмигрантов...

Маразматик

«Новая семья сильно русифицировала меня. Я научился не пить, а осаживаться водкой, научился опохмеляться так основательно, что это нередко переходило в новую пьянку... Были важные открытия. Одно из них: пьяный русский человек не отвечает за свое поведение во хмелю... Один пукнул в лицо домработнице, помогавшей ему надеть ботинки; другой кончил на единственное выходное платье нашей приятельницы, когда та ему позволила ночью прилечь к ней на диван; третий наблевал в ванну, потому что в туалете блевал другой гость; кто-то вынул член за столом и пытался всучить малознакомой соседке; сестра тещи обмочилась во время пляски...»

Это из литературных мемуаров и о своих близких. Написано не Юзиком Алешковским, не Виктором Ерофеевым и даже не Эдиком Лимоновым, а певцом русской природы, тонким лириком «пришвинской школы», плодовитым беллетристом, автором всяческих повестей и рассказов, множества

пьес и киносценариев, в том числе для фильмов «Чайковский» и «Председатель»... Не угадали? Подсказываю: Юрий Нагибин. Опубликованы мемуары в еженедельнике «Литературные новости». Талантливый человек! Как ярко воспел подвиг послевоенного крестьянства в фильме «Председатель», но лишь только новое время потребовало новых песен, тут же заявил, что знаменитая трактористка 30-х годов Паша Ангелина была лесбиянкой. Но Бог с ней, с Ангелиной. Уж если выворачивать всю интимную изнанку, жизни, то надо начинать со своих близких, и Нагибин, вспоминая сексуальные возможности реально существовавшей близкой ему женщины, со старческой похотливостью вспоминает: «Мы занимались любовью там, где нас заставало желание: в подворотнях, подъездах, на снежном сугробе, на угольной куче, на крыше, на дереве, в реке, в машине, в лесу, на лугу, в городском саду, где всегда играл духовой оркестр, просто на улице, у водосточной трубы... И каково же было мое потрясение, когда оказалось, что она – еврейка».

В мемуарах секс щедро смешан с политикой и с пресловутым еврейским вопросом. Бедный автор! В каких сумасшедших комплексах – сексуальных, национальных, политических – протекала его долгая 75-летняя жизнь: «Мы гуляем по улицам Кохмы, и слово “жид” преследует меня. “Жид! Жид! Жид!” – кричат прохожие, уличные мальчишки, собаки с потными грязными языками, козы в огородах, шальные кусты акаций, рослые вязы, кирпичные стены Ясюнинской фабрики, где служит отец. Конечно, никто не кричит, но что мне до этого, если это слово кричит во мне...» (Какие могут быть у собак «потные грязные языки» – ума не приложу!)

На протяжении всех мемуаров автор долго, тщательно и мучительно выясняет: кто же он на самом деле – еврей или русский. То внутренний голос кричит ему, что он «жид», и страдания Юрия Марковича становятся невыносимыми. То, выяснив в конце концов, что его отец, возможно, и не настоящий отец, а настоящий отец – русский, автор впадает в другую шизофреническую фазу и стонет: «Боже мой, почему я

не могу быть просто евреем, как все?» То проклинает Россию за то, что в ней «отношение к евреям – лакмусовая бумажка любой политики – не менялось, ибо неизменным оставалась основа – русский шовинизм...»

Словом, причин для раздвоения личности и впадения в шизофреническое состояние у Нагибина сколько угодно. Но, подумать только, он написал десятки книг, прославляющих подвиг советских солдат под Москвой, прославляющих нашу гвардию, Героев Советского Союза, ленинскую партию! Вот некоторые из них: «Гвардейцы на Днепре» (1944), «Ценою жизни» (1944), «Слава Николая Чистова» (1945), «Дважды рожденный» (1945), «Партийное поручение» (1951) и т.д. и т.п. Таких книг у Нагибина к 1984 году вышло аж 80! Кто их помнит сегодня?

Может быть, комплекс литературного плодовитого неудачника толкнул его к созданию скандальных маразматических мемуаров – так сказать, последний шанс на закате жизни?

Еще раз повторюсь: смастерить десятки книг, прославляющих армию и оборону Москвы, и вдруг на старости лет заявить: «Вскоре подъем, испытанный оставшимся в Москве населением в связи со скорым приходом немцев и окончанием войны, – никто же не сомневался, что за сдачей столицы последует капитуляция, – сменился томлением и неуверенностью. Втихаря ругали Гитлера, расплескавшего весь наступательный пыл у стен Москвы... Многие оставшиеся в городе ждали немцев, но боялись признаться друг другу в этом и потому городили несусветную чушь, чтобы объяснить, почему не эвакуировались...»

Нет, такого еще не было в нашей военной мемуаристике... Жаль, что ополченцы, погибшие под Москвой, не смогут сегодня прочитать эти мародерские откровения.

Конечно, мемуары Нагибина – богатый материал для психиатра и психоаналитика. Только специалисты смогут установить, на чем свихнулся человек: то ли на русско-еврейском вопросе; то ли от осознания того, что по большому счету никакого писателя Нагибина не существует, а есть посредственный,

второстепенный беллетрист и драмодел, то ли от ненависти к России, то ли – и это скорее всего – душевное заболевание автора имеет под собой сексуально-патологическую почву...

Вокруг Есенина в Америке крутился в свое время беллетрист подобного же масштаба по фамилии Рындзюн, издавший на Западе книгу «Записки мерзавца», в которой вывернул наружу все свое вонючее нутро. Мемуары Нагибина очень похожи на откровения Рындзюна. И их следовало бы назвать не «Тьма в конце туннеля», а прямее и проще: «Записки старого мерзавца». А если помягче, то слово «мерзавец» можно заменить на – «маразматик».

Русский дом

Третьего октября в шесть часов вечера я на своей машине подъехал к телевизионному центру «Останкино».

В восемнадцать тридцать в передаче «Русский дом» должен был начаться наш разговор с ведущим Александром Крутовым и поэтессой Ниной Карташёвой о Сергее Есенине, разговор, приуроченный ко дню рождения поэта – четвертому октября.

Я вышел из машины, проверил, со мной ли несколько четвертушек бумаги – мои размышления о Есенине, которые я обдумывал последние два дня и очень дорожил ими, считая, что сделал некоторые открытия, и двинулся к центральному входу... Мелькнула беглая мысль: странно, что перед центральным входом нет машин – обычно тут бывает трудно припарковаться. На ходу отметив подобную странность, я толкнул вертящуюся стеклянную дверь и попытался войти в вестибюль. Но не тут-то было. Два человека в пятнистой форме с автоматами на груди перегородили мне дорогу:

– Телецентр закрыт!

– Как закрыт? У меня через полчаса передача, меня ждет Александр Крутов!

– Ничего не знаем. Все сотрудники отпущены уже в 4 часа. Бюро пропусков закрыто. Уходите. Только поворачивайте сразу налево. А то, если пойдете направо, вас могут обстрелять...

Совершенно ошеломленный, я вышел из вестибюля и огляделся: пустынная площадь, лишь возле углового входа, близкого концертному залу, стояла небольшая толпа – несколько десятков человек, и слушала какого-то оратора. От нечего делать я подошел к кучке людей, сгрудившихся на порогах наглухо закрытого бокового вестибюля. Человек с мегафоном что-то говорил о преступлениях режима, о фашиствующем ОМОНе, рядом, вдоль стены, сливаясь с серым камнем, стояла цепочка солдат, к которым время от времени подходили женщины и уговаривали солдатиков-дзержинцев не ввязываться в борьбу с народом. Солдаты молчали, слушали, не спорили.

– Да здравствует наша народная армия, которая никогда не станет стрелять в народ! – провозгласил человек с мегафоном. – Ура-а!!! – его возглас подхватили люди, стоящие на ступенях. Солдаты молча и растерянно переглядывались, крутили головами, явно чувствуя себя не в своей тарелке...

– Читайте списки палачей России! – раздался голос у меня за спиной.

Я оглянулся: желтоволосый паренек в замызганной голубой куртке торговал какими-то тощенькими брошюрами.

– Что у тебя?

– Списки палачей России 1919–1939 годов.

Я перелистал брошюрку с фамильными списками ЦК, Комиссариата иностранных дел, ЧК, ОГПУ, НКВД... Ягода, Агранов, Френкель, Гамарник, Берман, Дзержинский, Якир...

– Спасибо, я все это знаю.

– Все знать невозможно!

Паренек отвернулся от меня и замахал брошюркой:

– Читайте списки палачей России!

А между тем народ стал прибывать со стороны ВДНХ, как вода во время половодья, повалили сразу толпами, какие-то автобусы подъезжали и разгружали людей, возбужденных, разгоряченных, только что, как я потом выяснил, прошедших горячий путь от Крымского моста к мэрии и Белому дому.

– Мэрия наша!

– Белый дом освобожден!

– Блокада прорвана!

– Ура баркашовцам!

Я оглядывал снующих взад-вперед людей – в куртках, в сапогах, в телогрейках, безоружных (лишь у некоторых, вновь прибывших на автобусе и пытавшихся ровным строем войти в ворота перед вестибюлем, были щиты, видимо, отобранные у омоновцев). Но на лица было радостно смотреть – живые, возбужденные, одухотворенные, с горящими от победного восторга глазами.

– Мэрию взяли – даешь Останкино!

«Вот так же пугачевцы взяли Белогорскую крепость и закричали: “Даешь Оренбург!”» – подумалось мне.

Неожиданно в клубящейся толпе я столкнулся лицом к лицу с журналистом, когда-то работавшим в Останкино:

– И чего они шумят, кругами ходят? Если брать Останкино, то надо брать вон то маленькое здание, где технические службы. А тут делать нечего...

– Ну скажи им об этом!

– А кому сказать-то? – Он поглядел на меня выпученными глазами. – Я только что от мэрии! Ну, баркашовцы молодцы, бесстрашные ребята. Заместителя Лужкова Брагинского захватили, главного мафиози!

Чтобы унять волнение, мы отошли в сторону, закурили.

– А где твоя машина? – Я показал ему на моего одинокого «жигуленка», стоявшего перед центральным входом.

– Слушай, дело серьезное, тут кровью пахнет, ты бы его отогнал куда-нибудь в переулок.

Я послушал его, отогнал машину в торец техцентра и вернулся обратно. Интересно, чем все-таки все закончится. История на глазах творится!

...Холодный осенний закат освещал волнующуюся и все увеличивающуюся толпу, не знающую, что ей делать дальше, и какое-то внутреннее напряжение от этого незнания нарастало в воздухе с каждой минутой. Время от времени некие авторитетные лидеры, стоявшие на порожках возле мегафона,

выбегали на проезжую часть и из-под ладони вглядывались в приближающиеся машины и автобусы:

– Наши едут или не наши?

Машины приближались, и вздох облегчения вырывался из глоток:

– Наши!

Вдруг меня осенила мысль: а почему бы не пробиться к мегафону и не прочитать две странички из моих размышлений о Есенине? Ведь в них идет речь об освобождении России, а это освобождение вершится сейчас на моих глазах. К тому же не худо напомнить мятущейся толпе о том, что завтра день рождения ее великого поэта. Подавши плечо вперед, я стал протискиваться по ступенькам к человеку с мегафоном, но через несколько шагов уперся в плотную людскую массу.

– Куда лезешь?

– Я слово хочу сказать!

– Какое слово, кто ты такой?

– Я редактор журнала «Наш современник», должен был выступить сегодня по телевиденью, у меня есть небольшое слово о Есенине..

– Ну, мы Есенина уважаем и ваш журнал тоже, но разве не видите, что творится? Народное восстание, конец оккупационному режиму! Вот возьмем Останкино, тогда и расскажешь о Есенине... А сейчас смотри, народ к техцентру двинулся, пошли!

Мы перетекли через дорогу и расположились возле бордюра, обрамлявшего подземный переход. Вечерело. Осенние сумерки наваливались на Москву, лишь алая полоса заката со стороны Ботанического сада освещала море людей, отсвечивалась в стеклянных стенах техцентра, где на втором этаже можно было видеть сквозь щели в шторах какое-то движение, перемещение людей, не предвещавшее всем стоящим внизу ничего хорошего.

– Какая сволочь Ельцин! – выругался кто-то за моим плечом. – До чего довел народ, до бунта. Ну, теперь все рухнет... Анархия... Пугачевщина!

Я оглянулся. Трое молодых людей, упакованных в дорогие модные пальто и кожаные куртки, стояли за мной и нервно всматривались в стеклянную громаду телецентра. Один из них узнал меня:

– Здравствуйте, а мы из «Коммерсант Дейли». Ну, скажите честно, если вы придете к власти, вы наше издание не закроете?

– Ну что вы, – как можно радушно улыбнулся я. – Вот у нас-то и будет настоящая демократия!

...А людское половодье все прибывало и разливалось все шире, захватив широкий тротуар и проезжую часть перед телецентром. Резкий октябрьский ветер трепал в наступающих сумерках и красные, и черно-золотые монархические флаги, московские гавроши, как галки, торчали на деревьях, на парапетах, на каждой возвышенности, вглядываясь в группу людей, пытающихся пройти через центральный вестибюль в осажденное здание.

– Макашов приехал, Макашов! – зашелестело в толпе, и как будто в ответ на этот шелест мелькание теней на втором этаже стало более быстрым и лихорадочным.

Я обратился к «дейликоммерсантам»:

– Давайте-ка, ребята, поближе к бордюру, в крайнем случае, когда что-либо начнется, укроемся.

– А начнется? – со страхом спросил меня один из «дейли».

– Конечно же начнется...

И как бы в подтверждение моих слов из сумерек, раздвигая толпу, словно громадный звероящер, выполз то ли «КрАЗ», то ли «КамАЗ», развернулся и уставился своим рылом в застекленную дверь центрального входа. У меня сжалось сердце: идиоты, неужели будут таранить двери? Ведь для того, чтобы войти в вестибюль, достаточно взять длинные водопроводные трубы, которые грудой были навалены на тротуаре вдоль всего застекленного первого этажа, выбить стекла, и через пять минут хоть сто, хоть тысяча человек гуляла бы по коридорам и аппаратным техцентра. Но кому-то захотелось эффектного зрелища, которое потом сотни раз дублировалось на экране!

Почти уже в полной темноте громадный металлический звероящер подполз к входу, чуть разогнался и с ревом ударил в стеклянную дверь своим тупым рылом. Зазвенели стекла, толпа взвыла от ужаса и восторга. Звероящер дал задний ход и опять с разгона попытался въехать в вестибюль, но его высокая кабина не пролезала под перекрытие и машина, вонзив рыло в дверной проем, застряла. Водитель, видимо, ошалев от ярости, снова включил задний ход, снова разогнался вперед, пытаясь протиснуть машину в чрево здания, и снова она загрохотала, застонала, заскрежетала и не пролезла под бетонное перекрытие первого этажа. Во тьме ревел на холостом ходу мотор, с криками колыхались туда-сюда людские массы, звенели стекла и мы, как оглушенные, смотрели на эту отчаянную попытку взять бастион четвертой власти в конце двадцатого века пугачевским нахрапом... «КрАЗ» снова дал задний ход, и вдруг от вестибюля донеслись угрожающие крики:

– Отойдите! Отойдите от дверей как можно дальше!

Толпа, видимо, узрев что-то недоступное моему взору – мы все-таки стояли метрах в пятидесяти от входа – подалась и вдруг меня ослепил блеск пламени и оглушил грохот.

«Гранатомет!» – мелькнуло у меня в сознании, и в следующий миг над нашими головами раздались автоматные очереди со второго этажа, оттуда, где все время мелькали какие-то тени, – и, звонко цокая о бетонные плиты, сверху посыпались на наши головы отстрелянные гильзы, и мы рухнули за спасительный гранитный бордюр, прижимаясь друг к другу... Когда через несколько минут стрельба затихла, я поднял голову, увидел в темноте лежащих, встающих, шевелящихся, начинающих передвигаться людей, и сам короткими перебежками, почти на четвереньках выбрался, как мне показалось, в «мертвую», непростреливаемую зону в направлении цоколя и побежал к моей одиноко стоявшей машине. Нескольких автомобилей, возле которых я поставил свой, уже на тротуаре не было...

По дороге я вдруг заметил лежащего за фонарным бетонным столбом паренька в голубой куртке, рядом с ним

валялись разбросанные, шевелящиеся от ветра брошюрки. Одну из них, наклонившись, я схватил на память об этом дне: «Списки палачей России 1919–1939 годов». 3-го и 4-го октября эти списки щедро пополнились...

Вечером возбужденно и судорожно рассказывая дома обо всем, что видел, я вдруг нащупал в кармане и эту брошюрку, и мои несколько листочков-четвертушек – записей о Сергее Есенине, которые мне не удалось прочитать ни на «Русском доме», ни на улице... Вот они, эти странички. Не пропадать же им!

* * *

03.10.93 г.

«Если бы сегодня Сергей Есенин поглядел на нашу воровскую приватизацию, на нашу Москву, облепленную вульгарными иностранными ярлыками, на наше пошлейшее рекламно-телевизионное безобразие, поглядел бы на псов-рыцарей, защищающих режим на Пресне со щитами, касками и дубинками, он, конечно, повторил бы свою бессмертную строчку: “В своей стране я словно иностранец” и снова бы вспомнил: “Страна негодяев”... Иностранцем можно быть только в стране негодяев. Я думаю о сегодняшнем противостоянии сил и вспоминаю отрывки из мемуаров Галины Бениславской. Во время работы над “Страной негодяев” однажды ночью хмельной Есенин сказал ей: “Это им не простится. За меня отомстят. Пусть лучше не трогают. Посадят – пусть сажают. Еще хуже будет. Мы злые, когда нас обозлят. Лучше не трожь. Не надо”. Слова, записанные Галиной Бениславской в одну из московских роковых ночей 1924 года. В этих словах – пророчество. Троцкий, Ягода, Зиновьев, Свердлов, Агранов – действительно Есенин жил в стране негодяев. А что, сейчас в стране Чубайса, Гайдара, Бурбулиса лучше? Но меня могут спросить: если Есенин думал о России как о стране негодяев, чувствовал себя то иностранцем, то пасынком, то как это совмещается с его признаниями в любви к Родине, в желании быть гражданином в “великих штатах

СССР”? И вообще советский или антисоветский поэт Сергей Александрович Есенин? В приговорах 1937 года, вынесенных его друзьям, он проходит как поэт “антисоветский”. Из дела Петра Орешина: “Материалами следствия установлено, что еще в 1923 году обвиняемый Орешин являлся участником антисоветской группы реакционных поэтов С. Есенина, С. Клычкова, Н. Клюева, вместе с которыми в 1923 году за активные антисоветские действия привлекался к уголовной ответственности”. В сущности, антисоветским поэтом объявил Сергея Есенина главный идеолог эпохи 20-х годов Николай Бухарин в “Злых заметках”. Да и сам поэт не раз давал к тому прямые поводы: “Перестаю понимать, к какой революции я принадлежал” (1923), или “какую-то хреновину в сем мире большевики нарочно завели”... Да примеров много! Но можно и возразить: как же так! Есенин не раз признавался в любви к революции и книги свои называл “Русь советская”, “Страна советская”, клялся в том, что “отдам душу октябрю и маю”... Да. При желании можно доказать, что Пушкин – поэт свободы, а можно доказать и другое, что Пушкин – поэт империи. Можно убедительно изобразить Есенина и певцом советской власти, и, если очень захотеть, – стихийным противником коммунистического режима. И то и другое будет справедливым. Все дело в двойственной природе нашей революции. Есенин, так же как Блок и Клюев, как легендарный казак Миронов или Нестор Махно, принял революцию как надежду на возрождение и расцвет России, как выход России к народовластию, к русской народной демократии, идущей на смену бюрократическому имперскому государству. Говоря современным языком, он был «национал-патриотом». Вспомним “Анну Снегину”. Ее герои Прон Оглоблин, Лабутя – люди с большими изъянами, комбедовцы, голытьба, своего рода деревенские шариковы, и все же они куда ближе и роднее Есенину, чем комиссар Чекистов из “Страны негодяев” или Карл Маркс, которого “ни при какой погоде” Есенин, по собственному признанию, “не читал”. А его земляки – вожди низов, деревенской черни, родственные Хлопуше – люди русского

народовластия. Но это народовластие чаще всего сосредотачивалось не где-нибудь, а именно в Советах, и объективно противостояло интернационально-масонскому криминальному братству партийной и чекистской верхушки, которая в борьбе за власть оказалась куда более подготовленной и изощренной, нежели русские национал-патриоты. И Прона Оглоблина, и Лабутю, и Замарашкина, и Номаха гораздо естественнее можно представить себе в антоновских дружинах, нежели в кремлевских кабинетах. Есть много свидетельств того, что Есенин как никто другой ощущал борьбу двух этих сил, волею судьбы запряженных в одну систему, но и в ней продолжавших бороться друг с другом.

Противостояние еврейского функционера Чекистова-Лейбмана и русского революционера Рассветова из "Страны негодяев", в голоса которых вливается голос поэта, четко обозначает борьбу национального и космополитического в недрах режима той эпохи:

Еще не изжит вопрос,
Кто ляжет в борьбе из нас.
Честолюбивый росс
Отчизны своей не продаст.

Интернациональный дух
Прет его на рожон.
Мужик, если гневен не вслух.
То завтра придет с ножом...

Это мысли то ли Есенина, то ли коммуниста Рассветова... Но все продолжается, как было в начале 20-х годов. Снова, но в другом обличье, "интернациональный дух", на этот раз не коммунистический, а буржуазный, "прет на русский рожон"...

Есенин понимал антирусскую природу верхушки большевистской компартии (она обрусела лишь через двадцать лет после сталинских чисток), когда писал в стихотворении о Ленине: "Ведь собранная с разных стран, вся партия – его матросы"...

Так что советский или антисоветский поэт Есенин – решайте сами. Русское движение к демократии и к народовластию он принимал. Антирусскую деятельность всемирного интернационала – "граждан из Веймара" – отвергал с брезгливостью и ужасом. Но драма поэта была в том, что и та, и другая силы жили под вывеской одной идеологии и одного режима. И Есенину в конечном счете оставалось одно – поставить свое призвание выше всех политических пристрастий. Что он и сделал: "Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам..."

А потому он и великий русский поэт».

* * *

Пятого октября ко мне в редакцию пришел пожилой человек, небритый, с землистым лицом и с безумным взглядом.

– Вы знаете, что вчера творилось в Останкино? На моих глазах две женщины, хорошо одетые, прогуливались в роще за прудом с собачками... Дорогими, породистыми... Бэтээры начали стрельбу по деревьям, под которые убегали от телецентра люди. Одну женщину с собачкой ранило в плечо, а другой пуля раздробила голову. И я видел, как собачка-такса бегала вокруг мертвой хозяйки и скулила!

В тот же день в газете «Известия» было опубликовано позорное письмо 42 писателей, озаглавленное так: «Писатели требуют от правительства решительных действий». Судить, сажать, закрывать газеты, арестовывать. Ну, с Черниченко и Оскоцкого взятки гладки, они поистине бешеные. Но каково было читать, что это письмо подписали Ахмадулина, Левитанский, Кушнер, Таня Бек... Тонкие лирики, сердцеведы, поклонники Мандельштама. Помнится, что Мандельштаму очень нравились строчки Есенина «не злодей я и не грабил лесом, не расстреливал несчастных по темницам». Да и сам Осип Эмильевич исповедовался эпохе: «не волк я по крови своей», «чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы, ни кровавых костей в колесе», он готов был к мученическому венцу. А этим якобы

любящим Мандельштама нашим поэтам хочется «решительных действий», они жаждут увидеть «кровавые кости в колесе», они «волки» по своей крови, до сих пор носившие для маскировки овечьи шкурки.

Немного времени прошло, а из этого списка призывавших к репрессиям многих уже нет с нами: Адамовича, Рождественского, Селюнина, Левитанского, Дудина, Иодковского... Они жаждали людского суда над своими коллегами, ан все случилось иначе. Поистине вспомнишь вещие слова русского поэта: «Но есть, есть Божий суд»...

Красное колесо

Ничто не вечно под луной. Снова литературные чекисты требуют крови. Похожие письма щедро печатались в доносительской коммунистической тоталитарной прессе 20-30-х годов. Их подписывали духовные отцы Кудимовой, Черниченко, Приставкина – Безыменский, Алтаузен, Уткин и прочие пособники ОГПУ. С ярлыком фашистов, состряпанным их подлыми руками, ушли из жизни Алексей Ганин, Павел Васильев, Павел Флоренский, Николай Клюев и другие великие сыны России. Ну, что касается Нагибина – здесь все ясно: его в детстве-юности воспитывал отчим, якобы писатель Я. Рыкачев, один из авторов позорной книги о Беломорканале, литературный подручный Гершеля Ягоды.

Ярость других подписантов (Анфиногенова, Черниченко, Солнцева) скорее всего объясняется застарелым комплексом литературной неполноценности. Р. Солнцев, к примеру, всю жизнь посылал мне свои книги с подобострастными дарственными надписями, с просьбами обратить внимание на его творчество, а теперь требует запрета «Нашего современника».

Но как попал в эту компанию умный и талантливый критик Игорь Золотусский, находящийся, кстати, вот уже полтора месяца в Финляндии?

Пусть жаждущие крови задумаются, что колесо истории имеет закономерность совершать полный оборот, пусть вспом-

нят, что оклеветанного Исаака Бабеля пытали оберпалачи НКВД Шварцман и Родос.

Колесо истории – это красное колесо.

Русско-еврейский вопрос

Русско-еврейский вопрос сегодня и всегда – это не вопрос борьбы за гражданские права, чем, допустим, озабочены русские в Прибалтике или Казахстане (все евреи в России имеют равные права с русскими).

Русско-еврейский вопрос сегодня – это не вопрос суверенитета, чем озабочены татары, якуты, дагестанцы, народы Севера в своих отношениях с Москвой (евреям не нужны ни суверенитет, ни разграничение полномочий и т. д.).

Русско-еврейский вопрос – это тем более не вопрос каких-либо территориальных претензий, принадлежности нефтяных районов, пастбищ, шельфов, границ, чем, к примеру, обусловлена рознь между осетинами и ингушами, грузинами и абхазами, чеченцами и русскими Ставрополья (евреям не нужна в России ни своя территория, если только не считать за таковую Еврейскую АО, ни тем более отдельная государственность).

Русско-еврейский вопрос лежит вне споров о защите культуры, о количестве национальных школ, о культурной автономии или ассимиляции, вне религиозных столкновений, вне борьбы за сохранение родного языка и т. д. (евреи в России обладают полной свободой – на каком языке говорить, в каких школах учиться, в какого Бога верить и т. д.).

Так в чем же суть ярости, предельного накала борьбы, готовности идти на крайние меры, что продемонстрировало еврейское лобби вкупе с подчиненными ему электронными СМИ во время психической атаки на Макашова, на компартию, на общественное мнение?

Дело в том, что еврейские ставки гораздо выше территориальных, культурных, правовых, религиозных проблем, в которых барахтаются другие национальности – русские, чеченцы, латыши, грузины или чукчи. Еврейская элита борется не

за частные национальные привилегии, а за ВЛАСТЬ в самом глубоком и широком смысле слова.

Вопрос в этой борьбе стоит так: кому по главным параметрам властвовать в России – государствообразующему русскому народу или небольшой, но крепко организованной, политически и экономически мощной еврейской прослойке? Вопрос о «квотах» и «национальных представительствах» во власти только запутывает и маскирует суть дела. Поэтому русско-еврейский вопрос надо всегда выводить за скобки законопроектов о национальных отношениях, ибо такая постановка нарочито уравнивает евреев с чеченцами, татарами, якутами и лишь уводит от понимания главного – между русскими и евреями идет борьба за власть в России.

ИСТОРИЯ СПОРИТ С ПОЭЗИЕЙ

Похоже, что в нашем журнале складывается некая печальная, но значительная традиция: незадолго до смерти выдающийся публицист Иван Васильев прислал нам свою последнюю повесть «Крестьянский сын», Борис Можаев передал журналу как прозаическое завещание роман «Изгой», а весной этого года Владимир Алексеевич Солоухин позвонил мне и сказал, что закончил книгу размышлений о встречах с русскими эмигрантами в основном «первой волны», размышлений о судьбах потомков некогда славных русских родов, – рукопись называется «Чаша». «Понимаешь, чаша бытия», – своим окающим голосом добавил он в конце разговора. Я прочитал, не во всем согласился с автором, приготовился к разговору, желая кое-что уточнить, в чем-то переубедить Солоухина, позвонил ему в больницу, чтобы договориться о встрече, но было уже поздно. Крестьянский аристократ, русский патриот, всемирно известный писатель уже умирал. Но мы успели дать ему обещание, что «Чаша» будет напечатана в журнале. И однако все сомнения, которыми я хотел поделить-

ся с Владимиром Алексеевичем, приходится изложить в этих комментариях к «Чаше».

Владимир Солоухин, которому посчастливилось с середины 60-х годов довольно часто бывать за границей без особенного контроля над ним, был свободен и смел в выборе своих знакомств и, как поэт, страстно и самозабвенно, поэтически-восторженно составил свои впечатления о русских женщинах из известных аристократических фамилий, об артистах, о писателях, малоизвестных в то время в Советской России, о героях Белого сопротивления времен Гражданской войны.

Когда, вселяя тень надежды,
Наперевес неся штыки,
Как бы в сияющих одеждах
Шли Белой гвардии полки...

Стихотворение печаталось в нашем журнале осенью 1989 года. Помню, как я просил Владимира Алексеевича подумать над строчкой «сияющие одежды»: ведь не святыми же они были! Но поэт не хотел становиться историком... Словом, он влюбился в этот призрачный мир с той же пристрастностью и восторгом, с каким воспела Марина Цветаева в книге «Лебединый стан» героев-рыцарей Белой идеи («Молодость. Доблесть. Вандея. Дон»)... Но есть поэзия, и есть история. А для историка, каковым Солоухин никогда и не пытался стать, эмиграция всегда была сложным и противоречивым явлением. Поэт же воспринимал историю в очищенном виде – без интриг, грязи, корысти и неизбежного эгоизма, личного и сословного, присущего всем ее персонажам. Да к тому же и воспоминания людей, с которыми встречался Солоухин, конечно же, были очищены от всякой временной накипи и хранили в себе все самое идеальное, самое возвышенное, самое святое из всего, что было в их памяти. Впрочем, это вполне понятно и естественно. Я тоже не раз встречался с феноменом такого рода.

Но нельзя забывать о том, что даже и в эмигрантской среде бывали трезвые и объективные исключения из мемуа-

ров и исследований такого рода. Жаль только, что мы поздновато – всего лишь несколько лет назад – познакомились с ними. Вспомним о том, как стойко держится миф о благородстве, чистоте, самоотверженности вождей Белого движения – Корнилове, Деникине, Врангеле, Рузском в постсоветской беллетристике, в каких «сияющих одеждах» действуют они в произведениях Рыбаса и Лихоносова, во многих кинофильмах и стихах перестроечной эпохи. Но открываешь книгу эмигранта князя Н. Д. Жевахова, человека, близкого к царскому двору, заместителя обер-прокурора Священного Синода, непримиримого борца с «еврейским большевизмом», и со странным чувством разочарования читаешь:

«Изменники и предатели, генерал-адъютанты Рузский и Корнилов, оба вышедшие из народа, крестьянские дети, взысканные милостями Государя, зазнавшиеся хамы, предавшие своего Царя, погибли позорной смертью. Первый был зарублен шашками в Пятигорске и полуживым зарыт в могилу, предварительно им вырытую; второй был разорван на клочки бомбой... Центральным местом революции был не Распутин, как думали и продолжают думать наивные люди, а преступное революционное прошлое мировой общественности, оторванной от церкви, безверной, невежественной в понимании государственных задач, горделивой в своей самонадеянности» (написано в эмиграции, в 1927 году).

Романтический человек, Владимир Алексеевич Солоухин, продолжая непорочную мифологию Белого движения, пишет:

«С военной точки зрения Белая гвардия была разбита, побеждена, но духовно она победила. И чем больше будет проходить десятилетий, тем очевиднее будет становиться этот факт. Спасти Россию Белой гвардии не удалось, но честь России она спасла».

Но вот свидетельства митрополита Вениамина, члена Поместного собора 1917–1918 годов, главы военного духовенства в Русской армии генерала Врангеля, выдающегося иерарха Русской Православной Церкви, проведшего более четверти века в эмиграции.

В 1994 году вышла его книга «На рубеже двух эпох». Объективный свидетель времени, продолжающий столь драгоценную, очищенную от злобы дня традицию воспоминаний, идеалом которой является пушкинский Пимен-летописец, митрополит Вениамин в этой книге касается самых разных сторон и причин разрастания революции в России. Со спокойной и печальной честностью пишет он и о том, как вырождалась монархическая идея в России в начале века, и его глубокая мысль далеко уходит от честного, но пылкого романтического монархизма неофита Владимира Алексеевича Солоухина, имевшего, кстати, мужество в семидесятые годы в стенах парткома на упрек: «зачем он носит на руке перстень с изображением “николашки”» – с достоинством ответить: «Не николашки, а Их Императорского Величества Николая Александровича!» Так вот, вспоминая о юбилейных торжествах 1913 года в честь трехсотлетия Дома Романовых, митрополит Вениамин пишет:

«Всюду были отданы приказы устраивать торжества. Заготовлены особые романовские кругленькие медали на Георгиевской треугольной ленточке. Но воодушевления у народа не было. А уж про интеллигентный класс и говорить нечего. Церковь тоже лишь официально принимала участие в некоторых торжествах...»

Размышляя со скорбью обо всем, что он видел на этих официальных празднествах, митрополит Вениамин делает вывод, страшный даже для нынешних апологетов монархии: «Промелькнула мысль: идея царя тут мертва... Если бы я был в то время на месте царя, то меня охватил бы страх: это было не торжество, а поминки».

Вспоминая же о Гражданской войне и о поражении Белого движения, беспристрастный свидетель эпохи объясняет это не «красным террором», не мощной организаторской волей Ленина и Троцкого, а в первую очередь тем, что у белых не было в этой войне идеи, которая бы давала силы и цементировала их. «Единая и неделимая?» – спрашивает митрополит Вениамин, – и отвечает: «Ведь и большевики могли

бороться и боролись, и успели за «единую, великую, неделимую страну».

За какой строй, вопрошает он, боролись белые? «Монархия с династией Романовых? И об этом не говорилось, скорее этого опасались». А как иначе могли военные вожди Белого движения – генералы Алексеев, Рузский, Корнилов и другие – относиться к монархической идее? Ведь они же способствовали в феврале 1917 года крушению монархической власти и передаче государственного руля в руки масонско-демократической олигархии, проложив пути, по которым пошли их наследники – генералы Шапошников, Кобец, Грачев, Лебедь в эпоху 1991-го. Более того, генерал Врангель лично запретил главе своего военного духовенства митрополиту Вениамину печатать в газете «Святая Русь» монархические статьи. «Россия – не романовская вотчина» – с этими самоубийственными для Белого дела словами Врангель ушел в эмиграцию.

Что же касается идеологии православия, то генерал Кутепов в присутствии Врангеля рассказывал митрополиту Вениамину:

«Когда был обсужден вопрос о целях войны, дошли до веры. По старому обычаю говорилось: “за веру, царя и отечество”. Хотели включить первую формулу и теперь, но генерал Деникин, как “честный солдат”, запротестовал, заявив, что это было бы ложью, фальшивой пропагандой, на самом деле этого нет в движении».

А если еще вспомнить, как митрополит Вениамин сокрушается, описывая сцены, в которых белые офицеры открыто признаются ему, что они безбожники, и бравируют этим, сцены, в которых он ужасается, что тринадцатичетырнадцатилетние подростки-юнкера в Белой гвардии пересыпают свою речь площадной бранью, поминая и Бога и Божью матерь и всех святых: «Я ушам своим не верил. Добровольцы, белые – и такое богохульство! Боже, неужели прав Рябушинский? “Мы белые большевики, мы погибнем!”»

В конце концов владыка Вениамин честно признается в том, что у белых «почти не было руководящих идей», что

«история народных стомиллионных масс тогда была красная, революционная, а идти против стихии таких колоссальных исторических штормов было бесполезно и гибельно для меньшинства».

Так что, читая мемуары Владимира Алексеевича, придерживающегося иной точки зрения, что большевики победили лишь благодаря жесточайшему террору, еврейской воле в высших эшелонах власти и сверхчеловеческой организованности, читателю, видимо, надо бы в уме держать также мысли, выводы и наблюдения об эпохе ее непосредственного участника митрополита Вениамина.

Неменьшие разночтения между поэзией и историей начинаются тогда, когда Владимир Солоухин восхищается творчеством и судьбами культурной интеллигенции начала двадцатого века, значительная часть которой ушла в эмиграцию, интеллигенции, по его словам, «образованной, талантливой, жертвенной, многосторонне развитой; которая, продолжая традиции XIX века, явила миру чудеса просвещенности, искусства, гуманизма, красоты и духовного богатства». Все это так. Но характеристика Солоухина мне кажется недостаточной. Несколько раз в своей рукописи он возвращается к спискам имен, среди которых Ф. Шаляпин, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Бердяев, П. Струве, М. Цветаева, Н. Рерих, А. Аверченко, Саша Черный, А. Куприн, К. Бальмонт, И. Северянин, С. Булгаков, А. Павлова и многие, многие другие. Иногда к этому перечню он прибавляет имена Н. Клюева, С. Есенина, С. Клычкова, А. Блока и даже Льва Толстого, как бы духовно близкие всем блистательным именам эмиграции.

Однако историку трудно закрыть глаза на то, что многие из этих людей своим талантом, волей, судьбой подтачивали устои столь милой сердцу покойного поэта дореволюционной России. Каждый по-своему. Шаляпин в годы революции 1905 года под бури аплодисментов исполнял «Дубинушку», бывшую чуть ли не гимном прогрессивной части общества. Сергей Клычков вообще сражался на баррикадах против самодержавия. Саша Черный и Александр Аверченко высмеи-

вали все и вся, начиная от династии Романовых до рядового полицейского. Булгаков, Бердяев и Струве разрабатывали марксистскую доктрину. Куприн в своем «Поединке» разлагал армейский менталитет, Клюев проклинал монархию и официальную церковь, Мережковский и Гиппиус варили свой сектантско-сатанинский культурный бульон, в котором барахтались молодые поэты, прозаики, философы той эпохи... И все они, все поголовно, были своеобразными антихристианами: кто атеистом, кто богоборцем, кто идолопоклонником, кто сатанистом, кто в лучшем случае сектантом отнюдь не православного толка, все они боролись с самоотверженным охранительным черносотенством – это было признаком принадлежности к «порядочному обществу», – брезгливо, а то и с ненавистью относились к любой попытке укрепления государственности. Словом, готовили своими руками крушение жизни и свою будущую судьбу в эмиграции и внешней и внутренней. А если уж говорить о Блоке, то как выкинешь из памяти его язвительные характеристики императора-миротворца Александра III, его уничижительные строки об «охранителе» Победоносцеве («Победоносцев над Россией простер совиные крыла»), его жалящие удары по телу «единой и неделимой» («Не так же ли тебя, Варшава, столица гордых поляков, дремать принудила орава военных русских пошляков?»). Какая уж тут «единая неделимая», какой патриотизм, какие «православие, самодержавие, народность», какие «за веру, царя и отечество»... Одна самоубийственная прогрессивная, либерально-ядовитая похлебка, которой объедались до тех пор, пока не наступило возмездие. Кстати, все, что чуть выше цитировалось из Блока, – это именно из поэмы с тем же названием («Возмездие»). Конечно, протестантизм как мировоззрение неизбежен и естественен во все времена в любых обществах и при любых режимах. Он – одно из условий развития личности и движения истории. Но когда права человека (читай, права протестанта) объявляются священными, когда диссидентство объявляет свои интересы высшей ценностью, когда его эгоистическая воля вступает в противо-

речие с законами естественного народного развития, тогда, как правило, общество, зараженное таким недугом, начинает с головокружительной быстротой двигаться к революционным катастрофам, в пламени которых первыми сгорают (или уходят в эмиграцию) идеологи и практики, жаждавшие для себя скорых и кардинальных перемен в жизни страны.

«Императорское правительство честно и благородно, насколько умело и могло, отбивало подкопы и атаки революционеров и стремилось предотвратить гибель России, – пишет в своих воспоминаниях князь И. Д. Жевахов. – Кто же виноват, что глупое общество с писателями во главе не понимало положение вещей и поддерживало не правительство, а революционеров?»

Князь Жевахов иронизирует над Буниным и Шмелевым, изумлявшимися в эмиграции, почему европейское общественное мнение в упор не видит страданий русского народа в первое десятилетие Советской власти: «Бедные писатели! – они не понимают в чем дело. Они забывают, что так называемое общественное мнение создается газетами, что 95% европейских газет принадлежит жидам и что, следовательно, от жидов зависит, пропустить или не пропустить на столбцы газет чей бы то ни было голос». (Жевахов И. Д. Воспоминания. М., 1993. Т. 2. С. 315.)

В связи с размышлениями над книгой Жевахова и над судьбами эмиграции я вспоминаю о том, как несколько лет назад в «Наш современник» зашла супружеская пара. Почтенные, немолодые, образованные люди. Русские эмигранты из Аргентины. Они оставили в редакции редчайший экземпляр издания никому в то время неизвестной книги неизвестного и почти забытого даже в русской эмигрантской среде некоего Бориса Башилова, которая называлась по-научному просто – «История русского масонства». И попросили сделать все возможное, чтобы издать ее.

Мы прочитали, издали, потом допечатали дополнительные тиражи, и постепенно эта книга за последние годы вошла в сознание русской патриотической интеллигенции.

Теперь Башилова в России знают лучше, нежели в колониях русской эмиграции, и на то есть причины. Когда в следующие приезды в Россию наших аргентинских друзей мы стали расспрашивать у них о судьбе автора, они не сразу, осторожно, не торопясь, рассказали нам, что он из «второй волны", что его настоящая фамилия Тамарцев, что сначала в послевоенные годы попав из Европы в Аргентину, писал исторические исследования по русскому XVI – XVIII веку, занимался беллетристикой, много печатался. Но потом стал издавать и популяризировать главный труд своей жизни, смысл которого был в том, что начиная с петровских времен в культурной и правительственной элите России шла непрерывная борьба между западным антирусским масонским началом и национальной волей, что, будучи разгромленными в эпоху Николая I, масонские силы переформировались и стали орденом либерально-демократической интеллигенции – так назвал их Башилов, настоящий глубокий и оригинальный историк. Именно тогда ему был закрыт доступ во все эмигрантские газеты и журналы, и последние годы жизни он, нищенствуя, перебиваясь кое-как книжной торговлей, на последнем дыханье дописывал свой труд, закончил его в нищете и забвенье и умер чуть ли не голодной смертью, выброшенный из среды эмиграции как своеобразный диссидент, инакомыслящий, пошедший поперек всех любимых и непререкаемых мифов об «исторической миссии русской эмиграции».

Мне кажется, что Владимир Солоухин вращался в русских домах Европы и Америки, где не знали (а если и знали, то не любили) Башилова и старались не вспоминать и не рассказывать о нем. И это обстоятельство не могло не сказаться на книге «Чаша».

Когда Владимир Алексеевич с восхищением приводит в «Чаше» список именитых фамилий с надгробий парижского кладбища Сент-Женевьев-де-Буа – Толстых, Сперанских, Муравьевых, Пестелей, Оболенских, Вяземских, Гагариных, Кочубеев и других, то мне опять вспоминается Борис Башилов, аскет и подвижник, с его доказательными и жесткими оцен-

ками дворянских и боярских родословных, из которых выходили и декабристы, и просвещенные масоны, и «агенты влияния», будущие революционеры и нигилисты, убежденные западники, поколениями подтачивавшие государственные и народные основы русской жизни. Как это ни прискорбно, но перечни фамилий на страницах Башилова и Солоухина, историка и поэта, во многом совпадают...

Я вспоминаю свои встречи с людьми первой и второй «волн» эмиграции, их гостеприимство, их русскую душевность, но одновременно и понятную мне нетерпимость в спорах о судьбах России.

Однажды в одном из австралийских университетов, в среде русских преподавателей и студентов я прочитал вслух знаменитое стихотворение Ахматовой «Не с теми я, кто бросил землю на растерзание врагам...», думая, что стихи взволнуют моих слушателей и введут разговор в сложное, многогранное русло. Но вдруг одна из женщин яростно бросила мне в лицо обвинение Анне Ахматовой в том, что она чуть ли не большевичка и прислужница режима, предательница России. Ахматовой, которая писала о своей судьбе: «муж в могиле, сын в тюрьме – помолитесь обо мне». Она осудила Ахматову только потому, что Анна Андреевна в начале двадцатых годов сделала, как русская женщина, свой патриотический выбор:

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как осужденный, как больной,
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

Я изумился и буквально потерял дар речи. Вот она, фанатичная обоюдоострая нетерпимость, ее застарелое эхо! Мы уверены в том, что все, кто эмигрировал, – предатели России. Они – в том, что предатели все, кто остался... Было это уже в 1991 году. Вот какие страсти еще недавно бушевали в эмигрантских русских душах.

А сколько было споров о власовской трагедии и о Власове! Именно эта темная страница истории до сих пор разделяет наше и эмигрантское понимание Великой Отечественной войны.

– Так кто мы, власовцы, – герои или предатели? – вопрошал меня один из власовских ветеранов.

– Да просто пылинки истории, несчастные люди, сбитые с ног ее ураганом, – отвечал я ему.

Не буду много рассуждать на власовскую тему, приведу лишь несколько слов из размышлений узника сталинских концлагерей Ивана Лукьяновича Солоневича, человека, чье легендарное имя дорого и для тех русских из «второй волны» эмиграции, кто ради освобождения России от коммунистов сделал ставку на союз с Гитлером. Солоневич в своей работе «Великая фальшивка февраля», цитируя размышления Петра Струве о постоянных германских планах разрушения России, добавляет от своего имени: «Это было написано за двадцать лет до германо-советской войны, в которой “теоретические проекты разрушения России” (слова П. Струве. – *Ст. К.*) приняли окончательно звериный характер. Но еще и сейчас, и после этой войны, находятся русские и даже “национальные” публицисты, которые проливают слезы по нюрнбергским висельникам... и все еще мечтают то ли о генерале Эйхгорне, то ли о партай геноссе Кохе. Кого Бог захочет погубить – отнимет разум».

Да, в эмиграции существовал целый архипелаг блистательной русской культуры, отчаливший в разные времена от родного материка. Но в то же время эмиграция – всегда дело тяжелое и разрушающее национальную основу человека. Да и душевную тоже. Александр Герцен, проживший в эмиграции полжизни, писал, подводя итоги своего печального опыта: «Все эмиграции, отрезанные от живой среды, к которой принадлежали, закрывают глаза, чтобы не видеть горьких истин, и вживаются больше в фантастический замкнутый круг, состоящий из косных воспоминаний и несбыточных надежд. Если прибавим к этому отчуждение от неэмигрантов, что-то

озлобленное, подозреваемое, исключительно ревнивое, то новый упрямый Израиль будет совершенно понятен»...

Вспоминаю встречи, настороженные взгляды, подозрения. Эмигранты – особенно власовцы – о судьбах своих рассказывали неохотно, о прошлой жизни в России лучше не спрашивать, во всех нас видели кагэбэшников... и это через 30–40 лет после 1945 года. Эмиграция всегда, следуя естественным законам, вырождается, хиреет, теряет в детях и внуках свою русскость, неизбежный акцент приобретают отпрыски самых что ни на есть ее знатных фамилий, вплоть до особ с царской кровью. Но дело не только в этом. В чужом англосаксонском, иудео-протестантском мире русским людям приходилось жить, выходя из родной церкви и родного дома, по законам этого мира, приходилось приспосабливаться к диктату демократических, рыночных, масонских, индивидуалистических ценностей Запада.

– Не пойму, что вам там в России надо, – озадачил меня в одном русском зарубежном доме его хозяин. – Работайте честно и налоги вовремя платите. Вот и вся наука современной жизни!

Я поглядел на него и подумал: «Совсем ты забыл, что такое Россия и что такое натура русского человека». В Америке, во Франции, в Австралии – повсюду, где я бывал в русских домах, – везде видел, что они не менее нас, советских, несвободны в своем общественном поведении, в словах, чувствах, поступках. Не раз разговоры заходили на еврейско-масонские темы. Собеседники осторожно давали понять, что понимают проблему. Они показывали мне масонские клубы на улицах своих городов, знакомили с русскими людьми, которые, чтобы сделать политическую карьеру, в той или иной степени связывались с масонскими кругами или становились масонами. А если потом порывали с ними, то их карьеры вскоре рушились. Но разговоры на эти темы шли лишь в очень узком окружении родных и близких, никогда – на общественных встречах, и часто меня осторожно, но настойчиво предупреждали, чтобы в широкой аудитории я не затрагивал этой темы. Разве что в письмах после августовского переворота 1991 года их

свидетельства стали подробнее и откровенней. Но при этом меня всегда озадачивало одно обстоятельство: удивляясь, как мы жили и как можем жить в «страшном» и «тоталитарном» мире социализма, негодуя и осуждая его, мои собеседники, тем не менее, порой с негодованием отзывались о реальном мире, в котором жили, но даже в мыслях не допускали, что в нем можно хоть что-то изменить.

Из письма русской женщины, подписчицы нашего журнала, живущей во Флориде:

«У нас сильная эпидемия гриппа. Я пока здорова. Сижу дома. Убийства даже на Рождество не прекращаются. Убивают детей, насилуют, убивают на дорогах. Если кто перегонит – убивают. Этому учат ТВ и Голливуд. Израиль продает оружие Китаю для захвата Сибири. Он может все. У него атомное оружие с 60-го года. А Северную Корею шантажируют».

Но то, что можно позволить себе в личном письме, ни в одной американской аудитории никто не позволит себе никогда. Сразу потеряешь или работу, или репутацию.

Еще один отрывок из письма русского человека, живущего в Америке и радостно приветствовавшего падение советской власти:

«Сейчас в США уничтожают христианство. На ТВ рождественские фильмы, которым 50 лет. Сегодня Голливуд их не делает. Президент, его баба и патлатая дочь зажгли елку в Белом доме на первый день Хануки – 9 декабря. 50 процентов населения не умеет читать. Мозги забиты еврейской пропагандой, деньги и секс вместо Бога».

Может быть, что из-за условий такого террора среды русские эмигранты всех возрастов, «волн» и поколений не осмелились сказать ни одного слова (по крайней мере я не слышал), ни коллективного, ни личного, в защиту разрываемой на части Югославии или униженной и растоптанной «мировым сообществом» сербской православной цивилизации. А ведь для многих из них, для их дедов, отцов и матерей Югославия, и особенно ее сербские земли, стала после изгнания из России второй родиной, обогревшей и приютившей беженцев. Про-

молчали. Не осмелились. Поскольку давно уже живут по закону так называемого «цивилизованного мира» и вольно или невольно становятся его естественной и покорной частью.

В Америке давно существует Конгресс русских американцев – почтенное объединение выходцев из России. Когда американский конгресс 6–8 июля 1958 года принял Закон о порабощенных нациях, предусматривавший не только борьбу с коммунизмом, но – главное! – и расчленение России, закон, в котором черным по белому было прописано, что все народы СССР и России – татары, чеченцы, украинцы и даже казаки, независимо от того, в какие века, добровольно или нет они вошли в состав нашей империи, – сегодня они все поддерживаются Америкой в борьбе за независимость, русские американцы оказались в ложном положении. Всех националистов – украинских, белорусских, прибалтийских, северокавказских – десятилетиями лелеяла Америка. Только русским националистам с их мечтами о «великой и неделимой» всегда плевала в душу. Попытался было Конгресс русских американцев робко вякать о том, что Закон о порабощенных нациях несправедлив, что бороться надо с коммунизмом, а не с Россией. Но их быстро поставили на свое место потомки людей, загнавших североиндейские племена в резервации, отрезавших у Мексики Техас и Калифорнию. Эмигрант Александр Зиновьев несколько лет тому назад «открыл Америку», когда сформулировал то, что произошло за годы перестройки: «Метили в коммунизм, а попали в Россию». И все зааплодировали его проницательности, восхитились... А чего восхищаться было? В Законе о порабощенных нациях эта мишень была открыто определена уже сорок лет тому назад. Вот и Чечня уже отваливается по этому плану, а к нам все приезжают потомки Волынских, Щербатовых, Апраксиных, Небольсиных, Романовых. Выступают на телевидении, на соборах, симпозиумах, конференциях, учат нас, как нам жить дальше, наблюдают, как разваливается Россия, и полные впечатлений, возвращаются обратно в свой свободный мир, о котором один из наших русских читателей, живущий за океаном, пишет так:

«На русских каждый день атака в ТВ и прессе. Они – “русская мафия”. Защитить нас некому. Здешние русские организации боятся открыть рот. И таким образом русские имеют репутацию гангстеров-убийц.

К вам полетел Солженицын. Ну и что он может сделать? Он жил здесь и за русских тоже не заступался».

...Но мы в разговоре об эмиграции далеко ушли от солоухинской «Чаши». Не подумали бы только читатели, что я чуть ли не политический противник Солоухина. Мы оба – русские люди, и перед этим обстоятельством меркли все наши частные разногласия. Для меня он всегда был крупным, талантливым, «штучным», как любит говорить композитор Георгий Васильевич Свиридов, человеком, которого я всегда ценил и уважал.

Несмотря на все мои сомнения, дополнения и даже несогласия, высказанные выше, истины ради должен сказать, что в «Чаше» есть многие страницы, новые и неожиданные для поэта и для его читателей. Размышления о деятельности Иосифа Сталина, замечательный рассказ о жизни Александра Вертинского с неизвестными доселе документами, жесткая, ироническая, но справедливая переоценка Солоухиным имен Вознесенского, Евтушенко, Бродского, Ростроповича. Много интересного для себя найдет читатель в солоухинских портретах Ивана Бунина, прозаика Ильи Сургучева, Надежды Плевицкой, певца Николая Гедды. А если дотошные читатели в чем-то будут несогласны с Владимиром Алексеевичем, где-то найдут преувеличения, противоречия, эмоциональные перехлесты в содержимом его «Чаши», то очень прошу не забывать, что Солоухин по природе был не историком, а поэтом. «А у поэтов, – как сказал Есенин, – свой закон».

«ЗА ГОРИЗОНТОМ СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ...»

Его имя, облик, речь, мысли, события, с ним связанные, настолько естественно живут, растворенные, как соль в воде, в

книге моих воспоминаний «Поэзия. Судьба. Россия», что мне в голову не приходило написать особую главу, ему посвященную. Может быть, такое случилось потому, что книга рождалась при его жизни, он читал ее главы, печатавшиеся в журнале, звонил, поздравлял, советовал кое-что уточнить, что-то убрать, а что-то дополнить или доказать более убедительно. Словом, работал над будущей книгой вместе со мной. Но 25 января 2001 года он умер. И после его смерти во мне постепенно разрасталось чувство незавершенности своих воспоминаний, наверное, потому, что образы людей в нашем сознании после разлуки с ними складываются по иным законам, нежели тогда, когда они живут рядом, звонят нам по телефону, говорят о разных житейских пустяках, забавляя или раздражая нас. Анна Ахматова не зря даже писала о том, что «когда человек умирает – изменяются его портреты». Изменяются, конечно, не портреты, а незримый облик, хранимый в душевной памяти.

* * *

Не помню, кто познакомил нас, но было это жарким июньским днем 1960 года. Светловолосый, излучающий молодое дыхание жизни – ему еще не было и тридцати, – Вадим затащил нас с Передреевым в какую-то светелку, которую он снимал в старинном московском особняке на бывшей улице Воровского. Он недавно ушел от своей первой жены и, празднуя холостяцкую свободу, буквально купался в череде мимолетных, но искренних романов, наслаждаясь декламацией стихов, брызгами шампанского, стихией цыганской венгерки, звуки которой так естественно вырывались из полукруглых окон бывшего дворянского гнезда. Цыганскую венгерку, которую я услышал в тот вечер, он разыгрывал самозабвенно, как бы воскрешая быт и нравы молодых московских славянофилов, живших столетием раньше в подобных особняках. Слушая его, я тогда подумал, что он, может быть, неосознанно, но страстно, глядя в потускневшее зеркало истории, ощущает себя этаким молодым Аполлоном Григорьевым, когда с кожиновским обая-

нием, к восторгу нашему, буквально терзая дешевенькую ширпотребовскую гитару, восклицал волшебные заклинания, вот уже полтора века не выходящие из моды:

Басан, басан, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата!

Несколькими годами позже ленинградский поэт Александр Кушнер мрачно отзовется о знаменитой литературной гитаре, под аккомпанемент которой два века длится жизнь русской поэзии:

Еще чего – гитара,
Засученный рукав,
Любезная отрава,
Засунь ее за шкаф.

Пускай на ней играет
Григорьев по ночам,
Как это подобает
Разгульным москвичам.

А мы стиху сухому
Привержены с тобой
И с честью по-другому
Справляемся с бедой.

Дымок от папиросы
Да ветреный канал,
Чтоб злые наши слезы
Никто не увидал.

Стихи написаны в 1968 году и означают не только размежевание питерской и московской литературных школ, не

только традиционную вражду западников и славянофилов. К тому времени в истории определилось нечто большее: противостояние диссидентского и патриотического сознания в русской интеллигенции.

В известном смысле их столкновение в конце 60-х годов XX века продолжило вечную традицию российской истории, впервые замеченную Александром Пушкиным в его размышлениях о «переметчике» Фаддее Булгарине: «В Москве родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные, русские, не выходцы, не переметчики, для коих ubi bene, ibi patria*, для коих все равно: бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить все русское – были бы только сыты».

Я уверен, что стихотворение Кушнера написано о «разгульном москвиче» Вадиме. Кушнер, правда, забыл, что в ленинградской или, если хотите, питерской школе русских поэтов кроме «суховатой», «никотиновой» ноты Кушнера, Сосноры, Бродского, выродившейся в конце концов в сухую диссидентскую злость, жива и московская гитарная стихия от Александра Блока до Глеба Горбовского, – «утреет, с Богом, по домам».

Да что там Кушнер! Нет, пожалуй, ни одного критика или публициста, о ком русские поэты 60–70-х годов написали и кому посвятили столько стихотворений, сколько Вадиму и о Вадиме. Кажется, первым, кто ввел его имя на поэтический Олимп, был Владимир Соколов.

У сигареты сиреневый пепел.
С другом я пил, а как будто и не пил,
Пил я Девятого мая с Вадимом,
Неосторожным и необходимым.

Стихотворение замечательно тем, что при высокой простоте стиля оно почти документально и фотографически изображает быт и нравы нашего литературного содружества тех лет.

* Где хорошо, там родина (*лат.*).

Дима сказал: «Почитай-ка мне стансы,
А я спою золотые романсы,
Ведь отстояли Россию и мы,
Наши заботы и наши умы».

Мы вспоминали черты и детали,
Мы Боратынского долго читали
И поминали почти между строчек
Скромную песенку «Синий платочек».

Стихотворение написано в лучшую пору жизни Соколова, когда он был рядом с нами. До той поры, пока его последняя жена, возжелавшая, чтобы в перестроечное время Володя обрел другой «имидж», не отдалила его от нас. Вот тогда-то он по слабости характера и под давлением ренегатской эпохи постыдно переписал стихотворение, убрав из него имя Вадима, и даже в одной из поэм зло и несправедливо назвал его «игрок на травке дедовских могил».

В те же шестидесятые годы чудный романс написал и посвятил Кожинову Анатолий Передреев, а уж сам Вадим положил его на музыку, как и стихотворение Соколова.

Как эта ночь глуха, куда ни денься,
Как этот город ночью пуст и глух,
Нам остается, друг мой, только песня,
Еще не все потеряно, мой друг.

А дальше следовала строфа со строчкой из Фета, потому что тогда Вадим жил его поэзией и вышибал из нас не «злые слезы», а слезы восторга исполнением двух романсов: «Сияла ночь» и «Только встречу улыбку твою...».

Настрой же струны на своей гитаре,
Настрой же струны на старинный лад,
В котором все в цветенье и разгаре,
Сияла ночь, луной был полон сад.

Помню его рассказ о встрече и разговоре с кумиром тогдашней Москвы Евгением Евтушенко:

– Читаю я ему стихотворение:

Чудная картина,
Как ты мне родна!
Белая равнина,
Полная луна.

Свет небес высоких,
Серебристый снег
И саней далеких
Одинокий бег.

Прочитал и спрашиваю:

– Чьи стихи?

А Евтушенко мне отвечает:

– Не знаю! Да и чего ты в них нашел хорошего? Так, пустячок какой-то... Фет? Ну и что! Каждый средний поэт может такое написать!

Когда Вадиму исполнилось семьдесят, «Наш современник» решил издать номер с поздравлениями юбиляру его друзей.

– А ты что-нибудь напишешь, Юра? – спросил я Кузнецова.

– Да видишь ли, я ко многим его дням рождения сочинял стихи. А кроме стихов у меня ничего не получается. В них вроде бы все сказано, – ответил Юрий Поликарпович.

На повороте долгого пути,
У края пораженья иль победы
Меня еще успели вознести
Орлиные круги твоей беседы.

Вадим Кожинов в стихах Кузнецова возникает как мудрец из стихотворения Пушкина «К вельможе», или как сам Пушкин из воспоминаний Смирновой-Россет, или как один

из участников вечно длящейся «орлиной беседы» двух русских летописцев:

За горизонтом старые друзья
Спились, а новым доверять нельзя.
Твой дом парит в дыму земного шара,
А выше Дионисий и гитара,
И с книжной полки окликает Рим:
– Мементо мори, Кожинов Вадим!

За несколько десятилетий у Юрия Кузнецова сложилась целая книжица стихотворений, не просто посвященных «другу Вадиму», а о явлении русской жизни под названием «Кожинов». Стихи одно серьезней другого, и я думаю, что автор вложил в них немало вдохновения, чтобы изобразить и разгадать тайну этого явления:

Смерть, как жена, к другому не уйдет,
Но смерти нет, а водка не берет.
Душа верна неведомым пределам,
В кольце врагов займемся русским делом.

А русское дело к тому времени все глубже и глубже втягивалось в борьбу, и герой стихотворений Юрия Кузнецова был в ее эпицентре, одновременно как бы успевая глядеть на нее с далеких исторических окраин прошлого и рубежей будущего России. Но передовая этой борьбы проходила буквально сквозь него.

Сей день высок по духу и печали.
Меж тем как мы сидим накоротке,
Хазары рубят дверь твою мечами
Так, что гремит стакан в моей руке.

Видать, копнул ты глубоко, историк,
Что вызвал на себя весь каганат.

Ты отвечаешь: этот шум не стоит
Внимания. Враги всегда шумят.

Стихи написаны 4 июля 1987 года. На следующий день Кожинову исполнилось пятьдесят семь лет...

Всех стихов о Кожинове не упомнить. Их писали Борис Сиротин и Виктор Лапшин, Эдуард Балашов и Эрнст Портнягин. А в литературном объединении «Красная Пресня» на Трехгорке, которое почти четверть века взращивал один из выдающихся умов России, чуть ли не у каждого поэта есть стихи о нем.

И дело было не в том, что он всех, кого любил, опекал, многим помогал напечататься, благословлял своим словом начинающих и неизвестных, а нам, старым друзьям, посвящал целые главы, статьи и предисловия. Мало ли во все времена было критиков, писавших о поэзии, – Е. Сидоров, Лесневский, Рассадин, Чупринин, Сарнов, Турков, Аннинский, – но ни одному поэту в голову не пришла мысль вывести образ Чупринина или Рассадина в стихотворении. Это выглядело бы не то чтобы неприлично, но скорее смешно. Настолько не могли они быть объектами вдохновения. А Кожинов им был.

Впрочем, его любовь к поэтам была весьма ревнива и разборчива. Любил избранных. Многих не любил. Но нелюбовь его выражалась не в осуждении и хуле, а в невнимании или даже равнодушии. Он как бы проходил мимо тех, кем не дорожил, хотя многие из них просто жаждали его признания. Но ничто в мире не могло заставить его поддержать проницательной похвалой какого-нибудь даже талантливого, но не задевшего его сердце литератора. Начинающий он или известный и влиятельный – для Вадима не имело значения. Он был свободен и страстен в своем выборе. Слукавить, сказать полуправду, подладиться под обстоятельства ради корысти или дружбы он просто не умел, потому что никогда не писал без вдохновения.

Для него не существовало правила, по которому жили литературные лагери тех лет: если этот человек по убежде-

ниям «наш», то на него надо работать, его имя надо «раскручивать» и утверждать. Что, кстати, делали многие способные люди – Олег Михайлов, Игорь Золотусский, Виктор Чалмаев. Порой такого рода «щепетильность» Вадима доходила до смешного. Володя Фирсов – благополучный, успешно издававшийся в те времена поэт, поддерживаемый комсомольской верхушкой, искавшей все время альтернативу Е. Евтушенко, избалованный вниманием многих критиков, всегда входивший в обойму «упоминаемых поэтов», тем не менее мечтал о кожиновском признании, посылал ему сборники своих стихотворений, говорил комплименты, однако, к его огорчению, Вадим всегда внимательно слушал соискателя, но избегал прямых оценок: не ругал, но и не восхищался. Однажды они встретились где-то на юге – в Краснодаре или в Ростове – на каком-то писательском сборище. Кожинов так загулял, что быстро промотал командировочные деньги; в одно прекрасное утро вышел из номера, страдая от похмелья, и увидел Фирсова.

– Володя! – жалобно попросил он поэта, – похмели!

Счастливый оттого, что Кожинов его о чем-то просит, Фирсов потащил Вадима в ресторан, заказал роскошный стол и два часа подряд, пока Вадим лечил свою голову и душу, читал ему стихи, веря, что наконец-то достучится до кожиновского сердца. Наизусть. Память у Фирсова была прекрасная. Когда он закончил, то посмотрел в просветленные, трезвые глаза Кожинова и решительно спросил:

– Ну как, Дима? Скажи, что я настоящий поэт!

Вадим покачал головой и печально произнес:

– Плохо, Володя, очень плохо!

И Фирсов заплакал.

Да что говорить, если человек с мировой славой, внешне не зависимый ни от кого, с высочайшими связями во все эпохи – да и талантливый по-настоящему! – Илья Глазунов всегда чувствовал, что для полного счастья ему не хватает признания Вадима Кожинова. Хотя Кожинов о русской живописи почти и не писал никогда (разве что о Корине), Глазунов, тем не менее,

приглашал его на свои выставки, не раз звонил и предлагал поглядеть мастерскую, поговорить. Видимо, для того чтобы услышать от Вадима одобрительные слова о великом русском художнике и вожде русского патриотического движения... Кожинову не нравилась настойчивость Глазунова, и он не раз говорил мне об этом, хотя ценил его работы молодых лет.

Позднейший же, «коммерческий период» заказных портретов мастера, как и многофигурная эпохальная «Мистерия XX века», был Вадиму не по душе. Он не упрекал Глазунова за «шоу-бизнес», но своим молчанием и нежеланием сближаться как бы и не поощрял его. Лишь однажды, будучи в Польше и отвечая на вопрос корреспондента какой-то газеты о Глазунове, он сказал, что «работы художника последних лет – это китч...» До всеведущего и ревнивого Глазунова неисповедимыми путями газета дошла, и когда мы готовили с Геннадием Гусевым к печати для журнала главы из глазуновской книги, сиживали часами в его особняках и апартаментах, спорили о рукописи, до полуночи внимали его чтению вслух, правя и сокращая, несмотря на театральные возмущения автора, целые страницы, то кульминация посиделок наступала за полночь, когда после второй или третьей пачки «Мальборо» Илья Сергеевич обретал второе дыхание и, желая уязвить или поставить на место своих редакторов, как правило, вещал:

– Что там ваш идеолог, философ или, как его, историк? Ну, тот самый, который о картинах Глазунова сказал, что это китч! – Илья вскидывал породистый подбородок, затягивался очередной сигаретой, его глаза торжествующе сверкали, он поводил по сторонам своим арийским профилем с седым пробором густых волос и торжествовал, взяв заочный реванш у человека, не оценившего величие не кого-нибудь, а самого Глазунова.

...Но что это я все о других вспоминаю, а о себе молчу? Я ведь такой же, как все, и разве я не ждал каждый раз после того, как дарил ему свою очередную книжку, телефонного звонка, похвалы, нелицеприятного, а порой и горького слова?

А какой гордостью переполнилась моя душа, когда я отдал ему на чтение, перед тем как отнести в издательство, рукопись нашей с сыном книги о Сергее Есенине! Около тысячи машинописных страниц – с ума сойти! И вдруг через три-четыре дня Вадим возвращает мне ее со словами:

– Стасик, я прочитал и ничем вам с Сергеем помочь не могу. Никаким дельным советом – вы знаете материал лучше меня.

Знать что-то лучше его – о, это признание дорогого стоило...

* * *

Воспоминания – это как нерезкая фотография с плывущими очертаниями лиц, фигур, событий или, может быть, как два снимка одной и той же жизни на одном кадре. Один из снимков – подлинный исторический отпечаток происшедшего, другой – наше, может быть, неточное, но близкое и дорогое изображение, греющее нам душу до конца жизни. В моих воспоминаниях есть, конечно, и то и другое. Так что не ловите меня на противоречиях или домыслах, они неизбежны.

...А может быть, я встретился с ним впервые на квартире в Лаврушинском, где он обосновался у своей второй жены – Лены и у тестя, известного идеологического критика и крупного литературного чиновника сталинской эпохи Владимира Владимировича Ермилова.

Очутившись в громадной по тем временам многокомнатной квартире, куда нас пригласил Вадим, чтобы немножко выпить и познакомить со своим именитым тестем, я вышел в коридор покурить, да заблудился и попал на кухню, где гремела кастрюлями и тарелками домработница Ермиловых, бывшая тверская крестьянка Нюра. Она поглядела на меня неодобрительно и забормотала почти что в рифму:

– Подлый Гачев жил у нас на даче, ел, пил, жену соблазнил...

Потом мы со смехом выяснили, что Ермилов после смерти жены привел в дом свою аспирантку Ларису – рыжеволосую пышнотелую женщину. А Вадим Кожинов, ухаживая за дочкой Ермилова, приезжал к ним на дачу в Переделкино не

один, но с компанией своих друзей – Палиевским, Гачевым, Сергеем Бочаровым. Тут-то Георгий Гачев и закрутил роман с рыжей Ларисой. Нюре все это было не по душе, и каждого нового молодого человека, появлявшегося в доме, она встречала как заговорщика, покушающегося на честь новой хозяйки, и словно крестным знамением отгоняла его зловещим заклинанием: «Подлый Гачев жил у нас на даче...»

Нюра была из того «института» домашних работниц, которые вербовались в среде бывших крестьянок, хлынувших в города во время коллективизации, раскулачивания, голода двадцатых-тридцатых годов. Они, эти домработницы, попадали, как правило, в нэпмановские семьи (20-е годы), чуть позже – в квартиры обеспеченных советских чиновников, в еврейскую среду – медицинскую, научную, партийную, литературную, о чем вспоминают Межиров, Самойлов, Раиса Копелева-Орлова. Иметь домработницу было хорошим тоном. Да что далеко ходить! Мою мать, пятнадцатилетнюю крестьянскую девушку, в начале нэпа бабка, спасаясь от нищеты и жизни впроголодь, была вынуждена отдать в няньки к ювелиру-еврею, сначала жившему в Калуге, а потом переехавшему в Мытищи.

Передреев, обладавший особым свойством угадывать сущность явлений, недаром в 60-е годы написал стихотворение о Нюре, пришедшей, подобно межировской Евдокии и моей матери, «из голодающей деревни» – в богатую столичную полуеврейскую семью:

Румянцем юности горя,
Недолго место ты искала
И домработницею стала,
Прислугой, проще говоря.

В одной семье литературной
Домашним занялась трудом
И вместо Нюрки стала Нюрой,
Оставшись прежней в остальном.
….....

Ты для семьи чужой старалась,
Вжилась в нее, сроднилась с ней,
Но всею сущностью осталась
В деревне брошенной своей.

Сам Ермилов в эпоху «оттепели» был оттеснен от руководства литературной жизнью как ортодокс, унижен и вычеркнут хрущевским идеологическим истеблишментом как посредственный литературовед. Словом, пребывал в опале. Злые литературные языки долгое время уже после смерти Ермилова иронизировали над Кожиновым, изображая Вадима всего лишь зятем влиятельного человека. Но это все чушь. Кожинов на дух не выносил литературные и политические взгляды Ермилова, жестоко спорил с ним и к концу жизни последнего в какой-то степени обратил его в «свою» веру. Да и сам Ермилов был человеком незаурядным... Он приветливо встречал молодых поэтов у себя дома, щедро угощал и рассказывал много такого об эпохе, что, к сожалению, не осталось ни в рукописях, ни в людской памяти. Одна из таких историй запомнилась мне. Ее рассказал Ермилову писатель В. М. Кожевников...

«Наши войска в конце 1944 года вошли в Прибалтику и освободили где-то в Латвии концлагерь, заполненный местными евреями. Два раввина пришли к генералу – командиру дивизии, освободившей гетто, и потребовали, чтобы им дали транспорт, продовольствие, охрану и отправили в уже освобожденную Румынию, дабы оттуда на кораблях евреи смогли уплыть из проклятой Европы на родину предков, в землю обетованную. Генерал изумился: как?! Идут бои, немцы еще сильны, у армии неотложная задача развить наступление и ворваться в Пруссию, а тут... Генерал задохнулся от негодования, но раввины были непреклонны: “Евреи не хотят оставаться в Советском Союзе, они хотят в Палестину!” Тогда генерал пригласил к себе на помощь знаменитых военных корреспондентов, которые в эти дни шли с его армией на Запад – И. Эренбурга и В. Кожевникова. Эренбург, говоривший

на идиш, вступил с раввинами в яростный спор, но те были непреклонны: “В Палестину!” Спор то разгорался, то затихал, потом начинался снова, и в конце концов Эренбург приказал раввинам выйти, о чем-то пошептался один на один с генералом, после чего генерал позвал офицера-особиста и трех солдат. Через минуту они вышли из штаба, отвели раввинов в липовый парк и расстреляли. Больше никто не приходил к генералу из гетто с просьбой об отправке в землю обетованную, и дивизия ушла на запад».

Я не раз просил Вадима обнародовать в каком-нибудь сочинении рассказ Ермилова, он обещал, но так и не собрался исполнить обещанное.

* * *

Когда Вадим составлял «Антологию современной поэзии» (она вышла в самом начале 80-х годов и сразу стала событием для читателей, своеобразным эталоном отбора имен и стихотворений), то я из разных соображений просил его и даже настаивал, чтобы он включил в антологию стихи Игоря Шкляревского, Татьяны Глушковой и Валентина Сорокина. Я сам отобрал по десять-пятнадцать стихотворений у каждого и принес Вадиму. Он прочитал и без колебаний ответил мне:

– Стасик, не обижайся, я придаю слишком большое значение этой книге. Я хочу освободить сознание читателя от ложных кумиров. Стихи же твоего друга Шкляревского при всей внешней броскости инфантильны, а Сорокин – импровизирует, торопится, неряшлив в словах и мыслях, Глушкова – послушная ученица Ахматовой...

Многие из тех, кто жаждал его внимания и не дождался, отплатили ему несправедливыми поношениями – одни при жизни, другие после смерти. Сам Вадим, по-моему, ни разу в жизни не пошевелил пальцем, чтобы ответить своим хулителям, и лишь однажды, когда поэт Лев Котюков в статье «Демоны и бесы Николая Рубцова» с глумливой интонацией написал, что Кожинов высокомерно относился к Рубцову и

«не открывал его как поэта» и что в квартире Кожинова ему «дальше прихожей» хода не было, Вадим как-то робко и даже растерянно попросил меня:

– Стасик! Ну ты же знаешь, как я относился к Рубцову. Ответь клеветнику. Мне неудобно. Он прежде мне частенько стихи приносил, выпрашивал моего одобрения. А они мне не нравились. Но что делать!

Вскоре состоялся вечер памяти Николая Рубцова, на котором мы выступали вместе со Львом Котюковым. И мне пришлось в переполненном зале сказать ему прямо в лицо, что негоже и стыдно сочинять и публиковать такую неправду. Позже я напомнил Котюкову, как Кожинов на самом деле относился к Николаю Рубцову, но об этом случае, свидетелем которого я был, с абсолютной точностью рассказал сам Вадим:

«В самом конце 1964 года Николай Рубцов приехал в Москву хлопотать о восстановлении его в Литературном институте (15 января 1965 года он был восстановлен, но, увы, только на заочном отделении). Однако все эти неурядицы были чем-то не таким уж существенным, – они походили на то, что произошло у нас со встречей Нового, 1965 года.

Было решено встречать этот год в доме моих родителей, где Николай Рубцов еще не бывал. Случилось так, что я запоздал, и Николай явился раньше меня. Был он одет, как бы это сказать, по-дорожному, что ли, и на моего отца, который встречал гостей, произвел очень неблагоприятное впечатление.

Мы с Передреевым приехали около двенадцати и застали Николая на улице у подъезда. Меня страшно возмутило нарушение обычая, который я считаю священным: к новогоднему столу приглашается любой нежданно появившийся гость. Я вбежал в квартиру, чтобы поздравить с Новым годом мать, и вернулся на улицу.

Что было делать? У нас имелись с собой вино и какая-то снедь; но все же встреча Нового года на улице представлялась крайне неуютной. Оставалось минут десять до полуночи. Широкая Новослободская улица была совсем пуста – ни людей, ни машин.

И вдруг мы увидели одинокую машину, идущую в сторону Савеловского вокзала, за которым не так уж далеко находится общежитие Литературного института. Мы бросились наперерез ей. Полный непобедимого молодого обаяния, Анатолий Передреев сумел уговорить водителя, и тот на предельной скорости домчал нас до "общаги". Мы сели за стол в момент, когда радио уже включило Красную площадь. Почти не помню подробностей этой новогодней ночи – разве только всегда восторженную улыбку замечательного абхазского поэта Мушни Ласуриа, улыбку, с которой он угощал нас знаменитой мамалыгой. Но эта ночь была – тут память нисколько мне не изменяет – одной из самых радостных новогодних ночей для всех нас. Нами владело ощущение неизбежного нашего торжества, преодолевающего самые неблагоприятные и горестные обстоятельства. Под утро мы с Анатолием Передреевым даже спустились к общежитскому автомату и позвонили моему отцу, чтобы как-то "отомстить" ему этим нашим торжеством. У него уже было совсем иное настроение, он извинялся, упрашивал, чтобы все мы немедленно приехали к нему, и т.д.

– Ты даже представить себе не можешь, кого ты не пустил на свой порог, – отвечал я. – Все равно что Есенина не пустил...

И это тогда, 1 января 1965 года, уже было полной правдой».

Осенью 2001 года «Литературная Россия» опубликовала воспоминания В. Сахарова о Юрии Селезневе. В них есть соображения о том, почему якобы В. Сахаров и Юрий Селезнев не смогли стать настоящими друзьями:

«...За спиной Селезнева стоял могущественный и непростой покровитель – Вадим Валерианович Кожинов, человек хитрый, скрытный и недоброжелательный, чья чрезвычайно смелая и подчеркнуто шумная, но неизменно безнаказанная деятельность по руководству "правым" славянофильским лагерем и журналом "Наш современник" и тогда вызывала у меня весьма интересные соображения и сопоставления, что сразу

было замечено и обошлось мне дорого: я был изгнан из “Нашего современника” и других “славянофильских” изданий».

Вот еще один пример того, куда заводит зависть. Я прекрасно помню, что, когда В. Сахаров начинал печататься, Вадим проявлял к нему некоторый интерес. Но со временем выяснилось, что Сахаров – человек вроде бы из патриотов, но пишет скучновато, мыслит неталантливо – и Кожинов, естественно, охладел к нему. Из «Нашего современника» Сахарова никто не изгонял, принес он к нам в 90-е годы одну-две статьи, но были они академически тусклыми, и мы их отклонили. Вот и все. Я сказал об этом Вадиму как члену редколлегии, помня, что когда-то он все-таки опекал Сахарова, но Вадим даже не захотел поглядеть забракованные труды и еще раз сказал о заурядности всего, что выходит из-под пера почтенного ученого. О себе В. Сахаров пишет так: «Я все же чистый критик, несмотря на докторскую степень и академические звания».

Напомню, что Вадим Кожинов до конца жизни оставался всего-навсего кандидатом филологических наук. Вот где собака зарыта. Задним числом самолюбивая посредственность намекает на некую провокаторскую загадку Вадима («смелую и подчеркнуто шумную, но неизменно безнаказанную деятельность»). А как бы ты хотел, чтобы его наказывали? Изгнали из Института мировой литературы? Да ни один директор не согласился бы уволить яркого и талантливого сотрудника. Негласно запретить публиковать его работы? Это было в восьмидесятых годах после нескольких рискованных статей Вадима в «Нашем современнике». Кожинова невозможно было никак отлучить от литературы, потому что он, в сущности, всю жизнь вел себя как вольный художник, не боялся никаких запретов и взысканий.

Не надо обладать семью пядями во лбу, чтобы понять: говоря о «безнаказанности», Сахаров намекает на якобы тайные связи Кожинова с Лубянкой. Но Вадим никогда не скрывал и многим друзьям при мне рассказывал, что в 60– 70-е годы его раза два приглашали на Лубянку для разговора. А в

1983 году, когда генсеком стал Андропов и Вадим заинтересовался его национальностью, пришлось ему побывать на ковре у самого Ф. Бобкова. Я-то полагаю, что ребята из этого ведомства, видимо, понимали его влияние на общественную жизнь и надеялись хотя и осторожно, но все-таки управлять им. Он каждый раз отвечал, что ценит усилия Комитета по охране государства, но сам, как русский патриот и государственник, всегда будет выбирать свой личный путь в борьбе за русские таланты и историческую истину. Вежливо отказывался от сотрудничества, получал пропуск, прощался и с облегчением выходил на просторную Лубянскую площадь. Так что не надо бы Сахарову со злорадством намекать на то, что он уже тогда понял тайную суть кожиновского влияния, что якобы «сразу было замечено и обошлось мне дорого: я был изгнан...». Боже мой, какое болезненное самомнение! Да кому в те времена было нужно замечать и разгадывать «проницательные открытия» какого-то второстепенного сотрудника ИМЛИ, да еще изгонять его из всех «славянофильских»изданий», как фигуру крупную и опасную!

«...За спиной Селезнева стоял могущественный и непростой покровитель...», «хитрый, скрытный, недоброжелательный...» – и возникает образ этакого надсмотрщика, идеологического диктатора, «ловца душ человеческих». Не дай Бог, кто поверит такому портрету Кожинова, нарисованному рукой завистливого клеветника. Но Селезнев здесь ему не союзник, потому что молодой, еще никому неизвестный в Москве краснодарский литератор, мечтая о том, чтобы «Вадим Валерианович» стал его наставником и другом в московской жизни, писал ему из Краснодара такие письма:

«... Наше знакомство было настолько кратковременным, что я не имею права надеяться на то, что Вы примете участие в моей судьбе... И если я пишу Вам все это, так только по той причине, что поверил в Вас как в единственную возможность для себя работать по-настоящему с настоящим ученым. Что Вы – тот единственный человек, который мне нужен... К несчастью (я это прекрасно понимаю), Вы не можете быть убеждены

в том, что я – один из тех, кто нужен Вам... Если же Вы снова великодушно скажете “да”, клянусь, я сделаю все, чтобы Вы никогда не пожалели об этом. Я заранее согласен на все Ваши условия и требования» (конец 1970 года).

И отрывок из другого письма того же времени:

«...Вы себе представить не можете, как дороги мне были Ваши слова в письме, как благотворно они подействовали на меня...»

Поистине в наше корыстное время едва ли можно встретить такое трепетное и благоговейное отношение ученика к учителю. Судьба через десять лет как бы наградила Вадима бескорыстным и восторженным учеником за то, что он сам когда-то был таким же по отношению к Бахтину... Закон сохранения любви и добра в мире, видимо, так же непреложен, как и закон сохранения энергии и материи.

Я не знал и не знаю до сих пор в литературной среде человека более открытого, бесхитростного, прямодушного и доброжелательного, нежели Кожинов. Он был натурой легковоспламеняющейся, страстной к любой искорке чужого таланта. И гораздо чаще он переоценивал людей, нежели недооценивал их. В начале восьмидесятых годов он однажды позвонил мне и полчаса расхваливал повесть молодого ленинградца Николая Коняева «Гавдарея». Потом заставил меня прочитать ее, пытался несколько раз пристроить в какой-нибудь журнал – не получалось: повесть изображала столь суровую и трудную жизнь русской провинции, что это пугало редакторов. И лишь через пять-шесть лет, когда я возглавил «Наш современник», Вадим сразу же вытащил из груды чужих рукописей, вечно хранящихся в его кабинете, несчастную «Гавдарею», и мы напечатали ее. С этого началась настоящая литературная судьба Николая Михайловича Коняева, только что издавшего книгу о своем полном тезке Рубцове в серии «Жизнь замечательных людей», как бы продолжив дело Кожинова, бывшего автором первой книги о поэте. А в какой поистине юношеский восторг пришел Вадим, когда прочитал опыты Дмитрия Галковского.

– Стасик! Ты только подумай, – кричал он мне посреди ночи в телефонную трубку, – я уже решил, что русская мысль, русская философия иссякла, захирела и вдруг – Галковский!

Он сразу же приволок в журнал тексты Галковского, тщательно отобранные им самим, со своим же предисловием, потом привел самого автора и уговорил меня взять его на работу. Правда, Галковский проработал недолго, но сочинил по просьбе Кожинова целый многостраничный обзор-размышление о сильных и слабых сторонах журнала «Наш современник».

Вот в чем был секрет могущества Кожинова, а не в каких-то якобы тайных связях с сильными мира сего.

Бывало, что Вадим и разочаровывался в своих избранниках и учениках, но ведь для этого сначала надо было очароваться! А делать это он умел как никто другой.

Ну кто до него знал, что уже немолодой человек Николай Тюрин замечательно исполняет под гитару русские романсы и народные песни? Вадим узнал, вывел его на телевидение, прославил на страницах популярнейшего тогда журнала «Огонек», устроил Тюрину несколько концертов в залах Москвы и провинции, и тот, хоть на склоне лет, но получил известность и зажил более-менее по-человечески. А Вадим, увлекшись им и его друзьями-гитаристами, написал, в конечном счете, замечательное исследование о великих русских гитаристах двух столетий.

Для меня и для многих моих друзей первое знакомство с княжной русской народной песни Татьяной Петровой состоялось благодаря Кожинову. Он уговорил нашего друга, покойного ныне Вячеслава Шугаева, у которого была своя программа на телевидении, посвятить ей целую передачу, сам сидел рядом, размышляя о русском голосе, русском репертуаре и всей русской стати ныне знаменитой певицы.

Сейчас мало кто помнит, что несколько стихотворений Рубцова в свое время весьма удачно положил на музыку непрофессиональный композитор, никому неизвестный майор милиции Александр Лобзов. Вадим сделал все, чтобы его имя стало известно всем почитателям поэта.

Да, он умел создавать репутации, но безо всякой личной корыстной или мелко-прагматической цели. Просто из любви к истине и искусству. И рука в этих делах у него, слава Богу, была легкая. И на подъем во все свои годы он был легок, и все, что знал сам, он как бы считал своим естественным долгом передать любому человеку, который в ту минуту был рядом.

Никогда не забуду забавную сцену. Вадим частенько на правах старшего упрекал нас в ребячестве, но сам иногда с удовольствием впадал в него. Однажды по просьбе Георгия Васильевича Свиридова я привез к нему на дачу Кожинова, они сразу же разговорились, как будто были давно знакомы. Сидели рядом друг с другом, как два античных мудреца-стоика – особенно Свиридов – серебряноголовый, с римским профилем. Свиридов расспрашивал Кожинова о поэтах, Вадим увлеченно читал композитору стихи Юрия Кузнецова, Алексея Прасолова, Анатолия Передреева, а потом вдруг решил спеть несколько песен на слова Рубцова и Тряпкина. Я обомлел от такой дерзости – без гитары, без аккомпанемента! Ну не будешь же предлагать великому Свиридову сесть за рояль! Но тому очень понравилось простодушное предложение Вадима, он тоже развеселился, как ребенок, слушая кожиновское исполнение, а я смотрел на них и вспоминал «Моцарта и Сальери» Пушкина, сцену, когда уличный музыкант исполняет Моцарту его собственную мелодию и тот радушно смеется. Правда, третьим при этом был я, как бы играющий роль Сальери, но ведь при этой сцене безмолвным соглядатаем был и сам Пушкин...

* * *

Осенью 1960 (или 1961?) года мы с Передреевым провожали его в Саранск к Михаилу Бахтину, о котором услышали от него впервые. Да что мы! Ровесники Бахтина, московские интеллектуалы и знаменитые писатели – Эренбург, Федин, Леонов, Шкловский, Пинский, Эльсберг и прочие ровесники века напрочь к тому времени забыли и вычеркнули из своей памя-

ти это имя. Вадим же сделал невозможное: приехал в глухую Мордовию вместе с Гачевым и Сергеем Бочаровым и открыл для России, казалось бы, утраченное навсегда (с 1929 года Бахтин жил в ссылках и забвении) имя великого русского человека. Впрочем, предоставлю слово самому Вадиму Валериановичу из его скупых воспоминаний о Бахтине:

«Не скрою, что нынешний всемирный триумф Бахтина вызывает у меня особенное личное удовлетворение. Сорок лет назад, в конце 1950-х годов, я изучил книгу Бахтина о Достоевском, вышедшую в свет в 1929 году (уже после ареста ее автора).

Книга произвела на меня громадное, ни с чем не сравнимое впечатление, и я стал разыскивать ее исчезнувшего за тридцать лет до того творца... Узнав наконец, что он "никому не известный" преподаватель Саранского (Мордовского) пединститута, я написал ему (в ноябре 1960) от имени нескольких своих коллег, но, конечно, прежде всего от самого себя, и, в частности, сказал о его, бахтинском, поколении: "мы ясно сознаем, какое поистине всемирное культурное значение имеет научная мысль этого поколения..."»

С этого письма началось воскрешение Бахтина в русской истории, а одновременно – и окончательное становление Кожинова как мыслителя, историка, философа и даже как православного человека:

«...Помню, как еще в 60-х годах в Саранске он в течение нескольких часов, затянувшихся далеко за полночь, говорил мне о Боге и Мироздании, говорил так, что я ушел в гостиницу в буквальном смысле слова потрясенный и не мог уснуть до утра, пребывая в никогда не испытанном духовном состоянии, похожем на то, описание которого я впоследствии нашел в сочинении Нила Сорского...»

Вадим вспомнил о Ниле Сорском неслучайно, потому что через несколько лет после встречи с Бахтиным он путешествовал по северным районам Вологодской области и узнал, что неподалеку от Ферапонтова монастыря находится другой великий монастырь, превращенный в больницу для душевно не

излечимых людей, – пустынь Нила Сорского (1433–1508). Он загорелся мыслью попасть туда, пришел к секретарю местного райкома партии и попросил, чтобы ему дали машину и краеведа для поездки в лесную глушь.

Секретарь удивился: зачем москвичу, известному литератору, интересоваться каким-то давным-давно забытым Нилом Сорским, но Вадим нашелся:

– Представьте себе, – сказал он секретарю райкома, – что Нил Сорский для своего времени был великим идеологом, считайте, по нынешним меркам, – членом Политбюро, кем-то вроде Суслова той эпохи!

Ошеломленный такой постановкой вопроса, секретарь тут же распорядился выполнить его просьбу.

...Вернувшись из Саранска, Кожинов поставил целью издание трудов Бахтина. Первой было решено издать книгу о Рабле. Я помню это издание, толстый том в желтом переплете, которой не без усилия, а иногда и с интересом я прочитал под прямым давлением Вадима. А начал он с того, что составил текст письма о необходимости издания книги, собрал подписи тогдашнего председателя Союза писателей К. Федина, академика В. В. Виноградова, переводчика Рабле Н. М. Любимова и 23 июня 1962 года опубликовал его в «Литературной газете». Однако один из руководителей издательства «Художественная литература» воспротивился изданию «Рабле», и тогда Вадим, как он пишет сам: «2 августа 1963 года я в очередной раз прорвался к труднодоступному Федину, и в довольно курьезных обстоятельствах он подписал приготовленное мною весьма резкое письмо к директору издательства».

Надо заметить, что к этому времени Бахтин еще жил в Саранске и еще не был реабилитирован. Но тут же возникли очередные сложности, связанные с самим автором. Книгу о Рабле «...Бахтин никак не хотел отдавать в издательство, уверяя, что она еще требует доработки, и автору этих строк пришлось вырвать рукопись из его рук (вырвать в прямом смысле слова, буквально – что может засвидетельствовать присутствовавший при этой странноватой сцене литературовед Д. М. Урнов),

ибо из-за задержки она могла “выпасть” из издательского плана и ее выход в свет был бы надолго отсрочен...».

Ко всему этому можно добавить, что весной 1962 года Кожинов опубликовал две статьи о творчестве М. М. Бахтина, а первый том новой Литературной энциклопедии (тираж 100 тысяч) вышел со справкой о жизни и творчестве ученого, составленной Вадимом. После этого в Саранск началось настоящее паломничество молодых философов, литературоведов, культурологов... Связь времен, прерванная на тридцать лет, наладилась, и саранский затворник был счастлив.

Кроме разговоров о Божественном Промысле в земных судьбах, о православии Михаил Бахтин, с первой встречи поверивший в своего молодого друга, сделал мужественную попытку образовать его в роковом вопросе мировой истории.

Во время первого свидания с Бахтиным, когда Вадим полюбопытствовал, кого из русских мыслителей надо прочитать в первую очередь, мудрый старик не раздумывая сказал ему: Розанова. А через год, снова возвратившись из Саранска, Кожинов восторженно рассказал нам, что когда он спросил Бахтина – а как же понимать антисемитизм Розанова? – то Михаил Михайлович ответил: «Пусть вас это не смущает, все крупнейшие русские писатели – Пушкин, Гоголь, Достоевский, Чехов – были, каждый по-своему, близки Василию Васильевичу во взглядах на еврейский вопрос».

В конце жизни Кожинов, вспоминая эти разговоры, откровенно писал: «Без всякого преувеличения скажу, что тогда, в 1962 году, Михаил Михайлович был единственным в мире человеком, который мог убедить меня изменить давно внедрившееся в мое сознание представление об этом предмете...»

Я хорошо понимаю эти слова Кожинова, потому что он много раз повторял в наших разговорах, что начиная с юности и до тридцати лет он жил и вращался в такой среде, которая внушала ему убеждение, что настоящими интеллигентами в России могут быть только евреи.

Бушин не раз в своей лживой работе «Прозревший и упертый» вспоминал о Кожинове – о его якобы «двойной бух-

галтерии» в национальном вопросе, о том, что его другом будто бы был «Мэтлок, посол США у нас», с глумливой иронией именовал его «наш патриот», а дойдя до Бахтина, обнаружил свое полное невежество, заявив: «Кожинов впал в лютое диссидентство после бесед с Бахтиным».

Бывая у Бахтина, который к тому времени поселился на первом этаже писательского кооперативного дома, в подъезде, где жил и я, Вадим иногда после свиданий со стариком заглядывал ко мне, пересказывал, о чем шел у них разговор, а однажды рассказал анекдот 20-х годов, который только что услышал от Бахтина:

– Проходил в Москве съезд Коминтерна, и на него прибыли представители многих коммунистических партий со всех концов света: китайцы, индусы, бразильцы, арабы, только вот от зулусской партии никто не приехал. А знаете почему? Да потому что ни один еврей не решился намазать лицо сажей, проткнуть себе ноздри и вставить в них кольцо...

– А когда я отсмеялся, – закончил Вадим, – Михал Михалыч посерьезнел и сказал, как бы продолжая наш давний саранский диалог: «Не следует забывать и о том, что они все-таки Христа распяли...»

В своих кратких воспоминаниях о Бахтине Вадим очень откровенно объясняет, почему в то время он прислонился к Бахтину, а не к Алексею Федоровичу Лосеву, тоже великому русскому человеку... Дело в том, что Лосев, живший в Москве, в те времена уже не страдал от одиночества.

«Будучи человеком далеко не молодым, я не склонен был обольщаться своими поступками, не исключено, что мой “выбор” – пишет Кожинов, – пусть даже бессознательно, определила гордыня: я не хотел присоединяться к уже сложившемуся кругу чьих-либо поклонников и помощников. Но вообще-то я осознавал свои отношения с Бахтиным так: я рядом с ним, потому что это необходимо».

Отправляясь в Саранск, Вадим чувствовал, что судьба ведет его к человеку, который властно определит его собственный путь в жизни. В Саранск он поехал – ну как Гоголь

и Достоевский в Оптину пустынь к старцу Амвросию. Но ведь сколько раз, легкий на подъем, он, загоревшись жаждой предстоящего открытия, мог разом собрать всех нас и убедить, что надо, скажем, ехать в Тверскую губернию, в село Лотошино, где живет почти никому неизвестный, но изумительный русский поэт Николай Тряпкин, или к Виктору Лапшину в город Галич: «...стихи талантливые прислал, нигде не печатался, но стихи такие, что надо ехать...»; или – уже в девяностые годы вдруг обзванивает нас и требует, чтобы мы пошли на концерт только что открытого им русского барда Александра Васина – «изумительно поет под гитару романсы на слова Толи Передреева». С какими только людьми я не сталкивался во всех домах, где жил Вадим Кожинов – в Лаврушинском, на Мясковского, на Большой Молчановке – за эти сорок лет!

Как бы чувствуя изъяны своего московского воспитания, он с особой жадностью тянулся к русским людям из провинции. Благодаря им он расширял свое познание России. Недаром чаще, нежели москвичей, я встречал в его доме Василия Белова, Федора Сухова, Бориса Сиротина, Юрия Селезнева. Возможно, что и его дружба с Рубцовым, с Передреевым во многом была следствием того же интереса.

В шестидесятые годы у него часто сиживал бородатый великан, похожий на оперного Ивана Сусанина. Это был председатель колхоза из глухой костромской деревни по фамилии Старостин, который писал современные былины и привозил их на суд к Вадиму. Старостина сменял сотрудник истринской прокуратуры, пишущий стихи и тоже жаждавший кожиновского признания. Он был интересен Вадиму своими рассказами о жизни и нравах хорошо знакомого ему уголовного мира... Сидишь, бывало, у Вадима, слушаешь рассказы истринского прокурора – вдруг очередной звонок в дверь, входит Виталий Канашкин, только что приехавший из Краснодара. Вадим сразу же знакомит нас, просит меня, чтобы я написал Канашкину рекомендацию для вступления в Союз писателей, и начинается обстоятельный разговор о том, как оживить литературную жизнь в Краснодаре, каким

должен быть журнал «Кубань», тут же передает Виталию какую-то свою статью, кому-то звонит по телефону, выводит Канашкина на новых авторов... Словом, дело крутится-вертится, и все как-то легко, без лишних усилий, как колесо под горку.

А на другой день в его кабинете уже сидит японский профессор, интересующийся творчеством Василия Белова. Вадим объясняет японцу, что такое Белов, и, не довольствуясь этим, звонит Василию Ивановичу в Вологду, договаривается с ним, что японец через неделю приедет к Белову и что профессора надо обязательно свозить на родину Белова в деревню Тимониху, вот тогда, возможно, гость из Страны восходящего солнца поймет и творчество Белова, и Россию узнает... Все так и происходит.

Времени на такого рода подвижнические заботы он не жалел, тратя его щедро, безоглядно и бескорыстно.

Иногда у него в гостях бывал молчаливый русский человек со странным именем Адольф из Переславля-Залесского...

Однажды Кожинов с женой приехал в старинный русский город. Вышли поглядеть на озеро и на берегу встретили человека, копавшегося в лодочном моторе. Попросили, чтобы он прокатил их по озеру. Адольф с ветерком прокатил москвичей, от денег отказался, и растроганный Вадим пригласил его к себе в гости, где мы и встретились.

Вскоре зимой веселой компанией – Толя Передреев, Вадим и я с женами навестили Адольфа в Переславле то ли на Рождество, то ли на Новый год.

...Синий холод, очертания древних соборов, впечатанных в темное небо, невесть откуда взявшиеся из снежной ночи сани с мохнатой лошаденкой, фыркающей заиндевелыми ноздрями, пахнущей потом и теплым навозом. Мы, слегка хмельные, валимся в душистое колючее сено, Галя с Леной визжат, лошадью правит сам Адольф, покрикивает, размахивает кнутом, понукает вожжами. На одном из поворотов сани почти опрокидываются, и мы с хохотом вылетаем в глубокие придорожные сугробы...

Потом в избе Адольфа, краснолицые, молодые, счастливые, пьем холодную водку, закусываем домашним салом и жареными красноперыми окунями. Адольф – рыбак, по совместительству рыбинспектор, но в этот вечер он начинает рассуждать о чем-то мудреном – то ли о кино, то ли о стихах. Передреев с добродушной усмешкой говорит ему:

– Адольф, а ведь ты – дурак!

Адольф, ничуть не смущаясь, соглашается с ним:

– А мы, русские, все дураки...

И тут Передреев, которому вовсе не была свойственна никакая ходульность, опускается перед Адольфом на колени.

* * *

А когда я стал главным редактором журнала, сколько идей Вадим внес в нашу работу, сколько авторов ввел в наши двери!

Благодаря его авторитету, его воле и настойчивости в журнале в 90-е годы стали печататься «старики» – академик Никита Моисеев, филолог Александр Викторович Михайлов, профессор-экономист Марк Голанский, знаменитый историк Лев Николаевич Гумилев, философ Юрий Мефодьевич Бородай, академик Никита Ильич Толстой.

Его любовь к истине и справедливости, его полное бескорыстие особенно проявлялись, когда он со счастливым лицом приносил в журнал стихи никому неизвестного в России, умершего десять лет тому назад в Омске бездомного человека Аркадия Кутилова со своим предисловием, или когда привез из Вологды стихи бывшего беспризорника, прошедшего через послевоенную уголовную лагерную жизнь Михаила Сопина, с которым в Вологде, до того как его открыл Вадим, никто не хотел считаться.

Пусть эти публикации были, так сказать, одноразовыми, но они, по убеждению Вадима, свидетельствовали о способности русского человека жить неким идеалом, творить, чувствовать и выражать себя в самых нечеловеческих условиях.

– Такой народ, Стасик, – постоянно повторял он, – пропасть не может!

Каждое открытие подобного рода помогало ему жить, укрепляло его веру в Россию.

Ну кто еще в наше смутное, хищное, эгоистическое время был способен на подобные бескорыстные движения души? Кого открыли, кому помогли в наши подлые дни яростные и завистливые хулители Кожинова – Татьяна Глушкова, Владимир Бушин, Всеволод Сахаров? Вот так-то, господа...

А скольких молодых людей он буквально втащил – кого в литературу, кого в жизнь «Нашего современника»! Иные из них стали сотрудниками журнала – Александр Сегень, Андрей Писарев, Марина Белянчикова, ну а Сашу Казинцева он вырастил еще во времена Сергея Викулова. Многие стали просто авторами журнала – Павел Горелов, Евгений Стариков из Тулы, Андрей Паршев, с легкой руки Кожинова сделавшийся знаменитым после книги «Почему Россия не Америка?».

А ведь все их рукописи, как правило, приходившие к нему на дом, нужно было прочитать, обдумать, а то и отредактировать. И это в одно и то же время, когда он создавал труды, которые, надеюсь, навсегда войдут в фундамент русской исторической мысли XX века, – книга о Тютчеве, «История Руси и русского Слова», «Загадочные страницы истории XX века», «Черносотенцы и революция», «Судьба России: вчера, сегодня, завтра». Ведь, в сущности, он совершил чудо – занявшись историей в самом точном смысле слова почти в шестьдесят лет, стал историком высочайшего класса, без книг которого грядущие поколения вынуждены были бы изучать эпоху по лживым сочинениям Д. Волкогонова, А. Яковлева, Р. Медведева. Вадим спас честь исторической науки в смутное время. В восемьдесят девятом или девяностом году он мне сказал:

– Дабы понять, что произойдет и происходит, надо немедля заняться историей. Иначе мы проиграем нашу борьбу.

Его собранность и чувство цели были феноменальны. Никакой разгульный образ жизни, никакие дружеские застолья не сумели разрушить его цепкую и широкую память и железную

волю. Всякий раз, когда мне нужно было узнать какие-нибудь факты из жизни Пушкина, Тютчева, Гоголя, уточнить, когда произошло то или иное событие, проверить, как звучит необходимая мне стихотворная строфа, или спросить о чем угодно – о Вешенском восстании, о масонстве, о Сталинградской битве – он или отвечал сразу, или, что было реже, просил подождать минуту-другую, копался в словарях, в справочниках, в первоисточниках и почти всегда выдавал исчерпывающий ответ. Универсал, энциклопедист, любомудр – в такие минуты я просто восхищался им.

Тютчевская премия, учрежденная брянской администрацией, была его единственной официальной наградой за все труды. Но зато, получая ее, он имел право, отвечая на вопрос корреспондента брянской газеты о том, что ему помогало жить, произнести слова, полные истинного достоинства: «Меня, если хотите, поддерживают и люди, которые давно умерли. И не только в нашем веке, но и в прошлом».

Была еще в его натуре одна особенность, редкая для людей нашего поколения, о которой он сам писал так: «Позволю себе не вполне, быть может, скромное признание: я с давних пор готов отстаивать свободу приверженцев любых – в том числе совершенно чуждых мне – взглядов, хотя никогда не объявлял себя “демократом”, в отличие от великого множества нынешних авторов, на деле-то готовых задушить каждого своего решительного оппонента...»

Он ради выяснения истины никогда не уклонялся от разговора с любым противником своих взглядов, не торопился ставить крест на людях, отдаляющихся от него, до последнего не решался резко разрывать отношения, постоянно искал какие-то общие связи, зацепочки, контакты и с русскими националистами, и с еврейскими либералами, и с сионистами, и с монархистами, и с демократами, и, конечно же, с коммунистами. Он с охотой вступал в дискуссии со Львом Аннинским, с Бенедиктом Сарновым, с Михаилом Агурским, с Андреем Нуйкиным. Однако, блистательно выиграв у последнего спор по телевидению в программе Александра

Любимова, совершил весьма нелегкий для себя поступок: в завершение диалога не пожал Нуйкину руку, как того хотел ведущий, сказав, что рука Нуйкина, как одного из идеологов октябрьского расстрела 1993 года и подписанта «письма 43-х», запятнана кровью...

Думаю, что эта особенность его характера происходила из того, что уже в шестидесятые годы он понял: для того чтобы победить, или, по крайней мере, не потерпеть окончательного поражения и доказать правоту своих взглядов, русскому человеку надо сознательно и упорно культивировать объективную широту и терпимость по отношению к людям других убеждений, бороться не с людьми, а с идеями – таков был его девиз. Потому в стенах кожиновского кабинета я встречался и с Давидом Самойловым, и с Андреем Битовым, и с Михаилом Агурским, и с Александром Межировым. Злые русские языки за такую «всеядность» в те времена частенько трепали его имя. Одна из самых остроумных шуток на его счет, ходившая по Москве в 60-е годы, принадлежала, как говорят, его университетскому другу Петру Палиевскому: «У Вадима первая жена еврейка, вторая полукровка, любовница у него сейчас русская, но ее сына зовут Марик».

Когда в дни августа 1991 года в Москве умер Михаил Агурский, Вадим убедил меня, что в журнале нужно дать некролог о нем. Во-первых, потому, что в одном из номеров был напечатан его, Вадима, разговор с Агурским о сионизме, а во-вторых – и это он считал крайне важным, – тем самым мы подчеркнем, что последовательные и настоящие сионисты, вроде Жаботинского и Агурского, не столь опасны для России. Гораздо опаснее для нее ассимилянты, в которых неизбежно живет разрушительный и провокаторский ген еврейства, о чем они сами до поры до времени не подозревают...

Но готов он был разговаривать со всеми евреями – всех мастей, и эта готовность обезоруживала его противников, за что они по-своему уважали и ценили его. Александр Межиров, уже находясь в Америке (сделал выбор), в одной из своих ностальгических поэм даже написал:

Таня мной была любима,
Разлюбить ее не мог,
А еще любил Вадима
Воспаленный говорок.

Умный Межиров не зря вклеил оба эти имени в одну строфу. Таня – это Татьяна Михайловна Глушкова, чьи отношения с Вадимом достойны особого разговора.

* * *

Моя попытка подружить их закончилась полным поражением. А цель была соблазнительной: объединить олимпийский, стратегический ум Кожинова со страстным характером Татьяны, с ее способностью въедливо и глубоко расчленить любое литературное явление, обнаружить в нем то, что не видит поверхностный ум, выстроить неопровержимую систему доказательств. Как блестяще – и Вадим был с этим согласен – она в восьмидесятые годы заново прочитала и «осовременила» «Моцарта и Сальери», как глубоко и точно провела русскую национальную ноту в статье «Традиция – совесть поэзии», которую печатала с моей помощью в журнале «Литературное обозрение», как беспощадно и неотразимо угадала генетическую псевдонародность поэм Давида Самойлова... Эх, сблизить бы эти незаурядные умы! Я привел Татьяну Михайловну к Вадиму, познакомил их, мы просидели целый вечер, размышляя о грядущем сотрудничестве, но по каким-то почти неуловимым шероховатостям и заусенцам, возникавшим в разговоре, я чувствовал, что осуществиться моим надеждам будет непросто.

Глушкова не без оснований подозревала, что Кожинов холодно относится к ее стихам. Честно говоря, я тоже избегал говорить с ней о ее поэзии, но уравновешивал это невнимание тем, что по ее просьбам писал полезные внутренние рецензии на ее рукописи, сочинял, как секретарь Московской писательской организации, официальные письма в издатель-

ства с просьбами поставить ее имя в планы, благодаря чему книги выходили, и она дарила их мне с трогательными надписями: «Дорогому Стасику, Волку с великим множеством чувств, с признанием, с любовью». «Дорогому Волку – мою любимую книгу от автора – Муравья. 15 апр. 88». «Дорогому Волку (серому, белому и красному кардиналу этой книжки) от благодарного сухопутного Муравья. 5 июля 81». «Дорогому Волку от бессмертного Муравья с благодарностью, невыразимой "здешними" словами, с любовью – и с Новым годом! 2 янв. 93 г.» И так далее.

Но она жаждала большего: публичного признания с нашей стороны (Кожинова, Передреева, ну и моей, конечно) высоких достоинств ее стихотворных книг. Мы же, понимая до болезненности эгоистическую сущность ее лирики, ее почти механические перепевы раннеахматовских интонаций, никоим образом не могли оправдать надежды поэтессы. В лучшем случае признавали важные достоинства ее статей, но о стихах молчали, что, видимо, терзало ее самолюбие. Долго так продолжаться не могло. Ее фрейдистский бунт случился неожиданно. Она была у меня в гостях и вдруг, когда мы вышли на балкон покурить, завела резкий разговор о заурядности Кожинова, о пошлости его литературных взглядов, о его приспособляемости к еврейскому диктату в литературной жизни и в связи с этим о жене-полукровке. Я обомлел и буквально закричал:

– Вы, Таня, Вадима не понимаете и, видно, своим самолюбивым умом никогда не поймете. Уходите. Вот вам Бог, а вот порог!

Она хлопнула дверью, и мы расстались года на три. К сожалению, наука не пошла мне впрок. Через три года в Доме литераторов меня взяли в оборот Лариса Баранова и Дмитрий Ильин:

– Стасик! Вам надо обязательно помириться. Ваш разлад просто невыносим для русского дела. Таня сидит на веранде, мы с ней обо всем поговорили, она готова помириться с вами, но вам надо сделать благородный жест и извиниться

перед нею. Ведь все-таки вы ее выгнали из дому, ну пожертвуйте своей обидой. Вы же мужчина!

Уговорили, к несчастью, потому что такие натуры, как Татьяна Михайловна, не забывают и не прощают ничего.

Кончилось наше перемирие, как и следовало ожидать, плачевно. Когда в одном из «круглых столов» (Наш современник. 1993, № 4) Кожинов всего лишь напомнил Глушковой о ее «патриотическом неофитстве», оскорбленная Татьяна потребовала от меня, чтобы я дал ей свести счеты с обидчиком на страницах журнала по полной программе. Я отказал ей в этой прихоти, и тут пришел полный конец нашим отношениям и началась ее мучительная, бесплодная и беспредельно вредная для русского дела тотальная война с Вадимом, объявленным ею в 1993–1995 годах на страницах нескольких номеров журнала «Молодая гвардия» «историком смердяковщины», «маленьким литератором», «Сальери», «политическим спекулянтом», «адвокатом диссидентства»... словом – предателем советского периода нашей истории.

В этой односторонней войне она была несправедлива почерному, хотя бы потому, что Вадим много раз говорил мне и писал, что спасение мировой цивилизации от хищнических самоистребительных инстинктов, живущих и в отдельных людях и в народах, от инстинктов потребления, умерщвляющих землю, воздух, воду, заключено только в социализме, который эти инстинкты ограничивает и укрощает.

– Хотим мы или не хотим этого, – не раз повторял он, – мировое будущее за социализмом, несмотря на все его изъяны и недостатки! Все, что с нами произошло в эпоху социализма – надо понять и оправдать несмотря ни на что!

Мы с ним как-то разговаривали об Олеге Васильевиче Волкове, нашем старейшем писателе, авторе романа «Погружение во тьму», который умер почти столетним стариком, отбыв в сталинских лагерях более двадцати лет. Вадим Валерианович тогда вспоминал:

– Знаешь, что Волков сказал перед смертью? Он сказал: «Я всю жизнь не принимал советскую власть, я двадцать лет

скитался по лагерям и ссылкам, но если б я знал, что произойдет после ее крушения, я бы согласился еще двадцать лет отсидеть, лишь бы этого не случилось...»

В 1993 году, не выдержав поношения кожиновских книг, убеждений и взглядов, что появлялись тогда чуть ли не в каждом номере «Молодой гвардии» за подписью Глушковой, я сделал отчаянную попытку защитить его литературное (да и человеческое) достоинство и напечатал в «Литературной России» небольшой, но весьма резкий и аргументированный ответ Татьяне под названием «Блеск и клевета кожиноведки». Словом, опять взял огонь на себя.

Не выдерживает русская идея и русская душа страшных испытаний в роковые для России времена. Впадает в истерику, в конвульсии, в духовную эпилепсию. Еще раз хочу напомнить, что Вадим Кожинов нигде и ни разу в печати не произнес о Татьяне Глушковой ни одного плохого и несправедливого слова.

А сейчас их нет обоих на свете – ни Вадима, ни Татьяны. Они умерли в один год, и вместе с ними как бы ушла эпоха отчаянного и мучительного русского поиска, безнадежных попыток объединения русских сил перед дыханием исторического небытия, которое каждый из нас все явственней чувствует сегодня.

Не во всем, конечно, мы были с ним единодушны. Я иногда доверял ему составлять мои книги, и он порой включал в них, на мой взгляд, второстепенные стихи и не вставлял лучшие; он не оценил мое письмо в ЦК о еврейском засилье в нашей жизни, счел его ненужной авантюрой – и лишь много лет спустя признался, что был не прав; думаю, что он слишком доверчиво относился ко многому, что публиковали Солженицын и Шафаревич, ему долго мешал какой-то изначальный пиетет к тому, что выходило из-под пера обоих. В моих воспоминаниях для него явилось неожиданным то, что собственную судьбу можно сделать объектом исследования и рассматривать ее как факт истории. Будучи настоящим историком, он не сразу смирился со странностью такого взгляда.

А как я огорчался, когда на мои предложения поехать со мной на Север, на рыбалку и охоту, в стихию жизни, ему неведомую, забыть на время о книгах, он каждый раз со скептической улыбкой на тонких губах отвечал мне:

– Ну, Стасик, это не для меня!

А на лице его было такое выражение: «Как можно тратить жизнь и силы на черт знает что, на какие-то легкомысленные пристрастия!»

Конечно, меня всегда удручали его «погружения в небытие». В отличие от Передреева, он выпадал из жизни бесшумно, незаметно для друзей, не требуя к себе никакого внимания. Его спасали опытные врачи. Но когда я узнавал об этих черных полосах его судьбы, то в отчаянии думал: «Боже мой, какой сильный и светлый ум, какая редкая для русского интеллигента целеустремленность! Если бы не эта слабость, он был бы идеальной натурой!» Корил его, иногда прямо в глаза, но Вадим отшучивался: «Стасик, у тебя счастливый организм, ты не знаешь, что такое похмелье». Несколько раз в молодые годы Вадим, находясь в сумеречном состоянии, звонил мне и читал по телефону свое стихотворение, единственное – других я не знаю. Оно начиналось так: «Брат мой русский, а может, и нет нас?..»

Мы иногда не то чтобы ссорились, но бывали недовольны друг другом, но что бы там ни было, недавно, перебирая его книги с дарственными надписями мне, я нашел одну из них на книге «Черносотенцы и революция», необычайно объемную, эмоциональную и даже высокопарную, что было ему, в общем-то, не свойственно:

«Милый Стасик! Как раз исполнилось 35 лет с того момента, как мы пошли по жизни плечом к плечу, и поверь мне, – я знаю, – что твои мудрость, мужество и нежность, воплощенные в твоих словах и деле, останутся как яркая звезда на историческом небе России!

Обнимаю тебя и, конечно, твоих Галю и Сережу. Дима. 17 октября 95 года».

Это единственный раз, когда он, конечно же преувеличив все мои достоинства, так открыто признался мне в своих чувствах.

* * *

Владимир Бушин, опираясь на две-три фразы самого Кожинова, пытается доказать, что в молодости тот был диссидентом и антисоветчиком. Так ли это? Да, действительно, в одной из своих работ 1993 года («Печатное, но чистосердечное послание правительству России») Кожинов писал: «Так уж сложилось, что еще тридцать с лишним лет назад я обрел достаточно полные представления о прискорбнейших и прямо-таки чудовищных явлениях и событиях, имевших место в России после октября 1917 года, и встал на путь самого решительного и тотального "отрицания" всей послереволюционной действительности».

Но одно дело – самоощущение человека, самохарактеристика своего собственного мировоззрения, другое – его общественная или публичная жизнь. Кухонные застольные разговоры, остроумные антисоветские анекдоты, белогвардейские песни и романсы, но в дружеском кругу! Да, это было. Когда же будет издано полное собрание сочинений Вадима Валериановича Кожинова, то в нем не будет ни одной страницы, наполненной антисоветскими размышлениями, потому что страниц этих просто не существовало в природе. Он, к счастью, не успел «оформить» свои диссидентские настроения еще и потому, что они очень быстро прошли. Так, он пишет в том же «послании правительству», что в 1965 году «я уже пришел к прочному убеждению, что бороться надо не против сложившегося в России строя, а за Россию».

А в этом своем «послании правительству» он как бы продолжал традицию Пушкина, написавшего в свое время для Николая I записку «О народном образовании», Гоголя, в «Письмах калужской губернаторше» размышлявшего о чиновническом долге, Тютчева, который в провидческой статье «Россия и революция» напоминал властям об ответственности России перед мировой историей...

Каждый из этих авторов был по-своему и прозорлив, и наивен. Кожинов, к примеру, в начальный период правления

Ельцина осторожно надеялся, что в нем и в русской части его окружения должен проснуться государственный инстинкт, самолюбие, осознание того, что они правят великой страной, словом, все то, что произошло с большевиками, когда их интернациональные утопические взгляды переродились в советский патриотизм.

Когда он увидел, что этого не происходит, – то огорчился, как ребенок, разводил руками, растерянно повторял: «Да, Стасик, черт знает что творится!»

Да, я знал, как Вадим в начале 60-х годов жадно следил за всякой самиздатовской литературой. Появился еврейско-либеральный журнал «Синтаксис» – он тут же раздобыл его то ли у Алика Гинзбурга, то ли у Сережи Чудакова. С интересом изучал первые выпуски. Помню, даже с пафосом прочитал мне стихотворение Станислава Красовицкого «Парад не видно в Шведском тупике...» Прочитал на память, которая всю жизнь была у него великолепной. Но как-то скоро он забыл о «Синтаксисе», и уже в его руках появился журнал противоположного, русского национального направления – «Вече», который издавал Владимир Николаевич Осипов с друзьями. Они о чем-то беседовали, но Вадим не рассказывал нам об этих беседах подробно, возможно, оберегая легкомысленных поэтов от опасных контактов. Однако сам внимательно присматривался к диссидентским изданиям обоих флангов, сам изучал людей, стоявших за ними, сам разочаровывался в них и продолжал сам отыскивать собственный путь. Были на этом пути и озорные, может быть, даже кощунственные зигзаги. Однажды мы четверо – Вадим, я, Передреев и Владимир Дробышев (опять же году в шестидесятом) вышли с переделкинской дачи прогуляться и дошли до кладбища. Поклониться могиле Пастернака. Недалеко от пастернаковской могилы набрели на могильные плиты, под которыми были похоронены старые большевики, революционеры-интернационалисты из ленинской гвардии. Вадим вгляделся в надписи на плитах и вдруг, впав в веселое неистовство, стал буквально приплясывать среди надгро-

бий, вздымая руки к небу и восклицая: «Вот он, отработанный пар истории!» Но когда мы вернулись на дачу, посерьезнел и поведал нам о том, что в тридцатые-сороковые годы в Переделкине был какой-то Дом призрения для одиноких престарелых революционеров, где в одной из палат умирала Розалия Самуиловна Землячка (Залкинд), прославившаяся в свое время кровавыми расправами в Крыму над белыми офицерами, отвергнувшими эмиграцию, поскольку им была обещана амнистия. Эта старая революционная фурия якобы лежала парализованная в своей палате, но вела себя по отношению к санитаркам настолько по-барски, что ее ненавидел весь низший медицинский персонал, и потому она умирала в грязи, в собственных испражнениях и в полном забвении. Не знаю, правда ли это. Но то, что сию историю нам тогда поведал Вадим – говорит о многом.

А как однажды созорничал Сережа Семанов – ныне солидный историк и член редсовета «Нашего современника». Когда литературно-комсомольская делегация летела в конце шестидесятых годов после посещения Шолохова из Ростова в Москву, он вдруг вытянулся в салоне самолета по стойке «смирно» и скомандовал:

– Господа! Мы пролетаем над местом гибели генерала Корнилова! Приказываю всем встать!

Это было именно озорством, но не диссидентством. И я иногда выкидывал подобные штуки. Однажды заседал у нас партком, и была на повестке дня какая-то тема о классовой борьбе, о красных и белых, о двух культурах. Длинную и скучную речь произносил новомировский функционер Александр Дементьев, который укорял наших «почвенников» Кожинова, Семанова, Палиевского за то, что они пренебрегают «классовым подходом» (потом весь список фамилий «из Дементьева» переписал А. Н. Яковлев в своей поганой статейке «Против антиисторизма»). Мне стало скучно, и в одну из пауз после перечисления Дементьевым моих друзей я громко крикнул на весь зал: «Да это они Шолохова начитались!» Аудитория взорвалась от хохота, а я вышел, хлопнув дверью,

но успел заметить брошенные мне вслед неодобрительные взгляды Феликса Кузнецова и Евгения Сидорова.

Говоря о некоем кратком диссидентском периоде жизни Кожинова, нельзя упускать из виду, что был он натурой артистической, и пока его «не требовал к священной жертве Аполлон», то есть пока он не ставил перед собой какую-то мировоззренческую цель, пока не преисполнялся ответственности перед историей, он мог и дурачиться, и противоречить сам себе, и надевать в дружеском кругу самые разные маски. Ну разве можно забыть его вдохновенное театрализованное исполнение под гитару одного из самых ритуальных гимнов революции:

Белая армия, черный барон
шли от шестнадцати разных сторон.
Но от тайги до британских морей
Красная армия всех сильней.

Вадим пел так, что казалось, будто мы сидим в какомнибудь двадцатом году в замерзающем Петрограде и морозный январский ветер мировой революции шевелит наши волосы. Его несильный от природы голос звенел железными звуками марша, под который красные солдаты в линялых гимнастерках шли, сопровождаемые дребезжащими звуками меди, навстречу черным каппелевским шеренгам. А «певец во стане русских воинов» резкими, почти оркестровыми аккордами раскручивал нас столь увлекающе, что и я, и Передреев, и даже кроткая душа Коля Рубцов начинали грозными голосами подпевать ему:

Так пусть же Красная
сжимает властно
свой штык мозолисто-о-й рукой!

А уж на последней музыкальной фразе наши голоса сливались в одно жертвенное русло:

И все должны мы
неудержима-а-а
идти в последний смертный бой!

Почти по тридцать лет нам всем было, но, исполняя мрачную революционную сагу, мы становились юношами. Однако Вадим не задерживался на патетической ноте и в какое-то неуловимое для нас мгновенье выворачивал трагический пафос наизнанку:

Мы раздуем пожар мировой,
церкви и тюрьмы сравняем с землей.
И на развалинах царской тюрьмы
новые тюрьмы построим мы.

Он озорно и вдохновенно сверкал глазами, откидывал прядь волос со лба и как ни в чем не бывало продолжал:

Так пусть же Красная!

Но этот выворот, как я понимаю, шел от разгульного залихватского желания поиграть сакральными понятиями, ради красного словца щегольнуть широтой, подразнить гнилую эпоху хрущевской «оттепели». От «мирового пожара» Вадим легко переходил к одесскому фольклору и с неменьшим вдохновением исполнял «Веселый день у дяди Луя», а потом и Алешковского вспоминал, но когда заканчивал валять дурака, утешал душу Николаем Рубцовым или Антоном Дельвигом. Романс на слова Дельвига был его заветным номером, от которого наши сердца начинало сладко щемить.

Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия,
Зачем тогда в венке из роз
К теням не отбыл я.

Он исполнял Дельвига так, что каждый из нас в эти минуты переживал всю прошедшую жизнь, каждому казалось – это обо мне, и слова, и музыка, и бесконечная печаль – о моей несбывшейся любви, о моей судьбе, о моей смерти.

Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного «люблю»
Не повторяйте ей.

Но когда я в упоенье однажды воскликнул: «Даже у Пушкина нет таких стихов!» – Вадим смахнул с лица нечаянную слезу и покачал головой:

– У Пушкина есть все.

А Передреев, сидевший с ним рядом, строго добавил:

– Ну это ты уж, Стасик, слишком!

* * *

Наши жены в те молодые времена хоть и корили нас за разгульную жизнь, но иногда их женские голоса сливались с нашими или даже продолжали их... Вадим, завершая «Коробушку», лихо ударил по струнам и выдохнул:

Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

А его жена, Лена, вдруг продолжила, завершая песенную игру:

Муж приедет с торгу пьяненький,
Накормлю и уложу,
Спи, пригожий, спи, румяненький,
Больше слова не скажу...

Передреев улыбнулся своей белозубой, почти гагаринской улыбкой.

– Вадим, это же о тебе!

А однажды в минуту внезапной и редкой тишины в нашем кругу возник голос блоковской девушки, певшей в церковном хоре. Но пел этот ангельский голос на слова Тютчева:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора,
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Это неожиданно для меня и для всех нас запела моя жена Галя. Мы замерли, открыв рты, и над нашими головами как бы прошелестело дуновенье вечной жизни, в которой все сплелось воедино – Тютчев, молодость, предчувствие «первоначальной осени». С тех пор, когда нам удавалось собраться вместе, Вадим всегда просил: «Галя, спой “Есть в осени”»... Последний раз он попросил ее об этом на своем семидесятилетии. Она отнекивалась и смущалась, потому что и голос был уже не тот, да и дружеский круг наш поредел, и стопка в руке Вадима дрожала, как никогда, и все-таки он упросил Галю и в последний раз услышал примиряющие нас с судьбой слова: «И льется тихая и теплая лазурь на отдыхающее поле»... Вадим закрыл глаза – и о чем в это время думал: о полях вокруг Овстуга, о прошедшей жизни, а может быть, вспоминал другой свой любимый романс, который для него был почти молитвой – от первой строки «Вот бреду я вдоль большой дороги» до последних слов: «Вот тот мир, где жили мы с тобою...»

Был ли Вадим человеком верующим? Этот вопрос приходил в голову не одному мне. 16 июля 2001 года я получил письмо из города Струнино от человека, не раз бывавшего у Кожинова в прежние времена.

«Здравствуйте, многоуважаемый Станислав Юрьевич!

Прослушал сейчас Ваше выступление по “Народному радио” и захотелось напомнить о себе.

1975 год. По Вашей рекомендации еду к Вадиму Валериановичу Кожинову. Он отмечает день рождения. Ему 45, то есть он на семь лет моложе меня сегодняшнего.

– Это ничего, что я пьян?

– О, это еще и лучше!

Я достаю бутылку коньяка, его жена подает русские пельмени. Мы читаем стихи, спорим о поэзии вообще и о Ю. Кузнецове в частности.

Но вот В. В. берет гитару.

– Вы любите Станислава Куняева?

Это прозвучало просто и естественно, как, например, "вы любите Пушкина?" И он начинает петь Ваши стихи, сам себе аккомпанируя на гитаре. Я что-то неловко подпеваю...

Прошло четверть века. Прошла жизнь.

И вот его не стало. И хочется мне, разделяя Вашу скорбь, сказать как другу его: все эти годы (а мы немножко и переписывались) я испытывал к В. В. самые добрые, самые почтительно-уважительные чувства. Одно меня смущало. Это отстраненность его от Церкви и Бога. Но, может быть, я ошибаюсь. Кстати, как он умер? Со священником? С исповедью и Причастием? Расскажите, пожалуйста, о его последних минутах, о его последних словах...

Да помянет Господь душу раба Своего Вадима в селении праведных. Я молюсь за него.

Искренне Ваш Игорь Федоров».

Итак, был ли Вадим Валерианович человеком верующим? Не знаю, несмотря на его собственные признания о разговорах с Бахтиным. Утверждать не могу. На мой взгляд, скорее он был стоиком, убежденным в том, что религиозное призвание человека в постоянном исполнении своего земного долга. Несмотря ни на какие враждебные человеческой судьбе обстоятельства жизни. Много раз при мне он повторял:

– Что делать, Стасик, человек смертен, его жизнь – неизбежная трагедия, но надо до конца бороться с судьбой.

В этом смысле он был человеком скорее тютчевского склада:

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно.
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна! –
Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

Пушкин для Кожинова был богом, небожителем, Тютчев же, в семье сына которого жил домашним учителем дед Кожинова, понимался им как пращур, как своеобразный покровитель кожиновского рода. И недаром великую книгу о Тютчеве написал именно Вадим Валерианович.

Незадолго до смерти в одной из статей он прямо подтвердил свою причастность к людям героической породы: «Тот, кто не желает или не имеет мужества осознать трагедийность человеческой судьбы, представляющей собой шествие к смерти, не может быть истинно счастлив».

Его редчайший стоицизм выплеснулся с последним вздохом из земной плоти, когда, как вспоминают свидетели последних дней его жизни, он произнес слова, достойные человека античной эпохи: «Все аргументы исчерпаны...»

Конечно, не только болезнь, но и время убило его, однако и он нанес подлому времени немало ран, которые оно никогда не залечит.

Я мечтаю о том, чтобы к столетию со дня его рождения (а лучше бы пораньше) какой-нибудь «грядущий юноша веселый», такой же московский любомудр, каким был он, написал о Вадиме Валериановиче Кожинове книгу и чтобы она вышла в серии «Жизнь замечательных людей».

...Когда в морозную ночь с 24 на 25 января 2001 года его жена Лена позвонила мне в Калугу и сказала: «Стасик, Вадим умер...» – я в отрешенном состоянии подошел к столу, и моя рука вывела на белом листе бумаги неизвестно откуда взявшиеся слова:

Умер Вадим – я остался один.

ВЫ МНЕ НАДОЕЛИ...

Русских разбить невозможно!..
У. Черчилль.

1. Что говорил Пилсудский

В мае 2002 года я опубликовал на страницах «Нашего современника» исторический очерк «Шляхта и мы». Немало воды утекло с тех пор, а впечатлительная шляхта никак не может успокоиться.

Не имею точной информации, сколько откликов на мою публикацию появилось в польских газетах, а вот журнал «Новая Польша» приходит к нам бесплатно, так сказать, по разнарядке сверху, каждый месяц.

И летом 2003 года, прочитав все «антикуняевские» выступления в «Новой Польше» (а их набралось за год с лишним аж целых пять), я ответил полякам всем сразу (на каждый чих не наздравствуешься) статьей «Братец кролик в европейском и мировом зверинце» (НС. № 10, 2003) и решил, что на этом полемика заканчивается. Наивный человек! В течение последующих полутора лет «Новая Польша» напечатала всяческих выпадов в разных жанрах еще столько же. Но, как это ни смешно, взвизгивая по поводу книги «Шляхта и мы» чуть ли не в каждом номере, шляхтичи одновременно тужатся изобразить дело так, что мои статьи о поляках настолько беспомощны и ничтожны, что польская общественность не желает ни замечать их, ни разговаривать о них. («Разумеется, никто в Польше не стал платить ему той же монетой» – из статьи Е. Помяновского. Платят. Да еще как!)

А может быть, были более правы журналисты из «Московских новостей» Д. Бабич и В. Мастеров, которые в своем либеральном и откровенно антирусском издании первыми (в июле 2002 года) так осветили польскую реакцию на очерк «Шляхта и мы»:

«Польша бурлит от статьи главного редактора “Нашего современника”, польские газеты и журналы начали дискуссию о самом антипольском памфлете со времен Достоевского. Воображение впечатлительных варшавян потряс главный редактор “Нашего современника” Станислав Куняев, выступивший на страницах собственного журнала со статьей “Шляхта и мы”. При этом признают: это самая основательная попытка освещения польско-русской темы».

Полонистка и переводчица Наталья Подольская, живущая в России, сетует на страницах журнала, редактируемого Ежи Помяновским: «Конечно, добрая воля “Новой Польши” – разобраться или не разбираться глубже в злопыхательских нагромождениях тов. Куняева. Жаль только, что наших полонистов и нашу печать они, насколько я знаю, оставили почему-то безразличными и безучастными…»

Не надо жалеть, гражданка Подольская: российская пресса и ее читатели не остались «безразличными и безучастными» к моим «злопыхательским нагромождениям». Помимо «Московских новостей» о них писала «Литературная газета» в статье И. Жихарева «Шляхетский гонор и северный колосс», в журналах «Дружба народов» и «Отчизна» были статьи полонофила Льва Аннинского… А в журнале «Родина» (2004, № 7) – статья историка Геннадия Матвеева, в которой последний, по словам Помяновского, «или повторяет инсинуации Куняева с той же клеветнической целью, или он стал жертвой незнания и небрежности». Можно вспомнить отчаянные вопли Валентина Оскоцкого, кажется, в «Лит. вестях», а уж читательских откликов в «Наш современник» после публикации в нем очерка «Шляхта и мы» не счесть. До сих пор приходят. Книга стала популярной. Читатели ее ищут. Три издания, вышедшие за два года, распроданы. И вообще вся ваша возня на тему: замечать или не замечать антишляхетское сочинение Станислава Куняева – напоминает мне грубый русский анекдот, в котором встречаются два соседа и один говорит другому:

– Иван, а ведь ты спишь с моей женой. Это – нехорошо.

– А жена твоя говорит – хорошо! Вы там в своей семье разберитесь сами.

Так что разберитесь, панове, сами в своей собственной семье, чтобы не быть в идиотском положении, в каком вы находитесь сегодня.

* * *

Интересно то, что в самую пристрастную и въедливую полемику со мной чаще других вступает главный редактор «Новой Польши». Я, видимо, «достал» его настолько, что он начал откликаться не только на «антипольские» мои работы. В частности, неутомимого Ежи очень взволновала моя статья из мартовского номера (2004) «Нашего современника». Прочитав ее, пан Ежи буквально вышел из себя: во-первых, от возбуждения переврал название статьи, окрестив ее «Крупнозернистые поэты» (у меня – «Крупнозернистая жизнь»), а во-вторых, написал неправду, будто бы она «направлена против русского поэта, которого в Польше особенно ценят и любят» – против Осипа Мандельштама.

Но я писал о творчестве трех поэтов трагической судьбы – Мандельштама, Заболоцкого и Даниила Андреева. К тому же статья совсем не «против Мандельштама». Наоборот, я старался бережно и подробно прочитать все стихи Мандельштама, имеющие прямое отношение к Сталину и сталинской эпохе. А их у Осипа Эмильевича не одно и не два (не только знаменитая «Ода» и «Мы живем, под собою не чуя страны», что утверждает, видимо, плохо знающий творчество Мандельштама мой оппонент), а целых десять. И все они крайне важны для разговора о мировоззрении поэта. Этот честный анализ Помяновский называет почему-то «позорным приемом» и вообще теряет всякий контроль над собой, осыпая меня и мои книги всяческими мелкими оскорблениями: «автор книжицы “Шляхта и мы”» – «курьезной антологии клеветы и претензий», «опусы», «инсинуации», «дезинформация», «его статейку», «наш Фигляев» и т.д.

Помяновскому аж плохо становится, когда он вычитывает из моего анализа стихов Мандельштама, будто бы «поэт был искренним поклонником Сталина и энтузиастом режима». Но другого вывода, вчитавшись в «сталинские» стихи, написанные после 1935 года, сделать, увы, невозможно. Вспомнить бы Помяновскому, что даже великий (как считают поляки) польский поэт Константы Ильдефонс Галчинский искренне славил Иосифа Сталина – почему же Мандельштама трудно представить в той же роли?

Ладно, не хочет Помяновский прочитать трезвым взглядом то, что я написал, – Бог с ним. Видимо, ему нужны иные авторитеты, нежели автор книги «Шляхта и мы», «не замешанные» ни в русском национализме, ни в советском патриотизме, ни в полонофобии. Рекомендую одного из них – блестящего знатока Античности, философа и умного критика, прекрасного переводчика литературных текстов со многих языков, профессора и доктора наук, одного из самых известных сотрудников Института мировой литературы, человека безупречной научной и национальной репутации, соратника покойного С. Аверинцева – Михаила Леоновича Гаспарова. Толстого, флегматичного Мишу, с которым я проучился на филологическом факультете МГУ с 1952 по 1957 год.

Вот что писал Гаспаров о «сталиниане» Осипа Эмильевича Мандельштама:

О поэме «Неизвестный солдат: «Это не отречение от советского режима, а его приятие».

«Мандельштам, пишущий гражданские стихи, с готовностью по совести стать рядовым на призыв и учет советской страны – это образ, который плохо укладывается в сложившийся миф о Мандельштаме – борце против Сталина и его режима… И, конечно, для современного человека не может быть сомнения, что “настоящим” должен быть Мандельштам эпиграммы, а не оды».

«Мандельштам называл себя наследником разночинцев и никогда не противопоставлял себя народу. А народ принимал режим и принимал Сталина…»

«Все его ключевые стихи последних лет – это стихи о приятии советской действительности».

«Считать их все неискренними или написанными в порядке самопринуждения невозможно».

«Поэт входит в мировую гармонию братства бесклассовых народов, над которым стоит Сталин, “ста сорока народов чтя обычай”».

«“От правды вечной” бессознательно производил Мандельштам свои стихи о Сталине».

«Сталинскую “Оду” изъять из корпуса стихов Мандельштама нельзя: порвутся органические связи и пострадает целое…»

В книге Михаила Гаспарова о творчестве Мандельштама есть еще немало смелых и глубоких размышлений об органическом единстве «сталинских» стихов поэта со всем его творчеством. Но цитировать для того, чтобы пан профессор прочитал их, – дело бесполезное. К чему метать бисер, если Помяновский судит о поэзии на уровне наших рапповцев конца 20-х годов?

* * *

Впрочем, за перо я взялся не ради этой литературоведческой полемики. Сердцевина русско-польского спора гораздо серьезнее, поскольку речь идет о попытке не только авторов «Новой Польши», но и почти всех нынешних польских идеологов и политиков переписать историю войны и нашей победы в год ее шестидесятилетия на свой шляхетский лад.

Суть этого плана изложил в одной из статей в газете «Впрост» от 28.8.2004 года некий Томаш Наленч, бывший вице-маршал польского Сейма:

«Невозможно смотреть в будущее без честного сведения счетов с прошлым – особенно отмеченным такими преступлениями, как пакт Риббентропа–Молотова, катынское убийство, преследование солдат Армии Крайовой (…) или фактическое согласие на уничтожение Варшавы Гитлером.

Своим отношением к сталинскому прошлому Россия загоняет себя в тупик».

Эти слова, обозначившие «культовые» преступления России против Польши, перепечатаны в журнале Ежи Помяновского.

По всем этим четырем историческим позициям польские политики, историки, журналисты и все, кому не лень, в каждой газете, в ежедневных телепередачах, на каждом углу требуют от России покаяния, извинения и даже материальных репараций и компенсаций. Сейм Польши недавно проголосовал за то, чтобы вынудить Россию осудить каким-то фантастическим правовым или законодательным решением весь сталинский исторический период жизни Советского Союза. Слушая это, поневоле вспомнишь, что сказал Пилсудский о своих подданных: «Дурость, абсолютная дурость. Где это видано – руководить таким народом, двадцать лет мучиться с вами».

Ну что же, отзываясь на призыв бывшего «вице-маршала Сейма», попробуем свести счеты с прошлым. Но не только с советским, но и польским.

2. Немного истории

История человечества переполнена примерами того, как более сильные племена и народы пленяли, обращали в рабство, ассимилировали, заставляли на себя работать, спаивали, а то и вообще истребляли более слабых только затем, чтобы захватить их земли для собственного развития и благоденствия. Обвинения за такого рода деяния можно предъявить многим народам мира. Но с точки зрения шляхтичей наиболее тяжкие преступления в этой области совершены русским народом. Вот что пишет о них некий Ярослав Марек Рымкевич:

«Иногда мне кажется, что народ, причинивший своим соседям и всему человечеству столько зла, угнетавший, истреблявший литовцев, татар, поляков, чеченцев – да, собственно,

все соседние народы, – вообще не имеет права существовать». Далее, правда, есть оговорка, что этот народ все-таки породил Тютчева, Мандельштама и Шостаковича, но главная мысль: «не имеет права существовать» (напечатано в крупнейшей газете «Жечпосполита», 31.12.2004 года, перепечатано в февральском номере «Новой Польши» за 2005 год).

Но шляхтич, видимо, не знает, что за тысячелетнее существование Российского государства ни одно, даже самое малое племя из более чем ста племен, живущих на просторах России, не исчезло с лица земли.

А уж если стать на такую внеисторическую, но полную благородного негодования точку зрения, то, конечно же, в первую очередь недостойны существовать нынешние североамериканцы за то, что свели в небытие уже в цивилизованном XIX веке десятки индейских племен.

Испанцы тоже заслужили проклятье всего человечества и недостойны жизни в семье «цивилизованных» народов за уничтожение громадных, цветущих цивилизаций майя и ацтеков.

А варвары немцы? Да вся их историческая жизнь выросла и стоит до сих пор на костях полабских славян, пруссов, онемеченных чешских народностей.

Обратим внимание на то, что все эти трагедии вершились, когда геноцид совершался из абсолютно корыстных побуждений. Династическим сословиям, конкистадорам, военно-религиозным орденам нужны были золото, земли, рабы, новые территории, заморские богатства. Да за десятки миллионов черных африканских невольников, создавших благосостояние Соединенных Штатов, эта страна, с точки зрения польского публициста, должна быть объявлена «империей зла», по закону о геноциде – без срока давности, вплоть до Страшного суда.

Наши же «геноцидные» деяния, как их называют поляки, заключаются в том, что когда мы изнемогали в борьбе с объединенной фашистской (по-своему «цивилизованной»!) Европой, когда наша истекающая кровью армия была прижата к Волге и Кавказскому хребту, когда весы истории неотврати-

мо клонились к созданию на земном шаре «тысячелетнего рейха», при котором Речь Посполита была бы, как плевок, стерта с лица земли и никто бы не заметил во всемирном апокалипсисе этой ничтожной утраты, – в это время в линиях нашей отчаянной обороны, почти смыкавшихся с линией фронта, стали вспыхивать настоящие восстания в долинах и горах Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, в степях Калмыкии…

Пулеметные очереди летели в спины советских солдат в предгорьях Кавказа, где действовало множество мелких банд из чеченских и ингушских дезертиров; крымские татары по горным тропам, только им известным, выводили в тылы нашим партизанам и частям, оставшимся в окружении, батальоны немецких егерей и зверски расправлялись с захваченными врасплох пленными; калмыцкие приспешники Гитлера, уверовавшие в немецкую победу, преследовали остатки разгромленных наших воинских частей в прикаспийских степях. А всем им в этих операциях помогало мирное население – ведь в бандах находились их сыновья, братья, мужья.

И когда перед нами встал неизбежный выбор: жить или умереть, то наш народ вместе с властью, как и всякий другой великий народ в подобных обстоятельствах, выбрал жизнь и борьбу. А значит – кару изменникам, перебежчикам, власовцам, решившим, что фашистская власть пришла навсегда и надо служить ей, чтобы жить дальше. И лишь эти чрезвычайные обстоятельства смертельно опасного военного положения вынудили руководство страны во главе со Сталиным на жесточайшие меры. Выселить на Восток целые племена – тяжелейшее дело, но оставлять вблизи натянутой и рвущейся линии фронта очаги мятежа означало проиграть войну.

Оправдывая «естественную» смерть десятков тысяч советских военнопленных в польских лагерях после войны 1920 года, нынешний публицист Анджей Новак пишет: «Такова была та война: бедная, голодная, нищенская» (Новая Польша. № 4, 2005 год). Мол, нечем было кормить и лечить пленных… Ну а наша война, если помнить, что речь шла о жизни и смерти всего народа, была во много раз более «таковой».

Даже американцы, на землю которых не ступил ни один японский солдат, согнали своих законопослушных американских японцев в концлагеря. А как бы они поступили, если бы самураи захватили половину североамериканского континента?

Наш всемирно известный ученый, один из основоположников советской космонавтики, Борис Раушенбах, происходивший из поволжских немцев, на провокационный вопрос «перестроечной» журналистки: «Вы были противником распада Советского Союза. Вы же так много претерпели от этой системы, провели много лет в лагерях. Но потом нашли в себе силы, чтобы простить?» – с достоинством ответил:

– А чего прощать-то? Я никогда не чувствовал себя обиженным, считал, что посадили меня совершенно правильно. Это был все-таки не 37-й год, причины которого совершенно иные. Шла война с Германией. Я был немцем. Потом в лагерях оказались крымские татары, чеченцы… Правда, те же татары во время оккупации Крыма все-таки работали на фашистов. Это некрасиво. Среди же немцев если и были предатели, но полпроцента или даже меньше. Но попробуй их выявить в условиях войны. Проще отправить всех в лагерь…

Что говорить, было очень плохо, но в условиях войны власть приняла совершенно правильное решение. Я это и своим солагерникам объяснял. А они мне в ответ говорили: «Вас надо пустить агитировать за советскую власть по лагерям» (Мир за неделю. № 17, 1999).

А ведь до войны и чеченцы с ингушами, и крымские татары, и калмыки жили зажиточной жизнью, не хуже, а пожалуй что, лучше русских. Им было дано все: земли, образование, русские учили их в школах, лечили в больницах, строили в их автономиях города, дороги, заводы, нефтяные скважины. А вот поди же. Дрогнули тейпы в трудный час, вступили на стезю отступничества.

Конечно, со всеми народами в апокалипсические времена происходили подобные процессы, но здесь был некий критический порог предательства, который в самый тяжелый

момент стал угрозой существованию и советского государства, и русского народа.

Другое дело, что после победы можно было раньше, нежели это было сделано, великодушно простить, амнистировать, забыть… Но не теми были политические и человеческие нравы суровой эпохи. Впрочем, вспомним, что и французы не простили своего Петена и его приспешников, да и норвежцы, практически не пострадавшие во время войны, казнили своего Квислинга, как военного преступника, и даже отвернулись от великого писателя Кнута Гамсуна, симпатизировавшего Гитлеру.

А что за потери и жертвы были у Франции и Норвегии по сравнению с нашими? Так, семечки…

3. Фашиствующая Польша

Поляки очень хотят забыть позорные страницы своей истории, когда Польша изо всех сил старалась вписаться в европейскую фашистскую империю, которую выстраивал с середины 30-х годов Адольф Гитлер. Вообще у шляхтичей странная память: обо всем, что им выгодно, они помнят и твердят с маниакальным упорством. Но обо всем, что им хочется забыть, забывают моментально.

И даже создание в Варшаве Института национальной памяти дела не поправило. Его директор Леон Керес помнит только о пакте Молотова–Риббентропа, о Катыни, о Варшавском восстании и несчастной судьбе военнопленных из Армии Крайовой.

Об этой патологической особенности шляхетского менталитета откровенно и самокритично писал в свое время польский историк Юзеф Липский: «Почти каждый поляк, даже образованный, верит сегодня, что после Второй мировой войны мы вернулись на земли, отнятые у нас немцами… Восточная Пруссия, кусочек которой нам достался (Липский не решается сказать, что этот кусочек не просто достался, но подарен Польше Сталиным! – *Ст. К.*), никогда не была польской".

Видите – даже «образованные» не помнят. Хороши «образованцы»!

А что уж говорить о «необразованных»...

Польша всегда мечтала вершить свою внешнюю и внутреннюю антисоветскую (или антироссийскую) политику, опираясь на какую-либо мощную европейскую державу: на Англию, на Францию, а в 30-е годы сделала ставку на Германию, поверив в судьбу «Тысячелетнего рейха».

Нынешние поляки до хрипоты рвут глотки, осуждая сталинское государство за соглашение с Гитлером в августе 1939 года. Но вспомним, что до этого каждый кусок Европы, проглоченный фашизмом, Польша приветствовала с восторгом: оккупацию Рейнской области, аншлюс Австрии, вторжение Италии в Абиссинию, итало-германскую поддержку фалангистов Франко в Испании. Гитлеровскую Германию исключают из Лиги Наций – Польша тут же услужливо предлагает фашистам представлять их интересы в этой предшественнице ООН. А когда произошла мюнхенская драма и Гитлер с согласия Англии и Франции отхватил у Чехословакии Судеты, Польша решила, что за заслуги перед Германией ей тоже положена часть добычи – и отрезала у чехов Тешинскую область.

Нам все время тычут в глаза визитом Риббентропа в Москву в августе 1939 года. В майском номере «Новой Польши» за 2005 год опубликовано письмо российского ПЕН-центра польскому ПЕН-клубу, подписанное Вознесенским, Ерофеевым, Мориц, Ахмадулиной, Аркановым и прочими деятелями либеральной тусовки, в котором перечислены все преступления России: «катынское злодеяние», «Варшавское восстание», «стираемая с лица земли Варшава» – с истерическим воплем: «Как же странно сознавать, что начало этому кошмару практически положил чудовищный пакт Риббентропа–Молотова!».

«Пятая колонна»… Однако почти все – лауреаты Государственной премии России, полученной из рук Путина, предложившего во время визита в Польшу полякам, когда они подняли крик насчет покаяния за Катынь, не превращать польско-российские отношения в театр абсурда.

Надо бы знать пенклубовским подписантам этого письма, что они защищают открыто фашиствовавшую в предвоенное время страну, которая задолго до августа 1939 года вела переговоры с тем же Риббентропом. А до него в Варшаве то и дело гостили министры «Третьего рейха» Геринг и Франк, множество немецких генералов и дипломатов, польский министр иностранных дел Ю. Бек ездил на свидание к Гитлеру… Да и сам фюрер после оккупации Польши приказал поставить в Кракове почетный военный караул у гробницы Пилсудского в Вавельском замке, как бы отдавая дань благодарности его профашистской политике и, видимо, вспомнив, что в 1933 году Польша стала первым (после Ватикана) государством, заключившим с Германией договор о ненападении, чем поспособствовала международному признанию фашистского режима.

Из двадцати четырех российских подписантов письма, опубликованного в «Новой Польше», более половины – евреи. Ну хоть бы они вспомнили, по какой довоенной Польше 1939 года, разорванной «чудовищным пактом Риббентропа–Молотова», они проливают слезы. Советую им прочитать отрывок из воспоминаний гражданина Польши, поляка по матери Андрея Нечаева, ныне живущего в Щецине:

«В конце 30-х годов Польша начала склоняться к фашизму – “Фаланга”, ОНР (национально-радикальный лагерь), увлечение Гитлером… У меня в университете был друг поляк, который бегал на кинохронику в кинотеатр и с удовольствием смотрел гитлеровские парады. Молодежь из ОНР в дни антиеврейских акций кричала: “Еврей – бешеная собака, которую надо убить!”

Еще на первом курсе я стал свидетелем ужасающих сцен. В ноябре я пережил в университете антиеврейские дни. Представьте себе такую сценку: из двухсот студентов на медицинском факультете пятеро были евреями. Аудитория заполнена не только студентами, но и уличной шпаной. Почти все орут: “Убей еврея!” Профессор заявляет, что в таких условиях он не может читать лекцию, и уходит. Евреи спасаются

бегством, перепрыгивают через балюстрады. Кое-кто из них был сильно избит.

Меня это повергло в шок…

Вскоре в университете ввели гетто – выделенные места для евреев в аудиториях, а затем numerus nullus (запрет евреям поступать в высшие учебные заведения). Евреев вообще не принимали на медицинские факультеты» (Новая Польша. № 11, 2004).

Ни в какие времена, даже самые трудные для советских евреев – ни в тридцатые, ни в сороковые годы, ни в эпоху «отказничества», такого в России представить было невозможно.

Это было подражанием гитлеровским «хрустальным ночам», но лишь с одной особенностью: в Польше тех времен преследовало и загоняло евреев в угол не столько государство, сколько само общество, население, «соседи» (если вспомнить трагедию Едвабне).

Государственную практику легко прекратить.

Общественные нравы искоренить или исправить чрезвычайно трудно, почти невозможно.

Так что Польша конца тридцатых годов была отнюдь не «кроликом», как пытался изобразить ее Чеслав Милош, а скорее хищником средней величины, вроде гиены, льнущей к более крупному хищнику, Германии, в надежде на объедки со стола победителя. Она сама создавала атмосферу интриг и политического коварства, в которой стал вполне естествен и необходим для безопасности нашей страны пакт Молотова–Риббентропа. Ну а то, что большой хищник, на которого возлагались сервильные надежды, «кинул» хищника более слабого и даже разорвал его за две недели войны – так это в истории бывало не раз. И повторится еще не единожды.

Мелких слуг в большой геополитической игре в те времена частенько приносили в жертву.

4. «Стоящие с оружием у ноги…»

В год шестидесятилетия Победы над гитлеровской Германией и всеми силами фашистской Европы журнал «Новая

Польша» (впрочем, как и вся польская пресса) особенно много слез пролил по поводу преследований, которым в 1944–1945 годах подвергалось командование и солдаты Армии Крайовой. Эти «преступления» советской власти в сегодняшней Польше считаются «знаковыми», «сакральными», по поводу которых нельзя сомневаться, точно так же, как по поводу Освенцима и Катыни.

«Сразу же после того, как линия фронта перемещалась на Запад, бойцов АК разоружали и арестовывали», «семнадцать тысяч бойцов АК были отправлены в лагеря. Для них это было потрясением» (из статьи «Интернированные союзники» Петра Мицнера, «Новая Польша», № 2, 2004).

«Было и уничтожение "освободителями" во второй половине 1940-х партизан Армии Крайовой (…), репрессии, Сибирь – в общем, нормальное построение советской власти» – эта издевательская реплика по отношению к «освободителям» принадлежит члену правления российского общества «Мемориал» некоему А. Черкасову (Новая Польша. № 3, 2005).

«Кремлевские советники порочат память Армии Крайовой – самой многочисленной партизанской армии Европы» (Тыгодник повшехный. 27.03.2005).

И такого рода истерические стенания – в каждом номере «Новой Польши».

Действительно, Армия Крайова была достаточно многочисленной и хорошо организованной силой. И по советским, и по польским источникам, ее подпольная сеть насчитывала от 250 до 400 тысяч человек. Но как она сражалась с немецко-фашистскими оккупантами, как она защищала свой народ? Она исходила из концепции «двух врагов» – Германии и России, которая сводилась к тому, чтобы, как любило говорить командование АК, «стоять с оружием у ноги». Эта тактика была один к одному похожа на тактику наших союзников, о которой вице-президент США Гарри Трумэн сказал так: «Пусть немцы и русские как можно больше убивают друг друга». Но цинизм, естественный и понятный для союзников, на земли которых ни разу не ступила нога гитлеровского

солдата, на практике оказывался самоубийствен для «расово неполноценного» польского народа, обреченного на уничтожение. Тем не менее поляки не торопились открывать «второй партизанский фронт», и «Информационный бюллетень» Главного штаба Армии Крайовой 1 октября 1942 года так комментировал развернувшееся Сталинградское сражение:

«Ад на Волге. Битва за Сталинград приобретает историческое значение. Очень важно и то, что колоссальная битва “на великой реке” затягивается. В ней взаимно уничтожают себя две самые крупные силы зла».

Кощунственно иронизируя над нашей сверхчеловеческой стойкостью на «великой реке», поляки мистическим образом спровоцировали зеркальную ситуацию, которая возникла через полтора года: Варшавское восстание! А почему не увидеть связи между этими судьбоносными событиями? Висла – тоже «великая река». Руины Варшавы ничем не отличались от сталинградских руин. «Ад на Волге» стал «адом на Висле». И все-таки великое отличие есть: в Сталинграде, вскинув руки вверх, из развалин вышел фельдмаршал фон Паулюс, а в Варшаве в той же позиции (Hande hoch!) перед эсэсовским генералом фон дем Бахом возник высокородный шляхтич граф Бур-Комаровский. Вот так история мстит тем, кто пытается осмеять ее.

Когда в начале 1943 года наши войска добивали и брали в плен последние части армии Паулюса, идеологи АК отнюдь не радовались нашей победе, но оплакивали судьбу оккупантов: «Страдания солдат, участвующих в боях в морозы и пургу, лишенных поставок продовольствия и оружия, без медицинской помощи, в открытой степи, ужасны. С нашей стороны было бы несправедливо, если бы мы не подчеркивали исключительную моральную выносливость остатков армии Паулюса…»

Эти слезы лились в то же самое время, когда крематории Освенцима и Треблинки уже работали на полную мощь, когда тысячи поляков в вагонах для скота выселялись из Люблинского воеводства и Замойщины, когда сотни детей, оторванных от матерей и отцов, замерзали в этих вагонах…

Но вот как писал польский историк Владислав Побуч-Малиновский о том, как в те трагические дни придерживался тактики «стоять с оружием у ноги» один из вождей АК, генерал Ровецкий, с его штабом: «Ровецкий следовал приказам генерала Соснковского об активизации действий по мере возможности, но почти в каждом его решении, инструкции, указании чувствовалась забота об экономии живой силы… Он умел решительно сдерживать чрезмерный боевой темперамент… Когда в конце 1942 года немцы начали на Замойщине жестокую акцию выселения, он сохранял умеренность в организации возмездия. (Ну не смешно ли? – *Ст. К.*)

Некоторые из польских деятелей требовали "даже мобилизации АК и похода на помощь Замойщине". Ровецкий, уклоняясь от этих требований, говорил своему окружению: "Если мы послушаем тех, которые сейчас так шумят и обвиняют нас в бездействии, то когда немцы начнут нас бить (! – *Ст. К.*), те же самые лица первые начнут пищать, чтобы мы прекратили"».

Сегодняшние польские «аковцы» кричат о том, что советские войска не пришли на помощь Варшавскому восстанию. Но как Армия Крайова отозвалась на восстание евреев в Варшавском гетто весной 1943 года?

Генерал Бур-Комаровский в своих воспоминаниях «Подпольная армия» пишет, что когда Ровецкий созвал совещание штаба и робко заявил, «что в такой степени, в какой это возможно, мы должны прийти евреям на помощь», то от своих штабных офицеров «он услышал такие рассуждения: если Америка и Великобритания не в состоянии предотвратить это преступление немцев», то «как же мы сможем их остановить?»

А в газете «Жечпосполита» от 5–6 июля 2003 года была напечатана статья П. Шапиро «Краткий курс на память и забытье», в которой автор писал о том, что когда «в Лондон попали микрофильмы с отчетами о деятельности еврейского подполья, их использование во время войны не вызвало какого-либо энтузиазма со стороны польского подполья». Реакция лондонских поляков была такова: «Евреи любым путем стремятся

разрекламировать во всем мире величие своего вооруженного сопротивления немцам». Может быть, евреи преувеличивали значение своего восстания. Допускаю. Но разве не тем же самым сегодня занимаются поляки, рекламируя «величие вооруженного сопротивления» Армии Крайовой задним числом, спустя шестьдесят лет после войны?

Не удержусь и еще раз процитирую отрывок из книги Вадима Кожинова, о котором я уже упоминал в книге «Шляхта и мы».

«По сведениям, собранным Б. Урланисом, в ходе югославского сопротивления погибли около 300 тысяч человек (из примерно 16 миллионов населения страны), албанского – почти 29 тысяч (из всего лишь 1 миллиона населения), а польского – 33 тысячи (из 35 миллионов). Таким образом, доля населения, погибшего в реальной борьбе с германской властью в Польше, в 20 раз меньше, чем в Югославии, и почти в 30 раз меньше, чем в Албании!»

Вот что означало «стоять с оружием у ноги»!

Ради справедливости надо сказать, что кроме 33 тысяч погибших «аковцев» поляки, воевавшие и в Европе – в английских частях и в составе наших войск (Армия Людова) – и во время немецкого блицкрига, длившегося 17 дней, – потеряли еще около 100 тысяч человек. Всего их общие военные потери – 123 тысячи, то есть 0, 3% населения страны, от 35 миллионов.

Наши прямые военные потери (около 9 миллионов) составляли 5% населения СССР, немецкие (без союзников) – 5 миллионов солдат и офицеров – около 7% населения Германии.

В таких роковых и судьбоносных войнах, какой была Вторая мировая, тремя десятыми процента – такой малой кровью Родину не спасешь… «Стояли с оружием у ноги», экономили силы, ждали момента, когда после советско-немецкого взаимоистребления можно будет схватить власть в Польше голыми руками, а в результате дождались, что за это время немцы уничтожили 6 миллионов их сограждан, каждого шестого поляка.

В год шестидесятилетия Победы пропагандистскую кампанию по поводу преследований, которым подвергались командование и солдаты АК, возглавил сам президент Польши Александр Квасневский, выступивший, как пишет «Новая Польша», 7 мая 2005 года во Вроцлаве:

«Мы с возмущением и горечью вспоминаем, что когда в московском небе гремел салют в честь Победы, шестнадцать лидеров подпольной Польши сидели в казематах Лубянки. Трое из них были казнены».

Пресса, естественно, поддержала «возмущение и горечь» президента:

«60 лет назад лидеры Польского подпольного государства (! – *Ст. К.*) были коварно похищены НКВД, вывезены в Москву, брошены в тюрьму, подвергнуты жестокому следствию, а затем осуждены в ходе беззаконного процесса. Их было шестнадцать. Самыми значительными фигурами среди них был последний командующий Армии Крайовой генерал Леопольд Окулицкий, делегат эмигрантского правительства вице-премьер Станислав Янковский и председатель Совета национального единства Казимеж Пужок…» (Новая Польша. № 5, 2005).

Много воды утекло с тех пор. Выросли новые поколения, не знающие обстоятельств, в которых проходили подобные репрессии, и потому надо и нам почаще вспоминать истинную историческую картину той эпохи…

В 1994 году, в наше демократическое время, Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики, Государственный архив Российской Федерации и Научный центр общеславянских исследований издали крошечным, почти самиздатовским тиражом (500 экз.!) на плохой, желтой бумаге, в мягкой оберточной обложке собрание документов под названием «НКВД и польское подполье». Процитируем несколько донесений НКВД, касающихся деятельности АК в тылу советских войск на освобожденных землях Польши в 1944 году, задолго до ареста в марте 1945 года Окулицкого и его товарищей.

«16 октября 1944 года.

В Холмском уезде действуют отряды "АК"… (…) эти отряды совершили более 10 вооруженных нападений. Убито 15 человек из числа местных работников.

В Замостьянском уезде повстанцами убито 11 человек, из них 5 военнослужащих Красной Армии.

В Люблинском уезде действует отряд "АК" численностью до 300 человек. Совершено убийство пяти военнослужащих Красной Армии.

В Владовском уезде сформирован отряд "АК", насчитывающий 200 человек, совершено 6 убийств работников милиции».

Из донесения советника НКВД при Министерстве общественной безопасности Польши Н. Н. Селивановского (1945)

«С 1-го по 10 июня на территории Польши бандами "АК" совершено 120 вооруженных налетов на органы общественной безопасности и милиции, мелкие группы советских и польских военнослужащих, а также на гражданское население украинской и белорусской национальности: убито 16 советских военнослужащих, 3 польских, 27 сотрудников органов общественной безопасности и милиции, 25 членов ППР и активистов, 207– гражданского населения».

Еще одно донесение Н. Н. Селивановского от 5 июня 1945 г.:

«6 июня с.г. банда "АК" подпоручика Цибульского, известного по псевдониму "Сокол", учинила погром над украинским населением деревни Ветховина (13 километров юго-западнее города Холм).

Банда "Сокола" численностью более 200 человек в форме Войска Польского, вооруженная станковыми и ручными пулеметами, автоматами, винтовками, подошла к селу на 45 подводах и частью в пешем строю.

Украинские жители, приняв банду за польские части, возвращающиеся с фронта, встретили ее почестями и цветами.

Пройдя через село и сосредоточив обоз в ближайшем лесу, бандиты возвратились и начали поголовное истребление украинцев.

Бандиты убили 202 человека, в том числе грудных детей, подростков, мужчин и женщин всех возрастов.

Мирные жители убивались огнестрельным оружием, мотыгами, лопатами, топорами, ножами, женщинам рубили головы, мужчин пытали раскаленными железными прутьями.

Забрав часть имущества из квартир убитых и 65 голов скота, банда направилась к селу Селец…»

Это – лишь малый список жертв «аковского» террора. Осенью 1945 года их число непрерывно растет:

«30 ноября 1945 г.

Убито 39, ранено 24, пленено 8 сотрудников милиции». «Военнослужащих Красной Армии убито 6 и ранено 5 человек».

«Убито 62, ранено 11 и пленено 5 человек».

«19 ноября в Кракове в квартире гр-на Хохберг (…) кроме хозяина, его матери и двух сестер находились 6 мужчин, по национальности евреи…

Бандиты предложили всем присутствующим в доме поднять руки вверх и стать к стене, а затем выстрелами из пистолетов убили 3 мужчин, ранили одну из женщин и скрылись».

«Убито 18 военнослужащих Красной Армии», «убит 61 человек из местного населения».

Из донесения от 23 апреля 1946 г.:

«Убито и ранено 25 военнослужащих Красной Армии,

45 военнослужащих Войска Польского,

7 государственных служащих,

64 местных жителя».

В. Парсаданова пишет о 1000 убитых советских военнослужащих, но это явное преуменьшение историка, издающего свои труды в России на польские гранты.

Лишь за 4 месяца 1946 года (январь, февраль, март, апрель) «аковцами» было убито из числа военнослужащих советских и польских вместе с местным населением 836 человек.

И это лишь небольшая часть расстрельных списков Армии Крайовой, опубликованных в этом сборнике. Так что когда Петр Мицнер пишет о том, что заключение в советские лагеря семнадцати тысяч «бойцов АК… для них стало потря-

сением», думаю, что он преувеличивает. Они знали, за что их ссылают в лагеря, и, думаю, радовались, что всего лишь ссылают, а не ставят к стенке.

Сегодня, в год 60-летия Победы, когда Россию клеймят за интернирование «аковцев», когда наша власть принимает как должное плевки шляхтичей, вместо того чтобы осадить эту свору с достоинством, приличествующим великой Победе, конечно, понимаешь, что «козыревщина» еще не изжита из нашей внешнеполитической жизни.

Она лишает наших государственных мужей смелости, веры в свою правоту, поиска истины. А если уж самым храбрым иногда удается хоть как-то огрызнуться и возмутиться, то тут же из-за океана раздается шляхетский окрик знаменитого не меньше покойного папы поляка Бжезинского, который со страниц «Уолл-стрит Джорнел» потребовал, чтобы российское правительство «не увиливало от оценки прошлого своей страны, которое во всем мире признано криминальным».

Тоже мне, «тихий американец»...

5. «Берег левый, берег правый...»

1 августа 1944 года началось Варшавское восстание.

26 августа 1944 года Константин Рокоссовский дал интервью британскому корреспонденту Александру Верту.

Между маршалом Советского Союза и англичанином произошел такой разговор:

Рокоссовский: После нескольких недель тяжелых боев мы подошли примерно 1 августа к окраинам Праги. В тот момент немцы бросили в бой четыре танковые дивизии, и мы были оттеснены назад.

Верт: Думали ли вы 1 августа, что сможете уже через несколько дней овладеть Варшавой?

Рокоссовский: Если бы немцы не бросили в бой всех этих танков, мы смогли бы взять Варшаву, но шансов на это никогда не было больше 50 из 100…

Верт: Было ли Варшавское восстание оправданным в таких обстоятельствах?

Рокоссовский: Нет, это была грубая ошибка. Повстанцы начали его на собственный страх и риск… Вооруженное восстание в таком месте, как Варшава, могло бы оказаться успешным только в том случае, если бы оно было тщательно скоординировано с действиями Красной Армии. Правильный выбор времени являлся здесь делом огромной важности. Варшавские повстанцы были плохо вооружены, и восстание имело бы смысл только в том случае, если бы мы были уже готовы вступить в Варшаву. Подобной готовности у нас не было ни на одном из этапов… Обстоятельства были неблагоприятны для нас. На войне такие вещи случаются…

Верт: Но у вас есть плацдармы к югу от Варшавы.

Рокоссовский: Нам очень трудно их удерживать, и мы теряем много людей. Учтите, что у нас за плечами более двух месяцев непрерывных боев. Мы освободили всю Белоруссию и почти четвертую часть Польши; но ведь и Красная Армия может временами уставать. Наши потери были очень велики…

Честный рассказ солдата, поляка и великого полководца.

А вот как изображают те трагические события нынешние воинственные шляхтичи из журнала «Новая Польша»:

«1 августа 1944 года, в разгар советского наступления, поляки подняли восстание в Варшаве, надеясь на поддержку русской армии. Но фронт был остановлен: повстанцы были “неправильные”» (НП. № 3, 2005).

В том же номере: «Кремль, по словам директора Института национальной памяти Леона Кереса, должен принести извинения за неоказанную помощь Варшавскому восстанию».

«Москва еще не созрела для извинений за пассивность Советской Армии на подступах к гибнущей Варшаве» (Новая Польша. № 9, 2004.)

«Папа рассказывал, как напротив горящей Варшавы стояла наша до зубов вооруженная армия и палец о палец не ударила, чтобы спасти. Могли помочь, но не хотели» (Тимур Коган, «НП», № 1, 2005)

Автору этих слов, видимо, непонятно, что в Варшаве тогда стояла еще одна «до зубов вооруженная армия» – но другая, немецкая.

Сколько раз наши русофобы, российские и польские, упрекали Жукова, что он не жалел солдат, бросал их на взятие Берлина, что к «датам» якобы брали города, что такое жертвоприношение, такое нежелание беречь своих солдат – преступно… Но в истории с Варшавой все наоборот – до сих пор кричат: почему не стали брать ее с ходу! Брать ее с ходу, да еще не в соответствии со своими военными планами, а с чужими – значит положить десятки тысяч солдат. Но какое дело до русской крови борзописцам и фарисеям-историкам из «Новой Польши»? 600 тысяч им мало… Еще надо было прибавить, спасая авантюристов из АК.

Взять великий город – дело непростое, это не деревушка и не хутор. Бои в городе – одна из самых тяжелейших военных операций. Вспомним, что немцы не могли овладеть руинами Сталинграда, а наши солдаты в 1994 году – кварталами Грозного. Но если следовать шляхетской логике, то Сталин только и ждал момента, когда немцы раздавят повстанцев, чтобы потом взять Варшаву. Однако мы ее взяли не через несколько дней или даже недель после капитуляции Бур-Комаровского, а почти через четыре (!) месяца – 18 января 1945 года. Вот сколько времени понадобилось нашим войскам, нашим штабам, нашим отставшим от фронта тылам, чтобы собрать разведданные, подтянуть резервы, выработать стратегию, по которой следует с наименьшими потерями штурмовать громадный город. Не по-шляхетски мы его брали. А по-советски. По-сталински.

22 июля 1944 года на первом клочке освобожденной Польши был образован Польский комитет национального освобождения. Испугавшись, что он будет представлять будущую власть Польши, «аковцы» тут же обратились к англичанам с просьбой о поддержке будущего восстания. Англичане не дураки: отказались от плана конкретной помощи, сославшись, в числе других причин, на необходимость «согласования этих действий с советским правительством».

Несмотря на это, через 3 дня главнокомандующий АК отдал приказ о начале восстания.

Вот как вспоминал о начале этой трагедии во время 20-й годовщины восстания один из его участников (дальше выдержки из сборника «Варшавское восстание. Статьи. Речи. Воспоминания. Документы»):

«АК приняло решение о восстании за 6 дней до его начала. Не было никакого плана вооруженных действий. В момент начала восстания командование АК располагало в Варшаве примерно 16 тыс. человек, а вооружение, причем исключительно так называемое личное оружие, имелось лишь для 3, 5 тысячи. Боеприпасов хватило только на несколько дней борьбы…»

Все это было похоже на восстание 1863 года, о котором польский историк Я. Тазбор писал почти так же:

«А январское восстание 1863 года? Это же было просто безумие… мы пошли в бой без оружия. Между прочим, Манифест повстанческого правительства 1863 года был написан вовсе не кем-то из политиков, а поэтессой Ильницкой, которая верила, что одного энтузиазма достаточно, чтобы враг был разгромлен».

Варшавское восстание было событием, генетически связанным со многими катастрофическими ключевыми фактами польской истории: с восстанием 1863 года, с атаками польских кавалеристов на немецкие танки в сентябре 1939-го, с жертвоприношением нескольких тысяч жолнеров под Монте-Кассино, с фантастическим планом генерала Андерса первым войти в родную Польшу и освободить Варшаву.

Из воспоминаний повстанцев:

«С грустью мы смотрели в сторону Вислы, откуда должны были прийти помощь и освобождение, а для некоторых наших собеседников, как они говорили, – новая оккупация».

«Переправиться через Вислу, по мнению некоторых, означало попасть в руки другого врага… Они хотели выступить в роли хозяев Варшавы, а теперь сами искали убежища и помощи. Ведь это будет двойным поражением».

За два часа до переправы к советскому берегу через Вислу штаб Бур-Комаровского принял решение о капитуляции. Лучше в плен к немцам, чем союз с Советской Армией и Армией Людовой: «Кто-то из присутствующих с трудом выдавил из себя: “Ведь это или чудовищное преступление, или непростительная глупость”».

28.IX.44. (из донесения представителя главного командования АК подполковника Зигмунда Добровольского о переговорах с немцами о капитуляции):

«Продолжение борьбы означает только бесцельно обрекать на смерть сотни тысяч мирных жителей, прежде всего женщин и детей» (дошло за 2 дня до капитуляции. – *Ст. К.*).

«Так как большевики являются такими же врагами Польши, как и врагами Германии, Армия Крайова не опозорит себя, если сложит оружие, исчерпав все возможности для спасения».

Из воспоминаний участников восстания:

«Условия капитуляции, переданные по лондонскому радио на польском языке, предоставляли права воюющей стороны лишь солдатам и офицерам Армии Крайовой. Это означало на деле, что граф Бур выпрашивал у немцев для своих бывших солдат и офицеров право находиться в концентрационных лагерях, а солдат и офицеров Армии Людовой, польской Армии Людовой и Корпуса безопасности обрекал на верную смерть… Полностью погиб Варшавский штаб Армии Людовой, сотни ее лучших деятелей, тысячи отважных солдат и офицеров. Граф Комаровский вместе со своим штабом спас свою жизнь ценою немецкого плена…»

Недаром, как писал в своем донесении в штаб АК полковник Вахновский, который вел с обергруппенфюрером СС генералом фон дем Бахом переговоры об условиях капитуляции, эсесовский генерал «особенно подчеркнул свое доброжелательное отношение к полякам и Армии Крайовой» (это после уничтожения двухсот тысяч мирного населения Варшавы).

Конечно, никто никогда не упрекнет в недостатке мужества рядовых солдат Армии Крайовой, не знавших планов

своего начальства и беззаветно умиравших за родину на руинах Варшавы. Но высшее офицерство!.. Оно даже фронтовое братство предало только лишь потому, что их временные собратья по оружию были из Армии Людовой и переправились к ним с восточного берега Вислы, а значит, были для них «советскими поляками».

6. От Волыни до Катыни

В майском номере «Новой Польши» за 2005 год опубликованы сразу два материала об отношениях Армии Крайовой и белорусских партизан во время фашистской оккупации. Автор одного из них Александр Гогун верен польской исторической концепции: для него «красные партизаны» (так названа статья) – это в первую очередь мародеры и грабители, партийные функционеры и чекисты. Польский историк, конечно же, заключает слова «народные мстители» в иронические кавычки и охотно, как и вся польская историография, переходит на геббельсовский язык, называя белорусских партизан бандитами.

В том же номере еще один историк – Казимеж Краевский – вторит Гогуну. В статье «Кто расстреливал белорусских партизан» (которая является откликом на нашу перепечатку короткой заметки из немецкого журнала «Шпигель») он обвиняет белорусских партизан в том, что они выполняли «директивы руководства СССР, направленные на то, чтобы как можно быстрее ликвидировать Армию Крайову на восточных территориях, принадлежавших до войны Польше (…) как силу, которая могла противостоять агрессивным планам СССР».

Все-таки шляхта верна себе – рано или поздно проговорится: Западная Белоруссия у Краевского названа «восточной территорией, принадлежавшей до войны Польше».

Никак не хотят признать поляки, что белорусы боролись с ними не по указу чекистов и партийных функционеров, а чтобы по окончании войны жить в единой Белоруссии, но не в польской колонии, именуемой «восточной территорией».

В Польше времен Пилсудского и после его смерти Западной Белоруссии не существовало. Она называлась «крессами всходними» – то есть «восточной окраиной». Поляки в те времена не признавали белорусов за нацию. Известный польский идеолог 30-х годов Адольф Невчинский безо всяких оговорок заявлял, что с белорусами нужно разговаривать на языке «висельниц, и только висельниц… Это будет, – писал он, – самое правильное разрешение национального вопроса в Западной Белоруссии».

Нынешние польские историки (порой вместе с нашими политологами) изо всех сил стараются затушевать белорусско-польские противоречия минувшей эпохи. В февральском номере «Новой Польши» за 2005 год некая Инесса Яжборовская (из Института сравнительной политики Российской академии наук) изображает их так:

«Что произошло в 40–50-е годы? Когда Польша и другие страны Центральной и Восточной Европы были объявлены мононациональными государствами, была предпринята попытка превратить их действительно в однонациональные, ликвидировать национальные меньшинства. К примеру, белорусы потеряли свой язык, они должны были или уехать в советскую Белоруссию, или объявить себя поляками. Украинцы на это не пошли, украинцев постигла акция “Висла”. И другие национальные меньшинства, которых на самом деле в Польше больше дюжины, практически должны были объявить себя поляками. Это была концепция сталинско-коминтерновская, и она проводилась последовательно во всех этих странах. Мы с вами были советскими людьми, мы с вами были носителями флага с надписью “морально-политическое единство советского народа”. В Польше тоже укоренялась вот эта самая версия морально-политического единства народа».

Словом, все польские грехи приписываются Советскому Союзу. Но как бедная политологша объяснит, почему белорусы, которые в Польше из-за якобы просоветской польской политики «потеряли свой язык», чтобы говорить на нем, должны были «уехать в советскую Белоруссию. В противном случае

им надо было объявить себя поляками»… Но это значит, что в советской Белоруссии подобных притеснений не было. (А как туманно и загадочно сказано: «Украинцы на это не пошли, украинцев постигла акция “Висла”»!)

На самом деле в 20–30-е годы западные белорусы считали поляков оккупантами и боролись, как могли, с польскими полицейскими, жандармами и колонистами, получившими земли «всходних крессов».

Вот почему население «всходних крессов» с радостью приветствовало освободительный для них поход Красной Армии 17 сентября 1939 года. И в сегодняшней Белоруссии очень сильно общественное мнение, требующее, чтобы 17 сентября – день воссоединения расчлененного в 1921 году белорусского народа, стал государственным праздником республики.

Ненависть белорусов к польским осадникам в сентябре 1939 года была такова, что как только рухнула польская колониально-полицейская система в «крессах всходних» – то наступало неотвратимое возмездие.

Сбывалось то, о чем писал в своих воспоминаниях наш бывший военнопленный времен войны 1920 года Яков Подольский: «Ужасное отмщение готовит себе шовинистическая буржуазная Польша».

22 и 23 сентября местное население местечка Скидаля расправилось с бывшими легионерами-осадниками. Были застрелены, растерзаны и забиты в результате этой самосудной расправы 42 человека. Значит, было за что, если кроткие белорусы не выдержали.

С этой точки зрения и на Катынь надо посмотреть по-другому. Все польские историки, политики и журналисты много лет подряд талдычат о том, что в Катыни был расстрелян «цвет нации» – писатели, учителя, священники, ученые и т.д. А вот что пишет современный белорусский историк Л. Криштапович в исследовании «Великий подвиг народа» (Минск, 2005):

«Польские русофобы и антисоветчики ламентируют: катынская трагедия – ничем не оправданный расстрел цвета польского общества – офицеров.

Но это ведь были не просто военнопленные, а оккупанты, ибо объективно Западная Белоруссия была не польской, а оккупированной Польшей землей. И расстреляны были не польские офицеры, а оккупанты, представлявшие карательные репрессивные органы Польши на оккупированной белорусской земле. Достаточно вспомнить о польском лагере смерти для белорусских патриотов и коммунистов в Картуз-Березе. Как справедливо отмечает польский историк Кшиштоф Теплиц, "сегодня о польских полицейских говорят, что многие из них были злодейски убиты в Катыни, но не говорят, что те, кто туда не попал, помогали гитлеровцам в "окончательном решении еврейского вопроса". Что же касается собственно польских войсковых офицеров, то их в СССР никто и не расстреливал. Общеизвестно, что на территории СССР в годы Второй мировой войны эти офицеры активно участвовали в строительстве польской армии генерала Андерса и народного Войска Польского, которые в составе антигитлеровской коалиции внесли свою лепту в дело освобождения европейских народов от фашизма. Такова правда истории».

Кстати, даже в статье Петра Мицнера «Интернированные союзники» (НП. № 2, 2005) признается, что условия, в которых жили польские офицеры в дягилевском лагере под Рязанью, были вполне человечными:

«Они свободно перемещались по территории лагеря, офицеров не заставляли работать, можно было устраивать концерты, шахматные турниры, действовал даже лагерный театр "Наша будка" (разумеется, с жестокой цензурой). Среди заключенных было несколько священников, которым разрешили совершать богослужения».

Вот только бы «жестокую цензуру» отменить, и вполне этот лагерь можно было бы считать, учитывая военное время, чем-то вроде дома отдыха…

Когда я недавно побывал в Белоруссии, – мои минские друзья подарили мне книжечку, изданную в столице в 1994 году. Называется она просто: «Армия Крайова на Белорус-

сии». С подзаголовком: «Первая книга в Белоруссии, где сказана полная, непричесанная правда про Армию Крайову».

Читаешь эту «непричесанную правду» – и волосы на голове дыбом встают. Всю бы ее перепечатать, да места много займет. Ограничусь несколькими отрывками. Книга насыщена документами и воспоминаниями, донесениями разведчиков, сводками НКВД, приказами советского партизанского командования и командования Армии Крайовой.

Из приказа командира польского батальона Панурага («Яна Пивника») от 5.06.44 года:

«Оборонять местное население от жидовско-большевистских банд…»

Советский разведчик, который передавал нашим властям текст этого приказа, от себя добавил, как легендарный «аковец» «оборонял местное население»: «Недавно тут белополяки сожгли более 30 хуторов и уничтожили местное население за связь с советскими партизанами».

«В сентябре 1943 года уланы эскадрона Здзислава Нуркевича расстреляли группу партизан так называемого акайцами жидовского отряда Семена Зорина (в отряде было много евреев. – *Ст. К.*)».

Это был тот самый Нуркевич, о котором в майском номере за 2005 год в материале А. Гогуна сказано с одобрением: «Особенно досаждал красным отряд прапорщика Нуркевича».

Из рапорта главного коменданта АК генерала Тадеуша Комаровского (будущего руководителя Варшавского восстания. – *Ст. К.*) в штаб польского Верховного главнокомандования в Лондоне от 1 марта 1944 года:

«19.11.43 подразделение наднеманского батальона вело бой в районе Жалудка с советскими партизанами (…) Советский отряд был вынужден перейти через переправу на другой берег Немана. Советские потери – убитые, раненые, утонувшие – около 200 человек».

«В районе Налибоцкой пущи отряд “Гуры” с августа 1943-го по июнь 1944-го не провел ни одного боя с немцами, зато имел 32 сражения с советскими партизанами».

«Они стреляли в спину, из-за угла, по-злодейски, часто в безоружных людей. Позже и рядовые «аковцы», и особенно офицеры начнут говорить про некие высокие мотивы ихних убийств людей в Белоруссии, которых они убивали подло, из-за угла».

Из судебного дела № 3710/822 по поводу отряда «Крысы»:

«Ночью с 19 на 20-е катастрычника 1944 г. до 150 человек бандитов напали на местечко Эйшышки (…) ворвались в квартиру громодянина Сонензона, расстреляли его, жену и ребенка.

Ворвались в квартиру Янкевича и расстреляли старшего сержанта Красной Армии…

При отступлении схватили красноармейца, раздели и расстреляли…»

Поляки плачут о судьбе своих пленных в Медном. Но вот что пишет белорусский историк Е. Семашко о них:

«А теперь для завершения разговора о событиях июня–августа 1944 года: вернемся к тем «аковцам», которые были интернированы и находились в Медниках. Им повезло больше всех. Уцелели… Война открыла глаза чекистам. Как бы ни было – Катынская трагедия не повторилась. Хотя счет офицерам АК можно было предъявить немалый».

Из судебных документов по обвинению Леопольда Окулицкого и других руководителей Армии Крайовой на процессе в Москве 18–22 июля 1945 года:

«По неполным данным, в результате террористической деятельности АК только с 28 липеня по 31 снежня 1944 было убито 277 и ранено 94 солдат и офицеров Красной Армии, в том числе убито и поранено офицеров 77, сержантов 87, бойцов 207 человек. С 1 студженя по 30 мая 1945 убито 317 человек и поранено 125 человек бойцов и офицеров Червоной Армии».

«Усих восьмерых милиционеров расстреляли, трупы убитых зверски изувечили, затем утопили подо льдом реки Дзитвы».

Из письма белорусского ветерана Великой Отечественной войны Серафима Янеца от 17.04.1993 г.:

«Группа былых удзельников Армии Крайовой обратилась в Верховный Совет с просьбой реабилитировать всех акайцев.

Коли такое случится, то Верховный Совет сподобится хозяину, который сунул тлеющую головешку под стреху хаты. Коли называть все своими именами, то нам предлагают реабилитацию тех, кто вел вооруженную борьбу на протяжении десятилетия за восстановление Польши в границах 1939 года, другими словами, за расчленение Белоруссии».

Из авторского текста:

«Армия Крайова очень много погубила белорусских людей и во время войны и после нее. Только отряды Новоградского округа провели 81 операцию против белорусских партизан. Отряды Ставбцовского округа Армии Крайовой с декабря 1943 г. до конца июля 1944 убили около шести тысяч "большевиков".

Большая часть этих большевиков – мирные жители. Селяне обрабатывали землю и не ждали ночных гостей. Их «аковцы» называли пособниками Советов – и к стенке».

«Кастусь Акула, житель Канады, доказывает в своей книжке, что «аковцы» часто в борьбе с белорусскими партизанами разыгрывали немецкую карту: сдавали гитлеровцам белорусских партизан».

О тех же поляках, которые, желая бороться именно с гитлеровцами, шли в партизанские белорусские отряды, «Информационный бюллетень штаба Армии Крайовой» писал 27 августа 1942 года, в самые тяжелые дни войны:

«Эта армия пополняется за счет распропагандированных местными коммунистами элементов и зачастую тех, кто предпочитает идти в леса, а не ехать на принудительные работы в Германию. Несмотря на их положительные качества, эти элементы, конечно, будут потеряны для дела борьбы за польское государство».

Вот такие у нас были «союзники».

* * *

Украинцы, в отличие от белорусов, имели громадный многовековой опыт борьбы со шляхтой, начиная со времен

Богдана Хмельницкого, Колиивщины, казацких и крестьянских восстаний XVIII века. Они знали, что с поляками можно разговаривать только на ветхозаветном языке: «око за око», «кровь за кровь»… В эту борьбу были вовлечены и отряды ОУН, и УПА, и дивизия «СС-Галичина», и всяческие бандеровские «лесные братья».

В ответ на польскую резню в украинских селах на Львовщине они могли ответить не менее страшной резней на Волыни. «Новая Польша» об этих событиях пишет очень туманно: «Еще до Второй мировой Украинская повстанческая армия вырезала на этих территориях поляков, те тоже себя не очень сдерживали».

Ну все как в бессмертной гоголевской повести «Тарас Бульба»!

Но надо понимать, что западные украинцы «вырезали» тех, кто их гнобил и «вырезал», как и белорусов, с 1920-го по 1939 год. Так что зря поляки сегодня изгаляются над нашим якобы освободительным походом на Запад осенью 1939 года:

«Советские говорят: “Мы освобождали западные земли”».

«В российских учебниках события 39 года трактуются как “освободительный поход Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину”».

«В дискуссиях поляки непременно спросят: от кого же освобождалась отхваченная таким образом половина довоенной Польши (…), если Сталин заключил договор о ненападении с Гитлером?..» (Все цитаты из майского номера «Новой Польши» за 2005 год.)

Ох… все-таки, как говорил Салтыков-Щедрин, «нет глупости горшей, нежели сама глупость».

Да не от Гитлера, панове, мы освобождали «западные области», «отхваченные» у нас в 1920 году, а от вас, интервентов, которых ненавидели украинцы и белорусы, восставшие против оккупантов не только в сентябре 1939 года, когда рушилась Речь Посполита, но гораздо раньше… Недаром партизанская Украинская повстанческая армия была создана для борьбы со шляхтой задолго до начала и Второй мировой, и Отечественной войны.

В 1964 году в издательстве «Прогресс» вышел перевод книги Ежи Климковского «Я был адъютантом генерала Андерса». В ней были сделаны большие купюры, сделанные по идеологическим соображениям: чтобы не вспоминать об отношениях украинцев к полякам осенью 1939 года. Книга была издана в редакции специзданий.

В 1991 году воспоминания Климковского были переизданы без купюр издательством Московского энергетического института. Я приведу три отрывка из книги, в которых будут курсивом выделены строки, опущенные в 1964 году и восстановленные в 1991-м. Речь идет о бегстве разбитых немцами польских войск на Восток.

«…Прибывали раненые. Перевязочных пунктов не было. Раненый солдат был предоставлен сам себе или оставался на попечение и добрую волю местных жителей, *которые в этой местности относились к нам, пожалуй, враждебно. Это были, главным образом, деревни украинские*».

«*Местное украинское население относилось к нам весьма враждебно. Его приходилось избегать. Только присутствию Красной Армии мы обязаны тем, что в это время не дошло до крупных погромов или массовой резни поляков*».

«Навещая несколько раз Андерса в одном из львовских госпиталей, я узнал, что в последние дни сентября он с несколькими офицерами пробирался к венгерской границе, *но был окружен группой местных украинцев*. И во время ночной перестрелки дважды ранен. Он сообщил об этом факте советским властям, попросив оказать помощь, и в результате оказался в госпитале во Львове…»

Вот так-то: оказывается, мы на свою голову еще и польских офицеров и генерала Андерса спасали от украинской мести…

Интересна одна «украинская подробность» из истории Варшавского восстания. Когда ровно через два месяца после его начала аковские шляхтичи выбросили перед немцами белое знамя, они очень боялись, что немцы поручат принимать их почетную капитуляцию украинским отрядам, сформированным из жителей Западной Украины.

Из отчета полковника Армии Крайовой Вахновского, которому было поручено выработать условия капитуляции:

«1.X.1944 г. Капитуляция должна произойти до наступления темноты. Тем самым генерал Кельнер хочет избежать эксцессов с обеих сторон. Как он сам заявил, с немецкой стороны такие эксцессы могут допустить вспомогательные украинские и казацкие формирования. Я со своей стороны подчеркиваю, что мы капитулируем перед вермахтом».

Чуяла кошка, чье мясо съела! Очень боялись поляки украинской мести за все, что они с 1921-го по 1939 год натворили на Западной Украине, знали, что от украинских националистов им пощады не будет: «Я настоял, – пишет далее полковник Вахновский, – чтобы полковник Коссман (представитель вермахта. – *Ст. К.*) отдал распоряжение о выделении батальона вермахта, который отделит капитулирующие отряды АК и район, занятый гражданским населением, от казацких и украинских частей».

И в этой обстановке главари правительства в изгнании и Армии Крайовой еще лелеяли иллюзии о том, что, лавируя между Германией и Советским Союзом, можно каким-то фантастическим образом сохранить в их будущей Польше Западную Украину!

Как пишет «Новая Польша» сегодня о тех событиях?

«В 1943 году украинские националисты убили несколько десятков тысяч поляков, живших на Волыни» (НП. №4, 2004).

Поляки ответили операцией «Висла», во время которой было вырезано украинцев отнюдь не меньше. Сколько? Поляки не считали, они всегда помнили только свои потери.

Словом, произошел взаимный геноцид, по числу жертв намного превзошедший Катынь. Но из общих политических соображений и та, и другая стороны заявили, что «даже самая горькая правда, касающаяся прошлого, не должна повредить прекрасным отношениям Польши и Украины». Это сказал Кучма Квасневскому в 2003 году.

А в 2005-м Квасневский и уже новый президент Украины Ющенко встретились во Львове и поклялись над прахом ре-

завших друг друга молодых поляков и украинцев («львовских орлят») в вечной дружбе и «стратегическом партнерстве».

Из речей двух президентов:

Квасневский: «Здесь покоятся останки участников польско-украинских боев, в большинстве своем молодежь, отдавшая жизнь за то, чтобы Львов принадлежал создавшейся тогда независимой Польше. В эту пору столкнулись два чаяния, два патриотизма, две национальные гордости».

Ющенко не остался в долгу, и его речь ничем не уступила красноречию Квасневского:

«Здесь, на Львовском кладбище, погребены люди, которые любили свою родину… Для нас, украинцев, почетно воздавать почести всем, кто погибал в братоубийственной трагедии».

Высокопарным, театральным, фарисейским пиаром веет от слов обоих президентов. Трагедия взаимной резни была тяжелой, темной, кровавой. Такой же, как в Едвабне. В конце концов все противоборствующие силы той войны сражались за свои «чаяния», за свою «национальную гордость», за свой «патриотизм». Даже немецко-фашистские оккупанты по-своему любили свою родину и умирали за нее. Нынешние поляки готовы любые геноциды забыть, лишь бы только идеология антирусской Катыни была вечно живой.

* * *

Допускаю, что я без достаточной аргументации утверждал в комментариях к немецкой заметке «Кто расстреливал белорусских партизан», будто бы «аковцы», их расстреливавшие, находились в составе вермахта.

Мои оппоненты воспользовались этим обстоятельством:

«Чтение текста Станислава Куняева “Кто расстреливал белорусских партизан” ошеломило меня. Степень исторического невежества автора (…) просто поразительна. Общий тезис, который он выдвигает, (…) сводится к утверждению, что репрессии против бойцов Армии Крайовой, проводившиеся

советскими органами безопасности (…), были по сути дела вполне обоснованными» (К. Краевский, НП, № 5, 2005).

«Ни один историк до сих пор не слыхивал о польских коллаборационистах, сражавшихся против Советского Союза» (Анджей Новак, «Новая Польша”», № 12, 2002).

В ответ на эти истерические возражения хочу познакомить их авторов с документами сборника «НКВД и польское подполье».

Из докладной записки Л. Берия И. Сталину от 17 июня 1945 г.:

«Кроме этого в лагерях НКВД СССР для военнопленных имеются военнопленные поляки, служившие в немецкой армии и взятые в плен в составе немецких частей, всего 32 731 чел.».

Из докладной записки зам. министра внутренних дел И. В. Сталину и В. М. Молотову от 15 апреля 1949 года по рассмотрению дел польских граждан, находящихся в советских лагерях:

«Из общего числа переданных польских граждан освобождено из лагерей военнопленных и интернированных 7098 человек. Эти поляки в период Отечественной войны были направлены в лагеря военнопленных и интернированных за службу в германской армии, а также за участие рядовыми в составе подразделений Армии Крайовой».

«Полковник АК Александр Крыжановский заключил с немцами сделку о сотрудничестве в районе Вильно… АК передали в подчинение немецкому командованию 3-ю польскую партизанскую бригаду» (из книги Бернхарда Чиари «История Армии Крайовой во II Мировой войне» (Мюнхен, 2003)).

Так что, пан Новак, хотя ни один польский историк об этом не слыхивал, были среди поляков коллаборационисты, и немало…

Но дело не только в том – служили они в рядах вермахта или не служили! Главная суть, что они стреляли на уже освобожденных от немцев территориях в спины советским солдатам, тем самым фактически воюя на стороне Германии.

Да за одни эти далеко не полные списки и цифры убитых и раненых советских военнослужащих и белорусских партизан руководивший Армией Крайовой генерал Окулицкий с товарищами по законам военного времени мог быть поставлен к стенке без суда и следствия!

Однако сталинское правосудие устроило открытый судебный процесс, начавшийся 18 июня 1945 года, над 16 лидерами Армии Крайовой. Их действительно взяли в плен коварным образом – но на войне как на войне! Пять человек получили сроки от 10 лет до 1 года, восемь – по нескольку месяцев. Осужденных обвинили в организации подпольных вооруженных отрядов на освобожденных территориях, в террористической и диверсионной деятельности, в создании подпольных радиостанций в тылах Красной Армии и в подготовке военного выступления совместно с Германией против СССР. Трое были признаны невиновными. Веслав Гомулка хотел, чтобы процесс проходил в Варшаве, но Сталин ответил ему: «Они стреляли в наших людей», – на что Гомулка выставил свои аргументы: «Они приказывали стрелять не только в ваших, но и в еще большей мере в наших людей». Этот аргумент Сталин, как вспоминал Гомулка, признал: «А может быть, вы и правы». Но процесс все-таки прошел в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, знаменитом по процессам 37–38 годов. Сегодня требует комментариев последнее из обвинений «аковцев» в подготовке военного выступления совместно с Германией против СССР…

К осени 1944 года немцы стали понимать, что война проиграна. Отсюда началось их некоторое дипломатическое заигрывание с верхушкой АК. Недаром всем «аковцам» после капитуляции Варшавского восстания был дан статус военнопленных. Более того, во время допроса главнокомандующего АК бригадного генерала Окулицкого 7 мая 1945 года допрашиваемый, в частности, сказал:

«Докладывая в моем присутствии Бур-Комаровскому о предложенных немцами условиях капитуляции, Богуславский (представитель главного штаба АК. – *Ст. К.*) сказал, что фон дем Бах считает необходимым для поляков прекратить

вооруженную борьбу с немцами, так как общим врагом Польши и Германии является Советский Союз… (…). Я сказал ему, что, возможно, фон дем Бах прав, и Бур-Комаровский с моим мнением согласился».

Немцы, находясь в отчаянном положении, стали судорожно разыгрывать польскую карту, надеясь кое-как сколотить при посредничестве поляков блок с Англией для спасения Европы от «русского большевизма»… И глупая шляхта еще раз поверила немцам, как это уже было перед сентябрем 1939 года. Но только тогда она, шляхта, надеялась на союз Германии и Польши в борьбе против Советского Союза. А в 1944 году поставила на Англию. Очередная политическая химера вскружила головы шляхтичам.

24 апреля 1945 года Л. Берия ознакомил И. В. Сталина с документом, изъятым у Окулицкого и адресованным начальнику нелегального штаба АК, обозначенному под псевдонимом «Славбор»: Окулицкий подтвердил, что документ составлен и написан им лично.

В частности, в документе говорилось:

«Считаясь со своими интересами в Европе, англичане должны будут приступить к мобилизации сил Европы против СССР и одновременно начать мобилизацию своих сил. Ясно, что мы станем в первых рядах этого европейского антисоветского блока, а также нельзя представить этого блока без участия в нем Германии, которая будет контролироваться англичанами»… «Мы будем включены в антисоветский европейский блок, организованный англичанами, а тем временем мы должны полностью использовать их материальную помощь…»

Подпольное руководство АК вместе с лондонским польским правительством в изгнании изо всех сил пыталось воздействовать на английский кабинет министров. Чуть ли не при каждом аресте террористов-«аковцев» их командование апеллировало к Лондону. Депеша из Виленского округа АК:

«Подразделения АК разоружены и вывезены в Калугу (…). Срочно требуется скорейшее дипломатическое вмешательство».

Словом, шкодили сами, а чуть что – о помощи просят Англию.

Но Черчилль – прагматичный политик с трезвым имперским мышлением – пришел в ярость, когда познакомился со стратегическими замыслами высокородной шляхты. Не потому, что он любил Советский Союз, а потому, что он не любил в политике идиотов.

Вот как отозвался он об авантюрных конвульсиях польского правительства в изгнании и верхушки Армии Крайовой во время московской встречи с Миколайчиком в 1944 г.:

«Недавно я беседовал с вашим генералом Андерсом, и мне кажется, что он тешит себя надеждой, что после разгрома Германии союзники затем разобьют Россию. Это сумасшествие. Русских разбить невозможно!..

В вашем упорстве вы не видите того, чем рискуете… Мы сообщим всему миру, каково ваше безрассудство. Вы стремитесь развязать войну, в которой погибнет 25 млн человек… Вы не правительство, вы ослепленные люди, которые хотят уничтожить Европу. Я не буду заниматься вашими делами. Думайте о них сами, если вы хотите оставить на произвол судьбы ваш народ. У вас нет чувства ответственности перед вашей Родиной. Вы безразличны к ее мучениям. У вас на уме только низменные собственные интересы… Ваша аргументация является, попросту говоря, преступной попыткой сорвать соглашение между союзниками с помощью “либерум вето”. Это трусость с вашей стороны. Если вы хотите завоевать Россию, то действуйте самостоятельно. Вас следует посадить в больницу для умалишенных».

Не знаю, читал ли Путин воспоминания Станислава Миколайчика, где приведены эти слова Черчилля. Думаю, что не читал. Иначе он во время визита в Польшу в 2002 году подумал бы, а стоит ли возлагать венки к памятнику в честь Армии Крайовой. Хотя рядовым погибшим солдатам всегда можно отдать почести, если ты уверен, что они не стреляли в спину твоим соотечественникам, не жгли белорусские деревни и не расстреливали белорусских партизан. А уж склонить

голову перед прахом идеологов и генералов Армии Крайовой – недостойно для президента России. Черчилль осудил бы его за это.

Война закончилась. Химерический план шляхтичей об антисоветском блоке с включением в него Германии лопнул. Но тут началась «холодная война», а еще, на их счастье, Черчилль произнес фултонскую речь, и пылкие поляки опять оживились. Это их очередное шизофреническое состояние отражено в различных донесениях НКВД высшему руководству СССР в 1946 году. Приведу лишь два примера.

Из докладной записки заместителя советника МВД при министерстве общественной безопасности Польши С. П. Давыдова министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову от 10 апреля 1946 года, в которой речь идет об аресте члена Армии Крайовой А. Ярмуса:

«Комендант “ЯН” (…) говорил о том, что в скором времени начнется война между Англией и Советским Союзом, в которой члены “АК” должны принять активное участие на стороне Англии».

Из донесения того же адресата от 10 мая 1946 года:

«Нелегальные газеты и листовки, призывая “готовиться к войне”, пропагандировали основной тезис: неизбежна война Англии и Америки против СССР, и при этом подполье получит ожидаемую помощь».

Представляете – потеряв десятки миллионов сыновей и дочерей, сверхчеловеческим напряжением сломив военную машину всей фашистской Европы, наш народ заканчивает кровопролитнейшую войну, вся европейская часть страны лежит в руинах, и в это время руководство Армии Крайовой плетет интриги и в своей пропаганде, в своих экзальтированных шляхетских мечтаниях жаждет лишь одного – чтобы ради их авантюрных политических планов, ради их жажды стать во главе Польши Советская Армия столкнулась бы с армией западных союзников. А если посчастливится – то и с остатками вермахта. То есть эти авантюристы мечтали, чтобы Вторая мировая война сразу перешла в Третью!

7. Катынский психоз

Листаешь «Новую Польшу», и такое впечатление складывается, что вся страна, весь народ польский говорит только об одном – о Катыни, что он ждет не дождется очередного юбилея катынских событий, что лишь «катынский допинг» объединяет все польское гражданское общество – старых и малых, поляков и евреев, католиков и атеистов в одно целое.

Каждый год в Варшавском королевском замке проходит Катынская конференция. Вокруг Катыни до сих пор бушуют страсти: возникают законотворческие споры, кипит издательская деятельность, выдвигаются ультиматумы.

«В 65-ю годовщину Катынского преступления Сенат почтил память убитых польских военнопленных…

Сенат призвал российские власти “в соответствии с международным законодательством признать катынский расстрел актом геноцида”» (НП. № 5, 2005).

«А главное – Катынь (…), где в течение 1940 года НКВД расстреляно 22 тысячи поляков» (НП. № 2, 2005).

Правда, в 3-м номере журнала сообщается, что в Катыни «было эксгумировано 4, 4 тыс. останков». В апрельском журнале – уже цифра 25 700…

«Уничтожение в 1940 году более двадцати тысяч человек – офицеров, государственных служащих, интеллигенции – стало едва ли не самым больным вопросом в польско-российских взаимоотношениях» (НП. № 3, 2005).

«Интеллигенты, которые в сентябре 1939 г. надели старые мундиры, чтобы защищать родину от нашествия гитлеровских войск, а попали в руки Сталина».

«Были расстреляны люди, составлявшие костяк польского государства: офицеры и чиновники, адвокаты и врачи, учителя и поэты. Это была хладнокровная попытка уничтожить элиту общества» (НП. № 4, 2005).

«Уничтожение польских офицеров в 1940 г. следует назвать “военным преступлением и преступлением против чело-

вещества (геноцидом), не надлежащим прекращению за давностью"» (НП. № 3, 2005).

«Цвет нации», «цвет польской интеллигенции». «Можно было бы созвать и Нюрнберг II».

«В вопросах компенсаций важную роль может сыграть Европейский суд по правам человека в Страсбурге» (НП. № 2, 2005).

И так из номера в номер…

Президент Квасневский, сам того не предполагая, нашел точное слово: «Хотя поляки отмечены печатью страданий и мученичества, они не одержимы исторической манией» (НП. № 4, 2005). Ну как же не одержимы, когда «поляки (отнюдь не историки) в стремлении "назвать поименно" каждую жертву преступных репрессий неутомимы» (НП. № 2, 2005).

Венцом катынской пропагандистской акции было награждение перед юбилеем шестидесятилетия нашей Победы российских граждан. Президент Польши Квасневский, вручив награды главному архитектору перестройки А. Яковлеву, главному архивисту ельцинской эпохи Р. Пихоя, главным историкам по Катынскому делу Н. Лебедевой и В. Парсадановой, заявил, что Польша и поляки ожидают от нынешних российских властей тщательного расследования катынского преступления, признания его геноцидом, обнародования имен всех, кто непосредственно расстреливал «цвет польской интеллигенции», и передачи всех документов, касающихся Катыни, из российских архивов…

Поляки требуют объявить катынский расстрел геноцидом, чтобы осудить Россию каким-то особым образом. Но если запустить процесс международного наказания за геноциды «всех времен и народов», то Польше придется долго ждать своей очереди: впереди будут стоять американцы за убийство 250 тысяч мирных японцев из Хиросимы и Нагасаки (и англичан до́лжно засудить за бомбардировку Дрездена – тоже 250 тысяч мирных жителей!), потом еще раз американцев за то, что отравили дефолиантами десятки тысяч вьетнамцев, вслед за ними пойдут турки за уничтожение полутора миллионов армян в 1916 году; можно будет посадить

на «геноцидную» скамью подсудимых Англию и Францию за подавление китайского восстания во время «опиумной войны»… Да в конце концов, и французского короля Карла IX хорошо бы задним числом приговорить к какому-то наказанию за Варфоломеевскую ночь, во время которой погибли 30 тысяч гугенотов. Все-таки это больше, чем даже 22 тысячи поляков. (Российская прокуратура ельцинской эпохи, делавшая все, чтобы опорочить советскую действительность, и та нашла доказательства гибели в Катыни только 1800 польских военнослужащих.)

Я привожу эти примеры, чтобы показать всю логику катынского абсурда. А разве белорусы не могут предъявить полякам обвинение в геноциде за уничтожение нескольких тысяч своих граждан рыцарями Армии Крайовой во время войны? А украинцы за операцию «Висла»?

Курды могут предъявить режиму Саддама Хусейна обвинение в такого рода преступлении, но ведь иракцы, потерявшие десятки тысяч своих людей во время американского нынешнего нашествия, тоже рано или поздно скажут: это был геноцид. Ну и что – всю дальнейшую историю человечества будем судиться друг с другом в Страсбурге или Гааге?

Интересны намеки польской прессы о денежной компенсации за «катынский геноцид». Тут поляки идут по тропинке, протоптанной евреями, которые много миллиардов долларов получили за холокост, устроенный в Европе фашистами. Но там хоть фигурировала цифра 6 миллионов! Было за что бороться. Все страсти, всю трагедию великой и страшной войны практичные евреи перевели в систему денежных компенсаций, в валюту, в счета, в фонды. Но, видимо, в истории это был первый и последний удачный случай. Хотя если поляки добьются своего в Страсбурге или Гааге и «процесс пойдет», то евреи смогут за несколько тысяч своих соплеменников, уничтоженных в Едвабне и других местечках Польши в 1941 году, слупить на этот раз уже не с немцев, а со шляхтичей хорошие бабки… Поляки, как всегда, не просчитывают последствий своего легкомысленного поведения.

Что же касается «цвета нации», расстрелянного в Катыни, то интересные соображения по этому поводу я прочитал в статье журналиста Руслана Лынева, опубликованной в журнале «Российская Федерация сегодня» (№ 10, 2005).

«Больше двухсот тысяч польских военнослужащих были взяты в плен Красной Армией. Часть пленных из числа рядовых, белорусов и украинцев была отпущена по домам. Часть после проверки, причем многие с семьями, была отправлена в глубь страны.

Были и те, к кому НКВД имел, как говорится, ряд вопросов. Ну, например: какую должность вы занимали в администрации лагеря для пленных красноармейцев в 1920–1921 годах? Сколько пленных в нем было расстреляно? На каком основании? Кто кроме вас участвовал в расстрелах?

Или: поясните, как случилось, что на участке границы, за который вы отвечали, в наш тыл тогда-то прошла банда? Как вы объясните, что, оставив после своего рейда столько-то расстрелянных и замученных советских граждан, она тем же порядком вернулась через ваш участок границы в Польшу? Почему польские власти и вы лично поощряли подобные акции против соседнего государства?

Так за счет лиц из числа польских полицейских, жандармов и т.п. список жертв сталинского террора рос. Что будем делать по данному поводу? Рвать на себе волосы?»

К тому же до сих пор поляки никак не комментировали некоторые места из дневников и записных книжек Йозефа Геббельса, касающиеся Катыни. Ну, к примеру, такую запись, сделанную им 8 мая 1943 года:

«К несчастью, в могилах под Катынью было найдено (сформированной немцами комиссией Красного Креста) немецкое обмундирование… Эти находки надо всегда хранить в строгом секрете. Если об этом узнали бы наши враги, вся афера с Катынью провалилась бы» (Вацлав Краль. Преступление против Европы. М.: Мысль, 1968. С. 243).

В его записях, между прочим, было и такое: «Если на месте обнаружится немецкое оружие, вся затея рухнет». Сво-

их людей Геббельс натаскивал: «Немецкие офицеры, которые возьмут на себя руководство (Катынским делом. – *Ст. К.*), должны быть исключительно политически подготовленными и опытными людьми, которые могут действовать ловко и уверенно. Такими же должны быть и журналисты. Некоторые наши люди должны быть там (в Катыни. – *Ст. К.*) раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено (! – *Ст. К.*) и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии"».

«…Нам нужно чаще говорить о 17–18-летних (польских. – *Ст. К.*) прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешение послать домой письмо и т.д., так как это действует особенно потрясающе».

Конечно, поляки могут объявить эти записи Геббельса фальшивкой, но тогда почему постановление Политбюро от марта 1940 года, которое Ельцин с извинениями за Катынь вручил полякам, мы не можем считать подделкой?

С Натальей Горбаневской – нынешним автором «Новой Польши» и членом редколлегии журнала – я учился на филфаке МГУ в 50-х годах. Тогда, как и потом, она писала графоманские стишки, славила красные революционные праздники (до сих пор помню строчку – «и праздник потеряет номер, окрасится красным красно»). Не обретя известности на поэтической стезе, Горбаневская ушла в диссидентство, в «правозащитное движение», и ее имя стало наконец-то широко известно после выхода на Красную площадь в августе 1968 года восьмерых «правозащитников» с плакатами, протестующими против вторжения войск Варшавского пакта в Чехословакию. Среди протестующих была и незадачливая поэтесса.

«Правозащитников» тогда моментально скрутили и запихнули в машины кагэбэшники. Действовали они четко и правильно, а вот наш Агитпроп то ли промолчал, то ли что-то невнятное промямлил по поводу этой демонстрации. А надо было, ничего не стесняясь, прямо и жестко сказать «мировому общественному мнению» следующие веские слова:

«После Великой Отечественной войны в советском плену осталось 70 тысяч чехословаков. Но это – в плену, а топтало нашу землю тысяч сто, а может быть, и больше.

И немало горя, смертей, разрушений принесли нам эти онемеченные славяне. А если вспомнить мятеж подобных же чехословацких пленных в 1918 году и то, как эти якобы добродушные Швейки, вооруженные до зубов, расстреливая и вешая за саботаж железнодорожников Великого Сибирского пути, не желавших отдавать им продукты и готовить паровозы, рвались на Дальний Восток, увозя с собой из Казани вагоны с русским золотом? Как они сдали Колчака революционному Политцентру в обмен на разрешение вывезти без досмотра на Восток все награбленное. Как под руководством генералов Гайды и Сыровы, впоследствии сотрудничавшего с Гитлером, пользуясь развалом России, они брали реванш за годы своего плена… Хотя их никто не приглашал в Россию, сами в составе тех же австро-немецких войск в 1914 году двинулись на нашу землю.

В 1969 году кто-то из чешских студентов покончил с собой в знак протеста против нашего вторжения. Но вдумайтесь: сколько чехословаков были незваными гостями на нашей земле за две мировые войны? На их совести – тысячи загубленных русских жизней. Да и в составе команды, расстреливавшей царскую семью, были исполнители из числа австро-венгерских военнопленных.

И неужели после двух войн XX века, во время которых чехословацкие оккупанты оставляли в наших лагерях по 60–70 тысяч пленных, мы, освободившие Прагу от фашистов, должны были спокойно смотреть, как эта славянская страна вновь готовится к антирусскому мятежу? И после этого вся мировая общественность, вся чешско-польско-славянская интеллигенция вот уже 37 лет не устает стенать о том, что в 1968 году мы ввели в Прагу танки».

Вот что пишет о чехословаках 1918 года красноярский писатель А. Бушков в книге «Красный Монарх»: «Память о себе в Сибири они оставили сквернейшую. В середине семидесятых (!) мне доводилось присутствовать в застольях, где

еще, случалось, пели старую-престарую народную песню, сложенную в двадцатых:

Отца убили злые чехи,
А мать живьем в костре сожгли…

Подобные народные песни рождаются неспроста! Достоверно известно, как вели себя чехи во время всеобщего отступления белых на восток: силой отобрали паровозы и первыми кинулись драпать. На путях – лютой зимой – осталось примерно двести поездов с беженцами, их семьями, ранеными. Погибли многие тысячи – не только русские, но жены, дети и раненые польской дивизии».

Я вспомнил эти страницы истории лишь потому, что Горбаневская стала сейчас одной из самых оголтелых русофобских авторов «Новой Польши», где недавно выступила со статьей о Катыни и о Хатыни, в которой пишет:

«Государство, не подписавшее Женевскую конвенцию о военнопленных, заставившее миллионы попавших в плен советских солдат и офицеров сдыхать с голоду, а выживших загонявшее в свои лагеря, не располагает к тому, чтобы от него ждали цивилизованного поведения» (НП. № 4, 2005).

Оказывается, мы «заставляли» «подыхать с голоду» «миллионы советских солдат», потому что не подписали Женевскую конвенцию о военнопленных… Будто бы расистское фашистское государство, создавшее идеологию «недочеловеков» и «сверхчеловеков», нарушавшее все человеческие и Божеские нормы жизни, только и мечтало, чтобы выполнять всяческие договоры и конвенции, считаться со всякими юридическими бумажками! Вот ярчайший пример шизофренического мышления и демагогии так называемых правозащитников.

В этой же статье правозащитница запускает свою версию о том, почему мемориал всем уничтоженным в Белоруссии деревням был создан в 1968 году в Хатыни.

«Из десятков действительно уничтоженных фашистами белорусских деревень выбрали деревушку со сходным назва-

нием Хатынь, словно желая сбить с толку, вытеснить из сознания само слово “Катынь”… Замечу, кстати, что на умышленную подмену Катыни Хатынью первым обратил внимание бывший политзаключенный, политэмигрант Борис Вайль: “Хатынь путают с Катынью”, “А вот Хатынью я бы поосторожнее оперировал (…) там до сей поры неясно – кто кого поджигал и резал… То ли немцы беззащитных белорусов, то ли войска НКВД тех же, то ли вообще наши – польских офицеров, ну и население вкупе – за то, что видели лишнее… В общем, дело весьма темное. Кстати, если поглядеть на это с точки зрения – кому оно было выгодно, то скорее нашим, чем немцам – так сказать, для поднятия народного гнева…”».

В ответ на эти предположения циничной психопатки скажу следующее: этим летом я был в Минске на праздновании Дня независимости Белоруссии, приуроченного, кстати, ко Дню освобождения Минска Советской Армией в 1944 году, и побывал в Хатыни. Там я узнал то, что не желает в упор видеть Горбаневская. Во-первых, «поджигали и резали» беззащитных белорусов в Хатыни наряду с немцами эстонские и латышские каратели. Во-вторых, мемориал всем сожженным деревням поставили в Хатыни еще и потому, что названия многих деревень, как это часто бывает, повторялись, а имя “Хатынь” было в единственном числе. В-третьих, только в Хатыни нашелся один человек – свидетель, оставшийся в живых, Иосиф Каминский, который мог точно рассказать, как произошло это преступление. В других уничтоженных деревнях таких свидетелей не осталось. И в-четвертых, Хатынь лежит недалеко от шоссе Минск–Витебск, и этот мемориал поэтому легко доступен для всех, кто хочет отдать дань памяти безвинным жертвам.

В сентябре 2004 года в коридорах высшей польской власти разыгрался очередной политический фарс.

«Польские парламентарии 10 сентября единолично приняли постановление, в котором говорится, что Польша не получила от Германии военных репараций» (опомнились через 60 лет! – *Ст. К.*).

Однако менее пылкое и более благоразумное «правительство отмежевалось от этого постановления, заявив, что вопрос претензий к Германии закрыт» (НП. №11, 2004).

Более того, «политическим авантюризмом назвал польский министр иностранных дел постановление относительно военных репараций от Германии»… (Там же).

Вот они, двойные политические стандарты: уничтожение немцами во время оккупации 6 миллионов польских граждан не подлежит обсуждению, никаких претензий к Германии быть не может, никаких репараций быть не должно (боятся немцев!). А гибель нескольких тысяч польских «поэтов, священников, интеллигентов» в Катынском лесу Польша требует объявить геноцидом, не имеющим срока давности только лишь потому, что это преступление, по убеждению поляков, совершено русскими.

Один из авторов «Новой Польши» пишет о том, почему поляки так закомплексованы на Катыни: потому что их потомки – «и сегодня польская элита. И память о Катыни, как хвост за кометой, будет тянуться на протяжении поколений». А наши красноармейцы, погибшие в польском плену после войны 1920 года – это, по логике того же автора, «вчерашние крестьяне», одетые в шинели, и потому «никто уже… сегодня их не помнит. Так что их потомки не требуют никаких объяснений»…

Опять же вечное деление народа на «элиту» и «быдло», разная цена крови шляхетской и холопской, отрыжка панского расизма…

8. От Версаля до Ялты

Поистине бешеной, говоря военным языком, «психической» атаке подверглись в «Новой Польше» и, естественно, во всей польской прессе в год шестидесятилетия Победы Ялтинские соглашения. А началась атака польских борзописцев на Ялтинскую хартию по команде Буша, сказавшего в начале 2005 года в Брюсселе:

«Так называемая ялтинская стабильность была постоянным источником несправедливости и страха» (Жечпосполита. 22.02.2005).

И тут польские лакеи бросились наперебой поддерживать хозяина «нового мирового порядка». Как с цепи сорвались: «Для Центральной и Восточной Европы ялтинский порядок означал почти 50 лет порабощения, лишения суверенитета и независимости. Центральноевропейские государства были сведены к роли объектов политики вассалов Москвы» (НП. № 4, 2005).

«Именно благодаря Ялте советский оккупант мог устроить резню героев Будапешта в 1956-м, вторжение в Чехословакию в 1968-м» (Жечпосполита. 15.03.2005.)

«Для Польши, прибалтийских государств, Чехии и других стран Восточной Европы слово "Ялта" символизирует раздел Европы и порабощение, а не мирный международный порядок» (Газета Выборча. 23.02.2005).

Неутомимый клеврет Америки Квасневский в этом хоре не отличался от польской журналистской братии: «Плоды победы были разделены неправедно. Не всем народам освобождение от оккупации принесло свободу и право на самоопределение. Не везде за героизм и патриотизм платили признанием и наградами» (НП. № 4, 2005).

Возможно, в какой-то степени Квасневский и прав, но странно, что политик такого ранга не понимает простой исторической истины: не все народы были на том этапе достойны этих прав. Народы и государства, бывшие союзниками и сателлитами Германии, – на какие права и свободы они могли надеяться? Я понимаю, что Квасневский в первую очередь думает о Польше. Но где было видано, чтобы «плодами победы» пользовались побежденные режимы, тем более фашистские? Черчилль понимал ялтинский момент в истории куда глубже и точнее, когда говорил: «Нации, которые оказались не в состоянии защитить себя, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас…»

А сколько проклятий, сколько скрежета зубовного было обрушено на праздник Победы и на всю предшествующую ему цепь необходимых для победы событий:

«Этот день еще и день оккупации Советским Союзом восточной части Европы» (НП. № 5, 2005).

«Красноармейцы по приказу Сталина были вынуждены служить дурному делу – захвату Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии в 1939–40 годах, а затем с 1944-го вновь, на этот раз уже всей Центральной Европы» (Анджей Новак. НП. № 4, 2005).

То, что для польских болтунов называется «дурное дело», для нашей страны было делом жизненно необходимым и судьбоносным. По шизофренической логике Новака и ему подобных, советские войска должны были дойти лишь до своей западной границы и оставить в неприкосновенности фашистскую Румынию, фашистскую Венгрию, фашистскую Словакию. Польский журналист даже не понимает, что в таком случае под властью Германии остались бы и Польша, и Чехословакия, и Югославия.

Возмущаться Ялтинскими соглашениями и устраивать сегодня вокруг них истерику – занятие смешное и неблагодарное. Историю не перепишешь. В таком случае с неменьшей политической логикой еще на Нюрнбергском процессе можно было выставить счет Англии и Франции за то, что Версальский договор, установивший в 1919 году в Европе и в мире новый порядок, настолько унизил и разорил Германию, что она, разрывая путы этого договора, вынуждена была ответить на него рождением фашизма. А значит, за все последующие преступления фашизма после его разгрома помимо Германии должны были ответить Англия и Франция.

Кстати, и Польша как государство во время версальского передела мира была кое-как искусственно слеплена из разных кусков, в том числе Познани, части Поморья, других земель Западной Пруссии. Наиболее проницательным политикам той эпохи была ясна ненадежность и недолговечность этой конструкции, и Молотов был жесток, но прав, когда на-

звал в 1939 году такую Польшу «уродливым детищем Версальского договора».

«Сталин просто ножницами кромсал польские земли. Сколько оттяпали территорий!» – жалуется на историю некий питерский композитор Тимур Коган на страницах «Новой Польши». Да, что-то Сталин оттяпал, но еще больше прибавил. Сталина уже нет на свете более полувека. Возьмите обратно эти земли. Возьмите Львов у Ющенко, Вильнюс у литовцев, но отдайте обратно немцам Силезию! Аннулируйте все сталинские деяния, если это вам по силам, и посмотрим, что после этого получится. И где «Новая Польша» находит таких темных, не знающих никаких законов истории собеседников, не понимающих, что после ликвидации Ялты произойдет то, что произошло после крушения Версальского договора – очередной, уже, видимо, пятый раздел Польши? Но слушая Польшу, уже и венгры начинают что-то вякать насчет компенсаций за 1956 год, и финны бормочут о несправедливости на Карельском перешейке, и даже эстонцы заглядываются на кусок псковской земли.

Какой скандал недавно возник в Польше, когда в некоторых районах Опольского воеводства (на землях, принадлежавших «до Ялты» Германии) на учреждениях появились таблички на немецком языке! А это – лишь цветочки…

Но коли венгерский парламент принимает решение о том, что Россия должна выплатить Венгрии некие громадные суммы за подавление мятежа 1956 года, то нам следует отменить послевоенную сталинскую «амнистию» венгерским оккупантам (которые жестокостью, как вспоминают многие свидетели и участники войны, превосходили даже немцев), которых в нашем плену было полмиллиона, и выставить Венгрии счет за всю нашу кровь, пролитую мадьярами в Одессе, в Крыму, на Украине, в донских степях и под Сталинградом.

Поляки договорились до того, что Советский Союз «в сговоре с нацистской Германией совершил агрессию против Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Румынии». Да во всех этих государствах перед войной уже были профашист-

ские режимы Антонеску, Маннергейма, Ульманиса, Сметоны, Лайдонера. Путин был прав, когда весной этого года на провокационный вопрос эстонской журналистки в духе «Новой Польши» ответил, что во время Брестского мира мы отдали Прибалтику и западные области Украины и Белоруссии. Это была историческая необходимость. А в 39–40-м годах вернули, и это тоже была историческая необходимость. Сталин, глядя в будущее, сделал все, что было в его силах, чтобы восточные европейцы никогда больше не топтали нашу землю: он включил эти государства в сферу влияния Советского Союза, организовал там, опираясь на левые силы, социалистическое устройство всей жизни, и лишь на этих условиях им были прощены все зверства, все разрушения, весь геноцид, который учинили на наших просторах сыновья этих народов под знаменами вермахта.

По-настоящему серьезным военным репарациям и контрибуциям была подвергнута лишь главная виновница похода на Восток – Германия. Да и то лишь потому, что ГДР была создана не сразу после войны, а лишь в 1949 году. А то бы и немцам простили все грехи, как простили одним восточноевропейским сателлитам гитлеровской державы, а с других взяли малую долю ущерба, нанесенного нашему народу.

9. «Гильотинированный чувашский народ»

В десятом номере «НП» за 2004 г. Ежи Помяновский рассказал читателям о том, что «журнал выходит уже пять лет… распространяется вплоть до Сахалина и есть в любой районной библиотеке всей Российской Федерации».

Каким образом это произошло сейчас, когда библиотеки наши, не имея на то средств, не могут выписать лишнюю отечественную газету, лишний российский журнал? А вот каким: при соплеменнике Помяновского, бывшем министре культуры М. Швыдком, было принято решение, текст которого тиражируется в каждом номере «Новой Польши»: «Допущен к распространению на территории Российской Феде-

рации решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации»... Но это же немалые деньги нужны, чтобы послать журнал «в любую районную библиотеку», а кроме того и еще в разные неведомые нам адреса. Наш журнал, к примеру, тоже получает «Новую Польшу», хотя мы об этом поляков не просили. Откуда деньги? Может быть, они американские? А вдруг – российские? В то, что польские, – не верю. Не может страна, в которой 20% безработных, позволять себе такую дорогостоящую пропагандистскую акцию. Ведь в России несколько тысяч районных библиотек, в которых бывают миллионы читателей, в чьи головы ежемесячно вот уже пять лет льется со страниц «НП» выбранная из всех газет самая что ни на есть концентрированная ложь и клевета на российскую и советскую историю, поношения сегодняшней политики российской власти, издевательства над нашей Победой, прямые оскорбления президента России.

Да, в наше бесцензурное «отвязанное время» эта практика, к сожалению, стала нормой. Она вроде бы естественна, и ее исповедуют многие правые и левые отечественные издания. Но допускать в эту борьбу зарубежные средства массовой информации и еще давать им льготы, которыми они пользуются в своих провокационных целях, – это уже слишком. Можно ли себе представить, что открыто антиамериканское издание (к примеру, газета «Завтра») по решению департамента ЮСИА получило льготы для распространения по всем университетским библиотекам Штатов? Или что Министерство культуры Польши содействовало тому, чтобы «Наш современник» был во всех польских библиотеках?

Да после того как вышла моя книга «Шляхта и мы» и варшавская пресса подняла шум, поляки даже моему сыну, сотруднику журнала «Наш современник», который в делегации молодых российских писателей собирался поехать в Польшу, отказали в поездке… Навскидку – еще несколько примеров лжи, оскорблений, издевательств и русофобских выпадов со страниц «НП» за последние 2–3 года.

«Три раза звучал в субботу гимн Чечни перед Российским посольством. Над замковой площадью колыхался транспарант: “Сталин и Путин не убьют свободный дух чеченского народа”».

А вот ложь о том, что якобы в 1937 году Ежов подписал указ, «в котором по сути дела велел репрессировать всех граждан СССР, имевших польскую фамилию» (Твардовского, Паустовского, Исаковского, Малиновского, Петровского?! – *Ст. К.*).

Из комментариев о выступлении Путина в дни 60-летия освобождения Освенцима:

«Путину удался непростой трюк (…) обращаясь ко всему миру с территории самого большого еврейского кладбища, он ни разу не произнес слово “еврей”».

А вот восхищение смехотворными изысканиями американского историка:

«Как подсчитал гарвардский историк Терри Мартин… в Ленинграде, где в 1937–1938 годах было наибольшее сосредоточение поляков, представителей этого меньшинства расстреливали в 31 раз чаще (?! – *Ст. К.*), чем составляет среднее статистическое по расстрелам периода “большой чистки в этом городе”» (грамматика на совести редакции «НП». – *Ст. К.*).

А сколько лжи и глупости наговорил главный редактор «Новой Польши», споря со мной в заметке «К истории дезинформации»! Говоря о судьбе наших красноармейцев в польском плену после войны 1919–1920 годов, он пишет: «В 1920 г. в Польше их не убивали умышленно»… Вот так-то: неважно, что убили и уморили голодом несколько десятков тысяч, важно, что «неумышленно»… Совсем крыша поехала у профессора. Шляхтичи, по словам Пилсудского, глупы. Но ведь вы, Ежи, еврей. Вы обязаны быть умнее. В этом, видимо, состоянии Помяновский, обвиняя Сталина в геноциде не только польского, но и других советских народов, совершенно перестал контролировать свое перо: «Тот же план гильотинирования народов Сталин применял к своим подданным – чувашам, украинцам, наконец, самим русским».

Ну если говорить о русских власовцах и украинских бандеровцах, то по делам и награда. А что касается чувашей, я

был недавно в Казани на празднике тысячелетия города и встречался с чувашской делегацией – с писателями, журналистами, историками, – цитировал им эти строки, но никто из них ничего не мог припомнить ни о репрессиях, ни тем более о «гильотинировании» чувашского народа. Может, пан профессор перепутал чувашей с чукчами? Но и тех в сталинские времена никто не «гильотинировал».

А какой «несокрушимый» аргумент приводит Помяновский в доказательство того, что поляков в Катыни расстреляли мы: вручение Ельциным Лехе Валенсе «постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года» и его устное подтверждение того, что польские офицеры казнены по приказу Сталина. А по адресу всех сомневающихся в истинности документа профессор грозно заявляет: «Тот, кто пытается это опровергнуть, обвиняет во лжи российское руководство, российское право, российскую историю». Ну, напугал! Как будто Ельцин не брехал весь период своего президентства, начиная с того, что ляжет на рельсы, и кончая заявлением, что дефолта не будет. Неровен час – доживем до того дня, когда и документ, врученный Валенсе, будет признан фальшивкой. Из таких-то рук...

А вот так, по словам польского правозащитника, президента Хельсинкского фонда (где правозащитники – там и фонд. – *Ст. К.*) Марека Новицкого, советская власть расправлялась в 70-е годы с вольнолюбивыми бичами: «Они (бичи. – *Ст. К.*) посылали все к чертям и уходили в тайгу. Брали топоры, пилы, гвозди, удочку. Строили избушки, ловили рыбу… Что за безобразие: гражданин должен служить отечеству! На них устраивали облавы, вылавливали и отправляли в лагеря, ибо гражданин должен быть существом общественно полезным».

Еще раз о В. В. Путине:

«…Человек, по чьему приказу Российская армия истребила сто, а может, и двести тысяч чеченцев».

Чего так мало насчитали? А может быть, полмиллиона или миллион. Ведь ложь, по заветам Геббельса, чтобы быть убедительной, должна быть чудовищной.

И все время «Новая Польша» лезет в отношения русских с другими народами России, все время подогревает национальную неприязнь к русским.

Из очерка о сегодняшней российской жизни Витольда Михаловского:

«Слова, распеваемые хором Александрова: “Волга, Волга, мать родная, Волга, русская река” в Казани воспринимаются не лучшим образом».

Да знает ли путешественник Витольд, что этой песне уже полтораста лет? Когда я был в Казани, мы в застолье вместе с татарами пели ее.

Особенно боятся поляки улучшения отношений между Россией и Украиной.

Когда еще при Кучме у нас с украинцами завязался спор об острове Тузла на Азовском море, маршал Сейма Марек Боровский специально приехал в Киев, чтобы заявить: «Позиция Польши основана на уважении к территориальной целостности и суверенитету Украины в целом и острова Тузлы в частности». Вот провокаторы!

«На Украине тоже совершались страшные трагедии – в частности голодомор, поглотивший 15 миллионов человек», – пишет «НП».

В Австралии и Северной Америке я встречался с украинскими националистами, люто ненавидевшими советскую власть и коллективизацию. Но даже они, всегда готовые в своей ярости во время наших споров приписать сталинскому режиму любые преступления, считали, что на Украине в 1931–1932 годах от голода погибли от 3 до 6 миллионов человек. Роберт Конквест в книге «Жатва скорби» говорит тоже о 6 миллионах… А поляки замахнулись сразу на 15, что составляло в те годы чуть ли не половину населения Украины. Как легко шляхетские мошенники манипулируют страшными цифрами!

Издевательская реплика о жизни наших красноармейцев в польских лагерях после войны 1919–1920 года, где их погибло от 60 до 80 тысяч: «В польском плену им жилось лучше, чем в родной стране».

Иногда профессор Помяновский опускается до мелкой лжи. Объясняя, почему в «Новой Польше» воспоминания Я. Подольского напечатаны с большими купюрами, он пишет: «Дочь автора лишь сократила для нашего тонкого ежемесячника большое повествование (…), ни на йоту не изменив (…) политического звучания отцовских воспоминаний».

Однако сокращены были именно те места, в которых автор описывал сцены звериного антисемитизма шляхты. И это называется «не изменив политического звучания»! Да отнюдь не в объеме дело и не в «тонком журнале», а в том, чтобы скрыть антисемитскую сущность польского государства 20–30-х годов.

О выдающемся художнике Николае Рерихе ничего не мог написать польский искусствовед, кроме слов: «наследие художника среднего, как утверждают знатоки, уровня… Он был агентом большевиков»…

Возомнивший себя историком Помяновский пишет – о чем? – естественно, о ГУЛАГе, о чем же еще:

«Лагеря заполнила масса вчерашних военнопленных, которые из немецких лагерей попали прямо за отечественную проволоку».

Откуда знать Ежи, кто куда попал? Я лично знал многих писателей (В. Кочеткова, Ст. Злобина, Ю. Пиляра, В. Семина, Б. Бедного, М. Петренко, А. Власенко и др.), которые после плена ни в какие лагеря отправлены не были.

И чтобы прекратить спекуляции на эту тему авторов «Новой Польши», сообщаю, что в книге историка И. Пыхалова «Время Сталина» (С.-Петербург, 2001) приведены аналитические данные, доказывающие, что на 1 октября 1944 года в фильтрационных лагерях состоялась проверка 312 594 бывших пленных и окруженцев. Из них 75, 1% было направлено обратно в армию, а кто в народное хозяйство и на лечение и лишь 6, 2% – в штрафные роты, лагеря и тюрьмы.

К 1 марта 1946 года было возвращено на родину 1 539 147 пленных. После изучения их дел репрессиям было подвергнуто 14, 69%. «Как правило, – подытоживает автор, – это были власовцы и пособники оккупантов».

Но что ляхам эти факты – им, как говорит пословица, хоть кол на голове теши.

Главный редактор «Новой Польши» в майском номере за 2005 год дает российской власти юридические распоряжения: «Мы хотим, чтобы россияне ввели в свое законодательство понятие “катынская ложь”. Речь идет о понятии, аналогичном имеющемуся в польском законодательстве “освенцимская ложь”. Оно функционирует и в законодательствах других стран Евросоюза».

То есть он требует, чтобы мы приняли на веру польскую точку зрения на Катынь – и заткнулись со своими сомнениями, поисками, исследованиями. А может быть, полякам ввести в обиход кроме «освенцимской лжи» понятие «едвабненская ложь» или «новопольская ложь»? А может быть, нам нужно вынести бесплатно доставляемые в наши библиотеки подшивки «Новой Польши» – и просто-напросто сдать в макулатуру? Зачем русским людям читать всяческие поношения родной истории?

Только что пришел к нам сдвоенный (7–8) номер «Новой Польши». Открывается статьей А. Бондарева, который постоянно, как переводчик и автор, печатается в этом журнале. На этот раз – его статья об известном польском писателе Славомире Мрожеке. Славословие к 75-летию.

Читаю Бондарева: «Я вспомнил апокрифический рассказ о том, как Мрожек в первый раз вернулся в родной Краков. После дружеского ужина с обильным количеством выпитого Мрожек с хозяевами вышел на улицу. “А как эта улица называется?” – спросил Мрожек. “Именем героев Сталинграда”, – ответили ему. “Как же, припоминаю… – невозмутимо протянул Мрожек. – Проспект фон Паулюса, да?”» Меньше пить надо...

Мерзавец Бондарев восхищается остроумием мерзавца Мрожека, вернувшегося в родной Краков, спасенный от разрушения солдатами маршала Конева!

Ах, пан Мрожек! Коль вы «героями Сталинграда» считаете не наших солдат, отстоявших его руины, а паулюсовских оккупантов, то позвольте и мне считать героями Варшавского

восстания не «аковцев», сделавших «хенде хох!» перед вермахтом, а солдат эсэсовского генерала фон дем Баха, упорно, «героически» и неутомимо сравнявших с землей гордую пани Варшаву… (Прости меня, Господи, за ветхозаветные чувства!)

Архиепископ Юзеф Жицинский в «НП» хвалит журнал. «С большой надеждой и сочувствием я наблюдаю воздвижение культурных мостов сотрудничества, которым занимается редакция». Да, хорошие мосты воздвигает редакция журнала, авторы которого заявляют о русском народе, что он «вообще не имеет права существовать». Плевали, конечно, мы на такие заявления: живем, существуем и побеждаем вот уже более тысячи лет.

Однако подобные «иезуитские мосты» надо взрывать. Я прошу вас, пан Помяновский, не присылать больше в редакцию «Нашего современника» ваш русофобский, антиисторический журнальчик. Это мое последнее объяснение с вами. Вы мне надоели…

10. «У меня комплекс неполноценности»

Однако почему с такой страстной неутомимостью злобствуют Помяновский и его журнал «Новая Польша», когда заходит речь о «Нашем современнике» и его главном редакторе? Думаю, что ни Мандельштам, ни даже Польша здесь не при чем. Не там собака зарыта. Полемическая страсть Ежи, по моей догадке, есть некий его личный фрейдистский ответ на документальную повесть актрисы Маргариты Волиной, которую мы напечатали в десятом номере журнала за 2003 год. Волиной сейчас более 90 лет. Она до сих пор живет в Москве. В конце девяностых годов прошлого века бывшая актриса издала любопытную книгу о жизни Константина Симонова.

А в нашей публикации, названной ею «Записки актрисы», явлен молодой польский журналист, живший во время Отечественной войны и в первые годы после ее окончания в Москве, в гостинице «Националь», и крутивший роман с молодой и красивой Маргаритой Волиной.

Бес меня попутал, и я послал в Польшу пану Помяновскому этот номер, чтобы он вспомнил свою лихую молодость. Но, видимо, эта публикация напомнила профессору о таких обстоятельствах молодой его жизни, которые на старости лет хочется забыть. Между тридцатилетней актрисой и ее, как бы сейчас сказали, «бойфрендом» были отнюдь не идиллические отношения. Они не только яростно спорили о политике: самое пикантное заключалось в том, что женщина с презрением и брезгливостью относилась к своему надоедливому другу, и как к лжецу, и, что особенно обидно, как к мужчине… Вот несколько отрывков из этой документальной повести.

«– Сталин и Гитлер разорвали Польшу… С обоюдного согласия… Когда вы не полная кретинка… вы должны понимать! Разорвали! А через два года Гитлер и вашу половину схапал!.. Забрали, хоть бы защитить смогли! И того нет!

Я ушла. И запретила Поляновскому показываться мне на глаза. Я ненавидела Ежика. Мне были противны его бледное лицо, усики, черные брови, тросточка, чаплиновская походка с вывернутыми носками… Нет, нет! Любой русский хам приятнее этого лощеного чужака, – думала я».

«– Просто смех! – восклицала я. – Каждый спор у нас заканчивается Варшавским восстанием!

– Поляки не забудут сентябрь сорок четвертого. И в каждом споре они вам будут напоминать о сентябре.

– Поляки, – сказала я, вложив в это слово предел иронии, – не забудут!.. Но ты-то тут при чем?

– Я поляк! – крикнул Ежик.

– Ты еврей, – сказала я.

Ежик расставил ноги, откинул голову. Вся его фигурка, от поднятых плеч до кончиков лакированных туфель, выражала крайнее недоумение.

– Будь добра… – с расстановкой произнес он. – На каком основании ты…

– Меньше ври, у меня будет меньше оснований!

– Моя мать – испанская еврейка, но мой отец – поляк!

– И твоя мать – еврейка, и отец – еврей, и ты сам еврей! И твой польский гонор смешон, если не сказать – жалок!

– На каком основании… – процедил он, – ты утверждаешь?..

– Надоело! – Выдвинув ящик стола, я вынула паспорт Ежика. – Вот на каком! – Я открыла паспорт и прочла: “Ежи Самуилович Либерсон. Национальность: “еврей”. Это что?! Опечатка?

Ежик наклонил голову, круглая спина поднялась горбом.

– Ты давно взяла манеру лазать без спроса по чужим столам?

– Мне все равно, еврей ты, поляк, негр. Но я знала, что ты врешь про отца, и я просила тебя: покажи паспорт. Ты всегда отлынивал. А сегодня утром, когда ты побежал за хлебом, я нашла твой паспорт и посмотрела. Криминал?

– Ты нацистка! – Ежик разглядывал свои туфли. – Все вы нацисты! Сначала вас оболванили, а потом превратили в нацистов.

– Конечно, только сначала мы от нацистов Европу освободили! Я тебе говорю: мне все равно, еврей ты или негр!

– Я поляк не по паспорту, сударыня! Я поляк по воспитанию и сердцу! Я редактирую у вас в Союзе “Антологию польских поэтов”, а не еврейских. Я люблю Тувима и Слонимского, Мицкевича и Сенкевича больше, чем Галкина и Шолом-Алейхема!

– Твоя настоящая фамилия Либерсон! Поляновский – псевдоним. Зачем прячешься за псевдонимом?

Ежик обнял меня, прижался щекой к моему плечу.

– У меня комплекс неполноценности».

«Усики Ежика задрались, открыв яркую полоску губ и желтые зубы со щербинками. Ежик улыбался, от усиков пахло “Шипром”, а я почувствовала, что краснею. У Ежика спина круглая, лопатки жирные, поросли черным волосом, и по хребтине черная полоска, от шейного позвонка до копчика. Я стесняюсь Ежика, голый Ежик похож на бесхвостую крысу».

Надо было бы почтенному польскому литератору прямо сказать: «Да, я узнал себя в этом журналисте. Тут не в Стали-

не и не в Мандельштаме дело. Мне просто надо поквитаться с главным редактором журнала "Наш современник", опубликовавшим повесть моей бывшей русской любовницы, где я изображен лжецом, мошенником и мелким приспособленцем».

Вот тогда все было бы честно и понятно. Но смелости на такое признание у шляхтича, «похожего на бесхвостую крысу», явно не хватило…

* * *

Уинстон Черчилль однажды в сердцах сказал о поляках: «Они, должно быть, очень глупы…» Он, понятно, имел в виду не народ, а шляхетскую верхушку – польское правительство в изгнании, осевшее во время Второй мировой войны в Лондоне. Однако среди политиков минувшего века в Польше находились и весьма умные люди. Из них, конечно, следует вспомнить такого незаурядного человека, как Мечислав Раковский. С 1957 по 1982 год он редактировал влиятельный польский еженедельник «Политика», где печатались многие оппозиционно настроенные к тогдашней польской власти интеллектуалы. В тяжелейший для Польши исторический период – эпоху Ярузельского и «Солидарности» – Раковский стал вице-премьером, а в 1988–1990 годах – последним премьером Польши и последним первым секретарем Польской объединенной рабочей партии.

В 2002 году вышли в свет его дневники, в которых, вглядываясь в жизнь новой, уже несоциалистической Польши, он писал: «Не являлся и не являюсь сторонником безоглядного капитализма, обрекающего миллионы людей на более чем мизерное существование».

А в одном из своих интервью (из книги «Польский взгляд») независимый и честный политик высказал несколько мыслей о польской истории, которые идут вразрез с официальной и часто лживой идеологией нынешней польской власти и всякой неправдой, публикуемой в разных газетах и журналах, в том числе и в «Новой Польше».

«Символическим актом кретинизма было свержение памятника маршалу И. Коневу и демонстративная отправка его в металлолом. Памятника человеку, который спас Краков, древнюю польскую столицу»; «можно только удивляться глупости польских политиков “правицы” и центра (которых трудно, впрочем, заподозрить в нехватке интеллектуальных способностей; это все-таки не такие политические ничтожества, как Валенса или ему подобные), когда они способствовали перечеркиванию того, что соединяет Россию с Польшей».

«Если даже говорить об отношениях экономических, то заинтересованность в России немецкого, французского или итальянского капитала так высока, что мы можем просто отдыхать. Сами отказались от партнерства. По традиционной польской глупости. Глупость вообще является категорией, постоянной в жизни каждого народа, но у нас она к тому же прекрасно развивается».

«Вообще поляки склонны многие свои беды сваливать на других. Сегодня опасно по-доброму припоминать Сталина, но ведь это не он, а польский руководитель Берут предлагал заменить исторический гимн Польши с патриотическим лозунгом: «Еще Польска не сгинела!» На что Сталин ответил: «Зачем? Мазурка – неплохая мелодия!»

«Я иногда в ироничном настроении говорю: “Поляки, мои земляки, считают, что являются избранным Богом народом. Этакими евреями славянщины”».

ЧАСТЬ II.
РУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПОЭТА

Тридцатого марта 1925 года в камере смертников Бутырской тюрьмы загремели двери.

– Кто тут Ганин? Выходи!

Двое палачей в кожаных мотоциклетных куртках и брюках, ставших профессиональной формой ЧК, а потом ГПУ, вытолкнули в бетонный коридор светловолосого худого человека лет тридцати, провели его до выхода в тюремный двор, повернули за изгиб кирпичной стены. Один из чекистов на ходу расстегнул деревянную кобуру маузера:

– Становись лицом к стене!

И тут же раздались выстрелы...

Так погиб на рассвете весеннего дня вологодский крестьянин, поэт, друг Сергея Есенина Алексей Ганин.

Много десятилетий память о нем и его творчество ждут воскрешения. Воскрешения, а не просто реабилитации, которая состоялась еще в 1966 г. Но еще четверть века силен был страх в душах, мешавший полному воскрешению, которое начинается только с издания этой книги.

* * *

Алексей Алексеевич Ганин родился 28 июля 1893 года в деревне Коншино бывшего Кадниковского уезда Вологодской губернии в крестьянской семье. После окончания двухклассного земского училища в селе Усть-Кубенском переехал в Вологду, где окончил городскую гимназию. В 1914 году окончил Вологодское медицинское училище.

Первые публикации стихов А. Ганина в вологодских газетах относятся ко времени учебы в медицинском училище. Летом 1914 года А. Ганин был мобилизован, проходил службу в Николаевском военном госпитале. В этот же период его стихи появляются на страницах петроградских журналов. В 1916 году А. Ганин знакомится с Сергеем Есениным, Николаем Клюевым, Пименом Карповым.

В июне 1916 года А. Ганин по состоянию здоровья демобилизуется из армии и уезжает в Вологду. 4 августа 1917 года он был поручителем со стороны невесты при бракосочетании С. Есенина и З. Райх в вологодской церкви Кирика и Улиты. Летом того же года совершил вместе с С. Есениным и З. Райх поездку на Соловецкие острова и к себе на родину, в деревню Коншино.

В 1918 году А. Ганин вступает добровольцем в Красную Армию, служит фельдшером в различных госпиталях Северного фронта и в военно-санитарном управлении Котласского района.

В последние годы жизни (1920–1924) А. Ганин издает несколько книг стихов, а также публикует прозу в вологодском журнале «Кооперация Севера». Принимает активное участие в литературных вечерах «новокрестьянских поэтов» вместе с Есениным, Клюевым, Клычковым, Карповым.

В 1922 году А. Ганин переселился в Москву, где в 1924 году вышла его книга избранных стихотворений и поэм «Былинное поле». Алексей Ганин был арестован в конце 1924 года...

В 1970-х годах несколько стихотворений Ганина и воспоминания о нем публиковались в вологодской прессе и в журнале «Север»...

* * *

Из рассказа младшей сестры А. Ганина Марии Алексеевны Кондаковой, записанного в 1987 году в Архангельске:

«Отец наш – Ганин Алексей Степанович. Мать – Ганина Евлампия Семеновна. Был еще брат, работал в "Гагринской правде" и в "Красном Севере". Журналист. В 1937 арестован, в 1941 году "умер в местах заключения". Об Алексее была точно такая же формулировка официального письма: "Умер 30 марта в местах заключения". Как погиб брат? Я была в 1925 году у прокурора Кудрявцева Пимена Васильевича в Вологде. Он сказал, что Алексей якобы написал поэму, порочащую Троцкого, и напечатал в "Московском альманахе" в 1924 году. Их забрали несколько человек. Его судил военный трибунал. Но до этого они сидели уже раз по "делу антисемитизма". Писали Демьяну Бедному, чтобы помог, а тот ответил: "Как сели, так и выбирайтесь"».

Я читаю документ четвертьвековой давности, который трясущейся старческой рукой протягивает мне сестра поэта:

«Военный трибунал МВО 12 октября 1966 года.

Дело по обвинению Ганина А. А. 1893 года рождения, арестован 2 ноября 1924 года, пересмотрено военным трибуналом Московского военного округа 6 октября 1966 года. Постановление от 27 марта 1925 года в отношении Ганина А. А. отменено, и дело о нем прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Ганин А. А. реабилитирован посмертно.

Зам. председателя военного трибунала МВО полковник юстиции И. Баурин».

Мария Алексеевна продолжает рассказ:

«Было у нас земли три четверти надела. Лошади не было. Своего хлеба хватало лишь до Михайлова дня – до двадцать первого ноября. Остальное отец зарабатывал: печки клал на Беляевском заводе. Художественно работал. Художником хотел быть.

Деревня наша Коншино – 18 домов, 96 душ было. Помню, как Алеша, когда пошел в армию, вырезал на доске "Деревня Коншино" и прибил на столб при въезде в деревню.

Папа был малограмотный, но толковый мужик. В Архангельском селе, недалеко от нас, была церковь и памятник напротив церкви Александру-Освободителю. Сшибли ему голову. А отец тогда ходил с красным флагом. Помню, его одна старуха упрекала в восемнадцатом году: “Вот бегал с красным флагом, а теперь голодаем, хлеба нету...” Он был коренастый, светлый, со светлыми бровями...

Дом у нас был с мезонином. В мезонине было много полок с книгами. Брат спал на полу. И Есенин, когда к нему приезжал, спал на полу. В июле 1917 года я уехала в Вологду готовиться к экзаменам. Жила я на Богословской улице в доме с каменным низом. Вдруг приходит брат и говорит:

– Пойдем в ресторан! Обедать!

Пришел не один... Если бы знать, что с ним Есенин. Он тогда еще не был знаменит. Оба они были в одинаковых костюмах. Алеша меня за руку взял – мне тогда уже одиннадцатый год шел. Ресторан “Пассаж” на Каменном мосту. А теперь поликлиника. Вход был с угла. Лестница красивая, зал большой... Сидела я, оглядывалась – салфетки меня удивляли, люстры, а я думала: “Какие паникадила!” Потом принесли красивые тарелки – розовые цветочки запомнила и красный суп (борщ!). При входе в ресторан стоял медведь, а в руках у него блюдо. До собора меня проводили... “Мы очень спешим”. Была у нас фотография – оба они в серых костюмах и надпись: “Другу Алеше. Сергей”.

Кажется, в 1923 году брат поехал в Москву, хотел издать книгу. Бедствовал, работал где попало. Потом издал книгу “Былинное поле”. Слышала я, что ему Дункан помогла. А после 25-го года вызвали меня в ГПУ. Директор говорит: “Тебя вызывают...” Брат Федя работал в “Красном Севере”. Я ему сказала: буду ходить вокруг да около, хотя мы еще ничего про Алексея не знали. Пришла, мрачное помещение, молодой парень. Я, говорит, познакомиться хочу. Я ему в ответ: у нас вечера бывают, приходите... “А где ваш брат?” Я говорю: уехал в Москву, рукопись сдавать... Он выслушал. Ничего не сказал».

Я разглядываю фотографию: Алексей Ганин в кругу родных и земляков. Они в деревенской одежде. Отец в войлочной бесформенной шляпе. Ганин – молодой, красивый, одет по-городскому...

* * *

Из воспоминаний старшей сестры А. Ганина Елены Алексеевны:

«Жена Алеши была эстонка. В Пинеге он ее нашел, их выселили из Эстонии во время гражданской войны. Когда он уехал из деревни в Москву, она ждала, ждала его, да и решила, что бросил... Возвратилась в Эстонию вместе с дочерью Валей. Писала нам из эстонского города Выру: “Сообщите что-нибудь об Алеше”. А мы и сами ничего не знали о нем. Уехал – и пропал. Узнал все года через три брат Федор. Поехал в Москву. Вернулся. Молчит. Только закроет лицо и скрипит зубами, а то и плачет... Потом не выдержал, сказал: “Алешку-то расстреляли”. А Гильда – Галей мы ее звали – умерла в 1937 году в Тарту. Но все это мы через много лет узнали. Решили Галю и племянницу свою Валю разыскать после войны. Сначала писать боялись, а потом написали в Таллинн... Вскоре пришло письмо от Гильдиной соседки – через почтальона нашли. Узнали затем, что и дочка Алеши Валечка умерла в 1941 году под оккупацией. Вот какая была красавица, с косами! – Елена Алексеевна показывает мне фотографию. – А я, помню, сон видела: новая квартира и две печки холодные. Зачем они, думаю, раз не топятся? Прихожу домой из хлебного магазина – навстречу сестра: письмо, мол, получила, и Гали и Вали давно в живых нету... Многие говорят, что эстонцы плохие. Нет, очень приветливые! Мы навестили родственницу Гильды, от которой письмо получили где-то в шестидесятых годах еще... Потом долго переписывались, она нам шерсть посылала.

А брат Федор работал в “Красном Севере” в Вологде, потом перевели в Нальчик, из Нальчика в “Гагринскую правду”,

где и арестовали. Сидел он в Каргопольском лагере, писал нам письма. В марте сорок первого получили от него весточку: не пишите мне, нас отправляют в новое место, напишу сам... И до сих пор пишет. Ответ получили: умер от паралича сердца в Магадане, судила тройка, дали десять лет... До сих пор не реабилитирован...

Всего-то нас было пять сестер да два брата. Остались я да Маруся... Родительский дом у нас был обшитый, родители добротой славились. Попрошайки, бывало, придут, кто в деревне ночевать пустит? Ганины! Отец всех нищих за стол сажал. “Ешьте, пейте...”

Работящий был. Ставил печки, сеял коноплю, вил веревки, кожу выделывал, сапоги шил, корыта из осины долбил. Земли-то было мало... А мать была хорошая плетея, кружева плела на семьдесят пар на продажу. Нитки ей давали заборщики, а потом забирали. Косынки плела из черных шелковых ниток. И меня научила...

Соседнее село Архангельское было с церковью, с торговыми купцами, с каменными лавками. Приходское село... Купец был в селе Ярков, умный мужик, когда туго стало – все продал, уехал в Иркутск, вступил в партию... Справедливый был, хоть и купец. Бывало, отец придет в лавку к его жене: “Пелагея Федоровна, праздники, детишкам чего-то купить надо”. Та зовет приказчика, а отцу: “Выбирай, да не бери дешевое, ты что богач?” Долг запишет, а нам в подарок изюму да пряников...

Я была в последний раз в Коншино в 1938 году... Все запустелое. Церковь, где апостолы были, как живые, захабалили, все переломали, зерном засыпали. Не зря пели песенку пионеры в те годы:

Мы все взорвем,
мы все разрушим,
мы все с лица земли сотрем,
и солнце старое потушим,
и солнце новое зажгем...

Я сама наизусть пела... А в церковь до сих пор хожу в нашу архангельскую, икона у меня из родного дома...

В тридцать первом году меня насильно от отца-матери отправили на лесозаготовки. Отец больной, мать больная. Надо было на лесоучасток лошадей гнать. Я и погнала. Отец не мог оставить мать больную. А у меня скоро рука от пилы заболела... Вернулась домой. В лес возвращаться не хочу. А сестра моя старшая Анна была в Балахне. Думаю – надо в Балахну бежать, а то в лесу подохнешь. Прибавили мне в сельсовете год, паспортов тогда не было, – и поехала я из деревни. Как щас помню: мать больная осталась, стоит на пригорке одна, слезами заливается... Будь оно проклято, то время... Из Балахны я писем не писала, боялась, найдут да возвернут в лес... А про Алешу что еще сказать? Стихи он писать начал рано, когда я еще была маленькая... Стихи про деда Степана помню... Дом-то у нас был с мезонином – перед окнами росли яблони, черемуха...

У Алексея была в мезонине библиотека... Такие книги были! Спасли только Евангелие, ему подарил священник с надписью, когда он в Усть-Кубенском училище закончил... И вот еще Псалтырь отца. Я память родителей чту, и ночь перед Пасхой не сплю... Помню, как Есенин и Райх и с братом приезжали к нам. Она в Вологде работала у Клыпина, был такой краевед с частным издательством. Райх секретарем у него была... Приехали, когда рожь клонилась, стучатся в наш дом: “Хозяюшка, нельзя ли переночевать?” А мать в ответ: “Сейчас скажу отцу, он пустит!” Брат рассмеялся – мать его и признала. Вошли... Утром, я помню, жду не дождусь, когда проснутся. Как раз они на праздник попали после Петрова дня – на престольный праздник нашей деревни... Помню Райх – в белой блестящей кофте, в черной широкой шуршащей юбке. Веселая... А Есенин хорошо играл на хромке – подарил ее Федору, хромка с зелеными мехами. Долго лежала. Потом пропала.

Федор на ней играл и частушки сочинял:

Эх вы, сени мои, сени,
Не сплясать ли трепака?

Может быть, Сергей Есенин
Даст нам кружку молока...

(Я из этого заключаю, что Федор знал стихи Есенина или слышал их в Коншино – стихи о матери со строками: «И на песни мои прольется молоко твоих рыжих коров». – *Ст. К.*).

Ну, сразу смех: озорные девчата окружили Есенина, потребовали по кружке молока, и поэт движением руки отправил насмешниц к хозяйке дома, к нашей матери. А еще Федор исполнял и такую частушку:

Ах вы, сени, мои сени,
Были сени – теперь нет.
Был Сергей Есенин стельным –
Отелился или нет.

(Опять же мне понятно, что младший брат Алексея Ганина в частушке иронизировал над «богохульными строками» Сергея Есенина: «Господи, отелись!» – *Ст. К.*).

...После Соловков брат опять заехал к нам в новой домотканой рубахе – сшил в Вологде. Бывало, с Федей придут на посиделки – и берут играть с собой самую какую-нибудь худую и бедную девушку. А потом о ней в деревне говорят: из города, мол, приехали с ней играть, один писатель, в шляпе!..

Федор-то в Алексее души не чаял. Приехал из Вологды, когда узнал о расстреле Алексея, никому ничего не сказал, боялся за мать – думал, с ума сойдет. Она каждый день фотографии перебирала. В мезонин поднималась – сидит и плачет. И я с нею. А я до сих пор по брату плачу. Пока живу, буду плакать...»

* * *

Что же за поэт был Алексей Ганин? Он, видимо, много учился у символистов – у Блока, Белого, Бальмонта – и создал

в своей поэзии своеобразный сплав народного и глубоко интеллигентного, модного в те годы символического понимания мира... Но символизм мышления был присущ не только «декадентской» поэзии XX века.

Вся крестьянская жизнь в поэзии А. Ганина – отражение, а может быть, и порождение идеальной духовной жизни мироздания. Надо вспомнить, что и народное творчество русского крестьянина было насыщено древней символикой. Поэма «Былинное поле» – вершина творческого понимания Ганиным жизни крестьянства, как великой космической работы, рождающей живую связь человека с матерью-сырой землей.

В поэме мифы прорастают в современность и тянутся в тьму вечности, в историческое или даже доисторическое время человечества.

А уж тысячу лет нам повелено:
Буде встретим мы Зорьку на пахоте,
Будет отдано небо в приданое,
И земля – вековая кормилица;

Будут ситцем и сахаром дареным
Наши хаты доверху завалены.
Где ж справляти нам сварбу великую,
Как не в поле широком Микуловом?

Внуки Микулы, Зорька и Лада, Черные враждебные ветры, мелкая, но многочисленная нечисть – все персонажи сказочных, мифологических сюжетов и поверий живут в поэме Алексея Ганина, которая похожа на былинную запись из уст хранительницы былин Кривополеновой или фольклориста Рыбникова. А борьба Лады, Микулича и мужиков с нежитью-нечистью, с Черными вихрями, со всемирной демагогией сверхъестественных злых сил природы и истории, по горькому убеждению Ганина, кончается разорением крестьянства, его расколом и вселенским раздором:

Как хламом сундук, позакидано поле,
Издевками, громами, криками...
Спорят, кто глуп, кто богат, кто умен;
Спорят, да грязью, да дырьями хвастают,
Судят, да рядят...

В конце концов «распалась великая рать – черносошная сила»... А правнук Селяниновича – Микулич, желая догнать Зарю-Ладу, споткнулся, упал и сгорел:

С тех пор по утрам
Над полем широким
Проносится пахарь и конь
В серебристом тумане.

(Чем не рубцовское «промчался таинственный всадник, неведомый отрок, и скрылся в тумане полей!»)

Вот так, в таких символических формах Алексей Ганин изображал драматическую судьбу крестьянства в роковые для России годы. Недаром в предисловии к сборнику «Былинное поле», своего рода манифесте, поэт ясно и отчетливо высказал свое творческое кредо: «К слову сказать. Многие при встрече называют меня “мистик”. Это неверно. Это желание от серьезных вещей отделаться недомыслием. Я родился в стране, где пашут еще косулями и боронят суковатками, но где задолго до Эйнштейна вся теория относительности высказана в коротком слове “авось”.

Это не шутка. Потому, если люди все еще не сумеют уважать одиноких и от каждого требуют стадной клички, я был бы более прав, если б рекомендовал себя: “А. Ганин – романтик начала XX века”».

* * *

К великому нашему горю, судьба поэтов русского крестьянства была предопределена, как неизбежная трагедия,

уже в раннее послереволюционное время. Продразверстка, Гражданская война, расказачивание, первое раскулачивание, белый и красный террор подрубили многие корни крестьянской жизни. Но мира для нее не наступило и после окончания Гражданской войны.

Эксплуатируя (да еще догматически) некоторые общие положения марксизма о приоритетной ценности пролетариата по сравнению с крестьянством, наши идеологи двадцатых годов отнеслись к нему как к реакционному классу, тормозящему строительство социализма. Их не смущало то обстоятельство, что «реакционным» приходилось объявлять чуть ли не восемьдесят процентов населения России; их не пугало, что они начинают длительную войну против подавляющего большинства народа. Еще бы, в их руках была партийная власть, карательные органы, армия! Они были уверены в конечном успехе своего чудовищного эксперимента. Трагедия усугублялась тем, что их не сдерживали никакие нравственные, традиционно-исторические, национальные нормы. Никакого сочувствия к крестьянам, никакого понимания крестьянской души у них не было да и быть не могло: ведь, как это ни парадоксально, основные идеологи того времени – Троцкий, Сталин, Свердлов, Каменев, Бухарин, Зиновьев, Ярославский, Луначарский, Дзержинский, Радек и другие – происходили из каких угодно слоев населения, но только не из крестьянского. Ни один из них.

Большую часть жизни к тому же все они, кроме Сталина, прожили в эмиграции. Откуда им было знать и любить русского крестьянина, если их судьба профессиональных революционеров была бесконечно далека от нужд и забот рязанского или тамбовского мужика? Если они были чужды ему не только по социальному, а часто и по национальному складу? А тут еще по стране прокатились крестьянские восстания начала двадцатых годов (Тамбовское, Ишимское, Северо-Кавказское, Кронштадтское) и как закономерный ответ на них возникла целая система репрессий и всяческих мер, объединенных сформировавшейся к середине двадцатых

годов идеей «раскрестьянивания» России. Кстати, автором этого зловещего термина стал не кто-нибудь, а Н. И. Бухарин, вроде бы наиболее лояльный (как пытаются уверить нас сейчас) из вождей по отношению к крестьянству.

Неслучайно, что именно Бухарину М. Горький в 1925 году шлет с Капри письмо-совет или даже письмо-инструкцию со следующим предложением:

«Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, даже неизбежен конфликт двух “направлений”. Всякая “цензура” тут была бы лишь вредна, заострила бы мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика – и нещадная этой идеологии должна быть теперь же. Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае – не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима».

Через год Н. И. Бухарин в «Злых заметках», которые, в сущности, явились партийным манифестом, направленным против русского крестьянского начала в литературе, с вдохновением выполнил пожелания Горького. Эта статья и ее главные положения о реакционности поэзии Есенина, русского национального характера и деревенской жизни на долгие десятилетия (независимо от личной судьбы самого Бухарина) определили враждебное отношение партийной элиты нескольких поколений к «крестьянскому пути» литературы и искусства. Идеи Бухарина из «Злых заметок» молниеносно подхватила целая армия идеологов, газетчиков, партийных пропагандистов, таких как Сосновский, Радек, Авербах, Бескин, Лелевич и др., усилиями которых в кратчайшее время была организована настоящая травля крестьянских писателей, продолжавшаяся более десяти лет, до той поры, пока почти все они не были репрессированы и расстреляны. Но если разгром других литературных направлений и партийной элиты выглядел в 1937 году как абсурд, как неожиданная катастрофа, как гром среди ясного неба, то уничтожение крестьянских деятелей культуры (как и дворянских) было за-

кономерностью, объявленной режимом с первых лет своего существования и никого не удивлявшей.

Видимо, поэтому – в результате многолетнего давления – крестьянская литература следующего за есенинским поколения выглядит куда скуднее, беднее, малочисленнее, нежели литература того же корня, сложившаяся до революции. Уже с начала двадцатых годов стало не престижно, скорее опасно быть крестьянским писателем. Недаром в это время у Петра Орешина вырываются горькие строки о том, что «сельские баяны, певцы крестьянской стороны, как будто родине багряной мы стали больше не нужны!» А когда началась коллективизация, крестьянские писатели есенинского поколения были почти все фактически выброшены из литературы, ибо в основном они не приняли сталинского переустройства деревни, ссылки крестьян, разорения деревни, голода.

Алексей Ганин стал как бы предтечей, одной из первых жертв антикрестьянского террора.

* * *

Он был, по существу, обречен на гибель и забвение не только потому, что являлся крестьянским поэтом, но и потому, что был истинным сыном христианского мира, потому что его стихи – о чем бы он ни писал – полны веры в Божественный Промысл, витающий над всем сущим. Для него, простого крестьянина, как и для аристократа Льва Толстого, Бог был не просто умозрительным понятием, но Любовью, разлитой в мире, Красотой, растекающейся по лесам и косогорам родины, Светом, проникающим во все уголки природы и бытия...

О имени Твоем сегодня Вечность спряла
В душе моей любви Тебе крылатый стих.
И слушал разум мой. И сердце повторяло
Узорную молву влюбленных губ моих.

Все ждет Твоих чудес. Незримое обличье
Яви скорей земле. Оденься в плоть и кровь.
Да будет весела земля в веселье птичьем,
В цветах произрастив зеленую любовь.

Да снидет на поле Твой голос ароматом...

Читая эти стихи, невольно вспоминаешь лермонтовское «Когда волнуется желтеющая нива...» с заключительными строками: «...и в небесах я вижу Бога» или есенинское: «Слишком я любил на этом свете все, что душу облекает в плоть...».

Современному человеку с его прагматизмом, скепсисом, рационализмом даже трудно себе представить, что семьдесят лет тому назад в России жили люди, несшие в себе такое цельное, всеохватывающее религиозное чувство. Они были как бы светоносным слоем нации; светоносным потому, что молитвенно поклонялись Любви и Свету, понимая всю историю человечества как вечную борьбу Бога и Сатаны, Христа и Антихриста, Тьмы и Света, и такое универсальное понимание жизни объясняло им все, что творилось на их глазах: бойню Первой мировой войны, идеальный пафос революции и ее последующее падение в пучину кровавой грязи, братоубийственную резню гражданской, стенания крестьян, умирающих от голода 1921 года.

По убеждению людей такого склада, человечество забыло, что такое Любовь, забыло заветы природы, Бога и Сына Человеческого. Вот почему оно погрузилось в объятия смертного страха.

Блуждает древний Страх –
Сбылись глухие сны.
Как выкидыш, Земля забыта в колыбели,
И правнуки ребра на жернов Сатаны,
Ломая меч о меч, несут за телом тело.

Трехдневный Гроб Любви
За смертным камнем спит.
От рева Бурь и Битв
Шатаются кресты...

«Ломая меч о меч», «от рева Бурь и Битв» – такими словами Алексей Ганин изображает мировую войну, на которой он был фельдшером и видел, как в военные госпитали Гатчины несли «за телом тело» в дни, когда христианская любовь была попрана и забыта, когда «трехдневный Гроб Любви за смертным камнем спит» – Христово тело, заваленное камнем в пещере, трехдневное пребывание Божественного праха, тягостное ожидание Воскресения... Такова образная символика поэзии Алексея Ганина, поэзии, которая как бы попыталась выразить в стихах христианское чувство, еще живое в русском народе в начале века, и всякого рода религиозно-сектантские, апокрифические его разветвления, и народно-языческие представления о борьбе Добра и Зла, Тьмы и Света, уходящие корнями в глубокий пласт мифов, легенд, метафизических поверий и воззрений славян на природу, так глубоко исследованных в грандиозном труде А. Н. Афанасьева.

Для Алексея Ганина, как и для Есенина, для Клюева, для Клычкова, необъятная книга Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» значила, видимо, не меньше, чем Библия.

Но человек, исповедующий такое мировоззрение, в двадцатые годы нашего века в тоталитарной России должен был погибнуть. Тем более поэт, не скрывавший своих взглядов, печатавший стихи, которые, конечно же, вызывали и недоумение, и раздражение власти.

Кто будет выбивать лабазнику медали
И строить палачам для завтра мавзолей.

Крестьянское мировоззрение, крестьянское понимание жизни, мощное и светлое религиозное чувство – и то и дру-

гое в корне противоречило срочно создаваемой идеологии и практике государственного тоталитаризма и атеизма. Хроника тех лет была зловещей.

1918–1919 годы. Расстрел крестных ходов в Воронеже, Шацке, Туле и Харькове, осквернение мощей, убийства и расстрелы епископов, закрытие крупнейших монастырей (Спасо-Андрониевского, Ново-Спасского, Страстного, Чудова), кощунственное вскрытие святых мощей в Новгороде, Ярославле, Владимире, Твери...

1920–1921 годы. Расстрел монахов Лебяжьей пустыни под Екатеринодаром, закрытие Троице-Сергиевой лавры, судебные процессы по делам об изъятии церковных ценностей, расстрел четырех высших церковных иерархов...

1923 год. Заключение сотен священнослужителей в Соловецкий лагерь...

Но это лишь малая часть насилия по отношению к духовенству и Церкви. Это – страшный фон, на котором каким-то чудом вологодский поэт Алексей Ганин печатается в Москве и Вологде (как будто ничего не происходит, как будто не льется кровь священников, как будто не звучат на всю страну погромные речи палача Русской церкви Емельяна Ярославского!). Стихи, исполненные молитвенного чувства, несокрушимой веры и твердости духа, такой пробы, которая была, пожалуй, лишь у первых христиан:

За что сужу ослепнувшее стадо?
Исчезни гнев, да будет светлый пир! –
Сказал Пришедший с ласковой отрадой
И язвой рук благословил весь мир...

Крестьянин – хрестьянин – христианин... Ни то ни другое не укладывалось в систему нового бытия. И то и другое могло определить судьбу поэта самым роковым образом. Но были за Ганиным еще и другие «грехи» – не менее тяжкие, но более конкретные...

В 1918 году Яков Свердлов составил текст постановления о борьбе с антисемитизмом и еврейскими погромами, изданного после расстрела царской семьи и перед покушением евреев Фани Каплан и Леонида Канегиссера на Ленина и Урицкого. Постановление было подписано Лениным. Известный русский публицист В. Шульгин считал это покушение провокацией, целью которой, по его мнению, было подтолкнуть советскую власть к массовому красному террору, к созданию атмосферы леденящего страха, к появлению таких указов, по которым без суда и следствия в последующие годы были расстреляны, заключены в застенки и сосланы в лагеря десятки тысяч неугодных – правых и виноватых – людей, в основном русского происхождения. И в разгар действия постановления об антисемитизме – в 1923 году – с Алексеем Ганиным приключилась драматическая история.

Сестры Алексея Ганина Елена и Мария, до сих пор живущие в Архангельске (одной 87, другой 85 лет), рассказывают, что в семье бытовали две (обе неподтвержденные) версии о причинах его ареста и расстрела. Первая: якобы Алексей Ганин написал стихи, клеймящие Троцкого, и опубликовал их в каком-то московском альманахе. Стихи эти нами пока не найдены, и потому трудно судить, правдива ли первая версия.

Вторая гласит о том, что Ганин, который в те годы нэпа работал торговым агентом, однажды заночевал со своим портфелем, набитым различными торговыми документами, в каком-то московском парке на лавочке. А утром его разбудили агенты ЧК, расстегнули его портфель и вытащили оттуда какие-то якобы антисоветские листовки и воззвания.

Но как бы то ни было – арестовать и расстрелять его могли за все: и за «кулацкие» стихи, и за открытую проповедь христианского чувства, и за «дело об антисемитизме».

* * *

В сентябре 1923 года Ганин приехал из Вологды в Москву. 25 октября в Доме ученых на Пречистенке он участво-

вал вместе с Есениным и Клюевым в «Вечере русского стиля». Есенин читал «Москву кабацкую», Клюев – «Песни на крови», Ганин – «Памяти деда». А еще через месяц четыре поэта – Сергей Есенин, Сергей Клычков, Петр Орешин и Алексей Ганин – спустились в кафе «Стойло Пегаса» и в зале, полном пьяных чекистов в кожаных куртках, сидевших, как хозяева, в литературном кафе со своими подругами, стали обсуждать свои невеселые дела, говорить о положении русских литераторов при новом режиме.

«О чем же говорили поэты? – писал известный литературовед В. В. Базанов в статье «Свидетельство очевидца и память истории». – О том, что стало, увы, намечаться своеобразное засилие людей, которые нигилистически относятся не только к богатейшему наследию русской культуры, недвусмысленно давая при этом понять, что оно, дескать, устарело и является чуть ли не контрреволюционным, но и вообще ко всему русскому, национальному, претендуя в то же время на роль “вершителей судеб” культуры послереволюционной России. Были ли у них основания для этого? Да, и весьма серьезные...»

Разговор поэтов между собой подслушал сидевший рядом с ними человек в серой кожанке (как оказалось, чекист) и поднял в кафе скандал с криком о том, что все четыре поэта ярые антисемиты.

Каким-то образом моментально в кафе появилась милиция, поэтов забрали в участок... Началось пресловутое, возбудившее в те годы всю Москву дело об антисемитизме Есенина, Клычкова, Орешина и Ганина. «Картофельный» (как его называл Есенин) журналист Сосновский срочно настрочил два клеветнических фельетона в «Последние новости» и «Рабочую газету». Но поэты с негодованием отвергли обвинение в антисемитизме. 10 декабря 1923 года состоялся товарищеский суд, удостоверивший, «что тов. Сосновский изложил инцидент с четырьмя поэтами на основании недостаточных данных и не имел права использовать этот случай для нападок на некоторые из существующих литературных

группировок. Суд считает, что инцидент с четырьмя поэтами ликвидируется настоящим постановлением товарищеского суда и не должен служить в дальнейшем поводом или аргументом для сведения литературных счетов и что поэты Есенин, Клычков, Орешин и Ганин, ставшие в советские ряды в тяжелый период революции, должны иметь полную возможность продолжить свою литературную работу».

Писатели, бывшие в составе товарищеского суда над четырьмя поэтами, приняли единственно верное в те времена решение. Чувствуя, что аналогичной травле может подвергнуться каждый из недовольных, они фактически спасли поэтов, вынеся им общественное порицание. Если бы они самоустранились и предоставили властям «поступить по закону» (как советовал Демьян Бедный), поэты неизбежно были бы осуждены в соответствии с постановлением о борьбе с антисемитизмом и еврейскими погромами 1918 года. В лучшем случае им грозил Соловецкий лагерь особого назначения. А в худшем? Пресловутое постановление, защищавшее интересы лишь одной национальной прослойки общества, устанавливало в своих положениях любые меры наказания, вплоть до расстрела. Думаю, что поэтов тогда спасло лишь одно обстоятельство: среди них был популярный во всем народе Есенин... Малоизвестного же А. Ганина бесшумно убрали через два года после рокового провокационного скандала в кафе «Стойло Пегаса»... Вполне возможно...

Свидетельств о жизни Ганина в Москве и Петрограде почти не осталось, потому дорого каждое из них. Совсем недавно на Западе вышли воспоминания бывшей видной деятельницы эсеровского движения Мины Свирской. После разгрома партии эсеров в 1921 году она провела более 25 лет в лагерях и ссылках, в 1963 году эмигрировала в Израиль, где и умерла в 1978 году.

В период 1917–1918 годов Мина Свирская была дружна с Сергеем Есениным, Зинаидой Райх и Алексеем Ганиным. Ниже мы хотим привести те отрывки из ее воспоминаний, которые относятся к Алексею Ганину и показывают, какое

немалое место занимал он в жизни Сергея Есенина и в литературе тех лет.

«Потом он (Есенин. – *Ст. К.*) исчез на какое-то время. И появился у нас в обществе с Алексеем Ганиным. Рассказывал, что уезжал куда-то (не помню куда), что жить им негде. Они пришли на Галерную, где помещался ЦК ПС.-Р. и к тому времени – уже редакция газеты “Дело народа”. Иванов-Разумник их познакомил с Зинаидой Николаевной Райх. Она их устроила на ночь на стульях в большом зале».

«Мы вернулись к Зинаиде и стали говорить о делах Общества. Какие-то представительские дела Зинаида брала на себя. И Ганин сказал: “Так вы, оказывается, Зинаида Николаевна, нищая меценатка”. Это прозвище за ней и осталось».

«В Общество распространения эсеровской литературы Есенин стал приходить почти каждый день... В легком пальтишке, в фетровой, несколько помятой, черной шляпе, молча протягивал нам руку, доставал из шкафа толстый том Щапова “История раскольнического движения” и усаживался читать... Позже приходил Ганин и тоже усаживался читать. Приходила Зинаида Николаевна. Обсудив текущие дела Общества, мы четверо отправлялись бродить по Петербургу. Получалось так, что обычно мы с Сергеем шли впереди, а Зинаида с Алексеем сзади. Есенин всегда читал стихи, и свои и чужие. Читал свои новые стихи, которые еще не были опубликованы. Иногда раньше, чем начать читать какое-нибудь свое новое стихотворение, он шел долго молча. Бывало, Ганин нас окликал. Он называл Сергея – Сергунька. Мы останавливались. Ждали, пока они подходили к нам. Ганин прочитывал строки своих стихотворений в разных вариантах, советуясь с Есениным. Между ними начинался спор. Зинаида часто высказывала свое мнение. Спор у них иногда затягивался, и мы уходили с Зинаидой вперед. Помню, они один раз долго спорили о выражении “небо озвездилось”. В дальнейшем, когда у них спор затягивался, Зина говорила: “Опять началось “озвездилось”, давай пойдем, они нас догонят”. Иногда мы уходили далеко от них, и они нас не до-

гоняли. Мы возвращались и заставали их на том же месте – Ганин, опершись на палку, а Есенин, глубоко засунув руки в карманы и подняв плечи. В наши прогулки мы отправлялись в любую погоду. Иногда гуляли под петроградским мелким моросящим дождем, начинали зябнуть, заходили в какую-нибудь чайную, чтобы согреться горячим чаем, который нам подавали в двух пузатых чайниках...

Летом мы поехали в Павловск на концерт. Мы опоздали... Возвращались в почти пустом вагоне. Или мы уехали до конца концерта, или много времени после концерта. Ганин читал стихи. Прочел свое стихотворение "Русалка", которое посвятил "З. Р." Мне это стихотворение очень понравилось, и он нам читал его несколько раз. Есенин достал листок бумаги и стал быстро писать карандашом. Потом прочел написанное. Было оно посвящено "М. С.". В нем было два четверостишия. Павловский парк превратился в березовую рощу, мои коротко остриженные и всегда растрепанные волосы сравнивались с веточками берез. Тогда он мне это стихотворение не дал; положил его в карман. Зинаида же сказала: "Будешь теперь причесываться". У Зинаиды Николаевны были тогда две косы, уложенные вокруг головы. В стихотворении были "русалочьи косы". Очень потертый, пожелтевший листок бумаги со стихотворением "Русалка" Зинаида показала мне много лет спустя...»

«Летом 17-го года вбежал в Общество Есенин: "Мина, едемте с нами на Соловки. Мы с Алешей едем". Придя к Зинаиде, я ей тут же рассказала, что Сергей с Алешей собрались ехать на Соловки и Сергей пришел звать меня. Она вскочила, захлопала в ладоши: "Ох, как интересно! Я поеду..." Помню, что Сергей с Алешей должны были выехать раньше, а Зинаида где-то к ним присоединиться. Как оказалось, ни у Сергея, ни у Алеши почти не было денег. У Зинаиды была какая-то заветная сумма, которую она предложила на поездку...»

«Сколько времени продолжалась их поездка, не помню, но помню, что кто-то пришел и сказал, что был на Галерной и что Зинаида Николаевна вернулась. Я тут же пошла туда.

Она писала какую-то служебную бумагу и сказала: “Сейчас допишу”. Она дописала и повернула в мою сторону написанную бумагу, указывая на свою подпись: “Райх-Есенина”. “Знаешь, нас с Сергеем на Соловках(4) попик обвенчал”, – сказала она. Мне не было еще и семнадцати лет, сосредоточиться на этом событии я не умела и не задавала никаких вопросов. Зинаида сама стала рассказывать. Ей казалось, что если она выйдет замуж, то выйдет за Алексея. Что с Сергеем ее связывают чисто дружеские отношения. Для нее было до некоторой степени неожиданностью, когда на пароходе Сергей сказал, что любит ее и жить без нее не может, что они должны обвенчаться. На Соловках они набрели на часовенку, в которой шла служба, и там их обвенчали. Ни Сергей, ни Алексей мне об этом ничего не рассказывали. Алеша стал приходить в Общество часто. Сергей реже, чем раньше. Зинаида стала приходить совсем редко».

«В вечер дня рождения Есенина, когда мы все уже собирались уходить, Ганин сказал, что пойдет меня провожать. Он уже снял пальто с вешалки, Сергей подошел к нему, взял у него из рук пальто и быстро одел его на себя. Погода была прескверная. Моросил мелкий дождь. По мере того как мы приближались к Неве, туман усиливался. Мы шли молча. Мне это молчание было тягостно. Хотелось его нарушить, я не знала, как это сделать. На мосту я остановилась и сказала: “Давай смотреть на воду, интересно, что мы увидим сегодня в день твоего рождения”. “Ничего не получится”, – ответил он и потянул меня за руку. И молча мы дошли до моего дома. Через день или два пришел в Общество Ганин: “Если бы ты знала, как Сергуньке попало”. – “Алеша, за что?” – “Нет, не за то, что он пошел тебя провожать. Зина упрекала его, что он не подарил ей ни одного стихотворения. Он слушал ее, надувшись, ничего ей не ответил, потом быстро оделся и ушел. Я думал, он у вас”. – “Нет, к нам он не приходил”. Уже после ухода Ганина очень мрачный пришел Есенин. Я ему сказала, что приходил Ганин, искал его. Он мне ничего не ответил, уселся читать и быстро ушел».

Как много узнается нового в этих воспоминаниях! О дружбе и ревности, о любви и преданности поэзии, о значительности отношений Алексея Ганина и великого русского поэта Сергея Есенина... Поистине, честные мемуары – живая вода, оплодотворяющая сухую почву истории и литературоведения.

* * *

Из поэтов первой жертвой Молоху революционных репрессий стал Николай Гумилев. Вторым через несколько лет – Алексей Ганин. От его наследия не осталось почти ничего, кроме того, что было издано.

Запуганные террором друзья и близкие расстрелянных избавлялись от писем, фотографий, дневников.

От всего эпистолярного наследия Ганина осталось всего лишь одно короткое письмецо, сохранилось несколько фотографий, в том числе каким-то чудом и та, где он сфотографирован с Сергеем Есениным. Но смерть его даже в условиях свирепого террора ЧК– ОГПУ все равно не заставила друзей вычеркнуть его из памяти. Сразу же после расстрела поэта его друг Пимен Карпов написал потрясающее и сегодня своей эмоциональной силой стихотворение, которое назвал «В застенке» и посвятил его «Памяти А. Г.».

Ты был прикован к приполярной глыбе,
Как Прометей, растоптанный в снегах,
Рванулся ты за грань и встретил гибель,
И рвал твое живое сердце ад.

За то, что в сердце поднял ты, как знамя,
Божественный огонь – родной язык,
За то, что и в застенке это пламя
Пылало под придушенный твой крик!

От света замурованный дневного,
В когтях железных погибая сам,

Ты сознавал, что племени родного
Нельзя отдать на растерзанье псам.

И ты к себе на помощь звал светила,
Чтоб звездами душителя убить,
Чтобы в России дьявольская сила
Мужицкую не доконала выть.

Все кончено! Мучитель, мозг твой выпив,
Пораздробив твои суставы все,
Тебя в зубчатом скрежете и скрипе
Живого разорвал на колесе!

И он, подъяв раздвоенное жало,
Как знамя, над душою бытия,
Посеял смерть. Ему рукоплескала
Продажных душ продажная семья.

Но за пределом бытия к Мессии –
К Душе Души взывал ты ночь и день,
И стала по растерзанной России
Бродить твоя растерзанная тень, –

И жизни устремились листопадом
К иной черте, завидя твой венец;
И вот уже дрожит твердыня ада
И приближается его конец!

Нет, не напрасно ты огонь свой плавил,
Поэт-великомученик! Твою
В застенке замурованную славу
Потомки воскресят в родном краю.

И пусть светильник твой погас под спудом,
Пусть вытравлена память о тебе, –

Исчезнет тьма, и в восхищенье будут
Века твоей завидовать судьбе.

А мы, на ком лежат проклятья латы,
Себя сподобим твоему огню.
И этим неземным огнем крылаты
Навстречу устремимся Звездодню!

Вот какие стихи писали крестьянские поэты, готовые во имя своих убеждений разделить судьбу своего народа. И они разделили ее. Так воздадим должное им, великомученикам, за верность России, русскому народу и великой русской поэзии. Никто не забыт и ничто не забыто.

P.S. После написания этой статьи в архивах ОГПУ-НКВД нами были обнаружены документы, пролившие окончательный свет на судьбу и смерть Ганина. Конечно же, главной причиной, из-за которой он был расстрелян, стал написанный им те годы манифест «Мир и свободный труд – народам».

Дело № 28980 начато 13. XI. 1924 года. Ордер на арест первого ноября подписал сам Генрих Ягода. В анкете указано, что Ганин уже арестовывался московским Губчека, «по недоразумению принятый за контрреволюционера». Потом был «арестован по обвинению в антисемитской агитации. Освобожден под подписку о невыезде». Тут подразумевалось широко известное дело Есенина, Клычкова, Орешина и Ганина, предопределившее их судьбу. Довольно любопытен отрывок из протокола от 13. XI. 24 года: «Есенин как-то познакомил меня с одной женщиной, с которой в это время жил. Фамилию женщины я не знаю; она коммунистка и в то время работала в “Правде” или в «Бедноте», секретарем какого-то видного работника ГПУ». Случайной знакомой Ганина была Галина Бениславская, близкая Сергею Есенину в последние три года жизни.

Из протокола от 15. XI. 24 года. Допрашивали Славатинский и Агранов. «Читал выдержки из тезисов, которые

обнаружены у меня при аресте. Эти тезисы я подготовлял для своего романа».

Занимают они девятнадцать страниц, оборванных по краям, исписанных химическим карандашом. Почерк красивый, текст ясный, грамотный. Несколько листов заляпаны бурыми пятнами. Думаю, Ганину показывали рукопись после побоев, пыток. И кровь поэта пропитала страшные тогда мысли. Отмечено, что копия с тезисов, послуживших причиной смертного приговора, снята для Агранова. Делу явно придавалось особое значение, коль им занимался сам Яков Самуилович – обер-палач ЧК.

Тезисы «Мир и свободный труд – народам», пролежавшие во тьме архивов почти семьдесят лет – величайший документ русского сопротивления интернационал-фашизму, троцкистской банде. Жаль, что этот кровоточащий манифест, перед которым бледнеют «Несвоевременные мысли» Горького, знаменитые письма Короленко – Луначарскому и письмо Раскольникова – Сталину, оставался неизвестным до последнего времени. По-своему бесценные, эти документы – всего лишь интеллигентская или партийная реакция на кровавые злодеяния эпохи. А ганинский манифест – плод именно народного сопротивления. Он создан с таким выходом в грядущее, что мысли и страсти, изложенные там – кажутся выплеснутыми в наше смутное время.

Я недаром говорю о народном сопротивлении, ибо дело Ганина было групповым. ЧК арестовало тринадцать человек. Не партийных функционеров, эсеров или широко известных писателей, а никому неведомых вчерашних крестьян, начинающих поэтов, мелких служащих, объединенных одной идеей: борьбой с интернационально-коммунистическим режимом во имя спасения национальной России. Как в наши демократические времена, так и тогда такое мировоззрение называлось фашистским. Группа получила название «Орден русских фашистов». Ганин был объявлен главой и вместе с шестью товарищами расстрелян тридцатого марта 1925 года. Семеро уцелевших пошли на Соловки.

Мир и свободный труд — народам

Тезисы

1. При существующей государственной системе России – это могущественное государство, обладающее неизбывными естественными богатствами и творческими силами народа – вот уже несколько лет находится в состоянии смертельной агонии.

Ясный дух русского народа предательски умерщвлен. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены. Всякий, кто не потерял еще голову и сохранил человеческую совесть, с ужасом ведет счет великим бедствиям и страданиям народа в целом.

Каждый, кто бы ни был, ясно начинает осознавать, что так больше нельзя. Каждый мельчайший факт повседневной жизни – красноречивее всяких воззваний. Всех и каждого он убеждает в том, что если не предпринять какие-то меры, то России как государству грозит окончательная смерть, а русскому народу – неслыханная нищета, экономическое рабство и вырождение. Смотрите госбюджет России последних лет. Отчеты государственных предприятий. Заработная плата рабочих и служащих. Бюджет крестьян. Соотношение цен на фабрикаты и сельскохозяйственные продукты. Соотношение максимума заработка и прожиточного минимума трудового населения. Сопоставим данные довоенного и настоящего времени в области народного просвещения, здравоохранения, общественной взаимопомощи. Высчитаем коэффициент налогов и доходов населения. Наконец сопоставим данные довоенной и современной нашей внешней торговли, чтобы убедиться, что Россия стоит накануне гибели, а ее многомиллионное население обречено на рабскую нищету и вырождение.

Но как это случилось, что Россия с тем, чтобы ей беспрепятственно на общее благо создать духовные и матери-

альные ценности, обливавшаяся потом и кровью Россия, на протяжении столетий великими трудами и подвигами дедов и пращуров завоевавшая себе славу и независимость среди народов земного шара, ныне по милости пройдох и авантюристов повержена в прах и бесславие, превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние?

2 Вполне отвечая за свои слова перед судом всех честно мыслящих людей и перед судом истории, мы категорически утверждаем, что в лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изуверов-человеконенавистников, напоминающую если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности – средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников. За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов – таятся смерть и разрушения, разрушения и смерть.

Достаточно вспомнить те события, от которых все еще не высохла кровь многострадального русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооруженные с ног до головы, воодушевляемые еврейскими выродками, банды латышей беспощадно терроризировали беззащитное сельское население: всех, кто здоров, угоняли на братоубийственную бойню, когда при малейшем намеке на отказ всякий убивался на месте, а у осиротевшей семьи отбиралось положительно все, что попадалось на глаза, начиная с последней коровы, кончая последним пудом ржи и десятком яиц, когда за отказ от погромничества поместий и городов выжигались целые села, вырезались целые семьи.

Вот тогда произошла эта так называемая «классовая борьба», эта так называемая прославленная и «спасительная гражданская война». Но после тщательного анализа всех происходящих событий в области народного хозяйства, психологии народа, после тщательного анализа проповедей этой ныне господствующей секты изуверов, человеконенавистников-коммунистов, о строительстве нового мира мы пришли к

тому же категорическому убеждению: все эти слова были только приманкой для неискушенных в подлости рабочих масс и беднейшего крестьянства, именем которых все время прикрывает свои гнусные дела эта секта.

Достаточно опять-таки вспомнить тот ужасный разгром городов, промышленных предприятий, образцовых хозяйств и усадеб, бесконечно и ежедневно происходившие реквизиции, бесчисленные налоги, когда облагалось (да облагается и до сих пор все), кроме солнечного света и воздуха, чтобы понять: это только безответственный грабеж и подстрекательство народа на самоубийство.

Наконец реквизиции церковных православных ценностей, производившиеся под предлогом спасения голодающих. Но где это спасение? Разве не вымерли голодной смертью целые села, разве не опустели целые волости и уезды цветущего Поволжья? Кто не помнит того ужаса и отчаяния, когда люди голодающих районов, всякими чекистскими бандами и заградилками (только подумать!) доведенные до крайности, в нашем двадцатом веке, в христианской стране дошли до людоедства, до пожирания собственных детей, до пожирания трупов своих соседей и ближних! Только будущая история и наука оценят во всей полноте всю изуверскую деятельность этой «спасительницы народов» – РКП.

Для нас теперь нет никакого сомнения, что та злая воля, которая положена в основу современного советского строя, заинтересована в гибели не только России, как одной из нынешних христианских держав, но всего христианско-европейского Запада и Америки. Создав экономические и государственно-политические правовые теории на ложном принципе классовых противоречий, они тем самым вызвали в каждом государстве, провоцируя богатых и бедных, внутреннюю нетерпимость, разжигая ее до острой ненависти, до братоубийственной бойни.

Эта хитрая и воинствующая секта, исходя из того же принципа классового расслоения, путем псевдонаучных исследований ныне искажает истинный смысл вещей, искажает ис-

тинный взгляд на естественно-исторический и духовный путь человечества. Эта секта всеми мерами старается заглушить в бесконечных противоречиях ход всех современных событий, стремясь таким образом расслоить и ослепить каждую национальность в отдельности, тем самым провести непроходимую бездну между подрастающим поколением и их отцами, между отдельными группами людей: создавая всюду нетерпимость, раздор и отвлекая, таким образом, силы народов от дружественной работы по борьбе с естественными препятствиями, парализуя творческий дух христианских народов.

Народы Запада и Америки должны быть на страже, должны напрячь все свои силы, чтобы не поддаться влиянию этой изуверской секты. Всякий, кто любит свой народ, кому дороги культура и дальнейший прогресс завоеваний природы на благо народов, тот, безусловно, к какой бы нации ни принадлежал – всеми мерами должен бороться и воздействовать внутри своей страны на малосознательные массы, чтобы не допустить эту изуверскую секту к власти над данным народом.

3. Всякий, кто более или менее добросовестно следил за ходом событий в России, кто знает хоть в тысячной части положение русского народа в целом, безусловно увидит, что только путем лжи и обмана, путем клеветы и нравственного растления народа эти секты силятся завладеть миром. Путем неслыханной в истории человечества кровожадной жестокости, воспользовавшись временной усталостью народа, эта секта, пробравшись в самое сердце России, овладев одной шестой частью суши земного шара и захватив в свои руки колоссальные богатства России, еще с большей энергией и с большим нахальством проповедует свои гибельные теории, прикрываясь маской защитников угнетенных классов и наций.

Эти изуверские секты под видом дипломатических и торговых представителей русского народа всюду рассылают агентов-проповедников, чтобы успешней делать свое противное всякому здравому смыслу дело, чтобы всюду организовать отделения своей секты, чтобы всюду сеять раздор, человеконенавистничество, чтобы всюду разжечь братоубийственные

внутринациональные бойни, потому что знают: только этим путем они могут погубить христианско-европейский Запад и Америку, таким образом овладев миром.

Выдвигая как конечную цель своих стремлений лучшие принципы христианско-европейских народов: свободу, равенство всех граждан перед законом, охрану труда и заботу о народном благосостоянии и просвещении, они тем самым стараются проникнуть в доверие масс Европы и Америки. Но мы еще раз повторяем: всякий, кто умеет честно по-человечески мыслить, тот из всего существующего положения в России ясно увидит, к чему на самом деле стремится эта изуверская секта.

Завладев Россией, она вместо свободы несет неслыханный деспотизм и рабство под так называемым «государственным капитализмом». Вместо законности – дикий произвол Чека и Ревтрибуналов; вместо хозяйственно-культурного строительства – разгром культуры и всей хозяйственной жизни страны; вместо справедливости – неслыханное взяточничество, подкупы, клевету, канцелярские издевательства и казнокрадство. Вместо охраны труда – труд государственных бесправных рабов, напоминающий времена дохристианских деспотических государств библейского Египта и Вавилона. Все многомиллионное население коренной России и Украины, равно и инородческое, за исключением евреев – брошены на произвол судьбы. Оно существует только для вышибания налогов.

Три пятых школ, существовавших в деревенской России, закрыто. Врачебной помощи почти нет, потому что все народные больницы и врачебные пункты за отсутствием средств и медикаментов влачат жалкое существование. Высшие учебные заведения терроризированы и задавлены. Как наиболее враждебные существующей глупости. Всякая общественная и индивидуальная инициатива раздавлена. Малейшее проявление ее рассматривается как антигосударственная крамола и жесточайшим образом карается. Все сельское население, служащие, равно и рабочие массы раздавлены поборами. Все они лишены своей религиозной

совести и общественно-семейных устоев, все вынуждены влачить полуживотное существование. Свобода мысли и совести окончательно задавлены и придушены. Всюду дикий, ничем не оправданный произвол и дикое издевательство над жизнью и трудом народа, над его духовно-историческими святынями. Вот он – коммунистический рай.

Недаром вся Россия во всех слоях, как бы просыпаясь от тяжкого сна, вспоминает минувшее время как золотой, безвозвратно ушедший век. Потому что всюду голод, разруха и дикий разгул, издевательство над жизнью народа, над его духовно-историческими святынями. Поистине над Россией творится какая-то черная месса для идолопоклонников. Вся так называемая коммунистическая пропаганда и агитация, письменная и устная – вся псевдонаучная, так называемая марксистская литература и, наконец, неслыханный по своей зловредности в истории законодательства поток запретов и распоряжений самозваного правительства – эти исключительные образцы злобы, коварства, предательства и изуверской тупости являются ярким доказательством справедливости наших мнений.

Вся эта гнусная макулатура, государственная халтурщина ясно показывает лишний раз, настоящую рожу этих изуверов, ясно вскрывает их намерения. Но при помощи этой макулатуры, оградив себя от всякой критической мысли Чекой и Главлитом, они околпачивают умы простых, неискушенных рабочих, незнакомых с прочими научными и философскими взглядами на мир вещей и явлений, но заражают и молодежь, еще неспособную к самостоятельному критическому мышлению.

4. Считая, что помимо террора одним из главных и могущественных орудий в руках коммунистической секты являются пропаганда и агитация так называемого марксистского учения, которое, как известно, не только для непосвященных рабочих масс, не только для умов не вполне развитых и знакомых с прочими философскими и научными взглядами на мир вещей и исторических событий, но для отдельных умов, более

или менее способных к мышлению, в настоящее время почти во всем мире представляют немалый соблазн во взглядах, а многие вещи и явления исторического порядка, особенно в области хозяйственно-промышленного строительства, многих искренних людей приводят к значительным заблуждениям.

Принимая во внимание, что данное марксистское мировоззрение для многих даже выдающихся умов Европы, Америки и Азии является цельным и исчерпывающим, вполне отдавая себе отчет в трудности возложенной на себя задачи, тем не менее мы, русские националисты, на основании опыта всей русской революции, на основании повседневных фактов всей русской общественной и современной хозяйственной жизни, наконец, на основании данных современной нации и статистики вполне убедившись сами – перед лицом всего мира докажем не только ложность, но крайнюю зловредность данного учения для всей западно-европейской культуры и вообще для дальнейшего человеческого прогресса.

5. Для того чтобы раз и навсегда покончить с так называемой РКП, сектой изуверов-человеконенавистников, и с ее международным органом – III Интернационалом, необходимо:

1) на основании анализа русской действительности, опираясь на общеизвестные для всех очевидные факты хозяйственного и общеполитического порядка, путем повседневных систематических разоблачений (речи, беседы, воззвания и прокламации) дискредитировать в глазах рабочих масс не только России, но и всего мира деятельность современного советского правительства и III Интернационала;

2) пользуясь всеми данными русской коммунистической революции и ее последствиями, необходимо, показав ее несостоятельность, выдвинуть новые принципы государственности, общественности, личных прав человека. В противовес коммунистической ереси мы должны рассматривать историю не как борьбу классов, а как постоянное самоусовершенствование в борьбе с природой за культурные блага. Отсюда, в противовес марксистским теориям, рассматривать государство не как «организованную эксплуатацию» одного

класса другим, а как широкую организацию для совместной более успешной борьбы с естественными препятствиями за общее благо и независимость;

3) признавая лишь как правовую, вполне самостоятельную единицу человеческого общества, мы должны признать, в противовес марксизму, и неотъемлемые права той личности на продукты труда, иначе говоря, признать право собственности как единственную гарантию роста культурных и экономических благ государства. Существенная причина всего краха современной России есть так называемый «государственный капитализм», он же является основной причиной и злейшей эксплуатацией всего населения и казнокрадства.

Вот отчего Россия, сельскохозяйственная страна, все время существования советской коммунистической власти терпит голод и всякие бесконечные кризисы. Разве не абсурд, что в 1921 году России привезли молока для всяких комиссаров и комиссарш почти на девять миллионов рублей золотом!

4) ввиду этого недовольство существующей властью растет с каждым днем все больше и больше не только среди населения городов и деревень, так называемых беспартийных, но и среди рабочих и армии. Необходимо, чтобы наша борьба с этой грабительской сектой была успешна. Все лучшие силы России перенести на пропаганду государственно-национальных идей с тем, чтобы вовремя и заблаговременно недовольству масс дать, в противовес большевизму, ясные формы и лозунги национально правового государства, и взамен жидовского III Интернационала выдвинуть идею Лиги наций как единственной международной организации, которая предупредит правовые международные столкновения между государствами;

5) для того, чтобы окончательно свергнуть власть изуверов, подкупивших себе всех советских пройдох и авантюристов, наряду с пропагандой национальных идей и прав человека, необходимо, учитывая силы противника в каждом городе, в каждом промышленном месте коренной России и Украины, путем тщательного отбора и величайшей осмотрительности

вербовать во всех семьях и кругах русского общества всех крепких и стойких людей, нежно любящих свою родину. Необходимо объединить все разрозненные силы в одну крепкую целую партию, чтобы ее активная сила могла не только вести дальнейшую работу и противостоять не за страх, а за совесть враждебной нам силе, но сумели бы в нужный момент руководить стихийными взрывами восстания масс, направляя их к единой цели. К великому возрождению Великой России;

6) не предрешая заранее, какой общественный строй должен быть в государстве Российском, а выдвигая со своей стороны идею великого земского собора, мы все же должны зорко смотреть, чтобы тайные враждебные силы раз и навсегда потеряли охоту грабежа и бесчинства народа в целом и не помешали бы в дальнейшем развернуть в России еще неисчерпанные силы на путь духовного и экономического творчества.

Тщательно взвесив современное положение России, небывалое единство настроения русского народа, мы твердо верим, что близок конец страданий, и радостно будет освобождение!

* * *

В деле содержатся протоколы допросов Алексея Ганина. Один из них, наиболее интересный, произведен в ГПУ 17 ноября 1924 года. Это даже скорее своеобразные мемуары, полуисповедь, полупризнание, попытка спасти свою жизнь и увести следствие в сторону, но одновременно – удивительное по деталям, фактуре и атмосфере воссоздание быта эпохи, ее страшного безбытного воздуха, безнадежности и отчаяния, которое давило и иссушало душу каждого мыслящего интеллигента «страшных лет России».

Как тут не вспомнишь о деятельности русских патриотов шестидесятых-семидесятых годов Игоря Огурцова, Леонида Бородина, Евгения Вагина и созданного ими ВСХСОНа. В сущности Алексей Ганин и его товарищи были, несомненно, прямыми предшественниками жертвенного поколения патриотов-шестидесятников.

Исповедь Ганина, написанная в подвалах и камерах ЧК, неожиданно и особым образом как бы продолжает и дополняет многое из того, что было сказано Есениным в знаменитом цикле «Москва кабацкая» или напоминает нам многие страницы трагикомедии Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», перекликается с горькими, полными той же бездомности и того же отчаяния стихами Николая Клюева двадцатых годов.

Суть этой жизни не раз была выражена Сергеем Есениным: «В своей стране я словно иностранец» или из письма Кусикову: «Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть»... Да, именно «пасынками» сразу же после окончания гражданской войны почувствовали себя Есенин и Клюев, Ганин и Приблудный. Все они, находясь под зорким оком дзержинско-аграновско-петерсовского Чека, стали «Иванами бездомными», людьми второго сорта, гонимыми русскими людьми, которым антирусское государство той эпохи не могло позволить и простить русского ума, русского чувства, русского патриотизма. Все они были поставлены в положение национальных диссидентов с предопределенной в будущем трагической судьбой.

Нищета, отчаяние, безнадежность существованья русского человека – то есть все то, что нависает над нами сегодня – выражены в «тюремных мемуарах» Алексея Ганина с откровенной наивностью, но в то же время с психологической и бытовой точностью. Ужасно предположить, что нынешнее экономическое и политическое положение русского писателя завтра может стать таким же, как у Ганина и его товарищей. Читая эти мемуары, с печалью понимаешь, что традиционное зло, овладевавшее жизнью русского таланта, топившего отчаянье в вине, действительно вызывалось и вызывается историческими условиями бесперспективности жизни в самом глубоком смысле слова.

Плохо было русскому человеку, русскому поэту и во времена Ганина, и во времена Рубцова. А когда «плохо» – тут же появляется Горе-Злосчастье...

Встречи, разговоры, знакомства – все достойно внимания в этом необычном протоколе допроса. Вплоть до наивной попытки оправдаться от обвинений в создании мифической фашистской организации (1924 год). Вплоть до попытки изобразить свои беспощадные по отношению к власти «тезисы» как некие черновые заготовки для будущего романа...

Впрочем, читая эти мемуары, все-таки приходишь к мысли, что никакими организаторами мощного сопротивления режиму, никакими вождями национального движения люди, подобные Ганину, стать не могли.

В первую очередь они были поэтами, художниками, людьми литературного призвания, для которых ничего не было выше и дороже внутренней свободы. Выше которой разве что было лишь одно – судьба Родины, судьба Отечества. Но в таком случае их выбор был сделан, и они были обречены. Да будут их прозрения, их просчеты, их жертвенность жестоким уроком для нового поколения русских людей, вступающих в «вечный бой» за возрождение России.

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С ЯРЛЫКОВ

Сейчас, когда слова «социальная справедливость», «гласность», «демократизация» – на устах у всех, когда прошла литературная реабилитация произведений Платонова и Гумилева, когда у нас публикуются Набоков, Ходасевич, Замятин, я уверен, что важнейшая глава этой реабилитации – крестьянские поэты 20–30-х годов. Они никуда не эмигрировали, как Замятин и Ходасевич, в большинстве своем они приняли участь гораздо более горькую, нежели Ахматова и Платонов, иные из них были уничтожены не в 30-е, но уже в 20-е годы. Судьба их трагична еще и потому, что, в отличие от Бабеля, Мандельштама, Бруно Ясенского, книги которых вышли вскоре после XX съезда и чье наследие, по существу, целиком возвращено читателю, творчество крестьянских по-

этов издано и изучено далеко не полностью. Издание антологии поэтов есенинского круга «О Русь, взмахни крылами» (М., 1986) – первая попытка, представляющая их как направление. В ней впервые воскрешены из небытия имена двух поэтов – друзей Есенина – Алексея Ганина, расстрелянного в 1925 году, и Пимена Карпова, о котором в свое время писали Блок и Л. Толстой и который был вытеснен из литературной жизни в конце 20-х годов и умер безвестным нищим стариком в 1963 году; в антологии представлен громадный русский поэт XX века Николай Клюев многими впервые опубликованными стихами и поэмой «Плач о Сергее Есенине», там же читатель найдет имена погибших в тюрьмах и концлагерях 30-х годов: Сергея Клычкова, Петра Орешина, Василия Наседкина, Павла Васильева, Ивана Приблудного...

Мы начали эту работу по составлению антологии задолго до новых веяний. Трудно было с архивами, с комментариями, со вступительной статьей, многое не разрешалось, самоцензура редакторов была тоже «на уровне». Даже в биографических справках не удалось оставить формулировки «репрессирован тогда-то», «расстрелян тогда-то».

Многое открылось нам в этой работе. Архивы крестьянских поэтов в безобразном состоянии, клюевское наследие разбросано, не изучено, не собрано, рукописи его буквально истлевают. Много, как выяснилось, неясного есть в судьбе самого Сергея Есенина. Не все его письма опубликованы. Не все, как надо, прокомментированы. Много вопросов пришлось задать себе во время этой работы. И самый главный: «Случайно или нет в острейшей идеологической борьбе 20–30-х годов были, в основном, уничтожены поэты крестьянского мировоззрения – целая ветвь могучей народной интеллигенции?»

И тут наши размышления упираются в коренную, может быть, проблему 20–30-х годов, которую коротко можно обозначить так: «Троцкизм и крестьянство», а если мыслить еще шире – «Тоталитаризм и крестьянство».

Почти все поэты есенинского круга были репрессированы, но их физическому уничтожению предшествовало уни-

чтожение моральное. Их дружно травили задолго до расцвета сталинизма идеологи и критики 20-х – начала 30-х годов. Жили они в нищете. Клюев продавал старые книги, выступал за крохотные гонорары, Клычков жил крестьянским трудом, Пимен Карпов и Иван Приблудный просто нищенствовали. А травля их разгоралась с каждым годом.

Ее основоположником стал главный идеолог тех времен – всемогущий Н. И. Бухарин, чей подлинный облик очень далек от иконописного либерально-гуманного, который сейчас задним числом создается на наших глазах. «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» (Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М., 1920).

Бухарин и его товарищи по процессу 1938 года реабилитированы. Но одно дело юридическая реабилитация, и другое – моральная оценка реабилитированных, или «Божий Суд», как писал Лермонтов.

Реабилитированы деятели партийной элиты. Но ведь кроме них – столько невинно пострадавших при их правлении имен ждут своей очереди! Первый политический процесс – дело правых эсеров 1922 года, дело церковников 1922 года, Шахтинское дело 1928 года, дело промпартии 1929 года.

А сколько людей пошло в тюрьмы и лагеря безо всяких юридических процедур? Сколько деятелей церкви – от высших иерархов до простых деревенских попов – было уничтожены в 20-е годы без всяких формальностей? Сколько миллионов крестьян, минуя различные юридические русла, были отправлены на Соловки, на Беломорканал, в Нарым, в Сибирь... Их судьбы, их вдовы, их дети, их внуки ждут реабилитации. Она должна стать общенародной и не замыкаться на 1937 годе, а идти в глубь истории, вплоть до заложников Красного террора 1918 года, когда без суда и следствия были расстреляны тысячи правых и виноватых...

Но вернемся к Бухарину. В своих «Злых заметках», которые, в сущности, были идеологическим постановлением, опубликованным 12 января 1927 года в газете «Правда», Бухарин, направив острие удара против главного «крестьянского» поэта – Сергея Есенина, надолго определил стратегическую линию по отношению к крестьянской литературе. И хотя иные публикации последнего времени изо всех сил пытаются доказать, что «Злые заметки» были направлены всего лишь против есенинщины и «есенинских вдов», – это не соответствует истине. В них Бухарин издевается над поэзией Тютчева, над расстрелянными дочерями (девочками!) последнего царя («которые в свое время были немного перестреляны, отжили за ненадобностью свой век»). С недостойным для мужчины и писателя остроумием иронизируя над несчастными жертвами революционного фанатизма, Бухарин, может быть, в какой-то степени накликал и свою судьбу: его тоже, когда он стал не нужен Сталину, говоря бухаринскими же словами, «немного перестреляли за ненадобностью». Как говорится – поднявший меч...

Но надо заметить, что Сталин обошелся с семьей Бухарина более гуманно, нежели революционные судьи (действия которых одобрял наш идеолог) с царской семьей. Все-таки и жена и сын не были расстреляны. Есть кому о нем писать мемуары.

В этих же «Злых заметках» академик Бухарин с высоты своего академического величия иронизирует над «академиком» Буниным, признавая, правда, его талант, так же как и талант Есенина, которого он всего лишь навсего считает своим идейным врагом: «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого “национального характера”»; «Все это наше рабское историческое прошлое, еще живущее в нас, воспевается, возвеличивается, ставится на пьедестал лихой и в то же время пьяно рыдающей поэзией Есенина»; «Причудливая смесь из “кобелей”, “икон”, “сисястых баб”, “жарких свечей”, березок, луны, сук, господа бога, некрофилии... и т.д. – все это под колпаком юродствующего квазинародного национализма – вот что такое есенинщи-

на». Остальные борцы с крестьянской литературой словно бы только и ждали этих формулировок одного из главных идеологов теории «пролетарского принуждения».

«Что такое есенинщина? Это олицетворение хулиганства, уныния, пессимизма и наркомании. Все эти качества были и у Есенина. Даровитый юноша, он прямо из деревни попадает в Петербург и здесь втягивается в кабацкую жизнь, начинает пьянствовать и развратничать... Поэт стал хулиганом. В таком состоянии встретил Есенин приход советской власти. С этого момента начинается трагедия пьяницы, который, обладая большим самолюбием, в то же время чувствует, что уже выдохся и ничего не может дать новой жизни. Новая жизнь, отбрасывающая все гнилое, отбросила и выдохшегося поэта» (А. В. Луначарский).

«В стихах типа Клычкова и Клюева мы видим воспевание косности и рутины при охаивании всего городского, "большевистского", словом, апологию "идиотизма деревенской жизни"» (А. Безыменский).

«Любовь к природе в творчестве этих писателей – только антитеза ненависти к городу, фабрике, машине, пролетариату, а синтез – это власть кулачья» (О. Бескин).

«Поэмы "Деревня" и "Плач по Сергею Есенину" – совершенно откровенные антисоветские декларации озверелого кулака» (Л. Тимофеев).

«Социальная родина Есенина – зажиточная патриархально-старообрядческая группа крестьянства. Он не представитель крепкого кулацкого ядра, активного, бодрого, "практического", а "блудный сын" этой группы, сын, кровно с нею связанный, физически, психологически и культурно ею вскормленный...» (Б. Розенфельд).

«Он перешагивает шаг за шагом, год за годом, со своей лихой, не сдающейся кулацкой совестью по головам молодых поэтов» (Д. Петровский о Павле Васильеве).

«Все эти греко-рязанские гекзаметры насквозь насыщены кулацкой радостью накопительства» (О. Бескин о П. Радимове).

На 1-м съезде писателей в 1934 году, то есть в самое сложное время для крестьянства, не было сказано ни одного доброго слова о крестьянской литературе. Съезд как бы оставил все антикрестьянские формулировки в силе.

Есенин остро ощущал слом времени, знал, что «принудители» от слов скоро перейдут к делу, и, видимо, предчувствовал грядущие репрессии. Это предвидение будущих трагических событий присутствует во многих его письмах из-за границы. Вот, к примеру, отрывки из его писем к сестре Екатерине:

«Язык держи за зубами, на все, исключительно на все, когда тебя будут выпытывать, отвечай: «не знаю”... Думаю, что ты не дура и поймешь, о чем я говорю. Обо мне, о семье, о жизни семьи, о всем и о всем, что очень интересно знать моим врагам, – отмалчивайся, помни, что моя сила и мой вес – благополучие твое и Шуры» (10 августа 1922 г., Венеция). «Пиши сжато и разумней, потому что письма мои читаются» (1923 г., Париж).

Совершенно ясно, что Есенин боялся не литературной травли, не фельетонов и насмешек профессиональной братии. К этому он привык. Нет, тут страх другого рода: страх политических преследований. В этом убеждает и письмо, которое он послал своему другу А. Кусикову в Париж, возвращаясь из Америки в 1923 году. Это письмо у нас до сих пор не опубликовано. Нашел его в архивах Кусикова и опубликовал в конце 1968 года в Англии профессор Маквэй, специалист по наследию и творчеству Есенина. Вот текст письма:

«Милый Сандро!

Пишу тебе с парохода, на котором возвращаюсь в Париж. Едем вдвоем с Изадорой. Ветлугин остался в Америке... Об Америке расскажу после. Дрянь ужаснейшая, внешне типом – сплошное Баку...

Сандро, Сандро. Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если б я был один, если б не было сестер, то плюнул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь.

Тошно мне, *законному* сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это б... снисходительное отношение власть имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу! Ей-Богу, не могу! Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу.

Теперь, когда от революции остались только х... да трубка, теперь, когда там жмут руки тем... кого раньше расстреливали, теперь стало очевидно, что мы и были и будем той сволочью, на которой можно всех собак вешать...

Ведь и раньше... когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть. А теперь – теперь злое уныние находит на меня. Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь.

Ну да ладно, оставим этот разговор про ТЕетку... Напиши мне что-нибудь хорошее и теплое, веселое, как друг. Сам видишь, как я матерюсь. Значит, больно и тошно.

Твой Сергей... Атлантический океан, 7 февраля 1923 года».

Есенин очень глубоко понимал смысл столкновения троцкизма и крестьянства. Именно об этом он написал свою драматическую поэму «Страна негодяев», которая у нас до сих пор еще не понята, не истолкована до конца, да и издана с искажениями и купюрами. А между тем есть в ней немало заслуживающего внимания. Один диалог между профессиональным сотрудником ЧК Чекистовым и добровольцем Замарашкиным наводит на глубокие размышления, Замарашкин страдает от мысли о голоде 1921 года: «Там... За Самарой... Я слышал... люди едят друг друга...»

В ответ на это Чекистов с холодной жестокостью возражает:

...Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
Коль живет он в Рязанской губернии,
Так о Тульской не хочет тужить.

То ли дело Европа?
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давать под топор...

Замарашкин
...С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты настоящий жид,
Ругаешься ты, как ярославский вор.
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил
За границей...
Все равно в Могилеве твой дом.

Удивительно, что Есенин еще в двадцать втором году разглядел лицо и цели воинствующего экстремиста, для которого не имеет никакого значения, что он родился в Могилеве, что у него там дом. Этот персонаж из «Страны негодяев» излагает свои чувства весьма недвусмысленно и откровенно:

Чекистов
Ха-ха!
Ты обозвал меня жидом,
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный вы народ!
Жили весь век нищими

И строили храмы божие...
Да я бы их давным-давно
Перестроил в места отхожие...*

Он как в воду глядел: перестроили-таки...

Но кто же прототип этого Чекистова? Или это собирательный образ? Наше литературоведение прошло как-то мимо столь важного исторического свидетельства великого поэта. А у таких поэтов, как Есенин, не бывает ничего случайного. И меня, когда я читал поэму, всегда останавливала строчка: «Я гражданин из Веймара»... Прихоть? Случайность? Не понимая в чем дело, я читал поэму дальше. Но недоумение оставалось. Оно разрешилось совсем недавно, когда в одном из спецхранов мне в руки попала книга «Литература и революция». Автор Лев Давыдович Троцкий. В ней есть несколько статей, из текста которых явствует, что они написаны в городах Германии, в том числе и в Веймаре. Оказывается, в этом городе в эмиграции в начале века жил Лев Троцкий – Лейба Бронштейн, как называли его настоящим именем в те времена, в начале 20-х годов. Так не случайно же, что у Чекистова из поэмы Есенина настоящая фамилия – Лейбман («Фамилия твоя Лейбман, / И черт с тобой, что ты жил / За границей... / Все равно в Могилеве твой дом»). Стало ясно, что Есенин в то страшное время совершил отчаянной смелости подвиг – бросил вызов всесильному тогда Троцкому...

В последнее время стали раздаваться голоса, что, мол, в результате культа личности мы и Троцкого, и троцкизм понимаем неправильно, что не так уж они плохи, мол, изучать их надо, отмывать от «сталинской клеветы». А мы давайте обратим внимание на то, что ненависть, которую испытывает герой поэмы Есенина Чекистов-Лейбман по отношению к русскому крестьянству, точь-в-точь совпадает с мыслями

* Поэма «Страна негодяев» впервые издана в 1926 г. с редакторской правкой. Я цитирую по рукописи Есенина, хранящейся в ИМЛИ. Архив. Ф. 32. Оп. 3. Ед. хр. 55.

и чувствами Троцкого, сказавшего в 1920 году, на IX съезде партии, следующие слова:

«Поскольку мы перешли теперь к широкой мобилизации крестьянских масс во имя задач, требующих массового применения, постольку милитаризация крестьянства является безусловно необходимой. Мы мобилизуем крестьянскую силу и формируем из этой рабочей силы трудовые части, которые приближаются по типу к воинским частям... В военной области имеется аппарат, который пускается в ход для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Рабочая масса должна быть перебрасываема, назначаема, командуема точно так же, как и солдаты... Эта мобилизация немыслима без установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если не выполнит – он будет дезертиром, которого карают...»

Очень похоже на бухаринское отношение к народу, не правда ли?

Но в чем правы современные адвокаты Троцкого, так это в том, что его надо изучать. Хотя бы для того, чтобы, наконец, в полный голос сказать, что идея трудовых концентрационных лагерей принадлежит Троцкому, что осуществлена она была задолго до 1937 года, и даже не в конце 20-х и начале 30-х годов на строительстве Беломорканала, а много раньше – на Соловках (с 1922), что система лагерей разрабатывалась не только для остатков классовых врагов – дворянства, духовенства, военспецов, старой интеллигенции, а – как это видно из речей Троцкого – для широких народных масс. Недаром в романе Бориса Можаева «Мужики и бабы» русский интеллигент, сельский учитель Дмитрий Успенский, беззаветно воевавший за советскую власть, дает такие характеристики Троцкому и его последователям:

«Когда он был у власти, то сам всем рот затыкал. Да еще как! Головы рубил направо и налево. Это он ввел расстрел каждого десятого при сдаче Вятки. Он ввел концлагеря. Он

требовал перманентной революции. Это он доказывал, что социализм построить в нашей стране нельзя, потому что она негожая, почва, видите ли, изгажена. Она, мол, годится всего лишь как горючий материал на растопку его бредовой мировой революции. Он требовал ободрать крестьян принудительным займом, сколотить трудовые армии...»

И далее: «Вы последыши Иудушки, кровопийцы Троцкого. Сколько вас судили за перегибы? Но вам мало прежних голодовок? Новых захотелось? Лишь бы покомандовать! Лишь бы народ помордовать... Так запомните – даром это для вас не пройдет. Беззаконие – это слепой зверь, сегодня вы его спустите на крестьян, завтра он пожрет вас самих...»

В мировой прессе тех лет было немало разговоров о жестокости Троцкого, его тоталитарном антирусском мировоззрении, которое воплощалось в расстрелы, в карательные акции, в «расказачиванье», в гибельную для крестьянства политику продразверстки. И, однако, несмотря ни на что, бытовала, и весьма устойчиво, точка зрения, оправдывавшая деяния подобного рода.

Приведу, к примеру, одно из характерных высказываний, мелькавших в газетах той эпохи:

«Недавно я слышала от издателей еврейских газет многочисленные жалобы на то, что евреев упрекают в радикализме. Это верно: есть много евреев радикалов.

Правда и то, что некоторые вожди радикалов – евреи. Но прежде чем проливать слезы о таком направлении нашей расы, подумаем немного. О Троцком нельзя заключить иначе как об образованном человеке, изучившем мировую экономику, как о сильном и энергичном вожде и мыслителе, который несомненно будет отмечен в истории как один из числа великих людей, которыми наша раса облагодетельствовала мир... В настоящее время весьма мало кто из нас сомневается в том, что за всеми нелепостями, которые пишут о России, стоит одна великая правда, а именно что Россия находится в таком переходном состоянии, которое всегда является следствием нового строительства. За видимым беспорядком кроется

план, из крушения вырастает порядок. Она не будет страной утопии, но там будет создано правительство настолько совершенное, насколько таковое будут в силах создать из такого несовершенного людского материала те несомненно высокоодаренные духовно идеалисты-практики, которые теперь там строительствуют. А ведь из этих вождей – Лев Троцкий! Что же – или мы действительно должны стыдиться Троцкого?» (Самуель Руш. Журнал «Еврейский мир» (30.VII.1920))

«Идеалист-практик» и «палач русского народа» – вот каков был диапазон оценок Троцкого.

Надо прямо сказать, что без того культа карательных органов, который был создан с середины 20-х годов, невозможен был в полном объеме и культ личности Сталина со всеми сопутствующими ему репрессиями, для которых был нужен мощный аппарат. Но, к сожалению, в 20-е годы мало кто из литераторов видел вред и недопустимость культа организованного насилия и массовых репрессий. Более того, многие наши писатели и поэты создавали этот культ задолго до культа личности, воспевали чекистов как идеальных героев того времени. Если полистать книги и периодику тех лет, то мы увидим, как «революционную» беспощадность восхваляют Э. Багрицкий и А. Безыменский, М. Светлов и М. Голодный, С. Кирсанов и Д. Алтаузен, А. Прокофьев и В. Луговской.

Когда я в одной из своих статей высказал эту мысль, то Е. Евтушенко сразу же гневно откликнулся на это репликой в газете «Советская культура», где обвинил меня в «шовинистическом оплевывании таких дорогих для нас поэтов, как Багрицкий, Светлов...» Как это надоело!

Надоела назойливая, постоянная спекуляция формулировками вроде «шовинистический», «великодержавный», «русопятский», «антисемитский» в таких органах, как «Московские новости», «Комсомольская правда», «Огонек», «Советская культура». «Неделя», «Комсомолка» и «Знамя» опустились до того, что стали для «взбивания пены» печатать даже анонимные письма (в статьях Бакланова, Рассадина и Лосото), чтобы сделать позарез нужные авторам выводы о

разгуле шовинизма. «Книжное обозрение» приклеило поэту Юрию Кузнецову ярлык «черносотенца».

Но не буду подробно останавливаться на сегодняшних страстях, напомню один поучительный случай из истории нашей литературы.

24 мая 1935 года в газете «Правда» за подписью нескольких известных поэтов и писателей появилось письмо (вернее, политическое обвинение) Павлу Васильеву, в котором были формулировки, подобные вышеприведенным, – «политически реакционные», «антисоветские», «антисемитские», «фашистские». После этого доноса, опубликованного в «Правде», судьба Васильева была решена, и мы лишились громадного поэта, в котором Борис Пастернак находил черты истинно моцартианского дара. Так что те, кто щедро разбрасывается страшными ярлыками, пусть задумаются, к чему это приводит, пусть вспомнят о судьбе Павла Васильева, Николая Заболоцкого, Николая Клюева и многих других репрессированных или публично затравленных собратьев по перу, пусть и поймут, что нельзя всуе, ради красного словца переходить эти рискованные грани. Неужели наш несчастный исторический опыт ничему не учит эти горячие головы!

Вот документ, во многом решивший гражданскую и человеческую судьбу Павла Васильева:

«Письмо в редакцию.

В течение трех последних лет в литературной жизни Москвы почти все случаи проявления аморально-богемских или политически-реакционных выступлений и поступков были связаны с именем поэта Павла Васильева.

Опираясь на странную и неизвестно откуда идущую поддержку, этот человек совершенно безнаказанно делает все для того, чтобы своим поведением бросить вызов писательской общественности.

Меры воздействия (и воспитательные и репрессивные) никакого результата не дали. Павел Васильев, исключенный из Союза писателей за систематическое хулиганство, игнорировал и суровое предупреждение А. М. Горького в статье

“Литературные забавы”, и многочисленные другие предупреждения советской печати.

Последние факты особенно разительны. Павел Васильев устроил отвратительный дебош в писательском доме по проезду Художественного театра, где он избил поэта Алтаузена, сопровождая дебош гнусными антисемитскими и антисоветскими выкриками и угрозами расправы по адресу Асеева и других советских писателей. Этот факт подтверждает, что Васильев уже давно прошел расстояние, отделяющее хулиганство от фашизма.

Ко всему сказанному присоединяется и то, что Васильев своим цинично-хулиганским поведением и своей безнаказанностью стимулирует реакционные и хулиганские настроения среди определенного слоя окололитературной молодежи...

Все сказанное подтверждает, что реакционная творческая практика Васильева органически сочетается с характером его общественного поведения и что Павел Васильев – это не бытовая “персональная” проблема.

С именем Павла Васильева, кроме прочего, связано такое явление в нашей литературной жизни, как возникновение и процветание всяких “салонов” и “салончиков”, фабрикующих непризнанных гениев и создающих им искусственные “имена”.

Мы считаем, что необходимо принять решительные меры против хулигана Васильева, показав тем самым, что в условиях советской действительности оголтелое хулиганство фашистского пошиба ни для кого не сойдет безнаказанным.

А. Прокофьев, Н. Асеев, В. Луговской, А. Сурков, В. Инбер, Б. Корнилов, Б. Иллеш, М. Голодный, Д. Алтаузен, К. Зелинский, Н. Браун, С. Кирсанов, Б. Агапов, А. Гидаш, В. Саянов, А. Решетов, И. Уткин, А. Безыменский, В. Гусев, А. Жаров».

Я всегда недоумевал, почему это письмо подписали ленинградские друзья П. Васильева – А. Прокофьев, Н. Браун, В. Саянов и... Б. Корнилов. Но свидетели происходившего рассказали, что как раз в те дни в Москву приехала группа ленинградских поэтов. Они встретились с Безыменским на литера-

турном празднике в Сокольниках, и Безыменский объявил им, что с ними хочет познакомиться главный редактор «Правды» Л. Мехлис – за ними прислали машину, и когда поэтов привезли к Мехлису, то оказалось, что никакого желания познакомиться с ними у него нет, а они нужны ему лишь для того, чтобы тут же, в кабинете, поставить свои подписи под письмом, осуждающим Павла Васильева. И поэты под нажимом всесильного Мехлиса, как это ни горько говорить, дрогнули...

Сейчас трудно проверить, что было поводом для инцидента между Васильевым и Алтаузеном. Но можно представить, как был возмущен Васильев стихами Алтаузена тех лет, где тот глумился над русской историей, над именами Минина и Пожарского, над Россией: «Подумаешь, они спасли Расею! А может, было б лучше не спасать?!» Вот это и было настоящим антинациональным политическим хулиганством, обычным для тех времен.

Много в нашей прессе говорится (и часто справедливо) о страшных репрессиях тридцатых годов (меньше, к сожалению, анализируются с этой точки зрения двадцатые годы). Но, как видно из письма, сыгравшего роковую роль в судьбе Павла Васильева, атмосфера репрессий сама собой не рождалась, к сожалению, ее создавали и сами писатели.

Недавно драматург Гельман опубликовал в «Советской культуре» статью – «Время собирания сил». В ней автор выступает против всяческих репрессий и антидемократических методов, но тут же выдает свои истинные убеждения на этот счет: «Бывает, что демократия во имя самосохранения обязана, вынуждена на какое-то время проявить несвойственную ей твердость, даже жесткость».

Ту же мысль в той же газете высказывает Г. Попов, который, осуждая методы борьбы с идейными противниками в эпоху культа, тем не менее говорит: «...но нельзя игнорировать закона борьбы, ее логику, ее правила...».

Ю. Карякин в недавней огоньковской статье просто кликушествует, требуя чуть ли не следствия по отношению к тем, кто ему кажется противником перестройки. Трагикомизм и даже фарсовость ситуации заключается в том, что в этой же

статье автор клеймит Жданова за рьяные поиски «врагов народа» в 37-м году, за подобное же кликушество.

Е. Евтушенко в «Советской культуре» пишет о «лакмусовых бумажках», которые, по его мнению, существуют и при помощи которых можно определить, кто за перестройку, кто против. Он же безо всякого колебания размахивает в своих статьях ярлыком «враги перестройки», входя в образ политического деятеля. Много было всяческих «лакмусовых бумажек» в нашей истории. Евтушенко предлагает еще одну.

Когда я слышу рассуждения о борьбе за идеалы, за демократию и справедливость, за гласность в духе вышеупомянутых статей Гельмана, Карякина, Попова и Евтушенко, то вспоминаю при этом коллективное письмо литераторов с требованием расправы над Павлом Васильевым. Им тоже казалось, что у них в руках «лакмусовая бумажка», при помощи которой можно определить, кто есть кто. Им тоже казалось, что они борются за идеалы, проявляя «твердость, даже жесткость».

Евтушенко пишет о том, что я «оплевываю» такого «дорогого для нас» поэта, как Багрицкий. Но вспомним стихи Багрицкого, написанные в 1930 году – задолго до убийства Кирова:

Оглянешься – а кругом враги;
Руки протянешь – нет друзей;
Но если он (век. – *Ст. К.*) скажет:
«Солги!» – солги.
Но если он скажет: «Убей!» – убей.

И дальше о врагах – с натуралистическим знанием дела:

Их нежные кости сосала грязь.
Над ними захлопывались рвы.
И подпись под приговором вилась
Струей из простреленной головы...

Эти слова «дорогой для нас» Багрицкий с восхищением вложил в уста Дзержинскому. Не юридическая, а кровавая

подпись под приговором. Это ли не «смачная» апология кровавых расправ?

Именно такая апология аморализма и презрения к жизни человеческой стала прочным основанием всех репрессий, именно такая «мораль» воспитывала в свое время всех исполнителей террора. Коли Евтушенко не согласен со мной – тогда пусть разделяет ответственность за эти строки вместе с поэтом, «дорогим» для него. Если он скажет прямо, что мысль Багрицкого дорога ему – я замолкаю и спорить больше не буду. Кстати, то, что такая апология террора для Багрицкого неслучайность, доказывают многие его стихи. Евтушенко, наверное, слышал о печально знаменитом Шахтинском деле. Процесс 1928 года против специалистов по строительству шахт в Донбассе, сфабрикованный столпами нашей юридической науки тех лет Вышинским и Крыленко. Это была маленькая репетиция грядущих массовых процессов. Вот как «дорогой для нас» поэт откликнулся тогда на нее, требуя задолго до вынесения приговора высшей меры наказания для инженеров:

Вот они расселись, восемь врагов...
Какое вниманье на лицах напряженных!
Их окружает сиянье штыков,
Выкованных нами и заостренных.
На черной, на морозной,
на гулкой земле
Колонный зал обагряется светом.
Семь в обойме,
Восьмой в стволе –
Должны быть нашим ответом!

Ну как, Евгений Александрович, и эти стихи близки вам? Многое мы пересматриваем сейчас в нашей истории. И революция, и ее поэты сейчас предстают перед нами в большей сложности, нежели вчера. И от многих иллюзий приходится отказываться, как бы трудно это ни было. Но споря,

отказываясь от чего-то или что-то защищая, давайте будем максимально аргументировать свою точку зрения и не оглуплять оппонента.

Социальное мировоззрение многих известных поэтов 20–30-х годов опиралось на своеобразную триаду культов: культ мировой революции, культ классовой борьбы и репрессий, а также культ Сталина. Вся триада целиком или отдельные ее части входили в творчество поэтов в разных пропорциях в зависимости от возраста, происхождения, участия в революции, национального темперамента, глубины разрыва с традициями русской поэтической классики.

У Багрицкого и Светлова, допустим, почти нет стихотворений, работающих на культ Сталина, но они зато недосягаемы по части восхваления ЧК, ОГПУ, репрессий и мировой революции – любою ценой.

Я пожимаю твою ладонь –
Она широка и крепка.
Я слышу, в ней шевелится огонь
Бессонных ночей Чека.
О тебе, о Петрове в лесах, в полях,
В тайге поют (особенно, видимо, в тайге. – *Ст. К.*)
О нашей борьбе, о наших днях,
О ГПУ.

Это из книги Михаила Светлова, изданной в 1937 году. В ней же стихи, прославляющие чекистов, проводящих свои бессонные ночи на Лубянке 1937 года, стихи, воспевающие работу Беломоро-Балтийского концентрационного лагеря... А вспомним его хрестоматийную «Пирушку», в которой хмельное состояние героя естественно и закономерно сливается с жаждой мировой революции:

Пей, товарищ Орлов,
Председатель Чека.
Пусть нахмурилось небо,

Тревогу тая, –
Эти звезды разбиты
Ударом штыка,
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.

Пей, товарищ Орлов!
Пей за новый поход!
Скоро выпрыгнут кони
Отчаянных дней.
Приговор прозвучал,
Мандолина поет,
И труба, как палач,
Наклонилась над ней.

Подобная палаческая романтика настолько далеко уводила поэтов от тревог и трагедий времени, от реальной жизни народа, что их видение мира неизбежно становилось ходульным, плакатным и – объективно – лживым.

Пение птиц и солнечный звон,
И шелест мокрых акаций.
Солнце вовсю освещает район
Сплошной коллективизации,
Пшеница бушует
На тысячи га
От Днепропетровска
До Кременчуга...

Вот как писал в те годы тот же М. Светлов о коллективизации в украинских деревнях, вымиравших от голода...

В стихах Павла Антокольского акценты несколько иные. Он, видимо, опасался троцкистской идеи мировой революции и был за сталинский вариант построения социализма в одной стране любыми средствами – отсюда и такое количество искренних стихотворений, посвященных Ста-

лину (Сталин произносит клятву над гробом Ленина, Сталин – лучший друг пионеров, Сталин – избранник народа в Верховный Совет – все из книги «Ненависть», изданной в 1937 году.) Отсюда же убеждения поэта, что в борьбе с врагами народа, вредителями, оппозиционерами вроде «господина Пятакова» (из поэмы «Кощей») художник обязан стоять бок о бок с работниками ОГПУ:

Чтобы прошел художник школу
Суда и следствия и вник
В простую правду протокола,
В прямую речь прямых улик.

Чтоб о любой повадке волчьей
Художник мог сказать стране.
И если враг проходит молча,
Иль жмется где-нибудь к стене,

Или с достоинством приличным
Усердно голосует «за»,
Еще не пойманный с поличным,
Еще не названный в глаза, –

Чтоб от стихов, как от облавы (! – *Ст. К.*),
Он побежал, не чуя ног,
И рухнул на землю без славы
И скрыть отчаянья не мог.

Как мы видим, Антокольский, продолжая «охоту на ведьм», начатую Багрицким, верен завету последнего: «Но если век скажет: “Убей!” – убей...» А ведь Светлов и Антокольский носят репутацию гуманистов, поэтов, «жалеющих старушек», продолжающих традиции Пушкина и Гейне. В стихах других известных поэтов того времени критерии нравственности, совести, достоинства фатально связывались с тремя «идеологическими китами» эпохи.

Но если, допустим, Маргарита Алигер держалась «на высшем уровне» идеологических требований к личности:

Мы так должны под этим флагом жить,
мы вырастать должны людьми такими,
чтобы вождя прославленное имя,
как отчество, сумели мы носить*,

то в стихах Джека Алтаузена ценность человеческая уже меряется даже не отношением к Вождю и его культу, а просто отношением к профессии чекиста, ибо женщине-чекистке (в отличие от других женщин) нельзя солгать даже на уровне интимных отношений:

Потому что солгать ей – значит
Все равно что солгать стране.

Кстати, если говорить о культе мировой революции, то ее перспективы Джек Алтаузен видел в полном слиянии всех стран, народов и даже рек в некое фантастическое целое:

Потому что все равно
Рейн и Дон сольем в одно:
Будет им одно названье,
Русло общее дано.

Культ репрессий в конце 20-х годов достиг такой степени, что тотальным образом действовал даже на детскую пси-

* Надо сказать, что Маргарита Иосифовна достойно носила это «отчество» и внесла в Сталиниану огромный вклад: начиная с 1937 по 1953 год ровно. Открываешь любую ее книгу тех лет и читаешь: «Мир, построенный для людей по мысли Великого человека», «Приезжай, товарищ Сталин, приезжай, отец родной», «Гул сталинских животворящих лет», «Зашумит, словно море, Кремлевский дворец – это встретит вождя Девятнадцатый съезд», «Ленинские горы, Сталинские годы, коммунизма ранний, ранний час», «Но вот в Кремле на деловом приеме встречаются ученые страны. Товарищ Сталин крепко жмет им руки. Отчетливо и далеко слышны его слова о будущем науки». И т.д. и т.п.

хику. Вот как, например, вспоминает о своем детстве известный советский переводчик Л. Гинзбург в книге «Разбилось лишь сердце мое»:

«В детстве, в школьные годы, у меня были тайные от всех игры. Сначала я сам с собой или сам для себя играл в суд, печатал на пишущей машинке грозные определения, приговоры, обвинительные заключения с беспощадной до замирания сердца подписью: “Верховный прокурор СССР” – дальше шел росчерк – какая-нибудь выдуманная фамилия».

Я думаю, что лишь при длительном и настойчивом создании такой атмосферы, при пропаганде таких взглядов, воспитавших целое поколение, через десятилетие стали возможными процессы того же 37-го года. Почва для них была подготовлена. И, к сожалению, советская литература во многом способствовала созданию такой почвы и такой атмосферы.

Вспомним, что в 1934 году вышла книга, созданная самыми видными советскими литераторами, о Беломорканале. На титульном ее листе было помещено любопытнейшее заявление:

«За текст книги отвечают все авторы. Они помогали друг другу, дополняли друг друга, правили друг друга. Поэтому указание индивидуального авторства было нередко затруднительным. Мы указываем здесь авторов основных частей, вошедших в ту или иную главу, еще раз напоминая, что действительным автором всей книги является полный состав работавших над историей Беломорско-Балтийского канала имени Сталина».

Право, можно подумать, что текст этой своеобразной присяги составлялся Петром Верховенским, вспомним, как в знаменитой сцене из «Бесов» этот герой озабочен тем, чтобы все его сообщники по убийству Шатова приняли участие в преступлении, чтобы всех их «повязать кровью»...

Хотя канал назывался именем Сталина, но строился он под руководством высших чинов ОГПУ. Вот отрывок из любопытного документа, которым открывается эта «эпохальная» книга:

«Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР, рассмотрев представление Совета Народных Комиссаров Союза ССР о награждении орденами Союза ССР наиболее от-

личившихся работников, инженеров и руководителей Беломорстроя, постановляет:

Наградить орденом ЛЕНИНА:

1. Ягоду Генриха Григорьевича – зам. председателя ОГПУ Союза ССР.

2. Когана Лазаря Иосифовича – начальника Беломорстроя.

3. Бермана Матвея Давыдовича – начальника Главного управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ.

4. Фирина Семена Григорьевича – начальника Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря и зам. начальника Главного управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ.

5. Рапопорта Якова Давыдовича – зам. начальника Беломорстроя и зам. начальника Главного управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ.

6. Жука Сергея Яковлевича – зам. главного инженера Беломорстроя, одного из лучших и добросовестных инженеров, своим исключительным знанием дела и огромной трудоспособностью обеспечившего качественное выполнение проектных работ.

7. Френкеля Нафталия Ароновича – пом. начальника Беломорстроя и начальника работ (совершившего в свое время преступление против государства и амнистированного ЦИК Союза ССР в 1932 году со снятием судимости), с момента начала работ на Беломорстрое и до конца обеспечившего правильную организацию производства работ, высокое качество сооружений и проявившего большое знание дела.

8. Вержбицкого Константина Андреевича – зам. главного инженера строительства (был осужден за вредительство по статье 58–7 и освобожден досрочно в 1932), одного из крупных инженеров, наиболее добросовестно относившегося к порученным ему работам.

Председатель Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР А. ЕНУКИДЗЕ.
Москва, Кремль, 4 августа 1933 года».

Что бы Сталин мог сделать без таких рьяных «героев своего времени»!

В создании культа карательных органов, которые в значительной степени выполняли свои функции именно по отношению к широким массам крестьянства, как бы выполняя заветы Троцкого, участвовали, к сожалению, многие наши писатели. Среди авторов книги о Беломорканале и те, кто впоследствии был репрессирован (Б. Ясенский, Л. Авербах, А. Селивановский, С. Алымов), и те, кто, создавая и укрепляя этой книгой культ «перевоспитательных репрессий» и культ личности, через двадцать лет, в 1956 году, самозабвенно клеймили эпоху репрессий и культа, забыв о своей роли в ее возвеличивании, – Вс. Иванов, А. Безыменский, В. Катаев, В. Инбер, Л. Славин, В. Шкловский. Последний (о котором А. Вознесенский писал, как о «золотом яйце мысли») участвовал в каждой из двенадцати глав этой по-своему эпохальной книги, прославившей «героику» подневольного труда.

Все они воспели стройку, на которой в основном работали «раскулаченные» крестьяне, воспели методы перевоспитания «буржуазно-крестьянской» психологии в социалистическую, прославили «героев» нового времени, организаторов стройки – администраторов ОГПУ... Но ни один писатель или поэт крестьянской «ветви» не вошел в список ее авторов. Леонид Леонов отказался от личного приглашения Ягоды участвовать в книге. Вспоминается недавний документальный фильм о С. Кирове. Есть в нем одна фальшивая нота. Создатели фильма показывают кадры, как С. М. Киров приехал на строительство Беломорканала, и комментируют ситуацию так, что будто бы это строительство было совершенно необходимо, что без этой водной артерии нам было бы гораздо труднее во время войны снабжать войска ресурсами и т.д. Ну, словом, в связи с тем, что фильм поставлен о Кирове, ничего не сказано, что Беломорканал был в сущности громадным концентрационным трудовым лагерем. Ну в таком случае надо оправдать и норильские, и магаданские, и казахстанские лагеря. Ведь в годы войны, в сущности, все

они работали на нашу победу... Бывают умолчания, которые хуже любой неправды. Уж Киров, конечно, знал, на какую стройку приехал и кто ею руководит.

Да, культ личности не мог бы быть создан без громадного аппарата принуждения, без идеологии необходимых репрессий, которой придерживались по существу все партийные лидеры тех времен, без добровольной – и искренней! – помощи модной армии журналистов, писателей, пропагандистов. Ведь чтобы проводить практику принуждения и репрессий, нужны были усилия целого поколения администраторов, функционеров, идеологов, специально обученных, воспитанных в рамках партийно-государственной дисциплины, лишенных традиционной морали с ее понятиями о милосердии, «милости к падшим», исповедующих новую мораль.

Когда я встречаю среди жертв 1937 года фамилию секретаря ЦК КП(б) Украины тов. Постышева, я вспоминаю его речь на XVII съезде партии в 1934 году. В этой речи, произнеся здравицу Сталину, Постышев стал докладывать съезду партии, что на Украине, начиная с 1931 года резко падает объем хлебозаготовок. Он каялся в недоработках, в том, что в деревне «не было должной борьбы с классовым врагом», «не было большевистской бдительности», что «националисты» мешают коллективизации. Вот потому-то, мол, и падает цифра хлебозаготовок. Он обещал съезду партии поднажать, исправить положение, охватить. Лишь о главной причине падения хлебозаготовок не сказал он съезду: о том, сколько за эти годы на Украине умерло голодной смертью миллионов человек, что деревенские женщины привозят в столицу детей и оставляют на улицах – может, в детдом возьмут, что вокруг здания ЦК Украины каждый день подбирают трупы умерших от голода.

Вот как вспоминает о тех временах бывший актер театра имени Вахтангова Ю. Елагин в книге «Укрощение искусств», изданной в 1952 году на Западе:

«Весной 1933 года наш театр поехал на гастроли на Урал, на большие металлургические заводы. Во время этой поездки

я и мои товарищи получили печальную возможность своими глазами увидеть часть того, что делалось в нашей стране. Не забуду никогда бесконечных товарных эшелонов с забитыми крест-накрест дверьми вагонов и с решетками на единственном окошке. Сквозь решетки были видны люди в лохмотьях, с бледными изможденными лицами. Вагоны сопровождались многочисленной охраной с винтовками, в форме войск ОГПУ. Это везли кулаков в концлагеря.

Голод, начавшийся еще в 1930 году, достиг к 1932 году своего апогея. На Украине вымирали от голода миллионы. Сотни деревень совершенно обезлюдели. В 1933 году начался страшный голод на Северном Кавказе и на Урале. На каждой городской станции, через которую мы проезжали, мы видели сотни и тысячи голодных крестьян, пришедших из последних сил из своих деревень в поисках куска черствого хлеба. Длинными серыми рядами сидели они у стен вокзалов, тут же спали, тут же и умирали, и каждое утро станционная охрана увозила их трупы на телегах, покрытых брезентом.

На всем пространстве Советского Союза в эти годы свирепствовала политика жесточайшего "классового террора". "Бывших" и их детей, так же как и детей "кулаков", выгоняли со всех служб, исключали из учебных заведений и, наконец, просто выселяли из больших городов на все четыре стороны».

Так что когда я встречаю имена Постышева, Крыленко, Яковлева-Эпштейна и многих других в списке жертв сталинизма, я не могу с горечью не вспомнить о миллионах судеб, искалеченных не без их стараний. Когда ратуют за памятники им, то надо отдавать себе отчет, что на их совести неисчислимые жертвы.

Объективности ради нужно сказать, что стихи, посвященные Сталину, обращенные к нему, писали многие поэты. Писали по разным причинам. Одни – корыстно. Другие – искренне. Стихи о Сталине писали не только Антокольский или Алигер, но и Твардовский с Исаковским, и Симонов с Сурковым. (Что говорить – даже Евтушенко в свои девятнадцать

лет незадолго до смерти вождя успел в нескольких стихотворениях выразить восхищение его человечностью!)

Предвижу возражение: все писали!

Нет, не все. Не писали стихов о Сталине многие поэты одного с Евтушенко поколения: ни Жигулин, ни Соколов, ни Рубцов, ни Передреев, ни Цыбин, ни Прасолов, ни Горбовский. Один Евтушенко продемонстрировал завидную для девятнадцатилетнего юноши зрелость, стал самым молодым членом СП СССР за всю его историю – еще бы не принять в члены Союза поэта, восхваляющего Сталина, – кто бы посмел!

Стихи, обращенные к Сталину, писали Мандельштам, Ахматова, Пастернак. Иные поэты (М. Алигер, А. Копштейн и др.) писали о вожде не просто отдельные стихи, но почти целые книги стихотворных славословий. Но вот что любопытно: на фоне этого хора почти не слышно голосов поэтов есенинского круга. Есть лишь одно-два упоминания имени Сталина в стихотворении Павла Васильева, посвященном челюскинцам. Все остальные – Клюев, Карпов, Наседкин, Приблудный, Клычков – молчали. Нет у них и стихотворений о мировой революции в том плане, как она понималась в двадцатые – тридцатые годы. Они понимали будущее объединение народов – как духовно-добровольное содружество, как вселенское братство, а не как кровь, насилие и глобальную схватку миров. Нет ни у одного из них и культа карательных органов, ни один из них не решился создавать идеального героя эпохи в форме чекиста. Это была их принципиальная позиция, сыгравшая, возможно, роковую роль в судьбе крестьянских поэтов.

Они словно бы угадывали, благодаря своему социальному и национальному опыту, куда катится время. Они восторженно приняли революцию. Но из-за того, что в 20–30-е годы вокруг них идеологами и критиками вроде Бухарина, Авербаха, Сосновского, Лелевича и др. была создана такая атмосфера травли, лживых обвинений в кулацких настроениях, национализме и шовинизме, они неизбежно должны были погибнуть. И они погибли. Это было сознательное и це-

ленаправленное уничтожение именно народно-крестьянской «ветви» нашей культуры, потому что, за редким исключением, из многих других группировок почти никто не пострадал – ни имажинисты, ни конструктивисты, ни футуристы, ни лефовцы, ни акмеисты, ни комсомольские поэты, словом, авангардисты и новаторы всех оттенков благополучно пережили роковые времена, а многие из них даже процветали.

Вот почему я воспринимаю как сознательную неправду такие утверждения члена-корреспондента АН литературоведа П. Николаева:

«Сталин преследовал только революционеров и среди писателей только тех, кто резко не соответствовал привычным представлениям».

«Были опасны также романтики (а ведь символизм, имажинизм, акмеизм, футуризм – течения неромантические), утверждавшие самоценность личности каждого человека, когда возникал культ...»

«Тех же, кто писал в традиционной манере, не трогали, больше того, они Сталину были нужны» (Аргументы и факты. 1987. № 44).

Ну коли так, дорогой профессор, то может быть, вы объясните и расскажете, как сложились судьбы Клюева, Клычкова, Наседкина, Орешина, Ганина, Приблудного, Ивана Катаева, Вольнова, Иванова-Разумника, Скалдина и многих других, «кто писал в традиционной манере»? Где лежат их косточки? Зачем же наводить тень на плетень?

Впрочем, П. Николаев не оригинален. Эту точку зрения сформулировал, почти 30 лет тому назад И. Эренбург в своих мемуарах «Люди. Годы. Жизнь». Вспоминая о гонениях на литераторов в 30-е годы, Эренбург писал:

«Вначале обличали Пастернака, Заболоцкого, Асеева, Кирсанова, Олешу. Но, как говорят французы, “аппетит приходит во время еды” и вскоре в “формалистических вывертах” оказались виновными Катаев, Федин, Леонов, Вс. Иванов, Эренбург. Наконец дошли до Тихонова, Бабеля, до Кукрыниксов».

Знакомая песня. Все перечисленные Эренбургом писатели, за исключением Бабеля и отсидевшего срок Заболоцкого, благополучно прожили свою жизнь при культе. А настоящих мучеников Эренбург даже не вспомнил.

Крестьянские поэты понимали многое из того, что не понимали или не хотели понимать литераторы, славившие необходимость государственного террора в борьбе с крестьянством. Во время работы над архивами пришлось познакомиться со многими документами, которые доказывают, что задолго до 1937 года многие литераторы вдохновенно и сознательно готовили атмосферу, должную привести к массовым репрессиям.

Вот несколько характеристик выдающегося поэта 30-х годов П. Васильева, опубликованных после пресловутого письма.

«У нас может явиться вопрос: откуда явился Васильев? Почему на 16-м году пролетарской революции, после ликвидации кулачества как класса, появляется такой поэт? Значит, не вся еще молодежь наша?» (К. Зелинский).

«“Новый мир” организовал бесстыдную рекламу Павлу Васильеву, хулигану и контрреволюционеру. В том, что П. Васильев так долго мог пользоваться литературой как защитительной маской для своей контрреволюционной работы, большая доля вины “Нового мира”» (В. Кирпотин).

«Внешне приспособляясь и маскируясь в отдельных местах своих произведений, Васильев, по существу, шел одним путем протаскивания через поэзию кулацко-фашистской идеологии» (Редакционная статья журнала «Новый мир» (№ 6, 1937)).

Особенно яростно и последовательно клеймил П. Васильева как хулигана и «врага народа» известный журналист Я. Эйдельман, отец историка Н. Эйдельмана, печально прославившегося своей провокационной перепиской с В. Астафьевым.

А вот, к примеру, какие стихи, призывающие к расправе над П. Васильевым, публиковал в 1936 году Михаил Голодный:

Но бесят тебя большевистские речи.
Горька моя песня. Не под силу дела.
Сосут тебе ноги пески Семиречья.

В руках у Клычкова твои удила.
Не высоко же летит твое счастье.
Ты слаб головою для наших высот.
Я много их видел, разбившихся насмерть,
С чужой высоты начинавших полет.
Им век, как цыплятам, откручивал шеи.
Трещали, как порох сухой, позвонки.
Они к нам в ночи бросались, бледнея,
От слова простого – "большевики".
Ох, поздно ж, пташечка, ты запела.
Что мы порешили – не перерешить.
Смотри, как бы кошка тебя не съела,
Смотри, как бы нам тебя не придушить.

В этом стихотворении прямо сказано, что Есенин, Клычков, Васильев – враги. Это – еще одно прямое продолжение идеи Багрицкого: «Если век скажет: "Солги!" – солги; если он скажет: "Убей!" – убей».

И конечно, наивно выглядят оправдания и объяснения тех, кто создавал культ карательных органов и культ личности в 20–30-е годы, а после XX съезда оправдывался: «Не понимали, были увлечены, строительство социализма, никто не понимал...» Неправда: Есенин уже в 1923 году понимал многое, поэты Н. Клюев, П.Карпов, С. Клычков, П. Васильев – понимали, пожалуй, все. А их идейные противники, благополучно прожившие жизни, меняли свои убеждения, как перчатки. А. Безыменский, в свое время посвящавший стихи Троцкому, одним из первых сочинивший в 1956 году антикультовую поэму о Ленине, охотно публиковал в 1937 году стихи, клеймившие «врагов народа»:

Мы волею единой сплочены!
И силе нашей нет предела.
В борьбе с врагом пути для нас ясны –
Шпионы и предатели страны
Заслуживают одного: расстрела.
Беспутных Путн фашистская орда.

Гнусь Тухачевских, Корков и Якиров
В огромный зал советского суда
Приведены без масок и мундиров.
И видит мир, что это подлецы.
Стариннейшие «ваши благородья».
Дворянчики, убийцы и лжецы,
Буржуйских свор отвратное отродье.
В густой крови, в густой грязи ползя,
Они пытались – баре и громилы –
Все то убить, чего убить нельзя,
Все то отнять, чего отнять нет силы.
Вокруг вождя сплотился наш народ,
И как бы враг свои концы ни прятал,
У нас всегда везде его найдет
Меч большевистского Марата.
Да, будет враг с лица земли сметен,
Нигде, ни в чем он не найдет спасенья!..
Таков закон. Незыблемый закон.
И мы его приводим в исполненье.

Будем благодарны нашему времени, которое позволяет осветить самые мрачные и драматические страницы истории. Но это – лишь начало большой работы. Настоящая работа по восстановлению исторической истины относительно судьбы многих писателей и поэтов 20–30-х годов – впереди. И эту истину надо восстанавливать, чтобы понять всю беспримерную трагедию русской культуры и извлечь из нее уроки для будущего.

ВРЕМЕНА И ЛЕГЕНДЫ
(идеология и поэзия тоталитаризма)

В последнее время в связи с политической реабилитацией Бухарина внезапно разгорелись споры о его взглядах и убеждениях. Все чаще и чаще стала звучать мысль, будто бы он был

демократом, гуманистом, «блестящим человеком» (Б. Сарнов), что лишь он, и только он, мог бы возглавлять ход истории, альтернативный сталинизму. В. Амлинский в очерке, посвященном Бухарину, вспоминает слова последнего: «Совесть не отменяется, как некоторые думают в политике»; «Литературная газета» печатает письмо читателя о том, что «Бухарин и его единомышленники – это, может быть, последняя попытка отстоять демократические начала».

Подобных высказываний было много за последние годполтора, но мне кажется, что это – своеобразная аберрация зрения и нежелание знать правду. Бухарин, если он и был антисталинистом, одновременно же, конечно, был и человеком тоталитарного мышления. В. Селюнин в своем очерке «Истоки» (Новый мир. № 5, 1988) не зря же приводит его размышления о том, что мы могли бы не пойти на Брестский мир и пожертвовать несколькими десятками тысяч «питерских рабочих» ради мировой революции. Отношение к народу, как к «сырью» для осуществления своих убеждений и планов, – главная черта тоталитаризма. Этой болезнью болели все главные претенденты на роль вождя – и Сталин, и Троцкий, и Каменев, и Бухарин, и Киров, и Зиновьев, и Пятаков, и Дзержинский. Так что если и была альтернатива сталинизму, то альтернативы тоталитаризму не было.

Читая бухаринские статьи о Есенине, о «нации Обломовых», об антисемитизме, его выпады против академика Павлова, против Бунина и Тютчева, видишь невооруженным глазом нигилистическое неприятие русской истории, русской культуры, русского национального характера... Даже в своем письме-завещании будущему ЦК, опубликованному со слов вдовы Бухарина в «Огоньке» (№ 17, 1988), находясь на волоске от смерти, развенчанный лидер русской революции говорит, что «вот уже седьмой год у меня нет и тени разногласия с партией». И это – после разорения крестьянства, после миллионов умерших от голода в 1930–1933 годах, после процесса промпартии, после расстрела «группы» Каменева и Зиновьева, после дела Тухачевского и т.д. и т.п. «Нет и тени

разногласий...» Недаром вдова О. Мандельштама, с благодарностью относясь к Бухарину за длительное меценатство над поэтом, все-таки считает нужным сказать в своих воспоминаниях, что меценат был всегда «принципиальный сторонник революционного террора».

Сейчас, подводя итоги 20–30-х годов, одно из преступлений против русского народа мы называем словом «раскрестьянивание». Но кто же был изобретателем этого зловещего термина? В 1925 году была принята резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы». А годом раньше собрались все главные идеологи тех лет (Воронский, Раскольников, Бухарин, Авербах, Радек, Троцкий, Луначарский, Безыменский и др.) и организовали дискуссию, должную подготовить вышеупомянутую резолюцию. Материалы дискуссии были изданы отдельной книгой – «К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе» (1925). В книге есть речь Н. И. Бухарина, в которой нарисованы такие программы по отношению к крестьянству:

«У нас должна быть крестьянская художественная литература. Ясное дело, мы должны давать ей ход. Должны ли мы ее душить за то, что она непролетарская? Это бессмысленно. Мы должны вести такую политику, чтобы постепенно, с такой постепенностью, с какой мы ведем крестьянство, учитывая весь его вес и его особенности, вести его по линии раскрестьянивания (курсив мой. – *Ст. К.*), точно так же и в области художественной литературы, как и во всех идеологических областях».

Так что не будем делать из Бухарина «крестьянского заступника», чем занимаются сегодня многие публицисты и историки.

* * *

Поскольку тоталитарное мышление антинародно по своему генезису, то писатели, исповедующие его, выработали свой особый, высокомерно-элитарный взгляд и на отдельно-

го человека. Одним из самых ярых адептов тоталитаризма в поэзии 20-х годов был Э. Багрицкий. Его творчество с этой точки зрения заслуживает особого разбора.

В 1930 г. Э. Багрицкий написал поэму «Человек предместья». Ее герой – обыватель тех времен, стрелочник или проводник, полуслужащий, полукрестьянин, заурядный человек, не крупнее чиновника Евгения из «Медного Всадника», станционного смотрителя или какого-нибудь мещанина из рассказов Чехова, Бунина, а то и Андрея Платонова. Классики наши всегда умели видеть в подобных внешне ординарных человеческих натурах нечто значительное, существенное, в чем и заключается одна из корневых гуманистических особенностей русской литературы всех времен.

Но в поэзии 20-х годов стал вырабатываться иной взгляд на этого вчерашнего крестьянина как на человека примитивного духовно и враждебного духу времени, отягощенного своими связями с землей, с бытом, с обыкновенностью человеческого существования. Даже сам его трудовой облик должен был вызывать неприязнь:

На голенастых ногах ухваты,
Колоды для пчел – замыкали круг.
А он переминался – угловатый,
С большими сизыми кистями рук.

Романтическому поэту чужд этот «недобиток» своими «антиэстетичными» заботами по добыванию хлеба:

Недаром учили: клади на плечи,
За пазуху суй, к себе таща,
В закут овечий,
В дом человечий,
В капустную благодать борща.

Герой поэмы никого не эксплуатирует: просто служа на станции, он по суровой необходимости быта в период кол-

лективизации, еще не забывший своей крестьянской хватки, успевает и пчел развести, и плотницкую работу исполнить, и сено накосить корове, словом, хоть как-то обеспечить себя и своих близких необходимым для жизни. А если излишки молока его жена умудряется еще и продать в больницу, то в этом тоже вроде бы нет ничего плохого.

Жена расставляет отряды крынок:
Туда – в больницу. Сюда – на рынок.

Однако все эти нормальные деяния становятся как бы гипертрофированным обобщением собственности, символизирующим враждебный поэту облик старого мира.

Вот ее мир – дрожжевой, густой,
Спит и сопит, молоком насытясь,
Жидкий навоз, под навозом ситец...

В другом программном стихотворении, «ТБЦ», отрицание быта у Багрицкого доходило до крайних форм, становилось чуть ли не основой его поэтического мировоззрения:

Он вздыбился из гущины кровей,
Матерый желудочный быт земли.
Трави его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
Он вздыбился над головой твоей –
Прими на рогатину и повали.

Лопата и кирка – земледельческие орудия крестьянского труда. Испокон веков именно с их помощью создавался «матерый желудочный быт земли». В своем тоталитарном пафосе поэт явно заходил в тупик, требуя, чтобы орудия труда, цель которых – сотворение быта, изменили бы своему единственному призванию и стали бы этот быт уничтожать.

Что же в своих фантазиях автор предлагал вместо быта, который он так хотел разрушить? Какова его положительная программа? Он созывает друзей, «веселых людей» своих стихов на пир во время мировой революции:

Чекисты, механики, рыбоводы,
Взойдите на струганое крыльцо.
Настала пора – и мы снова вместе!
Опять горизонт в боевом дыму!
Смотри же сюда, человек предместий: –
Мы здесь! Мы пируем в твоем дому!

Человек предместья, вчерашний крестьянин спасся от своих преследователей, избежал ссылки в лагеря для спецпереселенцев, но укрыться от зоркого беспощадного глаза поэта он не в силах.

А поэт пирует в доме человека предместья со своими друзьями, у которых «пылью мира покрылись походные сапоги». Вокруг собеседников на земле, где жили обычные небезгрешные трудящиеся люди, воют романтические ветры, «в блеск половиц, в промытую содой и щелоком горницу» врывается время «сутуловатое», как «я», «презревшее отдых и вдохновением потрясено». Заметим, что поэт опять впадает в привычное для себя противоречие– воюя с ненавистным ему бытом, он тем не менее не без удовлетворения мимоходом замечает и «струганое крыльцо», и чистую горницу, «промытую содой и щелоком», с «блеском половиц». Вот только отсталые хозяева, наведшие эту чистоту, ему не нравятся, и потому дальше начинаются по воле автора совершенно апокалиптические картины вытеснения их из жизни: «Вперед ногами, мало-помалу, сползает на пол твоя жена!» Сам человек предместья, не выдержав этого ужаса, как некая нечисть под крик петуха из гоголевского «Вия», бросается в окно, лоб его «сиянием окровавит Востока студеная полоса», и он слышит, «как время славит наши солдатские голоса».

Вот что написано в 1932 году во время голода, репрессий, крупнейших народных трагедий XX века одним из талантливых поэтов тех лет. Читая эти стихи, сейчас я думаю о том, как изменилась жизнь с той поры. Как много надо было пережить, переоценить, вспомнить!

Я помню, как в послевоенные годы калужские горожане, люди предместья, взяв после работы на плечи лопаты и тяпки, спускались с горы к пойменному яченскому лугу, чтобы вскопать несколько соток земли, посадить картошку и спасти от голода себя и своих близких. Я помню, как по улице Циолковского (бывшей Коровинской, а потом бывшей Марата), в пять утра раздавался звук пастушьего рожка, хозяйки скрипели калитками и выводили из маленьких сарайчиков своих тощих буренок, чтобы они попаслись в бору и на окском берегу, чтобы вечером встретить их сытых и надоить для своих детей и для рынка по несколько литров молока. И сейчас, перечитывая стихи Багрицкого, думая о нашем Нечерноземье – то есть о Средней России, о приусадебных участках, о тяге человека к земле, радуешься тому, что не все хозяйские навыки у человека предместья были утеряны, не все инстинкты самосохранения искоренены, что он выжил, обихаживая сам себя и помогая соседям, людям, государству.

Нигилистическое отношение к «земляной работе» в 20–30-е годы было характерно для многих писателей. Для них в первую очередь была несомненна «несовместимость» искусства и физического труда. Вспомним хотя бы рассуждения Ю. Олеши о сцене косьбы из «Анны Карениной»:

«Что он (Толстой. – *Ст. К.*) в конце концов проповедует, когда поет гимн косьбе? Я должен косить. Почему? Я должен изобретать анализ бесконечно малых, сочинять музыку Бетховена, а не косить. Он проповедует не что иное, как гимнастику» («Ни дня без строчки»).

Итак, идеи элитарности искусства, рвущего связи с извечной народно-трудовой стихией, как ни странно, стали по-

являться в 20-е годы, как бы противореча демократическим лозунгам той эпохи.

Но для вечной традиции русской литературы стихия вольного труда в лесу, в поле, на земле была много больше, чем гимнастика. Какие «пели гимны» даже не труду вообще, а именно косьбе Алексей Кольцов («Раззудись плечо, размахнись рука, ты пахни в лицо, ветер с полудня!») или Сергей Есенин:

Выйду за дорогу, выйду под откосы, –
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?»

Вспомним поэзию косьбы в стихах Некрасова, а ближе к нам – у Твардовского... Везде настоящий праздник души с ощущением причастности к вечной, никогда не прекращающейся народной страде.

* * *

Семейная, артельная работа на земле объединяла людей, роднила их – и когда разрушались основы общинного труда, то разрушение не могло не коснуться и семьи. Поэма «Смерть пионерки» включена в обязательные списки литературы в высших учебных заведениях, о ней вспоминают в школе, и вообще на ней давно лежит «хрестоматийный глянец». «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед». Строки действительно яркие, темпераментные, броские. Но давайте продолжим цитату:

Возникай, содружество
Ворона с бойцом,
Укрепляйте мужество
Сталью и свинцом.

Во всей русской поэзии, начиная от народной до Пушкина («Ворон ворону кричит...»), содружество ворона с бойцом понималось однозначно: павший боец лежит на поле брани, а ворон выклевывает ему очи. Так что чем-то зловещим веет от обломков разрушенного поэтического образа, если вдуматься в него. Атмосфера зловещей мрачности, а отнюдь не радостного победного торжества усугубляется и следующими за этой строфой строчками поэмы:

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

История, конечно, не тротуар Невского проспекта, и в белых перчатках ее не делают. Но чтобы с мрачным вдохновением и талантом воспевать дело, при котором земля истекает кровью и новая юность восходит из костей, – это уж слишком.

Надо признаться, что глубина разрушения нормальных и естественных семейных отношений в те времена достигла такой степени, что даже Александр Твардовский, по семье которого безжалостно прокатился каток истории, и тот, непостижимым образом переступая через сыновье чувство, на короткое время поддался разрушительному поветрию. В одном из стихотворений тех лет он попытался изобразить трогательные и благодарные чувства, которые испытывает его мать, за то что она за хорошую работу в лагере спецпереселенцев на лесоповале, куда выслана со своей семьей, награждается отрезом ситца.

Ты здесь жила и забывала счет
Дням и неделям,
Хоть еще не знала,
Чей рубят лес,
Куда река течет
И для кого корье ты собирала.

Ты вновь жила,
О прежнем не скорбя,
Трудилась честно.
И была готова
Всю силу выдать,
Показать себя

За непривычно ласковое слово.
И в славный день
Тебе прочли приказ,
Где премию старухе объявили,
Где за полвека жизни в первый раз
За честный труд
Тебя благодарили.

Ты встала перед множеством людей
С отрезом доброго старушечьего ситца.
И смотришь ты в приветливые лица
И вспомнила замужество, детей...
Наверно, с ними радостью своею
Теперь и ты могла бы поделиться.

Да, спустя тридцать лет Твардовский написал поэму «По праву памяти». Но ведь из песни слова не выкинешь – стихи-то искренние! И невольно вспоминаешь древнюю мудрость, что человек, осознающий свое рабство, – внутренне не раб, а свободный человек. И лишь только тот, кто не осознает рабского состояния, кто благодарит хозяина за доброе обращение, и есть раб настоящий. И однако нельзя забывать вот о чем: в системе «палач – жертва», «раб – господин» все-таки наше сочувствие и милосердие будет всегда на стороне униженных и обманутых. А стихи Твардовского о «лагерной радости» – это стихи не «господина» и «надзирателя», а стихи обманутого временем человека. И справедливости ради надо сказать, что полностью это стихотворенье поэт напечатал лишь один раз – в 1938 году. В последующих изданиях стро-

фы, где речь идет о благодарных чувствах за «новую жизнь» в трудовом лагере, выброшены самим поэтом.

Правда, чувства Твардовского при взгляде на разрушение семьи в 30-е годы были значительно более сложными и драматическими, нежели у Щипачева или Багрицкого. Если его ум иногда и допускал с точки зрения «высшей справедливости» неизбежность насилия, то сердце почти всегда бунтовало против разрушения родного уклада, разрыва кровных уз, уничтожения поэтического мира, в котором прошло детство поэта. Всю последующую жизнь поэта эти противоречия буквально кровоточили в его душе.

Лет семнадцать тому назад
Были малые мы ребятишки.
Мы любили свой хутор,
Свой сад,
Свой колодец,
Свой ельник и шишки.
Нас отец, за ухватку любя,
Называл не детьми, а сынами.
Он сажал нас обапол себя
И о жизни беседовал с нами.
.....
Лет семнадцать тому назад
Мы друг друга любили и знали.
Что ж ты, брат?
Как ты, брат?
Где ж ты, брат?
На каком Беломорском канале?

И это щемящее слово «брат», отделяясь от своего буквального «кровного» значения, начинает звучать как бы своеобразным реквиемом по каждому крестьянину, сорванному со своей земли, от своих родных и близких и брошенному на гигантскую стройку тридцатых годов, на своеобразную экспериментальную фабрику по насильственной переделке

человека, которую с таким энтузиазмом воспевали многие советские литераторы тех лет, поскольку их братьев на этой стройке не было.

* * *

Нигилистическое отношение к народу, его национальному характеру, его истории, культуре, религии, фанатическая уверенность в правоте своих теорий и своей идеологии, гипертрофированное сознание своей единственно справедливой роли в истории, нетерпимость, перетекающая в насилие, – вот главные признаки тоталитарного мышления. Сегодня, когда на нас обрушилась лавина антикультовых разоблачений, документов, мемуаров, мы, к сожалению, забываем о том, что борьба тоталитарной воли с народом началась гораздо раньше, ибо эта воля – мать сталинизма. Я убеждаюсь в этом, когда читаю книги о лагерях и репрессиях двадцатых годов – «Тюрьмы и ссылки» Иванова-Разумника, познавшего вкус лагерной похлебки с начала 20-х годов, «Негасимая лампада» Бориса Ширяева – одного из первых узников соловецких лагерей, «Воспоминания» Надежды Яковлевны Мандельштам. Все они, к сожалению, изданы на Западе. У нас есть книги и мемуары о сталинских лагерях, о системе же борьбы с инакомыслием, о терроре 20-х годов, о лагерях тех лет – книг не существует. Люди, которые могли их написать, либо погибли, не дожив до XX съезда, либо всяческими путями – до войны, во время войны – ушли на Запад, где издали немногие, но страшные свидетельства «досталинских» репрессий. И, как это ни странно, даже сейчас мы воспринимаем их свидетельства как нечто не то чтобы враждебное, но крайне нежелательное: хватит, мол, с нас сталинизма, нам бы с ним разобраться, а вы нас еще дальше куда-то тащите! И, однако, без этого знания происхождение сталинизма мы не объясним.

Вот что писала Надежда Мандельштам еще в шестидесятых годах*:

* Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 175.

«Сейчас многие хотели бы соединить двадцатые годы с сегодняшним днем и восстановить добровольное единство, которое создавалось в те дни. Люди, уцелевшие от двадцатых годов, ходят сейчас среди новых поколений и всеми силами стараются им внушить, что тогда был пережит неслыханный расцвет – наука, литература, театр! – и если бы все шло намеченным тогда путем, мы бы уже взобрались на самые вершины жизни. Остатки Лефа, сотрудники Таирова, Мейерхольда и Вахтангова, студенты и преподаватели ВИФЛИ и Зубовского института, профессора, выпущенные Институтом красной профессуры, марксисты и отовсюду изгнанные формалисты, все, чье тридцатилетие выпало на двадцатые годы, еще и сейчас призывают вернуться в ту эпоху, и снова, уже "не допуская никаких искажений", пойти открывшейся им оттуда дорогой. Иначе говоря, они не признавали себя ответственными за то, что произошло после. Но так ли это? Ведь именно люди двадцатых годов разрушили ценности и нашли формулы, без которых не обойтись и сейчас: молодое государство, невиданный опыт, лес рубят – щепки летят... Каждая казнь оправдывалась тем, что строят мир, где не будет больше насилия, и все жертвы хороши ради неслыханного "нового". Никто не заметил, как цель стала оправдывать средства, а потом, как полагается в таких случаях, постепенно растаяла. И именно люди двадцатых годов начали аккуратно отделять овец от козлищ, своих от чужих, сторонников "нового" от тех, кто еще не забыл самых примитивных правил общежития... двадцатые годы – это период, когда были сделаны все заготовки для нашего будущего: казуистическая диалектика, развенчивание ценностей, воля к единомыслию и подчинению. Самые сильные из развенчивателей сложили головы, но до этого они успели взрыхлить почву для будущего».

Когда я читаю гневную филиппику Ф. Раскольникова, брошенную из-за границы в лицо всесильному Сталину:

«А где герои октябрьской революции? Где Антонов-Овсеенко? Где Дыбенко? Вы арестовали их, Сталин! Вы растоптали и загадили души ваших соратников. Вы заставили

идущих с Вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей»... «Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров? – Вы арестовали их, Сталин!!!» – то думаю, что в этих словах сказалось очень многое: и отчаянная, почти истерическая смелость Раскольникова, и его политическая наивность, и даже, может быть, невольно выраженная социальная демагогия честнейшего субъективно человека, внезапно осознавшего крушение своей жизни. Несправедливо! Не может быть! Не хочу! Но Раскольников, конечно, должен был знать, что Тухачевского, Якира, Корка, Путну и других военачальников судил военный трибунал и под его приговором стояли подписи Крыленко, Егорова, Блюхера, которые потом, в результате следующей волны репрессий, из палачей превратились в жертв. Люди, шагающие «по лужам крови вчерашних товарищей», с точки зрения исторического возмездия, видимо, прошли неизбежный путь. Нельзя в течение многих лет проливать моря крови на гражданской войне, участвовать в создании атмосферы и практики репрессий, раздувать пожар классовой борьбы, пламя которого в конце концов, рано или поздно подобралось в 1937 году ко всем этажам бюрократическо-полицейско-партийной машины, и наивно полагать, что в этом кроваво-огненном хаосе можно не обжечься, не захлебнуться кровью. Колесо истории вращалось неотвратимо. Ценность личности в тоталитарную эпоху свелась к нулю. «Кровавые кости в колесе», по словам Мандельштама, все время трещали и все время одни заменялись другими, и тот, кто руководил вращением этого колеса, вдруг сделав неосторожное движение, оказывался захваченным его вращением и с ужасом обнаруживал, что уже не он вращает колесо, а оно тащит его к могильной яме.

Я думаю, что Раскольников преувеличивал страдания соратников Сталина, когда писал, что они шагают по лужам крови «вчерашних товарищей с мукой и отвращением». Это был народ закаленный, не раз в своей судьбе перешагивавший через многие кровавые лужи... «Мы шли к победе революции по колено в крови», – говорил Киров, вспоминая прошедшие

годы. Вспомним, что Тухачевский пролил море крови, подавляя тамбовское крестьянское восстание, что Крыленко перед тем, как сесть на скамью подсудимых, возглавлял всю советскую юриспруденцию с 1927 до 1937 года и лично разрабатывал всю юридическую систему, служившую обоснованием для массовых репрессий. Словом, этот деятель, создав практику беззакония, уготовил судьбу самому себе.

Иванов-Разумник, проведший в лагерях, тюрьмах и ссылках с короткими выходами на волю все двадцатилетие, с 1921 по 1941, так вспоминал о нем:

«Один раз в камеру попал даже и “нарком” – пресловутый и всеми презираемый народный комиссар юстиции Крыленко. Рассказывали, что в камеру, соседнюю с нашей, посадили прямо после ареста и перед отправлением в Лефортово этого патентованного негодяя – “чтобы сбить с него гордость”. Он должен был начать свой стаж с “метро” около параши, а потом испытывать и все прочие камерные удовольствия. Он хватался руками за голову и вопил: “Ничего подобного я не подозревал!”»*

Как же можно людей – вдохновенно, честно и искренне проливавших кровь и культивировавших репрессии по отношению к народу, подписывавших ради того, чтобы удержаться на своих креслах, любые приговоры своим товарищам, от которых отвернулась фортуна, – как же можно людей такого типа считать несчастными жертвами культа личности, пострадавшими от несправедливости? Нет, в том, что они пострадали, и заключается высшая справедливость истории. Другое дело, что возмездие они получили от сил зла... Но что делать! В истории такое случается часто: когда у добра не хватает сил, то зло само начинает производить роковую работу по исполнению приговоров. Это – один из сверхчеловеческих и всегда действующих законов истории. Зло в результате своего переизбытка начинает само истреблять себя.

В биологическом мире это можно сравнить с эпидемиями, которые начинаются у разного рода особей, когда их чис-

* Иванов-Разумник Р. В. Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953. С. 350.

ло нарушает всякие нормы естественного природного равновесия, и среди них, словно по воле Божьей, начинается мор и взаимоистребление.

«Вы открыли новый этап, который войдет в историю нашей революции под именем “Эпохи террора”...» – гневно бросал Раскольников в лицо Сталину. Но это обвинение уже в начале 60-х годов, когда я впервые прочитал письмо Раскольникова, для меня звучало наивно, потому что эпоха террора началась много раньше, и Раскольников не мог этого не знать.

«Мы сошлись с Осипом Мандельштамом первого мая 1919 года, и он рассказал мне, что на убийство Урицкого большевики ответили «гекатомбой трупов”» (Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Т. 1. С. 176).

О Федоре же Раскольникове и о его жене Ларисе Рейснер существуют любопытные воспоминания Надежды Мандельштам, которые свидетельствуют, что сам Раскольников внес свою немалую лепту в дело большого террора:

«О. М. (Осип Мандельштам. – *Ст. К.*) рассказывал, что Раскольников с Ларисой жили в голодной Москве по-настоящему роскошно – особняк, слуги, великолепно сервированный стол... Своему образу жизни Лариса с мужем нашли соответствующее оправдание: мы строим новое государство, мы нужны, наша деятельность – созидательная, а потому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достается людям, стоящим у власти. Лариса опередила свое время и с самого начала научилась бороться с еще не названной уравниловкой.

Со слов О. М. я запомнила следующий рассказ о Ларисе: в самом начале революции понадобилось арестовать каких-то военных, кажется адмиралов, военспецов, как их тогда называли. Раскольниковы вызвались помочь в этом деле: они пригласили адмиралов к себе; те явились откуда-то с фронта или из другого города. Прекрасная хозяйка угощала и занимала гостей, и чекисты их накрыли за завтраком без единого выстрела. Операция эта действительно была опасной, но она

прошла гладко благодаря ловкости Ларисы, заманившей людей в западню»*.

Воздух тоталитаризма сгустился до предела уже к середине двадцатых годов. Семья изгоев – Осип и Надежда Мандельштамы – почувствовали нехватку кислорода очень рано:

«Я вспомнила старика Г., провинциального врача, – пишет Надежда Мандельштам, – в самом начале двадцатых годов в Москве. Он приехал “хлопотать” и ничего не добился. “Никого не осталось, – сказал он мне. – Они сослали всех, даже Милю, даже Нолю”... Он перечислял мне сыновей и подростков-внуков: “Так никогда не бывало”. Старик знал, что в старые времена, когда старшего сына отправляли в ссылку, а это случалось весьма часто, к нему тут же привозили внуков. Арест сына не затрагивал никого из членов семьи – все оставались на воле и жили, где кому вздумается. Теперь старик пытался отхлопотать хоть кого-нибудь из несовершеннолетних, но у него ничего не вышло».

Вот что такое тоталитарное мышление в применении к жизни. Можно, конечно, усомниться – нет ли здесь преувеличения. Надежда Мандельштам все-таки была гонима и притесняема, не принадлежала к официальной элите... Но вот свидетельство другой женщины – активного партийного функционера 20–30-х годов Зинаиды Немцовой, чей отец, профессиональный революционер, был соратником Ленина. Немцова была близким человеком к Кирову, руководила партийной организацией крупного ленинградского завода, в 1937 году попала в лагеря, где встретилась со своими политическими противниками, против кого в начале двадцатых годов она и ее соратники боролись теми же методами, которые они испытали на себе 15 лет спустя:

«Политизоляторы. Они были специально созданы после эсеровского процесса**. Удобные камеры. В них люди могли

* Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Т. 1. С. 176.

** Первый массовый политический процесс во время Советской власти (1922) со смертными приговорами, ссылками, заключениями в политизоляторы и т.д.

работать. Или не работать, по выбору. И географически политизоляторы находились в хороших местах. Можно было гулять. Но люди считались арестованными, то есть заключенными. Хотя и пользовались библиотекой. Им предлагалось: изучайте. Проверьте свои знания. На подлинниках. Вернитесь к Марксу, к Ленину. Поработайте над собой. И окончательно решите вопрос о своих убеждениях... Потом мы встретились с теми троцкистами, когда ехали на пароходе от Котласа в Княжпогост, двигаясь на Воркуту... Всех, кто сидел в политизоляторах, направляли ведь в обычные лагеря. На том пароходе оказалась громадная группа троцкистов, они себя называли "ортодоксами". У нас с ними произошла драка. Потому что мы их называли фашистами, а они нас...»*

Вот так в воспоминаниях 90-летней женщины вырисовывается суть тоталитаризма, внутрипартийное противостояние «ортодоксов» и «фашистов», достойных друг друга.

Вообще самой главной виной «новой» интеллигенции 30-х годов было то, что она создавалась как каста или фракция, для которой были чужды не только необъятные общенародные интересы или страдания, но и страдания иной, противоположной по убеждениям касты. Словом, в результате быстрой и решительной селекции она была политизирована и лишена каких-либо общечеловеческих понятий, вроде «совести», «гуманизма», «долга перед народом» и прочих старомодных понятий, и в этом было ее главное отличие от традиционной русской интеллигенции.

Автор книги «Крутой маршрут» – Евг. Гинзбург – типичное дитя своего времени, партийная выдвиженка 30-х годов, воспитанница бухаринской красной профессуры. Арестованная в 1937 году, она с удивлением встречает в тюрьме некую эсерку Надежду Дерковскую, которая странствует из ссылки в ссылку с начала 20-х годов. В ссылке у нее умер муж, правый эсер, в ссылке у нее вырос сын; да и при царе с мужем они много лет жили в ссылках и тюрьмах... И вот все они: Дерковская, ее родившийся и выросший в неволе

* Немцова З. Билет до Ленинграда // Огонек. 1988. № 27.

сын и Евгения Гинзбург – все встречаются в одной тюрьме 1937 года. Евгении Гинзбург по-женски жалко Дерковскую, но ведь Дерковская – эсерка, ей, в сущности, и положено жить в неволе, она человек другого клана, и потому свои размышления о времени Гинзбург заканчивает такими словами: «Великие, чистые, юные наши двадцатые годы...» – то есть раз мы в них не сидели, не мучились, раз нам в это время было хорошо – то и годы эти «великие и чистые». Традиционная русская интеллигенция так мыслить бы не могла.

* * *

Не будем наивны – все принадлежавшие к высшим эшелонам власти, сложившейся после смерти Ленина, были людьми одного тоталитарного склада: волевыми, жестокими, прагматичными, тщеславными. Все они, строившие в чрезвычайно короткие сроки новую социальную систему, лихорадочно стремились запечатлеть свои имена на ее фасаде. Грешили этой слабостью все – и правоверные большевики, и оппозиционеры, и будущие «враги народа», и их судьи. В этом смысле все послеленинские вожди нового общества были мазаны одним мирром. Первой жертвой стала Золоторожская улица. Возле Андроникovского монастыря протекал ручей Золотой Рожок, так назвал его инок монастыря, когда-то в средние века побывавший в Константинополе и принесший безымянному родному ручейку роскошное имя константинопольской бухты. Ручей дал имя улице, но в 1919 году Золоторожская стала Бухаринской. Интеллигент Бухарин благословил первое на Москве переименование. Уже в середине 20-х годов имена крупных и мелких вождей стали наклеиваться на улицы, фабрики, трудовые коммуны. Вскоре от мелочей перешли к крупным объектам – началось «расхищение» городов. На короткое время в прессе появились имена городов: Троцк (бывший Гатчино), Слуцк (бывший Павловск), Зиновьевск (бывший Елизаветград – потом Кирово, потом Кировоград), но вскоре лопнули, как мыльные пузыри. Однако

урок не пошел на пользу – к середине 30-х годов эпидемия переименований достигла апогея. Передо мной лежит листок из настольного календаря 1937 года: список переименованных городов. Сталин мог приехать в семь городов, носивших его имя: Сталинабад (б. Дюшанбе), Сталинград (б. Царицын), Сталинир (б. Цхинвали), Сталиниси (б. Хашури), Сталино (б. Юзовка, названный по инициативе секретаря уездной организации большевиков Н. Хрущева в 1924), Сталиногорск (б. Бобрики), Сталинск (б. Кузнецк). Второй человек по значению в партии и государстве – Киров отставал на один пункт. Его имя прославило всего лишь шесть населенных пунктов: Вятку (Киров), Ганджу (Кировабад), Калиту (Кировоград), Караклис (Кировакан), Елизаветград (Кирово – б. Зиновьевск), Хибиногорск (Киров).

Орджоникидзе распоряжался четырьмя городами – Владикавказом (Орджоникидзе), Енакиево (тоже Орджоникидзе), Бежицей (Орджоникидзе-град), но зато у него был свой город (Кадиевка), имя которого звучало по-особому интимно: Серго!

Микоян «потянул» только на два переименования, да и к тому же каких-то малоизвестных населенных пунктов районного значения: Кешишкента (Микоян) и станицы Кардалинской (Микоян-Шахар). Далее следовала целая группа из партийно-правительственной элиты, коей было отдано во владения всего лишь по одному городу: Буденновск (б. Прикумск), Каганович (б. Черновск), Калинин (б. Тверь), Ежово-Черкесск, (б. Сулимов в честь предсовнаркома РСФСР – настоящее имя Баталпашинск), Молотово (б. Мотовилиха), Ногинск (б. Богородск), Свердловск (б. Екатеринбург), Загорск (б. Сергиев Посад). Да, Ворошилова пропустили! Вот кто был на третьем месте после Сталина и Кирова – четыре владения: Ворошилов (б. Никольск-Уссурийск), Ворошиловград (б. Луганск), Ворошиловск (б. Алчевск) и еще один Ворошиловск (б. Ставрополь).

И еще забыли два Куйбышева – бывшие Самара и Каинск, Дзержинск – бывшее Растяпино, Днепродзержинск – бывшее Каменское.

Всего к 1937 году именами партийных и государственных деятелей 20–30-х годов стали называться не менее 50 старых городов нашей страны (о населенных пунктах и поселках я не говорю – сосчитать трудно). Из них именами благополучно здравствующих к тому времени – 28. Города переназывались и дважды, и трижды.

За все века самодержавного правления именами императоров и правящих императриц было названо лишь несколько вновь построенных городов: Екатеринослав, Павловск, Александровск, Елизаветград, Екатеринодар, Александрополь, Николаевск, Екатеринбург. Обязательным условием было присвоение городу имени покойного самодержца. Не было случая, чтобы город назвали именем благополучно здравствующего. Не было в истории России случая, чтобы какой-нибудь город был назван именем деятеля, занимавшего второе-третье место в государственной системе, именем министра, военачальника, церковного иерарха.

Что это, мелочь или событие – переименовать город, имя которого уходит в седую древность, какую-нибудь Тверь или Самару, изъять слово, происхождение которого не могут объяснить самые дотошные лингвисты, имя, чье возникновение столь же таинственно, как происхождение слова «Русь» или «Волга»?

Что означает для человека и для народа поменять имена девяноста из ста улиц, что было сделано после революции в моей Калуге, когда вместо древних, родных и естественных слов – Садовая, Спасская, Ямская, Благовещенская, Знаменская вдруг в одночасье появились трудновыговариваемые, а главное непонятные простому человеку – Клары Цеткин, Красного террора, Урицкого, Бухарина, Каракозова, Троцкого? (На Украине в 20-е годы возник город Карлолибкнехтовск.) И такое тотальное действо происходило с середины двадцатых годов по всей стране – которая буквально изо всех сил натягивала на себя имена наркомов и партийных функционеров, международных деятелей Коминтерна и наших доморощенных террористов.

Вождями и функционерами владела слепая и тщеславная жажда к увековечиванию своих имен, оболваненными массами – вера в то, что люди, носящие эти имена, совершенны и величественны, что их фамилии вполне могут и должны заменить имена древних героев и святых; вожаки были уверены в том, что Зиновьев в истории человечества играет куда бóльшую роль, нежели легендарный, истаявший в дымке времени Николай-угодник, а потому дали себе неограниченное право вытеснять из памяти народной все предания, все мифы, все бесполезные для новой власти авторитеты... Поветрие обуяло и высший эшелон вождей, и громадный аппарат исполнителей, и в конце концов, как эпидемия, охватило массы. Клубы имени Луначарского, заводы имени Бухарина, пароходы имени Рудзутака и Косиора, улицы имени Урицкого и Володарского как сыпь, обсыпали тело необъятной страны... Вот что и было настоящей революцией. Не смена власти – а смена богов и авторитетов венчает и определяет суть революционных эпох... Это означало, что у нас вроде бы окончательно, как тогда казалось, воцаряется, пускает корни в глубину общественного сознания и спешно творит новые мифы новое, не виданное доселе в истории по своим масштабам атеистическое государство. Ну если что случалось, если тот или иной партийный функционер выходил в тираж, впадал в немилость или в ересь и приходилось свежее, еще не обсохшее имя еретика сдирать с города и менять на имя очередного администратора, то подобное недоразумение в ту бешеную эпоху никого не смущало. Массы привыкли к тому, что история творится прямо на глазах.

«Не сотвори себе кумира», – говорили древние. Почему? Да потому, видимо, что кумир из человеческой плоти и крови, из страстей, заблуждений и пороков, которые сегодня могут считаться добродетелями, – создание несовершенное. Сотворишь – и ему, а не идеалу, придется кланяться.

Идеал очищен временем, историей, страданиями человечества от грехов и слабостей людских. К нему хоть тянуться можно, по его чистому подобию душу свою можно соразмерять. А тут кому исповедоваться? По кому душу соразмерять?

По Дзержинскому? По Бухарину? По Карлу Либкнехту? Да, слышится в ответ – по ним!

Я сужу столь решительно, потому что неизвестно ни одного факта, чтобы кто-то из деятелей двадцатых – тридцатых годов отказался от подобной чести, запретил называть город или улицу своим именем, устыдился, заскромничал, сказал, что недостоин...

А массы? Да, им кумиры нужны, свято место пусто не бывает, с них спрос невелик. Спрашивать надо с Великих и Средних и даже с Малых инквизиторов, ибо, как сказал Христос, «горе тому, кто соблазнит малых сих...»

Вспоминается сцена из притчи Василия Шукшина «До третьих петухов». Черти штурмуют монастырь. Обессиленные, готовые сдаться монахи выходят на переговоры и спрашивают чертей: «А что же вам надо? Чем от вас откупиться!» А те с хохотом отвечают, что им надо только одно: пусть монахи замажут на иконах лики святых, а вместо них намалюют дьявольские рожи своих победителей.

Суть произошедшего в двадцатые годы глубже, нежели другие «инженеры человеческих душ», понял Андрей Платонов, создавший в романе «Чевенгур» образ полуграмотного бойца революции Копенкина, типичного продукта массового сознания тех времен. Копенкин разъезжает по стране на громадной лошади то ли как сошедший с ума Илья Муромец, то ли как Дон Кихот Ламанчский, насаждает казарменный социализм Троцкого и, подобно средневековому рыцарю, носившему в своей душе образ Святой Девы или Прекрасной Дамы, хранит в сердце имя Розы Люксембург, чей портрет на плакате надежно зашит в его буденовку.

«Копенкин надеялся и верил, что все дела и дороги его жизни неминуемо ведут к могиле Розы Люксембург. Эта надежда согревала его сердце и вызывала необходимость революционных подвигов... Роза! – вздыхал Копенкин и завидовал облакам, утекающим в сторону Германии: они пройдут над могилой Розы и над землей, которую она топтала своими башмаками».

В «Чевенгуре» Платонов, конечно же, дал полную волю своей свободной саркастической фантазии, но читаешь роман, вспоминаешь нашу несчастную историю и думаешь: вот мы кричим о культе личности, о злой воле вождя, о том, что он был параноик... А разве не всеобщая паранойя – тысячи фабрик, заводов, улиц, городов, пароходов имени того-то и того-то, вплоть до никому ныне неизвестного журналиста – главного редактора «Известий» Стеклова-Нахамкеса? Был даже город Стекловск, просуществовал два или три года! Разве эта вакханалия – не свидетельство алчности, чудовищного тщеславия, нечеловеческой гордыни этих «владельцев заводов, газет, пароходов», жаждавших остаться в истории и вечности, жаждущих того, чтобы их лица были намалеваны на древних досках, и эта тоталитарная жажда личных культов, мелкого «самообожествления» была столь агрессивна и всеобъемлюща, что неизбежно складывалась в громадную пирамиду, а пирамида по законам геометрии обязана была завершиться вершиной, венцом, единственным культом, и в фундамент этого культа вошли, как опорные камни, как строительный материал, все проспекты и города имени Кирова, фабрики имени Бухарина, детские дома имени Косиора.

Но в народе есть древняя примета: нельзя называть именем живого человека что-нибудь долговременное или вечное. Считается, что такое действие обернется несчастьем для самого узурпатора. Так оно в конечном счете и вышло. Но как бы то ни было – создание новой тоталитарной, по-своему религиозной, но одновременно атеистической системы к середине тридцатых годов было завершено. Все, что можно было переименовать, все было переименовано; все большие и малые демиурги системы легли костьми в ее основание и в ее тело, последовательно прошли свой жизненный путь. Ведь на вершине пирамиды могло уместиться лишь одно имя. Но оказаться на вершине! – такие шансы в начале пути ведь были у каждого, и каждый готовил себя к этому, вдалбливая в массовое сознание свое имя.

А человек из масс, платоновский Копенкин, в это время выпил в память прекрасной девушки Розы Люксембург и сумрачно задумался: «Его международное лицо не выражало сейчас ясного чувства, кроме того, нельзя было представить его происхождения – был он из батраков или из профессоров, – черты его личности уже стерлись о революцию».

* * *

Вспомним вышеприведенную строчку из Багрицкого – «чекисты, механики, рыбоводы...». Не странно ли, что рядом с людьми созидательного труда поэт поставил на равных правах сотрудника карательных органов? Случайность? Нет, закономерность...

После убийства Кирова – культ ЧК и карательных органов, жажда репрессий достигли совершенно иррационального в своей ярости уровня. О врагах народа поэты стали разговаривать буквально с пеной у рта.

О сердце, рвущееся к бою,
Мое презрение с тобою,
Ударь, обрушь на них его.
Скуля, они ушли из драки.
Смотри! –
Они на дне клоаки,
Им не осталось ничего!
Довольно! Нам решать не ново.
Уже подписан приговор.
Да станет делом наше слово.
Пора!
Закончим разговор.
Их век железною рукою
К черте последней подведет,
И сердце, рвущееся к бою,
Их, вспомнив,
Громко проклянет!

(М. Голодный. 1936)

Апология ЧК к середине 30-х годов в советской поэзии достигла предела и параллельно ей, с каждым годом набирая силу, после 1934 года стала создаваться поэтическая Сталиниана. Первые волны славославий Сталину пришли в советскую поэзию из Закавказья и Средней Азии. В русскоязычной же поэзии первое стихотворение, прославляющее Сталина, написал не кто-нибудь, а Борис Пастернак, и напечатал его в новогоднем номере «Известий» за 1936 год.

Стихотворение, как вспоминают современники, было написано по прямому социальному заказу тогдашнего главного редактора «Известий» Н. И. Бухарина с присущим Б. Пастернаку блеском и искренностью, что весьма трудно понять, если вспомнить: и Бухарин, и Пастернак к тому времени уже знали стихи Мандельштама о Сталине и каждый из них по-своему пытался помочь несчастному поэту избегнуть неотвратимого наказания за дерзость.

Но из песни слова не выкинешь. Когда Николай Клюев и Осип Мандельштам были в ссылке, из-под пера Бориса Пастернака вышло нечто космическое:

А в те же дни на расстоянье,
За древней каменной стеной,
Живет не человек – деянье,
Поступок ростом в шар земной.

Судьба дала ему уделом
Предшествующего пробел:
Он – то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел.

В собранье сказок и реликвий,
Кремлем плывущих над Москвой,
Столетья так к нему привыкли,
Как к бою башни часовой.

Рядом с таким громадным сфинксом или фараоном иконописные лики Сталина, выходившие из-под пера Исаковского

и Твардовского (трубка, усы, негаснущий свет в Кремле, отцовская улыбка), право, кажутся патриархально-человечными...

* * *

Когда читаешь поэтическую летопись 30-х годов, то от многих стихотворений исходит такая эманация иррациональной злобы ко всем устоям земной жизни, такая тотальная страсть к разрушению ее, что иные из этих книг могут быть с успехом использованы как материал для психиаторов, изучающих самые глубокие душевные болезни «социального» человека.

Гори, наш сев.
Жги! Рви! Язви!
Ты им страшней землетрясений.
Ходи в сердцах.
Бунтуй в крови,
Мути им ум,
Ломай колени...
Потом поспорим о любви
Во имя наших поколений.
(М. Голодный-Эпштейн)

Это – о мировой революции. Шизофрения? Возможно. Но болезнь затянулась на десятилетия. Евтушенко до сих пор твердит, что без светловской «гренады» нет нового мышления... Жупел «интернационализма», жаждущего «землю в Гренаде крестьянам отдать», время от времени маячит в воздухе. Но мы уже попытались отдать землю и в Гренаде, и в Кабуле и видим, что из этого вышло. Кстати, Евтушенко – ярый противник афганской войны, почему же тогда он тащит «Гренаду» в новое мышление? Ведь и Гренада и Кабул – звенья одной и той же концепции.

Вообще к середине 30-х годов окончательно оформился симбиоз государственной тоталитарной прослойки с интелли-

генцией, пошедшей за разные блага в услужение к тоталитарной идеологии. За это хорошо платили. Бывший актер театра Вахтангова Ю. Елагин в книге «Укрощение искусства» вспоминает о том, как жил правительственный вахтанговский театр в то время, когда возле Елатьмы вахтанговцы купили дом отдыха – бывшее барское именье:

«На соседних лугах паслись наши стада коров. В просторном свинарнике было полно свиней. Местные крестьяне обрабатывали вахтанговские огороды и засевали наши поля. Они же работали на кухне, пасли коров, рубили дрова, расчищали парк. Как богатые феодалы, как конквистадоры среди покорного, покоренного народа, жили мы – советские артисты и музыканты, среди "самых передовых крестьян в мире" – советских колхозников...

В дополнение к продуктам, получаемым от нашего собственного хозяйства, дирекция театра получила в Москве разрешение правительства на снабжение нашего дома отдыха "совнаркомовским" пайком, который в то время выдавался только самым ответственным партийным и правительственным работникам. И нам стали регулярно доставлять из Москвы первоклассные продукты: сыры и колбасы, ветчину и икру, лучшие конфеты и превосходное печенье. Никогда я не ел так вкусно и обильно, как в нашем доме отдыха в 1933 году.

Знали ли мы тогда, что в эти же самые дни лета 1933 года в других областях нашей страны – на Украине и Северном Кавказе вымирали от голода миллионы наших соотечественников? Что трупы валялись неубранными на улицах деревень и городов? Что было много случаев людоедства? Знали ли мы все это? Верили ли мы этому? Нет, мы старались об этом не знать. Мы прилагали все усилия к тому, чтобы этому не верить. Подобно миллионам советских граждан, мы учились заглушать голос нашей совести, ибо как же можно было жить иначе? А мы все любили жизнь и хотели жить»*.

Этот театр находился на Арбате и существовал для детей Арбата и Дома на набережной.

* Елагин Ю. Укрощение искусства. Нью-Йорк, 1952. С. 37–38.

* * *

В 1988 году в Издательстве политической литературы вышла книга воспоминаний, очерков и статей более чем полусотни авторов об одном из виднейших идеологов 20–30-х годов Емельяне Ярославском (Минее Губельмане). Ярославский был крупной фигурой ленинско-сталинской эпохи: секретарь ЦК РКП(б), академик, главный редактор журнала «Историк-марксист», создатель газеты и журнала «Безбожник», бессменный член ЦК и участник всех съездов партии, председатель Союза воинствующих безбожников, один из главнейших идеологов «Правды». Среди мемуаристов профессиональные революционеры (А. Луначарский, Д. Мануильский, А. Лозовский), журналисты (М. Мержанов, Д. Заславский, С. Гершберг), историки (И. Минц, П. Поспелов, М. Шейнман), писатели (М. Шагинян, И. Гуро, Л. Сейфуллина), близкие Е. Ярославского – его родной брат Моисей Губельман и дочь Марианна Ярославская.

Это книга-панегирик...

«Его называли честью и совестью партии…»

«Говорить о Ярославском как об историке – значит говорить о нем прежде всего как об историке партии»...

«Убедительно раскрывал антипартийный, антиленинский характер всех оппортунистических групп и подпольных организаций»...

«Человек энциклопедической образованности…»

«Более двадцати лет вся партия, все учебные заведения страны и сеть партийного просвещения изучали историю нашей партии по учебникам Е. М. Ярославского»...

«Он был биографом Ленина…»

Читаешь – и диву даешься. Впечатление таково, что книга издана не в 1988, а в 1938 году, ибо ни в воспоминаниях, ни во вступительной статье, ни в комментариях – нигде не сказано, что Е. Ярославский был идеологом того же типа, что и Бухарин, Жданов, Мехлис, что, будучи одним из главных идеологов эпохи, он от начала до конца дней своих

проповедовал и внедрял в жизнь идеи тоталитаризма, что он написал не только биографию Ленина, но лакейскую и апологетическую биографию Сталина, что «Краткий курс истории ВКП(б)» – в большой степени творение рук этого «академика», который настолько ненавидел все русское прошлое, что позволял себе в своих выступлениях такие саркастические тирады: «Недавно было 35-летие московской парторганизации. С чего бы, вы думали, началась музыкальная часть? Со «Слова о полку Игореве"».

Но этого мало. Лишь в последнее время стало возможным сказать, что Союз воинствующих безбожников, сыгравший решающую роль в разрушении десятков тысяч церквей, более чем тысячи монастырей, уничтожении древних рукописей и бесценных икон, в политических процессах и преследовании церковных деятелей, начиная от высших иерархов Церкви и кончая самым скромным деревенским священником, в надругательствах над религией и верующими, что этот Союз, возглавляемый Ярославским, выращивал практически манкуртов, людей с искаженным антинациональным, агрессивным мировоззрением, людей, которые воспитывались в презрении к истории родной страны и родной культуры. Для того чтобы эти разрушительные агрессивные силы в несформировавшихся душах созревали как можно раньше, по инициативе Емельяна Ярославского возрастной ценз для вступления в Союз безбожников был снижен в 1925 году с 18 до 14 лет... И доступ к легальному и соблазнительному разрушению «старой культуры» и «очагов опиума для народа» был открыт Емельяном Ярославским для четырнадцатилетних – то есть находящихся в физиологически самом агрессивном состоянии переломного возраста – хунвейбинов, чья возрастная разрушительная энергия была помножена на идеологические установки.

В христианской религии и православной церкви Ярославский видел врага, который должен быть уничтожен.

«У нас нет ни партии кадетов, ни партии меньшевиков, открыто действующих, но у нас есть партия мракобесов, объ-

единенных в религиозную организацию», – писал он в 1935 году. Из анахронической, как бы вытащенной из запасников 30-х годов книги воспоминаний совершенно непонятно, как же этот «верный ленинец» превратился в «верного сталинца», как «истинный интеллигент», «талантливый художник и примерный семьянин» (как писала недавно о нем «Комсомольская правда»), «человек энциклопедической образованности» стал фанатичным разрушителем отечественной культуры. Обо всем этом в книге ни слова.

В 1920 году выдающийся ученый А. В. Чаянов издал книгу «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Но вышла только первая часть «утопии», вторая была «зарезана» цензурой после внутреннего отзыва Е. Ярославского, который писал: «Крестьянская реакционная утопия с возвращением к индивидуальному хозяйству, к славянофильству, к национализму, к коалициям печатается на великолепной бумаге в 1920 году в гос. издательстве в то время, как у нас не хватает букварей для ликвидации неграмотных, когда мы сокращаем тираж газет и печатаем их на оберточной бумаге» (Партархив ИМЛ, ф.17, оп.60, л.11).

25 января 1921 года Е. Ярославский в газете «Правда» объявил книгу Чаянова «кулацким манифестом». Вот так он решил судьбу книги Чаянова и сэкономил бумагу для бесчисленных изданий своих антикультурных, вульгарно-социологических брошюр и для журнала и газеты «Безбожник», которые были бесславно ликвидированы перед войной, поскольку обстановка потребовала не оплевывания, а возрождения русского патриотизма.

Каков это был человек на самом деле – ярко изображает Евгении Гинзбург, партийная деятельница 30-х годов, прошедшая тернистый путь лагерей и ссылок и издавшая в 70-е годы на Западе книгу «Крутой маршрут». Несколько глав из нее перепечатаны в «Юности» (1988, № 2). Перед арестом Е. Гинзбург обвинили «в неразоблачении» взглядов историка Эльвова, одного из соавторов «Истории ВКП(б)». Вот как обо всем этом рассказывает сама мемуаристка:

«Поехала я к Емельяну Ярославскому, который обвинил меня в том, что я “не разоблачила” неправильность статьи Эльвова и который САМ эту статью поместил в редактированной им, Ярославским, четырехтомной “Истории ВКП(б)”. Было отчего взяться за голову!.. Я никогда не думала, что Ярославский, которого называли партийной совестью, может строить такие лживые силлогизмы. Из его уст я впервые услышала ставшую популярной в 1937 году теорию о том, что “объективное и субъективное – это, по сути, одно и то же”. Совершил ли ты преступление или своей ненаблюдательностью, отсутствием бдительности “лил воду на мельницу” преступника, ты все равно виноват... Теперь Ярославский предъявил мне обвинение в “пособничестве врагам народа”. Сдержанность оставила меня. Я закричала на этого почтенного старика, затопала на него ногами. Я была способна броситься на него с кулаками, если бы между нами не сверкала полировкой гладь его письменного стола... Тут он снова накинул на лицо привычную маску ханжеской суровости и квакерской прямолинейности. Потом сказал с почти натуральной дрожью в голосе:

– Никто лучше меня не осознает моих ошибок. Да, я человек, не мыслимый вне партии, виноват в этом перед партией.

У меня уже висел на кончике языка новый безумный по дерзости вопрос:

– Почему же ваша ошибка искупается только ее осознанием, а я почему должна расплачиваться кровью, жизнью, детьми?»

Мы клеймим Жданова за постановления, ломавшие творческие судьбы Ахматовой, Шостаковича, Зощенко... Но прошло время, их творчество в полной мере возвращено в культуру. *То, что уничтожено идеологами типа Ярославского – сожженное, взорванное, сметенное с лица земли, – невозвратимо. Ждановщина – детский лепет по сравнению с такого рода масштабами.*

Экскаватор истории – механизм грубый, он раскапывает громадное кладбище, и надеяться при этом, что его ковш ак-

куратно вынет из кладбищенских недр два-три захоронения и не повредит соседние, – по меньшей мере наивно. Но почему же вопреки воле истории и здравому смыслу, сегодня издаются такие, наводящие тень на плетень книги? Может быть, потому, что заслуги Е. Ярославского в разрушительной борьбе с русской культурой, со «старой Россией», с «русским патриотизмом» настолько велики, что деятелям подобного типа за такие деяния их нынешними идейными внуками прощается все – даже самое страшное по нынешним временам: грех сталинизма?

А у меня к Емельяну Ярославскому есть, кроме гражданского, и личный счет.

В 1907 году молодой врач Аркадий Николаевич с женой Натальей Алексеевной, тоже врачом, прибыли в глухие места Арзамасского уезда – в земскую больницу. Несколько лет они, настоящие русские интеллигенты, чеховские врачи, лечили русских и мордовских крестьян, расширяли в селе Рогожка больницу, добирались до самых забытых Богом и людьми уголков лесного края, борясь с трахомой, туберкулезом, холерой.

Это были мои дед с бабушкой. Когда через шесть лет их перевели в Нижний Новгород, крестьяне плакали, расставаясь с молодыми врачами.

В Нижнем Новгороде дед, когда началась война 1914 года, построил на пожертвования купцов больницу Красного Креста, сновал кафедру хирургии при медицинском институте, стал профессором и председателем суда чести нижегородских врачей.

В революцию и гражданскую войну дед с бабушкой переоборудовали больницу под лазарет для красноармейцев и вплоть до 1920 года боролись с эпидемиями сыпного тифа, пока не заразились сами... Их хоронили торжественно – с военным оркестром, с речами, с делегацией красноармейцев, с некрологами в революционных газетах Нижнего Новгорода, на почетном кладбище знаменитого печерского монастыря, стоящего на волжском откосе. Но наступил роковой 30-й год.

Волна антирелигиозного вандализма, непрерывно питаемая разрушительной волей Емельяна Ярославского, докатилась до стен древнерусского монастыря. Он был разбит, разграблен, монастырское кладбище снесено... Сейчас там мебельная фабрика. На месте кладбища спортивный городок, волейбольная площадка. Где-то на ее территории покоится поруганный прах моих предков, замечательных граждан России и Нижнего Новгорода. Могила другого моего деда, по материнской линии, крестьянина, а потом сапожника, – также была уничтожена, когда рушили под Калугой церковь Георгия на Поляне, а заодно и церковное кладбище. До 1930 года больница Красного Креста называлась «Больницей имени доктора А. Н. Куняева». В 1930 году ее переименовали в больницу № 3. В 1985 году мемориальная доска была восстановлена на фасаде, но тем не менее злая воля атеиста и русофоба лишила меня дорогих могил. Да только ли меня? Десятков, сотен тысяч, а может быть, и миллионов русских людей! Потому мы имеем полное право требовать, чтобы урна с прахом этого фанатика была изъята из священной Кремлевской стены, чтобы ему, чья деятельность уничтожила столько материальных и духовных свидетельств нашей исторической памяти, столько могил наших предков, судьба отплатила той же монетой: пусть не останется на нашей земле никаких улиц, никакой надгробной или мемориальной плиты с его именем. Он был идеологом беспамятства – да будет ему закономерным уделом забвение!

* * *

Да, бесконечно далека была советская поэзия 20-х годов от пушкинского «что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал». Слышу возражения: времена другие и понятия о добре и зле другие. Но разве в эти же годы не творили Ахматова, Клюев, Заболоцкий, являющиеся для нас символами этической и эстетической связи с классикой? В «Тихом Доне» много жестоких сцен. Но ни в одной из них ав-

тор не любуется кровопролитием – такое любование противно природе искусства. А разве не в то же суровое время Сергей Есенин словно бы мимоходом роняет:

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам...

Недаром эти строки нравились Мандельштаму, для которого Есенин никогда, вообще-то, не был кумиром.

Уместно вспомнить, что в эти же годы «неоклассик», как его иногда называют, Осип Мандельштам, отстаивая за поэзией право на гуманизм, писал:

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей.
Запихай меня лучше, как шапку в рукав,
Жаркой шубы сибирской степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первородной красе.

Перекличка образов поразительна. У Багрицкого «век-часовой» – у Мандельштама – «век-волкодав». «Их нежные кости сосала грязь» (Багрицкий) – «Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы, ни кровавых костей в колесе» (Мандельштам). Как будто бы Мандельштам, как Есенин, сознательно полемизирует со своим современником.

Но я хочу добавить, что параллель Багрицкий – Мандельштам более интересна и сложна, чем это может показаться на первый взгляд.

По-своему пытаясь объяснить и понять особое положение художника, обретшего в новой России право, культуру и язык, однако в чем-то неизбежно далекого от некоторых страниц русской истории, Мандельштам писал:

«Если бы от меня зависело, я бы только морщился, припоминая прошлое. Никогда я не мог понять Толстых и Аксаковых, Багровых-внуков, влюбленных в семейственные архивы с эпическими домашними воспоминаниями... Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, и биография готова...» («Шум времени»).

В этот список, если последовать логике автора, можно внести также и Пушкина с его «Родословной моего героя», и Блока с «Возмездием». Небесполезно также вспомнить, что русское разночинство, начиная почти с пушкинского времени, уже имело свою родословную, свои революционные традиции, свою связь поколений, свою эстафету идей, переходящую от Белинского к Чернышевскому, от Достоевского к Чехову и Горькому... Да и Толстой с Аксаковым были не только влюблены «в семейственные архивы» и занимались не только «эпическими домашними воспоминаниями», а каждый по-своему творил культуру, порой весьма сурово переоценивая прошлое во имя будущего. Трудно отречься от своего, но еще труднее породниться с чужим.

Но честь и хвала Мандельштаму, что он не стал углублять колею нелегкой исторической памяти, отделявшую его от русской культуры, а сделал смелую попытку врасти в нее. Взгляд его обратился к Пушкину и Лермонтову, Фету и Блоку, к русским философам и публицистам конца XIX века.

Путь интенсивного и слишком быстрого принятия традиции, путь прививки к ней был непрост и чреват разными осложнениями. Когда я читаю стихи и прозу Мандельштама, впечатление у меня таково, что в каждую пору, в каждую клеточку его духовного мира культура, традиция, стихия гуманизма, рожденная XIX веком, были втиснуты давлением времени в последние секунды его. Бремя великой культуры слишком значительно, чтобы за такой короткий срок, «едва обретя язык» (по словам того же Мандельштама), новое поколение могло безболезненно усвоить все белки иного духовного организма... Недаром Ю. Тынянов в свое время заметил о стихах Мандельштама: «Его работа – это работа почти чужеземца над литературным языком».

Мандельштам понимал всю драматическую двусмысленность своей роли. Он сразу же почувствовал себя больным сыном XIX века, пасынком классического гуманизма, столь непонятного поэтам типа Багрицкого. Тема «разрыва» и притяжения, «извести в крови», «чужого наследства» и любви к нему у Мандельштама все время переплетаются.

«Я полюбил блаженное наследство – чужих певцов блуждающие сны», «тянуться с нежностью бессмысленной к чужому», «век – известковый слой в крови больного сына...», «но разбит твой позвоночник, мой прекрасный жалкий век...».

Какая боль искать потерянное слово,
Больные веки поднимать
И с известью в крови для племени чужого
Ночные травы собирать.

Русская современная действительность и манила и страшила. Мандельштам оглядывается на Боратынского и Овидия. Гершензон исследует мир грибоедовской Москвы, разбирается в судьбах И. Киреевского, Огарева и Чаадаева. Но как непросто «для племени чужого ночные травы собирать»!

И в конце жизни Гершензон с горечью подводит итоги своей подвижнической деятельности:

«Я живу подобно чужеземцу, освоившемуся в чужой стране; любим туземцами и сам их люблю, ревностно тружусь для их блага, болею их болью и радуюсь их радостью, но я знаю себя чужим, тайно грущу о полях моей родины, о ее иной весне, о запахе ее цветов и говоре ее женщин. Где моя родина? Я не увижу ее, умру на чужбине».

* * *

Справедливости ради надо сказать, что был момент в творчестве Багрицкого, когда он приблизился к тому, чтобы принять поэзию обычного человеческого быта. В 1924 году, когда умозрительные идеи еще не настолько овладели им, он

нашел в стихотворенье «Детство» слова любви к миру, от которого через восемь-десять лет будет с яростью отрешаться.

И сквозь ветер матушка проходит
В хлев,
В соломенный коровий дух,
Где скотина мордою поводит
И в навозе роется петух...
Матушка!
Ты через двор щербатый
Возвращаешься обратно в дом,
И в руках твоих скрипят ушаты,
Распираемые молоком...

Как жаль, что такие человечные строки стали всего лишь малым эпизодом в его творчестве! В расцвете таланта он пришел к убеждению, что не только быт русской деревни или подмосковного предместья чужд ему. С максималистской последовательностью он отрекся как от слабости от воспоминаний о местечковом детстве, от своего происхождения, от близких своих, произнеся по их адресу чуть ли не проклятия.

Любовь?
Но съеденные вшами косы;
Ключица, выпирающая косо;
Прыщи, обмазанный селедкой рот;
Да шеи лошадиной поворот.

Почти физиологическое чувство отвращения клокочет в этих стихах. Как будто не было у кого поучиться поэту и кровным узам и духовным связям, роднящего каждого из нас с каждым.

Костыль отца и матери чепец –
Все бормотало мне:
– Подлец! Подлец!

Есенин поездил по всему миру, повидал немало благ цивилизации и комфорта, но разве можно себе представить его, порывающего со своим бедным, но дорогим сердцу бытом, со скромной крестьянской избой, с не всегда радостными воспоминаниями детства, проклинающего мать или отца?

А в «Происхождении» герой не испытывает никакой боли, уходя из отчего дома, как будто не здесь его зачали и вскормили материнским молоком, как будто подменили ему человеческое сердце волчьим и уходит он с родного порога, по-волчьи огрызнувшись:

Я покидаю старую кровать:
– Уйти?
– Уйду!
Тем лучше!
Наплевать!

Человеку, проклявшему и растоптавшему свое прошлое, еще легче растоптать все чужое.

Евгений Евтушенко в статье о поэзии 20–30-х годов видит корни этой жестокости в юношеском максимализме. Но «Происхождение» написано в 1930 году зрелым поэтом; именно в это время он создавал главные свои вещи, принесшие ему славу, – «Последняя ночь», «Человек предместья», «Смерть пионерки», поэма «Февраль», над которой он работал как над своим поэтическим завещанием до последних дней.

На «Феврале», кстати, следует остановиться несколько подробнее, потому что ценители поэмы, говоря о ней, ограничиваются эпитетами «гениальная», «эпохальная», не касаясь ее сути. Повествование в поэме ведется от имени неуклюжего юноши, романтика и птицелова, ущемленного своим социальным происхождением, тяготами военной службы, неразделенностью юношеского чувства к незнакомой гимназистке... «Маленький мальчик», «ротный ловчило», «ковыляющий в сапогах корявых», которому неуютно в этом мире, который бредит иной, кинематографической жизнью, мечтает:

Мир, полный романтического комфорта в духе Остапа Бендера, – вот что нужно ему, чтобы преодолеть комплекс неполноценности.

О птицах с нерусскими именами,
О людях неизвестной планеты,
О мире, в котором играют в теннис,
Пьют оранжад и целуют женщин.

Приходит Февральская революция, и он мужает вместе с событиями: «Кровью мужества наливается тело. // Ветер мужества обдувает рубашку...»

В тот же час он вступает во все организации, становится помощником комиссара Временного правительства, появляется в округе «вооруженный до зубов, как ангел смерти», окруженный матросами-телохранителями. Его превращение из робкого неуклюжего существа в карающую десницу эпохи, его откровенья поразительны.

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа...
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которой седой спиралью
Спадают пейсы, и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной...
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем, подобно башне,
Над летящими фарами и штыками...

Не бескорыстной интернациональной радостью, не восторгом освобождения, не гордостью за первые демократические победы революции, а высокомерной национальной гордыней обуреваем герой поэмы. «Февраль» заканчивается тем, что он при ликвидации подпольного публичного дома встречает в числе проституток недоступную для него в прошлом

гимназистку, по которой вздыхал всю юность, и, упоенный властью над беззащитным и униженным жизнью существом, наконец-то с жадностью насилует ее, как «победитель».

Интересна мотивировка этого насилия:

Я беру тебя за то, что робок
Был мой век, за то, что я застенчив,
За позор моих бездомных предков.
Я беру тебя, как *мщенье миру*...
Может быть, мое ночное семя
Оплодотворит твою пустыню...* –

истерически кричит февральский победитель своей жертве... Прелюбопытна, между прочим, дальнейшая историческая эволюция победителя. Он для меня продолжается в герое недавно опубликованного романа Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей» – следователе ОГПУ Якове Неймане. Мысли, переживания, комплексы, да и сама судьба у обоих персонажей совершенно одинаковые, и родились они в одном южном городе, и семьи у обоих были бедные, и оба жаждали «выйти в люди», а в те времена это прежде всего означало стать человеком, «имущим власть».

Когда к Якову Нейману приезжает по делу из Москвы его двоюродный брат – крупный чин прокуратуры Роман Штерн, братья радостно встречаются, выпивают, вспоминают голодную и бесправную юность, и, уложив старшего брата спать, Яков Нейман произносит внутренний монолог, обращенный к отцу, на тему «вышел ли толк из сына», столь похожий на монолог героя поэмы Багрицкого, что я не могу удержаться от соблазна процитировать его:

«Вышел толк, папа, вышел. Посмотрел бы ты сейчас, Абрам Ноевич, какой я мундир ношу, с какими он у меня нашивками, значками, опушечками, в каком кабинете я сижу, чем занимаюсь! Небось расстроился бы, замахал бы руками, заплакал: “Ой, Яша, зачем же ты так? Разве можно!” Можно,

* Курсив мой. – *Ст. К.*

старик, можно! Теперь уж не я перед людьми виноват, а они передо мной. И безысходно, пожизненно, без пощады и выкупа виноваты! Отошли их времена, настали наши»...

Очень похожи друг на друга герои Багрицкого и Домбровского. Одна лишь разница между ними. Один старше другого на двадцать лет. Действие у Багрицкого происходит в феврале 1917 года, а у Домбровского в феврале 1937 года, потому у следователя Якова Неймана приступ гордыни в его ночном монологе вдруг сменяется припадком мистического страха:

«Отошли их времена, настали наши. А вот к лучшему они или к худшему, я уж и сам не знаю. Ну ничего, торопиться нам некуда – подождем, узнаем. Все скоро выяснится! Все! Теперь ведь до конца рукой подать. Я чувствую, чувствую это, папа!»

Чувствует бедный работник ОГПУ, что скоро стать ему лагерной пылью.

Мне думается, что Э. Багрицкий – поэт того же ветхозаветного морального склада, что и Генрих Гейне, который, имея репутацию гуманиста и приняв христианство, тем не менее писал в конце жизни о том же «мщении миру»:

«Я человек самого мирного склада. Вот чего я хотел бы: скромная хижина, соломенная кровля, но хорошая постель, хорошая пища, очень свежие молоко и масло, перед окном цветы, перед дверью несколько прекрасных деревьев, и, если Господь захочет вполне осчастливить меня, он пошлет мне радость – на этих деревьях будут повешены этак шесть или семь моих врагов. Сердечно растроганный, я прощу им перед их смертью все обиды, которые они мне нанесли при жизни. Да, надо прощать врагам своим, но только после того, как их повесят».

«Мщение миру» – это не просто запальчивая фраза. Это – оправдание насилия и жестокости, не имеющих ничего общего с героизмом. Да не сочтет кто-либо мои рассуждения – натяжкой. Подобная агрессивность, ритуально-сексуальная фразеология насчет оплодотворения «пустыни» была весьма модной в поэзии тех лет.

Над немой вселенной звездчатое темя.
Вспыхнувшие маяки небесных дамб,
Девства кровь и мужа огненное семя
Затвердели камнем диаграмм.

Здесь, в глухой Калуге,
В Туле иль Тамбове,
На пустой обезображенной земле
Вычерчено торжествующей любовью
Новое земное бытие*.

У Багрицкого «пустыня», здесь «пустая обезображенная земля»... Действительно какая-то опустошающая любовь!

Когда замолкнет суесловье,
В босые тихие часы,
Ты подыми у изголовья
Свои библейские весы.

Запомни только, сын Давидов,
Филистимлян я не прощу.
Скорей свои цымбалы выдам,
Но не разящую пращу.

Ты стой и мерь глухие смеси,
Учись неистовству, пока
Не обозначит равновесья
Твоя державная рука**.

Это стихи Эренбурга того же времени. Рука Мандельштама тянулась к «цимбалам», рука героев Эренбурга и Багрицкого к «разящей праще». Тоталитаризм всегда «анти» или «сверх» национален.

* Эренбург И. Опустошающая любовь. М., 1922.

** Там же. Стихотворение перепечатано в 1977 г. в «Библиотеке поэта». С. 123.

«Дума про Опанаса» и «Тихий Дон» (если отвлечься от масштабов и результатов работы) – вещи, «сделанные» вроде бы из одного исторического материала. Григорий Мелихов и Опанас – родные братья, но Шолохов, несмотря ни на что, не отдает своего героя прошлому, не списывает в удобрение для грядущих времен, а проводит через все круги революционного горнила и, горюя о его судьбе, все-таки оставляет за ним надежду на возвращение.

Опанас же не дорог автору, не болит у автора сердце за непутевую судьбу крестьянина, сорванного с земли мировыми ветрами. Для поэта Опанас не больше, чем бандит, чем удобрение под будущее семя, и поделом ему, что даже никому неизвестно, где зарыты его кости.

Словом, время сделало свое дело, и можно спокойно жить дальше, не извлекая из трагической судьбы Опанаса никакого нравственного смысла.

* * *

В середине 70-х годов в издательстве «Советский писатель» вышла книга «Багрицкий в воспоминаниях современников». Очень поучительное чтение – особенно после идеологических сдвигов последних лет, после изучения темных и белых пятен нашей политической и идеологической жизни 20–30-х годов.

«Я считаю, что лучшее из того, что написал Багрицкий, есть поэма “Последняя ночь”... Эту гениальную поэму оставил Багрицкий, как памятник своему поколению» (Ю. Олеша)

«Пускай Незнакомка Багрицкого (речь идет о гимназистке из поэмы «Февраль». – *Ст. К.*) так же, как когда-то незнакомка *другого великого лирика* (курсив мой. – *Ст. К.*), прозаически ударилась о грубую, оскорбительную в своей низости землю...» (П. Антокольский).

«По пути к тому, чтобы стать членом коммунистического общества, Багрицкий прошел дальше многих других.

Я ловлю себя на мысли, что рай будущего, коммунистический рай, будет состоять из одесситов, похожих на Багрицкого» (И. Бабель).

«Поэт Эдуард Багрицкий. 1895–1934. Классик» (И. Сельвинский).

Читаешь и пожимаешь плечами: как можно было певца идеологии, воспевавшего насилие и расстрелы, проклинавшего нормальное человеческое бытие и призывавшего к разрушению всех естественных устоев жизни, чтить как классика, гения, гуманиста, человека коммунистического будущего? Впрочем – что удивляться! Заблуждения кровавой эпохи были столь велики, что идеология и поэзия Багрицкого – всего лишь штришок на апокалиптической картине, именуемой «Мистерия XX века»...

«КЛЕВЕТА ВСЕ ПОТРЯСАЕТ...»

1

В прежние времена клевета распространялась тихо, тайно, набирала силу постепенно, осторожно, переходила из уст в уста... Словом, все проходило по рецепту, излагаемому в знаменитой арии дона Базилио из оперы «Севильский цирюльник». В наше время, когда существуют громадные механические усилители мнения – радио, телевидение, еженедельники, газеты, – этот путь явно устарел. Слишком он малоэффективен.

В наше время, если запускается в ход какая-нибудь сомнительная версия, то для того чтобы придать ей убедительность, она в короткое, сжатое время в одних и тех же фразах и формулировках излагается по разным каналам массовой информации. Как артподготовка перед решающим наступлением. Все, как правило, бывает продумано. Церемониться,

придумывать разные варианты и предоставлять дело стихийному ходу событий некогда и незачем. Клише изготовлено – и залп за залпом! Словом, тотальный метод, рассчитанный на быстрое и полное подавление противника.

* * *

В феврале 1988 года в Калуге прошла встреча писателей-калужан с главным редактором «Огонька» В. Коротичем. Я в это время был в городе и пошел на встречу. В. Коротич, отвечая на один из читательских вопросов, сказал приблизительно следующее: «Вот Белов предложил мне опубликовать всю правду об убийстве Есенина. Оказывается, мы не только Христа распяли, но еще и Есенина убили! Не знаю, кто убил Есенина, документов об этом в редакции “Огонька” нет, а вот кто убил Твардовского, я знаю!» И тут Коротич перечислил фамилии одиннадцати известных писателей, опубликовавших девятнадцать лет тому назад письмо в «Огоньке» под заголовком «Против чего выступает “Новый мир”?»

Что-то хорошо срежиссированное вижу я в том, с какой частотой и интенсивностью версия о том, что «Письмо одиннадцати» убило Твардовского, муссируется сегодня в нашей печати. На протяжении последних полутора лет я слышал и читал об этом уже много раз. Началось все с публикации воспоминаний Ю. Трифонова в конце 1986 года в том же «Огоньке», где все излагалось так: «“Огонек” и какая-то еще газетка, не помню, печатали гнусные статейки теперь уже не против “Нового мира”, а против его редактора лично. Такого циничного хамства в нашей печати давно не бывало, со времен, может быть, пресловутой “борьбы с космополитизмом...”» Прочитал я тогда эти размышления и подумал: лучше бы Трифонову не вспоминать время борьбы с космополитизмом, ибо его роман «Студенты», за который он получил Сталинскую премию, внес свой весомый вклад в эту борьбу... Следом за ним Юрий Гиршевич Буртин назвал «Письмо одиннадцати» «погромным» (Октябрь. 1987. № 8), а в двенадцатом но-

мере того же журнала опять выдвинул ту же версию причины смерти Твардовского: «Смерть Твардовского... на совести организаторов и исполнителей разгрома его журнала и предшествовавшей этому многолетней травли».

Выступает по телевидению критик В. Лакшин и говорит в несколько смягченной форме то же самое.

«Огонек» в № 2 за 1988 год печатает статью Н. Ильиной, опять ситуация изображается так, будто именно благодаря этому письму «журнал был вырван из рук Твардовского». Через полтора месяца «Огонек» публикует письмо читателя Е. Г. Вала, где истерия подымается на очередную ступень: «Я отказываюсь понять А. Иванова, П. Проскурина, М. Алексеева и других, подписавших в 1969 году пресловутое письмо, направленное против Твардовского. А ныне им не хватает гражданского мужества публично раскаяться в содеянном, что могло бы сыграть значительную роль в духовном обновлении нашего общества...»

Но и этого мало! Через неделю (!) в том же «Огоньке» появляется письмо, подписанное вдовой А. Т. Твардовского. Та же волна: «Со дня появления в печати “Письмо одиннадцати” – “Против чего выступает “Новый мир”?” (опубликованное в “Огоньке”: № 30 за 1969) не подвергалось пересмотру со стороны лиц, его подписавших...»

Критик С. Рассадин через две недели в том же органе, опираясь уже на мнение Е. Г. Вала – почва-то подготовлена! – вновь требует то ли покаяния «одиннадцати», то ли наказания их. Кампания продолжается... Пять раз, из номера в номер, «Огонек» долбит одно и то же! С теми же формулировками выступил А. Стреляный где-то, уже не помню, В. Оскоцкий подхватил их тут же в «Книжном обозрении», «Советская культура» раза три «присоединилась», еще какие-то органы отметились. Всего не упомнишь – кампания!

Сначала мне была смешна своей наивной, назойливой истеричностью эта версия «убийства Твардовского»: литературная борьба – дело своеобразное. С тем же успехом можно объявить Белинского за его письмо с резкими словами в

адрес Гоголя (помните – «апостол кнута», «проповедник невежества» и т.д.?) «убийцей» великого русского писателя, ибо Гоголь вскоре после этого умер; можно объявить Б. Слуцкого убийцей Пастернака, ибо он публично осуждал поэта за публикацию за рубежом романа «Доктор Живаго», и Пастернак тоже вскоре после этого умер. Да и сам Твардовский был против публикации «Доктора Живаго». Так что ревнители версии убийства становятся на скользкий путь. Но потом я пришел к выводу, что все эти публикации сознательно скрывают по меньшей мере два факта.

Первое. В «Письме одиннадцати» даже не упоминается Твардовский, нет никакого разговора ни о его поэзии, ни о его мировоззрении, ни о его редакторстве, ни о его личности. Есть резкая полемика со статьей, опубликованной в «Новом мире» критиком А. Дементьевым*. В своей статье А. Дементьев в духе рапповской критики шельмовал журнал «Молодая гвардия», издеваясь над стремлением авторов этого журнала начать разговор о национальном самосознании русской литературы тех лет. Он иронизировал над статьями В. Кожинова, А. Ланщикова, В. Чалмаева, М. Лобанова... Его оценка последнего совершенно совпала впоследствии с разносом, учиненным Лобанову за его статью «Освобождение» критиками В. Оскоцким, П. Николаевым, Ю. Суровцевым, разносом, о котором сейчас даже стыдно вспоминать. Статья Дементьева изобилует вульгарными проработочными формулировками об угрозе «догматических извращений марксизма-ленинизма», пропаганды «идеологического разоружения», «национализма» и т.д. Весь словесный набор ее обвинительных штампов и стереотипов выдержан в духе антидемократического административно-командного идеологического стиля тех лет. Критик утверждал, что «советское общество по самой социально-политической природе своей не расположено к буржуазным влияниям» (и это во времена, когда на теле общества уже расцветали язвы эпохи застоя); требовал «показать духовный смысл и поэзию колхозно-

* Новый мир. 1969. № 4.

земледельческого труда, социалистических преобразований деревни» (и это в то время, когда деревня окончательно разрушилась администраторами от хозяйства и политики, когда тысячи «бесперспективных» деревень насильственно исчезали с лица земли); издевался над статьями «Молодой гвардии», которые утверждали, по его словам, «отечественные истоки и традиции», «землю» и «почву», патриотизм и народность, «нравственную природу России» и «святыни национального духа». Он с вульгарно-социологических позиций поучал славянофилов и почвенников: «И уже тогда была очевидна их беспочвенность и антинародность» (и это о воскрешенном и наконец-то изданном нашем культурном наследии, столь высоко оцененном в свое время Гоголем, Герценом, Блоком). Он высмеивал поэтов, которые «влюблены в старые церковки, старинные храмы» и «суровые пращуров лики на фресках, на досках икон...». Он иронизировал: «Вот на глазах Ларисы Васильевой должен уйти под воду храм Николая Чудотворца. Событие не из веселых. Но она при этом прямотаки впадает в исступление». Сказано в таком ерническом тоне – о чем! – об антинародной, антирусской практике разрушения церквей и затопления древних городов и земель, что поневоле думаешь: да, автор с такими убеждениями был бы в первых рядах разрушителей тридцатых годов. Говоря о поэзии, А. Дементьев с менторским высокомерием отзывался о стихах поэтов, в творчестве которых жила пусть иногда наивная, но искренняя любовь к крестьянству, к русской культуре и боль за их тогдашнее состояние. Николай Рубцов, Александр Романов, Борис Куликов, Борис Примеров, Алексей Марков, Дмитрий Ковалев, Виктор Боков, Юрий Адрианов, Валентин Сорокин, Владимир Гордейчев, Лариса Васильева и другие широко известные ныне поэты стали мишенями его снобистской иронии: «Деревенские стихотворения, напечатанные в “Молодой гвардии”, несомненно, не отражают реальную жизнь современной деревни, и авторы их, в сущности, не имеют права называться “крестьянскими поэтами”». Обратим внимание, какой прокурорский тон, ка-

кая самоуверенность, какое упоение возможностью наклеивать ярлыки и выносить приговоры! А вот еще хлеще: «Во многих стихах, напечатанных в “Молодой гвардии”, деревня выступает не столько в своем реальном облике, сколько как некое социально-эстетическое начало душевного здоровья и вдохновенья... Не носят ли пристрастия наших поэтов несколько односторонний “мужиковствующий” характер?» Знаменательно, что для осуждения поэтов А. Дементьев в 1969 году вытащил термин, которым рапповцы прошлых времен клеймили Есенина, Клюева, Клычкова, затравив некоторых из крестьянских поэтов к середине 30-х годов аж до лишения свободы, а чуть позже и до смерти. Читая сейчас проработочные тезисы критика: «Особое пристрастие поэта или прозаика к “земле” и к “деревне” единодушно считается некоторыми рецензентами “Молодой гвардии” важнейшим достоинством того или иного произведения», я вспоминаю мысли из недавней статьи В. Белова в «Правде» под названием «Возродить в крестьянстве крестьянское» о том, что русофобия тесно связана с недоверием, а порой даже с ненавистью к русскому крестьянству. В нем видят некий реакционный «слой»... «Не любишь крестьянство – значит не любишь самого себя... Не понимать или унижать его – значит рубить сук, на котором сидим. Что, впрочем, мы нередко и делали», – пишет Белов. Сегодня для меня нет сомнений в том, что А. Дементьев был одним из многих, кто рубил этот сук, и что его статья была русофобской и антикрестьянской одновременно. Именно поэтому, и только поэтому, в «Огоньке» появилось письмо одиннадцати писателей, выходцев из крестьянства, направленное на защиту духовных принципов, рожденных крестьянским советским пониманием жизни, и, повторяю еще раз: о Твардовском в нем не было ни слова*.

О покойниках не говорят плохо, но другого выхода нет. А. Дементьев не был человеком идеи. Скорее был беспринципным флюгером, использовавшим в своих целях любую

* «Письмо одиннадцати» полностью перепечатано в журнале «Наш современник». 1989. № 1.

ситуацию: в 1969 году он громил «Молодую гвардию» – за патриотическо-крестьянскую, так сказать, линию ее поэзии и критики, а за двадцать лет до этого – в 1949 году, с тем же успехом громил всяческих космополитов, о чем напоминалось в «Письме одиннадцати»... Именно против такого беспринципно-погромного литератора, а вовсе не против Твардовского, было направлено «Письмо...» Но об этом молчат все нынешние авторы, негодующие против «Письма...» Им не нужна истина. Им нужно скомпрометировать этих известных писателей. Как будто А. Дементьева, главного «героя» письма, вообще не существовало. Своеобразный поручик Киже. Такое «умолчание» сродни демагогии и диффамации.

Исторической объективности ради надо сказать, что обеим позициям – и «новомировской» и «огоньковско-молодогвардейской» – был присущ свой догматизм. Если в статье Дементьева он был неорапповский, антикрестьянский с оттенком русофобии, с нежеланием понимать духовную, национальную сторону народного бытия, то у оппонентов догматизм был связан с излишним оптимизмом по отношению к качеству материалов своего журнала, с нежеланием понимать, что многие духовные ценности крестьянской жизни основательно расшатаны и опираться на них в конкретных условиях – задача иллюзорная. Обе силы в духе тех времен апеллировали (по принципу – «барин нас рассудит») к высшим инстанциям и основополагающим партийным документам, полагаясь на поддержку административно-командной воли. И в этом тоже проявился общий догматизм эпохи застоя. Но «высшая воля» осудила как тех, так и других. И «Новый мир», и «Молодая гвардия» были наказаны. Симптоматично, однако, что и «наказание» было совершено по-разному.

Статья Дементьева не была одиноким гласом вопиющего в пустыне. Нет, она как бы возглавила целый хор голосов, целую погромную кампанию против «Молодой гвардии», в которую как по команде включились «Вопросы литературы», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Октябрь», «Юность» и, наконец, тяжелая артиллерия – журнал «Ком-

мунист»... Словом, кампания, организованная по тем же принципам, что и ныне против «Письма одиннадцати», была тотальной. Защищал же «Молодую гвардию» один «Огонек». Именно после этой «артподготовки» был снят с работы главный редактор «Молодой гвардии» А. В. Никонов. Причем с ним не церемонились. Твардовского бюрократическая система медленно выживала, ему меняли замов, членов редколлегии, делами «Нового мира» занимался все-таки свой писательский секретариат. Твардовского как бы вынуждали подать «в отставку» по «собственному желанию» (что, кстати, было связано и с болезнью поэта). С А. Никоновым же, повторяю, не дипломатничали. Его, совершенно здорового, сняли с поста главного редактора в одну минуту – жестко и беспощадно: решением Секретариата ЦК, где председательствовал Л. И. Брежнев. Травля, разожженная А. Дементьевым, возымела действие. Так что кто во всей этой истории жертва, а кто погромщик – судите сами.

Вот почему те люди и органы, которые сейчас демагогически используют «Письмо одиннадцати» в своих групповых интересах, стесняются упомянуть главного героя и ничего не говорят ни о сути его письма, ни о сути «огоньковского» ответа. А взяли бы лучше да и перепечатали (ведь перепечатал же «Наш современник» «Письмо одиннадцати») статью Дементьева, показали бы, сколь она замечательна и современна. Но тогда вся концепция «убийства Твардовского» рухнет.

Я часто выступаю на вечерах – и наши доверчивые читатели, уже «сориентированные» прессой, то и дело задают вопросы: как вы относитесь к «Письму одиннадцати»? Почему эти «убийцы Твардовского» до сих пор не каются? А те, кто призывает «к возмездию», с удовлетворением наблюдают, как их сознательное и тенденциозное изложение событий двадцатилетней давности вводит в нужное им русло несведущих, особенно молодых, читателей, доверчиво повторяющих целенаправленную и хорошо организованную версию...

* * *

В 1987 году я опубликовал в журнале «Молодая гвардия» статью о поэтах, вошедших в литературу перед войной и в первые годы войны, где, отдавая дань их талантливости, их гражданскому и человеческому мужеству («отряд высокоодаренной поэтической молодежи», «бескомпромиссный талант», «абсолютная искренность поколения», «романтическое бесстрашие», «жертвенность» – характеристики из моей статьи), тем не менее с точки зрения нового мышления, с точки зрения нового отношения к войне, спорил с принципами романтизации войны, оспаривал книжные романтические схемы «земшарной республики советов», абстрактно понятого интернационализма, ярче всего, пожалуй, выраженного в формуле М. Кульчицкого: «Только советская нация будет и только советской расы люди». Я доказывал, что именно такого рода романтический фанатизм в течение целой эпохи давал основания всему миру создавать образ «советского агрессора», что идея экспорта революции чужда нам.

Именно такие агрессивно-романтические формулировки, унаследованные «ифлийцами» от поэтических учителей старшего поколения, помешали новому поколению поэтов на первых порах правильно понять характер начавшейся войны как Отечественной...

И сразу же началась массированная артподготовка по отработанным схемам. Евтушенко заявил в «Советской культуре» яростный протест против моей статьи, в том же духе откликнулась язвительной репликой «Литературная Россия», тут же А. Турков в «Юности» разразился целой статьей, «Знамя» в февральском номере за 1988 год выступило аж с двумя материалами – письмом Друниной и статьей Лазарева, тут же следом, опираясь на статью Лазарева, подали свои голоса «Книжное обозрение» и «Огонек». О. Кучкина в «Комсомольской правде» заявила, что Твардовский за эту статью не «подал бы мне руки», как будто наш великий поэт

завещал Кучкиной быть распорядительницей его совести. Где-то, что-то еще было. Уже не помню.

Каковы же главные аргументы моих критиков? Прежде всего в ход пускается простое житейское правило, действующее на читателя: люди погибли на войне и потому их творчество не подлежит обсуждению («Если он способен поднять руку на павших», – Л. Лазарев; «клевета на честных писателей, павших на Великой Отечественной войне и не имеющих возможность защититься», – «Книжное обозрение»). Но житейская мудрость «о мертвых или хорошо или ничего» годится только на гражданских панихидах, тем более что я не говорю ничего плохого о людях, а спорю лишь с идеями. Идеи переживают людей, и когда изнашиваются, время отбрасывает и их тоже. Такое всегда происходит в истории культуры. Вспомним, какие споры бушевали (да и еще бушуют) вокруг, допустим, имен Достоевского, Маяковского, Есенина... А если говорить о нашем времени – вокруг Твардовского, Шолохова, Высоцкого. Это – нормально. Запрещать такое положение вещей – значит накладывать запреты на мысль. Главный же «метод» Ю. Друниной, Л. Лазарева, А. Туркова, да и всех остальных в споре с моей статьей таков: излагаются якобы «мои» мысли словами оппонентов, грубо доводятся в произвольном (как правило, эмоционально взвинченном) тоне до абсурда, тем самым создается «образ врага», с которым потом начинается борьба на уничтожение.

Говоря о нравственной традиции русской классики, которая всегда пыталась увидеть и во враге человека, вспоминая Пушкина, Толстого, Шолохова, я цитирую в связи с этим замечательное стихотворение поэта Алексея Прасолова (стихи о том, какие чувства овладевают им при виде горы вражеских трупов), комментирую его так: «Ты убил врага, защищая себя и свою родину, но не может сердце человеческое поверить, что победа обязательно должна быть связана с убийством: неполная эта победа – с горечью, омрачающей торжество... Ты сожалеешь о том, что необходимость убить врага лишила тебя возможности объяснить ему его неправо-

ту, победить его зло душевной силой»... И вот эту общую, философскую, гуманистическую мысль о несовершенстве человека Юлия Друнина, оглупляя до предела, комментирует так: «Куняев обвиняет фронтовиков уже не только в том, что в бою они уничтожали, а не перевоспитывали фашистов, но еще и за то, что фашисты убивали их самих». Ну разве можно спорить с такой демагогией?

Я пишу о том, что суровая диалектика жизни и войны выветривала из сознания поэтов довоенные романтические схемы. Вот мои формулировки: «Михаил Кульчицкий к концу 1942 года отказался от прежнего, несколько книжного представления о войне», «народное чувство в творчестве поэтов-ифлийцев обогатило их поэзию, и каждый из них, насколько мог, отыскал в себе частицу общей стихии», «Слуцкий... нащупал свой путь к осознанию народного взгляда на войну... Правда жизни нелегко, не сразу, но вытеснила из поэзии Слуцкого старые романтические схемы». Лазарев же, создавший в своем разгневанном воображении «образ врага», в полемическом ослеплении не замечает этих мыслей и, подобно Друниной, твердит свое: «ненародный, как утверждает Куняев, Михаил Кульчицкий». (Не надо передергивать – этого утверждения нет в моей статье! Есть мысль о том, что путь к народности тяжел и пройти его непросто.) «Заявляет, скажем, Куняев, что М. Кульчицкий, отравленный идеями революционного глобализма, не жалеет свой народ» – и это выдумка Лазарева, такого утверждения нет в моей статье!

Я трезво и по-своему анализирую путь Слуцкого, отдавая должное его поискам, его пути к своему пониманию народности, Лазарев же выходит из себя: «Борису Слуцкому приписывается абсолютно чуждая ему идеология». Лазарев вспоминает, что четверть века назад я считался учеником Слуцкого и на этом основании раздражается – бывший ученик, и как он посмел! А что мне, всю жизнь, что ли, ради спокойствия Лазарева в учениках ходить? Я говорю о том, что в стихах Кульчицкого «Не до ордена – была бы родина

с ежедневными Бородино» меня коробит слово «ежедневными», – как-то не укладывается в моем чувстве эта лихость; ну представьте себе желание видеть ежедневные взятия Берлина или ежедневную Курскую дугу – слишком ради красного словца это звучит*.

В ответ на этот мой вполне допустимый комментарий Лазарев разразился нотацией, суть которой сводилась к тому, что я, мол, чуть ли не запрещаю писать о Бородинской битве, а сам когда-то написал о ней стихотворенье! Я действительно, сотрудничая в газете «Труд», в 1962 году по просьбе редакции написал к газетному развороту, посвященному 150-летию Бородинской битвы, стихотворную заставку – восемь рифмованных строчек и, естественно, не считая их стихами, тут же забыл о них и, конечно же, не включил ни в одну книгу. Но Лазарев, видимо тщательнейшим образом готовясь к «артподготовке», каким-то чудом в подшивках четвертьвековой давности разыскал этот экспромт. Спасибо ему. Теперь, если мне будет нужно вспомнить какую-нибудь мелочь из моей творческой биографии, я знаю, к кому обратиться. «Досье» у него, видимо, полное.

В «Знамени» Лазарев пишет об «ифлийском» поколении так: «В их стихах жил тот дух революционного свободолюбия, который в 30-е годы все больше и больше становился не ко двору». Из всех бездоказательных его тезисов я подробно остановлюсь лишь на этом, ибо он весьма важен.

Лозунги обострения классовой борьбы в начале 30-х годов, постоянные в связи с этим поиски «врагов», делали свое дело. Как болезнь, входили они в плоть и кровь нового поко-

* Недаром сам Б. Слуцкий, читая в кинофильме «Застава Ильича» (начало 60-х годов) это стихотворенье, отредактировал его, заменив слово «ежедневными» как неуместное на другое. Добавлю, кстати, что в давние времена, когда я увлекался поэтикой Слуцкого, со многими его идеями и оценками я не был согласен, о чем прямо говорил ему в глаза. Помню его утверждение о том, что Сергей Есенин выражал не разум нации, а ее предрассудки, помню, как на мой вопрос, читал ли он замечательных русских философов К. Леонтьева и В. Розанова, Слуцкий отрезал: «Я русских фашистов не читаю и Вам не советую...» Именно такие и некоторые другие максимы Б. Слуцкого все больше и больше разделяли нас.

ления литераторов, едва возмужавшего к 1937 году. Последние воспринимали дух времени от отцов.

В 1939 году сын Э. Багрицкого поэт Всеволод Багрицкий писал: «Вспоминаю с гордостью теперь я про рассказы своего отца». Но сын унаследовал не только память о рассказах, он унаследовал идеологию репрессий, воспетую его отцом. Подражая ему и буквально повторяя его, сын еще шестнадцатилетним юношей пишет:

Какое время! Какие дни!
Нас громят или мы громим?
Я Вас спрошу,
И ответите Вы:
«Мы побеждаем,
Мы правы.
Но где ни взглянешь – враги, враги...
Куда ни пойдешь – враги».
(1938)

«Мы правы» – значит, «Мы громим». Но кругом – «враги». Значит, надо громить еще больше. Такова логика погрома.

Критик Лазарев хочет изобразить поколение молодых поэтов, возмужавших к концу тридцатых годов, как чуть ли не оппозиционное сталинскому режиму, чуть ли не как неких потенциальных декабристов. Но, к сожалению, их довоенное творчество не подтверждает этой гипотезы. Их души, как и души их отцов, были поражены не только «свободолюбием», но и верой в необходимость репрессий, верой в необходимость буквального уничтожения всех классовых врагов, и играли они не в декабристов, а в чекистов времени не Дзержинского, а Ягоды, Ежова и Берии.

Мы сами, не распутавшись в началах,
Вершили скоротечные суды.
(П. Коган, 1937)

А вот «интеллигентный» вариант городского Павлика Морозова:

В лице молочниц и мамаши
Мы били контру на дому.
Двенадцатилетние чекисты,
Принявши целый мир в родню,
.....
На Украине голодали,
Дымился Дон от мятежей,
А мы с цитатами из Даля
Следили дамочек в ТЭЖЭ.
(П. Коган, конец 30-х гг.)

А самый талантливый и творчески зрелый из них, Кульчицкий, к тому времени сформулировал и свою литературную платформу, взял все идеологические схемы предшествующего поколения, схемы борьбы с крестьянской литературой, со стилем «а ля рюс», видя его в «истоках»: в засилье кулаков (к тому времени переселенных в спецлагеря и на лесоповалы), в поэзии Павла Васильева (к тому времени уже уничтоженного).

Вот с какой пародийно-издевательской интонацией писал талантливый поэт обо всем, что ненавистно ему:

Этот стиль нам врал
про истоки (лексика А. Дементьева. – *Ст. К.*),
про климат
и Расея мужичилась по нем...
.....
Он, вестимо, допрежь лгал
про дичь Россиеву,
что, знамо, под знамя
врастут кулаки
окромя мужики
опосля тоски

и над каждой стрехой
(по Павлу Васильеву)
разныя рязанская б пятушки.
(1941 г., до войны)

Исследователи творчества М. Кульчицкого восхищаются его идейными убеждениями, его бескомпромиссными взглядами, вроде следующих: «Решали разную мелочь, вроде дисциплины этической и начала кампании против халтурщиков и эстетов. Лозунг: “кастетом по эстетам”» (из письма 1940).

Но разве не ясно из судеб Павла Васильева, Анны Ахматовой и крестьянских поэтов, чем заканчивались и такие «мелочи», как «кастетные» кампании в те времена?

Самый старший из поэтов этих лет, Арон Копштейн, в 1939 году издал книгу «Радостный берег». Много я читал стихотворных панегириков, посвященных Сталину, но такого ликующе-фанатичного подобострастия, право, не встречал ни разу.

В прекрасный день октябрьского парада
По площадям торжественной земли –
От Сталинграда до Сталинабада,
От Сталина до Сталинска мы шли.

Сталин в солдатской шинели, Сталин с девочкой-буряткой на руках, земляки, поющие осанну вождю в Гори, детство Сталина, отец Сталина, мать Сталина, Сталин-мальчик, пашущий землю плугом, Сталин, поющий революционную песню на развалинах старой грузинской крепости, Сталин, ведущий конспиративную работу в Баку, Сталин, отбывающий в Нарымском крае, – вот о чем эта книга от первой до последней страницы.

И наконец хрестоматийное: Сталин, приносящий клятву у ленинского гроба, в окружении заговорщиков и врагов народа:

Он говорил, что партия едина.
Тверда и монолитна, как гранит.

И слово родины любимейшего сына
Стальная партия всегда хранит.
И, притаившись среди нас, шпионы,
Бледнея, слушали слова его.
Ведь ждал их гнев суровый, непреклонный,
Великого народа торжество.
Их вырвали, как вырывают с поля
Побеги чуждых, злобных сорняков.
О, Сталина незыблемая воля,
Присяга партии большевиков.

Книга эта издана в Хабаровске в 1939 году, Хабаровский край в то время был архипелагом лагерей. Книга называется «Радостный берег», Л. Лазарев, который составлял много антологий «поэтов ифлийцев», должен знать эту книгу. Но как же можно было тогда ему утверждать, что «в их стихах жил тот дух революционного свободолюбия, который в 30-е годы все больше и больше становился не ко двору»? Не понимаю. Или критик рассчитывает, что эти стихи прочно забыты и никто их уже не прочитает? Увы, что написано пером – того не вырубишь топором.

Зловещая триада: культ мировой революции, культ репрессий, культ личности – были неотъемлемой частью поэтического мировоззрения поэтов-ифлийцев. Далеко они отстояли от «революционного свободолюбия», разделяя заблуждения своего времени. Лазарев обвиняет меня в том, что я представляю себе ифлийское братство неким сообществом, «вроде масонской ложи». Да и в мыслях у меня ничего подобного не было! Я думаю, что гораздо ближе к такой характеристике ифлийства Елена Ржевская, сама старая ифлийка, которая в статье «Старинная удача» (Новый мир. 1988. № 11) пишет следующее:

«Что такое ИФЛИ? Произнесенная вслух одна лишь аббревиатура сигналит, что-то излучает. Незнакомые до того люди, обнаружив, что они оттуда, из ИФЛИ, немедленно сближаются. Может, оттого, что, там прошла юность? Так, но

не только. А может, ИФЛИ вообще иллюзия, хотя и устойчивая. Но тогда такая, о которой умный английский писатель сказал: иллюзия – один из самых важных фактов бытия.

Мне кажется, ИФЛИ – это код, пока не поддавшийся раскодированию. ИФЛИ был новью, чьим-то неразгаданным замыслом, намерением, на краткий миг замерещившейся возможностью, коротким просветом в череде тех жестоких лет».

Так что если Лазарев и ищет кого-то, кто представляет себе ИФЛИ чем-то вроде «масонской ложи», то пусть прочитает и разгадает статью Е. Ржевской, от начала до конца написанную подобным «знаковым», закрытым для непосвященных письмом.

В шестнадцатом номере «Огонька» за 1988 год опубликована статья Т. Ивановой «Вот приедет барин». В ней она продолжает «кампанию». Вот что она пишет о моей молодогвардейской статье, но больше об авторе: «Мне кажется, нужно очень сильно не любить своих сограждан, чтобы убеждать их отказаться от золотого наследства, бесценного – от нашей фронтовой поэзии. Но ведь именно это делает в статье, опубликованной в “Молодой гвардии”, С. Куняев. О чем статья? О том, что “не чистокровно русские” истинными патриотами быть не могут. Об этом, об этом, не надо смягчать, вопрос ставится именно так: в основе патриотизма кровь и почва. Как же надо ненавидеть... Не страшно так поступать перед всей российской совестью, перед Пушкиным, Достоевским, Чеховым, Толстым, Короленко, Буниным, Горьким, Маяковским? Перед русским народом, которому никогда не был свойствен антисемитизм, ни какой-либо иной национализм...» Далее, естественно, идет хвала статьям Друниной и Лазарева, и весь пассаж заканчивается нотой повыше, нежели у Ю. Друниной: «И простите нас, товарищи фронтовики, простите, мертвые и живые, за статью С. Куняева. Знайте, мне, русской, за нее стыдно».

Читатель, прочитав мою статью «Поэзия пророков и солдат», имеет возможность сам рассудить, кто из нас прав. Но для чего же нагнетается эта кликушеская истерия? Види-

мо, для того чтобы взбить дурную пену вокруг национального вопроса, внушить читателю, что Ст. Куняев – антисемит. Именно внушить, а не доказать, ибо никаких оснований для такого провокационного вывода в моей статье нет. Единственное «доказательство» у Т. Ивановой – закавыченная якобы цитата из моей статьи о том, что «“нечистокровно русские” истинными патриотами быть не могут». Но ни такого словосочетания, ни такой мысли в моей статье читатель не найдет даже с лупой.

Говоря о том, что надо отказаться от романтизации мировой революции и братоубийственной гражданской, я приводил примеры из творчества поэтов разных национальностей: грузина Окуджавы, русского Винокурова, украинца Кульчицкого... Для доказательства той же мысли я цитировал П. Когана и А. Копштейна. Их национальность для меня не имеет в данном случае никакого значения. И удивительно, что несогласие со спорной идеей, высказанной поэтом еврейского происхождения, достаточно для того, чтобы тут же русская Иванова заклеймила тебя как антисемита?.. Хороши методы, нечего сказать!

Иванова неслучайно дважды в своей статье употребила словосочетание «кровь и почва» – это из терминологии нацистской пропаганды, формулы Геббельса. Фактически она меня обвиняет не только в антисемитизме, но и в фашизме. Напомню читателю, что Павел Васильев в страшном письме 1935 года обклеивался точно такими же ярлыками. Как видим, времена меняются, а ярлыки остаются? Иванова восклицает: «Как же надо ненавидеть!» В моей статье нет ненависти. Есть литературная полемика, есть постановка сложных проблем. Допускаю, что спорная. И зря Иванова пугает меня всей совестью русской литературы. Давно известно, с какой диалектической сложностью относились к национальному вопросу, в том числе и к русско-еврейскому, наши классики – Достоевский в дневниках и письмах (Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. С. 74–88; Т. 30. Кн. 1. С. 8, 191), Белинский (Избр. письма. М., 1955. Т. 2. С. 376), Л. Толстой в дневниках (Полн. собр. соч.,

М., 1950. Т. 35. С. 231), Герцен в «Былом и думах» (Л., 1946. С. 786–787), Салтыков-Щедрин (Избр. соч. М., 1954. С. 461–690), Чехов (Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 17. С. 224). В этой же статье Т. Иванова выступает в качестве не только критика, но и «теоретика» национальных отношений. Ей мало опыта нашего многонационального государства, она хочет разрешить и национальные проблемы Америки. То, что в Америке до сих пор люди замечают, кто белый, а кто черный, по мнению Ивановой, есть расизм... «Только тогда можно говорить об отсутствии расизма в психике, когда люди перестают замечать, кто из них негр, а кто из них белый», – пишет она.

Опять то же самое: «Только советская раса будет и только советской нации люди». Своеобразный расизм наизнанку. Я бы посоветовал Татьяне Ивановой не обращаться так далеко к американскому опыту, а поехать в Казахстан, в Латвию, в Армению, Узбекистан и предложить тамошним людям: давайте строить отношения так, что мы не будем замечать ни вашего национального темперамента, ни ваших странных песен, ни вашего языка, ни вашего Исаакяна или Райниса, ни ваших свадебных и погребальных обрядов; словом, давайте жить, не думая, кто мы есть... Пусть она съездит, поговорит, вернется, расскажет, как ее приняли. Ох, как это все старо! Обо всем этом рассказано еще в романе «Мы» Евгения Замятина.

Недавно я прочитал размышления русского ученого, доктора исторических наук Л. Н. Гумилева. Хочу несколькими отрывками из них закончить свою статью.

«Человеческое бытие – это всегда общение с другими людьми. Конечно, пребывание в сибирском лагере можно назвать крайним случаем уравниловки. На всех заключенных одинаковые шапки, ватники, брюки и валенки. Казалось бы, серая безликая масса, и только. Но даже в этих условиях постоянно ощущалось этническое своеобразие каждого человека. Так везде. Каждый на вопрос: “Кто ты?” – ответит: “русский”, “француз”, “латыш”, “китаец”, “грузин” и т.д., не задумавшись

ни на минуту. Для простого человека не требуется никакого толкования, как не надо объяснять разницу между светом и тьмой, теплом и холодом, горьким и сладким».

«Сколько ненужных конфликтов возникает из-за взаимного непонимания или ложной уверенности, что и понимать-то нечего, потому что, дескать, все люди одинаковы, и значит, они такие, как я! Нет, мы разные, и это очень хорошо».

«Уравниловка вовсе не стимулирует объединение, а лишь провоцирует деградацию».

Комментарии, как говорится, излишни.

У самой хорошо организованной клеветы есть одно уязвимое место: она не знает меры, зарывается от чувства вседозволенности, сиюминутного успеха, правит по принципу: «после меня – хоть потоп». А так и бывает, кстати...

На какое-то короткое время она «все потрясает», как поется в знаменитой оперной арии. Впрочем, какая тут сольная ария? Тут хор, многочисленный, дирижируемый, но, к сожалению, с истерическими, а порой и вообще фальшивыми голосами.

* * *

Когда эта статья уже была написана, мне попался в руки журнал «Вопросы литературы» (№ 4. 1988) с размышлениями С. Чупринина, в которых я прочитал следующие строки о разделе критики журнала «Новый мир» шестидесятых годов:

«Листаешь сегодня чуть выцветшие с годами сероватоголубые томики – и любуешься... И той непререкаемой уверенностью в своей правоте и в своих правах, с какой авторы “Нового мира” вершили свой суд и над литературой и над действительностью.

И даже той величественной, чуть ли не жреческой безапелляционностью и многозначительностью, с какой журнал не только просвещал читателей, развеивал разного рода иллюзии и предрассудки, но еще и вразумлял всех жаждущих веры, наставлял или возвращал заблудших на путь истинный».

Как вы думаете, дорогой читатель, о чьих трудах это говорится с такой высокопарной велеречивостью? Об евангелисте Луке? Об апостоле Павле? О протопопе Аввакуме? О Карле Марксе? Ну, может быть, на худой конец, о Белинском или Льве Толстом? Нет, дорогой читатель, не угадал. Речь идет о статьях, фельетонах и рецензиях Владимира Яковлевича Лакшина, Юрия Гиршевича Буртина, Ильи Львовича Саца, Бенедикта Борисовича Сарнова, Григория Соломоновича Березкина, Станислава Борисовича Рассадина, Натальи Иосифовны Ильиной, а также уехавших за рубеж Г. Владимова и А. Синявского и других критиков калибром еще мельче.

Но спасибо С. Чупринину. Он уловил главное в их творчестве: «непререкаемая уверенность» и «жреческая безапелляционность». Именно этот пафос высокомерия и был главным в пресловутой статье Дементьева. Поистине, как говорится, услужливый дружок опаснее врага. Всегда – рано или поздно – проболтается.

2

В течение 1986–1988 годов одна из главных и самых яростных кампаний нашей «перестроечной прессы» была кампания, ставящая себе целью буквально смести «с лица земли» писателей, подписавших в свое время «письмо одиннадцати», погубившее якобы старый «Новый мир» и его редактора А. Т. Твардовского. Несть числа письмам, статьям, репликам, выступлениям «Огонька», «Юности», «Московских новостей», «Советской культуры», «Октября», «Недели», три года подряд призывавших к расправе над одиннадцатью широко известными русскими писателями... Но в конце концов в прессе появилось несколько статей, в том числе и моя, где на фактах и документах доказывалось, что «письмо одиннадцати» было защитой крестьянской «литературы» от шельмования ее идеологами отдела критики «Нового мира», что письмо ни одной фразой не осуждало Твардовского, а противостояло печально известной вульгарно-классовой ста-

тье критика А. Дементьева. Когда эта истина стала ясна читателю, кампания заглохла сама собой. Но почему она была столь беспардонной и яростной? Думаю, что тому есть одна глубоко коренящаяся причина.

Расправившись в 1970 году и с «Новым миром», и с «Молодой гвардией», идеологическая система застоя отнюдь не считала их грехи равнозначными. Есть серьезные основания считать, что система своим главным и более опасным врагом считала круг авторов «Молодой гвардии» и потому продолжила вскоре борьбу с ними, опираясь, в сущности, на все положения статьи А. Дементьева.

Спустя три года после всех драматических событий «Литературная газета» опубликовала разворот и.о. заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС, доктора исторических наук А. Н. Яковлева под названием «Против антиисторизма» (1972, 15 ноября). В статье продолжается погром буквально все тех же авторов «Молодой гвардии», что в статье А. Дементьева: М. Лобанова, В. Кожинова, В. Чалмаева, С. Семанова, В. Петелина, поэтов той же деревенской ориентации.

Все антирусские и антиславянофильские акценты в статье А. Яковлева были те же самые, что и в статье А. Дементьева. О многих справедливых упреках «письма одиннадцати» критическому отделу «Нового мира» в статье А. Яковлева и не вспоминалось. Зато о «Молодой гвардии» говорилось с партийно-административной резкостью: «Партийная и литературная печать уже критиковала отдельные статьи в журнале “Молодая гвардия”». (Видимо, имелись в виду выступления не только «Нового мира», но и «Коммуниста», «Октября», «Литературной газеты», «Литературной России» и др.) Более того. Внимательное сравнение статей А. Дементьева и А. Яковлева позволяет сделать вывод, что последняя, в сущности, повторяла первую не только по всей литературно-идеологической «антимолодогвардейской» схеме, но даже по деталям, по примерам, по формулировкам. Это, конечно, не плагиат, но, во всяком случае, мне кажется,

что без детальной опоры на статью А. Дементьева при работе над статьей «Об антиисторизме» дело не обошлось.

Высмеивает, к примеру, А. Дементьев поэтов, которые «влюблены в старые церкви, старинные храмы и суровые пращуров лики на фресках и досках икон», а А. Н. Яковлев говорит о том же очень похожими словами: «Во многих стихах мы встречаемся с воспеванием церквей и икон, а это уже вопрос далеко не поэтический» (стиль только более «административно-угрожающий», а мысли и лексика – те же). Но продолжим ряд сравнений.

А. Дементьев: «Деревенские стихотворцы, напечатанные в "Молодой гвардии", несомненно, не отражают реальную жизнь современной деревни, и авторы их, в сущности, не имеют права называться "крестьянскими поэтами"».

А. Яковлев: «Рупором такого рода "романтизма" выступают чаще всего отдельные литераторы, давно оторвавшиеся от деревни».

А. Дементьев: «Русская душа возвещала о себе не только в монастырях, но и в восстаниях Разина, Болотникова и Пугачева, в движении декабристов и народников, на баррикадах первой русской революции и при штурме Зимнего».

А. Яковлев: «Нам дорого свободолюбие трудового крестьянства, жгучая ненависть к эксплуатации. Эти чувства влекли его в разинские ватаги, войска Емельяна Пугачева звали на борьбу против царя и помещиков и в конечном счете привели в полки Красной Армии».

А. Дементьев: «Знаменитая энциклопедия ренегатства "Вехи"».

А.Яковлев: «Пытается гальванизировать идеологию "Вех".

А. Дементьев о славянофилах: «И уже тогда была очевидна их беспочвенность и антинародность».

А. Яковлев: «Хотят соединить несоединимое – революционеров-демократов с реакционерами-славянофилами».

И таких смысловых совпадений в статьях множество. Одни и те же ленинские цитаты. Одни и те же мишени для критики – от К. Леонтьева до М. Лобанова. Одни и те же фор-

мулировки – вроде следующей – столь характерные для догматической идеологии эпохи застоя: «Непомерное любование прошлым неизбежно сглаживает классовые противоречия в истории того или иного народа, затушевывает противоположность и непримиримость прогрессивных и реакционных тенденций, притупляет бдительность в современной идеологической борьбе» (А. Яковлев).

Такими же формулами буквально «нашпигована» новомировская статья.

На знаменах М. Суслова, А. Яковлева, А. Дементьева в то время были начертаны одинаковые слова: «классовая борьба», «непримиримость», «бдительность». Словом, это были статьи-близнецы, и закономерно то, что сусловская система через три года после ухода Твардовского с поста главного редактора взяла на вооружение весь комплекс идей новомировского отдела критики. На мой взгляд, статья «Против антиисторизма» была своеобразной отрыжкой «ждановщины» 70-х годов, попыткой удержать развитие литературной мысли путем партийного диктата.

А теперь самое главное, для чего я все это пишу. А. Н. Яковлев – ныне член Политбюро ЦК КПСС. Совсем в недавнем прошлом – с 1986 по 1988 год – наш идеологический шеф. И неслучайно то, что именно в этот период травля авторов «письма одиннадцати» достигла уровня вакханалии. Совершенно ясно, что многочисленные журналисты, критики и публицисты, включившиеся в массированную травлю, знали, что, возражая им по существу, придется подымать всю подноготную дела, разбирать по косточкам все идеологические постулаты новомировской статьи А. Дементьева. Но эти же люди прекрасно знали, что член Политбюро разделяет (или разделял) все главные положения новомировской статьи, ибо сам когда-то повторил их. Поэтому все, кто травил авторов «письма одиннадцати», чувствовали себя не просто уверенно, а как за каменной стеной. Они понимали, что бороться с идеями, которые хоть и пятнадцать лет тому назад, но высказал шеф идеологии, писатели, даже весьма

авторитетные и широко известные в народе, едва ли решатся. Не принято у нас такое. Я вот нарушаю это негласное правило – и не знаю, чем все кончится. Одна надежда – на гласность и демократию.

А как оценивают это драматическое противостояние эпохи застоя западные советологи, специалисты по нашей литературе, суждения которых в связи с посещением Советского Союза А. Синявского, Н. Коржавина, Ю. Алешковского и других сегодня широко цитируются в нашей прессе? Приведу лишь один, довольно интересный пример. Нынешний профессор одного из американских университетов, в прошлом активный деятель советской печати, сотрудник журнала «Молодой коммунист» А. Янов в книге «Русская идея» (США, 1988), не принимая, как говорится, всеми фибрами души ни позицию «Молодой гвардии», ни убеждения ее авторов, пишет о борьбе «Нового мира» с «Молодой гвардией» все же с достаточной степенью откровенности и объективности: «В хоре марксистских голосов, обрушившихся на "Молодую гвардию", оказался в конце концов и либеральный "Новый мир". Полтора десятилетия доблестно сражался он с ортодоксальным "Октябрем". Но теперь... Поистине все смешалось в доме Облонских, когда на горизонте появилась черная туча русофильства. Вместо доброй старой вражды, привычной, как ежедневная газета, непримиримые, казалось, оппоненты очутились вдруг по одну сторону баррикады. Более того, заговорили почти одним и тем же языком. И это был язык *дряхлой марксистской догматики* (курсив мой. – *Ст. К.*). Александр Дементьев в необъятной статье обвинил "Молодую гвардию" в том, в чем ее, собственно, давно пора было обвинять... Вся эта железобетонная фразеология звучала хотя тривиально, но неуязвимо».

«Статьи Лобанова и Чалмаева, сопровождавшиеся в "Молодой гвардии" десятками стихотворений и повестей, посвященных все тому же возрожденному национальному духу, земле и почве, *были открытым вызовом брежневскому режиму и его идеологии* (курсив мой. – *Ст. К.*). И режим

ответил на этот вызов – не только градом негодующих статей, но и рядом акций, предпринятых отделом пропаганды ЦК партии. И даже специальным заседанием секретариата ЦК, посвященным "молодогвардейству"... Наконец, режим ответил снятием главного редактора журнала "Молодая гвардия" А. Никонова. Был пущен в оборот специальный термин "чалмаевщина", который и начали употреблять для идеологических проработок...»

«Яковлев уже с 1968 года пытался превратить русофильство в объект политической борьбы наверху. Это он стоял за критическим залпом, выпущенным по чалмаевщине. Это он стоял за статьей в "Коммунисте". И заседание секретариата ЦК, обсуждавшее эскапады "Молодой гвардии", тоже было делом его рук».

«Яковлев развернул огромную, поистине устрашающую панораму проникновения русофильства во все области литературы и общественных наук... Идеолог партии – не Дементьев, письмом в "Огоньке" ему не ответишь. Никто не осмелился полемизировать с Яковлевым». Обратим внимание, что автор не жалует Яковлева, но от «русофильства» его просто трясет.

Книга Янова в целом, на мой взгляд, весьма тенденциозна – написана она как бы в духе самых экстремистских, русофобских материалов «Огонька» последних лет. Но данная ситуация в ней прокомментирована, по-моему, правдиво. Для убедительности приведу еще отрывки из статьи А. Н. Яковлева «Против антиисторизма», в которой он так полемизирует с деревенщиками: «Если говорить точнее, то здесь речь идет даже не о старой деревне, а о том самом "справном" мужике»... И то, что его жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла и невежества, а вполне сознательно... А "справного мужика" надо было порушить. Такая уж она неумолимая сила революции – рушит все, что восстает против человечества и свободы».

«Сегодняшние ревнители патриархальщины, восторгаясь созданным ими же иллюзорным миром, защищают то прошлое

в жизни крестьянства, *с которым без какого-либо сожаления расстался современный колхозник...*» (курсив мой. – *Ст. К.*)

Хочется надеяться, что после всего, что мы узнали за годы перестройки о насильственной коллективизации, о спецпереселенцах, о раскрестьянивании, о «порушенной» судьбе «справного мужика», о современном колхознике, который якобы «без сожаления расстался» со своим прошлым, об отчуждении крестьянина от земли – обо всем этом А. Н. Яковлев думает уже иначе, в духе перестройки.

Так же, как, надеюсь, он по-другому думает сейчас о религии, о Церкви, о ее роли в сегодняшней жизни: ведь он недавно в Оптину пустынь ездил, разрешение привозил на открытие знаменитого монастыря, и далеко это деяние отстоит от слов, написанных им пятнадцать лет тому назад в той же статье: «Да ведь и самая “демократическая” религия в конечном счете реакционна, представляет собой идеологию духовного рабства...»

Поистине, как говорили древние, времена меняются, и мы меняемся с ними.

Не меняются только – это я еще раз вспоминаю улюлюканье вокруг «письма одиннадцати» – лакейский корпус, с успехом пристраивающийся к любой идеологической ситуации, которая сегодня на дворе, обслуживающий персонал, держащий нос по ветру и постоянно во все времена оглядывающийся на сильных мира сего...

P. S.

Выступая в феврале 1989 года в издательстве «Наука» перед партийно-художественным активом Черемушкинского района г. Москвы, член Политбюро ЦК КПСС, доктор исторических наук А. Н. Яковлев на вопрос, как он сейчас относится к своей статье 1972 года и согласился бы он, чтоб ее включили «в том его речей и статей», ответил: «Согласился бы. Я не отказываюсь ни от одного слова, которое я тогда написал. Развитие сегодняшних событий еще раз подтверждает, что в 1972 году я был прав» («Слово “Науки”».

Информационный бюллетень издательства «Наука». 1989, 17 февраля). Я лично уважаю людей с убеждениями, которые «не хотят поступаться принципами». Отношение к разорению «справного мужика» и к религии как к «идеологии духовного рабства» у А. Н. Яковлева остаются прежними. О других мелочах – оценка славянофилов, «Вех», творчества К. Леонтьева, М. Лобанова, В. Кожинова – я уже и не говорю... Странно одно: вышла книга статей и речей А. Н. Яковлева (Политиздат), но статьи, на включение которой он был согласен в феврале 1989 года, там почему-то не оказалось... Неужели принципы дали трещину?

ЛЕЙТЕНАНТЫ И МАРКИТАНТЫ

Тяжелая резная дверь отворилась со скрипом, и на пороге появился человек низенького роста, в махровом халате, в домашних шлепанцах, с выпученными веселыми глазами.

Его крупная облысевшая голова была обрамлена рыжеватым венчиком волос и весь он излучал приветливость.

– Заходите, Станислав! Слуцкий мне хвалил ваши стихи. Давайте знакомиться. Я буду вас называть Стахом, а вы меня – Дезиком...

Дезик Самойлов – впоследствии я обнаружил, что его никто почему-то не звал по отчеству – жил в громадном доме, видимо, выстроенном в начале XX века для того, чтобы сдавать квартиры в наем. Дом стоял на площади, именуемой Александровской, а в те времена, когда я пришел к Дезику, она именовалась площадью Борьбы.

Квартира Самойловых, в которую я вошел в сопровождении радушного и слегка хмельного с утра хозяина, показалась мне необъятной – многокомнатной, с высоченными, потемневшими от времени потолками, украшенными то ли виньетками, то ли барельефами. Много лет спустя, уже после смерти Самойлова, в книге его воспоминаний «Перебирая

наши даты» (М., 1999) я нашел особую главу, которую автор так и назвал: «Квартира».

«Квартира на Александровской площади досталась нам вот таким образом.

С 1915 года в ней жил варшавский коммерсант Вигдорчик, муж маминой сестры. Помню старую фотографию, где изображен упитанный мальчик в форме бойскаута и девочка в кружевных панталонах – мои двоюродные брат и сестра.

Вигдорчики были беженцы, так назывались тогда люди, эвакуировавшиеся из Варшавы перед приходом немцев. После замирения с Польшей семья тетки, запихав в мыло бриллианты, отбыла в Варшаву, а квартира, обставленная мебелью красного дерева в стиле fin de siecle, досталась нам. Отец, как врач при действующей армии, получил охранную грамоту на жилплощадь и имущество бывших буржуев.

С нашим въездом в квартиру совпал распад провинциального гнезда. В Москву из Борисова приехали дед, тетка и дядька. Они заняли две комнаты, в двух других поселились мы».

Вот таким образом заселялась Москва после революции, крушения «черты оседлости» и Гражданской войны.

Еврейская родня Дезика, естественно, была не единственной, перелетевшей в Москву 20-х годов. В сущности, вся «одесская школа» русскоязычных литераторов перекочевала в столицу, не отставали от одесситов и киевляне, и харьковчане, и прочие деловые люди из западных и юго-западных местечек. Картина людских потоков была по своим масштабам грандиозной. Вот как об этом «переселении народа», начавшемся во время Первой мировой войны, пишет А. Солженицын:

«За счет беженцев, выселенцев, но и немалых добровольных переселенцев – война значительно изменила расселение евреев по России, образовались большие еврейские колонии в городах дальнего тыла... да не меньше того в столицах. Тянулись в них к родственникам или покровителям, уж давно осевшим на новых местах. В случайных мемуарах прочтем о петербургском зубном враче Флакке: квартира в 10 комнат, лакей, горничная и повар – таких основательных жителей ев-

реев было немало, и в годы войны при крайнем жилищном стеснении... они открывали возможность вселения для приезжающих евреев» («Двести лет вместе»).

После революции ситуация с заселением Москвы «малым народом» стала просто катастрофической.

«Сотни тысяч евреев переселились в Москву, Ленинград и другие крупные центры», «в 1920-м в Москве проживало около 28 тысяч евреев, в 1923-м – около 86 тыс., по переписи 1926 года – 131 тыс., в 1933– 226, 5 тыс.» (Краткая Еврейская энциклопедия. Иерусалим. 1976–2001 гг. Т. 1. С. 235, 477–478).

Миллионы евреев после страшных западноевропейских погромов Средневековья, Реформации и Возрождения, изгнанные из Англии, Испании, Франции и Германских княжеств (словом, после первого Холокоста XII – XVI веков), сгрудились в Восточной Европе – в Галиции, Австро-Венгрии, Польше. В начале XX века, в эпоху, о которой Осип Мандельштам писал:

> Европа Цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
> Гусиное перо направил Меттерних,
> Впервые за сто лет и на глазах моих
> Меняется твоя таинственная карта, –

они хлынули, окрыленные социалистическими идеями, в пошатнувшуюся Россию.

Александр Межиров в 60-х годах так вспоминал о своих родителях, прошедших этот маршрут:

> Их предки в эпохе былой,
> Из дальнего края (! – *Ст. К.*) нагрянув,
> Со связками бомб под полой
> Встречали кареты тиранов.

Впрочем в те времена подобные действия назывались не «международным терроризмом», а «борьбой за освобождение

рабочего класса» или «национально-освободительным движением». Однажды, разглядывая какую-то подробную карту Восточной Европы, я наткнулся на обозначение маленького городка в Галиции – «Межиров» и сразу понял, откуда, из какого «дальнего края» «нагрянули» в Россию и Москву предки Александра Пинхусовича Межирова. А недавно – в январе 2006 года в какой-то телевизионной передаче известная писательница-феминистка Мария Арбатова рассказала, что во время Первой мировой войны оба ее прадедушки перекочевали в Москву – один из Литвы, а другой из Польши и, естественно, поселились на Арбате. Отсюда, видимо, у потомков и пошла первая «географическая» фамилия Арбатовы. Так же, как у Шкловского из Шклова, у Пинского из Пинска, у Варшавера из Варшавы, у Ржевской – из Ржева и т.д. и т.п. Да и поэма Павла Антокольского также неслучайно называлась «Переулок за Арбатом», как и роман Рыбакова «Дети Арбата». Место, так сказать, «намоленное»...

Столица перенаселялась, стремительно разбухала от потока, прорвавшего черту оседлости, уплотнялись многокомнатные квартиры, становившиеся коммуналками, на строительство новых жилищ у государства средств не было, и к концу 20-х годов в Москве образовалась громадная разветвленная метастаза, называемая квартирным вопросом, который, по словам Михаила Булгакова, «испортил москвичей».

Но в то давнее посещение дезиковской квартиры (а было это в июне 1960 года) я ничего еще не знал о великом переселении семей и племен и с интересом слушал Дезика, который в халате и тапочках, похожий на героя одного из полотен русских художников (по-моему, «Свежий кавалер») с пафосом читал мне свои стихи о судьбе поэта, об одиночестве, о позднем признании, о стоицизме и терпении:

Телеграфные столбы,
Телеграфные столбы,
В них, скажу без похвальбы,
Простота моей судьбы.

Однако простота эта, как я понял много позже, была ролью, которую разыгрывал всю жизнь Давид Самойлов. На самом же деле его жизнь была далека от аскетического идеала, нарисованного им в этом стихотворении.

* * *

В конце 20-х годов прошлого века мой отец и его брат Николай стояли в бесконечных очередях на бирже труда и перебивались случайными заработками на волжских пристанях Нижнего Новгорода. Им было уже по двадцать лет. Парни в расцвете сил. Время беспризорщины, наступившее после смерти обоих родителей от тифа, слава Богу, они пережили. Но в нэповскую эпоху у них, как и у многих молодых людей, не было будущего. Биржа труда – и все. При нэпе индустриализация страны, без которой невозможно было дать работу и хлеб десяткам миллионов безработных, была невозможна. Частники не хотели (да и не могли) вкладывать деньги в чуждые им планы.

А в материнской Калуге дела обстояли не лучше. Неграмотная бабка, вчерашняя крестьянка, после смерти моего второго деда от того же тифа в 20-м году не знала, что станет с ее детьми. Слава Богу, старшая дочь Поля выучилась на портниху и вышла замуж, следующая по возрасту, Дуся, пристроилась какой-то мелкой сошкой в управление железной дороги. Младший сын – дядя Сережа, будущий сталинский ас-летчик, бомбивший в 1941 году Берлин и награжденный в октябре 1941 г. (!) орденом Великой Отечественной войны II степени, чтобы прокормиться, в 13 лет начал сапожничать, и лишь моя энергичная и волевая мать, благодаря калужским почетным грамотам за спортивные успехи, поступила после рабфака в один из первых советских вузов в Москве – в Институт физкультуры. Да и то без бабкиных деревенских гостинцев – пирогов и бутылок с молоком – ей было бы трудно прожить в первые времена общежитской московской жизни.

Я рос в кругу своих родных, как дитя городского простонародья, и до сих пор ношу на себе болезненные печати того полуголодного быта, которым мы все жили до середины тридцатых годов, до отмены продовольственных карточек. Я родился в разгар коллективизации. У матери вскоре пропало молоко, и бабка выкормила меня, как выкармливали деревенских детей в голодные времена – пережевывала хлеб в тягучую клейкую массу, заворачивала в марлю – это была моя младенческая соска, к которой добавлялось разбавленное коровье молоко и сладкий холодный чай. Как тут было не заболеть ребенку разными недугами, следы которых я ношу на своем теле всю жизнь! Так что я с малых лет узнал цену куску хлеба и чугунку картошки, и до сих пор помню, с каким восхищением году в 36-м, после отмены карточной системы, попробовал первые лакомства – белый хлеб с маслом, шипучее ситро, чашку холодного густого кефира.

Иная жизнь была у настоящего баловня нэпа – Дезика, сына врача-венеролога и матери – сотрудницы Внешторгбанка. Вот как он вспоминает о своем детстве:

«Папа консультирует на кондитерской фабрике Андурского. Он приносит громадные торты и плетеные коробки с пирожными. У папы лечится рыбник. Жирные свертки с икрой остаются в передней после его посещений. Приносят сало, ветчину, виноград, оливки, телятину, цветную капусту... Я испытываю отвращение к еде».

Жаль, что воспоминания Дезика о том, как он жил и что он ел в голодную эпоху 20-х годов уже не прочитают его соратники по военному поколению – Михаил Алексеев и Виктор Кочетков, жившие в вымиравших от голода во время коллективизации поволжских селах, деревенские парни из «раскулаченных семей» – Виктор Астафьев, Федор Сухов, Сергей Викулов, Федор Абрамов, выросшие в беспаспортной колхозной жизни.

Но почему при таком роскошном питании Дезик вырос маленьким и тщедушным? Наследственность, что ли? Или городская жизнь с грязным воздухом? Да нет, была у них и прекрасная загородная дача, о которой Самойлов вспоминает:

«27-й год. На открытой террасе, выходившей прямо в поле, уже стоял готовый завтрак: яйца, лишь утром снятые с лукошка, теплый ржаной хлеб, удивительно душистый, только что вынутый из печи, масло тоже душистое, желтое, пахнувшее ледником, со студеной слезкой, творог – синоним белизны, слоистый и тоже душистый, похожий на слоистые облака. Все было неповторимого вкуса и запаха».

Это похоже на гастрономические грезы Генриха Гейне из его «Мыслей, заметок, импровизаций», а может быть, даже и посильнее:

«Я человек самого мирного склада. Все, чего я хотел бы: скромная хижина, соломенная кровля, но хорошая постель, хорошая пища, очень свежие молоко и масло, перед окном цветы...» Даже Гейне только мечтал о такой жизни, которой жил Самойлов.

Я несколько раз бывал и на другой самойловской даче, построенной в модном дачном поселке Мамонтовка тестем Дезика врачом-кардиологом Лазарем Израилевичем Фогельсоном. Думаю, что эта дача была не хуже, чем дача Кауфманов, на которой у Дезика прошло безмятежное гастрономическое детство. Приехав в Мамонтовку в первый раз (кажется, в том же 1960 году), я поразился обширному саду, архитектуре и изысканности самой дачи, обильности угощения, которым хозяева встречали гостей, и главное, атмосфере – смеху, веселью и какому-то особенному устоявшемуся пониманию друг друга, конечно, с полуслова, а также обилию разнообразной выпивки, множеству анекдотов и изощренному фрондерству, которое лилось рекой:

– Итак, выпьем же, братья, за партию, – вдохновенно провозглашал Дезик, и, поднимая к подслеповатым глазкам вырезку из газеты «Вечерняя Москва», – с восторгом добавлял, вглядываясь в текст какой-то информации: – За партию лимонов, доставленную к нам из солнечной Грузии!

В ответ, конечно же, раздавался гомерический хохот, и все дружно выпивали – и Павлик Антокольский с очередной пассией, и Боря Грибанов – крупный издательский ра-

ботник, и будущий уполномоченный по правам человека в Госдуме Владимир Лукин, и молоденький Юлий Ким, и чтец-декламатор Яков Смоленский, и поэт Виктор Урин с Вероникой Тушновой, а также полузабытое или почти забытое мною множество довольных жизнью представителей еврейской творческой интеллигенции.

Конечно, такие застолья, сохранившиеся несмотря на все тяготы эпох, можно было устраивать, имея немалые деньги и прочнейшие гастрономические традиции, корнями уходящие в нэповские времена...

...К середине дня народ разбредался по участку – кто на волейбольную площадку, кто к настольному теннису, кто в беседку, увитую хмелем... Ближе к вечеру часть гостей разъезжалась, а все отяжелевшие от общения располагались ночевать в комнатах и на террасах, чтобы утром снова сесть за стол, уже прибранный и вновь накрытый трудолюбивой русской домработницей Марфой Тямкиной.

* * *

В 60-е годы я еще не был столь суров и ожесточенно требователен к своим товарищам-современникам. Историческая трагедия, в которой мы живем, начиная с 80-х годов, еще не просматривалась на горизонте, а всякие частные разногласия? – да, они были, но чтобы из-за них отворачиваться друг от друга, не видеть в упор, презирать, обличать... О том, что такое время наступит, я даже подумать не мог*...

В эти баснословные времена Андрей Синявский с Марией Розановой захаживали в гости к Кожинову, и Розанова дала Вадиму за шрам на переносице шутливое прозвище «штопанный нос», к нему прилипшее. В эти времена Николай Рубцов, работавший в Ленинграда на Кировском заводе, встречался

* В те годы я подарил одному молодому человеку свой стихотворный сборник «Метель заходит в город», который выставлен на стенде, посвященном Иосифу Бродскому, в ленинградском музее Анны Ахматовой на Фонтанке, с надписью: «Иосифу Бродскому с нежностью и отчаяньем книжку, совершенно чуждую ему. Станислав Куняев».

с завсегдатаями питерской богемы Кузьминским и Юппом, ныне живущими в Америке, писал стихи, посвященные Глебу Горбовскому и Эдику Шнейдерману, который через полвека отплатил ему страницами воспоминаний, полными ядовитой зависти к посмертной рубцовской славе. Глеб же Горбовский вместе с компанией Евгения Рейна и Оси Бродского навещал Ахматову. Да и сам я безо всяких душевных колебаний застольничал в Тбилиси в кругу грузинских поэтов рядом с Евтушенко, вместе с ним летал в северные края на Бобришный угор к могиле Александра Яшина, где, впрочем у нас уже произошла первая серьезная размолвка.

* * *

– Стах! – Дезик встает из-за стола в Доме литераторов и радушно распахивает объятья... – Я поэму закончил. Хочешь прочитаю? Садись! Валя, еще триста граммов коньячку и по бутерброду с осетринкой. Я буду Стаху поэму читать!

Мы со вкусом выпиваем и в предвкушении чтенья раскрасневшийся, вдохновенный Дезик склоняется ко мне и таинственно шепчет:

– Поэма называется «Струфиан!»

Откинувшись, он оценивает эффект, произведенный волшебным названием, и начинает чтенье:

Дул сильный ветер в Таганроге –
Обычный в пору ноября.
Многообразные тревоги
Томили русского царя.
Он выходил в осенний сад
От неустройства и досад.

Он читает, самозабвенно жестикулируя, счастливый от слов и звуков, от того, что написал, как ему кажется, нечто выдающееся, да еще и слушателя благодарного нашел. А поэма – о русской истории, загадочной смерти императора

Александра Первого в Таганроге, о слухах, витавших вокруг этой якобы смерти, и конечно, не мог Дезик обойтись без обаятельного ерничанья, когда, похохатывая, подошел к финалу, где речь шла о том, что император на самом деле и не умер, не скрылся в Сибири, а его похитили какие-то инопланетяне и увезли в космическом корабле под названием «Струфиан».

С лукавым пафосом, щедро пересыпанным высокопарной иронией, Дезик прочитал «крещендо»: «А неопознанный объект летел себе среди комет», – и тут же потребовал выпить за успех своей гениальной выдумки.

Я благосклонно хвалю поэму, разыгрываю искреннее удивление – поэты ведь не могут жить без похвалы, особенно Дезик, который первую книжечку стихов издал в сорок лет. Мне приятно его общество, и ежели выскажу нечто желчное, то потеряю обаятельного собеседника. И все-таки я чуть-чуть нарушаю правила нашей игры:

– Русская история посленаполеоновской эпохи, если верить «Струфиану», становится игровым абсурдом и обаятельным поэтическим фарсом, после которого о ней и рассуждать всерьез совершенно необязательно, – вот что я говорю Дезику. Говорю мягко, раздумчиво...

Он удивляется:

– Всякая история, Стах, достойна лишь иронии!

– Не всякая, Дезик, а русская – особенно.

– Ну прочитай что-нибудь антииронического, – поддразнивает он меня.

Я читаю:

Россия, ты смешанный лес,
Приходят века и уходят,
то вскинешься до небес,
то чудные силы уводят
бесшумные реки твои,
твои роковые прозренья
в сырые глубины земли,
где дремлют твои поколенья.

Дезик на мгновение опускает глаза, задумывается и подводит черту под нашим осторожным спором:

– Ну ладно... Давай лучше, Стах, выпьем!

В очередную встречу он был настолько возбужден, что сразу прижал меня к стойке буфета:

– Стах, слушай! – И развернул предо мной картину своего детства.

Я изобразил из себя само внимание, и стихи стоили того:

Помню – папа еще молодой,
Помню выезд, какие-то сборы,
И извозчик – лихой, завитой.
Конь, пролетка, и кнут, и рессоры.

Помню – мама еще молода,
Улыбается нашим соседям,
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы едем!

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.
А потом – купола, купола.
И мы едем, все едем куда-то.

Звонко цокает кованый конь
О булыжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий.

Папа молод. И мать молода.
Конь горяч. И пролетка крылата.
И мы едем незнамо куда, –
Все мы едем и едем куда-то.

Пафосные стихи редко удавались Дезику, он по натуре был печальный шут, талант вольтерианского склада, скептик,

иронист, но это стихотворенье тронуло меня. Какими-то эпическими, почти величественными интонациями: лихой, завитой извозчик, горячий, звонко цокающий копытами конь, огонь и золото куполов, крылатая пролетка. И конечно, красивая пара – родители. А главное – таинственность езды – «незнамо куда», в какое-то сказочное прекрасное будущее... Романтические стихи! И мне так захотелось в ответ прочитать Дезику стихотворенье о своем детстве, недавно написанное и не читанное еще никому:

Свет полуночи. Пламя костра.
Птичий крик. Лошадиное ржанье.
Летний холод. Густая роса.
Это – первое воспоминанье.

В эту ночь я ночую в ночном,
Распахнулись миры надо мною,
Я лежу, окруженный огнем,
темным воздухом и тишиною.

Где-то лаяли страшные псы,
А луна заливала округу,
И хрустели травой жеребцы,
И сверкали и жались друг к другу.

Дезик удивленно спрашивает:

– А что, Стах, ты жил в деревне?

– Да, детство прошло в калужской деревне, а отрочество – в эвакуации, в костромской...

Потом, прочитав новую стихотворную книгу Дезика, я понял его удивление: «Я учился языку у нянек, у молочниц, у зеленщика». Все, как у Ходасевича: «Не матерью, но тульскою крестьянкой я вскормлен был».

...Я был рад, что ему понравилось мое стихотворенье. Мы тут же выпили за оба наших шедевра и расстались довольные друг другом. К этому времени я уже знал, что можно читать

Дезику, а что – нельзя. «Кони НКВД», где мелькает еврейская фамилия полковника Шафирова, – нельзя. «Реставрировать церкви не надо» – о разорении церквей в 20–30-е годы – тоже лучше не читать, как и стихи об еврейском исходе – с последней строчкой «вам есть, где жить, а нам, где умирать». Не хотелось прерывать нашу увлекательную и почти искреннюю игру в ученика и учителя...

Много лет спустя, когда вышла посмертная книга воспоминаний Самойлова «Перебирая наши даты», в которой было несколько фотографий, я вгляделся в одну из них. 1927 год. Дезик с отцом и матерью. «Папа молод и мать молода» – летучая, вдохновенная строка. А на фотографии на вид немолодая толстая еврейка, сотрудница Внешторгбанка. Рядом такой же толстенький, короткорукий папа – врач-венеролог, стоят, словно пара пингвинов, и мальчик, упитанный, безмускульный, узкоплечий, на тоненьких слабых ножках с развернутыми в стороны ступнями. Такой чарличаплинской походкой – носки в сторону – Дезик и проходил всю жизнь, словно коверный в цирке. Никакой сказочности, никакой лихости, никакого полета на горячем коне и крылатой пролетке в таинственное будущее. Все – нэповское, заурядное, вышедшее из дореволюционного местечкового быта, но облагороженное до неузнаваемости стихотворной фантазией Дезика. Земля эстонская ему пухом... Лучше бы я не видел этой фотографии.

По прошествии нескольких лет наши отношения с Дезиком изжили себя, истрепались, но поскольку он не мог пребывать в одиночестве, то окружил себя свитой молодых учеников – Сережа Поликарпов, Вадим Ковда, Алена Басилова, Олег Хлебников, да разве всех упомнишь! Он с наслаждением витийствовал в их кругу, читал стихи на «bis», чаще других – «Пестель, поэт и Анна» или «Не верь ученикам, они испортят дело», непрерывно хохмил, острил и дотягивал время до закрытия ресторана, когда его, маленького, обмякшего, красноносого, свита выводила на улицу, сажала в такси, и кто-нибудь из особенно преданных учеников отвозил

его, но уже не на площадь Борьбы, а на Красноармейскую улицу или в его последнюю московскую квартиру – в Безбожный переулок.

Борис Слуцкий, как правило, проходил мимо этого шумного поэтического улья не задерживаясь. Его раздражало легкомыслие Дезика, он фыркал в усы и не подсаживался к застолью несмотря на театральные жесты и призывы старинного друга.

Чаще других мэтром номер два в этом кругу появлялся Юра Левитанский, который после двух-трех рюмок по просьбе Дезика и всей прилипшей к нему молодежи, к их восторгу, читал свои знаменитые пародии. С особенным вдохновением вот эту:

А это кто же? – Слуцкий Боба,
А это кто? – Самойлов Дезик,
И рыжие мы с Бобой оба,
И свой у каждого обрезик.

Дальше – не помню, помню только восторги самойловского семинара и усатого Левитанского, который раскланивался и благодарил слушателей, как дама – сочинительница романов из чеховского рассказа «Ионыч».

* * *

«Сороковые, роковые» – благодаря именно этой буквальной цитате из Блока, до блеска замусоленной апологетами самойловского творчества, Дезик в истории советской поэзии, во всех учебниках и антологиях аттестуется как один из главных поэтов Великой Отечественной. Однако и в его военной судьбе есть немало странностей.

Ближайший друг Дезика из довоенной юности Борис Грибанов, вспоминая о своих ифлийских друзьях*, писал: «Среди

* ИФЛИ – Институт философии, литературы, истории, куда в 1938 году поступил учиться Давид Кауфман (Самойлов).

них был и пулеметчик, фронтовой разведчик Давид Кауфман. Как подшутил один из его друзей в те годы, когда шла оголтелая борьба за мир: вы главное берегите Дезика, а то он однажды вышел из дома и дошагал до Берлина»...

«До Берлина», конечно, Дезик «не дошагал» и вообще его «военные дороги» были совсем не такими прямыми и героическими, какими их изобразил журналист Грибанов.

16 октября 1941 года в роковой, в самый панический и позорный день бегства населения Москвы от наступающей на город немецкой армады, когда все московские обыватели были уверены, что город вот-вот падет, 22-летний студент, вполне здоровый молодой человек Давид Кауфман уплывает по Москве-реке пароходом на восток, в глубокий тыл.

Из книги Д. Самойлова «Перебирая наши даты»:

«Пришла Л. и сказала, что есть билеты на пароход, отплывающий из Южного московского порта в Горький. Решили ехать. Необходимые вещи были уже связаны в большие тюки. Прогулочный пароход, куда нам удалось втиснуться, долго стоял у причала и, наконец, отвалил. В небольшом салоне разместились все мы: мои родители и тетка, Л. с офицером и мачехой и, наконец, В. с теткой и другом детства Женей...»

...Я помню нашу эвакуацию из Ленинграда в августе 1941 года, помню в 1944 году обратный путь со станции Шарья на запад. Залезть в вагон с вещами было невозможно. А с детьми и подавно. Хорошо, что помогли офицеры, увидевшие женщину с двумя детьми на перроне. Избежать в то время мобилизации было непросто. Моя мать в 1941–1942 гг. работала врачом в призывных комиссиях при военкоматах – в первый месяц войны под Кингисеппом в Эстонии, а после эвакуации в костромском селе Пыщуг. Меня ей не с кем было оставить, и я порой сутками был при ней и ночевал на диванах, обтянутых коричневым дерматином рядом с призывниками, спавшими вповалку на полу на призывных пунктах. До сих пор помню, что всем более или менее здоровым молодым мужикам на этих медосмотрах ставился только один диагноз: «Годен»... Как за несколько первых тяжелейших

месяцев войны Дезика не призвали в армию – можно только удивляться.

Да и погрузиться на «прогулочный пароход» для громадной семьи с вещами, «заранее связанными» в дни всеобщей паники, тоже было делом чрезвычайным и сказочным. Мы с беременной на шестом месяце матерью бежали из-под Кингисеппа в Ленинград, когда услышали, что немцы уже в двадцати километрах, бросив все имущество, «в чем мать родила». Точно так же уезжали в эвакуацию из Ленинграда с одним чемоданчиком – больше в последний эшелон, битком набитый детьми и женщинами, брать не разрешалось. И пропустили нас в этот последний эшелон только потому, что мать была «в положении». Но вернусь к Самойлову.

По пути в сторону от фронта впечатлительное нэповское дитя, видимо, насмотревшись на ужасы эвакуации, заболевает нервной горячкой настолько серьезно, что остается на лечение в Куйбышеве и догоняет после выздоровления отца с матерью и остальных родственников даже не в Ташкенте, а еще дальше от фронта – в Самарканде*. И это в то время, когда все его ровесники или уже были на передовой или тряслись в воинских эшелонах, громыхающих на фронт.

Из воспоминаний Давида Самойлова:

«Мы прибыли в Куйбышев, и там я свалился в болезни, которую в прошлом веке называли “нервной горячкой”»; «недели через две, едва оправившись, принял решение следовать дальше – в Самарканд». «В Ташкенте неожиданно встретил Исаака Крамова...»

Вот где встречаются молодые 22-летние «ифлийцы», мечтавшие в стихах «умереть в бою» и «дойти до Ганга» – в глу-

* Когда я писал эти строки в Калуге, по «Радио России» шла передача – беседа поэта Андрея Дементьева с композитором Оскаром Фельцманом. Я отвлекся от текста и услышал, как Фельцман рассказывает о страшной осени 1941 года и о своей судьбе, столь похожей на судьбу моего героя: «Но тут началась война, и я уехал в Новосибирск, где вскоре в свои 26 лет стал председателем Союза композиторов Новосибирска. Меня показали Шостаковичу, я познакомился с Калмановским, Утесовым, Фрадкиным, Дунаевским и понял, что мое призвание – оперетта».

бине советской Азии. Поневоле, читая это, вспомнишь стихи Константина Симонова:

Хоть шоры на память наденьте!
А все же поделишь порой
Друзей – на залегших в Ташкенте
И в снежных полях под Москвой.

О своем тыловом периоде жизни Самойлов пишет в воспоминаниях так: «Полгода в Самарканде оказались для меня большим везением», «вся моя жизнь сплошное везение». В Самарканде он поступил в пединститут, быстро нашел близких по духу людей, из которых и в этой глубочайшей эвакуации образовалась дружеская компашка – художник Тышлер, еврейский поэт Моргентай, литераторша Надежда Павлович... Но уйти от войны полностью не удалось – военкомат все-таки обязал студентов пединститута поступить в офицерское училище и, недоучившись в нем, Дезик через полтора года после начала войны, осенью 1942-го, наконец-то попал в действующую армию под Тихвин. Как он сам пишет: «Самые напряженные месяцы войны я провел на “тихом” фронте в болотной обороне». В этой «болотной обороне» в марте 1943 года он и получил легкое ранение в руку, после которого попал в Красноуральский госпиталь, а, выздоровев, обретается в Горьком, служит писарем в Красных Казармах, выпускает стенгазету, сочиняет стенгазетные стихи, фельетоны и передовицы под псевдонимом «Семен Шило». Стряпает стихотворные конферансы для праздников в Доме Красной армии, встречается то с друзьями, то с родственниками, даже к своим эвакуированным однокашникам ифлийцам приезжает повидаться в Свердловск. Все это изображено им самим в воспоминаниях, и об этом периоде его жизни Солженицын с иронией написал в «Новом мире», что Самойлов был «отправлен на северо-западный фронт рядовым, там ранен в первом же пехотном бою, за госпиталем – полоса тыла, писарь и сотрудник гарнизонной газеты, в начале 1944-го по фиктивному “вызову”

от своего одноклассника, сына Безыменского (тоже эстафета литературных поколений), и вмешательством Эренбурга был направлен в разведотдел 1-го Белорусского фронта, где стал комиссаром и делопроизводителем разведроты (“носил кожаную куртку” – тоже традиционный штрих)».

Таким образом, этот «везунчик» дожил до нового, 1944 года, потом навестил Москву, встретился с родителями, благополучно вернувшимися из эвакуации в свою роскошную квартиру, и предался в их доме гастрономическим утехам, как в баснословные времена нэпа – («и уже мне несет довоенные блинчики и наливочку, и еще что-то жарят, пекут... бесконечные расспросы, я солдат-фронтовик со шрамом на левом предплечье»).

Вскоре Самойлов встречается с Семеном Гудзенко, который ведет его к самому Эренбургу в гостиницу «Москва», где они пьют коньяк, закусывают трюфелями и где одновременно решается дальнейшая фронтовая судьба «везунчика» Дезика Самойлова.

На встрече со всемогущим Эренбургом следует остановиться особо, поскольку она проясняет мысль Грибанова о том, как Дезик «вышел из дома и дошагал до Берлина». Проницательный и расчетливый, Эренбург спрашивает своего юного соплеменника, сознавая, что вечно такое волонтерство длиться не может – и на передний край загреметь недолго: «Ну что ж. Ведь вы туда проситесь, а не обратно, но куда именно вы хотели бы поехать?» (прямо как во время студенческого распределения. – *Ст. К.*).

Дезик готов к ответу: «У меня при себе было письмо, где товарищ мой Лев Безыменский прислал нечто вроде вызова из разведотдела 1-го Белорусского фронта. Я попросился туда» (желчный Солженицын назвал эту бумажку «фиктивным вызовом». – *Ст. К.*)

«Эренбург снял трубку и запросто поговорил с начальником Главразведуправления Генерального штаба генералом Кузнецовым»... Вот что такое связи, вот что такое «кому война, а кому мать родна». Что же случилось в итоге?

Из воспоминаний Самойлова: «Вздохнув, возвращаюсь в февраль 1944. Эренбург мне помог (! – *Ст. К.*) уехать на фронт. В разведотдел штаба фронта».

Из воспоминаний Самойлова о жизни весной и летом 1944 года:

«Штаб фронта в ту пору представлял собою большое слаженное учреждение, располагавшееся километров в ста, а то и больше от передовой.

Дня три я прожил в полном безделье. Валялся на койке, читая Гоголя, и поедал шоколад из домашних посылок запасливого Левы Безыменского», «организовал самодеятельность, начал писать стихи...». «До лета 1944 года жили мы в прекрасном лесу среди сосен и орешников, вместо занятий дремали полдня на полянках в отдалении от войны».

Оставшиеся несколько месяцев войны поэт вместе со штабом фронта двигался на запад в ста километрах от передовой и докатился не до Берлина, конечно, а до Польши и Восточной Германии. Но его «нэповское», или «ифлийское» «инфантильное» состояние, в котором он прожил всю войну, за исключением нескольких месяцев «болотного сиденья» на Волховском фронте, наложило неизгладимую печать на все стихотворное наследие, посвященное войне. Этот отпечаток, это ощущение не «великой всенародной беды», а личного «веселья», некоего праздника жизни – «война гуляет по России, а мы такие молодые», «да, это я на белом свете худой, веселый и задорный», «и я с девчонкой балагурю» – позволило Татьяне Глушковой проницательно заметить:

«“Гуляет”, “гуляешь”, “гулянье” – слова веселые. Они сопрягаются в русской речи и русском сознании с праздником, радостью, молодечеством, торжествующей раскованностью вольною, удалою силою... в них звучит увлеченье, некое восхищение тем, кто “гуляет” – и потому вряд ли приложимы к “священной войне” – как сурово пел народ о Великой Отечественной, ведь тут “смертный бой”, а не “простор жизни”».

Об этой суровой, но справедливой статье Самойлов отозвался в дневниках с крайним раздражением: «Статья Глушковой против меня. Глупо, бездарно. Грязное воображение...»

Но Глушкова была права, потому что каждым своим новым поэтическим свершением Самойлов подтверждал тезисы ее статьи.

В самой значительной своей поэме «Ближние страны» герой Самойлова с таким же «весельем» и «балагурством», так же «гуляючи» вслед за частями, взявшими город штурмом, входит в него и, как хозяин, диктует свою волю местным обывателям, крутит романы с немками, особенно податливыми, поскольку у победителя есть и «тушенка», и «водка», и «папиросы»... «Инге нравится русская водка». Роман развивается на глазах у жениха Инги – букиниста из Потсдама, Ингина тетка просит «один бабироса» – «Папироса! – цежу я с ухмылкой»; «мы сидим с женихом, словно братья»... Но герой поэмы ухмыляется над глуповатым женихом, который очарован коварным хлебосольством «победителя», покупающего «фрейлину» разгромленного народа за банку тушенки и рюмку водки... А что записывает победитель в альбом барышне, услужливо преподнесенный ему? – нечто глумливое: «Фроляйн Инге! Любите солдат, всех, что будут у Вас на постое»...

Именно в этой поэме, написанной в 1954 году, у Самойлова окончательно прояснились подлинные черты его любимого героя, облик которого он в полный рост нарисовал в стихотворении «Маркитант», написанном в середине 70-х годов.

Фердинанд, сын Фердинанда,
Из утрехтских Фердинандов,
Был при войске Бонапарта,
Маркитант из маркитантов.

Впереди гремят тамбуры,
Трубачи глядят сурово,
Позади плетутся фуры
Маркитанта полкового.

Бонапарт диктует венским,
И берлинским, и саксонским,

Фердинанд торгует рейнским,
И туринским, и бургундским.

Бонапарт идет за Неман,
Что весьма неблагородно.
Фердинанд девицу Нейман
Умыкает из-под Гродно.

Русский дух, зима ли, бог ли
Бонапарта покарали.
На обломанной оглобле
Фердинанд сидит в печали.

Вьюга пляшет круговую.
Снег валит в пустую фуру.
Ах, порой в себе я чую
Фердинандову натуру!..

Я не склонен к аксельбантам,
Не мечтаю о геройстве.
Я б хотел быть маркитантом
При огромном свежем войске.

Фердинанд имел реального прототипа. В своих воспоминаниях, рисуя родословное древо Кауфманов, поэт писал: «За прадедом начинается некий генеалогический туман, откуда выплывает фигура Рафаэля Фердинанда, солдата или маркитанта наполеоновских войск. Маркитант сей, по легенде, отступал с Великой армией, застрял в городе Борисове, где осел, женился и прославился основанием обширного рода»...

Но стихи – убедительней воспоминаний. Стихотворение «Маркитант» отозвалось в литературной судьбе Самойлова неожиданным образом и определило его взаимоотношения и с миром, и с Юрием Кузнецовым.

Вначале Самойлов принял появление Кузнецова с восхищением и опаской: «Стихи Ю. Кузнецова в “Новом мире”.

Большое событие. Наконец-то пришел поэт. Если мерзавцы его не прикупят и сам не станет мерзавцем, через десять лет будет украшением нашей поэзии. Но что-то и темное, мрачное» (1975).

Помню, как однажды, прочитав стихотворение Кузнецова «За дорожной случайной беседой», он в цэдээловском ресторане, схватив Юрия Поликарповича за грудки, начал чуть ли не со слезами на глазах уговаривать последнего:

– Юра, не пытайтесь быть сверхчеловеком!

Но у Кузнецова, к тому времени знавшего самойловское стихотворение «Маркитант», уже была написана отповедь всей философии и практике «маркитантства».

Чтобы не цитировать стихотворение целиком, напомню, что речь в нем идет о том, как сблизились на равнине два войска, ведомые лейтенантами («маркитанты в обозе»), как с обеих враждебных сторон навстречу друг другу тайно вышли разведчики-маркитанты, посланные на разведку лейтенантами:

Маркитанты обеих сторон,
Люди близкого круга,
Почитай с легендарных времен
Понимали друг друга.

Через поле в ничейных кустах
К носу нос повстречались,
Столковались на совесть и страх,
Обнялись и расстались.

Воротился довольный впотьмах
Тот и этот крапивник*.
И поведал о темных местах
И чем дышит противник.

* «Крапивник», «крапивное семя» – «ярыжка», «приказной крючок» (словарь Даля), – мелкий делопроизводитель, писарь, составитель кляуз; сюда же можно отнести и «желтых» журналистов, наемных газетчиков, «папарацци» и т.д.

А наутро, как только с куста
Засвистала пичуга,
Зарубили и в мать и в креста
Оба войска друг друга.

А живые воздали телам,
Что погибли геройски.
Поделили добро пополам
И расстались по-свойски.

Ведь живые обеих сторон –
Люди близкого круга,
Почитай, с легендарных времен
Понимают друг друга.

То, что в стихах Самойлова было водевилем, то под пером Юрия Кузнецова стало всемирно-исторической драмой. Этого толкования Дезик простить Юрию Кузнецову не мог, и несколько его дальнейших записей, сделанных в дневнике, – тому свидетельство:

«Сотворив из Ю. Кузнецова кумира, эта шатия будет искать ему жертву. Скорей всего это буду я» (1979).

«Злобный выпад Ю. Кузнецова против меня в альм. “Поэзия”. Комплексы. Сальеризм”» (1981).

«Кажется, большего, чем он написал, не напишет» (1983).

Но как бы то ни было, если перевести родовую фамилию Дезика «Кауфман» на более понятный язык, то она будет звучать как «торговец», «рыночник»...

Да и, честно говоря, в предвоенные годы ифлийцы больше «играли в войну» в своих стихах и песнях о «флибустьерах и авантюристах», нежели были готовы к настоящим, а не выдуманным войнам. Вот почему они не выдержали первого испытания финской войной.

Из воспоминаний Самойлова, написанных в 80-е годы:

«В первый же раз в лоб предложенный историей вопрос поверг почти всех нас (выделено мной. – *Ст. К.*) в смущение.

Это было в начале незнаменитой финской войны. Почему на фронт пошел тогда без колебаний один Наровчатов? Кажется, Слуцкий был решительно лучше нас подготовлен к войне. А он, говорят, ушел из добровольческого батальона. Почему не пошел Павел (Коган. – *Ст. К.*), чья храбрость ярко проявилась в большой войне. Не пошел и Кульчицкий...»

«Тогдашнее наше мировоззрение оказалось во многом слабым, ложным и постепенно распалось»; «Я поздно созрел для войны», – честно напишет о себе Самойлов. А об ифлийце Михаиле Львовском говорит еще круче: «А он не созрел никогда». Михаил Львовский был автором многих военных песен. Писать восторженные оды грядущим боям оказалось легче, нежели принять общенародную судьбу, как свою. Эту судьбу сумели без лишних слов возложить на юношеские плечи призывники из простонародья, в основном из крестьянства, а не ифлийцы, которые по какому-то естественному отбору становились военными журналистами (Л. Безыменский), военными юристами (Б. Слуцкий), агитаторами (Л. Копелев), комсоргами при штабе фронта (Д. Самойлов) и т.д. Именно о таких, как они, Александр Твардовский в письме к Л. Разгону писал: «Терпеть не могу, когда литераторы и журналисты, прошедшие войну в этом качестве, говорят: “Я воевал” – и т.п».

* * *

В 1987 году я опубликовал в журнале «Молодая гвардия» статью о поэтах, вошедших в литературу перед войной и в первые годы войны, где оспаривал книжные романтические схемы «земшарной республики советов», абстрактно понятого интернационализма. Цитируя строки, воспевающие ход мировой революции:

Но мы еще дойдем до Ганга,
но мы еще умрем в боях,
чтоб от Японии до Англии
сияла Родина моя
(П. Коган)

Я – романтик разнаипоследнейших атак...
(М. Кульчицкий)

Выхожу двадцатидвухлетний
и совсем некрасивый собой,
в свой решительный и последний
и предсказанный песней бой.
(Б. Слуцкий)

(Песня – это «Интернационал», сущность которого выдохлась с первого же дня Великой Отечественной), я доказывал, что именно такие агрессивно-романтические формулировки, унаследованные «ифлийцами» от поэтических учителей старшего поколения, помешали им понять характер начавшейся войны как Отечественной, «народной», «священной».

После моей молодогвардейской статьи по ней сразу же был выдан «артиллерийский залп».

Я писал о том, что в стихах Кульчицкого «Не до ордена – была бы родина с ежедневными Бородино» меня коробит слово «ежедневными», как-то не укладывалась в моем уме эта лихость: ну, представьте себе желание видеть ежедневное взятие Берлина или ежедневную Курскую дугу? В ответ Л. Лазарев гневно упрекал меня: «Для того, чтобы как-то объединить очень разных поэтов (иные из них и знакомы не были друг с другом), о которых он ведет речь, создать видимость группы, кружка или чего-то вроде масонской ложи, Куняев именует их “ифлийцами”, все время говорит об “ифлийском братстве”, “ифлийской молодежи”, “ифлийцах старшего поколения”, даже об “ифлийстве” как о некоем идейно-художественном направлении»... Критик правильно понял мою мысль.

Но вот что писала о духовно-мировоззренческом единстве ифлийцев сама бывшая ифлийка Елена Ржевская, вдова Павла Когана, в статье «Старинная удача», опубликованной в «Новом мире», № 11 за 1988 год.

«Что такое ИФЛИ? Произнесенная вслух одна лишь аббревиатура сигналит, что-то излучает. Незнакомые до того

люди, обнаружив, что они оттуда, из ИФЛИ, немедленно сближаются. Может, оттого, что там прошла юность? Так, но не только. А может, ИФЛИ вообще иллюзия, хотя и устойчивая. Но тогда такая, о которой умный английский писатель сказал: иллюзия – один из самых важных фактов бытия.

Мне кажется, ИФЛИ – это код, пока не поддавшийся раскодированию. ИФЛИ был новью, чьим-то неразгаданным замыслом, намерением, на краткий миг замерещившейся возможностью, коротким просветом в череде тех жестоких лет. И еще: ИФЛИ – это дух времени, само протекание которого было историей».

По-моему, характеристика Е. Ржевской сути ифлийства была куда ближе к понятию масонской ложи, нежели мое истолкование.

За истекшие 20 лет сущность ИФЛИ настолько раскодирована и разгадана, что все тайное, на что намекала Ржевская «посвященным», давно уже стало явным.

Из воспоминаний Д. Самойлова 80-х годов:

«ИФЛИ был задуман как Красный лицей, чтобы его выпускники со временем пополнили высшие кадры идеологических ведомств, искусства, культуры и просвещения. Это осуществилось только отчасти. Помешала война, на которую пошло много ифлийцев, а также старомодный (сложившийся в 20-е годы. – *Ст. К.*) подбор студентов, где почти не учитывался национальный признак...»

Туманно выразился Д. Самойлов. С одной стороны, национальный признак не учитывался в том смысле, что об этом не принято было говорить. С другой стороны, он на деле присутствовал, поскольку добрая половина ифлийцев были еврейского происхождения. Об этом Самойлов с присущей ему толерантностью даже в дневниках не стал говорить открытым текстом, а написал так: «Компанию сейчас кое-кто называет “ифлийцами” (думаю, что он имел в виду меня. – *Ст. К.*), вкладывая в это понятие оттенок социальной и даже национальной неприязни».

А вот уже совершенно открыто, безо всяких намеков, пишет об ИФЛИ в сентябрьском номере журнала «Знамя» за

2006 г. закадычный друг Давида Самойлова Борис Грибанов (1920–2005):

«Об ИФЛИ написано и рассказано многое. Этому способствовало то обстоятельство, что когда началась Великая Отечественная война, институт был ликвидирован, слит с Московским университетом. Уход в небытие такого известного и престижного института, каким был ИФЛИ, породил немало легенд.

Кое-кто даже сравнивал ИФЛИ с Царскосельским лицеем. Впрочем, возможно, что такая параллель мелькала в мозгах тех немногих образованных людей, стоявших у власти, которым была поручена организация этого института. Это были единицы в толпе малограмотных вождей, у которых за плечами было в лучшем случае два-три класса церковно-приходского училища...»

Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что ИФЛИ, созданный в сентябре 1934 года, строился не по воле «малограмотного вождя» (Сталина. – *Ст. К.*). Но по чьей? Может быть, по чертежам «образованных» профессиональных революционеров – Зиновьева, Каменева, Бухарина? Или по разработкам деятелей Коминтерна Карла Радека, Бела Куна, Иосифа Пятницкого-Тарсиса?

Как бы то ни было, с первых же лет институт стал необычайно популярным.

Из воспоминаний Бориса Грибанова:

«Место для института нашли не в центре, а за городом, за Сокольниками, был отобран первоклассный профессорско-преподавательский состав – из числа тех, кто не был расстрелян в годы Гражданской войны и не уехал в эмиграцию [...] (о любимом профессоре ифлийцев Л. Пинском Самойлов пишет в своих воспоминаниях так: «В старину он стал бы знаменитым раввином, где-нибудь на хасидской Украине». – *Ст. К.*) Была в ИФЛИ еще одна отличительная черта – обилие среди студентов детей высокопоставленных партийных руководителей: институт был элитный, и в него поступали сыновья и дочери наркомов, деятелей Коминтерна, комкоров».

А дальше Грибанов говорит вроде бы странные вещи – институт, созданный для воспитания государственной элиты, правящего сословия, вдруг начинает уничтожаться самой властью: «Расплата не заставила себе долго ждать. Родители исчезали в черной дыре Лубянки, а детям оставалась постыдная участь: подниматься на трибуну 15-й аудитории ИФЛИ, где проходили главные лекции и комсомольские собрания, и отрекаться от своих отцов и матерей».

Кто же были эти «отцы и матери» и каким детям приходилось отрекаться от них? Об этом вспоминает еще одна ифлийка, которую я знал по писательской жизни 60–70-х годов, Раиса Либерзон-Орлова, чьим последним мужем был известный публицист Лев Копелев. Их обоих уже нет на этом свете. Пламенные ифлийские революционеры 30-х годов, ставшие эмигрантами в 80-х, нашли успокоение в немецкой земле. Но их книги, недавно вышедшие в России, проясняют многое из жизни ифлийства.

«В ИФЛИ поступали сыновья и дочери высокопоставленных тогда отцов – Лев Безыменский, Хана Ганецкая, Ирина Гринько, Муза Егорова, Наталья Залка, Марина Крыленко, Агнесса Кун, Олег Трояновский. Для сегодняшних читателей скажу без подробностей, что это были дети высших деятелей Коминтерна, наркомов, дипломатов». А еще Орлова-Либерзон вспоминает Чаковского, Самойлова, Солженицына.

Самойлов в своих воспоминаниях дополняет этот список именами Юрия Левитанского, Елены Ржевской, Исаака Крамова, Семена Гудзенко, Григория Померанца, Льва Оспова-та, Александра Крейна, Льва Копелева, Павла Когана, Игоря Черноуцана и тем самым подтверждает свое же наблюдение о том, что при наборе в ИФЛИ «почти не учитывался национальный признак», что можно понимать лишь таким образом: русских студентов в ИФЛИ или почти не было (по крайней мере в «самойловском» списке), или они представляли в нем крохотное нацменьшинство.

«У нас, – вспоминает Раиса Орлова-Либерзон, – царил культ дружбы. Был особый язык, масонские знаки, острое

ощущение “свой”. Сближались мгновенно, связи тянулись долго»...

«Необъяснимо, чем влекли слова “флибустьеры”, “веселый Роджерс”, “люди Флинта”. Они перекликались с Гумилевым, Грином, Киплингом, но все это про нас».

Поразительно, что ифлийцы жили Киплингом и Грином, но не вспоминали ни о Шолохове, ни о Есенине, ни о Булгакове, ни о Платонове. Словно инопланетяне. Даже Блок и Ахматова, даже Клюев с Мандельштамом не интересовали их. Более того, как откровенничает Самойлов:

«У нас заканчивали образование Твардовский и Симонов, но не они нравились ифлийской элите. Больше нравились свои». (Вот так-то. Даже Симонова, видимо, за его «государственничество», ифлийцы не считали своим.)

«Марк Бершадский был принципиальным носителем ифлийского вкуса. В прозе это были Бабель, Олеша, Ильф и Петров, и Хэмингуэй. В поэзии Пастернак»... «В ИФЛИ знание Пастернака было обязательным признаком интеллигентности».

* * *

Выбор работы и условий жизни даже после 1937 года для уцелевших ифлийцев был просто роскошным.

Из воспоминаний Р. Орловой-Либерзон:

«Выпускники 1939, 1940, 1941 годов не искали работы – работа искала выпускников. Я заполняла анкеты в десяти учреждениях, среди них ЦК, Наркоминдел, Совнарком. У меня, как и у большинства из нас, была возможность выбора».

Условия жизни нэповского детеныша Самойлова не были для ифлийской элиты какими-то исключительными. Семья Раисы Орловой-Либерзон жила не хуже – в одном из лучших по тем временам домов Москвы (ул. Горького, д. № 6, напротив телеграфа). По словам Орловой, квартира была в «сто квадратных метров», несколько комнат. В одной из них, естественно, жила русская няня-домработница.

«Звали ее классическим именем Арина, но для всех в доме она была просто “няня”. Она прожила у нас 20 лет».

Конечно, обихаживать стометровые квартиры и дачи, накрывать яствами столы в Москве и за городом, а во время нашествия гостей с утра до вечера мыть посуду, что делала на моих глазах в Мамонтовке женщина в белом платочке, – было непосильным делом для матерей Дезика Кауфмана или Раисы Либерзон. А потому еврейские состоятельные семьи той эпохи обязательно имели домашних работниц. Их можно было выбирать из женщин, толпящихся в очередях на биржах труда, они сами бродили по городу, стучались в двери хороших домов и, выброшенные, вытесненные из своих деревень железной метлой коллективизации, голодом 1931–1932 года, напрашивались на любую работу, даже за харчи... Да и многие девушки из дворянских фамилий, лишенные прав из-за классового происхождения, готовы были на все и становились няньками, кухарками, экономками, содержанками сначала нэповской, а потом и вообще советской чиновничьей знати. (Читайте роман «Побежденные» И. В. Римской-Корсаковой.)

Отец самой Раисы Орловой-Либерзон был крупным издательским чиновником. Ездил в 20–30-е годы для переговоров к Горькому на Капри, потом работал во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (знаменитом ВОКСе), куда к нему после окончания ИФЛИ пришла в сотрудники дочь. У него, как вспоминает она, «был пистолет», «в период хлебозаготовок, куда его посылали, он получил право на владение оружием». Последний муж Орловой Лев Копелев так же, как и еще один ифлиец, Александр Чаковский, «раскулачивал» русское крестьянство и тоже «имел право владеть личным оружием» (Р. Орлова). Чувства вины перед своими собратьями по перу из раскулаченных семей – Михаилом Алексеевым, Александром Яшиным, Виктором Астафьевым – Копелевы и Либерзоны никогда не испытывали, ни до XX съезда партии, ни в «оттепель», ни в 60-е годы, ни в перестройку.

Честная исследовательница советской истории еврейка Соня Марголина в книге «Конец лжи: Россия и еврейство в

XX веке» писала об этой трагедии так: «В конце 20-х годов впервые немалая часть еврейских коммунистов выступила в сельской местности командирами и господами над жизнью и смертью. Только в ходе коллективизации окончательно отчеканился образ еврея как ненавистного врага крестьян – даже там, где до тех пор ни одного еврея и в лицо не видели»*.

«Раскрестьянивая» крестьянство, эти «комиссары коллективизации» вольно или невольно создавали армию беженок из русской деревни, которые и становились их бесправными домработницами. Одной из них была и моя мать Александра Никитична Железнякова, оставившая мне в наследство после своей смерти несколько страничек воспоминаний.

«Моему сыну Станиславу.

Это было трудное время. Первые годы после революции. 1920 год. У нас умер отец от сыпного тифа, а мать переболела им и стала разъезжать по России, и менять одежду и вещи на хлеб. Даже в Ташкент ездила. Нас было четверо детей. Мне в это время было 12 лет. Жили в Калуге. И вот однажды к нам приходит еврейка, молодая женщина, и просит мать отдать меня к ней в няньки. Эта еврейка была женой бывшего владельца кожевенного завода, Кусержицкая Евгения Александровна. Муж ее Яков Захарович уезжал из Калуги часто по каким-то делам в Москву. Моя мать обрадовалась, что меня не надо кормить дома, так как мы голодали, голодала вся страна, а у Кусержицких я за хлеб стала нянькой. Девочке Розе было три года, а Рите что-то около года, она еще не умела ходить. Мне приходилось рано вставать и бежать к Кусержицким, заниматься с детьми.

Кормили меня отдельно от детей, но я была и этим довольна, так как дома, когда мать уезжала на долгое время, у нас кроме картошки ничего не было. У Кусержицких же я даже узнала вкус сыра. Очень черствого, но вкусного. Я ходила с Розой к раввину, когда резали кур, но самое неприятное было в том, что Евгения Александровна всегда застав-

* Sonja Margolina. Das End der Lügen. Rusland und die Juden im 20 Jahrhundert. S. 84.

ляла меня караулить квартиру из трех комнат, хорошо обставленную мягкой мебелью, с большими зеркалами, с очень красивыми кроватями, с подушками в кружевах. Она, видимо, боялась, что кто-нибудь залезет к ним, и потому я почти не гуляла по улице, а сторожила квартиру, сидя на большом сундуке, покрытом ковром. Иногда летом мне очень хотелось на улицу, и тогда я, забрав Розу и Риту, отправлялась к себе домой, там мы играли во дворе вместе с моим братом Сергеем и двоюродным братом Васькой. Так продолжалось больше двух лет. За все это время я только завтракала и обедала у Евгении Александровны. Никакой платы она за меня моей матери не платила. В 1924 году они уехали в Москву. Яков Захарович был каким-то акционером. Евгения Александровна и я с тремя детьми (у них родился сын Илья) жили на даче в Мытищах. Занимали дом с мезонином из четырех комнат с террасой и садом. Иногда из Москвы приезжал Яков Захарович с какими-то мужиками, хорошо одетыми и долго о чем-то совещались, спорили. Я с Розой и Ритой занимала комнату, куда каждый вечер Евгения Александровна приносила большую шкатулку, очень тяжелую, и ставила ее на мою постель под подушку. Мне было неудобно спать, и я передвигала шкатулку выше подушки к стенке кровати. Но Евгения Александровна сердилась и говорила, чтобы я не трогала шкатулку.

Утром она убирала шкатулку в свою комнату. Однажды Роза, которой уже было около шести лет, открыла шкатулку, и я увидела в ней очень много золотых монет, цепочек, браслетов и колец. Откуда все это у них было – я не знаю. В Калуге этой шкатулки не было. И все же кто-то знал, что они живут богато. Однажды ночью к нам забрались жулики, украли из буфета все столовое серебро, что-то украли из комнаты Якова Захаровича. Вот тогда я поняла, под какой угрозой находилась моя жизнь. Ведь если бы жулики проникли в нашу комнату, то, конечно бы, могли найти шкатулку с золотом, которая находилась в моей кровати. После ограбления Евгения Александровна меня, девчонку, не знавшую дороги в

Москву, послала на станцию Перловка, откуда я дала по ее записке телеграмму Якову Захаровичу в Москву. Но никаких украденных вещей они не нашли, а в сентябре месяце собрались уезжать в Германию и начали уговаривать меня поехать с ними, обещая меня учить и сделать членом своей семьи. Я разревелась – соскучилась по Калуге, по своим домашним и отказалась ехать в Германию. Тогда Яков Захарович велел жене меня собрать, дал мне какое-то платье Евгении Александровны, несколько пар чулок, резиновый мяч – вот и все, и меня отвезли на Киевский вокзал, откуда я добралась до Калуги.

В 1928 году Кусержицкие вновь приехали в Калугу и сняли первый этаж из шести комнат на Смоленской улице.

Я уже была студенткой Института физкультуры. Они пришли к нам и опять начали уговаривать мою мать, чтобы мне ехать в Германию. Мать, конечно, отказала им, сказав, что я уже большая и учусь в институте, получаю стипендию и сама зарабатываю во время каникул деньги. Евгения Александровна стала мне рассказывать, как хорошо они живут в Германии, что Яков Захарович имеет собственную фабрику, но я была уже комсомолкой, и меня совершенно не интересовали ихние собственные фабрики в Германии. Прожив около одного года в Калуге, когда нэп пошел на убыль, Кусержицкие уехали в Германию, и я о них уже ничего не слышала. А вот откуда у них было столько золота в шкатулке – черт их знает. Видимо, оно осталось у них с дореволюционных времен, их совершенно не коснулись голод и разруха, которые испытывали в эти годы рабочие и интеллигенция России. И понятно, почему они сразу же после прекращения нэпа уехали в Германию. Те люди, которые приезжали к ним в Мытищи на дачу, по-моему, тоже были богаты. Они были хорошо одеты, с кольцами на руках, с золотыми цепочками и часами на жилетах. Помню, как однажды эти господа приехали даже на автомобиле. К сожалению, я не понимала, на каком языке они разговаривали, так как я кроме русского языка никакого другого не знала».

* * *

Однако «ифлийство» не было ни партией, ни масонской ложей. Оно было кастой. Когда Сталин узнал, что осенью 1941 года в «запасной столице» СССР – Куйбышеве для эвакуированных школьников из семей столичного бомонда организуются такие же особые школы, как в Москве, он в сердцах произнес: «Каста проклятая!»

А между прочим, до 1937 года и даже после него «каста проклятая» надеялась, что власть рано или поздно естественно и автоматически перейдет к ней. Особые школы, особый «красный» лицей – все, казалось, было «на мази», но закончилось, по словам Елены Ржевской, «неосуществившейся иллюзией».

Эти потенциальные управители государства во второй половине 30-х годов проглядели плавный поворот истории. Сталинская верхушка без громких деклараций отказалась от курса на мировую революцию, вполне резонно сообразив, что вместо «красной» Европы, во многом сочувствовавшей нам в 20-е годы, она, эта Европа, постепенно превращается в «коричневый» материк и готовится к «дранг нах Остен». А потому ставка на коминтерновскую часть советского истеблишмента бесполезна и даже опасна, учитывая, что она, эта часть, тайно молится на Троцкого. Отсюда следовало, что и дети «пламенных интернационалистов», сгрудившихся в ИФЛИ, лишены политического будущего. Когда политические процессы 1936–1937 года вызревали в чреве истории, Сталин в это время уже запустил механизм по созданию новой государственной элиты из простонародья и сделал ставку на людей дела – Жукова, Чкалова, Шолохова, Стаханова, Косыгина, Байбакова, Судоплатова и им подобных. Надежды ифлийцев на то, что они скоро получат рычаги управления идеологией в свои руки, рухнули. А надежды эти были, ими питались даже такие неполитизированные люди, как Давид Самойлов:

«Чего мы хотели? Хотели стать следующим поколением советской поэзии, очередным отрядом политической поэзии, призванным сменить неудавшееся, на наш взгляд, предыдущее поколение».

Далее Дезик перечисляет «неудачников» – Твардовского, Исаковского, Симонова, Смелякова, Павла Васильева. О Мартынове, Прокофьеве, Тихонове и даже Заболоцком – он не вспоминает. Ифлийцы не любили советских поэтов с русской национальной прививкой: «Все они для нас были одним мирром мазаны, – продолжает Самойлов свои воспоминания. – Их мы собирались вытолкнуть из литературы. Мы мечтали о поэзии политической, злободневной, но не приспособленческой.

Нам казалось, что государство ищет таланты, чтобы призвать, пожать руки и доверить. Мол, действуйте, пишите правду, громите врагов, защищайте нас. Те не годятся. Но теперь есть вы. Входите, ребята, располагайтесь в литературе. Вот как мы представляли себе схему ближайшего будущего и тщательно готовили себя к высокой службе государственных поэтов. Разочароваться не успели. С этими идеями ушли на войну»... «В наибольшей готовности находился Слуцкий. И долго еще находился. Уже после войны сказал мне:

– Я хочу писать для умных секретарей обкомов».

Конечно, эта программа уже была иной, нежели когановская – «Но мы еще дойдем до Ганга». Но тот же Слуцкий, написавший в 50-е годах: «готовились в пророки товарищи мои», вольно или невольно задним числом согрешил против исторической истины: «товарищи» готовились не к тому, чтобы пророчествовать, а чтобы управлять и властвовать. Они, в сущности, жили теми же чувствами, что и предшествующее поколение, о котором Аделина Адалис в 1934 году с восторгом писала: «Мы чувствовали себя сильными, ловкими, красивыми. Был ли это так называемый мелкобуржуазный индивидуализм, актерская жизнь воображения, “интеллектуальное пиршество” фармацевтов и маклеров? Нет, не был. Наши мечты сбылись. Мы действительно стали “управителями”, “победителями”, “владельцами” шестой части земли»*.

* Однако в ту эпоху среди еврейства находились мыслители, на дух не принимавшие такого рода формулировки: «Все охамившиеся евреи, заполнившие ряды коммунистов, – все эти фармацевты, приказчики, коммивояжеры, недоучившиеся студенты, бывшие экстерны и вообще полуинтеллигенты – действительно причиняют много зла России и еврейству» (Пасманик Д. Русская революция и еврейство. Париж, 1923. С. 198–199).

Одним словом, самые «продвинутые» ифлийцы готовы были строить социализм в отдельно взятой стране, но с условием, чтобы этот социализм был только для них. Идея «дойти до Ганга» зашла в тупик, куда ее совершенно сознательно направил опытный стрелочник. А если кто-то из ифлийцев (к примеру, Кульчицкий) еще приветствовал присоединение к СССР Прибалтики («Ведь на карте, оставленной Сталиным, на еще разноцветной карте за Таллином пресс-папье покачивается, как танк»), то выглядела подобная картина историческим абсурдом. Место Троцкого в стихах Кульчицкого занял... Сталин: «Так встанут над обломками Европы прямые, точно Сталина доклад, конструкции, прозрачные, как строфы, из неба, стали, мысли и стекла». Вот какими иллюзиями жили ифлийцы! Если не до Ганга, то хоть до Таллина дошли. Однако когда самые умные из них поняли, что произошло, что Таллин – это не факт «мировой революции», то Сталину за подмену коминтерновской идеи идеей патриотической они отомстили задним числом всеми средствами, которые остались у побежденных.

* * *

Конечно, у вождя, как и у всех смертных, были слабые места. Какие? Об этом даже Иисус Христос сказал: «Враги человеку близкие его». Но понимать это надо в том смысле, что самые близкие человеку люди настолько отягощают человека своим кровным родством, что не дают ему осуществлять его высшее личное призвание в жизни.

Сталин, как человек, изучавший в духовной семинарии и Новый, и Ветхий Заветы, знал эту истину. Но что он мог поделать, этот владыка полумира, если ни жена, ни дети не понимали его? Светлана Сталина, учившаяся в Московском университете, где я не раз встречал ее в коридорах филфака, всем своим складом натуры, привычками и образом жизни была близка «ифлийству». К тому же в начале войны ИФЛИ объединили с Университетом, ифлийские нравы обрели но-

вую территорию и новых неофитов. Наверное, и роман 16-летней принцессы с сорокалетним режиссером Каплером завязался на этом фоне. Уязвленный отец после ссылки Каплера в Воркуту прилагал немало усилий, чтобы устроить семейную жизнь дочери, выдал ее за сына Жданова, но она уже была поражена «вирусом порчи» и тянулась к светской жизни в «ифлийском» кругу. Там однажды она ненадолго нашла себе мужа – соплеменника Каплера по фамилии Мороз, сына начальника одного из лагерей ГУЛАГа, но вскоре разошлась с ним. Дальше события развивались по законам детективного жанра...

Однажды – это были уже 70-е годы – Дезик в застолье прочитал мне несколько стихотворений, объединенных одним женским именем:

«А эту зиму звали Анна, она была прекрасней всех», «Как тебе живется, королева Анна, в той земле во Франции чужой?» «Как живется, Анна Ярославна, в теплых странах? А у нас зима...»

Когда я вопросительно поглядел на него, маленький красноносый Дезик с самодовольной блудливой улыбкой уточнил, кто такая Анна:

– Светлана Сталина... Когда-то у меня с ней был роман.

Именно тогда я понял, как эти немолодые сердцееды, соблазняя некрасивую рыженькую дочку вождя, подхихикивали над ним, мстя ему за крах своих ифлийских иллюзий, за «дело врачей», за гонения на космополитов, мстили, радуясь бессилию всесильного человека. Наверное, они думали, что он из-за любви к дочери не посмеет взбунтоваться и поневоле смирится с унижением... Но они плохо знали его. А подробности этого романа я узнал лет через тридцать после вышеупомянутого разговора с Дезиком, когда прочитал воспоминания Бориса Грибанова о Самойлове (Знамя. № 9, 2006). Грибанов рассказывает о том, как невестка Анастаса Микояна, с которой он работал в издательстве «Детская литература», пригласила его с Дезиком на семейный праздник в Дом на Набережной. Именно там Самойлов и познакомился

с «принцессой». Грибанов повествует о том, что минут через 15 после знакомства и Дезик и Светлана уже были влюблены друг в друга, не обращая внимания на Микояна, они уже «целовались взасос», потом Грибанов уехал, а дальше я цитирую отрывок из его воспоминаний, поскольку пересказывать такие откровения неловко:

«На следующее утро не успел я войти в свой кабинет, как раздался телефонный звонок, и я услышал хихикающий голос Дезика:

– Боря, мы его трахнули! (Дезик употребил другое слово, более емкое и более принятое в народе.)

– А я-то тут при чем? – возмутился я.

– Нет, нет, не спорь, я это сделал от имени нас обоих!»

Все это происходило в конце 50-х годов. Сталин уже несколько лет как покоился в могиле. Бояться было некого. Дезику было лет под сорок, его новой пассии чуть меньше. Что бы ни писал Грибанов, – трудно поверить в истинность и стихийность вечерних чувств со стороны ифлийца Дезика, если утром он докладывает своему другу, тоже ифлийцу и убежденному антисталинисту:

«Боря, мы его трахнули... Я это сделал от имени нас обоих...» Дезик мог бы еще добавить – и от имени всего нашего еврейского народа, поскольку ситуация копировала зеркально ветхозаветную историю о том, как еврейская девушка Эсфирь соблазняет персидского тирана Артаксеркса, чтобы тот раздавил антиеврейский заговор своего министра-антисемита Хамана, что и произошло, если верить Ветхому Завету. Но в этом сюжете роль соблазнительницы Эсфири играет поэт Дезик Кауфман, роль соблазненного царя Артаксеркса – «принцесса» Светлана Сталина. А роль грозного Антисемита – врага еврейского народа – сам Сталин, уже лежащий в могиле, или тень его... Месть совершилась. «Мы его трахнули» – хоть посмертно, но отомстили, – докладывает Дезик-Эсфирь своему народу... Не только ее соблазнили, но через нее – ему отомстили.

В разведках всего мира есть агенты, которые работают «по женщинам». Соблазняют их, чтобы куда-либо внедрить-

ся, крутят романы, чтобы вызнать вражеские тайны. Вот так один наш знаменитый чекист по фамилии Эйтингон закрутил в 30-е годы роман с некой испанкой Каридад – матерью Рамона Меркадера – будущего убийцы Льва Троцкого. Потом он докладывал своему начальству о том, что задание выполнено. Акция возмездия – завершена. Так и Давид Кауфман доложил своим: символическое возмездие тирану свершилось. На другой день об этом знала вся еврейская Москва. Михаил Светлов глуповато шутил в рифму: «Трудно любить принцесс, ужасно мучительный процесс». То, что Самойлов на другой день после своей победы доложил о ней (не пощадив женской чести) друзьям-соплеменникам, было его личным делом. Но знаменательно другое: окружение поэта восприняло его победу как общее торжество. Свидетельством тому был литературный вечер Самойлова, прошедший в Москве в конце 60-х годов. Когда один из выступавших (кажется, тот же Грибанов) сказал, что у Дезика в любовницах были три генеральские дочери и одна дочь Генералиссимуса, сидевший в президиуме Зиновий Гердт («печальный и умный», по словам Дезика) вскочил, как на пружинках, и бросил в зал торжествующую и, с его точки зрения, остроумную реплику: «Этим генералиссимусом был отнюдь не Чан Кайши!» И зал, наполненный в основном «малым народом», конечно же, взорвался аплодисментами... Пошлая сущность этого сюжета особенно стала явственна для меня, когда в воспоминаниях Самойлова я прочитал, как поэты двурушничали в начале 50-х годов – еще при жизни Сталина: «Подрабатывали мы более или менее регулярно на радио. Слуцкий создавал (?) политические композиции типа: “народы мира славят вождя”. Это ему не в упрек, я, например, начинал переводческую карьеру албанской поэмой “Сталин с нами” Алекса Чачи»...

Ну, у Самойлова дар артистического цинизма был естественен, а Слуцкого жалко. У него была репутация честного и неспособного на циническую иронию человека.

В апологетических воспоминаниях Грибанова о Самойлове кроме достоверных сведений содержится, к сожалению,

немало пошлостей, а порой и просто глупостей. Женой Самойлова в то время была ифлийка Ляля Фогельсон, дочь известного московского кардиолога Лазаря Израилевича Фогельсона. Этот брак породнил две известные медицинские семьи Москвы – кардиологов и венерологов, но Борису Грибанову дал пищу для следующих размышлений:

«В любви Дезика к Ляле присутствовал некий налет тщеславия: смотрите, какая у меня красавица жена! А может быть, где-то в подсознании мелькали тени Пушкина и Натальи Гончаровой? Отношение Давида Самойлова к Пушкину вообще требует особого разговора. Это были отношения сугубо личные, доверительные. Между ними всегда существовала духовная, поэтическая близость»...

Самойлов не раз амикошонски примерял себя к Пушкину – в стихах «Пестель, поэт и Анна», где Анна была одновременно и королевой Анной, чье имя перекликалось с именем «Светлана»; а вспомним еще его известное изречение о себе и своих друзьях, что они все «из поздней пушкинской плеяды»; есть у него и стихотворение о том, как Державин не желает никого рукоположить в «новые Пушкины» и думая, кому передать лиру, присматривается к некоему безымянному пулеметчику («с пулеметом я лежал своим»).

Это были все не такие уж безобидные шутки, коль его друзья начинали всерьез сравнивать Лялю Фогельсон с Натальей Николаевной Гончаровой... Но я, цитируя эти смешные пошлости, отвлекся от сюжета. О племяннике Лазаря Израилевича Фогельсона и, следовательно, двоюродном брате Ляли, «не уступавшей в красоте Наталье Гончаровой», Грибанов слагает целую оду как о «человеке необычном, образованном, крупном строителе, возглавлявшем трест по намывке плотин и получившем за это Сталинскую премию, что было в те годы явлением исключительным, учитывая его еврейскую национальность».

Если бы Борис Грибанов был жив, я бы позвонил ему и сказал: «Боря! Ну, зачем ты так унижаешь еврейскую нацию! Ничего исключительного в том, что Сергей Борисович

Фогельсон получил Сталинскую премию в эпоху борьбы с космополитизмом, дела врачей и ликвидации антифашистского еврейского комитета нет, поскольку в 1949–1952 гг., то есть во время "разгула антисемитизма" лауреатами Сталинской премии стали писатели-евреи: П. Антокольский, А. Барто, Б. Брайнина, М. Вольпин, Б. Горбатов, Е. Долматовский, Э. Казакевич, Л. Кассиль, С. Кирсанов, М. Маклярский, С. Маршак, Л. Никулин, В. Орлов (Шапиро), М. Поляновский, Н. Рыбак, А. Рыбаков (Аронов), П. Рыжей, Л. Тубельский, А. Чаковский, Л. Шейнин, А. Штейн, Я. Эльсберг...Их число составляло почти одну треть сталинских лауреатов, пишущих на русском языке. Сюда же надо прибавить режиссеров, получивших в те же «антисемитские годы» (1949–1952) те же Сталинские премии: Г. Раппапорт, М. Ромм, Р. Кармен, Л. Луков, Ю. Райзман, Г. Рошаль, А. Столпер, А. Файнциммер, Ф. Эрмлер. А если вспомнить, что Эрмлер получил 4 Сталинские премии, Ромм – 5, Райзман – 6, – то лучше не поднимать разговора о том, что Сталинская премия еврею в ту эпоху была "исключительным явлением"».

* * *

Многие мои идейные противники в споре об ифлийстве пытались обвинить меня в том, что я зачисляю в эту семью литераторов, которые учились до войны в других вузах и не были студентами ИФЛИ. Но я всегда считал ифлийство не принадлежностью к знаменитому институту, а особым мировоззрением молодого поколения второй половины тридцатых и начала сороковых годов.

Александр Межиров (1924 года рождения), конечно, до войны не мог по возрасту учиться в ИФЛИ, но по мировоззрению он типичный ифлиец. Во-первых, он всегда боготворил пламенных рыцарей мировой революции. Даже в начале 80-х годов прошлого века Александр Петрович все еще клялся в преданности представителям этого клана:

Но сегодня Соня Радек,
Таша Смилга снятся мне...
Слава комиссарам красным,
Чей тернистый путь был прям...
Слава дочкам их прекрасным,
Их бессмертным матерям.

Стихи органически вписывались в кровавое романтическое полотно, на котором красовались окуджавские «комиссары в пыльных шлемах», палач казачества евтушенковский Якир, протянувший в будущее «гранитную руку» из прошлого*, где в дымке времени «маячила на пороге» целая когорта комиссаров – Левинсон из «Разгрома», Коган из «Думы про Опанаса», Штокман из «Тихого Дона», Чекистов-Лейбман из «Страны негодяев».

Да и светский быт предвоенной молодежной Москвы был у Межирова такой же, что у Самойлова, у Орловой-Либерзон, у Льва Копелева – кастовый, то есть «ифлийский». Об этом свидетельствует стихотворное воспоминание Межирова «Предвоенная баллада» с эпиграфом из Самойлова: «Сороковые роковые...» Вечеринка московской молодежи, своеобразного истеблишмента («на квартире замнаркома»), «рояль», «полумгла», «шелковые блузки десятиклассниц», «цыганский анапест» Ляли Черной, упоительный вальс Штрауса. И прямо с этого праздника жизни «под вальс веселой Вены» дети Арбата или Дома на Набережной отправляются:

Шаг не замедляя свой,
Парами в передвоенный
Роковой сороковой.

И на войну межировский герой уходит от ипподромных страстей, от ифлийско-эпикурейского образа жизни («меня пи-

* Е. Евтушенко аж в 1988 году, в разгар перестройки, еще писал: «Продолжится революция и продолжится наш комиссарский род» (в стихотворной книге, вышедшей в Петрозаводске).

сать учили Тулуз-Лотрек, Дега», «изучен покер, преферанс и фрапп»), от отца с нэповскими привычками:

Отец ворчал, что отрок не при деле,
Зато колода в лоск навощена.
И папироски в пепельницах тлели
Задумчивым огнем... как вдруг война.

Разве не маркитантство (под стать самойловскому рассказу о «солдатах на постое») живет в так называемых военных стихах Межирова:

Мы на Верхней Охте квартируем,
Две сестры хозяйствуют в дому,
Самым первым в жизни поцелуем
Памятные сердцу моему.
Очерк сердца зыбок и неловок,
А стрела перната и мила –
Даты первых переформировок,
Первых постояльцев имена.
……
«Поселились. Пили. Веселились».
Вот и все. И больше ничего.

Картина эта полностью копирует сцену из поэмы Самойлова «Дальние страны», где герой соблазняет молодую немку «водкой», «папиросами», «тушенкой»... Да и подобно ифлийцам, у Межирова была няня, и стихи о ней, вырастившей в 20-е годы маленького заику и сына юриста, весьма знаменательны:

Все, что знала и умела
Няня делала бегом
……
Родина моя Россия.
Няня. Дуня. Евдокия.

Улавливавший в стихах даже самую малую фальшь, Анатолий Передреев, прочитав это стихотворение, холодно заметил:

– Россия-няня? Ну, слава Богу, что еще не домработница.

Фальшивый романтизм, определявший перед войной и в самом ее начале характер нашей военной поэзии, быстро, чуть ли не в первые месяцы войны потерял свой пафос, иссяк, и лишь отдельные его вкрапления иногда встречаются у поэтов самого последнего военного призыва. Любопытно, что Окуджава, лишь в конце 50-х годов дополнивший «обойму» поэтов фронтового поколения, качнулся в сторону этого романтизма, когда тот уже стал глубокой историей:

Но если вдруг когда-нибудь
мне уберечься не удастся,
какое новое сраженье
ни покачнуло б шар земной,
я все равно паду на той,
на той далекой на гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной.

С течением истории становится все яснее, что гражданская война не менее страшна и губительна для народа, нежели любая другая. Стихи написаны в 1957 году, а кажется – по словам, интонации, настроению – будто они родились в предвоенное время. Поэт явно опоздал примкнуть к ифлийскому братству, но заменил его похожим понятием – «арбатство», посвятив, в сущности, своей малой родине – Арбату – все стихи о войне, в которых основательно смягчил духовный максимализм старших братьев. Его мальчики с Арбата, трогательные и чуть-чуть водевильные, уходят на войну иначе, нежели целеустремленные, поглощенные одной идеей герои Слуцкого и Когана, без эпохальных страстей и переживаний, симпатичной артистической походкой вчерашних десятиклассников, скорее «по-межировски», нежели «по-слуцки».

Наш Король, как король, он кепчонку,
как корону –
набекрень, и пошел на войну.

Без романтического фанатизма, как бы уходя с театра жизни на театр военных действий, на опасную прогулку.

И снова переулком – сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки...
В затылки наши круглые глядят.

Мальчики Окуджавы равно далеки от глобальных идей книжных романтиков и от живой народной стихии, они уходят на войну, как молодые симпатичные солдаты всех времен и народов: «На пороге едва помаячили и ушли за солдатом солдат», «Нас время учило: живи по-привальному, дверь отворя, товарищ мужчина, а все же заманчива должность твоя», – тревожное, эстетически впечатляющее действо, симпатичный маскарад, волнующий душу, это не флибустьерство, но арбатская хемингуэйщина – с обязательным присутствием не матерей, не жен, а «женщин» вообще. У солдат должны быть женщины. «А где же наши женщины, дружок?» А где женщины – там и ревность, и неверность, и измены, – словом, все, что волнует солдата в последние часы перед разлукой.

Вы слышите: грохочет барабан?
Солдат, прощайся с ней,
прощайся с ней...

Для Окуджавы война не расширила понятие родины. Он остался верен своему Арбату, его замкнутому братству и после войны:

Ах Арбат, мой Арбат, ты мое отечество...

Любопытно сравнить обстоятельства, при которых уходят на войну герои Слуцкого, Самойлова, Межирова, Окуджавы, с проводами новобранца из стихотворения Федора Сухова. Уходит он на войну не от азартного наслаждения покером и преферансом, не от ипподромных страстей и арбатской радиолы... Нет, он прощается с другим миром:

Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.
На село я прощально взглянул,
И вдруг губы мои задрожали.

Ничего б не случилось со мной,
Если б я невзначай разрыдался, –
Я прощался с родной стороной,
Сам с собою, быть может, прощался.

А какая стояла пора!
Лето в полном цвету медовело.
Собирались косить клевера,
Рожь от жаркого солнышка млела.

Поспевала высокая рожь,
Наливалась густая пшеница,
И овес, что так быстро подрос,
Прямо в ноги спешил поклониться.

Заиграла, запела гармонь,
Все сказала своими ладами,
И платок с голубою каймой
Мне уже на прощанье подарен.

В отдалении гром громыхнул,
Весь закат был в зловещем пожаре...
Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали...

Здесь мы видим совершенное иное отношение к жизни и войне: никакого энтузиазма, никакого лихорадочного возбуждения, никакой романтической жертвенности, никакого инфантилизма. Юноша словно бы генами всех живущих в нем поколений ощущает, что от полнокровной жизни, от счастливого труда на родной земле его оторвала сверхчеловеческая сила, несущая только гибель и горе. За душой у него нет никаких иллюзий, никаких теорий, которые помогли бы ему в страшный час разлуки с родиной, невестой, матерью. «Я прощался с родной стороной, сам с собою, быть может, прощался», «губы мои задрожали», и зарево войны для него никакой не отблеск мировой революции, а «зловещий пожар».

Ну что с них было взять, с питомцев нэпа и певцов Мировой Революции! Крестьянские же их ровесники, выжившие во время поволжского голода 21–22 года и последующего голода эпохи коллективизации, нервным горячкам подвержены не были, но шли, послушные долгу, на призывные пункты, а оттуда, уже мобилизованные, нестройными рядами вливались в действующую армию.

Всю войну Федор Сухов отвоевал как истребитель немецких танков: сначала с противотанковым ружьем, а потом как наводчик противотанкового орудия. Больше двух-трех месяцев, по статистике, эти смертники на фронте не жили. Сухову повезло: он дожил до победы.

А картина его ухода на войну – естественна и правдива, в отличие от высокопарных заклинаний ифлийцев.

Очень точно изложил суть стихотворения Ф. Сухова Вадим Кожинов:

«В чем тайна этого стихотворения? Именно в том, что перед нами не “картина”, а цельное огромное переживание. Родина, народ провожают своего сына на войну. И отдельные лица уже неразличимы. Есть стихия Родины, в которой все слилось. Но если вглядеться, угадываешь и все слагаемые этой стихии: “Губы мои задрожали” и “Ничего б не случилось со мной, если б я невзначай разрыдался...” Сквозь

это видишь идущую рядом плачущую мать и скорбное лицо отца. А вот и голос друга – гармонь, которая “все сказала своими ладами”. И девушка, ибо, конечно, именно она подарила “платок с голубою каймой”. И, наконец, рожь, пшеница – то богатство, то добро и красота, в которые веками укладывались и труд, и любовь односельчан, так что это как бы уже живые существа, кланяющиеся в ноги уходящему молодому хозяину.

Мальчишка, – а возраст героя отчетливо выражается в этих “вдруг задрожавших губах”, – прощается с Родиной, уходит в зловещий пожар войны. Что ж, может, слаб и боязлив он, если готов невзначай разрыдаться? Герой не сияет на прощание показной белозубой улыбкой. Он по-русски откровенен и открыт и не соблюдает “форму”. Но совершенно ясно: больше уже не дрогнут ни губы его, ни рука. Здесь, на пороге родного дома, он уже заранее как бы пережил и преодолел страх смерти, “попрощался сам с собою”».

Это – юноша другой походки, другой породы, нежели герой самойловской либо окуджавской лирики. Откликнется ли сердце окуджавского солдатика на слова песни, от которой до сих пор, когда звучит трагическая и величественная мелодия, по спине идут мурашки.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.

Вспоминаю 60-е годы, московские вечера поэзии, где выступал Булат Окуджава («Булатик», как называла его Белла Ахмадулина). Он выходил на сцену с гитарой на груди и объявлял с тонкой, иронической улыбкой: «Песенка американского солдата»!

Возьму шинель и вещмешок и каску,
в защитную окрашенную краску.
Иду себе, играя автоматом,
как славно быть солдатом, солдатом.

Совсем другая у него походка, нежели у крестьянских парней – артиллериста Федора Сухова, командира зенитной батареи Сергея Викулова, истребителя танков Михаила Борисова, сержанта пехоты Виктора Кочеткова и многих-многих других тружеников и смертников войны, которые в сумеречный снежный день 7 ноября 1941 года прошли тяжелой, гулкой поступью по Красной площади, навстречу непобедимой доселе фашистской армаде...

Булатик извлекает из гитары аккорды и поет хриплым тенорком на подмостках Политехнического музея:

А если что не так – не наше дело,
как говорится, родина велела.
Иду себе, играя автоматом...

Вроде бы симпатичный солдат из какого-нибудь иностранного легиона. Помню на этих поэтических вечерах лица «детей XX съезда» – улыбки, перемигивания, восторженные взгляды – «Во, как врезал наш Булатик этому милитаризованному чудовищу, этим роботам! И молодец, что цензуру обманул: песенка американского солдата! Но мы-то понимаем, о ком он поет, кого в виду имеет!»

* * *

А вот судьба еще одного классического стопроцентного ифлийца.

В 2006 году я вычитал из «Еврейской газеты» (№ 45–46) о том, что в Германии произошло «знаковое» литературное событие: католическому пастору из Швейцарии Хансу Кюнгу была вручена международная премия с девизом «За мир и права человека» имени Льва Копелева. В этой же заметке сообщалось, что существует «Форум Льва Копелева»... Эх, знали бы немецкие правозащитники автобиографию Льва Залмановича, увековеченную им же самим в книге «Хранить вечно»!

В конце 20-х годов наш будущий европейский правозащитник распространял в Москве листовки, «протоколы и резолюции подпольного центра (троцкистской) оппозиции, проекты воззваний, шифры, списки арестованных» («Хранить вечно», с. 267).

Попал в ОГПУ, поскольку был молод – не осудили, отпустили. Во время коллективизации уже проводил «сталинскую линию партии» и раскулачивал русскую деревню. Перед войной поступил в ИФЛИ. В годы войны служил майором в политуправлении фронта в десятках километров от передовой и, как «германист», сочинял опять же листовки, призывающие немцев сдаваться в плен, а когда мы вошли в Германию, ездил на агитмашине. В конце войны стал ярым поклонником Эренбурга, призывающего уничтожать «немецких самок», а после победы разрабатывал меры отмщения немцам: «расстрелять придется, может быть, миллиона полтора» («Хранить вечно», стр. 223). Во время наступления наших войск в Германии вел себя, как классический «маркитант» из стихотворения Самойлова: «пили с какими-то бойкими паненками», «Все эти дни и ночи мы пировали, пели, танцевали» (до окончания войны было еще несколько месяцев!); «горел костер, благоухало жареное мясо... На столике теснились разнообразные бутылки – вина, коньяки, шнапс, – коробки и банки консервов... Мы пировали не спеша», «мы ели до отвала, подолгу спали» («Хранить вечно», стр. 183). А в перерывах между гульбой и застольями наш маркитант и специалист по германской литературе немного мародерничал: в немецких особняках «обнаружил великолепную библиотеку... Часть библиотеки погрузил в кузов».

Будущий гуманист и правозащитник, имени которого сейчас в Германии существует международная премия, обнаружив весной 1945 года в одном из взятых нашими войсками поселков тяжело раненную немецкую женщину и не подумал о том, чтобы помочь ей разыскать медиков... Нет, он начинает осуществление своего плана по расстрелу «полутора миллионов» немцев. Ну, конечно же, как политработник, чужими

руками, и отдает приказ своему подчиненному: «Сидорыч, пристрели! – Это я сказал. Приказал от бессилья». Таков автопортрет гуманиста, поклонника Гете и Шиллера, выпускника «Красного лицея» – ИФЛИ... Так что когда Самойлов писал о своих ифлийских товарищах, «мы в сорок первом шли в солдаты и в гуманисты в сорок пятом», – он по отношению к себе и Копелеву неточен: в сорок первом в солдаты он не пошел, а в какие гуманисты «в сорок пятом» пошел его друг Копелев – судите сами.

Кстати, так же, как и Копелев, идеями и лозунгами Троцкого и его соратников в конце 20-х годов был увлечен настоящий мученик и страдалец эпохи Варлам Шаламов. Но, в отличие от молодого Копелева, «ифлийца» из Шаламова не вышло, – в 1929 году его посадили всерьез и надолго. Три года лагерей и пять лет ссылки. Сам Шаламов об этом вспоминал так: «Приговор был громовый, оглушительный, неслыханный по тем временам – Агранов и Черток решили не стеснятся с “посторонним”... Только концлагерь. Только каторжные работы. Только клеймо на всю жизнь, наблюдение на всю жизнь».

Нет сомнений, что под словом «посторонний» Шаламов подразумевает слово «русский», потому что он знал, что все его «подельники» – молодые троцкисты «еврейского происхождения» (вроде Копелева) – через полгода после процесса вернулись в Москву. И тем лживее воспринимаются кадры из недавно показанного по ТВ 12-серийного фильма «Завещание Ленина» о судьбе Шаламова, когда мы видим, что все его мучители: следователи, конвойные, инспектора ГУЛАГа – русские садисты, бьющие сапогами в лицо священников, насилующие женщин, расстреливающие в затылки заключенных... словом – вологодский конвой, куда ни глянь, русские держиморды. Один только на его лагерном пути встретился хороший начальник – Эдуард Берзин – да и тот латыш. Да еще один симпатичный зэк встречается Шаламову в лагере, конечно же, еврей. А то, что «постороннему», то есть русскому Шаламову два еврейских чекиста, стоявших на вершинах

карательной власти, Агранов и Черток, припаяли три года лагерей и пять лет ссылки, с чего и начались его круги ада, – об этом в сценарии, написанном сегодня их соплеменником Арабовым, конечно, ни слова.

Кстати, перед демонстрацией фильма в июне 2007 г. телевидение устроило встречу съемочной группы, куда был приглашен друг Самойлова по ИФЛИ Григорий Померанц, профессиональный диссидент. Так вот на этой встрече престарелый ифлиец громогласно на всю Россию заявил, что при Сталине сидело в лагерях 19 миллионов человек и 7 миллионов политических было расстреляно.

Все историки, изучавшие сталинскую эпоху после того, когда были обнародованы документы, касающиеся деятельности ЧК-ОГПУ-НКВД, организации ГУЛАГа, сходятся во мнении, что с 1921 по 1956 год было арестовано и сослано в лагеря по политическим мотивам не более 2, 5 миллиона граждан, и что за этот период было вынесено около 700 тысяч смертных приговоров, но и они не все были приведены в исполнение.

Можно лгать, но не так чудовищно, преувеличивая число заключенных в 7 раз, а число расстрелянных в 10!

Когда я услышал этот ифлийско-диссидентский бред Григория Померанца, то подумал: евреи придумали в Европе закон, по которому все, кто ставит под сомнение сакральную цифру Холокоста, – 6 миллионов уничтоженных в Европе евреев, – и пытается (порой весьма убедительно) доказать, что их было не 6 миллионов, а 5 или 3, все эти историки подлежат уголовному преследованию. И несколько таких процессов в Европе уже прошло. Нельзя, оказывается, искажать численность еврейских потерь во времена европейского фашизма и европейского антисемитизма.

А чем мы хуже? Мы тоже можем принять похожие законы, по которым за куда более чудовищное искажение цифр, обозначающих наши советские, российские и даже русские потери, до́лжно преследовать клеветников и фальсификаторов. Прецедент – европейский закон о Холокосте, есть. Так почему же нам не воспользоваться этой юридической нормой?

Но тогда на скамью подсудимых надо сажать «ифлийцев» Померанца и Солженицына, целую армию лжеисториков и журналистов, кучу шестидесятников...

* * *

Раиса Орлова-Либерзон в своей книге «Воспоминания о непрошедшем времени» с восхищением вспоминает, что когда началась финская война, имеющая лишь одну цель: отодвинуть перед грядущей страшной войной с объединенной фашистской Европой границу от Ленинграда – второй столицы страны, она в какой-то компании встречала новый 1940 год, и молодая девушка (имя ее Орлова не называет) подняла тост «за наше поражение!». Орлова восхитилась: «ее (эту девочку. – *Ст. К.*) воспитала собственная трезвая мысль, зрячие глаза, способность задавать вопросы».

Такого рода настроения не были исключительными в кругах тайной антисталинской касты. Известная революционерка Анна Берзинь, с чьим уголовно-политическим делом я познакомился, работая над книгой о Есенине, уже в 1935–37 годах на сборищах «касты», происходивших на квартире у нее и ее мужа, польского еврея Бруно Ясенского, шла много дальше.

Из дела А. Берзинь:

«Как видно из агентурных данных, обвиняемая вела резкую пораженческую антисоветскую пропаганду. Она говорила: “Нет, уж лучше открыть фронт фашистам, чем воевать”, “я воспринимаю эту власть как совершенно мне чуждую. Сознаюсь, что я даже злорадствую, когда слышу, что где-то плохо, что того или другого нет... За существующий режим я воевать не буду”, “В свое время, в гражданскую войну, я была на фронте и воевала не хуже других. Но теперь мне воевать не за что... Все мои товарищи по фронту арестованы, а я буду воевать? Нет, уж лучше открыть фронт фашистам...” “Мы сами, это мы сами во всем виноваты. Это мы расстреляли наших друзей и наиболее видных людей в стране... В правительстве подбираются люди с русскими фамилиями. Типичный лозунг

теперь – “мы русский народ”. “Все это пахнет черносотенством и Пуришкевичем”».

Неслучайно Р. Орлова в своей книге воспоминаний пишет об А. Берзинь:

«В 1956 году у меня возникли кратковременные приятельские отношения с Анной Берзинь – вдовой Бруно Ясенского, вернувшейся тогда из лагеря».

Люди этого склада – независимо от того, какие поколения они представляли, – безошибочно находили друг друга.

Мысли Раисы Орловой-Либерзон порой почти дословно перекликаются со словами Анны Абрамовны Берзинь. И как бы продолжают их, хотя в 30-е годы они не знали друг друга:

Из воспоминаний Р. Либерзон-Орловой-Копелевой:

«В годы войны закончился процесс, начатый раньше. СССР становился Россией – великой державой. Были введены погоны, офицерские звания, раздельное обучение, новый закон о браке, распущен Коминтерн, “Интернационал” заменен новым гимном... Гасли последние отблески костров семнадцатого года. Большинство людей, как-либо воплощавших революционные порывы, были еще раньше уничтожены во время большого террора».

А после войны в Общество культурных связей с заграницей, где работала Орлова, по ее словам, «пришли мужчины самоуверенные, невежественные, украшенные (?! – *Ст. К.*) боевыми орденами», «начальники новой формации». «Они Европу завоевали, что им захудалый ВОКС», – иронизирует благополучная ифлийская функционерка... Да что там Орлова! И в наше время бывшие ифлийцы, сегодня 90-летние старики, даже побывавшие на фронте, до сих пор плачут, словно евреи на реках вавилонских, об утрате ифлийского счастья и о том, что после войны места, им предназначенные, начали занимать тупые, грубые, малообразованные аборигены, то есть русские. 23 февраля 2005 года я услышал по радиостанции «Свобода» беседу корреспондента с А. Черняевым – самойловским однокашником по московской элитной школе и бывшим помощником М. С. Горбачева. Передача была

посвящена Дню Советской Армии (защитника Отечества) и будущему 60-летию Победы.

Вот что я успел записать за «ифлийцем», закончившим войну, естественно, в крупной должности:

«Я не воспринимаю 9 Мая как национальный праздник... Школа у нас была особая. Из 15 человек нашего класса трое было на войне – Дезька – будущий гениальный поэт, Лева Безыменский – великий журналист и я – заместитель начальника штаба. Остальные работали в тылу. (Не слабо! – *Ст. К.*).

Пришло пополнение, ребята с волжских берегов из мещанской среды, невежественные. Я не воспринимаю 9 Мая как национальный праздник, это сплошной пиар.

Таких, как наша, – три спецшколы было в Москве, мы в вузы поступали без экзаменов».

Вот так относились ифлийцы к победившему народу и к людям простонародья. Это брезгливое нэповское барство в мировоззрении Давида Самойлова высмеял его ровесник и однокашник по ИФЛИ (заканчивал его экстерном) Александр Солженицын, после того, как прочитал посмертную книгу поэта «Перебирая наши даты». Самойлов, по словам А. Солженицына, «очень обозлен на русских “почвенников”, часто пользуется бессмысленной кличкой “руситы”: они “**из города может быть, из провинциального, захолустного**”, и именно там они “**трагедии** (1937 года?) **пересидели**”. (Много же знает Самойлов о трагедии малых городов России за большевистское время. Суньсяка туда, “пересиди”). “**В 37-м году к власти рванулся хам, уже достаточно к тому времени возросший полународ**”».

«И особенно выделяет именно “**ответственность за 37-й год**” (не сопоставляя ответственность за 1929–1933), после которого утверждает, что “**власть у нас народная**” и “**народ лучше всего сохранился**” (жирно выделенные фразы в этом отрывке принадлежат Самойлову).

Защищает Солженицын от злых и завистливых самойловских оценок В. Шукшина:

«Например, о В. Шукшине можем прочесть такое: “**злой, завистливый, хитрый (?), не обремененный культурой**” (по-

живи его жизнью), отчего и "**не может примкнуть к высшим духовным сферам города**".

Особенно возмутило Солженицына следующее рассуждение Давида Кауфмана о русском человеке:

«**Мужик нынешний... спекулировать и шабашить готов и... делать это будет, пока не образуется в народ. А сделается это тогда, когда он [...] научится уважать интеллигенцию**».

Этот самойловский высокомерный тон привел Солженицына в ярость:

«Мимоходом о словечке "шабашить". Столичный интеллигент, служа в любом идеологическом тресте, получал солидное в сравнении с мужиком вознаграждение – и это никогда не называлось "шабашить". Но стоит простолюдину искать заработать что-нибудь выше колхозных палочек или коммунальному слесарю попросить у хозяина квартиры троячок – это уже "шабашить". Так вот ныне "духовное начало" в изобилии извергается нам из телевидения – и, кажется, не "мужики" всю эту мерзость совершают. И не они убеждали нас в спасительности гайдаро-чубайсовского грабежа. И не мужики, большей частью, создавали коммерческие банки, гнали миллиарды долларов за границу, а сами – на Канарские острова отдыхать. Так кто же это – шабашит?»

Немало неправды наговорил за свою длинную жизнь Александр Исаевич, но в данном случае спасибо ему, что заступился он, нынешний русский барин, за простонародье, оболганное Самойловым.

В конце своих размышлений о судьбе и творчестве Д. Самойлова Солженицын не оставляет камня на камне от его дилетантских размышлений о народе:

«Народ, утратив понятия, живет сейчас инстинктами, в том числе инстинктом свободы», – пишет Самойлов, а Солженицын комментирует: «(Вот тут он сильно промахнулся: народ живет инстинктом устойчивого порядка жизни, а инстинктом свободы, "свободы вообще", живет только интеллигенция.)»

На протяжении всей жизни Самойлов сохранил глубоко вошедшее в его мировоззрение «нэпманско-ифлийское» отно-

шение к простонародью, к почвенникам, к деревенской прозе... Из осторожности он не высказывался на эти темы при жизни, и мы ничего не знали о такого рода его убеждениях, но в 2004 году вышла его переписка с Лидией Корнеевной Чуковской, которая проясняет многое.

В письме от 24.07.1977 Чуковская сообщает Самойлову свое впечатление о романе Валентина Распутина «Живи и помни»:

«Да ведь это морковный кофе, фальшивка с приправой дешевой достоевщины. Я никогда не была на Ангаре, но чуть не на каждой странице мне хотелось кричать: “Не верю!” – по Станиславскому.

Книга столь же мучительно безвкусна, как сочетание имени с фамилией автора: изысканного имени с мужицкой фамилией. Он, видите ли, Valentin! [...] пейзане ломаются на сцене с фальшивыми монологами».

В ответном письме Самойлов – не только соглашается с Чуковской, но продолжает и по-своему дополняет ее «антираспутинские» заклинания:

«Это литература “полународа”», «часть Вашего письма о Распутине читал нескольким друзьям. Они в восторге». Фамилии друзей разбросаны на страницах писем: Копелевы, А. Якобсон, Вл. Корнилов. Конечно, эти – были в восторге...

«Об этой прозе, о “деревенщиках”, я сейчас много думаю. И, кажется, приближаюсь к Вашей точке зрения. Что-то с их правдой не так» (февраль 1978).

«Никто – ни Зощенко, ни Олеша, ни Бабель, ни Булгаков – не мог бы угадать, что лет через тридцать у нас возобладает литература “деревенская” и теперь уже “реакционно-романтическая”».

Последняя фраза как будто бы взята из печально знаменитой статьи Александра Яковлева «Против антиисторизма»...

Лично у меня с Дезиком отношения были почти дружескими. Работая в 1960–63 годах в журнале «Знамя», я напечатал цикл его стихотворений, а в «Юности» рецензию на книгу «Второй перевал», и этот поступок Дезик оценил с благодар-

ностью, тем более что велеречивых эпитетов я не пожалел: «Самойлов – один из тех поэтов, которые пытаются найти в окружающем мире гармонические связи и сопротивляются распаду и бессмысленности жизни». Такие вот были в рецензии красивые фразы. Дезик знал, что я увлечен стихами Слуцкого и благодарен ему за помощь в издании моей второй книги «Звено», редактором которой был Борис Абрамович. Однако Дезик, тем не менее, предложил мне игру, которая заключалась в том, чтобы увести от Слуцкого его способного ученика, то есть меня, к нему, к Дезику. Мы, похохатывая, обсуждали этот план нашей «измены» Борису Абрамовичу, и когда последний узнал об этом, то, улыбаясь в усы, подписал мне свою очередную книжку: «Поэту Станиславу Куняеву – отпускная (согласно прошению), Борис Слуцкий».

До этого все свои книги Слуцкий подписывал мне одинаково: «В надежде славы и добра».

Дезик же, узнав, что я избавился от «крепостной зависимости», обрадовался и на книге «Весть» поставил автограф: «Стасику – от учителя, который не испортил дела» (перефразировав свою строку: «не верь ученикам, они испортят дело»). А книгу «Равноденствие» сопроводил шутливой надписью: «Стаху с Галей эту книжку непринужденную без излишку. С любовью. Д. Самойлов».

* * *

Как мне помнится, на еврейские темы мы с Дезиком всерьез ни разу не говорили. Видимо, оберегая наши отношения. Я не знал, как он отнесется к такому разговору. В стихах его, в отличие от стихов Слуцкого, почти не было каких-либо прямых мыслей из этой сферы. И лишь сейчас, когда вышли книги, мною вышеупомянутые, многое проясняется. Весьма важны воспоминания Дезика о еврействе его отца:

«Он всегда удивлялся, когда его еврейские коллеги жаловались на преимущество русских при распределении должностей и званий. Еврей министр или военачальник казались

ему явлением скорее неестественным, чем естественным. А мне он говорил неоднократно, что в русском государстве должны править русские, что это естественно и претендовать на это не стоит».

Одним словом, старорежимный умный еврей Самуил Кауфман при царе жил «по Розанову», который считал, что евреям в Российском государстве можно находиться лишь у подножия трона, но ни в коем случае не претендовать на него и на высшие государственные должности.

Дезик, видимо, понимал эту историческую реальность и по-своему даже осуждал соплеменников, ставших то и дело во время и после революции нарушать этот неписаный закон:

«Тут были и еврейские интеллигенты, или тот материал, из которого вырабатывались... многотысячные отряды красных комиссаров, партийных функционеров, ожесточенных, одуренных властью... Им меньше всего было жаль культуры, к которой они не принадлежали».

Здравые суждения. Но в поэзии этой темы Давид не касался. Солженицын был прав, когда написал: «Еврейская тема – в стихах Самойлова отсутствует полностью». Однако из совершающейся вокруг тебя истории, из окружения не выскочишь, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», как говорил классик. И конечно же, Самойлов не мог то ли в силу давления среды, то ли из-за особенностей своей легкомысленной натуры обладать убеждениями отца. С волками жить – по-волчьи выть. Законы стаи, компашки, среды властно давили на гибкую психику поэта.

* * *

И тем не менее остаться в истории литературы русским поэтом Дезик жаждал. В середине 90-х годов я получил по почте из Америки книгу мемуаров моего бывшего знакомого литератора Давида Шраера-Петрова «Москва златоглавая». Я его помнил по 70-м годам и был с ним если не в дружеских, но и не во враждебных отношениях, и «Москву зла-

тоглавую», посвященную цэдээловской писательской жизни, прочитал с интересом. Поэтом Давид Петров был никудышным, но тщеславным, и сущность его воспоминаний заключалась в том, что советская власть не давала ему выразить полностью его еврейство и тем самым душила как поэта... В главе о Давиде Самойлове он подробно вспоминает, как пытался разжечь в душе Дезика огонек еврейского национального самосознания, как Дезик отчаянно сопротивлялся его оголтелому натиску и как в конце концов дело кончилось их полным разрывом и отъездом Петрова в Америку, где его «национальное самосознание» расцвело пышным цветом. А отношения Шраера с Самойловым в «Москве златоглавой» изображены так:

«Я заговорил с ним о реальной возможности писать и публиковать в предполагаемом русскоязычном еврейском журнале стихи и прозу русских писателей еврейского происхождения... Самойлов сделался грустен и все оглядывался на Пушкина, хотя мы были почти у Никитских ворот. Я не унимался: “Ведь у каждого из нас, начиная с Маршака, Сельвинского, Алигер, Слуцкого есть такие стихи...”. “У меня нет таких стихов, Давид”, – сказал он и поспешил к остановившемуся троллейбусу...»

А когда Петров в 1979 году подал документы на выезд из СССР и его книгу вычеркнули из планов издательства, у него потребовали вернуть писательский билет и лишили права покупать книги в писательской лавке, то он бросился за помощью и советом к Самойлову. Но Дезик холодно сказал ему: «“А на что вы рассчитывали, Давид? Вы разорвали с системой. Система не прощает...” Он проводил меня до порога».

Настоящий же момент истины в их отношениях произошел незадолго до отъезда Шраера на Запад. Он приехал попрощаться с Дезиком в Пярну, где в этот день проходил поэтический вечер Самойлова, после вечера они случайно встретились.

«В этот момент из кафе выкатился Самойлов в сопровождении актера Михаила Козакова. Я кивнул Самойлову, не

желая останавливаться, потому что он был в тяжелом подпитии. Но, предупредив этот маневр, Дезик схватился за мой рукав и окликнул Козакова: “Миша, ты знаком с Петровым-Шраером?” Козакову было стыдно, он не хотел скандала. Мы были знакомы, хотя и шапочно: “Мы знакомы, Дезик”, – уводил он Самойлова подальше от греха. “Вы знакомы? Прекрасно, Миша, может быть, ты знаешь, что этот поэт собирается печатать стихи в Израиле или Америке. Мало ему было России! Но поверь мне, Миша, у него и там не будет успеха! Слышите, Давид, у Вас ничего не выйдет, ни в Америке, ни в Израиле, как не вышло в России!” Козаков с трудом увел разбушевавшегося Дезика».

Но Дезик оказался прав. Ничего не вышло. Шраер был помешан на том, что искал у всех своих знакомых, почеловечески приветливо относящихся к нему, имевших неосторожность похвалить его стихи (порой просто из вежливости), каплю еврейской крови. А уж ассимилированных и желавших искренне вписаться в русскую литературу поэтов еврейского происхождения Шраер-Петров бесцеремонно пытался полностью окрестить в еврейскую веру, сделать отказниками и даже убежденными сионистами. Мало того что он решил поработать над подобным перевоспитанием Дезика, как явствует из его мемуаров, Шраер даже во мне заподозрил присутствие семитской крови только лишь потому, что моя мать – чисто русская женщина, дочь крестьянки из калужского села Лихуны Дарьи Щеголевой и отца из деревни Петрово Никиты Железнякова, показалась ему по внешнему виду еврейкой, и он даже воспел ее чуть ли не библейскую красоту в своей книжечке «Москва златоглавая», а меня осудил за то, что я после смерти матери «освободился» от ее «влияния»: «Со смертью матери оборвалась его связь с чем-то очень важным», «она лежала в гостиной на тахте, темноволосая, пожелтевшая, с красивым четких линий лицом, похожая чем-то на мать Василия Аксенова... Умирала от рака».

Здесь все – больные фантазии Шраера. Красавицей моя мать не была; в Москве лежала в моей квартире после того, как

сломала шейку бедра; на мать Аксенова Евгению Гинзбург она ничуть не была похожа, и не от рака она умерла, а потому, что в Калуге мыла распахнутые окна, упала по неосторожности из окна со второго этажа и сильно разбилась. А что касается ее якобы еврейского происхождения, в чем уверен Шраер, то пусть он прочитает лучше, как калужская девочка служила домработницей в богатой еврейской семье во времена нэпа.

Но Петров-Шраер рвет на себе волосы с горя: как это Стасик, у которого мать похожа «на мать Аксенова», выступил на дискуссии «Классика и мы»: «Весь ЦДЛ гудел. Он выступил с шовинистических позиций. Я встретил Куняева через несколько дней в коридоре секретариата СП СССР.

“Стас, что ты такое там говорил! До чего ты дошел! Вспомни о своей матери!” – закричал я. “Вы не понимаете моей позиции, – ответил мне Стасик, – пришиваете мне вульгарный антисемитизм, а это – защита русской литературы”. – “От кого?” – “От тех, кто ее разрушает вот уже 60 лет!” – “Ты был лучше защитил ее от цензоров”, – закричал я...»

По глупости своей Шраер переживал случившееся горько и безутешно.

* * *

Но отвергнуть притязания Шраера Самойлову было легче, нежели стать подлинно русским поэтом, хотя он многое понимал умом, о чем свидетельствует одна из его дневниковых записей.

«Сионисты или космополиты со своим эгоцентризмом в сто раз честнее, чем наши евреи-диссиденты со своими клятвами в любви к России и русской культуре и со своими жалкими словами о том, что не хотят, чтобы обижали их детей.

Для русского еврея обязанность быть русским выше права на личную свободу...»

Однако ум умом, а кровь кровью, и окружение окружением.

Вот как он вспоминает о своем школьном дружеском окружении 30-х годов:

«Феликс Зигель, Лиля Меркович», «У Лили бывал Юра Шаховской, Люся Талалаева, Илья Нусинов, заходила красивая и очень большая Мила Польстер, Анна Пользен, заглядывал Лева Безыменский».

Предвоенный круг самойловских товарищей-ифлийцев я приводил выше. На его фоне русский Сергей Наровчатов и украинец Михаил Кульчицкий выглядели, как две белые славянские вороны.

После войны состав самойловского окружения в силу естественных причин сменился. Не сменились только главные принципы – национальный подбор кадров и кастовая замкнутость.

Дезик с нежностью перечисляет несколько обновленный состав «ифлийцев», которому не удалось в полной мере осуществить довоенную программу единения с властью: известный радиожурналист Юра Тимофеев с женой поэтессой Вероникой Тушновой; драматурги А. Зак и Исай Кузнецов, писавшие дуэтом. Был еще один дуэт – Коростылев и Михаил Львовский. «Обе эти пары насмешливый Борис Слуцкий называл полудраматургами». В радушной богемной квартире Юры Тимофеева завсегдатаями были старые друзья – издатель Борис Грибанов с женой Эммой, переводчик Леон Тоом, тоже с женой Натальей Антокольской, дочерью поэта, в просторечии именуемой просто Кипсой. Вся эта тусовка собиралась в центре Москвы, рядом со снесенной сейчас закусочной «Эльбрус» и с Литературным институтом. Из «арийцев» был один эстонец – Леон Тоом, который вскоре покончил жизнь самоубийством. Об этой тусовочной компашке Дезик вспоминает так: «В годы разобщения она была островом дружбы и доверительности» для деморализованной ифлийской касты.

Мы пели из солдатской лирики,
и величанье лейб-гусар –
что требует особой мимики.
«Тирлим-бом-бом», потом – «по маленькой».
Тогда опустошались шкалики;
мы пели из блатных баллад

(где про шапчонку и халат)
и завершали тем домашним,
что было в собственной компании
полушутя сочинено...

Конечно, туда заходил и мэтр – Павел Антокольский, высоко ценимый средой своих почитателей. Самойлов выделяет его, как одну из опор их духовной жизни.

«Он был умен, высоко одарен, открыт, щедр, прост. Он являл собой удивительный тип интеллигента, уцелевшего в самые страшные годы».

Не знаю, лукавил Дезик или не знал, что Павел Антокольский вложил свой весомый вклад в создание атмосферы еще более страшных для ифлийцев годов – 37-го и 38-го, когда издал книгу стихотворений «Ненависть».

В ней что ни стих – то «антиифлийский» политический перл: Сталин произносит клятву над гробом Ленина, Сталин – лучший друг пионеров, Сталин – избранник народа, и все это завершается поэмой «Кощей», в которой поэт объясняется в любви к НКВД, в ненависти к врагам народа и требует:

Чтобы прошел художник школу
Суда и следствия и вник
В простую правду протокола,
В прямую речь прямых улик,
Чтоб о любой повадке волчьей
Художник мог сказать стране,
И если враг проходит молча,
Иль жмется где-нибудь к стене,
Чтоб от стихов, как от облавы (! – *Ст. К.*)
Он побежал, не чуя ног,
И рухнул на землю без славы,
И скрыть отчаянья не мог.

Не мог этого Дезик не знать, но, как водится, корпоративно-племенные отношения оказались сильнее принципов, и то, что

еврейские интеллектуалы не прощали Грибачеву, Софронову или Кочетову, то всегда сходило с рук Симонову, Антокольскому или какому-нибудь Арону Вергелису. Одному только человеку своей крови Дезик не мог простить прегрешения. Я-то думал, что Самойлов не любит эту известную поэтессу М., как тип местечковой экстремистки. Однако дело было в другом. Она увела его друга Леона Тоома от Кипсы Антокольской. Ну увела и увела – дело обычное. Но Тоом вскоре погиб, и о его гибели Дезик вспоминает так:

«Тоом откровенно рассказал мне о себе...

– Я никогда не был так несчастен... – несколько раз повторял он.

Похороны его были немноголюдны... Никто не произносил речей. Не было и поминок. Погиб он, упав из окна своей квартиры, при неясных обстоятельствах. Слуцкий собирался опросить свидетелей его смерти. Но Наталья Павловна (первая жена Тоома. – *Ст. К.*) просила этого не делать».

Самойлов не написал в дневниках ничего больше о смерти Леона, но однажды в минуту хмельной откровенности рассказал мне, что Тоом незадолго до смерти был совершенно измучен тем, что был должен то и дело доставать для своей новой жены очередную дозу наркотиков, а это в советской Москве было делом и безумно дорогим и просто преступным. Не всегда это удавалось Леону, но тогда молодая жена не давала ему пощады. Многие думали, что из-за этого он и покончил с собой. Вот так попрощался Дезик с одним из редких своих друзей-неевреев и возненавидел свою одноплеменницу.

Увидев в ресторане ЦДЛ ее сутулую фигуру с горбоносым профилем, обрамленным гривой прямых черных волос, Дезик всегда отворачивался от нее и с ужасом, чуть не плача шептал:

– Ты, Стах, держись от этой ведьмы подальше! Она и поэтесса плохая. И стихов ее не читай!

И все-таки для него друзья-литераторы из своей кровной компашки были ближе, дороже, роднее, нежели «не свои» – та-

лантливые русские люди, в которых он всегда отмечал какую-нибудь червоточинку.

Вот характеристики из его дневниковых записей и писем:

«Приятный умный Эйдельман»; «Клейнер читает хорошо. Он вообще один из самых лучших чтецов у нас, если не самый лучший»; «приезжал Кома. Славный разговор с взаимопониманием», «Копелев переводит гениально»; «Лева Адлер... умный, хороший, думающий человек»; «Марк Бершадский был талантливый, обещающий юноша, добрый, обаятельный, храбрый»; «Гердт печален и умен»; «умер Наум Гребнев. Большое огорчение. Это был умный одаренный человек. Он жил закрытой ненавистью и, кажется, никогда не мог подняться над антисемитизмом»; о Л. Я. Гинзбург: «Она очень умная»; о Ю. Дикове: «Он очень мил и любит, кого надо, и не любит, кого надо»; о Михаиле Козакове: «умен, незлобив, интеллигентен»; о Л. Чуковской: «Какая она хорошая, точная, умная и наивная»; о Науме Коржавине: «Говорили тепло. Он милый»; об Иосифе Бродском: «Скрупулезен в мелочах, иногда в них пронзителен и гениален»; «славный мальчик Леонид Фельдман»; «А. Володин очень талантливый драматург»...

Подобные выписки «о своих» можно продолжать без конца.

А вот что писал Самойлов в дневниках о нас, русских: о Кожинове: «Он энергичный, честолюбивый ненавистник... Всегда ощущение от его высказываний, что за ними таится еще что-то грубое, корыстное, тревожное и непрошибаемое».

Вадим Кожинов, находившийся с Дезиком в нормальных человеческих и литературных отношениях, незадолго до смерти обнаружил, что со стороны последнего отношение к нему было фальшивым. Кожинов написал послесловие к сборнику «Свет двуединый», составленному поэтами М. Грозовским и Е. Витковским из стихотворений еврейских поэтов о России, в котором была такая запись:

«Дезик в свое время преподнес мне свою лучшую, на мой взгляд, книгу “Дни” с порадовавшей меня надписью: “Вадиму – человеку страстей, что для меня важней, чем человек

идей, – с пониманием (взаимным). Где бы мы ни оказались – друг друга не предадим. 1.03.71. Д. Самойлов".

Но прошли годы, и мне показали публикацию "поденных записей" Дезика, где именно 1.03.71 начертано:

"Странный темный человек Кожинов"... И еще одна – не датированная запись: "фашист – это националист, презирающий культуру... Кожинов, написавший подлую статью об ОПОЯЗе – фашист"» (Д. Самойлов. Памятные записи. М., 1995 г., стр. 431)».

Кстати, благожелательная дарственная запись Кожинову, которую Самойлов оставил на книге «Дни», была сделана при мне в квартире Вадима, где мы по приглашению хозяина выпивали, закусывали и дружески рассуждали о литературе... А ночью после этого Дезик пишет о Кожинове как о фашисте. Тут поневоле поверишь заповедям «Шулхана Аруха» о том, что гоям можно говорить неправду, обманывать их и что это для еврея не грех...

Приведу еще несколько записей Дезика о русских писателях: «чалмаевщина» – ну это абсолютная терминология ренегата Александра Яковлева; «балалаечники (Тряпкин, Фокина)»; «печенеги (Глушкова, Куняев)», об Александре Блоке: «человек он был страшноватый»; «Перечитываю "Дневник писателя за 1876 год", никак не могу полюбить эту книгу, хотя мыслей там уйма. "Мальчик на елке", "Марей" и "Столетняя" уж очень натужны, как вообще наиграна у Достоевского вера в бога и любовь к народу»; «"Карантин" В. Максимова. Книга пестрая и невежественная»; «Палиевский, Куняев и Кожинов выкинули фортель на обсуждении темы "Классика и современность". Честолюбцы предлагают товар лицом. Люди они мелкие. Хотят куска власти. Интеллигенты негодуют и ждут конца света. Стасик прислал мне книгу с трогательной надписью».

Я помню, что сделал это сознательно, не без оснований надеясь, что Самойлов внимательно отнесется к дискуссии «Классика и мы» и поймет ее сущность. Однако, судя по дневниковой записи, сделанной по горячим следам, рассчи-

тывать на понимание у него мне не приходилось. Правда, в письме от него, полученном мной после дискуссии, он обо всем высказался гораздо дипломатичнее, мягче, нежели в дневниковой записи тех времен:

«Дорогой Стасик!

Спасибо тебе за книгу, за добрую надпись и за письмо.

Я думаю, что между нами ничего дурного не происходит и ничего дурного не произойдет. Просто по российской привычке все путать, мы путаем мировоззрение и нравственность. Французы уже это превзошли во времена Гюго.

Может быть нравственный обскурант и безнравственный либерал. Я это хорошо понимаю, и в своих отношениях с людьми исхожу из нравственного, а не из мировоззренческого.

А нравственное, по-моему, состоит в неприятии крови. Слишком много ее пролилось за последние десятилетия. И ради чего угодно нельзя допустить новых кровопролитий.

Кровь ничего не искупает. Она противна культуре. Только тот, кто участвовал в кровопролитии, может это понять.

Свою единственную задачу я вижу именно в этом: утверждать терпимость, пускай я это делаю без должного таланта и понимания искусства. Бог с ним, с искусством.

Призываю и тебя быть терпимее и не возбуждать себя до крайностей.

Будь здоров. Привет Гале.

Твой Д. Самойлов»

Я-то думал, что он, гуманист и философ, поймет мой бунт против Багрицкого, осудит вместе со мной страшные идеи местечковых чекистов: «Но если век скажет “солги” – солги, но если век скажет “убей!” – убей». Нет, Дезик ничего не сказал о кровопролитии, которое воспевал и прославлял Багрицкий-Дзюбин:

Их нежные кости сосали грязь.
За ними захлопывались рвы.
И подпись под приговором вилась,
Струей из простреленной головы.

Дезик промолчал о той крови, как будто ее и не было. Но осудил меня за то, что якобы мое выступление на дискуссии призывает к кровопролитию.

А в дневнике он сделал совсем уж непотребную запись: «Апокалиптические слухи. Письмо Куняева, письмо Рязанова. Возбуждение и растерянность, экстремисты требуют крови, и она будет. Провинция прет на Москву, а там некому сопротивляться, кроме узкого круга “столичной интеллигенции”» (Запись от 11.02.1981). Он тогда же написал стихотворение, строки из которого процитировал Давид Шраер-Петров в своей книге: «А все ж дружили и служили, и жить мечтали заново. И все мечтали. А дожили до Стасика Куняева».

Постепенно Дезик терял способность к поиску истины, к мужественной мысли, к настоящему спору. Его дневник стал фиксировать всякую мелочь, касающуюся его или его единомышленников:

«Поносная статья Куняева в “Нашем современнике” против Чупринина», «выпады против меня и Левитанского», «М. Алексеев в «Москве» отказался печатать поносную статью Глушковой против меня». (А между прочим, эта статья – одна из самых умных и глубоких, написанных о творчестве Д. Самойлова.)

«Приходил Мезенцев, рабочий из Северодвинска, одержимый поклонник Высоцкого. Ненавидит Куняева, презирает “Наш современник”» (1987 г. 17.05).

«Статья Глушковой против меня. Глупо. Бездарно. Грязное воображение. Против жидомасонства – шизомасонство».

Года за два до смерти, от страха что ли, когда наши СМИ и ТВ запугивали еврейских обывателей скорыми погромами, у Дезика совершенно явно ожили все еврейские комплексы и в истерической форме выплеснулись на страницы дневника:

«Если меня, русского поэта и русского человека погонят в газовую камеру, я буду повторять: “Шма исроэл! Адонай элэхейну, Адонай эхад!” Единственное, что я запомнил из своего еврейства» (4.08.1988). В переводе – начало еврейской молитвы: «Слушай Израиль! Господь – наш Бог, Господь один!» Су-

ществуют воспоминания, что начальник сталинской охраны Паукер рассказывал Сталину, будто бы когда Зиновьева повели на расстрел, то он читал на древнееврейском слова этой молитвы... Бедный Дезик...

Все последние годы жизни он был тесно окружен идейными диссидентами. Многие из них позже уехали из Советского Союза – Копелев с Орловой в Германию, Дина Каминская и Константин Симис – его старейшие друзья – в Америку, Анатолий Якобсон, которого Дезик почему-то считал чуть ли не первой фигурой нашей литературной критики, – в Израиль.

Но выше всех друзей своей второй, «теневой жизни», Дезик ценил Юлия Даниэля.

«31.01.1989 г. (дневниковая запись в Пярну. – *Ст. К.*):

По радио услышал о смерти и похоронах Даниэля. Большое горе. Юлика привел ко мне Андрей Синявский в самом начале 60-х – послушать стихи. Даниэль сразу мне понравился. Юлик был наделен умом, дарованием и обладал приятным нравом. Но главное его свойство – умение точно и безошибочно поступать, как будто без размышлений и колебаний, не вдаваясь в подробности, не мучась сомнениями. Это было нечто вроде абсолютного слуха на нравственный поступок. Я всегда прибегал к его советам по сомнительным вопросам. Он отвечал кратко и сразу: “Я бы так не сделал” или “Я бы сделал так”. Это всегда было просто, убедительно и исполнимо. [...] Стихи его не казались мне талантливыми, но всегда были нравственно точны, как и его поступки и все поведение.

Во время процесса Синявского и Даниэля я подписал письмо в их защиту [...] После лагеря он переводил стихи под псевдонимом Петров. Делал и негритянскую работу. Под моим именем напечатана переведенная им поэма Кайсына Кулиева и “Уманские истории” Бажана...»

Нинель Воронель, которую я хорошо помню по 60-м годам, обретшая известность в литературных кругах после перевода «Баллады Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда, была близко знакома и с Дезиком, и с Юликом. В своей книге «Без прикрас», вышедшей в Москве в 2003 г. (изд. «Захаров»),

она опубликовала целую главу с названием «Дезик и Юлик». И вообще книга любопытна для понимания нравов всей нашей «диссидентуры», внутри которой вращалась Нинель Воронель. К Дезику в Опалиху, где он жил с новой семьей, она приехала по делу.

«Неожиданно – уже не помню, по чьей инициативе, – он предложил мне стать его “негром”: то есть писать под его именем халтурные сценарии для радиопьес [...] Для переговоров об этом мы с Сашей и поехали в Опалиху, где у Дезика тогда был собственный дом».

Оказывается, у переводческой мафии в те времена было обычным делом набирать в издательствах огромное количество заказов, распределять их «своим неграм», подписывать переводы своим именем, получать гонорары, видимо, какой-то процент гонорара оставлять себе и т.д. Этим занимался не только Дезик, но и Тарковский, и Аркадий Штейнберг, да и, наверное, многие популярные переводчики.

После таких признаний и даже судебных разбирательств, случившихся, как мне помнится, между Арсением Тарковским и Аркадием Штейнбергом, трудно быть уверенным, что переводы Самойлова или Межирова, Гребнева или Козловского принадлежат именно им, а не их «литературным неграм». Но речь о другом. В своих дневниках Самойлов восхищается «абсолютным слухом» Юлия Даниэля «на нравственный поступок». Однако Нинель Воронель, нынешняя гражданка Израиля, с упоением рассказывает в своей книге о нравах, бытовавших в доме Даниэля и его жены Ларисы Богораз. Впрочем, это, видимо, вообще были нравы всей тогдашней диссидентуры, в том числе и героев похода на Красную площадь, совершенного в знак протеста против вторжения советских войск в Чехословакию.

Из книги Н. Воронель «Без прикрас»:

«Дом его заполнили толпы какого-то проходящего мимо народа, – собеседников, собутыльников, сексотов, соглядатаев и переменных подружек. Временами начинка его запущенных комнат, обклеенных этикетками выпитых бутылок спиртного,

которых становилось все больше, напоминала мне видения из картин Иеронима Босха. Нетрезвые существа обоего пола кучно валялись на полу, свисали со столов и диванов и сплетались в гирлянды. Стайка харьковских поэтов и поэтесс игриво проплывали из дверей в окна, совокуплялись по пути то друг с другом, то с хозяином, то с кем-нибудь из гостей. И всем им без разбора Юлик читал свои крамольные повести, опубликованные заграницей» (с. 222).

Вот такой «нравственной» жизнью жил похотливо тщеславный герой дневников Давида Самойлова.

Неслучайно, конечно, в годы либерально-еврейского реванша, именуемого перестройкой, были предприняты отчаянные усилия, чтобы реанимировать и героизировать ИФЛИ и его питомцев, «вживить» эту касту в общественное сознание, изобразить ифлийцев предшественниками не только либералов-шестидесятников, но и демократов. Не где-нибудь, но именно в «Еврейской газете» (№ 47–48 за 2006 год) на полосе под названием «Еврейская улица» была опубликована статья Ларисы Белой «Жил Александр Григорьевич» о литературном критике, ифлийце Александре Когане, посвятившем чуть ли не половину своей жизни созданию сборника об истории «Красного лицея».

«Тридцать пять лет из-за издательской осторожности застойной поры прошло от замысла до выхода в свет книги “В том далеком ИФЛИ”», «Александр Коган, – пишет автор статьи, – говорил, как заклинание: не умру, пока не выпустим ИФЛИ. Книга в 1999-м вышла в свет».

Состоит она, как сообщает «Еврейская газета», из «собрания замечательных документов эпохи – воспоминаний, писем, фотографий, стихов и прозы ифлийцев». К сожалению, я не знал об этом издании, но другую книгу, возможно, не менее интересную, изучил внимательно. Называется она «Поэтический пантеон победной войны» (изд. 2005). Стихи в этот пантеон собрал и переложил своими статьями и размышлениями Петр Алексеевич Николаев. На страницах сборника сказано, что он «фронтовик», «литературовед», «заслуженный про-

фессор МГУ», «член-корреспондент РАН», «вице-президент Российской Академии Словесности», «вице-президент Международной ассоциации профессоров», «секретарь Союза писателей СССР» и т.д. Я же помню его скучнейшие лекции по истории литературы, с которых в 1952–53 годах мы, студенты 1 и 2-го курса филфака МГУ сбегали из Коммунистической аудитории целыми группами, и оставалось нас от всего курса слушать лекции «Петруши» – как мы его звали – не больше, чем остается депутатов в нынешней Госдуме во время самых никчемных и пустых ее заседаний.

Однако карьеру при полном отсутствии способностей выходец из мордовской провинции Николаев сделал удивительную. Цитирую из предисловия к книге: «По многим своим качествам: соединению интереса к прошлому и настоящему, широкой эрудиции, блестящей памяти он близок академику Д. С. Лихачеву, которого называли совестью нации. Именно Д. С. Лихачев рекомендовал в свое время П. А. Николаева в состав Российской Академии наук. Сегодня Петр Алексеевич продолжает многие научные и просветительские проекты выдающегося ученого, лидера русской культуры в 80–90-е годы XX века: руководит изданием многотомной антологии “Шедевры русской литературы”, является главным редактором многотомного энциклопедического словаря “Русские писатели, 1800– 1917 г.г.”. П. А. Николаев автор 620 печатных работ, в том числе 18 книг; читал лекции в 48 университетах мира. [...] сближает двух великих русских ученых (Д. Лихачева и П. Николаева – *Ст. К.*) и острое чувство причастности ко всему происходящему». Читал я этот панегирик и глазам своим не верил: вот в кого вырос наш скучнейший аспирант Петруша – в нового Ломоносова, в советского Белинского, в фигуру под стать гигантам эпохи Возрождения! Как же это произошло? – Но, перелистав книгу до конца, я понял, что помогло Петру Алексеевичу. Конечно, он мог бы сделать вполне приличную карьеру после того, как в начале 80-х выступил в газете «Правда» и показал «идейную порочность» взглядов Юрия Селезнева, а потом проделал ту же операцию с Михаи-

лом Лобановым, опираясь на принципы соцреализма и требования «Коммунистической партии... в активном формировании нового человека» (статья «“Освобождение” от чего?» // ЛГ. 5.1.1983). Но такого рода шельмование честных русских писателей было делом рутинным, больших дивидендов не давало, и Петр Николаев нашел для карьеры более крупные козыри: выгодную женитьбу и любовь к ИФЛИ. О первом факторе Николаев пишет с редким, мягко говоря, простодушием, а вернее, с той простотой, которая, по русской пословице, «хуже воровства»:

«Известно, что в 1920–30-е годы люди, желавшие идти во власть, стремились жениться на еврейках и даже пытались изменить имена своих жен с русских на еврейские. С такой женщиной (женой министра путей сообщения Ковалева) мне пришлось однажды откровенно разговаривать о том, почему она свое девичье имя Дарья сменила на Дору. Муж сказал, что он не сделает карьеру, если она оставит свое русское имя» («Политический пантеон», стр.75).

Женой мордовского паренька Петра Николаева стала женщина по имени Ирина Иосифовна, дочь медика сталинской эпохи в генеральском звании. Ей не нужно было, как русской жене министра путей сообщений, притворяться еврейкой, с этим у нее все было в порядке. Недаром ее Петруша еще до необыкновенных карьерных успехов в профессорских, академических и прочих сферах уже в 29 лет, как пишет сам «великий российский ученый» «участвовал в заседании Центрального Комитета партии в январе 1953 года, где обсуждался вопрос с ошеломляющим названием “О трагическом состоянии советского кино”. Мне было 29 лет, я уже работал председателем сценарной коллегии Министерства кинематографии и потому был приглашен на это высокое собрание». Ирина Иосифовна занимала крупные посты в Государственном комитете по печати СССР и все у Николаева было в ажуре, когда бы не одно горестное обстоятельство послевоенных лет:

«И вдруг однажды все переменилось (может быть, дружба с Гитлером и одинаковые эстетические вкусы: в окружении

Гитлера и Сталина писали одинаково – как под копирку – статьи о социалистическом реализме), вместо поклонения всему еврейскому в 1940-е годы в общественном сознании стало внедряться сверху, разумеется от вождя, антисемитское воззрение на мир».

Забыл Петр Алексеевич, сколько он сам налудил статей о соцреализме. Да и о «дружбе» Сталина с Гитлером, уже раздавившем в мае 1945 г. во рту ампулу цианистого калия, могут всерьез писать лишь олигофрены. Но поразительнее другое: наш второй Лихачев сокрушается о том, что в 40-е годы «вместо поклонения всему еврейскому» начинает «внедряться сверху... антисемитское воззрение на мир». Скучнейший и вреднейший был этот литературный функционер, но чтобы верить, будто «поклонение всему еврейскому» в России будет продолжаться до Страшного Суда – это уж слишком...

Впрочем, этих глупостей в его «пантеоне» не счесть: «У нас в общежитии каждую ночь арестовывали по несколько человек. Начали с тех фронтовиков, кто имел больше всех орденов. Было такое чувство, что Сталин хотел избавиться от всех участников войны»; «Сталин был трусом, боялся героев войны, победителей»; «Русская литература XX века страдает комплексом неполноценности... Ни одна строка Пушкина, касающаяся Полтавской битвы, или строки Лермонтова о Бородино не могут даже претендовать на сравнение со строками, созданными поэтами – участниками войны в 40-е годы XX века» (естественно, это в первую очередь строки Самойлова, Левитанского, Окуджавы, Евтушенко); «Сталинская эра была эпохой культа безличности» (Сталин, по его мнению, личностью не был. – *Ст. К.*). «Успели же карательные органы отыскать в Ленинграде более 50 тысяч немцев, родившихся и проживающих в городе и возле него. Большинство из них было вывезено за Урал и потоплено в Иртыше»; «Николай II был гораздо умнее Сталина и советского руководства: в 1914 году он призвал в русскую армию немцев, родившихся в России, и даже назначал их командирами дивизий»; «Решение Сталина выслать всех евреев на Дальний Восток... было

продолжением политики царской власти в отношении гонимой нации»; «Генералы везли вагонами немецкий фарфор и другие трофейные ценности и понастроили гигантское количество дач, куда и поместили этот фарфор» и т.д.

Естественно, что чуть ли не на каждой странице книги прославляется «Красный лицей»: «До войны она училась в знаменитом МИФЛИ», «среди погибших поэтов, как уже отмечалось, были немало студентов МИФЛИ. Образ защищаемой родины выступал в образе их любимого института».

Родина – «в образе любимого института», история которого прославляется на страницах «Еврейской газеты»... Это нечто новое в литературоведении (это сильнее, чем у Вознесенского: «Политехнический – моя Россия»). Да и весь идейно-эстетический багаж нашего академика – ифлийский. И ненависть к Сталину – ифлийская, и «поклонение всему еврейскому» – ифлийское, и любимые строки о войне – «война гуляет по России, а мы такие молодые» (Самойлов) или «мы все войны шальные дети» (Окуджава) – у него ифлийское, то есть залихватски-маркитанское, «флибустьерское», «прогулочное»... Да и Отечественную войну, в которой он сам участвовал, наш мордовский шабесгой сомневается, можно ли называть Великой...

* * *

Последние 15 лет своей жизни Дезик с семьей прожил в эстонском городе Пярну. Как высокопарно пишет о его литературной судьбе вдова поэта Г. Медведева, в это время «кончился моцартианский период жизни и творчества» (с кем сравнить Д. Самойлова? Разве что с Пушкиным или Моцартом! – *Ст. К.*). Поэт осваивает дневниковую прозу, жанр воспоминаний. «Образцом, с постоянной поправкой на недосягаемость, – по словам Медведевой, – служили “Былое и думы”».

Как Герцена в лондонской эмиграции, его навещают только свои: диссиденты эпохи 70–80-х годов, будущие «демократы», отказники, будущие эмигранты. Круг его общения

крайне сужается, говоря современным языком, до «тусовки». Он теперь питается только слухами: «Приехал Феликс Зигель. Рассказывал о русском фашизме».

Иногда Дезик делает робкие шаги в сторону активных и настоящих врагов советской жизни, но каждый раз останавливает себя, комплексует, ему и власть уязвить охота, и страшно чего-то лишиться. Словом, «и хочется, и колется», а сидеть на двух стульях трудно.

«Меня, кажется, лишают квартиры за общение с А. Д. Сахаровым» (роскошную пятикомнатную квартиру он получил через четыре месяца. – *Ст. К.*), «много говорят о моем вечере на телевидении», «не сказать ли мне на вечере речь, после которой меня закроют» и т.д. Вот красноречивые примеры этих комплексов.

Приняв на себя роль маленького эстонского Герцена, он постепенно утрачивает трезвый взгляд на историю, справедливую оценку прошлого, то есть многое из того, что у него было до эстонского периода жизни, когда, к примеру, он мог записать в дневнике: «Диктатура Сталина в известной мере сдерживала претензии “нового класса”». Или о том, как Сталин остановил волну мстительного кровопролития, к которому призывал Эренбург, когда наши войска вошли в Германию: «Тут только один Сталин мог удержать нас огромным своим авторитетом». Или запись о диссидентах-отказниках, объявивших голодовку: «Плевать им на историю. Сталину было не плевать. Он знал, как с ней обращаться». А через десять лет как будто совсем другой человек пишет: «Ясно, что страной управлял маразматик. Но страна этого не знала».

Отшатнувшись от меня, Кожинова, Палиевского, он не то чтобы впал в «русофобию» – но как будто прививка «русскости» в его существе «рассосалась». Ни одного русского поэта не осталось рядом с ним. Даже о Чухонцеве Дезик сделал несправедливую запись: «Его слегка русопятит. Как бы совсем не срусопятился». Не срусопятился...

Валентин Курбатов, к которому по пути в Пярну он часто заезжал в Псков, стал ему тягостен: «Думал Курбатову писать

серьезно. А потом понял, что это бесполезно. “Самородки” сейчас самая безнадежная часть литературы».

И Рубцова, как «самородка», он тоже не понял и писал о нем в дневнике с неизменной и, возможно, завистливой иронией: «Его тоже верстают в гении», «У нас классиками будут Бажов или Рубцов».

...Умер он в 1990 году в Пярну на вечере, посвященном поэзии культового поэта всех ифлийцев Бориса Пастернака, среди своих, на глазах у «прекрасного Гердта», умер в звании «заслуженного деятеля культуры Эстонии». Будучи одновременно принятым незадолго до смерти в Пен-клуб.

Дезик любил иронизировать над судьбой, а она подшутила над ним: убегая от «русского фашизма» в эстонскую эмиграцию, он оказался похороненным в одной из самых фашизированных стран современной Европы.

«Родина – это не там, где хорошо или плохо, а без чего нельзя жить», – писал он в лучшие для себя времена. Но не получилось остаться в России. Не устоял в истине.

Так же, как Александр Межиров, который однажды неосторожно пообещал мне в письме: «Я прожил жизнь и умру в России». Доживает он жизнь в Америке, где и будет похоронен. Впрочем, все это «обыкновенная история», как говорил Гончаров. То же самое произошло и с Бродским: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, на Васильевский остров я приду умирать». Поклялся, забыв, что в Священном Писании сказано: «не клянись»... Три клятвы. Трое поэтов, над которыми подшутила судьба, выбравших место для последнего успокоения в Италии, в Эстонии, в Америке, в эпоху, когда маркитанты победили лейтенантов. Надолго ли?..

ПАЛКА О ДВУХ КОНЦАХ

В 1988 году «Литературная Россия» напечатала размышления якутского писателя Софрона Данилова о наших

национальных делах. Размышления искренние и тревожные. Есть в них одна характерная, но спорная для сегодняшнего времени мысль. Данилов озадачен тем, что слишком рьяно взбивается пена вокруг национального вопроса, и вспоминает о том, что на фронте никто этой проблемой не болел, никто не интересовался, кто есть кто по национальности. Через сорок пять лет оставшиеся в живых фронтовые друзья встретились на берегу Лены.

«Когда говорил о себе участник войны, политработник и геолог Алеша Крамаренко, его закадычный друг Вася Колмогоров удивленно воскликнул:

– Да ты, оказывается, украинец. А я-то думал, ты просто Алеша Комар.

Не один он, Вася, видимо, так думал. Мы, дети разных народов и народностей, жили одной дружной семьей... И вот во время той встречи на берегу Лены с благодарностью подумалось: как хорошо, что нам до войны не вдолбили, кто какой национальности, и мы до сих пор остались друг для друга просто Васями, Алешами, Толями и Мишами!»

Признаться, я с горечью прочитал эти строки. Как могло случиться, что «закадычный друг» лишь на старости лет узнал об Алеше Крамаренко, что он украинец? Это же не интернационализм, а примитивизм, полное равнодушие к якобы близкому человеку. Подобная точка зрения «вдалбливалась» и до сих пор вдалбливается нам массовой прессой и выдается за вершину межнациональных отношений! Примеры чаще всего берутся из фронтового и лагерного быта, там, мол, люди не думают, кто есть кто. Но ведь это экстремальные, лишенные полноты и богатства жизни условия! Если ты не знаешь, что твой друг украинец, значит, не знаешь и того, что ему дороги Шевченко и украинская песня, значит, ты от невнимания к национальности и узбеку-мусульманину можешь предложить свинину или иронически отнестись к обряду намаза. В сущности, от непонимания того, что представляет из себя мусульманин-афганец, мы и зашли в тупик в Афганистане с нашей примитивно понятой идеей «интернационализма». Вместо богатого, сложного, соз-

данного культурой, религией, историей «национального человека» вокруг нас бродят безликие Васи, Алеши, Толи, Миши... Вот к какому интернационализму привела нас попытка тотальной денационализации страны, с кровавыми, а в данном случае с бескровными и, что самое страшное, с добровольными жертвами. И однако, читая дальше размышления Софрона Данилова, я заметил в них одно живое, обнадеживающее противоречие. Приветствуя и воспевая «казарменный интернационализм» (на мой взгляд, это синоним «казарменного социализма»), якутский писатель одновременно жалуется на то, что «у нас десятилетиями культивировалось пренебрежительное отношение к родному краю. Для обличения тех, кто хоть с малейшей привязанностью высказывался о родном аласе, колхозе и районе, было выдумано уничижительное словосочетание "аласный патриотизм:". Боязнь слова "якутский" иногда доходит до печальных курьезов».

А вот что пишет С. Данилов о языке. «Приехавшие погостить летом из города в деревню юноша и девушка разговаривают со своим дедушкой или бабушкой через переводчика». Читаешь и думаешь: как будто две ветви выросли из одного корня: одна ветвь – сухая, бесплодная, обескровленная засушливым дыханием «казарменного интернационализма», другая – живое, кровное национальное чувство. В одном человеке, не знающем, как свести концы с концами. Но самое драматическое место в размышлениях Данилова таково. Он горестно недоумевает, почему его внук говорит деду: «Я не хочу быть якутом...» И тут горестное чувство пронзает сердце писателя. Однако все логично: круг сверхчеловеческого возмездия, которое приходит к нам, по мысли Блока, в лице наших потомков, замкнулся. Ты не хотел знать, что твой закадычный друг украинец, а твой внук не хочет быть якутом. Подобный тоталитарный примитивизм в наше время усиленно пропагандируется «интернационалистами» то как призыв вычеркнуть из паспорта графу «национальность», то как предложение воспитывать детей так, чтобы они вообще никакого понятия о национальности не имели.

Писатель Лев Разгон в статье «Воспитание чувств» (Книжное обозрение. 1988, № 20) возмущается тем, что «пункт о национальности существует для ребенка с первых лет его жизни и в детском саду, и в классном журнале». Он ужасается, что в «престижных и важных действиях детсадовой жизни... имеет значение и национальность... Мне это странно и прискорбно видеть».

Я думаю, что Л. Разгон зря впадает в панику и запугивает феноменом национальности и себя, и читателя. У меня трое внуков. Я знаю, что такое детский сад, что такое его воспитательницы, и уверяю Л. Разгона, что никакого «престижного» значения ни одна национальность в детсадике не имеет, и в классном журнале, уверяю, русским, евреям, армянам ставятся оценки безо всякого учета, кто есть кто по национальности. Так что когда Л. Разгон с ужасом восклицает, пугая нас детсадовским национализмом, «интернациональное воспитание нужно начинать с того, чтобы искоренить подчеркивание национальности», мне смешно, а не страшно. (Попробовал бы Л. Разгон предложить эту практику конкретно эстонцу, армянину, казаху и т.д.) Когда человек в размышлениях доходит до крайности, он неизбежно начинает противоречить сам себе. Разгон сетует: «В современной детской литературе можно назвать одну-две книги, где рассказывается о том, как живут вместе дети разных национальностей. Этой темы стыдливо избегают». Но, во-первых, как же можно требовать, чтобы речь шла о совместной жизни детей «разных национальностей», если денационализированные дети даже не будут знать, кто они есть, а на всю жизнь останутся лешами, машами, васями?

* * *

В любом обществе, в любом народе есть законы и есть обычаи. Обычай, как правило, шире, глубже, естественнее, устойчивее закона. В России всегда было обычным, что человек любой национальности – армянин, бурят, грузин – по

своей воле мог врасти в русскую жизнь, ассимилироваться, стать русским, и никто не видел в этом ничего странного. Россия была открыта другим мирам, как христианство: «Пожалуйста, если есть на то Ваша воля, входите, живите, мы не против, мы не изоляционисты, наш удел не племенное сознание, а всемирное».

В свое время славянофил И. С. Аксаков (а ведь славянофилов считают чуть ли не основателями русского национализма) писал: «И Гильфердинг, и Даль – оба не русские по крови, но тем более причины для нас радоваться той нравственно притягательной силе русской народности, которая умела не только вполне усыновить себе этих иностранцев по происхождению и привлечь их к разработке своих умственных богатств, но и одухотворить их не русское трудолюбие русской мыслью и чувством».

Есть в русском характере одна особенность – и да не обидятся на меня люди других национальностей, если я похвалюсь ею. Попробуйте себе представить немца, стремящегося стать узбеком, или еврея, желающего слиться с чукчами, или бурята, врастающего в эстонскую стихию. Теоретически все возможно, но в жизни – едва ли. Русский же национальный инстинкт – «интернационален». Может быть, поэтому наш человек, инстинктивно ощущая такое свое свойство, назвал себя не именем существительным («немец», «грузин»), а прилагательным, как бы для того, чтобы другой национальный человек мог легко приложить, приладить к себе (существительному) прилагательное «русский». На этом пути языком были отвергнуты существительные: «росс», «русич», «русак» и т.д. Это русская открытость – наше величие и одновременно беда наша. Потому что, принимая в себя охотно чужую добрую волю, мы часто оказывались беззащитными перед волей злой: из-за открытости нам не хватало инстинкта самосохранения.

Вспоминаю замечательные слова Александра Герцена, человека с русско-немецкой кровью: «Мы выше зоологической щепетильности и совершенно безразличны к вопросу о

расовой чистоте, что не мешает нам быть вполне славянами. Мы очень довольны, что в наших жилах есть и финская, и монгольская кровь, это ставит нас в родственные и братские отношения с теми расами-париями, о которых гуманная демократия Европы не может говорить иначе, как тоном оскорбительного презрения».

Никого из русских не удивляет и никакой «русофил» не возмущается тем, что Валентин Распутин изобразил низменную натуру русского человека Андрея Гуськова или архаровцев, разоряющих Матеру. Но когда Белов в повести «Все впереди» наделил несколькими неприглядными чертами еврея Бриша – какой скандал поднялся в нашей русскоязычной прессе! Вот в чем заключается разница между открытым и закрытым национальным мироощущением, между готовностью к национальной самокритике и убеждением, что «в нашем национальном характере – все прекрасно». Но меня могут спросить: а имел ли моральное право русский писатель Белов создавать негативный образ человека другой национальности, затрагивать, как принято у нас говорить, еврейский вопрос?

Если принципиально сомневаться в подобном художническом праве, придется отменить добрую половину мировой литературы, философии, искусства. Но главное, на мой взгляд, чисто еврейского вопроса в России давно нет. Есть русско-еврейский вопрос, потому что евреи растворены в русском море, связаны с ним теоретически, культурно, весьма часто кровно, в конце концов, и когда на каком-то историческом витке начинается очередное еврейское брожение, оно не может не задевать русскую историю, русские судьбы, русские интересы. Вообще национальный вопрос всегда как минимум двусторонний, всегда обоюдоострый, всегда палка о двух концах. Он не просто армянский, но армяно-азербайджанский, либо китайско-тибетский, либо сербско-албанский, либо болгаро-турецкий, либо турецко-греческий и т.д... Поиски его решения – то есть разумного, взаимобезопасного и взаимогуманного сосуществования, должны идти с обеих сторон открыто и демократично. Правда, есть такая

точка зрения, даже зафиксированная в резолюциях XIX партийной конференции «О межнациональных отношениях», что «в духе ленинской традиции следует бороться прежде всего со “своим” национализмом и шовинизмом, и делать это должны в первую очередь представители соответствующей национальности». Словом, это предложение к самокритике. Сказано осторожно, не в категорическом, а в рекомендательном тоне, иначе и быть не может, ибо субъективная самокритика не развивается «сама по себе», без взаимодействия с объективной свободной критикой. Вспомним хотя бы, что, чувствуя взаимосвязь русско-еврейских отношений, за эту тему с ответственностью брались многие русские художники и мыслители: Достоевский и Розанов, Чехов и Блок, Куприн и Бердяев, Шульгин и Горький. В конце концов В. И. Ленин рассматривал «еврейский вопрос» только в «русском контексте» и видел его естественное разрешение (впрочем, как и Карл Маркс) в постепенной и добровольной ассимиляции. Между прочим, ассимиляция представлялась наиболее существенным выходом из тупика и многим незаурядным умам отечества. Так, например, Д. И. Менделеев в своей знаменитой книге «К познанию России» писал: «Мне кажется, что евреям у нас предстоит легко доступный выход: ассимилироваться с преобладающим населением, отказавшись от кичливой заносчивости, и встать в ряды обычных тружеников, так как, по мне, русские люди охотно подружатся даже и с евреями».

История пока не подтвердила и, возможно, уже не подтвердит прогнозы великих умов, но речь идет о другом. Все чаще и чаще в прессе раздаются голоса, которые хотели бы абсолютизировать идею, высказанную в резолюции XIX партконференции о национальной самокритике. Такая точка зрения как бы соответствует духу времени, который сегодня оживляет сепаратизм любого рода, поощряет все центробежные силы. «Не лезьте не в свое дело, пишите о себе, а не о нас» – все чаще в прессе раздаются голоса именно такого рода. Ну, хорошо. Допустим, что в обществе установится моральный климат, диктующий, что хотя мы живем в Общесоюзном доме,

но каждый в своей квартире. И если у меня пожар или прорвало трубы – все равно не вмешивайтесь: моя квартира – моя крепость! Но тогда, коли русскому человеку станет нельзя высказываться по еврейскому (а точнее – русско-еврейскому) вопросу, то и нам, русским, следует наложить вето и отвергнуть любую критику русской истории, русского национального характера, русской культуры деятелями, скажем, еврейского происхождения, будь то В. Жаботинский или И. Бродский, В. Гроссман, А. Янов. В конце концов с этой точки зрения становится безнравственной и система псевдонимов, при которой публицист того же еврейского происхождения с русской фамилией пишет об изъянах и пороках русского народа. Тогда придется вспомнить, что общество «Память», может быть, действует чересчур активно потому, что у нас совершенно бездействует антисионистский комитет, возглавляемый (как то рекомендует резолюция XIX партконференции) людьми только еврейского происхождения, хотя сионизм – это явление международное. Так что подобная постановка вопроса на практике будет опять-таки палкой о двух концах.

А как тогда быть с русофобией? Ведь она реальный факт нашей жизни. Обратимся к прессе эпохи перестройки.

«Пора русской интеллигенции излечиться от хронического заболевания совести», – пишет «Советская культура». (Но почему, спрашивается, русской, а не азербайджанской, не еврейской, не советской, в конце концов?)

Читаю статью Гелия Рябова (Юность. 1988, № 3), где автор вспоминает слова Лермонтова «о стране рабов, стране господ» (кстати, до сих пор нет убедительных доказательств, что стихотворение принадлежит перу Лермонтова), Чернышевского о нации рабов: «Все рабы сверху донизу» (хотя эта мысль принадлежит не Чернышевскому, а герою его произведения) и делает вывод: «Речь идет не о крепостном состоянии русского человека. Речь идет о его душе». Такое обнародуется впервые. А я до сих пор верил Некрасову, знавшему русский народ, думаю, глубже Гелия Рябова: «В рабстве спасенное – золото, золото сердце народное».

Евгений Евтушенко в период избирательной кампании заявил: «Пора принимать самые строгие нравственные и судебные меры к таким, например, оскорбительным выражениям и словечкам, как “русская свинья”, “хохляндия”, “все грузины – торгаши”, “жид”, “армяшка”, “чучмек”» (Сов. культура. 1989, 11 марта). Но думаю, что это лишь предвыборный «ход» поэта, потому что, по существу, русофобствует он с удовольствием. Вспомним хотя бы его недавние стихи о «русских коалах», ленивых, сонных, обожающих неволю сталинизма. Если уж, по логике поэта, надо судить за «русских свиней», то почему не судить за «русских коал»? – в обоих случаях русские приравниваются к животным. Что же это Евгений Александрович «в своем глазу не видит и бревна»? Едва ли тот же Евтушенко решился бы написать «грузинские» или, допустим, «эстонские» коалы.

А мелкие блохи русофобии скачут из-под рук со многих страниц сегодняшней прессы. Евг. Долматовский, например, цитируя известные стихи Фатьянова «Здесь живет семья российского героя, грудью защитившего страну», меняет слово «российского» на «советского» (Лит. газета. 1988, № 3).

Доктор математических наук Ю. Манин, размышляя о романе Гроссмана «Жизнь и судьба», пишет в той же «Лит. газете»: «В русскоязычной литературе эталоном романа служит “Война и мир”». Вроде бы скромная подмена – нашу литературу вместо «русской» назвать «русскоязычной» и тем самым незаметно выхолостить духовно-национальную сущность великого произведения, приравнять его к современной, во многом действительно «русскоязычной литературе»...

Все чаще и чаще в нашей собственной стране в советской «русскоязычной прессе» (здесь этот термин вполне уместен) повторяются суждения, похожие на тезис бывшего госсекретаря США, классического русофоба Збигнева Бжезинского о том, что именно русские «прежде всего ответственны за авторитарный режим в СССР и его военную экспансию». Такие обвинения поневоле толкают к анализу национального состава и первого советского правительства, и верхушки партийно-

государственного аппарата 20-х годов, в недрах которого закладывались идеи авторитарного режима, военной экспансии, мировой революции, и верхушки ЧК, ОГПУ, НКВД – всей системы ГУЛАГа, и не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы при этом анализе прийти к выводу, что менее всего русские создавали «авторитарный» режим эпохи (об этом убедительно писал В. Кожинов в «Лит. газете» (1989, № 10–13)). Не надо бы с больной головы на здоровую. Но Бжезинский – по ту сторону. Бог с ним. Однако каким образом наши отечественные русофобы – я имею в виду в первую очередь писателей и деятелей культуры, – не стесняясь в выражениях насчет извечного «русского рабства», породившего сталинизм, с такими убеждениями рассчитывают остаться именно в русском искусстве, русской литературе? Неужели они сами не понимают двусмысленность и ложность своей позиции? Как тут на подобном «русскоязычном фоне» не возникнуть лозунгам «Русские, вон из Прибалтики», «Мигранты-оккупанты» и т.д. Такие лозунги несут в руках активисты литовского «Саюдиса», националисты Эстонии, Латвии, Азербайджана. Не слыхал, чтобы у общества «Память» были призывы подобного рода: «Такие-то и такие-то – вон из России!». Но тем не менее КГБ официально, на весь Союз в «Аргументах и фактах» предупреждает лидера «Памяти» Д. Васильева о том, что его деятельность разжигает национальную рознь. Не буду сейчас разбираться в характере его деятельности, поскольку, как и другие читатели, не осведомлен в ней, обращаю внимание на другое: репрессии обещаны только русскому движению. По отношению к остальным – спокойствие, плюрализм, понимание, терпение, переговоры.

Выше я касался уже одной темы: «лакмусовой бумажкой» отношения к России и к «русскому» вообще давно уже стало имя Сергея Есенина. Недаром в разгар антирусской кампании 20-х годов перья десятков больших и малых идеологов клеймили это славное имя. Сегодня, в связи с реабилитацией Бухарина и его окружения, необходимость в антиесенинской кампании возникла снова: не опорочив Есенина, их до конца не отмоешь. Спрос рождает предложение..

Некто Воздвиженский в журнале «Юность» выдает за реальность миф, пущенный в свое время Ходасевичем, о том, что Есенин в период красного террора охотно посещал застенки ЧК, чтобы наблюдать, как расстреливают людей.

Другими авторами опять вытаскивается на свет обветшалая концепция о национализме, шовинизме, хулиганстве Есенина (Книжное обозрение. 1988, № 40).

В дело на всякий случай запускается и более иезуитская, более тонкая концепция судьбы поэта. Ю. Семенов (Ненаписанные романы // Нева. 1988, № 6), а одновременно с ним и журналист Л. Колодный (Московская правда. 1988, 12 ноября) выдвинули версию, будто кумиром Есенина был Л. Троцкий, а главным гонителем – И. Сталин, преследовавший Есенина прижизненно и посмертно за «любовь» поэта к Троцкому и Троцкого к поэту. В «Ненаписанных романах» Ю. Семенов сочиняет внутренние монологи Сталина о Есенине, а Л. Колодный уверяет нас, что Бухарин писал свои антиесенинские «Злые заметки» не по своей воле, а выполняя волю того, «кто травил при жизни Андрея Платонова, Михаила Булгакова, Осипа Мандельштама, того, кто отправил на тот свет многих поэтов из плеяды Сергея Есенина».

Чего здесь больше: исторического невежества или злонамеренной неправды – трудно сказать, ибо крестьянских поэтов «затравили» задолго до возвышения Сталина Радек и Сосновский, Бескин и Лелевич, Авербах и Безыменский. А первого из них – Алексея Ганина – расстреляли в Бутырках в начале 1925 года.

Что же касается «любви Есенина к Троцкому», то я в статье «Все начиналось с ярлыков», по моему убеждению, убедительно доказал, что прототипом русофоба и человеконенавистника Чекистова-Лейбмана в его поэме «Страна негодяев» был Л. Троцкий.

А вот свидетельство известного писателя первой русской эмиграции Романа Гуля (из книги «Я унес Россию») о встрече с Есениным в 1922 году в Берлине:

«Мы вышли втроем из Дома немецких летчиков. Было часов пять утра, фонари уже не горели. Берлин был коричнев.

Где-то в полях, вероятно, уже рассветало. Мы шли медленно. Алексеев держал Есенина под руку...

– Не поеду в Москву... не поеду, пока Россией правит Лейба Бронштейн...

– Да ты что, Сережа? Ты что – антисемит? – проговорил Алексеев.

И вдруг Есенин остановился. И с какой-то невероятной злобой, просто с яростью, закричал на Алексеева:

– Я – антисемит?! Дурак ты, вот что! Да я тебя, белого, вместе с каким-нибудь евреем зарезать могу... и зарежу... понимаешь ты это? А Лейба Бронштейн, это совсем другое дело, он правит Россией, а он не должен ей править... Дурак ты, ничего ты этого не понимаешь».

* * *

Когда шла избирательная кампания, я обратил внимание, что в своих предвыборных программах почти ни один русский кандидат не выдвинул никаких тезисов по национальному возрождению России. В отличие от эстонских, латышских, молдавских, литовских, армянских кандидатов. Почему? Что им мешало? Ведь Россия – ее деревня, ее памятники культуры, ее экология – в плачевном положении. Может быть, дело в интернациональной совестливости русского человека, в нежелании или неумении свои национальные нужды ставить во главу угла? Излишняя скромность в данном случае, поскольку речь идет о жизни или окончательной деградации. А может быть, – и это скорее всего – страх, что объявят тебя великодержавным шовинистом, чуть ли не кандидатом от общества «Память», а при «левом уклоне» нашей прессы это гарантирует неизбежное поражение на выборах... Любопытно изменялась атмосфера вокруг национальных отношений во время Первого съезда Советов и вскоре после него.

В трех неделях Съезда сконцентрирована целая эпоха. Главный вопрос Съезда – что делать? За какое звено народной и государственной жизни ухватиться? Я думаю, как бы ни

были важны первостепенные экономические беды, как ни было важным создание новой политической структуры и вопрос о власти, но на сегодня наиважнейший вопрос – национальный. Будет в стране мир – одолеем все болезни, не будет мира – никакие иностранные займы и импичмент нам не помогут... Сколько было в последнее время в средствах массовой информации язвительных и агрессивных выпадов против «старшего брата», насмешек над его долготерпением, над его государственным инстинктом, над его центробежной волей... Все это под пером многих «прорабов перестройки» приравнивалось чуть ли не к сталинизму. Но все эти многочисленные русофобские выпады были перечеркнуты одной фразой, вырвавшейся из несчастного, раздавленного насилием турка-месхетинца: «Отправьте нас только в Россию, только в Россию...»

Вопль этого маленького растерзанного народа заглушил все истерические и социальные репортажи, речи на митингах, интервью о «русских оккупантах», о «великодержавных шовинистах», о «русских националистах»...

Кстати, я не понимаю, почему грузинский народ не может исправить сталинскую несправедливость по отношению к туркам-месхетинцам и не пригласить их обратно, на их историческую родину, или почему многомиллионный узбекский народ не может справиться с несколькими тысячами уголовников, возместить туркам-месхетинцам их тяжкие потери, отстроить им сожженные дома и обеспечить им полную безопасность их жизни... А может быть, старик турок так запросился со своим народом в Россию, потому что знал: идут погромы и льется кровь в Закавказье, бурлят Прибалтика, Молдавия, Казахстан, но во время перестройки не было пролитой крови – и погромов в России и не будет, и верит в то, что спокойно он будет спать только на русской земле... Если это так, то я горжусь долготерпением «старшего брата», какой бы грязью его ни обливали ретивые «прорабы перестройки»...

Кстати, почему они и их органы массовой информации столь сдержанно отнеслись к пролитой в Узбекистане крови, к масштабам трагедии погромов и убийств, во многом пре-

восходящих грузинские масштабы? Почему ни Сахаров туда не вылетел, ни Гельман, ни Борис Васильев, ни Юрий Рост, ни другие борцы за права человека? Что, турки-месхетинцы не могут претендовать на такие права? Могут. Но в их трагедии не разыграешь ни антирусскую, ни антигосударственную карту. Наоборот, придется общественности упрекать армию и правоохранительные органы за медлительность, за нерешительность, стоившие маленькому народу десятков убитых, сотен раненых, тысяч обездоленных и разоренных... А такая государственная, работающая на стабилизацию точка зрения просто не нужна нашим борцам за права человека...

И еще. Турок-месхетинцев перевезли в Россию. Возникла ситуация со срочным переселением народа в другую этническую и природную среду административно-волевым методом. Такой вопрос, на мой взгляд, должна решать не чиновная воля, а всенародный референдум или съезд или, в крайнем случае заседание обеих палат Верховного Совета. Это сложнейший вопрос с трудно предсказуемыми последствиями. И с горечью помним и знаем, к чему оно приводит. Но история не учит нас ничему...

Идет «круглый стол» по телевидению, посвященный межнациональным отношениям. Молодой русский парень спрашивает ведущего В. Познера, спрашивает со смущением, законно ли вот такое административное переселение турок-месхетинцев на древние русские земли. Познер, не задумываясь, отвечает: «А почему нельзя? Ведь земля у нас общая, государственная!» Таким образом, В. Познер отказал русскому народу в праве распоряжаться своей исконной землей. Но, может быть, он в таком случае с той же легкостью разрешит карабахский конфликт? Или все-таки задумается, что когда земля принадлежит всем, то есть обезличена, когда она ничья, то отсюда, может быть, и все наши беды?

* * *

Весьма часто в последнее время со статьями по национальному вопросу выступает дуэт историков – С. Ро-

гов (доктор исторических наук) и В. Носенко (кандидат тех же наук). В статье «Что сказал “А” и что сказал “Б”» (Сов. культура. 1989, 9 февраля) «дуэт» пишет: «Пора наконец задуматься о действительных причинах того, почему за последние двадцать лет десятки тысяч евреев отказались от советского гражданства и выехали кто куда, в том числе и в Израиль...»

Историки приуменьшают размеры бедствия – не десятки, а сотни тысяч. А почему? На этот вопрос существуют различные ответы.

Вот, к примеру, как отвечает на него русскоязычный поэт еврейского происхождения Оскар Хавкин:

Богом проклятый род, – ты как птица,
Что ж на месте тебе не сидится!
Ты бросаешь и землю и дом,
Вырываешь приросшие корни,
Ищешь мир, где вольней и просторней,
Чтоб ничто не мешало кругом.
И решеньем, жестоким и скорым,
Покидаешь и друга, с которым
Ты и горе и радость делил...
Все, что было вам дорого с детства,
Все, что было вам отчим наследством, –
Отряхнул от себя – и забыл.
Пусть ты будешь и сыт и доволен
Новым домом, и небом, и полем,
Только знай – ты не прежний, не тот –
Час пробьет, снова все ты разрушишь,
Сменишь кожу, и чувства, и душу...
Чтобы в новый пуститься полет.

Стихи 1981 года из книги Оскара Хавкина «Взгляни на мир». Иркутск (Восточно-Сибирское издательство, 1986). Конечно, абсолютизировать такую поэтическую точку зрения было бы опрометчиво. Причины отъезда – более разноо-

бразны. Упомянутые историки объясняют все происходящее политико-бюрократическими причинами:

«Из-за эмиграции тысяч, даже десятков тысяч, перед многими евреями, у которых и в мыслях не было покинуть родину, возникли проблемы с получением образования и трудоустройством. В 70-е годы в два раза сократилось количество евреев-студентов высших учебных заведений, уменьшилась традиционно высокая доля евреев среди специалистов».

Стоит заметить, что эта «традиционно высокая доля» была и впрямь именно высокой, а не сообразной с национальной пропорциональностью, и противоречила принципу равенства прав всех наций на образование. Ну, во-первых, если эта «традиционно высокая доля» и впрямь в 70-е годы «уменьшилась», то, может, и из-за того, что вообще уменьшилось из-за эмиграции количество еврейского населения?

А во-вторых, не стоит ли Рогову и Носенко поразмышлять о том, что массовая эмиграция евреев была все же подвигнута победной войной Израиля 1967 года против арабов?

До 1967 года эмиграции почти не было, а причины ее – пятый пункт, давление бюрократии – были. Видимо, ближневосточная нестабильность удерживала советских евреев от выездов, и лишь 1967 год как бы сказал: «Пора!»

А в-третьих, неужели нашим историкам непонятно, что отъезд «десятков тысяч», конечно же, породил в обществе и государстве неизбежные мысли о том, что уезжает высококвалифицированный слой специалистов, и кто даст гарантии, что завтра не уедут очередные десятки тысяч?

Многонациональное общество и государство не могут зависеть от узких кастовых или национальных интересов, у государства есть свой инстинкт самосохранения, и народ в такой ситуации отвергает обязанность вечно работать на выращивание интеллектуалов, которые по мере созревания интеллекта утекают за границу. Именно из-за инстинкта самосохранения, как реакция на массовые отъезды возникли в 70-е годы некоторые ограничения для поступления в вузы, на засекреченные предприятия, в высшие органы власти. Есте-

ственное дело. Ирония истории была такова, что одни евреи своими массовыми отъездами бросали тень на других. А уехало их более четырехсот тысяч, то есть, согласно официальным данным, чуть ли не каждый пятый.

Наши историки жалуются на то, что в 70-е годы «выдвигавшиеся в адрес сионизма “обвинения” были близки, если даже не совпадали, с антисемитскими идейками еврейского заговора, которые в свое время протаскивали черносотенцы и фашисты». Но будем точны: главные обвинения в то время в адрес сионизма базировались на резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 10.11.1975 года о сионизме «как форме расизма и расовой дискриминации», и эту резолюцию приняло не общество «Память», а международное сообщество наций.

Будем объективны: идея о якобы неизбежной враждебности еврейства другим народам рождалась не только в фашистских и черносотенных головах, прежде всего она родилась в головах основоположников сионизма. Так, например, популярный еврейский поэт-сионист Хаим Нахман Бялик (Марк Шагал писал о нем: «Он уже там, наверху, он навеки останется в каждой еврейской душе») в поэме «Свиток о пламени» призывал евреев за все их страдания мстить народам всего мира следующим образом:

Из бездн Авадонна взнесите песнь о Разгроме,
Что, как дух ваш, черна от пожара,
И рассыпьтесь в народах, и все в проклятом их доме
Отравите удушьем угара;
И каждый да сеет по нивам их семя распада,
Повсюду, где ступит и станет.
Если тенью коснется чистейшей из лилий их сада –
Почернеет она и завянет;
И если ваш взор упадет на мрамор их статуй –
Треснут, разбиты надвое;
И смех захватите с собою, горький, проклятый,
Чтоб умерщвлял все живое.

Предисловие к книге Х. Бялика, откуда я цитирую эти стихи, написано одним из основоположников политического сионизма, В. Жаботинским. Он же и перевел всю книгу на русский язык. Вот какими словами Жаботинский заканчивает предисловие к ней:

«На почве этой двадцативековой борьбы между радостью бытия и суровой миссией самосохранения, между Авадонном и Небом, развивается у Бялика великая трагедия современного еврейства – нецельность, двойственность, сумеречная шаткость и зыбкость еврейской души... Ее (поэму. – *Ст. К.*) можно считать исповедью целого поколения. Читатели русского перевода зато легче, быть может, поймут Грозного (персонажа поэмы. – *Ст. К.*) с его "песнью ненависти", с его призывом мстить народам мира, шныряя между ними и сея разложение на нивах» (Х. Н. Бялик. Песни и поэмы. СПб., 1914).

Так что публицисты 70-х годов (В. Бегун, Е. Евсеев, А. Романенко), которых так нещадно третируют сегодня наши историки то в «Огоньке», то в «Советской культуре», имели полную возможность брать «концепцию заговора» не из вторых рук – у Гитлера или Пуришкевича, не из «Протоколов сионских мудрецов», а у самих основателей сионистского движения – вроде В. Жаботинского и многих других корифеев сионизма тех времен.

Кстати, о «Протоколах сионских мудрецов». Дуэт Рогова и Носенко недавно выступил в «Огоньке» со статьей об их фальшивом происхождении из недр царской охранки и т.д. Я читал «Протоколы» и в одном из выступлений сам назвал их «мифическими», имея в виду загадочное их происхождение. Это – книга железных инструкций и рекомендаций о создании механизма власти над народом, книга о том, как править народом или народами, как «разделять и властвовать» в условиях нового времени, как совершать государственные перевороты и пользоваться революционными движениями масс в кастовых целях, как действовать то кнутом, то пряником в меняющихся исторических условиях XX века. Эта книга – плод тщательного анализа всей политической истории человечества. Кто

бы ее ни создал – она создана незаурядными умами, злыми анонимными демонами политической мысли своего времени. Написана она от имени «сионских мудрецов», но годится как инструкция для диктаторов всех времен и народов. Имена ее творцов – тайна, которая едва ли будет раскрыта. Ее мог написать Великий Инквизитор из романа Достоевского, ибо цинический прагматизм ее сочинителей беспределен. Он превосходит даже возможности Ставрогина и Петра Верховенского в технологической разработке всемирно-управленческих идей. Читая «Протоколы», порой содрогаешься от ужаса, что многое из предсказанного в них – уже осуществилось в новейшей истории. «Протоколы» – книга политического и идейного Апокалипсиса XX столетия. Они достойны того, чтобы стоять рядом с сочинениями Маккиавелли, Мальтуса, «Левиафаном» Гоббса, творениями Ницше, Троцкого, Гитлера, Пол Пота – то есть с пророчествами всех злых «романтиков» уничтожения человечества. В. И. Ленин изучал эту книгу, чтобы знать вождей этого типа. Недаром ведь щедро цитировал ее и Гитлер в «Майн Кампф». «Протоколы» – плод работы истребительного ума с античеловеческой, почти сверхъестественной, поистине сатанинской волей.

Смешно предполагать, что люди подобного типа и интеллекта, зловещего дара древних сивилл работали какими-то чиновниками в недрах патриархальной царской охранки. Если бы такие люди определяли идеологию и политическую деятельность самодержавия – революции попросту бы не было: они бы управились со всеми революционерами вовремя согласно беспощадным и абсолютно реалистическим законам борьбы за власть, изложенным в «Протоколах». Вот такие соображения историкам С. Рогову и В. Носенко в голову, видимо, не пришли. Но у них есть хоть какой-то запас исторических знаний, пусть используемых тенденциозно. Хуже всего, когда историко-национальные темы начинают разрабатывать совершенные дилетанты.

Так, например, критик Н. Иванова, полемизируя с В. Бегуном об исторических судьбах еврейской культуры,

возмущается, что минский ученый не ставит ее в ряду великих национальных культур прошлого: «Получается, что не было философии, художественной литературы, музыки, не было великих, которые творили бы на ниве еврейской “национальной культуры”... Ничего не было...» – восклицает критикесса. И далее Н. Иванова в доказательство неправоты В. Бегуна долго и обстоятельно рассказывает о значении Библии в истории человечества. Слов нет: Библия – великая страница в мировой культуре, ибо является по сути своего рода итогом множества древних культур, но сложилась она, когда еврейский народ жил, как все народы, на своей земле, имел свое государство, свою почву, свою богатую, цветущую жизнь. Однако жизнь эта закончилась две тысячи лет тому назад. А последующие два тысячелетия евреи в диаспоре все силы отдавали тому, чтобы сохранить свою национальную сущность с помощью религии, заменившей им родину, культуру, историю, а на большее – на полнокровную национальную жизнь, на народное творчество, на великую музыку, литературу, философию – их, живущих в экстремальных беспочвенных условиях, просто не хватало. В этом беда еврейского народа – и такая точка зрения является давно общим местом в любой историографии, прописной истиной, аксиомой, почему-то неведомой Н. Ивановой*. Ну пусть прочитает хотя бы Марка Шагала, который писал в 1935 году: «Наш монотеизм куплен дорогой ценой. Во имя его евреям пришлось отказаться от того, чтобы смотреть на природу глазами, а не только душой.

С древним язычеством, остатки которого у других народов хранятся теперь в музеях всего мира, евреи обошлись так, что не оставили и следа в сокровищницах пластического искусства. Ничего не оставили мы для музеев, только свитки

* Вообще в этой статье много натяжек, близких к фальсификации. Выдвигается, в частности, тезис, будто Сталин сформировал великодержавную идею о победе русского языка над другими, в то время как эту иллюзию поддерживали все идеологи революционного движения России, в том числе и Ленин, писавший: «Всемирным языком может быть английский, а может и русский» (ПСС. Т. 24, с. 394).

Торы в пустующих синагогах, куда редко кто сегодня заходит. Но мы, сегодняшние, восстаем против этого, не желаем больше мириться с таким положением, хотим быть не только "народом Библии", но и народом искусства».

Вот кого надо читать Н. Ивановой – Марка Шагала, если она не верит утверждениям В. Бегуна об аскетической скудости еврейского искусства в Новое время. Можно также порекомендовать Н. Ивановой, если она хочет судить о вопросе, прочитать В. Жаботинского, который говорил об исторически обусловленной самоограниченности, недостаточности еврейской культуры: «Со дня, когда была утрачена независимость, а за нею и родина... еврейский народ ограничил свое бытие суровыми и тесными гранями. Все, что есть роскошь жизни, было изгнано из национального обихода: изгнана любовь, изгнана радость, изгнано творчество... жизнь стала подобно пустынному каменистому острову. Только этой ценой мог безземельный бродяга сохранить остаток того, что есть высшее сокровище каждого племени, – остаток своей самобытной личности».

Так что зря Н. Иванова самоуверенно оскорбляет серьезного ученого В. Бегуна (слово «ученый» она пишет в кавычках), не зная столь азбучных истин, высказанных устами людей, коих никак нельзя заподозрить в недоброжелательных чувствах к еврейской культуре. Невежество, рождаемое принципиальным дилетантством, есть тоже своеобразная разновидность зла.

* * *

У каждого народа есть свои традиции, свои нравственные ориентиры, свои глубоко народные идеалы, выраженные чаще всего в пословицах и поговорках. У русского народа всегда существовало неуважение к человеку, сидящему на двух стульях, живущему двойной жизнью, каким-то образом русский человек всегда стремился к цельности, требуя ее в первую очередь от себя, а потом от всего мира. Я бы сказал, что конформизм

и двоедушие любого рода всегда отталкивали от себя русского человека. Отсюда и пословицы: «Ласковое теля двух маток сосет», «Ни богу свечка, ни черту кочерга», «На двоих господ долго не наслужишься», «Волк в овечьей шкуре», «Одному богу молится – другому кланяется», «На языке мед, под языком лед», «Чужими руками жар загребать», «Сидеть на двух стульях» и т.д. – все иронически-едкие, осуждающие.

Отсюда и наш символ русского патриотизма. Плох он или хорош – другой разговор. Но надо понимать, что он всегда был таков. Потому, когда в нынешней прессе или по «Голосам» идет разговор о правах человека, когда на практике он чаще сводится к свободному выезду и въезду, к праву пребывания за рубежом и возвращения в любое время с гарантиями благ, которых не хватает коренному населению, тянущему тяжкий воз государственной и народной жизни, русский человек ощущает все трудности, его окружающие, понимая, что он-то за свой век, видимо, этим правом воспользоваться не сможет, ясно осознает (и не без оснований), что разговор о правах человека сегодня – это разговор в основном о правах человека еврейского происхождения. Отсюда и некоторые корни того недоброжелательства и того оттенка в русско-еврейском вопросе, который упрощенно в быту часто называют «антисемитизмом». Но этот вопрос гораздо сложнее, чем это представляют иные публицисты.

В журнале «Октябрь» (1988, № 9) опубликованы несколько страниц размышлений В. Гроссмана об антисемитизме – дополнение к роману «Жизнь и судьба». Прочитав с любопытством роман, я был разочарован этими страницами, в которых писатель пытается предстать перед нами в роли мыслителя, подражая историческим отступлениям эпопеи Льва Толстого. Однако по сути размышления Гроссмана находятся на уровне пропагандистских статей об антисемитизме Бухарина, Ларина, Луначарского, Ярославского, словом, на уровне вульгаризаторства середины 20-х годов*. Гроссман

* Статьи такого рода в те времена были как бы необходимым идеологическим цензом, пропуском для вхождения в высший эшелон власти.

не смог проанализировать сложнейшую проблему ни как классовую, ни как русско-еврейскую, сведя ее к предвзятым, односторонним обвинениям других народов и национальных миров: «Антисемитизм есть выражение бездарности, неспособности победить в равноправной жизненной борьбе, всюду – в науке, в торговле, в ремесле, в живописи. Антисемитизм – мера человеческой бездарности».

Обратим внимание на слова из этого монолога: «победить» и «жизненная борьба». Дело в том, что каждый народ, сохранившийся до сегодняшнего времени, уже победил в «жизненной борьбе» тем, что за тысячелетия утвердился, обжил землю, отстоял ее в многочисленных войнах, построил свой государственный и биологический организм, словом, осуществился. И вдруг в Новейшее время, когда, без сомнения, народ уже совершил исторический подвиг своего осуществления, ему предлагается «жизненная борьба» за право на место под солнцем чуть ли не во всех областях: «в науке, в торговле, в ремесле, в живописи». Борьба предлагается только потому, что сто лет тому назад на политическую арену мира вышло еврейство. Предлагается именно соперничество, а не сотрудничество. «Я уже осуществил свою историческую миссию», – говорит народ, а в ответ слышит: «Это в прошлом, а сегодня начинай борьбу за существование сначала, а иначе ты бездарен». Как же тут не возникнуть силам противодействия? Они возникают, но тут же на них наклеивается ярлык антисемитизма.

Антисемитизм, по Гроссману, есть идеология «физически отсталых и незадачливых государств». (А что, в развитых США или Франции нет антисемитизма?) «Завистливые дураки и неудачники», «реакционеры», «тьма суеверных и злоба голодных» – таковы, по мнению писателя, враги еврейства. Я не буду много говорить о запредельном примитивном высокомерии, которым дышат эти строки, скажу только, что они очень похожи на размышления об антисемитизме из «Еврейской энциклопедии», изданной у нас в 1912 году, в которой на именах Достоевского и Канта, Гоголя и Карла Маркса, Наполеона и Рихарда Вагнера стоит клеймо «антисемитов», и, сле-

довательно, по логике Гроссмана, они могут быть отнесены к тьме «завистливых неудачников», «суеверных и голодных», «бездарных и отсталых», «дураков» и «реакционеров».

Подобные рассуждения В. Гроссмана очень похожи на суждения основоположников и идеологов сионизма:

«Народы, среди которых живут евреи, являются все вместе и каждый в отдельности – явными или скрытыми антисемитами» (Т. Герцль).

«Народы не справились со сложностями, которые принесло новейшее время, им снова понадобились евреи, как козлы отпущения» (Цви Лем).

«Евреи обладают большей предприимчивостью и большими способностями, чем средний европеец, не говоря уже о всех этих инертных азиатах или африканцах» (Макс Нордау).

«Евреи, несомненно, представляют собой наиболее чистую расу из всех цивилизованных наций мира» (Нахум Соколов).

«Только одна сверхнация есть цвет и цель человеческого рода: остальные были созданы, чтобы служить этой цели, чтобы служить лестницей, по которой можно было бы подняться на вершину» (Ахад Гаам).

И такого рода высокопарных расистских пошлостей в сочинениях отцов сионизма не счесть. На практике эти идеи всегда отливаются в очень тривиальную форму и обретают зловеще-бытовые оттенки. Вот что, например, говорилось в 1917 году, в разгар завоевания Россией демократических свобод, в сионистской газете «Рассвет» (1917, № 13):

«Всякое предупреждение нашего “засилья” в виде ограничения въезда, занятий и т.п. далеко не демократично и навряд ли входит в программу демократии... Мы, как более культурный и более живой элемент, возможно, будем стеснять “бедных арабов”, как будем стеснять “бедных русских” в Костроме или “бедных поляков” в Варшаве. Мы это право себе требуем и там и здесь и везде... Мы требуем свободы и только свободы, которая нас устраивает».

24.8.1988 года в «Литературной газете» был опубликован разговор историков и критиков о романе В. Гроссма-

на «Жизнь и судьба». Доктор физико-математических наук М. Франк-Каменецкий выделил как особую заслугу Гроссмана то, что писатель «снял табу с темы антисемитизма», зла, которое после революции сошло на нет и возродилось снова после войны при Сталине.

Да, табу надо снимать, но не с темы «антисемитизма», а, что много шире, с русско-еврейского вопроса. И еще хотелось бы добавить: нельзя согласиться ни с Франк-Каменецким, ни с другими докторами наук, говорящими о том же – что «зло антисемитизма» (то есть русско-еврейский вопрос или любое обсуждение еврейского вопроса) после революции «сошло на нет» и возродилось лишь при Сталине. Все не так просто. Не на пустом же месте летом 1918 года появился декрет «О борьбе с антисемитизмом», подписанный В. И. Лениным? (Кстати, текст декрета был написан Я. М. Свердловым.) Этот документ, на мой взгляд, принес евреям больше вреда, чем пользы, потому что, будучи сформулированным в таком виде (борьба только с антисемитизмом, а не с любым шовинизмом или расизмом), он поставил еврейское население в исключительное, привилегированное, особо охраняемое государством положение, которым в то жестокое и неправовое время можно было легко воспользоваться и для внесудебных расправ, и для устройства в общественной пирамиде, и в пирамиде власти. Напомню, что за антисемитизм предусматривались самые тяжкие наказания, вплоть до смертной казни. Расстреливали и ссылали, как при Сталине, даже за анекдоты. Но тем самым волна антиеврейских настроений опять и опять подогревалась уже в 20-е годы.

Вот почему Серго Орджоникидзе уже через несколько лет, на XV съезде партии, пришлось в своем отчете ЦК и РКИ уделить немало места национальному вопросу. В партии, видимо, к тому времени (еще «досталинскому») началось брожение по поводу еврейского засилья в партийном и государственном аппарате. Чтобы пресечь подобные настроения, Орджоникидзе привел в своем выступлении цифры, свидетельствующие о том, что на Украине в советских и партийных органах, в го-

саппарате «...в столице русских 33, 4 проц., евреев 30, 3 проц., украинцев 30, 5 проц., по всей республике русских 17, 2 проц., украинцев 54, 3 проц, евреев 22, 6 проц.

По Белоруссии в столице русских 6, 7 проц., коренной национальности 46, 3 проц., евреев 38, 3 проц.

По всей республике русских 4, 9 проц., коренной национальности 60, 5 проц., евреев 30, 6 проц.»

«По Крымской республике в столице русских 57, 6 проц., евреев 23, 8 проц., коренной национальности 12, 7 проц.»

«Москва. Русских в госаппарате 83, 7 проц., евреев 11, 8 проц., Ленинград. Русских 82, 5 проц., евреев 9, 4 проц. и т.д.»

Несмотря на то что процентные выкладки в докладе Орджоникидзе содержат данные по всем национальностям административно-бюрократической системы, свою речь он специально закончил следующими словами: «Отсюда, между прочим, видно, что всякие разговорчики о еврейском засилье и т.д. не имеют под собой никакой почвы».

Я не знаю, насколько были точны эти цифры – материалы для доклада С. Орджоникидзе были представлены Союзом совторгслужащих – но то, что вопрос о национальном представительстве в организме нашей еще совсем молодой бюрократической иерархии был больным местом уже в 1927 году, – несомненно. Сейчас многие публицисты при обсуждении этого вопроса вспоминают слова Ленина об активном участии евреев в революции. Но одно дело – участие в революции, а другое дело – участие в бюрократии. А еще все дело и в том, что если поглядеть на высшие эшелоны власти и идеологии – ЦК партии, Комиссию партконтроля, ВЦИК, ВСНХ, ВЧК – ОГПУ, руководство армией, на верхушку дипкорпуса, прессы, профсоюзов, словом, на верхнюю часть пирамиды тогда еще молодой административно-бюрократической системы, то, как это ни прискорбно, придется признать, что она состояла в 20-е годы на 70–80% из деятелей еврейской национальности. Вот это настоящая «процентная норма»!

А сегодня – есть ли у нас статистика пропорций, представительства, национальных норм в высших этажах власти и

прочих сферах социальной жизни? Стоит ли вообще заострять на этой стороне дела внимание?

Да, арифметика – не лучший способ разрешения болезненных вопросов. Согласен. Не лучший. Но лучший способ, может быть, появится в далеком будущем, когда человечество научится ограничивать кастовые интересы, откажется от группового, в том числе и национального эгоизма, словом, когда станет более совершенным. А пока – увы... В «Правде» (1988, № 177) было опубликовано интервью с секретарем Компартии Узбекистана Р. Н. Нишановым, в котором партийный лидер озабоченно рассуждает об усилиях таджиков, живущих в Узбекистане, сохранить свою национальную самобытность. Но такое становится возможным лишь тогда, как показала жизнь, если в руководстве республики соблюдается национальное представительство: «Сейчас таджики составляют около четырех процентов населения нашей республики. Примерно столько же их в составе руководящих работников республики. Мы добиваемся, чтобы этот состав в целом отражал национальную структуру республики...»

Такой подход, видимо, необходим, он понятен каждому простому человеку. Это ведь и есть основа национальной справедливости и равенства.

Между прочим, в цивилизованных государствах и в цивилизованных еврейских общинах идея пропорциональности входит в систему межнациональных отношений как некое необходимое условие, как требование здравого смысла, и сами еврейские общины спокойно осознают эту реальность и даже поддерживают ее. Вот что, к примеру, пишет советский еврейский писатель Арон Вергелис о жизни евреев в демократической Англии:

«А теперь в Англии живет... прошу вас, скажите, пожалуйста, сколько евреев проживает в Англии? Оказывается, это секрет! Точнее сказать – лучше будет, если вы не узнаете, сколько евреев сейчас проживает в Англии. Почему? А на это есть своя причина...

Давно известно, что евреи составляют один процент всего населения Англии, приблизительно пятьсот тысяч душ, и

цифра эта в официальных документах никогда не уменьшается и не увеличивается. Оказывается, что в еврейской общине распространено некое суеверие: до тех пор, пока евреи в стране составляют не больше одного процента населения, бациллы антисемитизма не найдут для себя почвы. Но если, упаси Бог, евреев в стране окажется больше, то жди беды».

Оказывается, английские евреи сами, по своей воле серьезно относятся к тому, что у нас до революции называлось страшным термином «процентная норма».

* * *

Осенью 1989 года «Вечерняя Москва» опубликовала полемические заметки публициста В. Магидсона «Национальность, культура и националистические игры». Статья вызвала бурю читательских откликов. В одном из них кандидат философских наук А. Матюшин писал: «Ему (Магидсону. – *Ст. К.*) не нравится, что в одном из институтов захотели устроить вечер еврейской песни “только для евреев”». «А какой тут криминал? – спрашивает А. Матюшин. – Если бы евреи захотели петь свои песни в узком кругу сородичей, то я никоим образом не усмотрел бы здесь обиды для себя. Пусть поют! А человек, который навязывается, ведет себя неприлично».

Да, навязываться в чужое общество, которое тебя не хочет, конечно, неприлично. И никакого юридического криминала в желании «петь только для себя» нет. Но есть криминал моральный, потому что еще неприличнее, на мой взгляд, демонстративно заявлять обществу (дома, в семье, на квартире – ради Бога!), что этот вечер «только для евреев». Это – агрессивный изоляционизм того же рода, что и осужденные просвещенным человечеством вывески на ресторанах и церквях в некоторых штатах США: «Только для белых» или «Только для черных».

А табу с русско-еврейского вопроса, конечно, надо снимать. Иначе мы будем жить и дальше в плену недоразумений, недомолвок, взаимной и, по-моему, надоевшей обществу ксенофобии, спекуляции, интеллектуальной истерики.

Вспомним недавний шум вокруг Марка Шагала. Да если бы сразу одна сторона решилась, а другая разрешила ей сказать, что Шагал с его местечковыми сюжетами, с его ветхозаветной богатой символикой, чуждой русскому и белорусу, но близкой еврейскому сердцу, с его «Люфтменшен» – летающими людьми, которые перекликаются с «блуждающими звездами» Шолом-Алейхема, писал как бы на еврейском живописном языке, то весь спор тут же потерял бы смысл. Левитан писал на русском, а Шагал – на еврейском. Левитан ассимилировался, а Шагал – нет. Чего спорить? Обратимся к самому Шагалу, и он нам ответит: «Как бы то ни было – еврей я всегда... Я уже, кажется, не раз говорил и даже писал, что, не будь я евреем, я не был бы художником». А разве плохо, что его живопись – еврейское художественное сознание? Наоборот, даже интересно. Не надо только делать его великим русским или белорусским художником, это непонятно ни русским, ни белорусам, да и несправедливо по отношению к Шагалу, ибо искажает суть его творчества, лишая его своеобразных корней. Он такое же явление, как Шолом Алейхем в литературе. Но кто же назовет Шолома Алейхема великим украинским писателем лишь потому, что он родился на Украине? Зачем весь этот шабаш? Он только мешает нам понять Шагала, которому и мемориальную доску можно повесить в Витебске или музей открыть, но как еврейскому художнику. Постановка вопроса: это не русский художник (или писатель), потому что он по происхождению еврей, – неправомерна и оскорбительна. Постановка же вопроса: это не русский художник, потому что это еврейский художник, – естественна, и в ней ничего обидного нет.

Взаимоагрессия русского и еврейского мира продолжается оттого, что нельзя называть вещи своими именами, оттого, что многое надо скрывать, недоговаривать, подразумевать, а скрытность плодит всяческие трагикомические уродства.

Вот письмо, полученное мной от писателя из Белгорода:

«Давно обратил внимание, что в четырехтомном издании “Толкового словаря великорусского языка” Владимира

Даля, осуществленном в 1955 году факсимильным способом, 541 страница первого тома отличается от всех остальных крупным набором букв и разреженностью строк. В повторном факсимильном издании этого словаря в 1981 году эта страница так же отличается от всех остальных.

И вот мне попался оригинал издания, с которого производились фотокопии. К моему удивлению, нахожу, что в двух советских изданиях со стр. 541 первого тома выброшено 19 слов, в силу чего мастерам издательской подделки пришлось увеличить буквы и раздвинуть строки.

А между тем на обороте титульного листа первого тома указано: “Набрано и отпечатано со второго издания 1880–1882 гг.”».

Автор перечисляет слова, изъятые из факсимильного фотопереиздания: «Жид», «Жидовин», «Жидовство», «Жидовствовать», «Жидовская смола, асфальт», сюда же попали совершенно невинные и непричастные к национальному вопросу «Жидовник, м. сиб. золотарник, куст», «Жидовинник, м. астр, куст геляша, чамыш, разн. виды» и т.д. и т.п.

Далее автор письма комментирует «изъятие» целого куста слов:

«Сначала я, как интернационалист, подумал, что изъятие подобных слов может способствовать объединению людей в нашей стране – зачем молодым поколениям напоминать о горьком прошлом. Но! Как же я, украинец, был озадачен, когда на стр. 563 четвертого тома тех же факсимильных изданий прочитал:

“Хохол, украинец, малорос. Хохлачка, хохлушка ж. Хохол глупее вороны, а хитрее черта. Хохол не соврет, да и правды не скажет” и т.д. до двух десятков словообразований. Честно скажу: меня этот исторический рудимент не оскорбляет, как, думаю, не унижает русского человека на стр. 99 второго тома раздел “Кацап” или пословица “С москалем дружи, а камень за пазухой держи”, так же, думаю, и еврея-интернационалиста не должны обижать девятнадцать изъятых слов. Тем более что во вступительной статье к словарю сказано, что это “явление исключительное и, в некотором

роде, единственное. Он своеобразен не только по замыслу, но и по выполнению. Другого подобного словаря лексикография не знает". Возникает вопрос: кому дано право так самовластно и тайно хозяйничать на ниве нашего бесценного наследия? Это ведь все равно что испортить исторический памятник, находящийся под охраной государства. Пришло время восстановления потерь, нанесенных нашему историческому достоянию в период нарушения социалистической законности. Издательство "Русский язык" готовит очередной выпуск четырехтомника. Новое факсимильное издание должно быть по-настоящему факсимильным, без изъятий.

В. Шаповалов, участник Великой
Отечественной войны»*.

От себя добавлю: какой смысл изымать слова из словаря Даля, если в исторической литературе существует «ересь жидовствующих», в народном эпосе былина «Об Илье Муромце и жидовине», если все это семейство слов рассыпано по сочинениям Пушкина, Гоголя, Лескова, Достоевского, Чехова, Герцена?

Чего же так непоследовательно? Тогда всю классику надо подвергнуть этой своеобразной цензуре, столь же односторонней, что и декрет 1918 года о борьбе с антисемитизмом. Кстати, курьезный факт со словарем Даля, по-моему, своеобразное далекое эхо этого указа. Возможно, что в душе редактора, издательского работника, словом, человека, ответственного за факсимильное издание, жил страх, возникший во времена, когда за употребление одного из девятнадцати слов можно было схлопотать высшую меру.

Впрочем, очищение классики от русско-еврейского вопроса идет. До сих пор дневники А. Блока издаются со многими купюрами, касающимися этой темы. Исходя из этого же принципа, очищена от «неугодных слов» поэма Есенина

* Между прочим, В. И. Даль, приведя в словаре поговорку «Жид – свиное ухо», сделал свой комментарий: «Пошлый, вульгарный способ дразнить жида», – но и этим важным примечанием мастера подделки пожертвовали – лишь бы изъять роковое слово.

«Страна негодяев». А режиссер Швейцер, поставивший «Маленькие трагедии» Пушкина, подверг пушкинский текст своей цензуре, выбросив в «Скупом рыцаре» несколько строк, касающихся характеристики еврея-ростовщика и отравителя. Фейхтвангер был куда смелее в «Иудейской войне» или «Безобразной герцогине». А однажды мне в руки попался томик Пушкина, изданный в провинциальном издательстве. В хрестоматийной «Черной шали» вместо «Ко мне постучался презренный еврей» было напечатано «презренный лакей».

Но почему же так непоследовательно был кем-то выправлен текст «Черной шали»: доносчика лишили национальности, а остальным – распутнице-гречанке и прелюбодею-армянину – оставили? Если поступать последовательно и никого не обижать, тогда изменницу-гречанку надо сделать официанткой (чтобы греков не обижать и рифму сохранить), армянина же переименовать ну хотя бы в зав. производством (бог с ней, с рифмой, лишь бы не было межнациональной розни!). Но что делать с автором стихотворения, как его понимать? Вроде бы он семит (по утверждениям иных литераторов), а в «Черной шали» проявляет себя антисемитом настолько, что приходится его подвергать цензуре...

Вот ведь до какого комического культурно-цензурного одичания можно дойти в наше цивилизованное время...

Но что же нам тогда делать со строчками «Злой чечен ползет на берег» или «Бежали робкие грузины»? На самом деле робкие не грузины, а составители, цензоры, редакторы, правящие Даля, Пушкина, Блока. Страх владеет издателями книг воспоминаний о Пастернаке, когда, переиздавая книгу в 1986 году (первое издание было в 1980 году), они «страха ради иудейского» выбрасывают размышления Пастернака, важнейшие для мировоззрения поэта: «Я считаю самым большим благом для еврейства полную ассимиляцию». Чего они боятся – гнева со стороны общества «Память» или негодования со стороны общества «Шолом»?

Много лет назад в праздничном застолье сидевший со мной рядом настоящий еврейский писатель, творящий на иди-

ше, стал жаловаться на судьбу: «И зачем мы разрушили сами наш местечковый быт? У нас были свои обычаи, своя религия, свой фольклор, мы были народом. А что теперь?»

Вместе с нами был поэт Борис Слуцкий, и я его спросил, что он думает по этому поводу. Слуцкий побагровел: «Ну, обратно в гетто нас загнать уже никому не удастся!»

Вот и поди разберись, что надо еврейской душе! Кругом противоречия даже по вопросу, что такое гетто, нет единого мнения. Одни евреи считают гетто чем-то вроде насильственного спецпоселения, в котором антисемистские силы содержали евреев, другие же рассматривают гетто как естественную форму жизни, созданную самими евреями и необходимую им. Еврейский писатель Арон Вергелис в книге «16 стран, включая Монако» пишет о том, что «гетто... было средством, при помощи которого евреев держали в стороне от большого мира».

А известная деятельница социалистической Германии, антифашистка Мишкет Либерман в книге «Из берлинского гетто в новый мир» рассказывает о том, как галицийская еврейская община, спасаясь от ужасов войны, в 1916 году переехала в Берлин. Сначала некоторые евреи поселились в центре Берлина вокруг Александерплац (Манежная площадь или даже Красная, по нашим понятиям), с каждым годом колония разрасталась, скупались дома, кварталы, из которых немцы, очутившись в чужой этнической среде, выезжали.

Евреи открывали свои магазины, налаживали быт и через несколько лет в историческом центре города образовалось новейшее, возникшее прямо на глазах у коренного населения гетто.

«Да, и в Берлине было гетто, – подтверждает Либерман. – Добровольное. У гетто было свое продовольственное снабжение. Евреи-иммигранты сами отрезали себя от внешнего мира. Они жили, как Моисей на Синайской горе: строго следовали десяти заповедям и сотням запретов... Большинство ортодоксальных евреев – и старых и молодых – не умели читать и писать по-немецки... Девочкам приходилось

совсем плохо. Они сидели дома и ждали, когда наступит брачный возраст. Смешанный брак считался у верующих евреев самым большим грехом... Какие были у матери волосы, не знала она сама. Она просто не имела их со времени свадьбы. Ее заставили сбрить их, прежде чем идти к алтарю. Теперь она стригла их каждый месяц. Почти до лысины. Так требовал ритуал».

Можно себе представить чувства цивилизованных немцев, в один прекрасный день осознавших, что сразу после мировой войны сердце их древнего города занято напонятным племенем, которое никто не загонял в гетто, возникшее добровольно.

* * *

Как же решать русско-еврейский вопрос?

Выход один. В счастливых условиях доброжелательной гласности надо легализовать в идеологической и культурной сфере еврейскую стихию со всеми особенностями ее исторического развития. Когда кто-то отрицает ее, тем самым ожесточает еврейское сознание и толкает к разрушительным действиям против других культур. Это сознание надо избавить от комплексов агрессивного страха, но одновременно и от комплекса ложного высокомерия.

Мы поступаем как догматики, когда в нынешних условиях повторяем Маркса, что «химерическая национальность еврея – есть национальность купца вообще, денежного человека», опираемся одновременно на тезис Ленина об ассимиляции евреев, который не оправдался. Национальное самосознание еврейства оказалось сильнее, чем это представлялось В. И. Ленину. Да, кто-то желает ассимилироваться, почувствовать себя русским, грузином, украинцем, а кто-то – нет, это – как свобода совести. Но к тому же теоретического желания для этого недостаточно. А тот, кто руководствуется догмами, загоняет в угол своеобразное национальное чувство и национальную самооценку евреев, непохожие в силу

исторических причин на национальное самосознание других народов, – добивается лишь того, что еврейский мир вместо созидающей энергии начинает выделять энергию разрушительную по отношению к другим народам и культурам. Вот где корень вопроса. Истинный его корень.

Опираясь на догмы классиков марксизма и объявляя историческую бесперспективность еврейского национального чувства, мы тем самым ставим его в агрессивную позицию. И агрессия происходит порой в иррациональных, нерегулируемых формах. Глубокое знание истории вопроса, терпимость и уважение к чужому мнению, аргументированность споров, взаимные поиски выхода из вроде бы безвыходных исторических тупиков – вот каковы должны быть, на мой взгляд, перемены в нашей жизни, касающиеся того, что мы автоматически именуем «национальное и интернациональное». По-моему, многие евреи сами устали от своего двусмысленного состояния, и если мы, русские интеллигенты, всегда помогавшие другим нациям, протянем им руку – мы не изменим своим традициям.

После того как я выступил осенью прошлого года на Рязанском секретариате СП РСФСР с подобной речью, я получил письмо от пожилого человека еврейского происхождения. Процитирую отрывок из этого письма:

«Прочитал рязанскую стенограмму и был приятно изумлен Вашими мудрыми словами по еврейскому вопросу. Ни один из левых либерал-демократических интернационалистов, включая Гранина, Евтушенко, Вознесенского, не сказал этих необходимейших, проясняющих ситуацию слов. Вы же, человек из лагеря “заединщиков”, подтвердили, что человек еврейского происхождения может быть фактически русским... Приведенные Вами различия между Шагалом и Левитаном предельно убедительны... После сказанного Вами в Рязани я полагаю, что могу попросить Вас ознакомиться с моей выстраданной рукописью “Легко ли быть евреем, если ты русский?”».

Такие письма обнадеживают!

СЕМЕЙСТВО НОРИНСКИХ

1

Для развития сюжета напомню читателям о двух фактах недавней литературной жизни.

После выхода повести В. Астафьева «Печальный детектив» литературовед-пушкинист Н. Эйдельман отправил Астафьеву письмо, в котором обвинял автора в антисемитизме, в неприязни к грузинскому и бурятскому народу и т.д. Возмущенный Астафьев ответил пушкинисту резким письмом, не предназначенным для печати. Тогда Эйдельман написал Астафьеву еще одно оскорбительное письмо и... пустил частную переписку по рукам, видимо, желая скомпрометировать выдающегося русского прозаика в глазах читателей. В обществе, живущем по законам чести, так не поступают, однако у пушкиниста, видимо, свои представления о чести, и его ничуть не смутило то, что известный критик А. Михайлов назвал в своей статье, опубликованной в газете «Правда», всю эту историю «гапоновщиной». Было ясно, кто в ней играет провокаторскую роль Гапона. Переписка, естественно, без согласия Астафьева была опубликована за рубежом.

Второй сюжет. В конце 1988 года Г. Бакланов опубликовал в журнале «Знамя» факсимиле подметного письма, написанного якобы из общества «Память», в котором была угроза жизни главного редактора «Знамени». «О чем прикажете спорить с боевиками общества “Память”, которые грозят мне физической расправой?» – жаловался Бакланов читателям...

Однако вскоре выяснилось, что подметное письмо, с такой охотой опубликованное Баклановым в «Знамени», написал ленинградский провокатор Норинский, чтобы навлечь гнев общественности на деятелей «Памяти», что таких писем он послал в разные адреса немало. В итоге провокатор по заслугам получил, кажется, год тюрьмы, условно... Хороший

урок получили и те, кто с удовольствием печатал анонимки. Ведь провокатор Норинский был не первым, кто в мутной воде перестроечного потока придумал, как пользоваться ими.

Одним из первых, кто ввел эту азефовскую практику в жизнь, был респектабельный критик Ст. Рассадин. Года три тому назад он в своей статье, испепеляющей кинофильм Н. Бурляева о Лермонтове, привел письма, якобы полученные из Вологды, антисемитские по содержанию, и выразил свое благородное негодование: «Вот, мол, существуют такие нелюди в Вологде!..»

Позабытая за последние три года журналистка Лосото в «Комсомольской правде» быстренько освоила метод Рассадина и в борьбе с «Памятью» так же щедро цитировала анонимные письма, в которых речь шла о погромах, о ненависти к «жидомасонам» и подобных страшных вещах.

Тележурналист В. Познер, проводя «круглый стол» по межнациональным отношениям, дает микрофон еврейской женщине, и та с возмущением рассказывает, как она шла по улице и как к ней подошел русский человек из «Памяти», склонился к ее уху и сказал: «Бей жидов, спасай Россию!» Но откуда перепуганная женщина знает, что он, этот провокатор, русский, что он из «Памяти»? Вот какие вопросы обязан был задать ей ведущий, понимая, что огнеопасные заявления идут в эфир на десятки, если не сотни миллионов человек! Но Познер промолчал и не усомнился в истинности провокационной информации.

Тележурналист В. Цветов в вильнюсских «Вечерних новостях» (14.7.1989) рассказывает о том, как он выступал в различных городах Эстонии, и что же в итоге? «Получаю записку, в которой написано: “Вонючий еврей, если еще раз появишься на экране, мы тебя застрелим!” Ночью мне в гостиницу раз пять или шесть звонили и повторяли подобные угрозы. Судя по произношению, не эстонцы... Признаться откровенно, я, насколько до поездки мне было известно о событиях в Эстонии, был, пожалуй, на стороне живущих там русских...»

А вот послушал Цветов ночные звонки и, перепуганный, решил, что это «идут русские», по тембру голоса сде-

лал такое заключение, как опытный криминалист. Но вот что меня интересует: если Цветов сам позвонит кому-нибудь ночью по телефону, то, интересно, за человека какой национальности примет его разбуженный абонент? Наверное, за русского. Но не ошибется ли? Не Норинский ли это звонит? Не Норинский ли стоял за плечом разгневанного Рассадина? Не Норинский ли испугал на улице дамочку из телепередачи Познера хулиганским антисемитским, анекдотическим призывом? Не Норинский ли шептал воспаленные речи, склонясь над девичьим ухом Лосото, сочиняющей свое страстное письмо мужчинам из «Памяти»? Конечно же, это все норинские, пишущие одной рукой анонимку, а другой сочиняющие на нее разгневанный ответ. Норинский-рассадин, норинский-лосото, норинский-цветов, норинский-эйдельман... Да-да, тот самый Эйдельман, который спровоцировал писателя Виктора Астафьева на переписку, чтобы потом пустить ее по жаждущим сенсации рукам. В начале первого своего письма Астафьеву Эйдельман представил читателям себя и своего отца: «Эйдельман Натан Яковлевич, историк, литератор, 1930 года рождения, еврей, москвич; отец в 1910 году исключен из гимназии за пощечину учителю-черносотенцу, затем – журналист (писал о театре)...»

Остановимся пока на этом. Изучая кровавую эпоху 30-х годов, историю Беломорканала, читая речи больших и малых идеологов эпохи, я вдруг стал наталкиваться в прессе того времени на фамилию журналиста Эйдельмана, который иногда подписывался прозрачным псевдонимом «Э. Дельман». О чем же он писал? О театре? Нет, не только, вернее, не столько... Передо мной «Литературная газета» от 1 мая 1937 года. Циничное восхваление громадного концентрационного лагеря, руководимого Л. Коганом, С. Фириным, Я. Рапопортом и Н. Френкелем, где, оказывается, можно не только хорошо жить и перевоспитываться, но, как утверждал борец с антисемитизмом Я. Эйдельман, где заключенным (а их там полегло костьми более семидесяти тысяч) еще можно было вдохновенно и свободно заниматься искусствами и литературой, поскольку

они воспевали «вдохновенный, всепобеждающий труд, чары которого они впервые постигли на строительстве канала...»

Листаю подшивку «Литературной газеты» дальше, еще одна статья – «Певец пролетарской ненависти» (Лит. газета. 1937, № 33), из которой цитирую: «Высшая мораль революции в том, чтобы враги народа, подло предающие его интересы, были начисто уничтожены...» «Только на днях вся страна с яростью и гневом узнала о преступлениях подлейшей банды долго маскировавшихся шпионов, фашистских наемников – Тухачевского, Уборевича, Корка и других мерзавцев».

Да-а, хорош был искусствовед-папа, писавший, по словам сына, «о театре», оказывается, он любил не только подмостки МХАТа, а куда больше ему нравились кровавые зрелища 1937 года!

Это далеко не все. «Театровед» Я. Эйдельман под псевдонимом «Дельман» освещал в «Лит. газете» того времени сфабрикованный судебный процесс против выдающегося русского поэта Павла Васильева, который начался после клеветнического письма в газету «Правда» от 24 мая 1935 года, где Васильев обвинялся в «фашизме», «антисемитизме», «хулиганстве», «шовинизме» и т.д.

Поддерживая все эти клеветнические формулировки, Эйдельман закончил свой донос следующей страстной филиппикой: «Лжете, Павел Васильев! Нагло клевещете на советскую литературную общественность, которая мужественно борется за новый социалистический тип писателя, которая вышвырнула вас из своих рядов именно из-за ваших волчьих повадок, несовместимых с высоким званием советского писателя. Вам не удастся прикрыть свою уголовную сущность громкими фразами. Вам не удастся скамью подсудимых превратить в пьедестал для монумента самому себе. Вы разоблачены до конца».

Вот такую эволюцию прошел театровед в штатском: от гимназиста, давшего пощечину антисемиту, до крупного идеологического погромщика и провокатора, раздувавшего репрессивное пламя 30-х годов. Кстати, если за пощечину

антисемиту-учителю Эйдельман-старший был всего лишь исключен из гимназии, то Павел Васильев за такую же пощечину (о, ирония судьбы!) Алтаузену, которую он влепил, защищая честь женщины, получил полтора года тюрьмы, куда и ушел под улюлюканье Эйдельмана-старшего.

Времена проходят, а приемы, методы и, главное, цели провокаций остаются прежними. Яблочко от яблони недалеко падает. «Театровед» Эйдельман-старший травил выдающегося русского поэта Павла Васильева. Пушкинист Эйдельман-младший, продолжая семейные традиции, тоже постарался найти себе крупную мишень – выдающегося русского писателя Виктора Астафьева...

2

В журнале «Огонек» (1989, № 28) напечатаны размышления журналиста А. Никишина о так называемых «межнациональных отношениях». Очень любопытные размышления, которые начинаются с изложения прямо-таки детективного сюжета.

«Кубанская девушка Светлана Филимонова вознамерилась было ехать на учебу в Ригу, да убоявшись, как сама пишет, “агрессивности латышей”, поспешила о своих страхах поведать всей стране, приспособив в качестве рупора комсомольскую газету с тиражом в несколько миллионов экземпляров.

Десятка полтора строк, растиражированных от Москвы до самых до окраин, вызвали немалую почту. Среди писем было такое: “Какой черт тебя несет туда? – восклицал безымянный смельчак из Тулы, проставляя на конверте КАЗАХСТАН под отметкой “обратный адрес”, не подозревая, что штемпель города-отправителя укажет адрес истинный. – С ними в лучшем случае нужно поступать так, как в свое время поступали с крымскими татарами!” Письмо не опубликовали, опасаясь, что оно оскорбит национальные чувства латышей, литовцев и эстонцев, а в Прибалтийских республиках и без того неспокойно...

На мой взгляд, если письмо кого-то оскорбляет, так это в первую очередь русских. Откуда неприкрытая, животная, пещерная ненависть и злоба?

Легче всего поступить с письмом так, как поступила газета: списала его в архив за ненадобностью и закрыла тем самым проблему».

Кавычки из огоньковской цитаты закрыты, но проблема действительно остается. Однако не межнациональная, а несколько другая: проблема откровенного и беззастенчивого провокаторства в национальной сфере. В самом деле, дорогой читатель, обратите внимание, что комсомольская газета побрезговала печатать анонимку, сдала ее в архив и поступила совершенно правильно, ибо печатать анонимные письма и опираться на них, строя политику, дело не только неприличное, но и рискованное. Первое, что приходит на ум: каким образом из многочисленной почты, приходящей в многомиллионнотиражную комсомольскую газету, именно это письмо попадает в редакцию «Огонька»? И попадает из архива газеты. Надо, видимо, очень постараться, чтобы разузнать о существовании такого письма и завладеть им. Вот вам первый элемент прямо-таки детективной истории! Однако для чего это было нужно «огоньковцам»?

А для того, чтобы в очередном номере еще раз протащить одну из самых главных идей этого издания последних лет – идею о том, что все зло в русских с их «неприкрытой, животной, пещерной ненавистью и злобой». Однако в своей русофобской истерии «огоньковцы» (даже странно – такие опытные журналисты!) сели в лужу, закрыв глаза на то, что письмо-то анонимное и единственный факт, на который опирается автор статьи, самоуверенно предполагая, что его написал русский человек, лишь потому, что отправлено оно из Тулы. Но почему если из Тулы, то обязательно написано русским? Разве в Туле не живут люди самых разных национальностей? А разве в Тулу не может поехать какой-нибудь новоявленный норинский и отправить оттуда свою провокационную анонимку. Конечно, может... И такие анонимки

воспитанные интеллигентные люди и честные журналисты выбрасывают в корзину или в крайнем случае сдают в архив, что и сделали газетчики из «Комсомолки»... И надо же было выцарапать неведомыми путями провокационную листовочку и тиснуть 3, 5-миллионным тиражом! Не хватает, видно, в «Огоньке» других, более убедительных материалов о «пещерной злобности» русских. Плохи дела. А когда нет убедительных материалов – опять идут в ход анонимки. Лишь бы костер русофобии не затухал. Лавры Норинского не дают покоя Коротичу. Подбрасывая свое русофобское полешко в межнациональное пламя, автор «Огонька» рисует картину того, как в 1949 году сосланных эстонцев встречали в Сибири русские крестьяне, большинство которых, как пишет автор, «восклицали, тыча пальцами в приехавших не по своей воле: "Вас всех потопить!" Для них, травленных дурманом сталинщины, все эстонцы – да что там эстонцы, – лихо восклицает автор «Огонька», – все жители Прибалтики! – от велика и до мала были "фашистами всамделишними"».

Картина написана неизвестно с чьих слов, сам автор этого не видел и не слышал, но выдает все за правду, даже и такой абсурд, что в те времена сибирские крестьяне не только сосланных, но и всех жителей Прибалтийских советских республик считали фашистами...

Я не видел этих нарисованных воображением журналиста картин, но через восемь лет после изображаемых им событий, в 1957 году, когда приехал работать в город Тайшет Иркутской области завсельхозотделом районной газеты «Сталинский путь», постоянно встречался в деревнях с высланными жителями Прибалтики – доярками, трактористами, словом, с колхозниками. Я ночевал в избах у русских, немцев, литовцев, эстонцев, просиживал с ними до полуночи в разговорах, косил вместе с ними сено, бражничал, рыбачил, трясся в кузовах попутных машин и свидетельствую: никаких следов ненависти к прибалтам со стороны русских крестьян я не видел, так же как не видел и ненависти с прибалтийской стороны. Была общая тяжесть жизни.

Но провокаторской краской в статье Никишина мажется не только ближняя, но и дальняя наша история. «Огоньку» мало душераздирающих картин того, как русские ненавидят прибалтов. Отработав прибалтийскую тему, журнал берется за русско-грузинские отношения. Никишин вспоминает, как Маяковский в 1930 году, отвечая на записки во время литературного вечера, упрекнул Пушкина за «строчки, которые восхваляли русского генерала, поработителя Грузии». Речь идет о Ермолове. Неумный и запальчивый ответ Маяковского «Огоньком» трактуется как истина в последней инстанции. Но ведь это неправда. Нет бы автору «Огонька» или сотрудникам редакции заглянуть в любой энциклопедический словарь и уяснить для себя, что когда в 1783 году по просьбе грузинского царя Ираклия Второго Грузия добровольно воссоединилась с Россией («Георгиевский трактат»), спасаясь от гибельных набегов персов, то ее «поработителю» генералу Ермолову было от роду всего-навсего шесть годочков. Думаю, что пассаж насчет «поработителя Грузии» – сознательная капля «огоньковского» бензина в костер антирусских и антиармейских настроений.

В 27-м номере «Огонька» за 1989 год В. Коротич в колонке редактора иронизирует над журналом «Наш современник» за всякого рода «стоны» упомянутого журнала «о русофобии» и «поиски» ее. А зачем эту самую русофобию долго искать? Пусть Коротич откроет следующий номер своего журнала и прочитает вышеупомянутую статью, которая называется «Не навреди» и заканчивается следующими словами: «Недалеко от беды, если вот так, сплеча да сгоряча садить (так у автора. – *Ст. К.*), не думая, не понимая, что, представляя одну нацию злодеем, а другую праведником... рискуешь одинаково навредить и тем и другим».

Ну, во-первых, по-русски все-таки говорят «недолго до беды». Видимо, русофобия в «Огоньке» естественно переходит в прямую безграмотность.

А во-вторых, тут я согласен с автором «огоньковской» статьи: провокации в духе Норинского действительно живут «недалеко от беды».

3

В один из пасмурных дней прошлой осени, когда сотрудники «Нашего современника» пришли на работу, они ахнули, увидев на дверях и окнах журнала шестиконечные звезды, грубо намалеванные масляной краской и хулиганские надписи: «Россия – родина свиней», «Белов – мертвец», «Скоро вы все подохнете с голоду».

Как и подобает русским интеллигентам и людям с чувством ответственности, мы не побежали ни в «Комсомолку», ни в программу «Взгляд», ни в «Известия», ни в «Московские новости», ни даже в «Литературную Россию» или «Московский литератор», то есть не стали бензином заливать смрадный огонек, чем недавно так рьяно занимались деятели «Апреля» во время цэдээловского инцидента, мы не стали кликушествовать в суде и на следствии о близких погромах, не стали тиражировать в массовое сознание гнусную выходку, не стали кричать о происках масонов и сионистов, а просто взяли ведро с водой, тряпки, стерли со стекол и дверей мерзкие надписи и начали рабочий день.

Но сегодня, когда с телеэкранов, страниц прессы и площадных трибун несутся оскорбления в адрес нашего журнала, когда провокационные выступления Оскоцкого и Адамовича, Щекочихина и бойких ребят из «Взгляда» нагнетают истерию до предела, необходимо вспомнить этот эпизод идеологической борьбы. Если подобное или худшее повторится сегодня, то главными виновниками должно будет считать не исполнителей, а идеологов-подстрекателей, манипулирующих сознанием возбужденных масс.

4

Александр Сергеевич Пушкин, как настоящий дворянин, весьма ревниво оберегал свою честь и не спускал ни малейших оскорблений ни одному из своих обидчиков или клеветников. И на дуэли вызывал, и пощечины отвешивал, и

убийственные эпиграммы выпускал, словно стрелы, со своего гусиного пера.

Так что у меня нет никаких сомнений, как бы ответил разгневанный поэт Абраму Синявскому, если бы прочитал о том, что «Пушкин вбежал в литературу на эротических ножках», или о том, что он «паркетный шаркун». Видимо, до дуэли не дошло бы – сословная гордость помешала бы поэту вызвать на дуэль хама, но в том, что на хамской щеке появился бы отпечаток гениальной длани – в этом я не сомневаюсь. Думаю, что на щеке главного редактора журнала «Октябрь» также загорелось бы пятно, повторяющее очертание ладони Александра Сергеевича. Словом, все пошло бы по плану, начертанному в свое время поэтом:

О, сколько лиц, бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неумолимую печать.

Однако в наше время с подачи Синявского и Ананьева число лиц «бесстыдно бледных» множится. Когда одно хамство остается безнаказанным – тут же на белый свет выползает другое, еще хлеще. То, что у Синявского было дурно пахнущими цветочками, в газете «Московский комсомолец» под пером некоего Влодова созрело смрадными ягодками: вот какое стихотворение о встрече Пушкина с нищим опубликовала газета 24 декабря 1989 года, сделав читателям, так сказать, подарок к Рождеству Христову:

«Бродяга – кто ты?!»
«Я – Христос».
Чумазым бесом взвился:
«Что-с?!!
Холоп!.. Рванюга!..
Я те дам!»
И – хлесть! – наотмашь! –

По мордам!
Поэт в карету – прыг –
Бочком...
А нищий кровь утер молчком
С губы,
Рассеченной хлыстом...
Так Пушкин свиделся с Христом.

И это о Пушкине, который «чувства добрые лирой пробуждал», писал стихи «Отцы пустынники и жены непорочны...», умер, как христианин. Стыдно...

Я взял газетенку и пришел в «Литературную газету» к одному из ее руководителей: «На вашей газете отпечатан профиль Пушкина. Кому, как не вам защитить поэта!»

В ответ услышал нечто бюрократически-равнодушное: «Мы, мол, со всякой мерзостью связываться не будем. Пишите лучше в "Московский комсомолец». Они напечатали пасквиль – пусть они и отвечают...»

– Но ведь ваше издание освящено профилем Пушкина! И не вам ли защитить честь основателя «Литературной газеты» и ее духовного покровителя?

Зам. главного нервно закурил и бессильно опустил взгляд на улыбающееся с фотографии лицо главного редактора «Октября» с тугим седым ежиком, с крепенькими сытыми щеками, не испорченными никакой пощечиной, и тяжко вздохнул: «Я ничего не решаю...»

Бедный Александр Сергеевич! Газета, когда-то основанная Вами, не может защитить Вашу честь от той многоликой и циничной шушеры, на лбах которой на все будущие времена, пока жива русская культура, Вы поставили «неизгладимую печать»: «Клеветники России»...

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», – сказал Тютчев. Не знаю, как насчет блаженства, а насчет того, что сегодня мы переживаем роковые минуты нашей истории – в том сомнения нет.

Время насыщено духом провокаторства. XX век знает немало таких эпох. Вспомним 1918 год, когда Фанни Каплан стреляла в Ленина, а Канегиссер в Урицкого – когда эти выстрелы означали начало кровавого террора для России и русских, а в Германии такое же время ознаменовалось величайшей провокацией – поджогом рейхстага. И сейчас, когда с экранов телевизоров, со страниц разнузданной прессы звучат постоянные оскорбления русским в России, скорбления Пушкину, Есенину, лучшим писателям нашего времени, когда мы обклеены ярлыками «мигрантов», «оккупантов», «детей Шарикова», я думаю вот о чем: для чего сочиняются все эти провокационные бессмыслицы, лживые, обреченные на осмеяние, бесцельные? Какова цель у целой армии телекомментаторов, журналистов, социологов? Разве Абалкин не знает, что по итогам года провал важнейших планов – хозяйственных, строительных, продовольственных – произошел где угодно: в Молдавии, в Закавказье, в Прибалтике – но только не в России, которая выполняет все планы и тем самым материально вынуждена через механизм несправедливого распределения поддерживать силы, кричащие об оккупантах и мигрантах?.. И прекрасно зная это, одно из первых лиц правительства заявляет, что «русские плохо работают». Да в любой так называемой цивилизованной стране мира ему пришлось бы на другой день подать в отставку...

Но что нужно всем этим большим и малым норинским, большим и малым провокаторам?

Для чего им надо публиковать на русском языке в газетах, напечатанных на бумаге, изготовленной из русского леса, такие оскорбления моему народу: «Русские дебильны в национальном отношении» (народный депутат Озолас); «Россия должна быть уничтожена», «Все русские (советские) люди – шизофреники» (журнал «Даугава» 1990, № 1); «Русский характер исторически выродился, реанимировать его – значит вновь обрекать страну на отставание» («Молодой ленинец», Калуга); «Это народ с искаженным национальным самосознанием» (народный депутат Г. Старовойтова)...

Какова логика этих русофобов, когда они публикуют подобные расистские мерзости?

Ответ, видимо, напрашивается сам собой: им надо оскорбить русскую душу, русское чувство, русскую славу так сильно и больно, чтобы мы пришли в конвульсивную ярость, чтобы мы в ярости что-нибудь наговорили, натворили, выкрикнули. А тут в ответ следующий шахматный ход: обвинить русских в очередной агрессии, в имперских замашках, в шовинизме, в антисемитизме и в очередной кампании сварить очередную русофобскую похлебку, накормить ей досыта обывателей, чтобы бросились они получать документы на выезд в Америку, а лучше в Израиль, для укрепления этого государства. Так что, отвечая на эти провокации с яростным возмущением, мы льем воду на их мельницу. Но и молчать нельзя: слишком хорошо и дьявольски продуманы оскорбления, наносимые нам. А потому будем отвечать на них, но так, как подобает великому народу, как подобает потомкам Пушкина: твердо, уверенно, спокойно. Отвечая на провокации не агрессивной, импульсивной яростью, а брезгливым и холодным презрением и точным отпором. Большего – ни крупные, ни мелкие бесы, провоцирующие нас, – не заслуживают...

«ЗМЕЯ, УКУСИВШАЯ СОБСТВЕННЫЙ ХВОСТ...»

Славный город Марбург, в котором в разные времена побывали Мартин Лютер, Михаил Ломоносов, Борис Пастернак и Булат Окуджава, встретил меня и моего коллегу по «Новому миру» Андрея Василевского весьма радушно. Его кривые улочки, вымощенные брусчаткой, тянулись к вершине холма, увенчанного темным средневековым замком некоего ландграфа. На улочках – куда ни глянь – стояли разноцветные пластмассовые столики, выползшие из пивных

баров, пиццерий и разнообразных кафешек. Марбургская университетская молодежь вкупе с туристами поглощала пиво, кофе, пиццу, салаты, курила травку, слушала музыку, хохотала – словом, жила беспечной потребительской жизнью, о которой Европа с ее религиозными войнами и священными камнями мечтала целое тысячелетие...

Литературный институт имени Горького и Марбургский университет время от времени посылают друг к другу своих преподавателей и студентов. Вот почему мы с главным редактором «Нового мира» Андреем Василевским летом 2003 года очутились в Марбурге.

Наша хозяйка, у которой мы устроились на постой, – глава громадной и добропорядочной немецкой семьи, занимающей трехэтажный средневековый домик на главной городской улице. У нее несколько взрослых детей, некоторые из них в этом же доме, бесчисленное количество внуков и внучек, и муж – двухметровый грузный немец весом не менее полутора центнеров, да и она сама белокурая, крупная, овальная женщина, похожая на громадный белый гриб, весит чуть поменьше своего Зигфрида, которого, впрочем, зовут Альфред.

В первый же день пребывания в их сказочном средневековом доме с крутыми дубовыми лестницами мы были удостоены торжественного обеда, плавно перешедшего в ужин. Хозяйку звали фрау Урфф, что восхитило меня. Сочетание этих слов и звуков таило в себе некую причастность к древнегерманскому, легендарному бытию и превращало заурядную немецкую домохозяйку в могучую, голубоглазую и белокурую Брунгильду из немецкого эпоса. Когда я обращался к ней и с наслаждением, вращая языком, выговаривал – «Фрау Урфф-ф!» – то тут же вспоминал пушкинское – «Европы баловень Орфей»... Зеркальность словосочетаний, отражавшихся друг в друге, восхищала меня.

А еще восхищало то, что на столе во время торжественного обеда в нашу честь перед каждым из присутствующих стоял глиняный горшочек для яичной скорлупы, колбасных кожурок, корочек сыра, словом, для всех отходов, чтобы они

не портили внешний вид стола. Да только ли одни глиняные горшочки?! Сколько всяческих удобных приспособлений для принятия пищи присутствовало на дубовом столе фрау Урфф! Крупное куриное яйцо, к примеру, перед тем как поместить в фаянсовую рюмочку и разбить коричневую скорлупу специальной мельхиоровой ложечкой, сначала надо было извлечь из позолоченного разъемного пластмассового футляра, долго сохраняющего тепло только что сваренного всмятку яйца! Да что там футляры, ложечки, ножики, прозрачные, толщиной в пергаментный лист ломтики испанской ветчины и коллекции всяческих сыров на столе! «Delikates» – как сказал громадный Альфред, похожий на княжеский замок, венчающий Марбургский холм... Это все ерунда по сравнению с тем, что во время нашего пиршества каждое очередное блюдо сопровождалось особым гарниром, мы поглощали салаты – а из музыкального центра, включенного пухлым пальчиком фрау Урфф, лились музыка. Когда я «угадал мелодию» и произнес: «Кармен»! – Зигфрид-Альфред и фрау Урфф с удивлением переглянулись. В их взглядах я прочитал: «О! Русский поэт знает, какую музыку мы слушаем!»

Потом я определил, что отбивные, поглощенные нами после салата, шли под сопровождением мелодий из Шуберта, а во время десерта хозяева были окончательно очарованы моей осведомленностью в европейской музыке: еще бы – я узнал, что прозвучал хор из малоизвестной оперы Верди «Набукко»! Фрау Урфф и Адольф не могли знать, что в последние несколько месяцев, когда я часто приезжал в родную Калугу, то постоянно слушал на кухне по российскому радио передачи, посвященные какому-то круглому юбилею Верди. «Настоящее радио» то и дело рассказывало об этой самой «Набукке» – опере о борьбе евреев за свои права во времена вавилонского пленения... Да еще комментаторы подробно поясняли, что центральная хоровая партия оперы стала в XIX веке национальным гимном Италии, о чем я на ломаном немецком языке просветил хозяев. Хотел было добавить, что знаменитый композитор, по моим предположениям, написал

«Набукку» по заказу богатых итальянских евреев за большие деньги, но построить такую сложную фразу уже не смог – словарного запаса не хватило.

Но как бы то не было – восторгу хозяев по поводу моих музыкальных знаний не было предела. Растроганный Альфред распорядился, чтобы фрау Урфф принесла вишневой водки («киршен вассер») – и это после трех бутылок вина, выпитых под Бизе, Шуберта и Верди. Тосты стали следовать один за другим. А когда я вспомнил, что еще в 1951 году, будучи учеником 10-го класса в калужской железнодорожной школе № 9, выучил наизусть и перевел на русский язык несколько стихотворений Генриха Гейне и, стараясь не потерять в произношении ни одного «умляута», прочитал из «Путешествия на Гарц»:

Auf die Berge will ich steigen,
Wo die frommen Hütten stehen,
Wo die Brust sich firei erschlisset
Und die freie Lufte wehen

(«Я хочу подняться в горы,
В миры невзрачных хижин,
Где грудь свободно дышит,
Где свежий ветер веет») –

то супруги захлопали в ладоши, обволокли меня какими-то нечленораздельными восклицаниями и, разгоряченные музыкой, вишневым напитком, стихами Гейне, предложили подняться по лестнице на открытую веранду верхнего этажа, откуда все Марбургское княжество с его лесами, полями и реками было видно, как на ладони. При виде такой неожиданной красоты я потребовал еще одну бутылку «Киршен вассер», фрау Урфф, кокетливо поигрывая крупным телом, быстро спустилась по лестнице и принесла на стол сосуд темного стекла, да еще с какими-то орешками в придачу... Словом, немецкий регламентированный ужин естественным образом перешел в

русское застолье до той поры, когда в древнегерманскую летнюю полночь под звездным небом, освещенным на горизонте огнями далекого Франкфурта, мы все, бережно поддерживая друг друга, кое-как спустились по крутым деревянным ступеням к своим спальням и, прокричав друг другу «гутен нахт!», рухнули в мягчайшие бюргерские постели...

Утром, когда фрау Урфф постучала нам в дверь и мы с Василевским вышли с легкой головной болью к завтраку, я увидел ее покрасневшее лицо и заплаканные глаза.

– Что случилось, дорогая фрау Урфф? – с искренним сочувствием спросил я – и, напрягая все свои познания в Deutsche Sprache, кое-как понял из ответа, что Альфреду ночью стало плохо, он попытался выйти в туалет, но у него отнялись ноги, пришлось вызывать «скорую помощь», и что сейчас бедняга находится в госпитале (befindet in Hospital!). Его жизнь и здоровье кое-как поддерживаются капельницей, подключенной к громадному и неподвижному телу. В конце взволнованного разъяснения фрау Урфф даже всплакнула, но когда я неуверенно предложил, что коли дело обернулось таким образом, то полезно было бы выпить за здоровье Альфреда, внезапно оживилась и с грацией, неожиданной для ее нордической фигуры, побежала на кухню... В оставшиеся три-четыре дня мы каждое утро с немецкой педантичностью выпивали за здоровье больного, что очень нравилось фрау Урфф даже несмотря на то, что здоровье Альфреда ничуть не улучшалось.

* * *

Все время пребывания в Марбурге мы постоянно встречались с официальными лицами, бывали в частных домах, где пили вино и чай, закусывая сладкими кексами, и везде (что я быстро понял) попадали в особую атмосферу «толерантности и политкорректности», неофициальный культ которых воцарился в нынешней Германии. Говорить можно было о многом: о снижении уровня жизни в Эпоху евро, о

растущей безработице, о европейском футболе, о школьном воспитании, о детях и внуках, но только не о немецкой истории. После катастрофы 1933–1945 годов немецкая нация по какому-то негласному договору как бы забыла свою историю. И славную, и позорную...

Мы гостили в Марбурге целую неделю, и один из дней этой недели выпал на 22 июня... В этот день мы повидались с журналистами, с сотрудниками одного из крупнейших архивов Германии, естественно, с нами был наш переводчик Вилли, – к хозяйке заглядывали какие-то знакомые, которым она представляла нас... но никто не вспомнил о том, что произошло 62 года тому назад. Немецкая интеллигенция не желала вспоминать прошлое. Она вольно или невольно чувствовала, что эта дорожка приведет сначала к 20-м годам прошлого века, потом к 33-му году, потом к 1945-му... Неизбежно, что этот разговорчивый русский, начав с размышлений о Гете и Бисмарке, о Вагнере и Ницше, перейдет к совсем запретным вещам – к «Майн кампф», к Гитлеру, к евреям. Все упомянутые выше немецкие гении с точки зрения современного мышления – натуры, начисто лишенные «толерантности и политкорректности», как, впрочем, и великий Мартин Лютер, запустивший в черта чернильницей и проклинавший еврейских ростовщиков. Каждый раз, пытаясь расшевелить собеседников и вспоминая «неблагополучные имена» немецкой истории, я наталкивался либо на невнятные ответы, либо на нежелание продолжать разговор. Даже о нобелевском лауреате, покинувшем гитлеровскую Германию Томасе Манне немецкие собеседники вспоминали неохотно, потому что знали, что два самых знаменитых романа великого писателя – «Иосиф и его братья» и «Доктор Фаустус» – посвящены двум опасным темам – истории еврейства и эпохе «тысячелетнего рейха» – нет-нет, об этом не надо, это – не актуально, это в прошлом, – не раз говорил мне наш переводчик Вилли, школьный учитель, человек средних лет, не живший при Гитлере, не могущий нести ответственность за события фашистской истории, но тем не менее ощущавший на себе давление

всяческих «табу». Впечатление от всего этого было такое, словно ты попал в общество «опущенных» людей, где была произведена целенаправленная кастрация образа мыслей, знаний, воспоминаний о прошлом...

Думаю, что мировое сообщество хочет то же самое проделать и с нами, с утра до ночи обрабатывая наши головы рассуждениями о «парадигме несвободы», о порочности русской истории, о «рабстве и тоталитаризме», о Сталине...

Да, мы проиграли историческое противостояние миру западной тьмы, но в нашей воле ни на шаг не отступить на поле метафизической битвы. Если мы сдадим в своем сознании советскую эпоху и позволим приравнять ее к Третьему рейху, а Сталина к Гитлеру, то нам придется до Страшного Суда жить, как нынешним немцам, в духовно оскопленном состоянии. Как они стесняются вспоминать о Вагнере и Ницше только потому, что их имена были почитаемы при Гитлере, так и нам придется опускать глаза при разговорах о Горьком и Шолохове, о Есенине и Твардовском. А коготок увяз – всей птичке пропасть: придется сдать и Циолковского с Королевым, и Жукова с Гагариным, словом одного за другим всех строителей советской цивилизации... У немцев есть хоть некоторое утешение – они «опущенные», но богатые, а мы будем и «опущенными», и бедными.

* * *

Время от времени на улочках Марбурга появлялись персонажи из прошлого – состарившиеся битники с лысинами и космами нечесаных волос на затылках, худосочные, голенастые, в шортах и стоптанных кроссовках, с потрепанными рюкзаками за спиной... Их подружки – бывшие девочки 60–70-х годов, похожие на состарившихся сморщенных обезьянок, обмотанных разноцветными тряпками... Они еще пытаются из последних сил продлить образ жизни, столь милый их сердцу, курят марихуану, пьют пиво, жуют хот-доги, но безжалостное время уже превратило их некогда нежные

руки и стопы ног в коричневые конечности, разукрашенные темными венами, волосы поредели, глаза глубоко провалились в темные глазницы...

Бунтари и ниспровергатели буржуазных нравов минувшей эпохи, превратившиеся к старости в среднеевропейских бомжей, о таких в России говорят – ни Богу свечка, ни черту кочерга. Я вижусь с ними каждое утро, когда надеваю кроссовки и бегу вдоль мутно-зеленого Ланна, утопающего в зарослях одичавших вишен, пробегаю под бетонными пролетами мостов, где спят бездомные дети Европы. Они выползают из своих спальников, пекут на костерках картошку, обнимаются скорее не ради секса, а просто держась друг за друга, чтобы не упасть. Одинокий пожилой человек, продвигающийся медленной трусцой вдоль реки по асфальтовой дорожке, вызывает у них некоторое любопытство, и они, приветствуя меня со своих лежбищ, выкрикивают что-то немецкое и добродушное.

Иногда я замечаю какие-то листовки, наклеенные на заборах, останавливаюсь возле них, пытаюсь прочесть, понимаю, что речь идет о преимуществах социализма над капитализмом... Авторы листовок вспоминают о Розе Люксембург, цитируют какие-то ее слова... Эх, Роза, Роза, плохи наши дела и в России, и в Германии... Всюду, куда ни плюнь, попадешь либо в бомжа – российского и европейского, либо в политкорректность и толерантность. Скука для таких, как мы с тобой, – смертная!

Но, отказавшись от истории, немцы берут реванш, создавая в бытовой жизни всяческие немыслимые усовершенствования и удобства.

Марбургские горожане настолько постарались обустроить свою жизнь, что даже в той части города, которая стоит на вершине холма, пробурили шахту и устроили в ней лифт, чтобы не подыматься по крутым улочкам в гору утомительным шагом... Устроили этакое вертикальное метро – садишься на станции у основания горы и возносишься к вершине на полторы сотни метров.

На стенках туалетов в кафе и кондитерских всяческие приятные изображения: глянцевые фотографии тортов, пирожных фруктовых горок, даже – пасхи. Писсуары пахнут корицей, лимоном, яблоком. В этом желании подменить действительность, замаскировать запахи, скрыть сущность чего-то неприятного, неблагопристойного заключено некое извращение, нежелание видеть действительность такой, какая она есть. Когда-то Гегель сказал: «Разумно то, что действительно». Нынешние немцы – не соглашаются с ним, когда стараются сделать «толерантными» не только прошедшую историю, но и обычные отхожие места. Впрочем, эта национальная особенность у немцев наблюдалась даже в обустройстве концлагерей с их порядком-орднунгом, бюрократическим расписанием внутренней жизни и смерти, с умиленными плакатами о том, что «труд делает человека свободным»

На прощальный обед, который перед отъездом из Марбурга дала в нашу честь фрау Урфф, пришел журналист из городской газеты, какой-то бывший знаменитый спортсмен, университетский профессор, две-три активистки из литературного общества и переводчик Вилли.

– Сегодня, – сказала сказочная фрау Урфф, – у нас на обед будут блюда старой германской кухни! – Я оживился: еще бы, отведать пищу Нибелунгов и обитателей Валгаллы! Вино, правда, к столу было подано какое-то отнюдь не древнегерманское: кисленькое, дешевое, современное. А на закуску фрау выставила салат из свежей капусты и красного перца, ничем не сдобренный, поскольку майонеза и кетчупа в легендарные времена не было. На первое фрау Урфф разлила из пузатой супницы весьма безвкусный суп, в котором плавали яичные волокна. Увидев на моем лице некоторое разочарование, активистка, сидевшая рядом, шепнула: «Он на мясном бульоне!»

Но зато на второе... Фрау Урфф в сопровождении двух подруг внесла в гостиную громадное блюдо, на котором высился холм, исходивший паром. «Капустная голова!» – воскликнула фрау и поставила поднос в центр дубового стола.

Капустная голова оказалась исполинским голубцом, который плавал в мясном отваре, издавая древнегерманские ароматы. Я за свое неумеренное любопытство к немецким национальным ценностям тут же был наказан: фрау схватила громадный нож, отрезала килограмма полтора капустной головы и водрузила на тарелку саксонского фарфора... Мой лепет насчет того, что «чересчур много», был сразу подавлен, и мне не оставалось ничего другого, как под вдохновенные тосты гостей, прихлебывая плохонькое винцо, отчаянно бороться с капустной головой. Однако я вспомнил про вишневую водку и громко заявил хозяйке, что без «Kirsten wasser» я с этим могучим древнегерманским блюдом не справлюсь. Фрау Урфф, не желая огорчать дорогого гостя, поставила персонально передо мной бутылку крепкого напитка, и обед благополучно продолжался. Однако вскоре то ли от моих стараний одолеть капустную голову, то ли от смены напитка я оживился и попросил слова, забыв про толерантность и политкорректность. А может быть, просто захотелось сказать нечто значительное и похвалить немцев, чтобы они больше уважали себя

– Друзья, – сказал я, обращаясь к цвету марбургской интеллигенции. – Глядя на наш стол, я понял, почему Германия дважды побеждала Францию – в 1870 году при Бисмарке и в 1940-м. – Ума хватило не уточнять, при ком это произошло. – Ведь французы всемирно известные гурманы и громадную долю ума и национального гения они тратят на изобретение изысканных блюд – из улиток, устриц, лягушек, певчих птичек, на соусы и подливки, а у немцев кухня очень здоровая и простая, потому у них всегда оставались силы для более крупных забот – на государственное устройство, на философию, на укрепление армии, на необходимые войны...

И тут я осекся, кожей почувствовал, как за столом после каждой моей фразы, дословно переведенной честным Вилли, увеличивается какое-то напряжение. «Господи! – мелькнуло у меня в голове – зачем же я о войнах? Надо закругляться и как-то исправить положение, вернуться к тому с чего начал – к разговору о еде...» Но вишневая водка сыграла-таки

со мной злую шутку, и я в завершение неожиданно для самого себя произнес:

– Я хочу поднять этот бокал за немецкий здравый образ жизни, за могучую простоту немецкой кухни.

И тут, как будто не я, а какой-то чертик, во мне сидевший, добавил последнюю роковую фразу:

– А у нас, у русских, еда еще проще!

Потом я понял, что это была моя стихийная месть немцам за то, что они забыли о том, что такое 22 июня...

Гробовое молчание, воцарившееся после моих слов, длилось несколько секунд, и положение спасла та же фрау Урфф, – закричав о том, что на десерт будет мороженое. Все облегченно вздохнули. А мороженое оказалось скверным – сделанным, как мне показалось, из совершенно обезжиренного, снятого молока. Белая хрустящая ледышка, и ничего более...

На другое утро мы попрощались с милым городом Марбургом и переехали на поезде из Южной Германии в Пруссию, в Потсдам. Всего за несколько часов... Игрушечная страна.

* * *

Не счесть в наше время самых разнообразнейших проектов, направленных на создание так называемого «демократического образа мыслей», «рыночного менталитета», «наднационального сознания». Тут и книжные ярмарки, и международные премии, и бесконечные встречи «в рамках» различных форумов, фондов, диалогов в галстуках и без. Машина по созданию нового упрощенного человека, щедро смазываемая громадными правительственными и частными деньгами, крутится во всю мощь в самых различных уголках земного шара.

После недельного пребывания в Марбурге мы переехали в Потсдам, на так называемый «Германо-Российский форум». В бумагах, полученных мною, форум описывался подробно:

«Всего лишь за несколько лет Потсдамские встречи превратились в прочный элемент многообразной системы

германо-российских отношений. Ту роль, которую “Петербургский диалог” играет для обмена между гражданскими обществами наших стран, Потсдамские встречи играют для большого, многогранного мира культуры». Неслабо сказано...

Впрочем, и другие характеристики звучали не менее загадочно и многообещающе: «Потсдамские встречи выходят за стандартные рамки встреч на уровне экспертов» «Интеграция в Потсдамские встречи формирует новые импульсы для живого диалога» и т.д.

Список гостей от России, участвовавших в предыдущих четырех Потсдамских встречах, был интересен и со «звездной», и с национальной точки зрения: Андрей Битов, Виктор Ерофеев, Владимир Каминер, Дмитрий Пригов, Лев Рубинштейн, Павел Пепперштейн, Евгений Асс, Юрий Гнездовский, Борис Гройс, Юрий Афанасьев, Игорь Клямкин, Михаил Рыклин, Марлен Хуциев, Юрий Любимов...

В этом году он пополнился главными редакторами литературных журналов – С. Чупринин («Знамя»), Л. Лазарев («Вопросы литературы»), И. Барметова («Октябрь»), А. Эбаноидзе («Дружба народов»), мы с Андреем Василевским и новые «звезды» отечественной критики и социологии – Михаил Берг, Катя Деготь, Борис Дубин, Марина Коренева, Катя Мелица, Гала Наумова...

Особым украшением встреч были три всемирно известные женщины – Татьяна Толстая, Полина Дашкова и Ирина Прохорова. О последней следует написать особо.

Когда я просматривал список участников, то прежде всего обращал внимание на деловые и профессиональные характеристики, приведенные в их коротких биографиях. Они были составлены в таинственном и изощренном стиле:

«Автор и ответственный редактор работ о нормативных аспектах русской и советской литературы»; «номинатор литературных премий Букера и “Северная Пальмира”» (то есть был выдвинут – но не получил. Так, что ли?); «колумнист газеты “Коммерсант”»; «независимый писатель и литературовед»; «куратор выставок “Память тела, нижнее белье советской эпо-

хи”»; «свободный лектор», «ведущий научный сотрудник», «свободный сотрудник» «свободный журналист», «приглашенный доцент», «координатор конкурса», «эксперт по Восточной Европе. Живет во Франции, Германии и России», «выступает в саунд-перформансах», «в сферу ее компетенции входит часть программы издательства, охватывающая таких писателей, как Виктор Ерофеев и Людмила Петрушевская»...

Узнать в этом гибриде советско-демократического словоблудия, чем же реально занимается человек и каковы его заслуги перед культурой, было невозможно.

Когда же я дошел до биографии Ирины Прохоровой – главного редактора «Нового литературного обозрения», то окончательно впал в недоумение: сведения о ней были напечатаны на английском языке. Даже о немцах рассказывалось на русском, а о нашей Прохоровой – на английском. Это обстоятельство заинтересовало меня, и я стал осторожно расспрашивать своих знакомых, кто она такая. Сведения оказались противоречивыми. Кто-то говорил, что Ирина – сестра русского олигарха из империи Потанина, другие утверждали, что не сестра, а жена одного из совладельцев «Норильского никеля»*. Как бы то ни было, но когда она шла в ресторан к роскошному шведскому столу или к уютным креслам в вестибюле с чашечкой кофе в руке, лица и взоры окружающих поворачивались в ее сторону. От нее исходили магнетические запахи дорогой косметики и больших денег. А это бессознательно учитывалось всеми, кто подходил и заговаривал с этой женщиной постбальзаковского возраста, косящей под девочку.

Даже породистая внучка графа Алексея Толстого – Татьяна, опуская свои надменно выпученные глаза, с невольным подобострастием склонялась к новорусской Прохоровой своим грузным телом, почтительно протягивая сестре миллиардера

* Через несколько лет выяснилось, что она все-таки сестра одного из богатейших наших олигархов, действительно совладельца «Норильского никеля» Михаила Прохорова, так нелепо попавшего в сети французской полиции вместе с эскортом из несовершеннолетних проституток во время новогодних праздничных оргий на французском курорте Куршевель.

свою очередную гениальную рукопись. Важные немецкие профессора, чиновники и писатели с почтением трясли узкую руку Прохоровой, украшенную кольцами и синеватыми жилами, гораздо горячее, нежели длань главного редактора «Знамени» Сергея Чупринина или даже Полины Дашковой, чьи тиражи, как свидетельствовала ее биографическая справка, превышали на тот день 30 миллионов экземпляров. Но миллионы Ирины и Полины были, видимо, разного качества.

Руководитель Потсдамской встречи седовласый профессор Вольфганг Айхведе, открывая нашу дискуссию на тему «Литература между властью и маргинализацией», определяя ее ход, повороты, возникающие споры и противоречия, чаще, нежели к кому-либо, обращался, как к третейскому судье и главному арбитру, к Ирине Прохоровой, и она, потряхивая рыжеватыми кудрями, вещала столпам отечественной демократической словесности о том, что «мышление в рамках национальных культур становится недостаточным», что «Набоков для русской литературы, как Пушкин, стал нашим всем», что «опыты Набокова и Бродского вывели русскую литературу из интеллектуализированного гетто», а также «кто не знает чужих языков – не знает ничего о своем»... Услышав последнюю ее мысль, я подумал о том, что профессор философии, искусствоведения, теории СМИ в институте дизайна г. Карлсруэ, сотрудник международного исследовательского центра культуроведения г. Вена, сотрудник музея искусств Гарвардского университета в Кембридже, изучавший философию и математику в Ленинградском университете, выехавший из СССР в 1981 году – Борис Гройс, полиглот, свободно трекающий на нескольких европейских языках, знает о русском языке, конечно же, гораздо больше – Есенина, Шолохова, Твардовского, Распутина, Шукшина и прочих «одноязычных»... Именно эту язвительную реплику я хотел ввести в обращение после фразы Прохоровой о языке, но седовласый Вольфганг скользнул равнодушным взглядом по моей поднятой руке, и я понял, что слова мне не дадут, вышел из зала заседания покурить, сел за низенький столик

в вестибюле и стал перебирать какую-то прессу. В одной из русскоязычных газет увидел фотографию Прохоровой и панегирик в ее честь, как великому издателю, просветителю и красивой женщине, а чуть ниже ее небольшую речь на какой-то тусовке, которая заканчивалась четверостишием в жанре частушки «а ля рюс» с хорошим матерным словом в последней строке. Тут-то я окончательно поверил, что она действительно жена либо сестра российского олигарха, а также истинная просветительница не слабее Екатерины Дашковой. К сожалению, я эту газетку не догадался взять с собой и потому не могу матерную частушку процитировать дословно, но вспомнил, что журнал «Новое литературное обозрение» Прохоровой, издающийся вот уже 10 лет на великолепной бумаге и бесплатно рассылающийся по библиотекам, давно уже легализовал грязную матерную речь на своих страницах под видом научного лингвистического анализа нецензурных произведений русской литературы, а также по причине необходимого изучения ненормативной лексики русского языка. То ли за эту отвязанность, то ли за ее идеи и мысли, которые я процитировал выше, но в сентябре 2003 года Ирина Прохорова получила одновременно две престижных премии: – американскую «Либерти» «за упрочение идеалов открытого общества» и Российскую государственную. До этого на высшую государственную награду России наш Союз писателей выдвигал покойного Дмитрия Балашова, Владимира Личутина, Юрия Кузнецова, меня за книгу о Есенине, вышедшую в серии ЖЗЛ, но ни один из нас, как говорится рылом не вышел, а потому придется нам всем радоваться успехам сестры (или жены) норильского миллиардера, получившей «на булавки» какие-то несчастные 300 тысяч рублей.

* * *

Со стен зала заседаний, где начался наш исторический форум, на меня смотрели громадные фотопортреты Татьяны Толстой, Дмитрия Пригова и Полины Дашковой.

Заседание открыл посланник нашего посольства Владимир Поленов. Говорил он с пафосом и долго, но я записал из его речи лишь одну ключевую фразу:

«Возникают комплексные мировые литературы». Что это такое – я не понял (в свое время у нас были комплексные обеды), но во всяком случае я догадался, что национальным литературам в мире комплексных делать нечего.

Седовласый профессор Айхведе, руководивший дискуссией, поклонившись Пригову и Татьяне Толстой («Вас в Германии знают») заявил, что, несмотря на усилия Германо-Российского форума и на многие другие подвижки, «Россия все еще не принадлежит Европе». Я поднял руку, чтобы сказать, что ничего страшного в этом нет, напомнить им пушкинское: «Европа в отношении России была всегда столь же невежественна, сколь и неблагодарна», но режиссер форума посмотрел поверх меня и дал слово знаменитому в Германии Виктору Ерофееву. Тот сообщил присутствующим, что приехал из Франкфурта, где от российской стороны он работал кем-то вроде комиссара (я так понял. – *Ст. К.*) книжной ярмарки и выдал несколько своих идеологических постулатов:

«Русской литературы больше не существует. Зеркало разбито» (при этих словах аудитория довольно зашумела, зашелестела, обмениваясь взглядами, улыбками, репликами. Очень им этот приговор понравился).

«Мы наследники ксенофобской литературы».

«Литература на Западе обладает понятием самоцензуры, инстинктом политкорректности и толерантности и основывается на рыночных ценностях»... (Ну чем не идеолог!)

Он говорил, а в моей памяти всплывали мысли и строки из великой русской поэзии:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный...
(А. Пушкин)

Отдам всю душу октябрю и маю
Но только лиры милой не отдам...
(С. Есенин)

Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...
(А. Блок)

Вас положат на обеденный,
А меня на письменный...
(М. Цветаева)

Никакой самоцензуры и политкорректности, никаких рыночных ценностей и толерантности, никакой ксенофобии... Страсть, духовная жажда, широкие объятья миру, чувство величайшего достоинства... Что случилось? Почему все с такими довольными рожами лезут в загон самоцензуры и толерантности? Может быть, просто ощущая свое духовное бесплодие, свою творческую импотенцию? К силе им всем хочется прислониться, к деньгам, к Ирине Прохоровой, потому и долдонят одно и то же, что, мол, в наше время литература потеряла свое суверенное значение и может существовать лишь как второстепенное подразделение империи СМИ, смиренно и покорно обслуживая ее. Ну и обслуживайте, а мы еще что-нибудь напишем. Пока я думал обо всем этом, социолог Борис Дубин с уверенностью заявлял, что «худшие враги литературы – это «будущее» и «прошлое», то есть «нетерпение» и «ностальгия», что литература должна жить только сиюминутным настоящим. Словом, как поется в шлягере, «есть только миг между прошлым и будущим». Бедный Блок, веривший в то, что «прошлое страстно глядится в грядущее»! Нынешним конформистам страстно хочется, чтобы история закончилась и наступил вечный кайф с бесконечными форумами, пятизвездочными отелями, шведскими столами и шумными тусовочными фуршетами, а вокруг чтобы никаких национальных литератур, никаких народов, исторических бурь и страстей...

Под эту сумятицу моих мыслей в уши залетали обрывки ихних приговоров истории:

«Слово “русский” определяется, как “русский человек”. Это высокомерие заложено в языке» (Марина Коренева).

«Появились космические бастарды, которые лучше нас понимают будущее. Будущее литературы за ними» (Гала Наумова).

«Провокация в современной литературе совершенно необходима» (Борис Гройс).

«Нынешний писатель работает на компьютерах, и это заранее обусловливает его внедренность в рыночные отношения» (он же).

А я только что получил письмо от Василия Белова о том, что он свою книгу о композиторе Валерии Гаврилине уже переписал от руки дважды, но, возможно, и еще перепишет.

Да и Распутин, несмотря на болезнь глаз, до сих пор пишет от руки своим мельчайшим бисерным почерком.

Георгий Свиридов всю свою книгу «Музыка как судьба» написал на блокнотах, нотных тетрадях, листочках бумаги, а порой и просто на клочках – когда вдохновение приходило. Юрий Кузнецов до конца дней своих писал собственной дланью стихи и поэмы с черновиками, перебеливал их, сжигал черновики и пепел пускал по ветру со своего балкона во Внукове. Я сам испытываю подлинное наслаждение, когда переписываю и правлю свои рукописи. Книги о Есенине и «Поэзия. Судьба. Россия» написаны от руки с первой до последней страницы. Все книги Вадима Кожинова рождались из рукописей.

Цветаева права: «Вас положат на обеденный» (на шведский), а нас «на письменный».

* * *

В конце концов, осатанев от постоянной присяги моих коллег в толерантности и политкорректности, я поднял обе руки, и Виктор Ерофеев, сменивший на председательском месте немецкого профессора, дал мне слово. Понимая, что

слушать меня будут невнимательно, я прибег к своего рода провокации и произнес магическое для аудитории имя – «Мандельштам». Ушки на макушках встрепенулись, а мне только этого и надо было.

– Все крупнейшие поэты и писатели России советской эпохи, – сказал я, – были творцами авторитарного склада. Они страстно искали истину в последней инстанции. «Поэзия есть чувство правоты», – говорил Осип Эмильевич. «Трагедий не вернуть», – горевал он в воронежской ссылке, – но, мечтая о причастности к Большому стилю эпохи, продолжал: – «...но эти шевелящиеся губы, но эти губы вводят прямо в суть Эсхила-грузчика, Софокла-лесоруба...»

Россия своими, – продолжал я, – историческими и географическими просторами естественно и неизбежно делает своих сыновей и пасынков великими, укрупняет чувства всех чужестранцев, прикасающихся к ее тайнам. К Василию Белову в его родную Тимониху время от времени приезжает известный японский литературовед, профессор, интеллектуал. Первые день-два он просто сидит на лавочке возле избы, молчит, крутит головой, вглядывается в бесконечные лесные дали, пересеченные реками и ручьями, исчезающие из глаз за горизонтом, за краем земли... Вживается в иной мир, как водолаз на глубине, постепенно – чтобы кессонная болезнь не настигла, – приспосабливает душу к иному, нежели в перенаселенной Японии, давлению среды... Этакий японский маркиз де Кюстин... Разве что не может сказать словами Мандельштама: «Уведи меня в ночь, где течет Енисей, где сосна до звезды достает».

Кстати, у Мандельштама есть стихотворение «К немецкой речи», где поэт вспоминает бога по имени Нахтигаль – соловья, своеобразного покровителя немецкой поэзии:

Бог Нахтигаль – дай мне судьбу Пилада
Иль вырви мне язык, он мне не нужен!

Поэт, который жаждал быть пророком, мечтал о судьбе античного героя, повторявший вслед Пушкину слова о «вы-

рванном языке»... Что сейчас бы с ним случилось, если бы он услышал наши филистерские размышления о «толерантности и политкорректности» – да он бы проклял нас либо умер от огорчения «за великое племя людей»...

Произнеся все это в микрофон, я поднял глаза и оглядел аудиторию. Мои слушатели смотрели на меня с недоумением и жалостью. В их глазах было какое-то брезгливое сочувствие, как будто я публично совершил некий неприличный поступок: и согласиться со мною нельзя, и сделать вид, что ничего не произошло, – невозможно... Словом, история, происшедшая во время прощального обеда у фрау Урфф, как бы повторилась.

Совсем недавно, увидев, как в какой-то телевизионной программе Виктор Ерофеев, уже весьма немолодой человек, с усилием (видимо, преодолевая остатки совести и стеснительности) прочитал отрывок из своего сочинения, наполненный развязной порнографической лексикой, я плюнул и выключил телевизор. Но в этот раз выступление пожилого отморозка заинтересовало меня.

– Мы, представители масс-медиа, – начал он, – очень обеспокоены в последнее время всяческими угрозами со стороны власти. Вроде бы не зависим от нее, а все равно на душе кошки скребут. А вдруг она замыслила что-то недоброе? Но я хочу для вашего успокоения рассказать одну историю.

У меня на даче есть сосед, а у соседа громадная злая собака. У меня тоже есть собачка, но маленькая. Между нашими участками натянута сетка, и собаки, когда увидят друг друга, бросаются к сетке и начинают отчаянно облаивать друг дружку, рычать до хрипоты – аж слюни у них текут... Собаки бегут вдоль сетки, бросаются на нее, скребут лапами, и так до конца забора, потом обратно, пока не устанут. И такое впечатление, что если бы не было между ними преграды – вцепились бы в глотку друг другу и, конечно бы, большая собака разодрала на куски маленькую. Смотрел я на них как-то и подумал: соседский пес – это власть, а мой – это мы, масс-медиа. Он бы несдобровал.

...Но однажды проводились у нас земляные работы – разгородили наш забор в дальнем углу. Собаки, как всегда, утром вышли к сетке и понеслись вдоль нее, исходя лаем. Я ужаснулся: они мчались к тому углу, где сетки уже не было! Ну, думаю, пропал мой любимец – бегом за ним, а он уже столкнулся носом к носу со своим страшным врагом. Я задыхаюсь, бегу – и что же вижу: они обнюхали друг друга, потерлись носами и стали лизаться, удовлетворенно повизгивая. Забор кончился, и обнаружилось, что взаимная ненависть у них – притворная!

Ерофеев торжествующе оглядел аудиторию.

– Вот и мы с властью лаем друг на друга лишь потому, что между нами некий забор для порядка установлен. Но если его убрать, не беспокойтесь, с глазу на глаз мы всегда найдем общий язык и рвать глотку друг другу не будем!..

Аудитория одобрительно загудела, захлопала в ладоши... Лица Сергея Чупринина, Татьяны Толстой и Дмитрия Пригова озарились радостью от неожиданного открытия: мы с властью не враги, мы всегда с ней договоримся, мы лаемся с нею лишь тогда, когда на нас смотрят непосвященные! Выступавшие после Ерофеева ораторы один за другим восхищались ерофеевской притчей, так изящно развеявшей их тревогу. Многие стали рассказывать свои истории из собачьей жизни. Критик Саша Михайлов вспомнил)(правда, невпопад), что не всегда такие распри кончаются миром: при подобных же обстоятельствах его громадный пес откусил кусочек носа у соседнего пуделя, который просунул мордочку между штакетин. Пришлось заплатить хозяевам за нанесенное пуделю увечье. Однако никто не придал ни малейшего значения этому несчастному случаю. Всем хотелось, чтобы, когда окончится забор, вильнуть хвостом перед властью и увидеть в ответ одобрительное движение ее хвоста...

Я тоже вспомнил судьбу одной собаки и на другой день подошел к Ерофееву.

– Однажды, господин Ерофеев, я поехал рыбачить и охотиться на Север, добрался до деревни, где жил мой давний зна-

комый помор Виктор, переночевал у него, а утром он собрался забросить меня на лодке в верховье реки, за сотню километров... Там мне было суждено прожить две недели, по истечении которых за мной должен был прилететь вертолет.

Мы перед отъездом выпили на посошок и хозяин щедро предложил гостю, глядя на нескольких своих собак, лежащих во дворе:

– А возьми с собой старого Музгара!

Я обрадовался подарку, но потом засомневался:

– А как я тебе его верну? Меня же «вертушка» с озер заберет... А в Москву собаку я взять не могу.

– Да застрели, а шкуру снимешь и в Москве шапку себе сошьешь.

– Ты что, Витя! – возмутился я. – Две недели буду жить с Музгаром бок о бок, кормить его, разговаривать с ним, а потом застрелю и шкуру сниму?

– Да он у меня зря только хлеб ест, остарел уже – лося не облает, нюх потерял... Нерабочая собака!

Я видел в окно одряхлевшего Музгара, к которому приставал молодой щенок. Музгар, покрытый бурой шерстью, отворачивался от молодого нахала, тряс своей добродушной мордой и не подозревал, какие речи мы ведем о его судьбе.

В разговор вступила Ольга, жена Виктора.

– А у нас мужик, который не может старую собаку застрелить, – не мужик, – простодушно сказала она, подавая на стол отварную щуку...

Через час мы погрузили шмотки в длинную деревянную лодку. Виктор свистнул Музгара, который с радостью вспрыгнул на нос, мотор взревел, и мы мимо желтых берез и лиственниц, разрезая черную мегорскую воду, понеслись к далеким озерам... Время от времени Виктор выбрасывал Музгара на берег, и тот бежал за лодкой по прибрежным браконьерским тропам, а когда выбивался из сил, то хозяин благосклонно разрешал ему вспрыгнуть в лодку...

– А то разъелся, отяжелел от домашней жизни, пусть в охоту втягивается!

Две счастливые недели я прожил с Музгаром бок о бок в палатке. Мы рыбачили, добывали рябчиков и тетеревов, разговаривали друг с другом у костра, а когда в небе загудела «вертушка» и села на клюквенное болото, я обнял старого пса:

– Прощай Музгар! Беги обратно в деревню! Не поминай лихом!

Музгар лизнул меня в щеку, – и когда вертолет сделал круг над озерами, я в иллюминатор увидел, как брошенная собака уже потихоньку бежала на север – к Белому морю, к родной деревне...

Вернувшись в Москву, я написал Виктору письмо, в конце которого спрашивал о Музгаре...

Вскоре получил ответ, где было написано, что Музгар, худой, с разбитыми в кровь лапами, все-таки прибежал через несколько дней после моего отлета домой...

– Вот так, Ерофеев, – завершая свой рассказ, сказал я старому плейбою. – Кроме собаки-власти и собачонки, которую олицетворяете вы и ваши партнеры по масс-медиа, есть еще собака – народ. Если ее не застрелишь, она обязательно рано или поздно вернется на свой двор, в свою деревню, на свою землю.

Возле нас возникла внучка Алексея Толстого: дымя сигаретой, она с высокомерной страстью сообщала Ирине Барметовой из «Октября»:

– Я ни за что не летаю на наших внутренних линиях, там у всех самолетов выработанный ресурс!

Когда я вернулся в Москву и прочитал книгу Георгия Свиридова «Музыка как судьба», то с особым интересом остановился на его записи от 30 июля 1989 года:

«Сегодня днем слушал по радио литературную передачу из Лондона, беседа английского корреспондента с какой-то женщиной из Советского Союза. Дама эта говорила очень возбужденно, очень агрессивно, тон – своего рода интеллигентская вульгарность, нечто похоже, с одной стороны, на московскую лит. даму, с другой – на торговку с Киевского подола… Высокомерие... всезнайство... не описать моим бледным пером.

Смысл беседы: лучшая литература (всех времен) создавалась эмигрантами. Пушкин вообще с детства не знал русского языка, Гоголь "Мертвые души" сочинял в Риме, Тургенев – весь в Европе (с моей точки зрения, даже и в ущерб творчеству).

Все это говорилось необыкновенно наглым тоном. В конце концов выяснилось, что это была советская писательница Толстая, внучка Алексея Толстого... Говорили, что писатель когда-то поучал своего старшего сына: "Бойся коммунистов, сионистов и педерастов!" Сын и принес ему вышеупоминаемую внучку. И в этом есть возмездие».

* * *

В реферате, составленном немкой Зигфрид Лефлер для Пятых Потсдамских встреч, я нашел несколько любопытных и поучительных мыслей.

«Заметки с немецкого книжного рынка. Немецкоговорящие книгоиздательства страдают от перепроизводства, ежегодно издавая 90 000 книжных новинок. Это порождает беспощадную конкуренцию и ведет к искусственному старению новых книг в течение нескольких месяцев».

«Больше всего любят писать о том, что обеспечивает рыночный успех. Яркий пример тому "Гарри Поттер". Освещение этого события масс-медиа самодостаточно. Единственное, чему оно служит, это масс-медийный культ, ими же созданный и прорекламированный. Коллективно воспеваются – и таким образом повышаются – чисто экономические показатели. И в этом круговороте мнение литературной критики не в счет, поскольку излишне. Критика, как инстанция, совершенно бессильна. Ее классические императивы более не действуют, а ее категории обращены в никуда. С помощью традиционных для литературной критики методов критическая оценка книг наподобие "Гарри Поттера" просто невозможна, от критики они защищены иммунитетом, поскольку благодаря завоеванной ими доле рынка, они утверждают по всему миру собственные критерии массовой развлекательно-

сти. Критику остается только исполнить роль зазывалы, пропагандиста и трубадура успеха массовых продаж».

«Кто сегодня определяет в Германии, какие книги писать, издавать, распространять, продавать, обсуждать и читать? Традиционный ответ – авторы, издатели, редакторы, книготорговцы и критики – более не соответствует положению вещей. И на немецком книжном рынке с начала девяностых годов возросло значение литературных агентов. За кулисами они превратились в могущественных стратегов книжного рынка. Это они определяют тенденции, диктуют литературную моду. К незримым новым дирижерам книжного рынка можно причислить и начальников закупочных отделов крупных сетей книжных магазинов. Они обладают правом определять, что будут читать, поскольку при закупке и размещении книг на прилавках самолично решают, какие названия книг в магазине попадутся на глаза потребителю. Как показывает статистика, все больше людей читают книги так же, как смотрят телевизор. Щелкают тексты, как телепрограммы».

«Для печатных органов совершился тайный переворот читательского круга. Очевидно, что их адресатом уже не является хорошо информированный, внимательный, терпеливый, образовывающийся читатель. Они молча переключились на другой тип, на мечущегося, нетерпеливого, рассеянного читателя, читателя от случая к случаю, быстро листающего, не располагающего ни временем, ни вниманием. Такому читателю нужны совершенно иные раздражители, резкие сигналы, короткие тексты... Разве способна классическая литературная критика с ее требованиями к качеству дойти до подобного читателя?»

«Все торопливее скороговорка, с которой провозглашается новая литературная мода. Создание литературной моды – это, прежде всего рекламное предприятие и одновременно крик, чтобы привлечь внимание на безнадежно перенасыщенном книжном рынке. Чем больше литературной продукции по своему характеру приближается к массовой и тонет в ней, тем больше изобретательности приходится про-

являть, приклеивая ярлыки, чтобы постоянно подновлять инсценировку одного и того же и утверждать, что возникают новые волны, даже если они почти не существуют или отсутствуют... Изображение расхожих ярлыков стало важнее открытия хороших литературных текстов».

Вот до чего довело нынешнее племя европейских интеллектуалов великую литературу Томаса Манна и Гарсии Лорки, Вальтера Шубарта и Кнута Гамсуна... Поистине мертвый хватает живого: сами выродились и ждут не дождутся, чтобы и мы стали такими же бесполыми, толерантными и политкорректными, как все ихнее племя, погружающееся в энтропию, в небытие, в скуку смертную...

Вот почему на Франкфуртскую книжную ярмарку поехали книги Ирины Денежкиной и Бориса Акунина, Пелевина и Пригова, а не Валентина Распутина, не Георгия Свиридова, не Владимира Личутина и Юрия Кузнецова.

Сначала я было расстроился, а потом подумал и решил: «Тусуйтесь, так вам и надо. Пусть змея наконец-то укусит собственный хвост!»

Спасибо немке Зигфрид Лефлер, сделавшей честные и глубокие выводы о рыночной болезни и смерти западной литературы. Спасибо немецкому писателю Мартину Вальзеру, так сказавшему о свободе слова в Германии: «Говорить свободно в атмосфере морально-политического линчевания? В наше время царит террор добродетельной политкорректности, который всякое свободное выражение мнения уподобляет смертельному риску».

Сегодня Зигфрид Лефлер и Мартин Вальзер спасли остатки чести немецкой литературы от натиска тех, имя которым – легион.

* * *

– Нам надо возвратиться в историю, – заявил в завершении форума главный редактор российского издательства «Ad Marginem» Александр Иванов.

«Нам – это русским». И сказаны эти слова были в Потсдаме. Устав от подобного словоблудия, я вышел из отеля на улицу. Над городом в синем небе плыл звон. Плыл над казармами из красного кирпича, построенными Фридрихом Великим, над громадными вязами и платанами парка Сан-Суси. Звон доносился с колокольни собора Петра и Павла, в котором мирно и поочередно шли то протестантские, то католические службы. За собором в тени развесистых вековых лип находилось советское воинское кладбище. Ровные ряды каменных досок, фамилии, пятиконечные звезды, пустые углубления, в которых некогда были фотографии.

В темных липовых кронах щебечут птицы, жужжат пчелы... Я отворил тяжелую железную дверцу ограды и вошел в Царство Мертвых. В центре кладбища возвышался обелиск из грубо отесанных каменных плит. С гербом Советского Союза и четырьмя бронзовыми фигурами, глядящими на четыре стороны света – пехотинец, летчик, танкист, моряк. Русские скуластые лица, автоматы, шлемы, пилотки, бескозырки. На это кладбище нас в первый же день пребывания в Потсдаме сводил немецкий экскурсовод. Заодно он рассказал поучительную историю о том, как в XVIII веке прусский король выменял то ли у Петра III, то ли у Екатерины II роту двухметровых русских гренадеров. Великаны были нужны Фридриху, потому что с таким ростом они гораздо быстрее малорослых немцев умели заряжать с дула длинноствольные ружья того времени. А взамен русский императорский двор, оказывается, получил от немцев Янтарную комнату. Что было делать крепостным подневольным солдатам? Поселились в Потсдаме, построили бревенчатые рубленые избы, поженились на немках, улучшили прусскую породу, назвали в тоске по родине свое поселение Русской деревней, состарились и полегли в чужую землю. Грустная история, которую нынешнее время обволокло покровом мелкой политической лжи. В те дни, когда мы были в Германии, Россия праздновала 300-летие Санкт-Петербурга. Наш президент и его высшие чиновники, выступавшие по телевидению, не раз вспомина-

ли о Янтарной комнате. Но, желая угодить немецким гостям, говорили одно и то же, что немцы, мол, подарили ее России, что потом во время войны она неизвестно куда исчезла, но благородные немцы за свои деньги восстановили ее и подарили во второй раз. И ни слова о том, что роту крепостных мужиков мы отдали за нее в XVIII веке, а в XX за вторичное «дарение» – целое государство отдали – Германскую Демократическую Республику.

Думая обо всех этих подлостях истории, я бродил по кладбищу. Чугунная доска со словами на немецком и русском: «Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины».

На каменных плитах, ушедших в плотный травянистый дерн, бесхитростные надписи, сочиненные боевыми товарищами погибших солдат:

«Младший лейтенант Никитин Александр Михайлович. 24.4.1945 года». И все...

«Солдат Киляков. Погиб в боях за родину 5.1.45 г.»

А вот эпитафия, короче которой не бывает: «Измайлов Абандула».

Бои в Потсдаме, видимо, были столь жестокими, что не всегда у живых находилось время и силы, чтобы похоронить павших достойно, выяснить все имена и фамилии. Потому-то на кладбище чуть ли не каждая третья могила – безымянная.

«Здесь похоронены 3 бойца советской армии, погибшие в боях за свободу и независимость нашей родины».

Или: «Солдат Дельнов Иван Сафронович, с ним 4 человека».

Множество солдат похоронено уже после победы – в Потсдаме были громадные военные госпитали, в которых умирали наши тяжело раненные победители: «Шаповалов Алексей Филиппович. Погиб 13.6.1946 года»... И все равно – не «умер», а «погиб»!.. «погиб на боевом посту», «погиб при выполнении служебных обязанностей»... А вот плита с датой 7 августа 1945 года, война три месяца как закончились, но слова звучат все с той же торжественностью: «Погиб в боях за родину»...

Всего их здесь больше тысячи человек... Среди них есть и женщины. Связистки, медсестры.

Липы роняют семена с крылышками на могильную землю, в их зеленом чреве курлычат голуби, часы на колокольне со звоном отмеряют время. Оно идет, оно плывет над Потсдамским дворцом, где хранятся великие хартии, подписанные сталинской дланью. Время бесшумно парит над развалинами Берлинской стены и над богатырским изваянием солдата с ребенком на руках в Трептов-парке. Оно, как вечерний воздух, мерцая, струится над русской деревней, где жили в XVIII веке наши солдаты, заложники Янтарной комнаты...

Лежат крепостные мужики-гренадеры в прусской земле, лежат рядом с ними их потомки, «гул забвения и славы», сливаясь с медным боем часов, плывет над могилами... А в это время жрецы толерантности и политкорректности талдычат о том, что России следует «возвратиться в историю Европы». И это они говорят в Потсдаме, где сыны России в 1945 году определили на несколько поколений ход этой самой пресловутой истории...

...А Франкфуртская книжная ярмарка прошла, как и было ей положено. От России туда приехали за государственный счет аж целых сто тридцать писателей, поэтов, редакторов, литературных агентов, воспитанных в духе политкорректности и толерантности... Среди них не было ни одной души, представляющей патриотическое крыло русской литературы. Развлекалась делегация на халяву во все тяжкие. Художник Гриша Брускин в компании с Дмитрием Приговым, Ириной Прохоровой и Львом Рубинштейном организовали перформанс: «Гуд Бай СССР». Как пишет «Российская газета» от 10 октября 2003 года, Брускин смастерил из Пригова космонавта, «загипсовал своего друга в полосы бумаги, ткани, какие-то тряпицы и обрывки войлока. Космонавта чуть-чуть раскрасили, а Ирина Прохорова в белом фартуке и красном галстуке начала обучать новорожденного грамоте... Космонавт изображал СССР. Замысел художников понятен: глупое гипсовое создание заслуживает только смеха и безжалостного изгнания из сердец».

Вот так поглумились на мировой тусовке наши мародеры над прошлым, поплясали на Потсдамском кладбище, на могилах всех погибших в новой гражданской войне – карабахской, абхазской, приднестровской, чеченской, порадовались нашествию на их родину СПИДа и наркотиков, умилились заказным убийствам, вымиранию народа, беспризорщине. Посмеялись над вымерзающим людом Камчатки... Вот что такое перформанс по-франкфуртски.

Словом, как сказал гениальный немецкий поэт: «Нет великого Патрокла, жив презрительный Терсит»...

РИТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ

I

А. Солженицын в своей книге «Двести лет вместе» дал такой комментарий к делу Бейлиса: «Да как возможно было в XX веке, не имея фактически обоснованного обвинения, вздувать такой процесс в угрозу целому народу?» И чуть ниже добавил: «Странное трагическое убийство мальчика осталось неразысканным, необъясненным».

Но даже эти осторожные мысли Солженицына вызвали настоящий приступ гнева у еврейского журналиста с ритуальной фамилией Резник, живущего в Америке. Резник бросился оспаривать Солженицына, утверждая, что на процессе Бейлиса «тайное стало явным. Все убийцы были названы... Все это запечатлено на десятках страниц трехтомной стенограммы процесса. Солженицын этот основной документ игнорирует, что и позволяет ему делать вид, будто убийство осталось нераскрытым» (Резник С. Вместе или врозь. Заметки на полях книги А. И. Солженицына. М.: Захаров, 2003).

Естественно, что для большой части российского общества дело Бейлиса казалось «кровавым наветом», заговором черносотенцев и ретроградов против еврейства, образ которо-

го в начале XX века связывался с понятиями «либерализма», «добра», «разума», «прогресса», «свободомыслия»...

Движимые этими представлениями о еврействе, русские либералы 30 ноября 1911 года в петербургской газете «Речь» опубликовали обращение «К русскому обществу» – по поводу дела Бейлиса.

«Во имя справедливости, во имя разума и человеколюбия мы поднимаем голос против вспышки фанатизма и темной неправды. Исстари идет вековечная борьба человечности, зовущая к свободе, равноправию и братству людей, с проповедью рабства, вражды и разделения...»

Вот такими не совсем грамотными, напыщенно либеральными и фальшивыми словесами изобиловало письмо в защиту Бейлиса, составленное В. Короленко и подписанное Горьким, Мережковским, Струве, Милюковым и прочими прогрессивными деятелями той эпохи. В их числе была и Зинаида Гиппиус, та самая, которая через 7 лет записала в дневнике: «На днях всем Романовым было повелено явиться к Урицкому, зарегистрироваться. Явились. Ах, если бы это видеть! Урицкий – крошечный, курчавенький жидочек, самый типичный. И вот перед ним – хвост из Романовых, высоченных дылд, покорно тянущих свои паспорта. Картина, достойная кисти Репина».

Александр Блок подписал это письмо, как и другое, осуждающее Розанова за книгу «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», но после подобного рода коллективных акций Блок в своем дневнике каялся: «27.11.1911. Дважды (у Блока подчеркнуто. – *Ст. К.*) приходил студент, собирающий подписи на воззвании о ритуальных убийствах (составленном Короленко). Я подписал. После этого – скребет на душе. Да, Клюев бы подписал, и я подписал – вот последнее».

Достали Блока. Дважды приходили. «Скребет на душе», оглядка за помощью на Клюева... Не выдержал великий поэт давления «либерального террора» и признался сам себе в своей слабости...

Мало кто тогда из российских либералов понимал, что еврейский мир весьма разнороден и противоречив, и что его представляют не только ассимилированные знаменитости, вроде скульптора Антокольского, художника Левитана, мецената Гинзбурга и подобных им персон... Кроме этого привилегированного и европейски воспитанного слоя еврейства в эпоху Бейлиса–Ющинского, оказывается, существовали ветви еврейского племени, сохранившие в своем быту традиции, обычаи и предания чуть ли не из доисторических времен.

Нравы нашей Одессы, да и Киева в начале XX века едва ли далеко ушли от нравов ветхозаветного (или талмудического?) гетто. Вспомним хотя бы сцену из одесских рассказов Бабеля, в которых он со знанием дела изображает сакральный ритуал обрезания еврейских младенцев мастером кровавого обряда Нафтулой Герчиком:

«Отрезая то, что ему причиталось, он не отцеживал кровь через стеклянную трубочку, а высасывал ее вывороченными своими губами. Кровь размазывалась по всклокоченной его бороде. Он выходил к гостям захмелевший. Медвежьи глазки его сияли весельем. [...] Одной рукой Нафтула опрокидывал в заросшую кривую огнедышащую яму своего рта водку, в другой руке у него была тарелка. На ней лежал ножик, обагренный младенческой кровью, и кусок марли... Мужья бросали деньги в его тарелку. Жены вытирали салфетками кровь с его бороды».

Прочитав такое, любой обыватель всплеснет руками: «Дикие люди, пьющие горячую кровь животных или чистейшую кровь обрезаемых младенцев!» Не все евреи похожи на Эйнштейна, на Ойстраха или на Марка Дейча. Среди них, оказывается, жива ветвь, цивилизованная не более чем племя таджикских огнепоклонников, с которыми я встречался в горах Памира, или африканская народность тутси...

Видимо, ассимилированный европеец Марк Дейч не читал Бабеля, поскольку уверяет читателей «Московского комсомольца», что «правоверным иудеям строжайше запрещено

употребление крови – даже животных»... Может быть, и запрещено, но, как мы видим, не все следуют этому запрету.

Кстати, ничего постыдного в этом нет: и чукчи с якутами пьют горячую кровь оленей, и в русском народе время от времени находятся семьи, вроде знаменитых Лыковых из Восточной Сибири, жившие и живущие в наше время по архаическому ритуалу в отрыве от всякой цивилизации. Нехорошо стыдиться, Марк, своих диковатых соплеменников. Не зря же мудрец Василий Васильевич Розанов в своем фундаментальном исследовании «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (СПб., 1914 г. – сразу же после дела Бейлиса) с ужасом восхищался еврейской ветвью, сохранившей свои первобытные обычаи и привычки в XX веке. Просвещенные евреи-адвокаты, журналисты, меценаты, бросившиеся на защиту слабоумного Бейлиса, не поняли смысла этой книги и объявили Розанова антисемитом, просвещенные русские либералы исключили великого религиозного философа из Философского общества... А Розанов просто-напросто изумлялся в этой книге еврейской способности хранить свои ритуалы и продолжать жить по ним. А дело Бейлиса – до предела политизированное – ему подгадило. Исторический фон для Василия Васильевича оказался несчастливым.

Действие бабелевского рассказа «Карл Янкель» происходит в те же годы, что и процесс по делу Бейлиса, но именно от такого первобытно-дохристианского обряда, как от «хаоса иудейского», в те же времена бежали Осип Мандельштам и Эдуард Багрицкий, Борис Пастернак и Лев Троцкий.

Такого рода ритуалы, конечно же, создавали фон, на котором присяжные заседатели по делу Бейлиса все-таки пришли к выводу, что умерщвление отрока Андрея Ющинского было ритуальным... Кстати, слово ритуал (в его сакральном, древнейшем значении) и поныне является фундаментальным в размышлениях о судьбах еврейства самых что ни на есть интеллектуалов сионистского склада.

В недавно изданной в Америке на русском языке книге «Из глубин» израильский профессор, доктор физико-математических наук и философ Герман Бранновер ставит это понятие в центр современного еврейского самосознания, с презрением и негодованием отзываясь о всякого рода ассимиляционных веяниях не только в Израиле, но и во всем мире: «Там, где социолог предсказывает полную ассимиляцию, вечный жид веками существует в своей неприкосновенной обособленности». «...Мы должны дорожить ритуалом уже и потому только, что он служил тысячелетия нашей защитной стеной, [...] был главным средством нашего сохранения». «Исполняющий ритуал наслаждается высшими удовольствиями... через саму душу». «Вся сложная система нашего ритуала была необходима прежде – тысячи и сотни лет назад [...] без этого нас давно бы не было»... «Только через ритуал лежит путь ребенка к сохранению его в пределах народа».

Культ тысячелетнего (каким бы архаичным он ни был) ритуала в XXI веке, через сто лет после дела Бейлиса!

Впрочем, человечество, утрачивая универсальные религиозные гуманистические системы – христианство, подлинный ислам, расставаясь с временно заменившими их идеологиями социализма, расставшись с мощной тоталитарной системой фашизма, хватается за любую соломинку, излучающую дыхание сакральности, какой бы архаической, какой бы отжившей и нежизнеспособной ни казалась она, эта сакральность, еще вчера...

А на фоне существования или даже оживления этих культов, вплоть до шаманизма, становится возможным все – расцвет любых сект, любых ритуалов. Тем более таких, которые, возможно, на самом деле никогда не умирали...

Итак, как сказали бы в советское время, «по просьбе трудящихся евреев» Марка Дейча, Семена Резника, уличивших Солженицына в том, что последние плохо знакомы (или даже вообще не читали) с делом Бейлиса, мы публикуем основные главы из стенографической записи знаменитого процесса 1913 года.

II

Процесс [...] готовили вовсе не мои «одноплеменники», а большевистский интернационал, и в первую очередь – русские.
М. Дейч

По одной еврейской или подозрительно звучащей фамилии на область, край или целый регион набрать, конечно, не трудно.
С. Резник

В августовском и сентябрьском номерах нашего журнала за 2005 г. была опубликована сокращенная стенограмма «Дела Бейлиса», переданного в журнал бывшим сотрудником радиостанции «Свобода» И. О. фон Глазенапом, который переписал страницы стенограммы из киевской газеты, попавшей во время Отечественной войны из киевских архивов в фашистскую Германию.

В своем кратком вступительном слове к публикации я изложил солженицынскую точку зрения на процесс Бейлиса из книги «Двести лет вместе», вспомнил о депутатском скандале, спровоцированном изданием средневекового иудейского свода законов «Шулхан Арух», многие положения которого с современной точки зрения разжигали расовую и религиозную рознь, сделал несколько исторических примечаний к самому процессу и привел из книг, написанных евреями И. Бабелем, Г. Бранновером, примеры, свидетельствующие о том, что в ортодоксальной еврейской среде (особенно хасидской) живут дикие обычаи и ритуалы, дошедшие до сегодняшних дней из глубокой ветхозаветной древности. Статья Марка Дейча «Кровавый навет»* появилась в газете «Московский комсомолец» 23.8.2006 года,

* Почему-то многие книги и статьи, написанные евреями на эту тему, как по заказу, имеют почти одинаковые заголовки: Кацис Л. Кровавый навет и русская мысль. М.–Иерусалим, 2006; Самюэл Морис. Кровавый навет: странная история дела Бейлиса; Резник Семен. Растление ненавистью. Кровавый навет о России. М.–Иерусалим; Он жт. Кровавая карусель. 2001; Гессен Ю. Кровавый навет. М., 1912; Бонч-Бруевич. Кровавый навет на христиан. Петроград, 1918. Все заголовки у них под одну пропагандистскую гребенку.

ровно через год после стенограммы «Дела Бейлиса» в «Нашем современнике». Чтобы лишний раз не привлекать внимание широкого читателя к нашей публикации, Дейч побоялся указать, в каком журнале и когда она напечатана, но получилось глупо: полемизирует с какой-то неизвестно где опубликованной работой. Однако промолчать не мог и начал с того, что сочинил лживую историю о том, что в 60-х годах я, «будучи членом партбюро секции поэтов Московской писательской организации, исправно голосовал за изгнание из Союза писателей Солженицына, Галича, Некрасова, Аксенова, Копелева... и готовил партсобрания, на которых происходили эти изгнания». Матерый лжец даже не сообразил, что Солженицына исключали из Союза писателей не в Москве, а в Рязани, Виктора Некрасова в Киеве, Аксенова и Копелева партбюро поэтов исключать из Союза писателей не могло, потому что они состояли в секции прозы и стихов не писали. И вообще, партбюро могло исключать не из Союза писателей, а только из партии, в которой ни Аксенов, ни Галич не состояли. Истины ради скажу, что если бы от меня зависело – исключать этих ренегатов и разрушителей моего Отечества из Союза писателей или из партии – я бы без колебаний проголосовал «за».

И ничего во всем этом горестного для диссидентов не было. Советское гражданство и членство в Союзе писателей было им ненавистно, но расстаться с тем и другим следовало с максимальной выгодой: с громким скандалом, с воплями мировой прессы, под гвалт всех зарубежных и отечественных правозащитников. Только при этом условии они были бы встречены на Западе с распростертыми объятиями, с гарантией славы, денег, изданий, должностей на радиостанциях и т. д. Как граждане СССР и члены СП СССР, они там были никому не нужны, и для новой жизни «исключение» и «лишение» были необходимыми и желанными процедурами.

Тем не менее я не исключал их – это мелкая ложь Дейча, которую можно было бы не заметить, но в его сочинениях присутствует ложь куда более крупная. О ней-то и пойдет речь впереди.

Вспоминая о деятелях культуры, которые в 1911 году поставили свои подписи под обращением в защиту Бейлиса, Дейч пишет, что среди них были «знаменитые писатели: Горький, Леонид Андреев, Алексей Толстой, Сергеев-Ценский, Федор Сологуб, Куприн... А также Немирович-Данченко, академик Вернадский, ведущие профессора Московского и Санкт-Петербургского университетов... Почти все они в скором времени оказались под ножом большевистской гильотины»*. Чего в этом утверждении больше – брехни или беспамятства, – не знаю: большего почета, чем тот, которым были окружены Горький и Алексей Толстой в советское время, представить немыслимо, да и Сергеев-Ценский (как и Алексей Толстой) стал лауреатом Сталинской премии. Куприн возвратился в Советскую Россию и умер своей смертью в 1939 году, Леонид Андреев, Федор Сологуб, Немирович-Данченко и Вернадский также умерли своей смертью, и никакой «нож большевистской гильотины» ни при Дзержинском, ни при Менжинском, ни при Ягоде не прикоснулся к ним.

Что же касается «ведущих профессоров Московского и Санкт-Петербургского университетов», а среди них были ученые с мировым именем (В. В. Виноградов, М. Н. Сперанский, А. Дурново, А. М. Селищев, Н. К. Гудзий, П. Д. Барановский и многие другие), то они в количестве 70 человек в 1933–1934 годах действительно подверглись жестоким репрессиям. 28 из них были расстреляны или погибли в лагерях, словом, оказались «под ножом большевистской гильотины» по «делу Российской национальной партии». Следствие вели начальник 2-го секретного политического отдела ОГПУ Каган, начальник 4-го отдела ОГПУ Коган, следователь Альтман, допрашивал академиков и профессоров оперуполномоченный 2-го отдела СПО ОГПУ Шульман, следственное дело вел уполномоченный Иоселевич, направления в ссылку под-

* «Под обращением подписалось более 500 человек», – пишет Дейч. Семен Резник, правда, в книге «Вместе или врозь» сообщает, что обращение было подписано «двумястами ведущих деятелей русской культуры» (М., 2003, с. 69). Что это? Образованные евреи считать разучились?

писывал зампред ОГПУ Агранов (Ашнин Ф., Алпатов В. Дело славистов. М., 1994).

Я написал об этих процессах заметки и опубликовал их в газете «Завтра» с таким выводом: «Так что "гильотина" была не только большевистской, поскольку строили ее одноплеменники Дейча».

Марк снова впал в истерику, прочитав список еврейских фамилий, задействованных в процессе «славистов», и ответил мне очередной статьей в «Московском комсомольце» (14.12.06), в которой стоял на своем: «Безусловно, это от начала до конца сфабрикованное "дело славистов" было одним из звеньев большевистской кампании против старой русской интеллигенции [...] И никакого заведомо антирусского процесса не существовало. Процесс был против невинных людей, подобранных сотрудниками "органов" прежде всего по социальному признаку. И готовили его вовсе не мои "одноплеменники", а большевистский интернационал, и в первую очередь русские. Вот характерный пример. Весной 1934 года "дело славистов" было закончено и подготовлено обвинительное заключение. Его подписали начальник 2СПО ОГПУ Коган и его заместитель Сидоров. А визировал – заместитель начальника СПО ОГПУ Люшков, утвердил – начальник СПО Молчанов».

Словом, процесс организовали «в первую очередь русские» и «никакого заведомо антирусского процесса не существовало»... Ах, Марк, внимательней надо было Вам читать книгу «Дело славистов», написанную историками Ф. Д. Ашниным и В. М. Алпатовым. Кстати, ответственным редактором книги являлся академик Никита Ильич Толстой, с которым я был хорошо знаком и с которым не раз разговаривал о большевистском терроре и «одноплеменниках». Так вот, в самом начале книги, где речь идет о списке арестованных по делу, есть такой абзац: «На одну особенность списка обратил внимание С. Б. Бернштейн: «среди арестованных не было лиц с нерусскими фамилиями (Бернштейн, 1989, с. 80), точнее говорить о неславянских фамилиях» (Ашнин Ф., Алпатов В. Дело славистов, с. 7).

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: авторы утверждают, что арестовывали ученых только с русскими и только со славянскими фамилиями, а это значит, что процесс можно именовать как «антирусский» или, в крайнем случае, «антиславянский»... А чего добивались от арестованных ученых следователи? Историки Ф. Ашнин и В. Алпатов и академик Н. Толстой комментируют это так: «Недолго сопротивлялся следствию и Андрей Дурново [...] Он дал обширные показания на допросе, которые вели не рядовые следователи, а "сами" заместитель начальника Секретно-политического отдела (СПО) Г. С. Люшков и начальник непосредственно отвечающего за дело 2-го отдела СПО Каган. А. Дурново подтвердил все, что от него требовалось, и назвал ряд имен. В частности, он заявил: "До моего ареста я входил в контрреволюционную организацию русских фашистов **(**не российских, г-н Дейч, **а** «русских». – Ст. К.), объединившую различные националистические элементы (русские, украинские, белорусские) на платформе борьбы с советской властью».

В обвинительном заключении по «делу славистов» есть следующие формулировки, прямо указывающие, что обвинение строилось не по «социальному», как утверждает Дейч, признаку, а по национальному, и главное – антирусскому: «Установлено, что в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии [...] существовала [...] национал-фашистская организация, именовавшаяся "Российская национальная партия"»; «В основу программных установок организации были положены идеи, выдвинутые лидером фашистского движения за границей – князем И. С. Трубецким. Сущность их сводилась к следующему:

1) [...] установление **национального правительства;**

2) истинный национализм, а отсюда борьба за сохранение самобытной культуры, нравов, быта и исторических традиций **русского народа;**

3) сохранение религии, как силы, способствующей подъему **русского национального духа**»... (с. 56, 70–71).

Как видим, наибольшую ненависть у следователей в каждом пункте вызывало присутствие в любой форме «русского» начала.

Так что следователи глядели прежде всего не на «социальный признак», что пытается доказать Марк Дейч, а на «национальный». Понимая это, историки добавляют: «Почти при каждой фамилии характеристика: "националист", "ярый шовинист". Есть и похлеще: "махровый антисемит", "ярая антисемитка", "черносотенец", "великодержавный шовинист"». Марк Дейч, посчитав, что я привел в газете «Завтра» целых 5 фамилий огэпэушников-евреев, завопил в «Московском комсомольце», что Куняев, мол, утаил тот факт, что русских тоже было много, гораздо больше, чем евреев. Но в своем раже он не учел одного: я ведь не всех его соплеменников из карательных органов, причастных к этому делу, перечислил. Могу добавить к «еврейскому» списку палачей, готовивших «дело славистов», сотрудника ОГПУ Халемского, сотрудника ОГПУ Финкельберга, сотрудника НКВД Фельдмана, прокурора Рогинского, прокурора Розовского, помощника прокурора Лурье, прокурора Глузмана, директора Института языкознания Бочачера Марка Наумовича, сотрудника НКВД Аптера. А с какой стати в ряд «русских чекистов» рядом с Молчановым и Сидоровым Марк Дейч ставит заместителя начальника СПО ОГПУ Люшкова? Чекиста этого, якобы русского, по утверждению Дейча, звали Генрих Самойлович, в 1935 году ему, видимо, за расправу над русскими учеными было присвоено генеральское звание комиссара госбезопасности III ранга, впоследствии он стал начальником управления НКВД по Дальневосточному краю, а в 1938 году, подобно еврейским зарубежным чекистам троцкистской ориентации Вальтеру Кривицкому (он же Самуил Гинзбург), Александру Орлову (он же Лейба Фельдман), Игнатию Рейссу (он же Натан Порецкий), сбежал, но не на Запад, как они, а куда поближе – на Восток, к японцам, которым этот «русский Генрих Самойлович» выдал важнейшую информацию о состоянии наших войск на Дальнем Востоке. Неблагодарные самураи в августе 1945 года, понимая, что проигрывают войну, прикончили перебежчика в Дайренской военной миссии, а иудины телеса сожгли. Недавно шел по TV какой-то фильм о Ежо-

ве – и в нем показали фотографию «русского», как считает Дейч, чекиста Люшкова. На кого он похож, этот ярко выраженный... говорить не буду, а то в расизме меня обвинит тот же «Московский комсомолец». Но глубинная суть процесса «славистов» заключалась не в том, даже, кого из сотрудников было больше задействовано: русских или евреев, а в том, как пишут историки, «методы следствия по данному делу были типичны для первой половины 30-х годов, когда во главе карательных органов стоял Г. Ягода»., Именно благодаря этим методам академик А. Дурново быстро признался на допросе в том, что он «русский фашист».

А сколько было в 20–30-е годы подобных процессов местного масштаба против дворян, старых спецов, священнослужителей, «русских фашистов», «антисемитов» – не счесть! Полных масштабов всех этих антирусских чисток, замаскированных фразеологией о классовой борьбе, мы, видимо, не узнаем никогда.

В 1928 году Ленинградское ГПУ арестовало членов так называемой Космической академии наук. Следствие установило, что организация КАН являлась частицей существовавшего тогда в Ленинграде полутайного «Братства Преподобного Серафима Саровского», о котором вспоминает в романе «Побежденные» И. Головкина (Римская-Корсакова).

В него входили профессора, преподаватели литературы, учителя истории, студенты. Всего по делу проходило более 30 человек, заключенных после следствия в Соловецкий и другие лагеря. Многим из них следователем А. Строминым (Геллером) было предъявлено обвинение в антисемитизме. Чуть позже в том же Ленинграде чекисты Н. Мосевич и Л. Коган внедрили через провокатора в студенческую группу, которая шла у них под названием «Союз возрождения России», ими же разработанную антисоветскую программу и тут же произвели аресты студентов. Естественно, дело было названо «фашистским». Несколько десятков студентов ушли в лагеря.

В 1995 году мы с сыном издали книгу «Растерзанные тени». Это был сборник документов из дел 20–30-х годов

ВЧК – ОГПУ – НКВД, заведенных на друзей, родных и литературных соратников Сергея Есенина, на писателей из «сибирской бригады» – Павла Васильева, Леонида Мартынова, Сергея Маркова. Кто же начинал и заканчивал такого рода дела? Конечно же, главные ордера на арест выписывали Г. Ягода и Я. Агранов. Следователей и сотрудников по всем этим делам перечисляю подряд: «дело русских фашистов» – Алексея Ганина с товарищами – вел начальник 7-го отдела СО ОГПУ Славатинский; Сергея Маркова по делу «сибирской бригады» разыскал в степях Казахстана и этапом направил в Москву алмаатинский гэпэушник пом. нач. УСО Гринбаум; Иванова-Разумника в 1933 году допрашивал Л. Коган (Коганов было несколько – эта фамилия буквально рассыпана по разным делам). А кому пишет прошение о возвращении в Москву из астраханской ссылки несчастный Иван Приблудный? Опять же единоплеменнику Марка Дейча: «Обращаюсь непосредственно к ОГПУ и, в частности к Вам, т. Фельдман, как к одному из вождей его. Выручайте меня из Астрахани». Дело Павла Васильева вели оперуполномоченный Павловский, начальник 4-го отдела ГУГБ старший майор Литвин, капитан госбезопасности Журбенко. Последний вроде бы русский или украинец, но не всякую фамилию можно принимать на веру. В 1956 году 30 марта военный прокурор майор Ожегов, занимаясь процессом реабилитации, допрашивал следователя Илюшенко, фамилия которого встречается в делах русских крестьянских поэтов. Из протокола допроса: «С 1926 по 1941 год работал в органах ОГПУ НКВД, подполковник запаса, национальность – еврей...»

Так что неизвестно, кем был капитан Журбенко – то ли большевиком, то ли евреем.

В 1920 году Есенин с братьями Кусиковыми был арестован ЧК в одном из арбатских домов. При аресте и обыске присутствовали местные жители – понятые, так сказать. Фамилии их цитирую по протоколу: «В. Вальд, товарищ Карпович и жилец Фонер». Словом – дети Арбата. Оформлял дело об аресте Есенина и братьев Кусиковых следователь В. Штейнгардт.

* * *

В своем вступлении к публикации стенограммы «Дело Бейлиса» я повторил два широко известных вывода: 1) «голоса присяжных в вопросе о вине Бейлиса разделились пополам: шесть на шесть», и 2) «умерщвление отрока Ющинского на еврейском заводе с синагогой было признано изуверским с подробно перечисленными признаками ритуального».

Прочитав это, Марк Дейч окончательно вышел из себя: «Этот г-н (это обо мне. – Ст. К.) почти сто лет после (так у автора. – Ст. К.) печально знаменитого процесса по делу Бейлиса решил уверить современных читателей в том, что убийство мальчика [...] было ритуальным, а евреи пьют кровь христианских младенцев... Пришлось немного разоблачить поэта». «Присяжные на процессе, будто бы признавшие ритуальный характер убийства Ющинского, а в вопросе о виновности Бейлиса якобы разделившиеся поровну «шесть на шесть», – все это злонамеренная и подлая ложь». (из второй статьи М. Дейча «Правда от сивого мерина или кое-что о «поэтических аргументах». «Московский комсомолец». 14.12.2006). В одно и то же время с Марком Дейчем взвизгнул ему в унисон Семен Резник в «Международной еврейской газете» № 43-44 за 2006 год, статья «Ритуальные игрища нацификаторов России». «Из трехтомной стенограммы процесса Бейлиса он (это обо мне. – Ст. К.) выудил обвинения евреев и иудейской религии в ритуальных убийствах. На процессе эти обвинения были изобличены как злобные бредни, что отражено в той же стенограмме, но не в куняевских извлечениях».

Но я отвечаю за свои слова, поскольку опираюсь не на вымыслы «черносотенных» публицистов той эпохи, а на солидные исследования историков, в том числе и еврейских, и сам никогда не утверждал того, что мне приписывает Марк Дейч. Я всего лишь пытался обнародовать разнообразные оценки процесса, но во время этой работы убедился, что Дейч, Резник и иже с ними или не знают многих суждений о процессе Бейлиса, в том числе и тех, которые имеются в стенограмме, или знают, но скрывают их.

В 1995 году в израильском издательстве «Гешарим» был издан сборник «Дело Бейлиса. Исследования и материалы» (Москва– Иерусалим, 1995 г. Серия «Памятники еврейской исторической мысли»).

Книга составлена из многих исследований знаменитого процесса, среди которых центральное место и по объему, и по значению занимает работа А. С. Тагера «Царская Россия и дело Бейлиса». На нее, как на образец объективности, практически ссылаются авторы всех других работ. Впервые она была опубликована в Советском Союзе с предисловием А. В. Луначарского в 1934 году, как раз во время процесса над Российской национальной партией...

Вот как А. С. Тагер описывает момент вынесения приговора М. Бейлису:

«Наконец в оцепленном войсками зале суда появились присяжные заседатели. Вердикт присяжных включал ответы на два вопроса. Первый вопрос: доказано ли, что 12 марта 1911 г. Андрея Ющинского заманили в одно из помещений кирпичного завода, где ему были нанесены раны, сопровождавшиеся мучением и полным обескровлением?

Старшина присяжных объявляет: «Да, доказано». Первая партия за черной сотней. Ритуальный характер убийства признан судом [...] Доказана ли вина Менделя Бейлиса? [...] Ответ присяжных гласит: «Нет, не доказана».

Многие газеты той эпохи обнародовали результаты голосования. Вот один из примеров:

«Сами присяжные, не согласные с оправданием, не скрывали затем перед матерью Андрюши и ее представителями, что их голоса разделились поровну: «шесть голосов были за признание вины, шесть стояло за оправдание» («Заметки по поводу процесса об убийстве Андрюши Ющинского» // Мирный труд. Харьков, 1913, № 1).

Современный харьковский исследователь иудаизма, хасидизма и секты «Хабад» Эдуард Ходос в книге «Между Спасителем и Антихристом» (Харьков, 2005) так комментирует это оправдание Менделя Бейлиса:

«При вынесении вердикта голоса двенадцати присяжных заседателей разделились поровну: шестеро признавали вину Бейлиса, шестеро ее отрицали. В соответствии же с законодательством того времени при равном разделении голосов присяжных решение принималось в пользу обвиняемого [...]

Итак, что мы имеем: признание судом присяжных ритуального характера убийства А. Ющинского и оправдание Менделя Бейлиса... То есть изуверское убийство было совершено с ритуальной целью, но не Бейлисом, а кем-то другим. Кем? Ответ на этот вопрос до сих пор не найден» (стр. 29, 30).

Спустя 100 лет после процесса современный историк Эдуард Ходос утверждает, что «не найден» убийца. А Семен Резник с пеной у рта пытается доказать, что «на процессе Бейлиса тайное стало явным. Все убийцы были названы». Но этого в судебном приговоре не было, и происходит это все – обнародование имен якобы убийц Ющинского с русскими и украинскими фамилиями – лишь в воспаленном воображении Резника, до сих пор живущего страстями того процесса.

Даже богословы, защищавшие Бейлиса, когда дело доходило до вопроса о ритуальности убийства, путались и сдавались перед доводами обвинения (хотя Дейч пишет, что они «подвергли уничижительной критике вымыслы о «ритуальных убийствах»). Профессор Троицкий: «Допускаю даже убийства с целью издеваться над религией христиан... Я допускаю это хотя бы и относительно младенца Гавриила Белостокского». (Стенографический отчет Киевского судебного процесса. Т. II, стр. 375.) Представитель защиты профессор Тихомиров был вынужден признать по поводу цитат из Талмуда, которые приводила в речах обвинительная сторона: «Действительно, в Талмуде такой разнообразный материал, что кто хочет найти что-нибудь – все найдет» (Стенографический отчет. Т. 2, стр. 402).

В то время, когда раввины России в коллективном письме торжественно заявили, что во всех священных еврейских книгах «нигде не содержится ни малейшего намека, который давал бы повод к подобному обвинению», раввин Мазе, участво-

вавший в процессе, заявил о тех же книгах: «За литературу он [еврейский народ] совершенно не отвечает и ответственность с себя снимает...» (Стенографический отчет, т. 2, стр, 404). Это обо всех расистских обычаях по отношению к гоям, акумам, шабесгоям и т. д. При подобных оговорках и признаниях защиты самому популярному защитнику Бейлиса Маклакову оставалось лишь с досадой выдавить из себя в конце процесса: «Может быть, и были изуверы, они могли быть везде, могли быть и у евреев» (Стенографический отчет, т. 3, стр. 124).

Марк Дейч, высмеивая экспертизу профессора Сикорского, показания архимандритов Амвросия и Автонома, цитаты из книги монаха Неофита, выступление ксендза Пранайтиса, с торжеством повторяет слова адвоката Грузенберга: «Среди православных священников, среди православных ученых не было ни одного, который явился бы и своим именем священника, или православного христианина, или русского ученого поддержал бы эти мучительные сказки, этот кровавый навет».

Между прочим, гонорары знаменитых адвокатов, участвовавших в процессе, в несколько раз превышали годовой оклад министра. «Грузенбергу 30 000 руб., а Карабчевскому 25 000 руб. и по 100 000 руб. каждому в случае полного оправдания евреев в кровавом навете» (из письма чиновника особых поручений Любимова директору Департамента полиции Белецкому. ГАРФ. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1059. П. 19). Вот какие деньги исподволь управляли ходом процесса.

Однако надо бы напомнить Дейчу о том, что «ритуальную версию» комментировали и другие, куда более известные представители Русской церкви. Знаменитый ныне священник и богослов о. Павел Флоренский, сосланный в 30-е годы на Соловки, в том числе и по обвинению в «русском фашизме» и «национализме», сидевший на Соловках при начальниках лагеря, носивших фамилии Эйхманс, Дукис, Сенкевич, Бухбанд, и расстрелянный там при одном из них, писал о «деле Бейлиса» так:

«Я нисколько не сомневаюсь в существовании ритуальных убийств вообще».

«Если на всем протяжении истории Израиля, даже в период великих царей и богодухновенных пророков, при сильной власти и живом, строго централизованном культе, всегда существовали всякие виды идолослужения, и в частности магические волхования, в основе которых лежит убийство человека, то почему современные иудеи и их поклонники так запальчиво отвергают даже возможность существования чего-либо подобного в нынешнее время, когда нет никаких сдерживающих начал?.. Если на всем протяжении истории Израиль так жадно тянулся к крови, и ритуальным убийствам, и черной магии, если всегда был кровожаден и жестоковыен, то где же гарантии того, что в рассеянии, без обличающего голоса, без суровых кар со стороны своих царей – в господстве своем над міром – он сделался чист и беспорочен? Если были ритуальные убийства даже тогда, то почему же не может быть их теперь?» (цитирую по книге: Розанов В. В. Сахарна. М.: Республика, 1998, стр. 360, 438).

Полемизируя с гебраистом Хвольсоном, великий православный богослов Павел Флоренский писал:

«В своей книге “О некоторых средневековых обвинениях против евреев” [...] проф. Даниил Абрамович Хвольсон яростно нападает на самую мысль о возможности ритуальных убийств среди евреев»... «С адвокатски жаргонным нахальством рассуждает о том, что он внутренне не понимает и не желает понимать. Он с торжеством орет на весь мир, что еврею-де запрещено даже глотать слюну при кровотечении из десен и, значит, немыслимо употребление христианской крови»*.

Неграмотный еврей Мендель Бейлис, который был на волосок от обвинения в ритуальном убийстве, – это обвинение многие считали справедливым – киевский протоиерей Григорий Прозоров писал митрополиту Флавиану: **«Оправдали**

* Свящ. П. Флоренский. «Проф. Д. А. Хвольсон о ритуальных убийствах» – приложение к книге В. В. Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови»; из письма о. Павла Флоренского, цитируемого В. Розановым в статье, «нужно перенести все дело в другую плоскость (к делу Ющинского)». Розанов В. Сахарна. М., 1998. С. 314, 356–360.

несомненного участника в ритуальном мучении Андрюши Ющинского только потому, что злодей не захвачен на месте» (РГИА СПб, ф. 796 [Канцелярия Святейшего Синода]. Оп. 205. Ед. хр. 739), – закончил свою жизнь в Нью-Йорке, окруженный почитанием соплеменников, в комфорте и холе, а великий русский человек Павел Флоренский за свои убеждения был распят на Соловках, и его страстное слово проповедника об этом деле мы, его духовные дети, забывать не вправе. Да не будет предана забвению эта жертва!

А вот как высказался о «ритуальной дискуссии» архиепископ Антоний (Храповицкий) в газете «Жизнь Волыни» от 2.09.1913 г.

«В 1903 и 1905 ко мне приходил раввин Скоморовский и просил сказать слово против погрома в церкви и упомянуть в этом слове или в печатном заявлении о том, что евреи не повинны в ритуальных убийствах. Как враг погромов, я в обоих случаях сказал слово против избиения евреев. Но в обоих упомянутых случаях моей беседы с раввином я решительно отказался заявлять о своем непризнании ритуальных убийств, совершаемых евреями, а, напротив, выразил своему собеседнику убеждение в том, что эти убийства существуют [...] Случаи ритуальных убийств несомненно бывали и за последнее время истории, и в древности».

Более того, Антоний Храповицкий (будущий первоиерарх Русской Зарубежной Церкви) в том же интервью вообще готов был даже посчитать ритуальное убийство не самым страшным преступлением в начинающемся XX веке. Как бы предвидя все грядущие, в том числе и наши времена, он сокрушался:

«Я в значительной степени извиняю этот ужасный обычай и, во всяком случае, считаю патриархальных евреев не столь вредными для русских, как новый тип еврея-нигилиста, потерявшего всякую веру. Те изуверы убьют одного мальчика из десятка миллионов, а эти развращают и нравственно убивают все наше юношество посредством нигилистической и порнографической печати и тому подобными средствами».

* * *

Вот так-то. Но Марку Дейчу, как гласит русская пословица, хоть плюй в глаза – все Божья роса. Он по-прежнему будет бессовестно лгать о «Процессе Российской национальной партии», о том, что «никакого заведомо антирусского процесса не существовало», что «готовили его... в первую очередь русские». А то, что ГУЛАГом – главным управлением лагерей, трудовых поселений и мест заключения, куда отправили славистов, руководил квартет в составе М. Бермана (начальник управления, сменивший Л. Когана) и трех его заместителей: Я. Д. Рапопорта, Н. И. Плиннера и З. Б. Кацнельсона, его не смутило, потому как – какие же это евреи?! – это же, по Марку Дейчу, «большевистский интернационал». Но почему же тогда чекистов Молчанова и Сидорова из этого «интернационала» он называет не просто «большевиками», а «русскими»?

Ну что ж, постараемся отплатить ему той же монетой.

Пока академиков М. Н. Сперанского и В. Н. Перетца, а также профессора В. В. Виноградова перегоняли из одной тюрьмы в другую, остальных 70 славистов развезли по исправительно-трудовым лагерям.

Члена-корреспондента Академии наук СССР Н. Н. Дурново с другим членкором, Ильинским, доставили на Соловки, где начальниками лагеря один за другим в те времена были Ф. Эйхманс, К. Дукис и Бухбанд Я. Эйхманс, насколько я знаю, был латыш, остальные – «нерусские большевики»; думаю, что Дейч догадается, кто они были по национальности.

Сотрудника Русского музея Б. Г. Кржижановского отправили в Беломоро-Балтийский лагерь, где в начале 30-х годов начальником был Э. Сенкевич, а его сменил Семен Григорьевич Фирин.

Известный профессор ЛГУ Б. Л. Личков попал в Дмитлаг, где начальствовали З. Кацнельсон и Я. Рапопорт – опять же люди с «большевистскими фамилиями».

А чего удивляться? В конце концов, и начальником секретариата НКВД был некий Я. А. Дейч, но уверен, что

нынешнему Марку Дейчу он не был родственником и, возможно, не был даже однофамильцем. Профессора МГУ П. А. Расторгуева и членкора АН СССР лингвиста А. М. Селищева загнали в Карагандинский лагерь – вроде бы там казахи были титульной нацией, но лагерной жизнью руководил Коринман, которого сменил О. Линин. Кто из них был из одного колена с М. Дейчем и С. Резником – пусть они догадаются сами. Профессор Литинститута В. Ф. Ржига, по учебникам которого я занимался в 50-х годах на филфаке МГУ, вместе с научным сотрудником Исторического музея А. Д. Седельниковым отправились отбывать срока в Свирьлаг, где с 1932-го по 1937 год начальниками побывали А. Я. Мартинелли, Н. М. Лапидус, Э. Ю. Тизенберг. Пусть Марк Дейч, если у него совершенно нет совести, попытается доказать, что это были русские люди.

Знаменитый главный специалист Центральных реставрационных мастерских П. Д. Барановский, спасший собор Василия Блаженного от посягательств «русского большевика» Л. М. Кагановича, вместе с академиком П. И. Нерадовским поехали в Сиблаг, которым в те годы командовал некий человек неизвестной национальности с характерной древнерусской фамилией И. М. Биксон.

Двоих профессоров – А. И. Вознесенского, А. Н. Дурново (брата того, который попал на Соловки) загнали в среднеазиатский лагерь – Сазлаг. Начальниками лагеря были кто угодно, но только не таджики или узбеки. К. Озолс и Д. Литвин – фамилия «географическая», если вспомнить наркома иностранных дел Литвинова – он же Меер Генох Мовшевич Баллах.

Ленинградского профессора А. А. Автономова загнали дальше всех – в БАМлаг, под присмотр двух начальников с фамилиями С. Мрачковский и Н. Френкель. Итак – в семь лагерей разъехались слависты, и в каждом из них, как на подбор, были начальники с изысканными для России фамилиями. А всего лагерей в системе ГУЛАГа было несколько десятков, и в каждом из них «кадровый состав» высшего звена был приблизительно такой же, как в семи лагерях, куда сослали славистов. Так что

подследственные после суда из одних «большевистских» рук попадали в такие же «большевистские» руки.

Кстати, данные эти взяты не из эмигрантских «черносотенных» сочинений А. Дикого или князя Н. Д. Жевахова, а из вполне демократических исторических исследований, сделанных при участии «Мемориала» и Солженицынского фонда. Назову некоторые из них: «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960» (М.: Звенья, 1998); «Россия. XX век. Документы. Гулаг (Главное управление лагерей) 1918–1960 г.» (М., 2002). Международный фонд «Демократия» (изд. «Материк»); «Империя Сталина». Биографический энциклопедический словарь» (М.: Вече, 2000); Роговин В. Партия расстрелянных. (М., 1997); Солженицын А. И. Двести лет вместе. (М.: Вагриус, 2006); Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД в 1934–1941 гг. (М.: Звенья, 1999).

К 1938 году почти все эти начальники Главного управления и непосредственно лагерей по непреложному закону всех революций, пожирающих своих отпрысков, были уничтожены. И я вспоминаю сцену из замечательного романа «Факультет ненужных вещей» честного писателя Юрия Осиповича Домбровского, с которым я имел честь не только быть знакомым, но и вести разговоры, и который вдохновенно читал мне многие свои лагерные стихи. Особенно запомнилось его потрясающее чтение баллады – «Выхожу один я из барака – месяц словно желтая собака»... Но в «Факультете ненужных вещей» есть сцена почище этой баллады.

К следователю ОГПУ Якову Нейману приезжает по делу из Москвы его двоюродный брат – крупный чин прокуратуры Роман Штерн. (Заметим, что оба брата не русские люди, что должно очень огорчить Дейча, силящегося доказать, что в те времена репрессии «готовили в первую очередь русские».)

Братья радостно восторгаются, выпивают, вспоминают местечковую трудную юность, черту оседлости, и, уложив старшего брата спать, Яков Нейман произносит внутренний монолог, обращенный к их отцу, ортодоксальному, патриархальному еврею:

«Посмотрел бы ты сейчас, Абрам Ноевич, какой я мундир ношу, с какими он у меня нашивками, значками, опушечками, в каком кабинете я сижу, чем занимаюсь! Небось расстроился бы, замахал бы руками, заплакал: «Ой, Яша, зачем же ты так? Разве можно!» Можно, старик, можно! Теперь уж не я перед людьми виноват, а они передо мной. И безысходно, пожизненно, без пощады и выкупа виноваты! Отошли их времена, настали наши. А вот к лучшему они или к худшему, я уж и сам не знаю, ну ничего, торопиться нам некуда – подождем, узнаем. Все скоро выяснится! Все! Теперь ведь до конца рукой подать. Я чувствую, чувствую это, папа!».

Чувствует еврейский чекист, что скоро стать ему лагерной пылью. Отольются ему слезы загубленных им славистов!

Юрий Домбровский неслучайно изобразил двух братьев, работающих в карательных органах: в те времена евреи шли во власть, и в первую очередь в ЧК-ОГПУ-НКВД, семьями. История сохранила фамилии двух братьев Леплевских – Израиля и Григория. Первый дослужится до комиссара ГБ 2-го ранга, второй через коридоры ОГПУ дойдет до должности заместителя Генерального прокурора СССР. Братья Берман Матвей и Борис сделают карьеру не хуже. Первый станет начальником всего ГУЛАГа, второй – заместителем начальника иностранного отдела НКВД.

Семья гомельских хасидов Нехамкиных: в каком родстве они состояли друг с другом, трудно сказать. Известно, по словам Давида Азбеля, одно: «Неслучайно свела судьба питомцев этого славного рода в ЧК, ГПУ, НКВД, прокуратуру. Один из этой семьи, Рогинский, достиг даже «сияющих вершин» – был заместителем прокурора СССР» (Журнал «Время и мы» // Нью-Йорк. 1989. № 105, с. 204).

Беленькие... Тут не разберешься – кто родные, кто однофамильцы, поскольку их шесть человек! Точно известно, что трое – Абрам, Ефим и Григорий – были братьями. В ЧК служил Абрам, Ефим был в Наркомфине, Григорий в Коминтерне... Остальные (с другими отчествами) – кто где: Захар – в совконтроле, Марк – в наркомснабе, Борис – в торгпредстве.

Дейчи... Тут картина очень серьезная. Самый успешный – Дейч Я. А. – комиссар ГБ 3-го ранга, Макс Дейч – деятель Бунда, чекист и председатель правления «Харьковугля», Л. Г. Дейч – профессиональный революционер. Если к ним прибавить моего нынешнего оппонента Марка Дейча, то Дейчей будет пятеро, они на почетном втором месте (после Беленьких).

Сольцев – всего двое: А. Сольц, которого звали «совестью партии», в «расстрельные» 1934–1938 гг. был помощником Вышинского. А Исаак Сольц – служил в юстиции.

Мироновых – два. Но, видимо, не братья, поскольку один, С. Миронов-Король, начальник Днепропетровского НКВД, а другой, Л. Миронов-Каган, – комиссар ГБ 2-го ранга. Были еще братья по фамилии Бак – Борис и Соломон. Первый – председатель Губчека в Иркутске, второй черт знает кто, но тоже чекист. Эпштейнов было пятеро, как Дейчей. Можно было бы «братские списки» продолжать, но нет сил рыться по справочникам и выяснять, кто есть кто. Картина и без того впечатляющая.

Семен Ефимович Резник может быть спокоен, его фамилия встречается в справочниках лишь однажды: в историю вошел российско-американский революционер И. Резник.

Ну а о Кагановичах я уж писать не буду. Это все знают.

Кстати, почти все упомянутые мною здесь родственники и однофамильцы были расстреляны (кроме М. Дейча и С. Резника) в 1937–1938 гг. Словом, настоящая братская могила.

В новейшей истории образовались, грубо говоря, два враждебных друг другу подхода к освещению репрессий 20–30-х годов. Кто – русские или евреи – задавали тон в карательных органах?

Как-то мне попалось на глаза стихотворение Фазиля Искандера, опубликованное в «апрелевской» газете «Литературные вести», редактируемой Оскоцким. Искандер нарисовал в стихотворении образ, как это ему виделось, «типичного» чекиста: русского, русоволосого, который к тому же был «синеглазый, дерганый слегка». Словом – парень из «воло-

годского конвоя», жестокость которого писатели-демократы попытались сделать сущностью ЧК-НКВД. Такие же усилия предпринимала Л. К. Чуковская, когда, вспомнив, что одним из следователей по делу академика Вавилова был чекист по фамилии Хват, писала:

«Десятки тысяч потенциальных хватов, мучивших Вавилова [...] сломавших на следствии 2 ребра Ландау – всегда подспудно таились в нашем народе. Каково их социальное происхождение?» (Д. Самойлов – Л. Чуковская. Переписка. М., 2004, стр. 285).

Особенно меня трогает это «в нашем народе» и о «социальном происхождении». Думаю, что она была достаточно информированной женщиной, чтобы знать, кто руководил НКВД и ГУЛАГом в те времена. Но о своих – молчок. Во всем виновны русские хваты.

Особенно подробно и тщательно тема «вины русских» разработана в воспоминаниях бывшего энкавэдэшника и литератора, зятя одного из главных чекистов Г. Бокия Льва Эммануиловича Разгона. Блистательно проанализировал все эти разгоновские комплексы Вадим Валерианович Кожинов в работе «Загадка 1937 года». Лучше, чем он, не скажешь о мемуарах Разгона, изданных в 1988–1989 гг. трехмиллионным (!) тиражом. Кожинов подробно анализирует главу из воспоминаний Разгона, которая называется «Корабельников». В ней речь идет о рядовом энкавэдэшнике, занимающем низшее место в служебной иерархии. Корабельников попал в тот же лагерь, где сидел Разгон, представлял из себя тип человека-лакея, подобострастно глядящего на начальство. Даже о свергнутых генералах ЧК – Бокии, Бермане, Паукере – он говорил в лагере с восхищением. Никакого зла он Разгону не сделал, был его постоянным собеседником, но Разгон признается: «Из множества злодеев, которых мне пришлось встретить, Корабельников произвел на меня особо страшное впечатление», «его прямые пшеничные волосы... снились по ночам, и я стонал во сне и просыпался, покрытый липким потом... И сейчас (то есть полвека спустя! – Ст. К.) я совершенно отчетливо вижу его

круглое и плоское лицо... Когда я думаю о нем, меня начинает бить дрожь от неутоленной злобы». Не начальников Корабельникова, чьи кровавые приказы он исполнял, а именно этого ничтожного винтика ненавидит патологической ненавистью энкавэдэшник Лев Эммануилович Разгон.

«И это, – пишет Кожинов, – может иметь только одно объяснение: Бокий и ему подобные все-таки “свои” (пусть даже они приказывали убивать и “своих”!); напомню, что Бухарина-Лурье, по ее признанию, не смогла дать пощечину “своему” Андрею Свердлову» (Андрей Свердлов – человек их клана и друг детства – первым допрашивал жену Бухарина). Однако мысль Кожинова идет дальше: «Но вернемся к “сюжету” с Корабельниковым. По-видимому, одна из причин (или даже главная причина) его появления в книге Разгона – попытка как бы “переложить” на него “вину” за 1937 год. Ведь в заключение своего рассказа о Корабельникове Разгон заявляет: “В моих глазах этот маленький и ничтожный человек... стоит неподалеку от главного его бога – от Сталина”... Что ж, может быть, Разгон с определенной точки зрения прав? Вот, мол, наверху вождь, диктатор, в конце концов, “царь”, “самодержец” Сталин, внизу – “представители народа”, рядовые Корабельниковы, а посредине разгоновский “клан”, обреченный быть раздавленным сближающимися друг с другом “вождем” и “народом” (с. 471).

Многие соплеменники Разгона и Дейча занимались коллективным подлогом, пытаясь сделать русских ответственными за кровь 1937 года. Энкаведешник Хенкин (племянник популярного юмориста 30-х годов), ставший в 70-х и 80-х годах сотрудником радиостанции «Свобода» («своих» энкавэдэшников даже туда на работу брали), писал в воспоминаниях почти то же самое, что его старший товарищ Разгон о замене «кадров» в «органах»: «...На место исчезнувших пришли другие. Деревенские гогочущие хамы. Мои друзья (по НКВД. – Ст. К.) называли их «молотобойцы» (Хенкин К. Охотник вверх ногами. М., 1991, стр. 36).

Поэту Фазилю Искандеру полезно было бы знать, кто создавал культ ЧК в эпоху Ягоды, Агранова, Бермана. «Чеки-

сты, механики, рыбоводы»... «веселые люди моих стихов» – Э. Багрицкий (Дзюбин); «Пей, товарищ Орлов, председатель ЧК» – М. Светлов (Шейнкман); «Чтобы прошел художник школу суда и следствия и вник в простую правду протокола, в прямую речь прямых улик» – П. Антокольский; «Меч большевистского Марата» – А. Безыменский; «Довольно! Нам решить не ново. Уже подписан приговор» – М. Голодный (Эпштейн); «Во имя чекистской породы» – П. Коган и т. д. Словом, чекисты-евреи руководили ГУЛАГом, а евреи-поэты восхваляли их подвиги. У русских поэтов той же эпохи – Твардовского, Исаковского, Смелякова, Заболоцкого – таких пафосных строчек в честь чекистов мы не найдем. А у евреев не только поэты, но и критики дули в ту же дуду. Откроем, к примеру, «Литгазету» от 1 мая 1937 года. В ней статья Э. Дельмана – отца Натана Эйдельмана. Такой пахучий панегирик Волго-Балту – концлагерю, руководимому Л. Коганом, С. Фириным, Я. Рапопортом, Н. Френкелем, хоть нос зажимай. Пусть это знает Марк Дейч. Так что честь советского еврейства в разборках на тему «Кто виноват» спас из писателей, может быть, единственный праведник Юрий Домбровский. Да еще в какой-то степени Валентин Катаев, если вспомнить «Уже написан Вертер» (после чего он был объявлен антисемитом). Остальные – Борщаговский, Гроссман, Чуковская, Хенкин, Галич, Разгон (да несть им числа!) ну и, конечно же, Дейч с Резником – эти десятилетиями надрывались, чтобы всю кровь 1930-х годов взвалить на русского человека, на «вологодский конвой»... Но никто (кроме Разгона) из них не сидел. Сидел, и много – Юрий Домбровский. И его показания никаким ихним гевалтом не заглушить. Он единственный понял, что евреям надо покаяться. Низкий поклон его памяти за мужество.

* * *

В 1989 году историк Фатей Шипунов опубликовал в «Нашем современнике» цикл очерков «Великая замятия».

В одном из очерков он привел список фамилий руководителей ЧК–ОГПУ–НКВД разного уровня. В этом списке были и латыши, и евреи, и украинцы, и русские (Никишов, Иванов, Рыбкин, Лебедь и т. д.). «Полный список погромщиков и палачей еще предстоит раскрыть народу», – писал Шипунов. Он не уточнял, «кто есть кто» в списке, и не подсчитывал, сколько в этом перечне еврейских фамилий. Но, как говорится, «чует кошка, чье мясо съела». Прочитав список палачей и наткнувшись на еврейские фамилии, Семен Резник впал в истерику: «Другие оставлены за кадром: их имена еще "предстоит раскрыть народу", – с негодованием цитировал он Шипунова. – А пока селекция: по одной еврейской или подозрительной фамилии на область, край, целый регион набрать, конечно, нетрудно. Тем более без ссылок на источники». И завершает Резник сей гневный пассаж традиционной (можно сказать, ритуальной) пропагандистской фразой, которая звучит, как заклинание: «Так создается новый кровавый навет, перед которым бледнеют средневековые обвинения в употреблении христианской крови» (Резник С. Красное и коричневое – книга о советском нацизме. Вашингтон, 1990). Итак, дело Менделя Бейлиса Семен Резник сам сравнивает с делами 30-х годов, когда была расстреляна, к примеру, вся верхушка ГУЛАГа, которой не повезло, как Бейлису, быть оправданной и которая подверглась в 1990 году «кровавому навету». Значит, одно обнародование фамилий евреев-чекистов надо считать таким же «кровавым наветом», как обвинение Бейлиса? Зачем же такие фрейдистские проговорки, Семен Ефимович? Вам нужны «ссылки на источники»? Пожалуйста. Только не обижайтесь. Для начала прочитайте итоговый вывод из книги популярного историка Г. В. Костырченко «Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм» (М.: Международные отношения, 2001), книга издана при финансовой поддержке Российского еврейского конгресса – это вам не «Алгоритм» и не «Вече»!

«С 1 января 1935 г. по 1 января 1938 г. представители этой национальности (какой – уточнять не буду. – Ст. К.) возглав-

ляли более 50% основных структурных подразделений центрального аппарата внутренних дел» (с. 110).

Есть любопытные свидетельства, доказывающие, что большевики тех времен придавали весьма важное значение тому, какой национальности чекисты работают в тех или иных республиках, краях, областях. Подлинные справки из отделов кадров на эту тему в книге «Россия. XX век. Документы. Гулаг (Главное управление лагерей)» существуют. Все их разбирать не буду, но в связи с «делом славистов» скажу только, что справки эти свидетельствуют, например, что в белорусском ОГПУ служили 397 белорусов и 182 еврея, в Украинском 1518 украинцев и 925 евреев... Может быть, поэтому и голодомор, организованный на Украине во время коллективизации, был столь фантастически жестоким... Конечно, и русских людей в органах было немало, но, думаю, соотношение их с евреями правильно отражено в статье С. Н. Семанова «Сталинская чистка конца тридцатых годов и национальный вопрос» – «Наш современник», № 4, 2007 г.

Справки эти (насчет национального состава по всем республикам и областям) подписывал начальник сектора кадров НКВД Я. М. Вейншток. Он же оперативный секретарь наркома МВД, он же, ранее, начальник тюремного отдела Главного управления государственной безопасности. Матерый чиновник. Опытный. Думаю, что Вейнштоку верить можно.

* * *

А вот передо мной книга историка Е. Лукина «На палачах крови нет» (С.-Петербург: Библиополис, 1996), в которой автор исследует кадровый состав Ленинградского управления НКВД в 30-е гг.

В 1934–1937 гг. начальником управления был Леонид Михайлович Заковский (он же Штубис Г. Э.).

В 1938 г. его сменил Михаил Иосифович Литвин*. Первым заместителем обоих в 1937–1938 годах был Натан Евнович

* Подписавший ордер на арест поэта Николая Заболоцкого.

Шапиро-Дайховский. Просто заместителем – Арон Меерович Хатаневер. Секретарем парткома и одновременно начальником секретно-политического отдела являлся Кирилл Борисович Гейман. Начальником контрразведки служил Яков Ефимович Перельмутер, начальником дорожно-транспортного отдела числился Михаил Израилевич Брозголь. В должности заместителя начальника экономического отдела состоял Яков Ржавский. Начальником секретно-оперативного управления, работавшего в основном с интеллигенцией, был Вячеслав Ромуальдович Домбровский. Его ближайший соратник Альберт Робертович Стромин (Геллер) фабриковал дела академиков С. Платонова, Е. Тарле, Д. Лихачева, а также дело «Братства Преподобного Серафима». Начальником водного отдела был Мирон Исаакович Мигберт, экономическим отделом ведал Григорий Яковлевич Раппопорт. В так называемой «бригаде смерти» (следователи, которые вели допросы, пытали, выбивали показания) состояли Дмитрий (Манасия) Фигур и Софья Гертнер («Сонька Золотая Ножка»).

Чтобы было ясно, «кто есть кто», жизнеописания вышеперечисленных фигурантов снабжены фотографиями хорошего качества. Без фотографий в книге помещены справки о жизни и смерти начальника восточного отделения контрразведывательного отдела Наума Абрамовича Голуба, начальника отделения (не сказано какого) Аксельрода (ни имени, ни отчества, ни рода), начальника отделения Якова Меклера. Чтобы успокоить Марка Дейча, сообщаю, что русские в аппарате тоже были: комендант ленинградского УНКВД Александр Поликарпов и рядовые сотрудники Михаил Матвеев и Петр Мелюхов. Рядовым сотрудником числился также бывший одесский шулер Израиль Яковлевич Чоклин (удостоен фотографии в фас и профиль – в 1938 г.). Этот список фамилий и должностей кроме Резника полезно будет прочитать Дейчу, считающему, что процессы 30-х годов организовывали «русские».

Вопреки цифрам, фактам, документам Марк Дейч и Семен Резник с пеной у рта каждый раз начинают свой очередной гвалт, свою психическую атаку – лишь бы никому не позво-

лить разобраться в том, кто и в какой степени ответственен за чекистский террор 20–30-х годов.

Именно про таких, как они, писал Г. Шурмак в работе «Шульгин и его апологеты» (Новый мир. 1994, № 11, с. 224): «Поразительно единодушие, с каким мои соплеменники отрицают какую-либо свою провинность в русской истории XX века».

Именно таких, как Дейч и Резник, имел в виду Солженицын во втором томе работы «Двести лет вместе». Вспоминая о том, что 5 августа 1933 года в газете

«Известия» был опубликован указ о награждении в связи с завершением строительства Беломорканала высших руководителей ОПТУ Г. Ягоды, М. Бермана, С. Фирина, Л. Когана, Я. Рапопорта и Н. Френкеля высшей правительственной наградой – орденом Ленина, Солженицын пишет: «Все их портреты опять крупно повторены были в торжественно-позорной книге “Беломорканал”, формата, как церковное Евангелие, как на тысячелетнее царство впереди.

И вот, 40 лет спустя, я повторил эти шесть портретов негодяев в “Архипелаге”, – с их же выставки взял, и не выборочно, а всех управителей, кто был помещен. Боже – какой всемирный гнев поднялся: как я смел?! Это – антисемитизм! Я – клейменый и пропащий антисемит. В лучшем случае: приводить эти портреты был “национальный эгоизм”– то есть русский эгоизм! И – поворачивается язык, когда на соседних страницах “Архипелага”: как покорно замерзали “кулацкие” пареньки под тачками.

А где же были их глаза в 1933-м, когда это впервые печаталось?»

Из 34 советских писателей, создавших это «Евангелие», 22 были евреи и лишь 12 русские. Пропорции, как видим, у писателей были даже «покруче», нежели у чекистов.

...Время прошло. Много книг издано, раскрывающих эту тему. Сегодня евреи, кто поумней, даже израильские, уже не поднимают гвалт в таких случаях. Остались последние защитники безнадежного дела: Дейч и Резник. Еврейские камикадзе. Но такие защитнички лишь наносят вред предста-

вителям честного еврейства, вроде вышеупомянутых Азбеля, Пасманика, Шурмак, Ходоса...

* * *

Впрочем, патологическая страсть что-либо приврать, сочинить, передернуть у Марка Дейча и у Семена Резника – черта профессиональная. Помню, как Семен Резник в 1990 году встретил группу советских писателей статьей

«Десант советских нацистов в Вашингтоне». Резник тогда заявил, что делегацию возглавляет член президентского Совета Валентин Распутин – «антизападник и антисемит». Что в составе группы член редколлегии «Литгазеты» Светлана Селиванова, которая пытается в газете проводить «нацистскую линию»; что вместе с писателями в Америку приехала нанайка Евдокия Гаер, которая борется «против рыночной экономики и за «равноправие» русского народа, якобы угнетаемого евреями и другими инородцами»... Все вышесказанное было «геббельсовской» ложью: Евдокии Гаер и Распутина с нами не было. А уж утверждать, что при главном редакторе еврее Чаковском Светлана Селиванова проводит в «Литгазете» «нацистскую линию» – для этого надо было быть либо идиотом, либо профессиональным лжецом... Впрочем, можно быть и тем и другим одновременно. В одном из номеров «Огонька» за 1990 год, издеваясь над газетой «Русское воскресенье», утверждавшей, что одним из первых декретов советской власти был декрет об уголовном наказании (вплоть до смертной казни) за антисемитизм, Дейч выступал адвокатом чекистов и юристов революционной эпохи: «Декрет опять же выдуман. Правда, в уголовном кодексе 1926 года существовала статья 59, пункт семь, который гласил: “пропаганда или агитация, направленная к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни, а равно распространение, изготовление и хранение литературы того же характера влечет за собой лишение свободы на срок до двух лет”».

Вот такая либеральная 59-я статья. Нет в ней ничего об антисемитизме, ничего о смертной казни... Вот, мол, какие добренькие, по словам Дейча, были эти самые его соплеменники.

Но я думаю, что А. В. Луначарский лучше знал суть дела, когда в брошюре «об антисемитизме» (М.–Л.: Госиздат, 1929) на странице 38-й писал: «Когда этот декрет был написан Я. М. Свердловым (! – Ст. К.) и принесен Ленину, Ленин его прочел и красными чернилами и своей собственной рукой на этом документе приписал: “Совнарком предписывает всем совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона”».

А сам официальный текст декрета, опубликованный в газете «Известия ВЦИК» от 27 июля 1918 года, гласил с торжественностью ветхозаветных скрижалей:

«Декрет Совета Народных Комиссаров
о пресечении в корне антисемитского движения

По поступившим в Совет Народных Комиссаров сведениям, контрреволюционеры во многих городах, особенно в прифронтовой полосе, ведут погромную агитацию, последствием которой были местами эксцессы против трудового еврейского населения. Буржуазная контрреволюция берет в свои руки то оружие, которое выпало из рук царя.

Самодержавное правительство каждый раз, когда ему нужно было отвести от себя гнев народный, направляло его на евреев, указывая темным массам, будто все их беды от евреев. При этом еврейские богачи всегда находили себе защиту, а страдала и гибла от травли и насилия еврейская беднота.

Теперь контрреволюционеры возобновили травлю против евреев, пользуясь голодом, усталостью, а также неразвитостью наиболее отсталых масс и остатками вражды к евреям, которая была привита народу самодержавием.

В Российской Советской Федеративной Республике, где провозглашен принцип самоопределения трудовых масс всех

народов, нет места национальному угнетению. Еврейские буржуа враги нам не как евреи, а как буржуа (логика Дейча: «не евреи, но большевики-интернационалисты». – Ст. К.). Еврейский рабочий нам брат.

Всякая травля какой бы то ни было нации недопустима и позорна.

Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев гибелью для дела рабочей и крестьянской революции и призывает трудовой народ Социалистической России всеми средствами бороться с этим злом.

Национальная вражда ослабляет наши революционные ряды, разъединяет единый, без различия национальностей, трудовой фронт и на руку лишь нашим врагам.

Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Ульянов (Ленин)

Управляющий делами Совнаркома Вл. Бонч-Бруевич
Секретарь Совета Н. Горбунов».

Иосиф Сталин, которого все еврейские политологи от Гроссмана до Борщаговского считают «биологическим антисемитом», как разумный государственник, никогда им не был, и долгое время, пока ему позволяли исторические обстоятельства, придерживался ленинской политики в еврейском вопросе, о чем свидетельствует следующий документ:

«ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ
Ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки

Отвечаю на ваш запрос.

Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду канниба-

лизма. Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма.

Антисемитизм выгоден эксплуататорам, как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма.

В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм, как явление, глубоко враждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью.

И. Сталин
12 января 1931г.»

Впервые опубликовано в газете «Правда» № 329, 30 янв. 1936 г.

Семен Резник пограмотней Марка Дейча, потому что он слышал о существовании ленинского декрета и так писал о нем в книжице «Красное и коричневое», признавая, что декрет действовал на всю катушку:

«Вскоре после революции в связи с разгулом еврейских погромов советское правительство приняло декрет, запрещавший антисемитскую деятельность». Смягчил Семен формулировку, опустил самое главное: «ставить вне закона» (это все равно что ставить к стенке). Ну да ладно... Не в этом дело, а в том, что еврейские погромы – любимый пропагандистский конек Семена Резника. В этой же вашингтонской книге жалкую фарсовую ссору на сцене Центрального Дома литераторов, где писателю Анатолию Курчаткину то ли разбили очки, то ли он сам их уронил и разбил, Семен ухитрился поставить в ряд знаменитых «еврейских погромов». Но это – глупость хотя бы потому, что Анатолий Курчаткин – русский. В той же книге Резник, видимо, заболевший манией преследования, пишет: «О том, как патриоты собирают адреса евреев в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах, хорошо известно».

Для чего собирают адреса? Конечно, для погромов! И Резник с геббельсовским размахом нагоняет страх на слабонервных евреев: «Среди еврейского населения России давно уже царит паника...», «Азербайджанцы могут бежать из Армении в свою республику или в Москву», «Армяне могут бежать из Азербайджана […] А евреям бежать некуда», – восклицает матерый провокатор и добавляет, обливаясь слезами: «Нет для них безопасного места на всей Руси великой!» Но почему же бежать некуда? Убежал ведь Невзлин в Израиль, Гусинский в Испанию, Березовский в Англию. Есть куда бежать! Да сам Резник в Америку в свое время «от погромов» едва-едва успел драпануть. (Один Ходорковский за всех отдувается.) Сколько воды утекло с тех пор! Сколько армян погибло, азербайджанцев, таджиков, осетин, чеченцев, ингушей, абхазцев, русских... Словом, тех, кому «было куда бежать». А погромов все нет и нет. И все евреи целы. И Радзиховский в знаменитой статье «Еврейское счастье» пишет: «Евреи сегодня в России оказались сильнее, чем 20 лет назад. Больше того, рискну предположить, что евреи имеют больший удельный вес в политике и бизнесе, чем в политике и бизнесе любой другой христианской страны».

Впрочем, Резник может со злорадством вспомнить Копцева, психически нездорового юношу, который в одиночку, как самоубийца, бросился с ножом на еврейскую толпу в синагоге и сумел нескольким мужчинам нанести какие-то поверхностные порезы. Но его тут же скрутили и посадили на 16 лет. А совсем недавно судили кингисеппскую банду абсолютно здоровых грабителей и убийц. Отправили они на тот свет около десятка граждан и получили каждый от 10 до 12 лет. Так что декрет об антисемитизме, написанный рукой Свердлова, у нас действует до сих пор. В следующем году юбилей будем праздновать – 90 лет декрету.

Этот документ, на мой взгляд, принес евреям больше вреда, чем пользы, потому что, будучи сформулированным в таком виде (борьба только с антисемитизмом, а не с любым шовинизмом или расизмом), он поставил еврейское население

в исключительное, привилегированное, особо охраняемое государством положение, которым в то жестокое и неправовое время можно было легко воспользоваться и для внесудебных расправ и для устройства в общественной пирамиде и в пирамиде власти. Напомню, что за антисемитизм предусматривались самые тяжкие наказания, вплоть до смертной казни. Расстреливали и ссылали, как при Сталине, даже за анекдоты. Но благодаря этому волна антиеврейских настроений опять и опять начала нарастать уже в 20-е годы.

Из частного письма академика В. И. Вернадского в 1927 году: «Москва – местами Бердичев; сила еврейства ужасающая – а антисемитизм (и в коммунистических кругах) растет неудержимо»*.

Вот почему Серго Орджоникидзе в том же 1927 г., на XV съезде партии, пришлось в своем отчете ЦК и РКИ уделить немало места национальному вопросу. В партии, видимо, к тому времени (еще «досталинскому») началось брожение по поводу еврейского засилья в партийном и государственном аппарате. Чтобы пресечь подобные настроения, Орджоникидзе привел в своем выступлении цифры, свидетельствующие о том, что на Украине в советских и партийных органах, в госаппарате «...в столице русских 33, 4%, евреев 30, 3%, украинцев 30, 5%, по всей республике русских 17, 2%, украинцев 54, 3%, евреев 22, 6%».

«По Белоруссии в столице русских 6, 7%, коренной национальности 46, 3%, евреев 38, 3%».

«По всей республике русских 4, 9%, коренной национальности 60, 5%, евреев 30,6 проц».

«По Крымской республике в столице русских 57, 6%, евреев 23, 8%, коренной национальности 12, 7%»**.

Кстати, участники съезда, судя по докладу Орджоникидзе, отнюдь не ощущали себя однородной массой «большевистского интернационала» (как считает Марк Дейч), но пре-

* Из письма И. Н. Петрукевичу 14.6.1927 г. (Новый мир. 1989, № 12, с. 219).

** Из стенограммы XV съезда ВКП(б).

красно понимали, кто из них русский, а кто еврей. Видимо, поэтому главная роль докладчика по национальному вопросу была поручена именно грузину.

Несмотря на то что процентные выкладки в докладе Орджоникидзе содержат данные по всем национальностям в административно-бюрократической системе, свою речь он специально закончил следующими словами, которые вошли в полное противоречие с цифрами: «Отсюда, между прочим, видно, что всякие разговорчики о еврейском засилье и т. д. не имеют под собой никакой почвы».

Какова все-таки была тяга к власти у неразумных сынов Израиля! Напомню, что это был 1927 год. «Еврейские большевики» не вняли первому предостережению, и через десять лет бунт против их чрезмерного присутствия во всех властных структурах государства – от партии до НКВД – наберет такую силу, что станет подобным цунами, которое получит имя Большого Террора, или Репрессий 1937 года.

Я не понимаю одного: зачем врать Дейчу и Резнику? Ведь на каждое их очередное вранье неизбежно находятся опровержения: в исторических исследованиях, в архивных документах, в первоисточниках. Рано или поздно всегда выплывают аргументы и факты, обличающие ложь. Когда я поделился этими мыслями с историком Сергеем Николаевичем Семановым, тот мрачно усмехнулся:

– Чем больше они упорствуют, кричат, что ни в чем не виноваты, – тем быстрее все проясняется. Сами себе веревку намыливают...

Другой, более взвешенной и более христианской точки зрения придерживается Вадим Кожинов в заповеди, которая завершает его работу «Загадка 1937 года».

«И все же, подводя итоги, необходимо сказать о другой – и очень важной стороне проблемы. Конечно же, охарактеризованные выше попытки возложить ответственность и вину за 1937 г. на так называемых деревенских хамов несостоятельны чисто фактически и безнравственно-лживы. Однако те из моих читателей, которые попросту переложат

ответственность и вину на “друзей” Хенкина и Разгона, по сути дела, поставят себя в один ряд с этими авторами».

Конечно, хорошо бы покаяться Дейчу и Резнику если не за преступление своих единокровных предков и однофамильцев («сын за отца не отвечает», как сказал товарищ Сталин), то хотя бы за отчаянные попытки сокрытия этих преступлений, то есть за ложь. Хорошо бы вспомнить евангельские слова Христа, обращенные к фарисеям: «Ваш отец диавол», «Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи»... Что остается, Марк? Разве что покаяться. Все-таки у Вас имя евангельское...

КОСМАТЫЕ СЕРДЦА
(Из книги «Жрецы и жертвы Холокоста»)

Спасение Агасфера в его погибели
Рихард Вагнер

В глубинах явления, именуемого Холокостом, таится множество исторических, политических, религиозных, этнических, психологических и прочих загадок. Не всем участникам этой бесконечной драмы выгодно, чтобы они были разгаданы. Потому-то Холокост объявляется событием, не подлежащим изучению и осмыслению. Однако все тайное рано или поздно становится явным. Вот так постепенно проявляется одна из самых странных и зловещих тайн Холокоста, которую исследовал еще в 70-х годах прошлого века немецкий историк Хеннеке Кардель в книге «Адольф Гитлер – основатель Израиля», переведенной на русский язык и опубликованной у нас в 2004 году крошечным тиражом.

После издания этой книги в Женеве автор неоднократно привлекался к суду со стороны еврейских организаций, но выиграл все судебные процессы, поскольку подтверждал в судах документами все спорные выводы своего исследования.

Хеннеке Кардель, подполковник вермахта в отставке, кавалер Железного креста, воевал в составе германских войск на Восточном фронте, побывал в советском плену, а после войны, задумавшись о ее причинах и тщательно изучив европейские архивы, сделал парадоксальный вывод о том, что многие вожди гитлеровского рейха, прославившиеся своими антисемитскими взглядами и ратовавшие за чистоту германской расы, на самом деле были сами отнюдь не «арийского», а в той или иной степени семитского происхождения, и что их политика в 30-е годы прошлого века преследовала одну цель – вытеснение восточноевропейского еврейства в Палестину.

С этой точки зрения эпоху Третьего рейха и Холокоста истолковывали Иоахим Фест в книге «Гитлер» (1973), Б. Энгельман – «Германия без евреев» (1970), а также многие историки послевоенной Европы, такие как Конрад Хайден, Август Кубичек, Хельмут Хайдер, Ганс Циглер и особенно Дитрих Брондер, профессор и доктор исторических наук, руководитель безрелигиозных еврейских общин Германии, издавший в 1975 г. в Швейцарии книгу «Bevar Hitler Kom» («До прихода Гитлера»), из которой значительную часть информации взял для своего исследования Х. Кардель.

В этом же ключе написаны книги американских историков еврейского происхождения Вальтера Лангера «The Mind of Adolf Hitler» и Вилли Фришауэра «Himmler» (NY, 1962). Для советской «интернациональной» идеологии эта информация была крайне нежелательной. Подобные книги не переводились, не упоминались в исследованиях историков, и вообще вся тема находилась под цензурным запретом, что объяснялось особым характером создания высших эшелонов советской власти, начиная с первых лет ее существования: табу на тему «кремлевские жены», на семейную жизнь генсеков, родословное древо Владимира Ильича Ленина было обязательным.

Вспомним хотя бы, какой скандал вспыхнул в 30-е годы, когда Мариэтта Шагинян, собирая исторический материал для книги о вожде, «вдруг» обнаружила, что по материнской линии

он происходит из еврейско-немецкой семьи Бланков! Скандал этот был моментально задавлен, и табу восстановлено.

Смешно сказать, но об одной шестнадцатой семитской крови в жилах Пушкина знал каждый любопытный школьник, но о Владимире Ленине этого знать было нельзя.

Поэтому такого рода знания и о гитлеровской верхушке не приветствовались в советской исторической литературе, как и тема «еврейского антисемитизма» в эпоху Третьего рейха.

За 10 лет до появления книги Карделя Ханна Арендт вплотную подошла к исследованию «антисемитизма» евреев, когда в очерках о процессе Эйхмана писала:

«Роль еврейских лидеров в уничтожении своего собственного народа – это для евреев, несомненно, самая мрачная глава во всей этой мрачной истории. В Амстердаме и в Варшаве, в Берлине и в Бухаресте нацисты могли рассчитывать на то, что еврейские функционеры составят списки лиц и опись имущества, добудут деньги на депортацию и уничтожение у самих депортируемых, возьмут на учет освободившиеся квартиры и предоставят полицию, чтобы помогать хватать евреев и запихивать их в поезда... То, что в лагерях смерти прямую помощь при уничтожении жертв оказывали обычно еврейские команды, этот сам по себе известный факт полностью подтвержден свидетелями на процессах: как зондеркоманды работали в газовых камерах и крематориях, как они вырывали золотые зубы у трупов и отрезали волосы, как они рыли могилы, а позже снова разрывали те же могилы, чтобы скрыть следы массовых убийств, как еврейские техники строили газовые камеры в Терезиенштадте, которые, правда, не были использованы, как еврейская “автономия” дошла до того, что сама стала палачом евреев» («Эйхман в Иерусалиме»,1964).

Это – страшные картины. Однако то, о чем пишет Хеннеке Кардель, по-своему и таинственнее и страшнее.

Если верить генеалогическим изысканиям Карделя и других европейских историков, на труды которых он ссылается, то почти у всех верховных жрецов Третьего рейха в жилах текла семитская кровь. «После смерти президента Гин-

денбурга у рычагов власти в Берлине не осталось ни одного человека, который не имел бы примеси еврейской крови» (Х. Кардель, стр. 126).

«Сам фюрер, как сообщают многие источники, являлся по материнской линии внуком австрийского еврея Франкенбергера» (стр. 20).

Йозеф Геббельс, министр нацистской пропаганды, был, оказывается, «потомок испано-голландских евреев, которого в школе дразнили раввином» (стр. 90).

«...Рудольф Гесс, сын английской еврейки, получивший английское воспитание в Египте, имевший хорошие связи с высшей английской знатью. Только он мог бы договориться с Черчиллем».

«При анализе этих тесных связей между гитлеровским движением и западными евреями заслуживает внимания начало политической карьеры будущего “заместителя фюрера” Рудольфа Гесса. На войне (1914–1918 г. – *Ст. К.*) он был летчиком, после войны стал в Мюнхенском университете ассистентом профессора политэкономии Хаусхоффера, католика еврейского происхождения, женатого на еврейке. Гесс и Хаусхоффер были членами Общества Туле. Гесс составлял тогда программу партии, а пункт 1 гласил: “Партия является антисемитской”» (стр. 75–77).

«В политическом руководстве Гитлера был силен элемент с еврейской примесью среди тех, кто занимался борьбой с евреями и их уничтожением. И генерал СС Эрих фон дем Бах-Зелевский, возглавлявший борьбу против партизан, и генерал СС и бывший гауляйтер Вены Одиль Глобочник, “истребитель евреев”, были люди с примесью еврейской крови» (стр. 206).

«Когда война стала войной на два фронта и тем самым была проиграна, Гитлер поручил своему ближайшему сподвижнику, начальнику полиции Рейнхарду Тристину Ойгену Гейдриху, отец которого первоначально носил фамилию Зюсс и о котором Гиммлер говорил, будто он “преодолел в себе еврея”, заняться так называемым окончательным решением еврейского вопроса» (стр. 8).

«Повешенный в Нюрнберге генерал-губернатор Польши полуеврей Ганс Франк, во времена борьбы за власть юрисконсульт Гитлера, в своей опубликованной позже книге “Перед лицом виселицы” ясно дал понять, что знал о еврейском происхождении Гитлера... Его ненависть к евреям, возможно, обусловлена психозом ненависти к собственной крови» (стр. 14, 99).

«Адмирал Канарис, руководитель немецкой военной разведки и зарубежного шпионажа, вмешался во внутреннюю политику и предложил, чтобы все оставшиеся в рейхе евреи носили желтую шестиконечную звезду, как им предписывалось в разных странах в Средние века. Эту идею он развил однажды в саду у соседа <...>. Соседа звали Рейнхард Гейдрих. Он с воодушевлением воспринял идею Канариса <...>. Он сделал и кое-что еще: приказал прикрепить к некоторым скамейкам в парках надписи: “Только для евреев”. Оба шефа секретных служб знали, что каждый из них хранит досье о еврейском происхождении другого в несгораемом шкафу» (стр. 150).

В элите итальянского фашизма, как сообщает историк В. Вулич (В плену фикций // Вече. № 37, 1990), также состояли евреи: теоретик партии Ариас, основатель римской парторганизации Рокка, министр внутренних дел Финци. Более того, любовницей Бенито Муссолини была журналистка Маргарита Сарфатти, «которую называют духовной матерью итальянского фашизма <...>. Она родилась в богатой еврейской семье в Венеции <...> Познакомившись с Муссолини, сыграла важную роль в его превращении из социалиста в лидера фашистского движения, будучи его имиджмейкером, психоаналитиком, автором его зажигательных речей и редактором официального журнала, рупора движения» (русскоязычная газета «Форум» (№ 288, 2010. Нью-Йорк)).

Холокост, конечно же, стал (при всех спорах об окончательных цифрах) одной из самых массовых «этнических чисток» в истории человечества. И тому способствовали два обстоятельства: преодоление элитой гитлеровского рейха «своей еврейской составляющей» и, конечно же, неприми-

римое отношение цивилизованных западных евреев к своим восточным родственникам.

* * *

Но здесь необходимо сделать отступление от гитлеровских времен в XIX век. Во время Наполеоновских войн, пламенных и бурных, словно вешние грозы, Европа в считанные мгновения истории освободилась от последних пут средневекового бытия. Наступил век буржуазных революций во Франции, в Италии, в Австро-Венгрии, век мощного объединения Германии в бисмарковское государство и, в конечном счете, век окончательного освобождения европейского еврейства от всякого рода ограничений и притеснений. Более того, с утверждением банковской династии Ротшильдов, которые, по меткому определению Рихарда Вагнера, имея возможность быть «королями банкиров», предпочли стать «банкирами королей», а также с выходом на историческую арену Карла Маркса с его «Манифестом», с националистическим ответом марксизму Теодора Герцля и его соратников по сионизму стало ясно: ближайший ход мировой истории будет во многом зависеть от того, как человечество совладает со всеми этими тектоническими сдвигами, скоропостижно родившимися, как близнецы, из темной и, казалось бы, уже бесплодной утробы еврейства. Через две тысячи лет после появления христианства еврейство снова властно вышло на поверхность мировой жизни. Однако, как ни парадоксально, это триумфальное появление на авансцене истории одновременно рождало из среды самого еврейства немало пророков, выступавших с самыми мрачными прогнозами относительно судеб «избранного народа».

Вениамин Дизраэли, будущий лорд Биконсфильд, не раз предупреждал своих современников о том, какую роковую роль в разрушении европейской жизни играют ашкенази – восточноевропейские местечковые революционеры. «Эта мощная революция развивается полностью под еврейским руковод-

ством <...>. Во главе всех тайных обществ стоят люди еврейской расы». Однако на пути этой революционной силы стояло сословие европейских ассимилированных евреев сефардов, о которых знаменитый в свое время американо-английский писатель Дуглас Рид в книге «Спор о Сионе» пишет так:

«Начиная с Французской революции жившие во Франции евреи постоянно предостерегали против пришельцев с Востока, провоцировавших вечные беспорядки и столкновения с коренным населением в Эльзасе; евреи Сефарды противились этому злому поветрию, дувшему с Востока. Уравнение в правах сняло с них многочисленные ограничения, и они рисковали потерять все полученное, если бы "разрушительный принцип", принесенный с Востока талмудистской сектой евреев-ашкенази, остался победителем в своей войне против христианской Европы. Предостережения Дизраэли были обращены именно к ним, возможно, в еще большей степени, чем к христианам». Дизраэли был не одинок в своих опасениях. Следующее поколение европейских мыслителей было куда более решительным. Чистокровный ариец, «сумрачный германский гений» Фридрих Ницше и еврейский вундеркинд Отто Вейнингер, живший в Австрии при молодом Гитлере, волею судеб объединились в общей ненависти и к еврейству, и христианству, что объективно аукнулось через несколько десятилетий и способствовало практике Холокоста. Семидесятилетний Ницше умер в 1906 году, а двадцатитрехлетний Вейнингер покончил с собой в 1903-м.

Главные книги каждого из них – «Пол и характер» Вейнингера и «Антихристанин» Ницше – сразу же стали культовыми книгами и европейской и русской интеллигенции. Оба они и при жизни, и после смерти были ее кумирами. Оба они, каждый по-своему, создали в Европе культ сверхчеловека, властно завладели душами евреев и немцев и определили во многом ход мировой мысли на несколько десятилетий вперед. Книга Ницше была издана в России неимоверными для того времени тиражами, книга Вейнингера лишь за первые пять лет после самоубийства автора выдержала 10 изданий.

«В страницах его книги, – писал в предисловии к одному из них модный критик А. Волынский (Флексер), – целым пожаром горит та мучительная психология, которая так естественна для еврея, критикующего свой народ. Это одна из самых “своеобразных” философий антисемитизма».

О Христе ариец Ницше говорит с ненавистью верховных жрецов иудейского Синедриона, словами средневековых талмудистов и местечковых раввинов:

«Этот святой анархист, призывавший чернь, отверженных и “грешников”, чандалу иудейского народа, восстать против господствующего порядка языком, который, если можно верить евангелиям, и нынче привел бы в Сибирь, был политическим преступником... Это и привело его к кресту <...>. Он умер за свою вину, – нет ни одного довода за то, что он умер за вину других, сколько бы ни утверждали это».

Роднит Ницше с отцами сионизма и отношение к слабым мира сего, к «сухим ветвям» племени, которых можно принести в жертву.

«Нет ничего более нездорового в нашей нездоровой современности, чем христианское сострадание. Здесь быть врачом, здесь быть неумолимым, здесь действовать ножом – это наше дело, это наш вид человеколюбия, это делает нас философами, гипербореями».

Ну как тут лишний раз не вспомнить высказывания одного из отцов-основателей сионизма о том, что «еврейская кровь – хорошая смазка для создания еврейского государства в Палестине»?

Конечно же, такая сионистско-арийская идеология изначально была враждебна православной основе русской культуры со всеми ее великими именами, и Ницше с его хищным мышлением прекрасно понимал это:

«Странный и больной мир, в который вводят нас Евангелия, – мир словно из русского романа, где как будто происходит rendez-vous отбросов общества, нервных страданий и детского идиотизма...» «Можно пожалеть, что вблизи этого интереснейшего декадента не жил какой-нибудь Достоевский».

Именно такими же образами оперируют талмудические тексты о Христе, говоря о нем как о «сновидце», «больном еретике», «идиоте»; именно поэтому первое поколение победивших после 1917 года литераторов-прокуроров, вроде Виктора Шкловского и Емельяна Ярославского, призывало общество к суду над Достоевским; наверное, поэтому прямой духовный потомок этих «суперменов» Анатолий Чубайс недавно не выдержал и проговорился, что он ненавидит автора романов «Идиот» и «Братья Карамазовы»... Может быть, в припадке гордыни в образе Смердякова он узнал себя...

Еврей Отто Вейнингер был по отношению к соплеменникам куда более жесток, нежели ариец Фридрих Ницше.

«Кто ненавидит еврейскую сущность, ненавидит ее прежде всего в себе самом» («Пол и характер», стр. 374).

«В Ветхом Завете отсутствует вера в бессмертие. У кого нет души, тот не может чувствовать потребность в бессмертии» (там же, стр. 386).

Однако беспощаднее всех – и Дизраэли, и Ницше, и Вейнингера – был Рихард Вагнер, чьи взгляды, изложенные в работе «Еврейство в музыке», опубликованной в Санкт-Петербурге в 1908 году, до сих пор вызывают в еврейской среде нешуточные страсти хотя бы потому, что сам Вагнер был полукровкой.

«Вагнер однажды признался во время прогулки философу Ницше: его отчим актер; еврей Людвиг Гейер – его настоящий отец. <...> Как и Вагнер, Гитлер тоже будет бороться с еврейским началом в себе и преодолеет его. Могила Вагнера в Байрейте и позже оставалась для Гитлера местом паломничества. А его будущий главный идеолог Розенберг, сын еврея, иммигрировавшего в Швецию, превратится в Прибалтике в арийца и будет торжественно вещать: “Байрейт – это завершение арийской мистерии”» (Х. Кардель, стр. 25).

Неслучайно несколько лет назад в Израиле разразился большой скандал, когда один немецкий дирижер приехал на гастроли в Израиль с репертуаром из произведений Вагнера... Одни еврейские меломаны приветствовали эти гастроли, дру-

гие шумно протестовали. До сегодняшних дней одна часть образованного еврейства ненавидит Вагнера, другая обожает его «нордическую суперменскую сущность».

Многие мысли Рихарда Вагнера, вульгарно понятые, впоследствии стали руководством к действию для Гитлера, если вспомнить, что он жаждал переселить восточноевропейское еврейство в Палестину:

«В религии евреи давно уже наши закоренелые враги. А в чистой политике мы хотя и не приходили с ними в столкновение, но всегда готовы предоставить им основание нового царства в Иерусалиме» (Р. Вагнер. Еврейство в музыке. С.-Пб., 1908).

И конечно же, самая опасная мысль Вагнера о необходимости «изживать из себя еврейство» была взята у него гитлеровским истеблишментом для ее буквального исполнения и воплощения:

«Для еврея сделаться вместе с нами человеком – значит прежде всего перестать быть евреем <...>. Такое спасение недостижимо в довольстве и в равнодушном холодном удобстве. Оно стоит тяжких усилий, нужды, страха, обильного горя и боли.

Принимайте же не стесняясь, мы скажем евреям, участие в этой спасительной операции, так как самоуничтожение возродит вас! <...> Только это одно может быть вашим спасением от лежащего на вас проклятия, так как спасение Агасфера – в его погибели».

Конечно, и Ницше, и Вейнингер, и Вагнер в своих размышлениях о судьбах еврейства играли с огнем, не зная, конечно, что это будет огонь Холокоста. Но их откровения нашли благодарную аудиторию.

Западноевропейская апостасийная (а по сути антихристианская) интеллигенция с жадностью проглотила сочинения Ницше, Вейнингера, Рихарда Вагнера. Захмелевшая, очарованная диктаторской страстностью стиля, ядовитой смесью опасной правды и притягательной площадной лжи, она восприняла их как новых молодых пророков дряхлой Европы. Наша русская интеллигенция вслед за европейской –

лишь бы не отставать от Запада! – тут же бросилась в бездну этих соблазнов, не смущаясь ни площадной вульгарностью, ни провокаторской энергией этих незаурядных умов. Религия сверхчеловека одурманила головы целого поколения и подготовила Европу к усвоению гитлеровской «Моей борьбы» и розенберговского «Мифа XX века». Но слава Богу, на этом этапе мы уже были отгорожены от коричневых соблазнов Европы советской цензурой и «железным занавесом».

Неслучайно же, размышляя о Вагнере, Отто Вейнингер, который, видимо, обладал незаурядным провидческим даром, предсказал явление в немецкой истории фюрера народу.

«И другому человеку, еще более великому, чем Вагнер, дано будет преодолеть в себе еврейство, прежде чем он найдет свою миссию» (О. Вейнингер, стр. 376).

Однако, в отличие от Ницше, Вейнингер не порывал до конца с христианством, надеясь, что этот будущий спаситель Германии от фарисейского еврейства будет опираться на опыт Христа:

«Христос тот человек, который преодолевает в себе сильнейшее отрицание – еврейство, и тем самым создает сильнейшее утверждение – христианство, как самую крайнюю противоположность еврейства» (О. Вейнингер, стр. 406). Маниакальная иллюзия своего мессианства всегда владела сознанием Гитлера. Еще не ставший кумиром Германии, 18 декабря 1926 года на празднике Рождества Христова в одной из мюнхенских пивных он вещал:

«Рождение Человека, которое празднуется сегодня, имеет для нас, национал-социалистов, огромное значение. Христос был нашим величайшим предшественником в борьбе против еврейского всемирного врага. Он был величайшим бойцом, какой когда-либо жил на земле. Дело, которое Христос начал, но не докончил, я доведу до конца <...>.

Целью галилеянина было освободить свою страну от еврейского гнета» (Цит. по: Х. Кардель, стр. 180).

Вот так в больном пропагандистско-плебейском сознании «мессии» национал-социализма Царство Божие, которое

должно зарождаться в душах человеческих и, по Евангелию, быть «не от мира сего», обретало зловещие очертания будущего «тысячелетнего Третьего рейха».

* * *

Более подробное и тщательное изучение генетических комплексов Холокоста открывает исследователям еще одну тайну «еврейского антисемитизма». Оказывается, что мировое еврейство отнюдь не однородный организм, как это нередко кажется представителям других народов. Оказывается, что «в европейской иерархии западные евреи, сефарды, стоят выше, чем ашкенази» (Х. Кардель, стр. 77).

«Гитлеру в его борьбе против восточных евреев оказывали финансовую поддержку западные евреи из Нью-Йорка, которые и сегодня не позволяют хоронить на своем кладбище ни одного восточного еврея, даже если он живет в Нью-Йорке уже в третьем поколении» (стр. 95).

«Гитлер хорошо научился различать культурных и образованных евреев и приезжающих с Востока лапсердачных еврейских торгашей. Он знал о старинной вражде между ними на протяжении столетий. Когда после проигранной Первой мировой войны польские евреи начали массами заселять Берлин, еврей Ратенау, министр иностранных дел Веймарской республики, заговорил об “азиатских ордах на песках Бранденбургской марки”» (стр. 38).

О сефардах и ашкенази, о западной и восточной ветвях еврейства я узнал еще в 70-х годах прошлого века, прочитав изданные в 1979 году советским издательством «Прогресс» мемуары видной функционерки из ГДР Мишкет Либерман, озаглавленные «Из берлинского гетто в новый мир. Мемуары антифашистки». Это был живописный и подробный рассказ о том, как еврейская община из Галиции, прожившая века в замкнутом талмудическом мире под властью раввинов, после начала Первой мировой войны, спасаясь от ее ужасов, переселилась не просто в глубь Германии, а в Берлин, и не просто

в Берлин, а в его центр – в район Александерплатц и знаменитой Линденаллеи, в течение полутора лет (в 1915–1916 годах) вытеснив оттуда немецкое население. Евреи-беженцы организовали в сердце Германии свое гетто и начали жить в нем по своим законам и обычаям. Вот несколько отрывков из этой откровенной книги:

«Да, и в Берлине было гетто. Добровольное... У гетто было свое продовольственное снабжение... Евреи-иммигранты сами отрезали себя от внешнего мира. Они жили, как Моисей на Синайской горе: строго следовали десяти заповедям и сотням запретов... Большинство ортодоксальных евреев – и старых и молодых – не умели читать и писать по-немецки... Девочкам приходилось совсем плохо. Они сидели дома и ждали, когда наступит брачный возраст. Смешанный брак считался у верующих евреев самым большим грехом...»

О матери: «Какие были у нее волосы, не знала она сама. Она их просто не имела со времени свадьбы. Ее заставили сбрить их, прежде чем идти к алтарю. Так требовал ритуал. Теперь она стригла их каждый месяц. Почти до лысины. Она носила парик, который делал ее старше и еще некрасивей. Мужчинам ритуал запрещал стричь волосы. Они носили длинные бороды и пейсы почти до плеч. Безумный мир...»

О сестрах: «...Они накрывали праздничный стол. Все было приготовлено еще в пятницу. Еда стояла в печи. Ее накрывали перинами, чтобы она держала тепло целые сутки. Еда действительно не остывала, но прокисала, особенно летом. Отсюда столько страдавших желудком из числа фанатичных».

«Участвовать в пирушке женщинам не позволялось. Ни молиться в одной комнате с мужчинами, ни сидеть за одним столом».

«Пурим был очень веселым праздником. Как ночь карнавала. Пурим основан на легенде о прекрасной Эстер, еврейской жене персидского короля Артаксеркса. Эстер удалось удержать министра Хамана от убийства евреев. В этот день в гетто царили дети и молодежь. Они наряжались, ходили от дома к дому и разыгрывали эту легенду. Вечером они шли

гурьбой в синагогу, захватив с собой трещотки. Как только раввин произносил имя Хамана, они начинали трещать. Возникал оглушительный шум, все смеялись и радовались. Вот и дали же мы антисемиту Хаману!»

«Птице связывали ножки, крутили ее над головой и при этом произносили молитву. Малышам надо было все время повторять: “Тебе на смерть, а мне для жизни”. Мой маленький братик тоже шепелявил эти слова, в то время как отец крутил петуха над его головой. Затем животных доставляли еврейскому мяснику, чтобы они были зарезаны по ритуалу».

Не все евреи похожи на Альберта Эйнштейна, на лорда Дизраэли или на Иосифа Кобзона... Зная все это, начинаешь понимать Ратенау, называвшего восточных евреев «азиатскими ордами на песках Бранденбургской марки», и даже мысль Гитлера становится понятной, когда он говорил о том, что «нам необходимо избавиться от этого груза, отправить этот народ туда, откуда он пришел – в пустыню» (Х. Кардель, стр. 127).

В связи с этим на поверхность истории всплывает один весьма щепетильный вопрос, проясняющий, почему американские и европейские банкиры из сословия сефардов помогали национал-социалистической партии обретать власть и становиться на ноги, почему нефтяной король Детеринг, основатель фирмы «Шелл» Самюэль Маркус, банкир Варбург помогали становлению фашизма. Ответ напрашивается сам собой: потому что в их глазах советский коммунизм олицетворяли местечковые варвары «с косматыми сердцами», по выражению В. Шульгина.

«В начале 20-х годов гамбургский банкир Варбург посоветовал немецкому президенту Эберту остановить наплыв восточных евреев. Когда один посланник Уолл-стрита, который должен был обеспечить Гитлера деньгами, засомневался в последнем и спросил Варбурга о его мнении, тот со смехом ответил: “Гитлер сильный человек, и он нужен Германии. Под евреями Гитлер понимает галицийских евреев, которые после войны стали чумой Германии. Евреев чисто немецко-

го происхождения он признает абсолютно единородными”» (Х. Кардель, стр. 95).

Весьма глубоко и своеобразно понимал сущность еврейско-немецкого «узла» Генрих Манн, который незадолго до конца войны, обращаясь к разгромленным соотечественникам, писал в «Слове к Берлину» о причинах изменения политики американского истеблишмента к фашистской Германии, о том, почему американские евреи сначала помогали национал-социализму встать на ноги, а потом вступили с ним в беспощадную борьбу:

«Теперь вы можете знать, что это на самом деле было: насильственное прекращение вашей революции (фашистской. – *Ст. К.*). Они предотвратили ваше социальное движение, потому что некоторые магнаты использовали его против других народов (речь идет об истреблении восточноевропейского еврейства. – *Ст. К.*). Их порученец Гитлер так же не был немцем, как и они».

История, как любил говорить Карл Маркс, западный еврей, осуществляется как трагедия, а повторяется как фарс. Об этом вспоминаешь, когда до тебя доходят вести о том, как арабская молодежь громит магазины и поджигает автомобили в окрестностях Парижа, как ужасаются чопорные англичане при виде целых кварталов Лондона, оккупированных пакистанцами, или о том, как датский карикатурист, изобразивший в карикатурном виде пророка Мухаммеда, скрывается от мусульманских мстителей.

Но разве этот фарс, этот своеобразный реванш Востока не связан историческими корнями с воплями фюрера на арийских сходках 30-х годов о наступлении на Европу «жидобольшевизма»?

«Гейдрих при создании своих зондеркоманд в 1941 году... говорил полицейским перед отправкой на Восток своим звонким резким голосом: “Восточное еврейство – это резервуар большевизма, и поэтому, по мнению фюрера, его необходимо уничтожить”» (Х. Кардель, стр. 195).

«По мере эмиграции евреев в США сефарды стали сетовать, что “сброд” грозит наводнить побережье, а восточные ев-

реи, которых они так обзывали, жаловались, что при въезде в США эти “аристократические евреи допрашивали их, как преступников”» (там же, стр. 78). Может быть, поэтому корабль «Сент-Луис» с ашкенази на борту не был принят в 1939 г. американскими сефардами, потомками голландских и английских евреев, и вынужден был вернуться обратно, в Европу, где вскоре его пассажиры были погружены в вагоны и отправлены в восточноевропейские лагеря антисемитской Польши, в Освенцим и Дахау, над воротами которых изгибались громадные лозунги: «Работа – освобождает»...

«Эйхман стал работать под руководством офицера СС еврея Леопольда фон Мильденштейна, друга сионистов, который планировал “пробудить в возможно большем числе евреев стремление уехать в Палестину”». «Товарищи по СС удивлялись, как этот еврей Эйхман с ярко выраженным семитским носом попал в их круг <...>, но их обрывали: “Молчать! Приказ фюрера!”» (Х. Кардель, стр. 131).

А нацистская молодежь в это время, маршируя по улицам немецких городов, скандировала, запугивая еврейских обывателей: «Пускай они уедут в свой Иерусалим, и пусть их там встречает их прародитель Сим» (там же, стр. 59).

Но был ли легендарный Сим прародителем восточноевропейских евреев? И подтверждает ли история их семитское происхождение? На эти вопросы мысль человеческая в разные времена давала разные ответы.

* * *

Длительное время историческая наука считала, что восточноевропейское еврейство – это потомки евреев, которые в VII – VIII веках пришли вместе с арабами в Испанию, потом постепенно расползлись по западноевропейским сторонам, но, начиная с XII века, спасаясь от погромов и депортаций, происшедших в Англии, Испании, Португалии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии (это был первый «холокост», во время которого евреи потеряли около 40% своего этноса), они

перекочевали в Восточную Европу (в основном в Польшу и Галицию), где замкнулись от внешнего мира в местечковых гетто аж на несколько столетий.

Однако более тщательные исторические исследования, проведенные в XX веке, отвергли эту гипотезу.

После трудов еврейского историка Кастейна, книги Дугласа Рида «Спор о Сионе» и особенно после издания книги «Тринадцатое колено» А. Кестлера взгляд на происхождение восточного еврейства круто изменился.

Все они (и убедительнее всех венгерский еврей Артур Кестлер), с железной логикой доказали, что восточноевропейские евреи ашкенази являются прямыми потомками тюркского племени и никакой общей крови с западными евреями-сефардами не имеют. А объединяет их с семитами не кровь, а всего лишь иудейская вера, которую их предки хазары приняли в VII – VIII веках новой эры через константинопольских раввинов.

До конца XVIII века европейские народы считали евреями исключительно сефардов, сохранявших память о своем пути из Ханаана через Северную Африку и Испанию в Западную Европу. На таком длительном пути они, конечно, не могли сохранить полную расовую чистоту и полную сохранность иудаистской религиозной жизни, и потому некоторые историки считают их «нечистыми евреями», но присутствие в их жилах семитской крови несомненно, как несомненно и то, что они со страхом относились к своим якобы соплеменникам ашкенази, которые, не имея никаких оснований называть себя семитами, тем не менее имели перед сефардами преимущество в соблюдении всех расистских законов Торы, Талмуда и Шулхан Аруха благодаря замкнутой жизни в гетто под властью всемогущего восточноевропейского раввината.

Вот как описывает все эти противоречия в иудаистской среде Дуглас Рид:

«Западные, испанские евреи-сефарды в массе своей были против революции. Она была направлена не только против христиан, но и против них самих, поскольку в результате эмансипации в Европе сефарды в значительной сте-

пени ассимилировались и вышли из-под влияния старейшин иудаизма, терявших свою власть в итоге слияния множества евреев с остальным человечеством. Сегрегация была жизненно необходима талмудистскому иудаизму; интеграция означала его смерть <...>. До этого Запад знал только один вид “евреев”, и это были сефарды. По словам Кастейна, относящимся к тому времени, когда Дизраэли впервые указал на еврейское руководство революцией, “с этого момента можно говорить о восточных и западных евреях”. Фактически эти столь различные группы существовали независимо друг от друга около тысячи лет <...> многовековая, ничем не ограниченная власть раввинов в местечковых гетто спаяла восточных евреев в единую массу <...>. Они были идеальным материалом, представляя варваров азиатского происхождения, прошедших вековую талмудистскую тренировку в условиях строжайшего восточного деспотизма».

«Запертых в местечковых гетто восточных евреев-ашкенази заставляли сопротивляться эмансипации всеми возможными средствами, не останавливаясь, если нужно было, и перед убийствами».

«Автор этих строк долго жил в Европе и хорошо помнит, с каким недоверием и даже страхом западные евреи смотрели на восточных, видя в них угрозу насильственного возвращения в гетто к раввинскому абсолютизму. Немецкие евреи не говорили о восточных евреях иначе как с отвращением: “diese ostjuden”; восточные же, переселившиеся после Первой мировой войны из России и Польши в Германию, в свою очередь с презрением называли живших в Германии единоверцев “diese Berliner”!»

Я предвижу, какие могут быть возражения этой системе аргументов. Когда я привел их в разговоре с трезво мыслящим историком и публицистом еврейского происхождения, он поморщился: «Дуглас Рид – человек правых англо-саксонских взглядов, он ведь был близок к Генри Форду с его тенденциозной книгой о еврействе!» Поэтому, чтобы достичь предельной объективности в этом щепетильном вопросе, мы

приведем несколько выдержек из энциклопедии «Холокост», созданной коллективом еврейских историков во главе с американским куратором Уолтером Лакером, которых ни в коем случае невозможно заподозрить ни в какой «антисемитской тенденциозности».

Энциклопедия впервые была издана в Лондоне в 2001 году, а переведена и переиздана в России издательством «Росспэн» в 2005 г. с помощью посольств США и Франции, при участии Института толерантности Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы.

Из энциклопедии «Холокост», статья «Британские евреи»:

«В 1930-х годах британские евреи пережили период глубоких и болезненных социальных перемен. Небольшая, но уважаемая община сефардов утратила свое доминирующее положение. Ведущую роль перехватила элита богатой ашкеназской общины, представители которой возглавили руководящие органы британского еврейства».

«Британских евреев разделяло многое: происхождение, принадлежность к разным поколениям и классам, место жительства, идеология иммигрантов из восточной Европы, приверженных еврейскому традиционализму, оскорблял патернализм англизированной элиты. Европейская молодежь, родившаяся в Великобритании (преимущественно рабочие), чувствовала отчуждение от культуры родителей иммигрантов (то есть уходила из-под власти Талмуда и раввината. – *Ст. К.*), но в то же время слабо приобщалась к духовным ценностям основной части англо-еврейского общества».

К этому можно добавить, что евреи-сефарды в то время уже глубоко просочились в слой британской аристократии: «виконт Герберт Сэмюэл», «лорд Рединг», «лорд Мелчетт» – такого рода титулы уже не удивляли высшее общество. Да и сам Уинстон Черчилль по материнской линии, как утверждают некоторые источники, был полукровкой, подобно Рудольфу Гессу.

Но тем не менее, когда после аннексии гитлеровским Рейхом Австрии наплыв еврейских иммигрантов в Англию резко увеличился, «еврейские комитеты спасения, – сообща-

ет энциклопедия «Холокост», – не могли ни пропустить массы евреев, желавших попасть в Великобританию, ни обеспечить их гарантиями». Тогда Отто Шифф, глава временного убежища для евреев, предупредил английские власти, «что Комитет помощи немецким евреям больше не в силах справляться с административными и финансовыми проблемами и предложил временно приостановить въезд беженцев в страну» (! – *Ст. К.* Стр. 98). «Называя австрийских евреев лавочниками и мелкими торговцами, Шифф настойчиво побуждал их либо вписаться в британский образ жизни, либо реэмигрировать. Подобные предрассудки ограничивали возможность въезда в Великобританию евреев-ортодоксов» (энциклопедия «Холокост», стр. 100).

«После падения Франции (1940) новый премьер-министр У. Черчилль приказал ввести массовое интернирование иностранцев на том основании, что в их среде могла скрываться “пятая колонна” (! – *Ст. К.*). К началу июня 1940 г. было задержано около 27 тысяч беженцев, из них 5 тысяч высланы в Канаду и Австралию. Поначалу британские евреи весьма пассивно относились к массовому интернированию еврейских беженцев, в том числе и тех, кто уже прошел через Дахау и Бухенвальд. Такая политика была едва ли не одобрена влиятельной газетой “Европейская хроника”, выпуск от 17.05.1940 г.» (стр. 100).

«Британские евреи по большей части стремились эмоционально дистанцироваться от событий в Европе» <...> «18 июня 1944 г. Хаим Вейцман в нарушение принятого ритуала выступал на пленарной сессии Депутатского совета с речью, в которой подверг резкой критике британских евреев».

«Составной частью британо-еврейской идеологии стала точка зрения, согласно которой в антисемитизме в какой-то степени виноваты сами евреи» (энциклопедия «Холокост», стр. 102).

Позиция американских евреев была не лучше английской.

«Религиозные обычаи восточноевропейских евреев, консервативные и традиционные, нелегко приспосабливались к протестантской культуре США <...> враждебность к приехавшим раньше иммигрантам из Германии и Центральной Евро-

пы подогревалась классовыми и культурными различиями. Достаточно сказать, что немецкие евреи назывались "верхний город" (uptown), а восточноевропейские – "нижний город" (downtown).

В первую очередь разногласия выражались в том, что евреи "нижнего города" (ашкенази. – *Ст. К.*) продолжали считать себя народом особым, избранным и тяготели к сионизму» (энциклопедия «Холокост», стр. 25).

В какой-то степени это отношение англо-саксонского и сефардского истеблишмента к ашкенази было, видимо, и своеобразной местью за те варварские методы, которыми пользовалась «местечковая братва» во время захвата власти и во время гражданской войны в России.

Как бы то ни было, такая политика британской и американской элиты независимо от ее целесообразности объективно увеличивала масштабы того явления, которое сегодня называется Холокостом.

Но после окончания войны американские ашкенази взяли реванш. Борьба двух еврейских сил закончилась, как и должно было быть, капитуляцией одной из них.

В 1954 году в Нью-Йорке состоялась мировая конференция евреев-сефардов, участники которой вынуждены были признать свое поражение в длительной столетней борьбе с «местечковыми ордами» и пришли к горестному заключению, что из почти 12 миллионов евреев, живущих на земном шаре, только 1 млн 744 тысячи (около 15%) могут считаться сефардами, и что лишь 52 тысячи из этих пятнадцати процентов живут в Западной Европе, где в прежние времена других евреев, кроме сефардов, просто не было.

Дуглас Рид, вспомнив, что в течение всего предыдущего столетия европейские сефарды предостерегали Западную Европу о надвигающейся местечковой опасности, с иронией заметил: «В наказание их (сефардов. – *Ст. К.*) подвергли "отлучению" путем самой удивительной операции, когда-либо проделанной статистиками над целым народом: сефарды в течение одного столетия были объявлены фактически исчезнувшими (подобно

“исчезнувшим” таким же образом много раньше десяти “коленам Израиля”) за то, что они “перестали верить в свое особое предназначение, отличающее их от соседей”».

Такова была «кровная месть» потомков хазар по отношению к своим сводным семитским «братьям-отступникам».

Исторический реванш «неразумных хазар» состоялся. Капитуляция сефардов была принята мировым сообществом. Пророчества лорда Дизраэли оправдались. Однако эта победа имеет свою историю.

* * *

В 1897 году Теодор Герцль со своими единомышленниками предложил евреям «всего мира» собраться в Мюнхене на I Сионистский конгресс. Европейские сефарды в большинстве своем отказались от этой авантюры. Американские евреи заявили, что они не ожидают «ни возвращения в Палестину, ни восстановления каких-либо законов, касающихся еврейского государства».

Раввины Германии заняли ту же позицию, мюнхенские евреи поддержали их, и Конгресс пришлось проводить не в Мюнхене, а в Базеле.

Когда 197 делегатов прибыли в Базель на «Всемирный конгресс», оказалось, что все они из Восточной Европы, и среди них, к удивлению «отца сионизма» Теодора Герцля, почти половина участников была из России. Обескураженный Герцль поразился их появлению на арене истории, их местечковой агрессивной сплоченности:

«Перед нами вдруг поднялось русское еврейство, о силе которого мы даже не подозревали. Семьдесят делегатов прибыли из России, и всем нам было ясно, что они представляют мысли и чувства пяти миллионов евреев этой страны. Какое унижение для нас, не сомневавшихся в своем превосходстве».

Восторженный романтик Герцль! Он-то мечтал о создании государства в Палестине как о прекрасной утопии, в которой, по его словам, – «богатым евреям, принужденным

теперь прятать свои сокровища и пировать при опущенных шторах, там можно будет свободно наслаждаться жизнью». Наивный человек, представляющий государство евреев как государство исключительно богатых людей, как какой-нибудь Лазурный берег или нынешний Куршевель, как «праздник, который всегда с тобой», как Рио-де-Жанейро Остапа Бендера, где все ходят в белых брюках.

Но государственность нельзя купить. На деле строителям этого государства пришлось шагать по трупам сначала англичан, потом мирных палестинских феллахов, вооружаться до зубов, расширять пределы своих завоеваний, спать в обнимку с автоматами «узи», тайно от всего мира создавать атомное оружие, выучиться всем навыкам терроризма... И все это могли осуществить лишь местечковые фанатики, появление которых на авансцене истории с ужасом предвидел британский сефард лорд Биконсфильд-Дизраэли. А чем закончится этот кровавый проект, пока что не знает никто, разве что один Господь.

Из истории известно только одно: христианство овладело душами сотен народов, построивших несколько десятков больших и малых государств. Мусульманство по количеству объятого им населения Земли и по числу государств, возникших на базе ислама, не уступает христианству. Буддизм охватил сотни миллионов жителей юго-восточного ареала земли, и все государства с народами, исповедующими учение царевича Гаутамы, подтвердили свою жизнестойкость. Вот какова была роль трех великих мировых религий в создании целых цивилизаций. В их число особой могучей ветвью входит православие.

Иудаизм же рядом с ними – отнюдь не мировая, а всего лишь племенная религия, которую приняли в течение земной истории только два племени – древние евреи и тюрки-хазары. И оба эти народа утратили свою государственность, как будто в иудаизме с незапамятных времен живет разрушительный вирус рассеяния, аннигиляции, самоуничтожения. Словно бы в его ДНК заложен мистический ген, отторгающий зарождение

государственной «ткани», а говоря точнее, ген расизма, питающий манию избранности и препятствующий созданию органического полноценного государства, которое во все времена возникало, чтобы объединять людей разных верований и разных национальностей. Да, древняя Иудея и древняя Хазария просуществовали какие-то небольшие исторические сроки, но иудаистская идея избранности в конце концов подточила изнутри основы их существования. Государство Израиль живет полвека с небольшим, но посмотрим, надолго ли его хватит. Поистине, как гласит древнечеловеческая мудрость, народ, выбирающий веру, – выбирает судьбу.

Дуглас Рид в «Споре о Сионе» достаточно мудро и взвешенно прокомментировал эту историческую драму:

«Возможно, что за 500 лет до Рождества Христова эти амбиции не выглядели чрезмерно фантастическими в среде примитивных ближневосточных племен и на ограниченной территории известного тогда мира; однако, перенесенные в наш глобальный век (эти слова писались 60 лет тому назад. – *Ст. К.*), они представляются патологической манией величия, силящейся навязать всему миру древние племенные вожделения, порожденные в условиях стычек мелких племен далекой древности».

А еще в «Споре о Сионе», в главе, касающейся создания государства Израиль, есть одно пророчество, особенно актуальное сегодня, после ряда арабо-израильских войн, после иракской войны и особенно после того как в современной истории завязался ирано-израильский узел:

«С образованием Всемирной сионистской организации, которую западные державы вскоре признали как власть, стоящую выше их самих, эта “жгучая проблема” стала управлять ходом исторических событий. То, что от нее зависит и “будущее всего мира”, стало ясно в 1956 г., когда заканчивалась эта книга; в начале этого года политические руководители Америки и Англии вынуждены были с досадой и горечью признать, что следующая мировая война может начаться в любой момент именно в том месте, где они устроили еврейское государство, и

они мечутся с тех пор взад и вперед по земному шару, пытаясь предупредить это “завершение”».

Что ж, как говорит русская народная пословица, – за что боролись, на то и напоролись...

* * *

В 1922 году в Берлине вышла в свет брошюра, на титуле которой было напечатано: «Ахадъ Хамъ (Ашеръ Гинцбергъ). Тайный вождь иудейский». Автором брошюры был объявлен некий L. Fry, переводчиком с французского на немецкий – Ф. Винберг. Перевод был сделан с публикации из журнала «La vielle France». Суть этой публикации заключалась в попытке доказать, что автором «Протоколов сионских мудрецов» был отнюдь не основоположник политического сионизма Теодор Герцль (такая версия имела хождение), а подданный Российской империи, еврейский религиозный и политический деятель Ашер Гинцберг, публиковавшийся в те времена под псевдонимом «Ахад Хам» («один из народа»). Гипотеза эта базировалась на том, что «Протоколы» сначала были якобы написаны на древнееврейском языке, которым не владел Герцль, но который в совершенстве знал Гинцберг, и что оригинал этого документа, написанного на иврите, не только видели (аж в 1890 году!) некие евреи, жившие в Одессе, но и в руках его держали. Но перевод на французский язык был будто бы сделан специально для участников I Базельского конгресса сионистов (1897 год), не знавших иврита, и одна из «французских» копий попала в руки Сергея Нилуса. Отсюда и потянулась вся дальнейшая запутанная и до сих пор еще темная история знаменитого манифеста сионских мудрецов.

Гипотеза эта в брошюре не выглядит достаточно аргументированной, однако сама публикация, если не обращать внимания на антиеврейские банальности, типичные для патриотической немецкой прессы тех лет, содержит в себе немало свидетельств и фактов, полезных для объективного историка и проливающих некоторый свет на историю Холокоста.

Ашер Гинцберг, как утверждает автор брошюры, «родился в Сквире Киевской губернии 5 августа 1856 г. Его родители принадлежали к еврейской секте хасидов <...>, в семнадцать лет он женился на внучке Менахема Менделя, знаменитого раввина из Любавичей»...

Надо сказать, что поскольку раввинат в современном иудаизме – высшая кастовая власть, то такого рода брак можно считать приобщением к правящей династии восточного еврейства.

«В 1886 г. он окончательно поселился в Одессе», где основал тайное общество «Бне Мойше» («Сыны Моисея»). К тому времени он начинает получать крупную финансовую поддержку от известного еврейского торговца чаем К. Высоцкого.

Название общества объясняется особым поклонением Гинцберга пророку Моисею, а также тем, что «в течение ряда веков евреи верили, что существует где-то в неведомом месте ответвление еврейского племени, совершенно отделенное от прочих своих соплеменников и состоящее из прямых потомков по прямой линии Моисея. Эти “сыны Моисея” будто знают тайну, открывавшую способы и средства, с помощью которых евреям суждено добиться покорения всего мира» (из брошюры об Ахад Хаме).

Гинцберг с группой своих соратников принял участие в Базельском конгрессе сионистов и когда выяснил намерения вождей западноевропейского сионизма, их идеологию и тактику, то «сделался определенным их противником. Существовавший в то время официальный сионизм он прозвал “политическим”, свой же собственный “духовным”, или “практическим” <...>. “Политический сионизм” Герцля был исполнительным органом независимого ордена “Бнай Брит” и группировал вокруг себя всех евреев Западной Европы и Америки» <...> «“Практический сионизм” Ахад Хама собрал под свое знамя евреев Восточной Европы».

Вскоре между Герцлем и Ахад Хамом возникла ожесточенная полемика. Герцль, как сказано во французской брошюре, «был евреем западным, “ассимилированным” и ни-

когда не испытывал беспощадной ненависти к неевреям». Он призывал евреев к тому, чтобы они чувствовали себя гражданами тех стран, где они жили в диаспоре, не порывали с их культурой, языком, образом жизни, даже к ассимиляции он относился спокойно, чего фанатик будущего национал-сионистского Израиля не мог принять. И когда Герцль в 1903 году издал роман «Старая новая родина», в котором изложил свои взгляды на сионизм, Ахад Хам впал в ярость и жестоко высмеял западного либерала Герцля в своем журнале. Ближайший сподвижник Теодора Герцля Макс Нордау заступился за основоположника политического сионизма:

«Ахад Хам упрекает Герцля в желании подражать Европе. Он не может допустить и мысли, чтобы мы перенимали у Европы ее академии, ее оперы, ее “белые перчатки”. Единственное, что он хотел бы перенести из Европы в “старую новую родину”, – это принципы Инквизиции, приемы и способы действий антисемитов, ограничительные законы Румынии в той форме, в какой они нынче принимаются против евреев. Такие чувства и мысли, им высказанные, могли бы вызвать ужас и негодование против человека, неспособного подняться выше уровня гетто <...>. Идея свободы – выше его понимания. Он представляет себе свободу в виде гетто, но только с переменой ролей; так, например, по его мнению, преследования и угнетение должны существовать по-прежнему, но с тою разницей, что уже не евреи будут их жертвами, а христиане.

Великую ошибку совершают те евреи, которые доверяют Ахад Хаму! Он ведет их к пропасти».

Однако после того как Герцль в 1904 году умер при весьма таинственных обстоятельствах, на двух ближайших сионистских конгрессах (1911-го и 1913 года) восточные комиссары, возглавляемые Ахад Хамом, Хаимом Вейцманом, Захером и другими отморозками еврейства, сокрушили сопротивление толерантных сторонников Герцля.

«На этих конгрессах сионисты “политические” “Бнай Брита” приняли всю программу сионизма “практического” восточных евреев <...> принуждены были уступить свое место

восточным евреям, русским, румынским, галицийским, прошедшим школу Ашера Гинцберга».

О том, что просвещенные образованные российские евреи опасались своей дикой родственной ветви, живущей в черте оседлости, свидетельствует деятельность И. Гурлянда, о которой личный секретарь Григория Распутина Арон Симанович пишет так: «Господин Гурлянд по рождению своему еврей, сын раввина в Одессе, перешедший уже взрослым в христианство, сделался страшным юдофобом... Он был главным редактором правительственной газеты “Россия”... Он имел сильное влияние на царя в еврейском вопросе. Я подозреваю даже, что фактическим застрельщиком процесса Бейлиса был Гурлянд. Во всяком случае, он был неофициальным руководителем по этому поводу проводимой антиеврейской пропаганды. Совещание о том, как использовать этот ритуальный процесс вообще в борьбе с еврейством, состоялся на его квартире».

Последнюю попытку разобраться в отношениях сефардов и палестинских арабов со «спецназом Ахад Хама» сделал в 1912 году один из ярчайших публицистов сионизма, Владимир Жаботинский.

«У нас, евреев, с так называемым “Востоком” ничего общего нет, и слава Богу. Поскольку у наших необразованных масс (читай «ашкенази». – *Ст. К.*) имеются духовные пережитки, напоминающие “Восток”, надо наши массы от них отучить, чем мы и занимаемся в каждой приличной школе <...>. Идем мы в Палестину, во-первых, для своего национального удобства, а во-вторых, как сказал Нордау, чтобы “раздвинуть пределы Европы до Евфрата”; иными словами, чтобы начисто вымести из Палестины, поскольку речь идет о тамошнем еврействе нынешнем и будущем, все следы “восточной души”. Что касается до тамошних арабов, то это их дело; но если мы можем им оказать услугу, то лишь одну: помочь и им избавиться от “Востока”».

«Поскольку же нам в течение переходного периода или после придется в Палестине жить среди окружения, пропитан-

ного дыханиями “Востока”, – будь это окружение арабское или староверо-еврейское, все равно – рекомендуется тот жест, который каждый из нас невольно делает, когда проходит в пальто по узким “восточным” улицам Стамбула, или Каира, или Иерусалима: запахнуть пальто, чтобы как-нибудь не запылилось, и смотреть, куда поставить ногу. Не потому, что мы евреи; и даже не потому, что мы из Европы; а просто потому, что мы цивилизованные люди» (В. Жаботинский. Избранное. Израиль, 1978 (статья «Восток», 1912))

Конечно же, это исповедь «цивилизованного колонизатора». Но чтобы показать бесчеловечную последовательность одного из идейных основателей сионизма, приведу еще одно его высказывание, полное предельного высокомерия и полной уверенности в том, что судьбами народов можно распоряжаться, как деревянными фигурками на шахматной доске:

«Европа морально “наша” <...> этический пафос, создавший все ее освободительные движения, легший в основу ее социальных переворотов, вскормлен нашей Библией <...>. Ее экономический прогресс был бы немыслим без международной торговли и без кредита <...> от “Авицеброна” до Эйнштейна десятки тысяч индивидуальных евреев в разных странах лично делали науку, философию, художество, технику, политику и революцию, одни на высотах мировой славы, как Спиноза, или Гейне, или Дизраэли, или Маркс, другие во втором, и третьем, и десятом ряду...»

«Европа наша; мы из ее главных созидателей <...> мы начали ее строить еще до того, как начали ее строить афиняне. Ибо главные черты европейской цивилизации: недовольство, “богоборчество”, идея прогресса <...> эти черты дали Европе мы».

«Может быть, мы больше всякого другого народа имеем право сказать: “западная” культура есть плоть от плоти нашей, кровь от крови, дух от нашего духа. Отказаться от “западничества”, сродниться с чем-либо из того, чем характерен “Восток”, значило бы для нас отречься от самих себя <...> и соседям нашим по Азии желаем того же: скорейшей ликвидации “Востока”» (там же, стр. 255–256).

Красиво все изложено. Но если внимательно вдуматься в эту отлакированную Жаботинским историю, то станет очевидным, что он приписал евреям строительство всей европейской цивилизации и умолчал о том, какую страшную цену уплатили народы Европы за участие в этом строительстве евреев: захват реальной политической власти еврейскими кланами, взращивание и финансирование почти всех европейских революций домом Ротшильдов и другими финансовыми магнатами Европы, разрушение национальных государств, внедрение в людские души атеистического мышления, выдавливание, выхолащивание христианства из жизни народов, работорговля и создание мировой колониальной системы, организация войн мирового масштаба, унесших десятки миллионов жизней и знатных сословий Европы и европейского простонародья. Да и, в конце концов, создание общества потребления, являющегося последней ступенью к уничтожению всей земной цивилизации.

В сущности, если отвлечься от деталей, Жаботинский еще в 1910–1915 годах сказал многое из того, что было повторено нацистской верхушкой, состоявшей из «четвертинок», «полтинников» и даже стопроцентных евреев.

Они втайне считали себя потомками сефардов, что давало им право свысока смотреть на восточноевропейское, дикое, «хазарское» еврейство, хлынувшее во время Первой мировой войны в города Центральной и Западной Европы.

Сам Жаботинский, видимо, происходил из ашкенази, но очень хотел стать сефардом. И в этом была его противоречивая раздвоенность, его мировоззренческая шизофрения, и даже несовпадение его внешнего облика с убеждением об избавлении европейских евреев от всего «восточного».

В 1989 году в сборнике «Перестройка и еврейский вопрос», изданном Антисионистским советским комитетом, было опубликовано письмо девяностолетнего харьковского еврея П. Довгалевского о том, как он, юный гимназист, в 1910 году встретился в Харькове с молодым Жаботинским.

«Низенький, смугловатый, с некрасивым обезьяньим лицом, говоря со мной о сионистском движении, о будущем

еврейском государстве, этот человек совершенно преобразился. Он словно вырос, глаза его горели, лицо стало одухотворенным, прямо-таки прекрасным... Жаботинский напомнил мне протопопа Аввакума, Савонаролу, библейских пророков и яростных членов Синедриона»... но «вряд ли видели Жаботинские в мареве своих грез военизированные поселки на склонах гор и в опутанных колючей проволокой долинах, где люди ложатся спать с винтовкой в головах и с пистолетом под подушкой <...>. Как не похож сегодняшний Израиль на то царство, какое рисовалось в мечтах Жаботинскому. Это государство создало свое счастье на несчастье других. Оно изгнало с земли за свои пределы жившее в Палестине арабское население и сотни тысяч людей обрекло на скитания вдали от родины. Сегодняшние сионисты сами посеяли ветер и, если не поумнеют и вовремя не спохватятся, обязательно пожнут бурю».

Но наш прекраснодушный харьковчанин идеализировал в своих воспоминаниях Жаботинского, потому что последний как раз в те годы, когда произошла встреча двух молодых людей в Харькове, писал: «Мир в Палестине будет, но будет тогда, когда евреи станут большинством или когда арабы убедятся в неизбежности такого исхода; то есть именно когда им станет ясно, что “решение проблемы” не зависит от их согласия» (В. Жаботинский. Избранное. Стр. 248).

Вот это уже слова не мальчика, но мужа, сказанные погитлеровски за тридцать лет до «окончательного решения вопроса» и до начала Холокоста.

* * *

В отличие от образованных сословий народов Западной Европы и западных сефардов, российские сефарды и русская интеллигенция (дворянская, творческая, чиновная, клерикальная и прочая) знали, что представляют из себя революционеры хазарского происхождения.

Знали, но не до конца. Потому что даже самые проницательные из них не ожидали, что произойдет после двух рево-

люций 1917 года с выдрессированной раввинами массой местечковой молодежи, которая вырвется из-под власти своих жрецов-дрессировщиков и бросит «в мир, открытый настежь бешенству ветров» (Э. Багрицкий) черную энергию своей талмудической ненависти к этому открытому «и для эллинов и для иудеев» бескрайнему христианскому миру. Освободившись от всех внешних оков иудаистского гетто, это поколение ни на йоту не освободилось от чувства, которое Эдуард Багрицкий назвал «мщенье миру».

Василий Витальевич Шульгин, знавший эту публику по Украине и Галиции, так отзывался о них в книге «Что нам в них не нравится». Сначала его поразили «лапсердаки и фантастические пейсы, которые можно было видеть на старинных картинках. Я их впервые увидел “живыми” в 1914 году, когда наши войска вошли в Гатчину; там в полуразрушенном местечке Рава Русская я видел евреев, как бы сошедших со старинных гравюр». Но через три года он писал о них уже куда как с более глубоким знанием: «Коммунисты ухитрились вытащить на социальные верхи <...> тучи мрачных жидов, выскочивших из гетто. Правда, без пейсов, но с косматыми сердцами, а в разряд париев посадили недорезанную часть русского культурного класса» («Что нам в них не нравится», стр. 171).

Октябрьский переворот поставил под власть местечковых плебеев российское аристократическое еврейство. Оно, боровшееся за права «меньших братьев», получившее после Февральской революции все гражданские права, все политические и экономические перспективы, после Октября враз потеряло их и рассталось со всеми своими привилегиями, со всеми надеждами на участие в будущих парламентских и прочих демократических структурах. Однако российские сефарды, в отличие от западных, не сдались местечковым якобинцам, как овцы. Впервые это сопротивление показало себя жарким летом 1918 года.

20 июня 1918 года при не до конца выясненных обстоятельствах в Питере был убит Моисей Гольдштейн, лодзинский приказчик, который сначала эмигрировал из Польши в Америку, а потом в 1917 году на «корабле Троцкого» под фами-

лией Володарский прибыл в Петроград, где стал комиссаром Северной коммуны по делам печати, пропаганды и агитации. ЧК арестовало несколько человек, якобы участвовавших в заговоре, кого-то расстреляли, но шумной кампании из дела не получилось. Фигура была незначительная.

Гораздо более громким и трагическим по своим последствиям стало покушение на другого «красного Моисея» – шефа Петроградского ЧК Урицкого. Именно оно, совершенное 30 августа, в тот же день, что и покушение на Ленина в Москве, стало поводом для того, чтобы 2 сентября 1918 г. ВЦИК, где командовал Яков Свердлов, объявил Советскую республику военным лагерем, а 5 сентября Совнарком принял постановление о «красном терроре».

Словом, знойное лето 1918 года изобиловало событиями, столкнувшими Россию в пропасть гражданской войны: левоэсеровский мятеж, мятеж чехословацких военнопленных, страшный декрет о борьбе с антисемитизмом, написанный рукой Якова Свердлова, подписанный Лениным и опубликованный 27 июля 1918 г., через 9 дней после зверского убийства царской семьи. А тут еще несколько покушений. Ну как после этого обойдешься без «красного террора»!

Убийцей Моисея Урицкого оказался молодой человек Леонид Канегиссер, выросший в почтенной сефардской семье. Его дед Самуил был военным врачом, получившим потомственное дворянство в 1884 году, отец Иоаким был знаменитым инженером с европейским именем. В доме отца бывали многие аристократы Петербурга, вплоть до министров.

Леонид Канегиссер дружил с Есениным и бывал у него в Константиново, писал талантливые стихи и восторгался февральской революцией, которая дала ему, крещеному еврею, равноправие и открыла двери в Михайловское артиллерийское училище, сделала юнкером, а впереди его ожидало офицерское звание. Канегиссер был благородным человеком.

И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о мать,

И буду в покинутом поле
С простреленной грудью лежать,

Тогда у блаженного входа
В предсмертном и радостном сне
Я вспомню – Россия, свобода,
Керенский на белом коне.

Однако одновременно он состоял в сионистской организации, но «гертцлевского», сефардского типа, а люди такого склада презирали и боялись Урицкого. Один из них, врач Моисей Грузенберг, в те дни отозвался о Канегиссере так: «Он из лучшей семьи Петрограда, и священный долг его был убить Урицкого. Я даже не остановился бы благословить моего сына, чтобы он убил такого мерзавца».

Но убийство Урицкого и покушение на Ленина вызвало ответную волну жестокости со стороны высших функционеров власти. Н. Бухарин откликнулся статьей с многозначительным названием «Ленин – Каплан, Урицкий – Канегиссер», расследовать «дело Урицкого» в Питер приехал сам Дзержинский, который и допрашивал Канегиссера (материалы допроса не сохранились). Нарком внутренних дел Петровский обратился с циркулярной телеграммой ко всем Советам с требованием развернуть «красный террор»: «Ни малейшего колебания при применении массового террора».

И террор начался. Самый кровавый – в Питере и в Москве. Но и провинция не отставала. На Валдае, к примеру, известнейший русский публицист Меньшиков был расстрелян на глазах у жены и детей без суда и следствия. Был ли террор спровоцирован этими покушениями – до сих пор неясно. Но местечковые Робеспьеры воспользовались ими на полную катушку.

Из воспоминаний А. Мариенгофа:

«Стоял теплый августовский день... На улице ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди

несли стяг, на котором было написано: “Мы требуем массового террора”».

Первый список заложников, начинавшийся с фамилий великих князей, появился в «Красной газете» 6 сентября 1918 г. Он состоял из фамилий бывших банкиров, купцов, владельцев типографий, бывших офицеров, правых эсеров, фабрикантов и прочей «монархическо-буржуазной сволочи». Для острастки сефардов, одобрявших поступок Леонида Канегиссера, в списке было несколько представителей «еврейской аристократии»... Но из дальнейших списков фамилии такого рода исчезли. Списки были подписаны чекистами Г. Бокием и А. Иоселевичем. На следующий день после покушения на Урицкого было «пущено в расход» 929 человек бывших дворян, чиновников, офицеров и членов их семей.

Внешне покушение на Урицкого выглядело как отмщение молодого поэта за смертный приговор, вынесенный Петроградским ЧК другу Канегиссера по артиллерийскому училищу еврею Владимиру Перельцвейгу, который якобы руководил заговором в училище против власти Зиновьева – Урицкого. Но одновременно покушение это выглядело, с точки зрения евреев-сефардов, как отмщение за их «февральскую Россию», как кульминация распри между ашкенази (Урицкий) и сефардами (Канегиссер). Но для обывательской еврейской среды в целом оно было и как гром среди ясного неба: «еврей убил еврея!» Этого не допускали ни законы Моисея, ни правила Талмуда, ни заповеди Шулхан Аруха.

Что же касается произошедшего одновременно покушения на Ленина, то, видимо, ни мотивы, ни причины его никогда не будут выяснены. Поставить Фанни Каплан рядом с Канегиссером? – не получается. Тогда она должна быть сефардкой, еврейской аристократкой, просвещенной дамой, а не местечковой «жидовкой». Версия «мести Ленину» сефардами неубедительна, поскольку он был крещеным в православие, стал образованным юристом, блистательным политическим журналистом с незаурядными задатками философа и историка, русским человеком по отцу. Да и мать

его, полукровка из немецко-еврейского семейства врачей Бланков, отнюдь не местечкового, была куда ближе к Дизраэли, нежели к Урицкому.

Его полное равнодушие к иудаизму, атеистический склад натуры и последовательная борьба за ассимиляцию российского еврейства не дают основания принять эту гипотезу.

Меня всегда удивляли наши патриоты, придававшие фатальное значение четвертушке еврейской крови, пульсировавшей в ленинских венах и артериях. На мой взгляд, Ленин относился к еврейскому засилью в революции куда более раздраженно и скептически, нежели Сталин. Более того, он позволял себе такие высказывания о еврействе, на которые сам Сталин никогда не решался.

Помнится, что в одном из сочинений 1913 года Ленин неожиданно заявил о том, что в нашем черносотенстве помимо всяческой интеллигентской «затхлости» есть здравое ядро – «грубый мужицкий демократизм».

А в начале 20-х годов он же предупреждал Сталина, чтобы последний умел сопротивляться авторитетам и воле еврейских партийных функционеров, а то ведь, заметил Ленин, «на шею сядут».

Незадолго до революции живший в Швейцарии, Ленин встретился с двумя людьми, приехавшими из России, о чем написал в письме:

«Один еврей из Бессарабии, видавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ, брат-бундовец и т.д. понатерся, но лично неинтересен... Другой воронежский крестьянин из старообрядческой семьи. Черноземная сила. Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать».

Недаром Есенин в «Анне Снегиной» на вопрос своих земляков: «Скажи, кто такое Ленин?» – отвечает: «Он – вы»; а Николай Клюев в 1919 году пишет знаменитые строки: «Есть в Ленине керженский дух, диктаторский окрик в декретах. Как будто истоки разрух он ищет в поморских ответах».

Да, Ленин признавал, что без местечкового еврейства революция потерпела бы поражение:

«Эти еврейские элементы были мобилизованы против саботажа. Таким образом они имели возможность спасти революцию в этот критический период. Мы имели возможность захватить административный аппарат только потому, что имели под руками этот запас разумной, образованной рабочей силы».

По некоторым данным, количество «разумной образованной рабочей силы», хлынувшей в Центральную Россию из-за «черты оседлости» и занявшей почти все большие и малые административные должности, в том числе и ЧК, составляло более миллиона человек.

За эту поддержку «революции» (то есть за спасение большевистской власти) Ленину пришлось заплатить большую цену, в том числе и подписать чудовищный декрет «о борьбе с антисемитизмом».

Но в своих стратегических планах Ленин рассчитывал после достигнутой стабильности все-таки уменьшить еврейское влияние в высших эшелонах власти.

В конце 1922-го – начале 1923 года он обратился с письмом к XIII съезду партии («Завещание» Ленина), в котором попытался совершить своего рода переворот в Центральном Комитете ВКП(б).

«Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе» <...>. «В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни» (в ЦК тогда было 27 человек. – *Ст. К.*).

По предложению Ленина в новый ЦК должны были войти люди, «стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян <...> Я предлагаю съезду выбрать 75–100 рабочих и крестьян... Выбранные должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК» (т. 45, стр. 343, 348, 384).

Так что местечковому большинству в государственном аппарате было чего бояться. Однако партийные верхи отвергли ленинское предложение, а Троцкий написал в ЦК письмо о том, что такое «расширение» ЦК лишит его «необходимой

оформленности и устойчивости» и «нанесет чрезвычайный ущерб точности и правильности работ ЦК». Вся еврейская часть ЦК поддержала Троцкого, и сущность ленинского письма была сведена к ленинским характеристикам кандидатов на роль генсека, в то время как идея расширения ЦК была куда более важной. Неудивительно, что среди «старых партийцев» распространились слухи, что Ленин после инсульта не в себе, потому и предлагает утопические и вредные для партии реформы. Ленин был действительно болен и, несмотря на свой авторитет, не мог уже провести в жизнь решение, которое сделало бы ЦК более «народным» и более «русским».

А письмо это настолько было революционным (или контрреволюционным, с точки зрения «иудушки Троцкого») и опасным для партийных верхов не только 1923 года, но и будущих времен, что его полностью опубликовали лишь в 1956 году.

В сущности, Ленин предлагал то, что осуществил Сталин во второй половине 30-х годов. Ленин, в отличие от Сталина, обладал мастерством открытой политической борьбы, никогда не скрывал своих планов и убеждений, и это обстоятельство могло настроить против него его ближайшее еврейское окружение. Некоторые нынешние историки выдвигают гипотезу о том, что летом 1918 года в центре такого заговора мог стоять Свердлов. А история с Каплан таинственна настолько, что даже имя ее подлинное в одних источниках публикуется как «Дора», а в других – «Фанни».

«Дело Канегиссера» исследовано до мельчайших подробностей, о нем написаны романы, воспоминания, исторические очерки... Об этой же местечковой «Шарлотте Корде» неизвестно абсолютно ничего, кроме того что сразу после неудачного дилетантского покушения таинственная фурия была доставлена на допрос к председателю ВЦИКа («президенту») Янкелю Свердлову и через три дня следствия (от которого не осталось никаких документов) была расстреляна.

Наверное, тайна эта никогда не будет раскрыта. Любопытны суждения Шульгина о Ленине из книги «Что нам в них не нравится».

«Гениальность Ленина и состояла в том, что он в водворившемся хаосе увидел еврейского кита, который плыл среди урагана; уселся ему на спину и поехал к своей цели <...> Народная молва, чувствующая истинное положение дела, но расцвечивающая его в легендарные краски, утверждает, что Ленин в конце концов возмутился, когда понял, что он только еврейская пешка. И тогда будто бы евреи убили его утонченным и тайным ядом» (стр. 100).

Но как бы то ни было, воспользовавшись двумя оглушительными покушениями, совершенными в один день – 30 августа 1918 года, наши ашкенази развязали «красный террор», число жертв которого до сих пор неизвестно. Одни источники говорят о тысячах, другие о десятках тысяч, третьи о сотнях...

Столица погрузилась в ужас. Все, что потенциально могло сопротивляться, было раздавлено. Не исключено, что и благородный порыв Канегиссера был включен в общую схему этой исполинской провокации.

«Мы сошлись с Осипом Мандельштамом первого мая 1919 года, – пишет в своих «Воспоминаниях» вдова поэта Надежда Мандельштам, – и он рассказал мне, что на убийство Урицкого большевики ответили “гекатомбой трупов”».

Но те, кто в 1918 году во время «красного террора» посеяли ветер, через 20 лет во время «большого террора» пожали бурю.

А что касается сегодняшних оценок истории, то ни Володарский, ни Урицкий, ни Канегиссер, ни несколько десятков благонамеренных сефардов не зачисляются в холокостный поминальник, в отличие от некоторых еврейских жертв 1937–1938 годов, Еврейского антифашистского комитета, «дела Михоэлса» и «дела врачей».

* * *

Анализируя события начала века, Василий Витальевич Шульгин пришел к неутешительному выводу о фундаментальном вкладе, который внесли местечковые революционеры в

кровавую оргию всех трех русских революций. Он посчитал, что лишь в 1905–1906 годах в России было убито и ранено более 20 тысяч городовых, офицеров, государственных чиновников и даже рядовых солдат. Конечно, не все они были убиты еврейскими руками, но очень и очень многие:

«Мардохейская история не умерла. Время от времени дикие мысли о массовой расправе “с врагами” обуревают еврейские мозги. Что это так, нам доказали евреи-коммунисты, которые уничтожали русскую интеллигенцию ничуть не хуже, чем Мардохей вырезал (под именем амановцев) персидский культурный класс» (В. Шульгин, стр. 154).

Как по команде, российские «мардохеи» разделились на два отряда. Один (Ахад Хам, Жаботинский, Вейцман, Бен-Гурион, Голда Меир, Пинскер, Менахем Бегин, Ицхак Шамир, Шимон Перес и т.д.) бросился в национал-сионистскую революцию, а другой (Троцкий, Зиновьев, Урицкий, Свердлов, Губельман-Ярославский, Юровский, Голощекин, Блюмкин, Каганович, Ягода, Бела Кун, Френкель, Розалия Землячка, Уншлихт и т.д.) – в обе русские – сначала в февральскую, потом в октябрьскую.

Проницательно писал о генетической общности сионистов и российских местечковых революционеров первого призыва еврейский публицист И. Бикерман в 1923 году:

«Оба с одинаковой решительностью отрекаются от старого мира <...> один и другой имеет каждый свою обетованную землю, которая течет млеком и медом. Это единство схем накладывает удивительную печать сходства на мышление, обороты речи и повадки сионистов и большевиков».

Сейчас об этой когорте «псов и палачей» (как поется в «Интернационале») принято говорить толерантно, с интонациями умеренного сожаления: «Некоторые евреи в России первые 20–25 лет советской власти активно ей помогали» (из статьи известного диссидента Г. Померанца (Литературная Россия. № 28. 1990)).

Февраль 1917 года снял с местечковой массы все ограничения в правах, и ее питомцы вместо того, чтобы вос-

пользоваться этими благами и свободами, сразу же показали себя во всей красе.

От той пламенной эпохи осталось бесчисленное количество свидетельств очевидцев и участников событий, людей совершенно разных сословий и классов, порой враждебных друг другу, но тем не менее с одинаковым ужасом оценивавших небывалый в мировой истории погром, развернувшийся в России.

В 1923 году в Берлине был издан коллективный сборник статей видных деятелей дореволюционного еврейства (скорее всего сефардов) И. Бикермана, Г. Ландау, И. Левина, Д. Пинского, В. Манделя, Д. Пасманика под названием «Россия и евреи», в котором они с ужасом и отчаянием оценили деяния своих сводных братьев иудейской веры и хазарского происхождения:

«Поразило нас то, что мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде – жестокость, садизм, насильничанье, казалось, чуждое народу, далекому от физической воинственной жизни; вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди палачествующих головорезов» (из статьи Д. Пасманика).

Особенной страстностью, аргументированностью и честностью выделяется в этом эпохальном сборнике статья Иосифа Бикермана. Задолго до еврейского понятия «Холокост» он написал о «русском холокосте» такую правду, от которой до сих пор, по истечении девяноста лет, душа содрогается и трепещет:

«Если мы свои потери можем еще определять гадательными числами, то русские и этого делать не могут. Кто считал русские слезы, кто русскую кровь собирал и мерил. Да и как считать и мерить в этом безбрежном и бездонном море».

Василий Гроссман в своем известном сочинении «Все течет» обвинил Россию и русский народ в изначальном стремлении к рабству. «Россия – раба» – эту расхожую фразу Гроссмана в начале перестройки кто только не повторял, на-

чиная от Александра Яковлева и кончая каким-нибудь Коротичем или Радзиховским.

Иосиф Бикерман был честнее. Он в первую очередь обвинил своих соплеменников в рабском следовании логике террора:

«Когда ж это мы превратились в рабов? – гневно вопрошал Бикерман местечковых фанатиков. – Когда же это мы дошли до оголтелости, где и когда еврейский народ растерял драгоценнейшее свое достояние: накоплявшийся в течение веков и под всеми земными широтами жизненный опыт, в котором залог устойчивости?»

И совершенно хрестоматийным и точным с исторической точки зрения является отрывок из статьи Бикермана, который, как я предполагаю, был внимательно прочитан в 20-е годы и русской эмиграцией, и русскими патриотами, оставшимися в России, и некоторыми европейскими политиками.

«Русский человек никогда прежде не видел еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником. Бывали и тогда, конечно, и лучшие и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов. Русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно. Теперь еврей – во всех углах и на всех степенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе невской столицы, и во главе Красной Армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск – в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом...»

Всем современникам было понятно, что в этом отрывке, где не названо ни одной фамилии, речь идет о еврейском триумвирате, захватившем полную власть над Россией во время болезни Ленина – о Троцком-Бронштейне, о Каменеве-Розенфельде и о Зиновьеве-Апфельбауме...

Книга «Россия и евреи» – повторюсь – была издана в 1923 году в Берлине. Но мысли и стилистика этого отрывка были

столь впечатляющими, что я выдвигаю гипотезу о том, что он, как некая матрица, властно повлиял на публицистику самых разных его современников.

Во-первых, я уверен, что его читал друг Есенина, русский националист Алексей Ганин, которому Есенин, возвращавшийся из Америки в 1923 году, мог привезти эту книгу из Берлина, где у него произошла знаменательная ночная встреча с Романом Гулем, во время которой поэт буквально кричал в лицо своему собеседнику: «Я не поеду в Москву, пока Россией правит Лейба Бронштейн!»

Вот он, отрывок из манифеста друга Есенина, вологодского крестьянина и русского националиста Алексея Ганина, «Мир и свободный труд – народам», за который он был объявлен главой ордена «Русских фашистов» и расстрелян 30 марта 1925 г.:

«За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов таится смерть и разрушение»... «Достаточно вспомнить те события, от которых все еще не высохла кровь многострадального русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооруженные с ног до головы, воодушевляемые еврейскими выродками банды латышей, беспощадно терроризируя беззащитное сельское население, всех, кто здоров, угоняли на братоубийственную бойню, когда <...> за отказ от погромничества поместий выжигались целые села, вырезались целые семьи». «Вместо законности дикий произвол Чека и Ревтрибунала, вместо хозяйственно-культурного строительства – разгром культуры и всей хозяйственной жизни страны <...>. Все многомиллионное население коренной России (и Украины), равно и инородческое, за исключением евреев, брошено на произвол судьбы <...> Всюду голод, разруха, издевательство над жизнью народа, над его духовно-историческими святынями. Поистине над Россией творится какая-то черная месса для идолопоклонников».

Несомненно, что статью Бикермана читал В. В. Шульгин. Вот отрывок из его книги, написанной, согласно моей гипотезе, по «бикермановской матрице».

«Не нравится нам то, что вы фактически стали нашими владыками. Не нравится нам то, что, став нашими владыками, вы оказались господами далеко не милостивыми; если вспомнить, какими мы были относительно вас, когда власть была в наших руках <...> под вашей властью Россия стала страной безгласных рабов <...>. Вы жаловались, что во время правления "русской исторической власти" бывали еврейские погромы; детскими игрушками кажутся эти погромы перед всероссийским разгромом, который учинен за одиннадцать лет вашего властвования! И вы спрашиваете, что нам в вас не нравится!!!» (стр. 35).

Во время нелегального посещения СССР зимой 1925/1926 года, когда Шульгин перешел границу, чтобы найти своего сына, все передвижения Шульгина по стране, его поездки в Киев, Ленинград, Москву внимательно контролировало ОГПУ в рамках операции «Трест». И несмотря на то что, находясь в эмиграции с 1920-го по 1925 г., Шульгин написал три антисоветские книги – «Годы», «Дни», «1920 год», ОГПУ не чинило ему никаких помех и спокойно выпустило его обратно на Запад, надеясь, что после посещения СССР борец с советской властью напишет книгу, лояльную по отношению к молодому государству. Так оно и случилось, «Три столицы» стала именно такой книгой. И, наверное, после этого Шульгин мог бы вернуться на Родину, но в 1928 году он вдруг издал в Париже новую книгу с названием «Что нам в них не нравится», после чего путь на Родину ему, конечно, был отрезан. Именно за эту книгу (поскольку после нее никаких других он не издавал) Шульгин, 66-летний старик, после освобождения от немцев Югославии в 1945 году был арестован СМЕРШем в маленьком сербском городке Сремски Карловцы, в котором тихо жил с 1931 года, препровожден в Москву, где «за активную антисоветскую деятельность» был приговорен судом к 25 годам тюрьмы... Этот фантастический срок он получил, конечно же, за то, что в своей последней книге нарушил всякие запреты и рассказал всю правду о еврейском палачестве в годы революции и Гражданской

войны. Вспомним еще раз, что за прежние три антисоветские книги, в которых еврейский вопрос не поднимался, он не понес никакого наказания.

Третьим человеком (после монархиста Шульгина и русского поэта А. Ганина), который, видимо, был знаком с книгой «Россия и евреи» и читал статью Бикермана, оказался не кто-нибудь, а молодой Гитлер, который в конце 1923 года попал за попытку государственного переворота в баварскую тюрьму, где начал писать «Майн кампф», ставшую вскоре мировым бестселлером, который был переведен на все языки мира и отпечатан тиражом более 10 миллионов экземпляров. Общий гонорар Гитлера составил 15 млн марок. Книга была переведена и на русский язык, но для служебного пользования, что совершенно понятно, поскольку в главе о Советской России будущий германский вождь размышлял о том, что получается с народами, власть над которым захватывают инородцы, резал напропалую правду-матку, перемешивая ее с грубой пропагандистской ложью:

«Самым страшным примером в этом отношении является Россия, где евреи в своей фантастической дикости погубили 30 миллионов человек, безжалостно перерезав одних и подвергнув бесчеловечным мукам голода других, – и все это только для того, чтобы обеспечить диктатуру над великим народом за небольшой кучкой еврейских литераторов и биржевых бандитов…»

Молодой Адольф Алоизович в этой тираде почти слово в слово повторил мысли о местечковых палачах, высказанные либеральным сефардом Бикерманом, русским националистом и поэтом Алексеем Ганиным, монархистом и белогвардейцем Шульгиным. Правда, в двух местах он дал волю своему вульгарному площадному стилю, когда ради красного словца озвучил совершенно немыслимую цифру «жертв еврейского террора» (30 млн человек) и когда заклеймил «биржевых бандитов», видимо, перепутав Россию с Германией. В России «биржевых бандитов» не было. Были «пламенные революционеры».

* * *

В главе «Метисы» из энциклопедии «Холокост» подробно излагается расовая теория «нюренбергских законов» о «чистоте расы», «о смешанных браках», о «защите германской крови и духа от всякого рода «метисов», «бастардов» и «ублюдков», то есть «полукровок», «квартеронов» и прочих немецких граждан, «нечистых в расовом отношении». Однако крайне любопытно, что автор статьи «Метисы» А. Эхманн (чуть-чуть не Эйхман) нигде и ни разу не засвидетельствовал известную историкам всего мира истину о том, что вся арийская верхушка гитлеровского рейха, начиная от самого фюрера, была «метисами», «бастардами» и «ублюдками». Авторам «Энциклопедии» не хватило научной честности признать тот факт, что исполнителями дьявольского замысла об «окончательном решении еврейского вопроса» были близкие жертвам по крови, а жрецам и по убеждениям люди. Уровень исторического комментария энциклопедии часто не выдерживает никакой критики. Вот что, к примеру, пишет главный ее куратор, шеф-редактор, американский историк У. Лакер:

«Почему же евреи не оказали нацистам большого сопротивления? Потому что доля молодых мужчин и женщин, имевших военную подготовку, в еврейском населении была ничтожна. Впрочем, даже само число молодых евреев и еврек к тому времени сильно сократилось от голода и болезней, и немало их замерзало в суровые зимы, поскольку евреям не разрешалось иметь теплые жилища и одежду». Но почему-то те же местечковые евреи эпохи революции и гражданской войны в России, по словам Д. Пасманика, одного из авторов книги «Россия и евреи», «далекие от воинственной жизни... не умевшие владеть оружием» – когда надо было, моментально овладели этим искусством и «оказались среди палачествующих головорезов»! Такое солидное издание – и такие наивные аргументы!

«Толерантность» Лакера доходит до того, что он не «помнит», как евреи Кастнер и Эйхман отправили в 1944

году несколько сотен тысяч венгерских евреев в польские лагеря смерти, как глава Вильнюсского юденрата Якоб Генс утопил в крови все попытки молодых евреев поднять в гетто вооруженное восстание против нацистов и их еврейских пособников.

Одно дело – возмущаться, споря с антисемитами всех стран и народов, делая из Холокоста орудие политической борьбы и успешной бизнес-индустрии, другое – честно признаться, как Ханна Арендт, что в еврейской трагедии во многом виноваты твои соплеменники. Если бы это обстоятельство было известно историкам, политикам и широкому мировому общественному мнению в 1948 году, то едва ли бы Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за создание государства Израиль.

А вот еще смехотворный «исторический комментарий» из энциклопедии «Холокост»: «Среди вещей, принадлежавших убитой императрице Александре Федоровне, нашли экземпляр “Протоколов” Нилуса, что белогвардейцы истолковали как свидетельство убийства императорской семьи евреями»... Как будто у белогвардейцев не было других аргументов! Мне даже неловко объяснять автору статьи о «Протоколах сионских мудрецов» Михаэлю Хагемейстеру и шеф-редактору энциклопедии Уолтеру Лакеру, что расстрельной командой в Ипатьевском доме руководил местечковый палач Янкель Юровский, что рядом с ним были его подельники Шая Голощекин и Лазарь Пинхусович Войков, что за их спинами стоял всемогущий московский сатрап Яков Свердлов, что в числе расстрельной команды были мадьяры с фамилиями Эдельштейн, Гринфельд и Фишер, что все свидетели, вошедшие по горячим следам в роковой подвал Ипатьевского дома, зафиксировали надпись на стене, торжественно сообщавшую миру на древнееврейском языке о «крушении царства»... А тут какой-то детский лепет о том, что императрица читала «Протоколы сионских мудрецов» и что это обстоятельство было единственным аргументом, которое подпитывало слухи о расстреле царской семьи евреями.

«Глобочник Одиль (1904–1945) – старший офицер СС. В 1941–1943 приводил в исполнение “окончательное решение” на территории Польши. Г. подписывал распоряжения, согласно которым евреев направляли на тяжелые принудительные работы, а их собственность конфисковали. По его приказу были уничтожены свыше 2 млн польских евреев. В мае 1945 в ожидании суда над военными преступниками Г. покончил жизнь самоубийством».

Все в этой справке, опубликованной в энциклопедии на странице 194, правда. Не сказано лишь то, что Глобочник был чистокровным евреем.

Та же операция «толерантного умолчания» о том, «кто есть кто», совершена в отношении к Йозефу Крамеру («офицер СС», «адъютант Р. Гесса в Освенциме», «комендант лагеря Нацвеймер Штрутхоф», «в последние месяцы войны комендант концлагеря Бреген Бельзен», «осужден британским судом и казнен»). С таким же биографическим «изъятием» составлена справка на ключевую фигуру в истории Холокоста оберштурмфюрера СС Курта Герштейна, который начинал свою служебную карьеру борцом антинацистского сопротивления, распространял брошюры и листовки, призывавшие к борьбе с гитлеровским режимом. Но после двух арестов вдруг был принят в ряды СС, стал поставщиком ядовитого газа «Циклон Б» для концлагерей. Одновременно Герштейн стал распространителем среди иностранцев ужасных слухов о массовых уничтожениях евреев, о предстоящих депортациях и репрессиях, целью которых было «вытеснение» европейских евреев из Европы на Ближний Восток. А ключевой фигурой в истории Холокоста он стал потому, что именно устами этого хорошо подготовленного провокатора на Нюрнбергском процессе впервые была запущена в юридический обиход зловещая легенда о 6 миллионах. Ничего вышесказанного в энциклопедиях «Холокост» о Курте Герштейне нет, так же как и о его национальной принадлежности.

Кончил он свою жизнь, как и положено функционерам такого масштаба, «самоубийством» во французской тюрьме

в 1945 году. Держать его дольше в живых было нецелесообразно и опасно.

* * *

Шефом-редактором энциклопедии «Холокост» является американский специалист по «русскому фашизму» Уолтер Лакер. В свое время Вадим Валерианович Кожинов беспощадно высмеял исторические фальсификации Лакера о русских черносотенцах:

«Этот “русовед” объявляет, например: “Что касается “окончательного решения еврейского вопроса”, то Пуришкевич предлагал переселить евреев в районы Колымы и к Заполярному кругу, тогда как Марков считал, что все евреи “до последнего” должны быть перебиты в предстоящих погромах. Союз (русского народа. – *Ст. К.*) внес свою легенду в воплощение этой идеи в жизнь, организуя жестокие погромы».

«Перед нами, – комментирует В. Кожинов эти «откровения» Лакера, – уникальная по своей развесистости клюква <...> когда и где внес свое “предложение” Пуришкевич, Лакер не сообщает <...> профессиональный лгун У. Лакер считает допустимым внушать своим читателям, что Н. Е. Марков требовал развернуть колоссальную кампанию погромов, в ходе которой должны быть уничтожены пять миллионов евреев! Да уж, как говорится, бумага все терпит...», «его задача – пропаганда мифа, согласно которому деятели Союза русского народа – прямые наставники, воспитатели германских нацистов. И ради этого Лакер готов прибегнуть к любым фальсификациям» <...> «Это, прямо скажем, наглейшее сопоставление <...> стало излюбленным занятием многих профессиональных русофобов. Один из наиболее влиятельных из них – живущий в США Уолтер Лакер» (Наш современник. № 4, 1994) И вот этот «профессиональный лгун», выводивший истоки Холокоста из деятельности Союза русского народа, сегодня курирует, редактирует и пропагандирует громадную 700-страничную энциклопедию о Хо-

локосте. Конечно, под таким «шефством» она иной и быть не могла. Но кроме Лакера к созданию энциклопедии причастны многие породистые и знаменитые ашкенази вместе с известными русскими шабесгоями. В попечительский совет издания входят писатель Г. Я. Бакланов-Фридман, директор «библиотеки иностранной литературы» Е. Гениева, писатель Д. Гранин, бывший посол США в России А. Вершбоу, А. Гербер, Берл Лазар, Михаил Горбачев, Владимир Лукин, Сергей Филатов, А. Шаевич, Николай Сличенко (поскольку гитлеровцы цыган тоже уничтожали). Руководитель проекта Е. Гениева, она же состоит в редколлегии, где присутствует от «Мемориала» А. Рогинский, от фонда «Холокост» И. Альтман, от клерикальной диссидентуры «отец Георгий Чистяков», от историков ельцинский архивист С. Мироненко и А. Чубарьян, известные своей прогеббельсовской антироссийской позицией в Катынском вопросе.

Конечно, создание государства – величайшая цель и мечта всякого народа. И все народы, имеющие сегодня государства, принесли на протяжении своей истории во имя этой цели громадные жертвы, совершали великие подвиги и великие преступления «против человечности». В XX веке такого масштаба жертву попытались принести и евреи. Оправдана ли была эта жертва – пусть об этом судят они сами. Не чересчур ли великую цену заплатил еврейский народ за осуществление своей мечты, и нет ли угрозы того, что принесенная жертва (я говорю о шести миллионах) напрасна? А если оно так, то и отцы-основатели этого проекта могут быть подвержены посмертному суду. Но это – еврейское дело. И лучше всего другим народам в него не вмешиваться. А то, что ропот недовольства проектом набирает силу – тому есть серьезные доказательства. Проект «Израиль» – сегодня выглядит совсем не бесспорным, о чем не задумывались восторженные сионисты начала XX века. Сегодня же споры о целесообразности существования Израиля, как говорится, выходят на финишную прямую. Я приведу без комментариев несколько взаимоисключающих мнений по этому поводу.

Мнение первое:

«Сегодня весь мир делится на сионистов и антисионистов – врагов государства Израиль, мирового еврейства, врагов каждого из нас. Их много, и они весьма многолики и разношерстны: от раввинов "Нетурей Карты" до леволиберальных американских и европейских интеллектуалов, от "ненавидящих себя евреев" в Госдепартаменте США и аппарате президента Обамы до редактора газеты "Завтра" Александра Проханова и депутатов Госдумы России, от ливийского диктатора Муаммара Каддафи, который, оказывается, "любит евреев, но ненавидит сионистов", до "патриота Израиля", южноафриканского еврея, бывшего судьи Ричарда Голдстоуна – автора доклада комиссии ООН о "зверствах ЦАХАЛа в Газе" и т.д., и т.п. Не говоря уже об Ахмадинежаде, ХАМАСе и Хезбалле...

Я хочу закончить свое обращение, чуть перефразируя Юлиуса Фучика:

"Евреи! Будьте бдительны!"»

(Даниил Голубев. Газета «Форум» (Нью-Йорк), № 288, 2010)

Мнение второе:

«Первые идеологи сионизма обещали евреям, что если будет создано еврейское государство, то оно окажется единственным местом на земле, где евреи будут находиться в безопасности. И какое-то время казалось, что сионизм выполнил это обещание. Однако лето 2006 года положило конец иллюзии безопасности. <...> Многие израильтяне задаются вопросом: если сионизм не оправдал себя, то ради чего они строили страну на болотах, посылали своих детей воевать? Авраам Бург – бывший спикер Кнессета и сын одного из отцов-основателей государства Израиль. Его недавно вышедшая книга «Победить Гитлера» наделала немало шума. В ней он, в частности, пишет, что сионизм не освободил еврейский народ, а стал катастрофой, приведшей к созданию закрытого гетто, напоминающего концлагеря. Рецензия на книгу была опубликована в том числе и в арабской газете "Аш-Шарк аль-Аусат" под названием "Евреи против Израиля". Однако это не

совсем так. Бург отрицает Израиль такой, какой он есть сегодня, но не сам факт существования государства. Бург пишет о возвращении к “духовному сионизму”, возрождении еврейской сущности, которая теряется за понятием “израильтянин”. Он не одинок в своем мировоззрении, и подобные мысли высказывались евреями на протяжении всей истории сионизма. <...> Мыслители, подобные Бургу, ставят очень серьезные вопросы: а может ли быть в современном мире демократическое государство исключительно “еврейским”? Может ли быть демократическим государство, чье законодательство во многом базируется на религиозных постулатах? Не ведет ли сионизм к расизму, и почему критика этой идеологии приравнивается к антисемитизму? Может ли, в конце концов, государство все время жить с ощущением, что “весь мир против него”?»

(Форум. № 284, 2010)

Мнение третье:

«Тора останется неизменной»
Раввин Е. Шварц

Сегодня сионисты празднуют 42-ю годовщину создания своего государства, а мы, евреи, 42-й раз скорбим.

Сионизм утверждает, что нас изгнали потому, что мы были слабы в военном и экономическом плане. Однако Тора говорит: “Мы были изгнаны со своей земли за грехи наши. Только Всемогущий без какого-либо вмешательства со стороны людей после полного искупления наших грехов вернет нас из изгнания. И настанет всеобщий мир”.

С момента возникновения сионизма все ведущие раввины решительно выступили против него, ибо сионизм – противник нашей Торы и веры. Например, один из величайших раввинов того времени, Шулем Дов Бер Шнеерсон, писал, что даже если сионисты чтили бы Тору, мы все равно должны выступать против идеи их государства, ибо мы дали клятву Всемогущему “не прибегать к усилиям людей в создании государства, не восставать против наций, не освобождаться от изгнания раньше времени” (Талмуд, стих IIIa). Мы должны

противиться такому государству, ибо оно противоречит нашей реальной надежде и нашей вере, и лишь один Всемогущий вернет нас из изгнания, когда пришлет Мессию.

Каждый, кто так или иначе помогает сионизму, будет отвечать перед Всевышним, ибо играет на руку тем, кто вводит массы людей в заблуждение. Каждый, кто предан Б-гу и его Торе, не должен сотрудничать с сионистами. Напротив, необходимо бороться с сионизмом всеми возможными способами. Так писал 90 лет назад последний Любавический раввин.

Постепенно развращаемые деньгами и почестями сионисты продались золотому тельцу. Те, кто хотел сохранить свою веру и продолжать борьбу с сионизмом, отошли от этих партий.

Сионистское государство эксплуатирует "главных раввинов" и использует "религиозные партии" для того, чтобы придать себе клерикальную внешность. Они изучают Тору с комментариями, приспособленными для того, чтобы придать содержащимся в ней словам националистическую окраску.

Настоящие евреи против того, чтобы изгонять арабов с их земли и из их домов.

Согласно Торе, им следует вернуть их землю.

Евреям запрещается господствовать, убивать, унижать другие народы или причинять им ущерб, а также иметь что-либо общее с сионистами, их политическими авантюрами и войнами.

Мир должен знать, что сионисты украли название "Израиль" и не имеют права выступать от имени еврейского народа».

(Нью-Йорк таймс. 30.04.1990)

Неужели «израильский вектор» меняется и побежденная было идея сефардов возрождается из пепла и берет реванш у отцов-основателей Израиля, у местечковых ашкенази с «косматыми сердцами»?

* * *

Идеологическое и даже нравственное обеспечение «революционного правосознания» (то есть террора) взяли на себя

множество историков, превозносившие Французскую революцию как предтечу Октябрьской. О ее вождях – Дантоне и Марате – в 30-х годах были написаны популярные книги в серии «Жизнь замечательных людей». Авторы – Ольшевский и Фридлянд. Интересно, что сию эстафету после «оттепели» приняли духовные дети авторов этой эпохи – шестидесятники, с упоением ринувшиеся в «Политиздат» с рукописями о пламенных революционерах всех времен и народов – о Робеспьере (А. Гладилин), о Пестеле (Б. Окуджава), о Красине (В. Аксенов).

А поэтов и прозаиков, воспевших террор, в молодой советской литературе 20–30-х годов было хоть пруд пруди. «Героями ихнего времени» в полном смысле стали чекисты. Иные местечковые таланты не просто восхищались чекистами и славили их, но почитали за честь верой и правдой служить в ведомстве Дзержинского и Ягоды.

Из автобиографического рассказа Исаака Бабеля «Дорога», в котором писатель вспоминает о том, как поступал на службу к Моисею Урицкому:

«Наутро Калугин повел меня в ЧК на Гороховую, 2. Он поговорил с Урицким. Я стоял за драпировкой, падающей на пол суконными волнами. До меня долетали обрывки слов.

– Парень свой, – говорил Калугин, – отец лавочник, торгует, да он отбился от них... Языки знает.

Комиссар внутренних дел коммуны Северной области вышел из кабинета раскачивающейся своей походкой. За стеклами пенсне вываливались обожженные бессонницей, разрыхленные, запухшие веки...

Не прошло и дня, как все у меня было – одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме как в нашей стране <...> так начиналась тринадцать лет назад превосходная моя жизнь, полная мысли и веселья...» (Как тут не вспомнить Мандельштама – «я лишился и чаши на пире отцов и ВЕСЕЛЬЯ и чести своей»!)

Рассказ был написан Бабелем в начале 30-х годов, а через десять лет «верные в смерти товарищи» поставили чекиста Бабеля (бывших чекистов не бывает) к стенке. Он, к сожалению,

так и не успел написать роман «Чека», о котором в свое время поделился замыслом с Фурмановым. Александр Исбах так описывает этот эпизод: «В тот день Бабель говорил Фурманову о планах своего романа о “Чека”. Я не помню точно его слов, но Митяй, как всегда, записал их в своем дневнике.

– Не знаю, – говорил Бабель, – справлюсь ли, очень уж однобоко думаю о ЧК. И это оттого, что чекисты, которых я знаю, ну... просто святые люди... И я опасаюсь, не получилось бы приторно. А с другой стороны, не знаю вовсе настроений тех, кто населяет камеры, это меня как-то даже и не интересует...»

Вообще-то круг его интересов был широк и даже изыскан. Однажды во время посещения Зимнего дворца он позволил себе завалиться в альков императрицы, не сняв сапоги. Демонстративно. Мало того что зверски убили императора и жену, и детей, и слуг, но надо было еще с мстительным сладострастием покощунствовать! Ну добро бы такое совершил какой-нибудь пьяный матрос, несовершеннолетний умом и душою! Но – интеллигент, писатель, «языки знает»... Поистине «косматое сердце».

Когда вознесся красный флаг
на небом северной столицы,
писатель Бабель Исаак
залез в альков императрицы,
прилег, не снявши сапоги,
чтоб возвратить в одно мгновенье
всем соплеменникам долги
за слабость и уничиженье,
но ровно через двадцать лет,
из революционной чаши
допив до дна, обрел ночлег
на нарах. Около параши...
Урок не впрок. Один актер,
недавно Сталина играя,
в его постель залез, как вор...
но это – серия вторая.

Это мои стихи 1991 года...

Интересовался Бабель и судьбами крестьянства. Весной 1930 года он принимал участие в кампании по коллективизации Бориспольского района Киевской области (это его собственная формулировка). Когда же он вернулся в апреле 1930 года в Москву, то сказал своему другу Багрицкому: «Поверите ли, Эдуард Георгиевич, я теперь научился спокойно смотреть на то, как расстреливают людей» (Липкин С. Квадрига. М., 1997, стр. 59).

Через год Бабель опять отправился в те же места. Понравилось, видно, ему смотреть на картины расстрелов (Воспоминания о Бабеле. М., 1989, стр. 327.)

Можно предполагать, что с момента ареста в 1939 году и до расстрела в 1940 писатель узнал «настроения тех, кто населяет камеры». Но это знание уже не помогло ему в работе над романом «Чека». Другой его ровесник, менее знаменитый, успел написать пьесу «Чекисты» – это был М. Козаков, отец знаменитого актера Михаила Козакова, блистательно сыгравшего в кино роль Дзержинского. Знание чекистов у него было семейной традицией. Старший Козаков неслучайно же был удостоен чести попасть в бригаду писателей, поехавших по предложению Генриха Ягоды изучать опыт перевоспитания «социально чуждых элементов» на Беломорканал, в гости к «воспитателям» и высшим чинам ГУЛАГа Берману, Рапопорту, Когану, Френкелю и Фирину. Бригада на 80% состояла из местечковых талантов – Михаил Козаков, Виктор Шкловский, Семен Гехт, Вера Инбер, Леопольд Авербах, Анна Берзинь, Лев Славин, Яков Рыкачев, Бруно Ясенский, Лев Никулин, Евгений Габрилович, Александр Безыменский и другие вдохновенные певцы ЧК и ГУЛага. Книга, которую они сотворили, была эпохальной и опасной: она несла на себе проклятие «Декрета об антисемитизме». Через 30 лет после ее создания Александр Солженицын обнародовал имена воспетых бригадой чекистов и его за этот скромный подвиг идейные внуки Урицкого и Ягоды объявили антисемитом.

С особым благоговением местечковые поэты славили чекистов женского пола. Джек Алтаузен сделал это с непревзойденной искренностью в стихотворенье, названном простенько и со вкусом: «Чекистка».

Притворяться мне не пристало.
Как я рад, что увидел ту,
У которой должны кристаллы
Занимать ее чистоту.

Тут надо пояснить, что под «кристаллами» он имел в виду драгоценные камни, для которых эталоном является «чистота чекистки». Автор горюет, что от тяжелейшей работы у его бриллиантовой подруги поседели волосы:

Почему пробивается проседь
У чекисток моей страны?

И дает ей клятву мужской и гражданской верности:

Потому что солгать ей – значит
Все равно, что солгать стране.

Когда Алтаузен сочинял эту оду, он одновременно со своими друзьями (М. Голодным, С. Кирсановым, И. Уткиным, А. Безыменским) подписал сочиненное ими же письмо в «Правду» о том, что хулиган и дебошир поэт Павел Васильев «уже давно прошел расстояние, отделяющее хулиганство от фашизма», что «он избил поэта Алтаузена, сопровождая дебош гнусными антисемитскими и антисоветскими выкриками» и что «необходимо принять решительные меры». Письмо было опубликовано в «Правде» 24 мая 1935 года, и вскоре «решительные меры» в отношении Павла Васильева чекистами и «чекистками» были приняты.

Ближайший друг Павла Васильева Ярослав Смеляков, конечно же, зная стихи Алтаузена о чекистке, написал впо-

следствии стихотворение, являющееся историческим ответом алтаузенскому панегирику.

Жидовка

Прокламация и забастовка.
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.

Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая ни мать, ни жена –
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она...

Брызжет кляксы чекистская ручка.
Светит месяц в морозном окне,
И молчит огнестрельная штучка
На оттянутом сбоку ремне.

Неопрятна, как истинный гений,
И бледна, как пророк взаперти.
Никому никаких снисхождений
Никогда у нее не найти.

Все мы стоим того, что мы стоим.
Будет сделан по-скорому суд,
И тебя самое под конвоем
По советской земле повезут.

Ярослав Смеляков родился и вырос в глухом белорусском местечке и хорошо знал, какой «чистоты» были эти «бриллианты» с именами Розалия Залкинд-Землячка, Лариса Рейснер, Софья Гертнер, работавшая следователем Ленинградского управления ОГПУ-НКВД, о которой «Аргументы и факты» в 1993 году (№ 19) сообщили: «Гертнер изобрела

свой метод пытки: привязывала допрашиваемого за руки и за ноги к стулу и со всего размаха била туфелькой по "мужскому достоинству". Среди чекистов и заключенных ее звали "Сонька золотая ножка"». В книге известного историка эмигранта С. Мельгунова «Красный террор», изданной на Западе в 1923 году, а у нас впервые в 1990-м, есть упоминания о многих «фуриях революции»: о Евгении Бош, свирепствовавшей во время Гражданской войны в Пензенской области, о знаменитой своими жестокостями следователе Киевского ЧК по фамилии Ремовер, о бывшей фельдшерице Тверской губернии Ревекке Пластининой-Майзель, ставшей женой архангельского чекиста Кедрова и одновременно сотрудницей архангельского ЧК. Все вроде бы правильно в этой книге, но поскольку послесловие к ней писал известный правозащитник А. Даниэль, становится понятным, почему она была издана в начале перестройки: у Мельгунова, а тем более у Даниэля нет ни слова о национальности этих чекистских ведьм. Более того, причины жестокости Октябрьской революции, Гражданской войны и «красного террора» и осторожный историк Мельгунов и комментатор Даниэль объясняют, цитируя неумные и смехотворные высказывания Максима Горького из его работы «О русском крестьянстве»: «Когда в "зверствах" обвиняют вождей революции – группу наиболее активной интеллигенции, я рассматриваю это обвинение как ложь и клевету <...> Жестокость форм революции я объясняю исключительно жестокостью русского народа». А между тем в «Красном терроре» приводятся слова Зиновьева («меч, вложенный в руки ЧК, в надежных руках. Буквы ОГПУ не менее страшны для врагов, чем буквы В. Ч. К. Это самые популярные буквы в международном масштабе») или «стихотворенье» чекиста и «поэта» Эйдука, опубликованое в тифлисском сборнике «Улыбка ЧК»:

Нет большей радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры

И начинает буйно страсть в груди вскипать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять».

Но и Зиновьев, и Эйдук для Мельгунова и Даниэля всего лишь «коммунисты», не имеющие национальности. Правда, у чекистки из Киева Ремовер национальность есть – она «венгерка», видимо такая же, как «венгры» Бела Кун и «Матиас Ракоши». Но жесток именно русский народ, как это утверждает великий пролетарский писатель, в молодости крепко избитый деревенскими мужиками, которым не понравились речи молодого Пешкова, призывавшего их к революции. Ведь и другие классики наши тоже не стеснялись в изображении русской жестокости. Вспомним хотя бы персонажи из «Тараса Бульбы», из «Капитанской дочки», из «Тихого Дона». Но в то же время рядом с этими жестокими героями жили и князь Мышкин, и Платон Каратаев и Максим Максимович – тоже русские люди. Да что говорить! Нежестоких революций в мире не было и не будет. Кроме одной, бескровной, ограничившейся голгофской жертвой. Горький не прав и потому, что, читая Пушкина, Гоголя и Есенина, понимаешь: русская жестокость – это стихия, мгновенно вспыхивающая от несправедливости и легко гаснущая. Народ живет чувством, всплеском отчаяния, отмщения, негодования. Они – эти всплески – естественны, а жестокость нашей революции XX века была неестественной, теоретически обоснованной, юридически обставленной, коммерчески организованной, тоталитарно выстроенной. Словами «большевизм» или «классовая борьба» здесь ничего не поправишь, они лишь кое-как маскируют жестоковыйную сущность силы, хлынувшую во власть в первые революционные годы.

А русская революция, конечно же, была неизбежной. Слишком долго правящее сословие России злоупотребляло крепостным правом, которое сыграло свою решающую роль в становлении Российской империи в XVI – XVIII веках, но после войны 1812 года потеряло свою историческую пло-

дотворность и стало почвой для семян грядущих бедствий. Освобождение крестьян без земли в крестьянской стране еще глубже вбило клин в трещину русской жизни. Но если бы не местечковые дрожжи, вспучившие революционное тесто, наша смута была бы гораздо менее жестокой и кровавой, как и коллективизация. А «контрреволюции 1937 года» тогда вообще могло бы не быть.

Особую роль, более сложную и противоречивую, в идеализации революционного терроризма сыграло творчество Бориса Пастернака. На короткое время весной 1917 года он стал, как Леонид Канегиссер, поклонником Февральской революции, красных бантов и в косноязычных, но страстных стихах проклял Ленина. Цитировать эти вирши бессмысленно, потому что они состоят из ленинских призывов «жги!», «режь!», «грабь!» Их якобы выкрикивает Ленин, едущий в Россию в пломбированном вагоне при помощи коварных немцев и «стрелочника-ганноверца», передвинувшего железнодорожные стрелки в нужном направлении. Пафос стихотворения был естественен – Пастернак, как и Канегиссер, происходил из добропорядочной известной буржуазной семьи, и ему было не по пути с местечковыми волчатами.

Однако через несколько лет Борис Леонидович эволюционировал и написал поэму «Девятьсот пятый год», в которой воспел знаменитую террористку Марию Спиридонову, участвовавшую в 1906 году в убийстве советника тамбовского губернатора Г. Н. Луженовского.

Жанна д'Арк из сибирских колодниц,
Каторжанка в вождях, ты из тех,
Кто бросались в житейский колодец,
Не успев соразмерить разбег.

Ты из сумерек, социалистка,
Секла свет, как из искры огнив,
Ты рыдала, лицом василиска
Озарив нас и оледенив...

Но в 1922 году большевики организовали судебный процесс против левых эсеров, и Мария Спиридонова, возглавлявшая этот спецназ революции, вновь, словно в царское время, пошла по тюрьмам и ссылкам вплоть до войны 1941 года. Последний срок она отбывала в орловской тюрьме, где и была расстреляна перед отступлением наших войск из Орла.

Пастернак же, отметив поэмой «Девятьсот пятый год» двадцатилетие первой русской революции, стал готовиться к юбилею революции Октябрьской и сочинил в 1927 году поэму «Высокая болезнь» в честь Владимира Ильича Ленина, по воле которого в 1922 году все руководство левых эсеров исчезло с политической арены. В «Высокой болезни» Ленин изображен уже отнюдь не «немецким шпионом», террористом и площадным демагогом, а «гением», управляющим ходом мировой истории: «он был, как выпад на рапире», «он управлял теченьем мысли и только потому страной»... Победителей, как говорится, не судят, а славят... Но следующим победителем стал Иосиф Сталин, и Борис Леонидович циклом блистательных стихотворений, открывающих новогодний номер газеты «Известия» за 1936 год, перевернул первую страницу Советской Сталинианы.

А в эти дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живет не человек – деянье,
Поступок ростом с шар земной.

Да, до культа чекистов Пастернак не опускался. Но очень хотел быть своим для власти. Опомнился от соблазнов революционной романтики, от народоволок, знаменитых террористок и вождей Борис Леонидович только на закате жизни, видимо, вспомнил свое «сефардское», буржуазно-интеллигентское происхождение, то, что он все-таки крещеный еврей, и, написав покаянный роман «Доктор Живаго», в сущности перечеркнул поэтические заблуждения не только своей молодости, но и почти всей жизни.

Когда-то Борис Пастернак, обращаясь к Владимиру Маяковскому, писал:

Я знаю: Ваш дар неподделен,
Но как Вас могло занести
Под своды таких богаделен
На искреннем Вашем пути?

Борис Леонидович недоумевал напрасно. Плебей Маяковский вышел из семьи русских разночинцев, и путь его в революцию был естественен. Но как «могло занести» благополучного еврейского вундеркинда Пастернака с его знатной родней в Англии, с его марбургским образованием – в старейшем университете Европы, с его окружением из художников и композиторов в мир эсерки Спиридоновой, большевика Ленина, диктатора Сталина?

Когда читаешь поэтическую летопись 20–30-х годов, вышедшую из-под пера наших ашкеназов, то ужасаешься иррациональной злобе, исходящей от их восклицаний. Иные стихотворения из книги тех лет могут быть с успехом использованы как материал для психиатров:

Довольно!
Нам решать не ново.
Уже подписан приговор.

Это строки Михаила Голодного (Эпштейна), как и его же стихи, требующие расправы над поэтом Павлом Васильевым:

Ох, поздно ж, пташечка, ты запела,
Что мы решили – не перерешить,
Смотри, как бы кошка тебя не съела,
Смотри, как бы нам тебя не придушить.

У Михаила Светлова-Шейкмана, именем которого и сейчас названы сотни детских и юношеских библиотек Рос-

сии, культ ЧК-ОГПУ даже по тем временам казался недосягаемым для других поэтов, причем у стихотворца как будто не было другой жизни, кроме как в чекистских застольях и на чекистских дачах, где приятно «закусывать мирным куском пирога».

Багрицкий, как и Светлов, обожал пировать с чекистами, иногда в доме какого-нибудь несчастного «пущенного в расход»...

Рифмованные и прозаические опусы, приветствующие все судебные процессы, от Шахтинского дела до 1937–1938 годов, сочиняли апологеты режима – Павел Антокольский, Семен Кирсанов, Александр Безыменский, Э. Дельман – отец Натана Эйдельмана, Перец Маркиш – все возмужавшие во время революции, «красного террора» и гражданской войны...

Но дуэль двух ветвей еврейства все-таки продолжалась и в 30-е годы. Аделина Адалис, как бы вспомнив обвинение со стороны сефарда Д. Пасманика местечковому спецназу, прозвучавшее в 1923 году со страниц книги «Россия и евреи» («Все охамившиеся евреи, заполнившие ряды коммунистов, – все эти фармацевты, приказчики, коммивояжеры, недоучившиеся студенты и вообще полуинтеллигенты – действительно причиняют много зла России и еврейству»), с самодовольным торжеством победителя ответила ему после коллективизации, в 1934 году, когда положение советских местечковых функционеров вроде бы окончательно упрочилось:

«Мы чувствовали себя сильными, ловкими, красивыми. Был ли это так называемый мелкобуржуазный индивидуализм, актерская жизнь воображения, “интеллектуальное пиршество” фармацевтов и маклеров? Нет, не был. Наши мечты сбылись. Мы действительно стали “управителями”, “победителями”, “владельцами”, шестой части земли» (А. Адалис, 1934 г., из книги «Воспоминания о Багрицком»). Однако в это же время человек общерусской культуры (не хочется говорить про него «сефард»), всю жизни бежавший от «иудейского хаоса», от «мщения миру», – Осип Мандельштам ужасался чекистско-палаческому пафосу стихов Багрицкого с «нежны-

ми костями», которые «сосет грязь», с кровью, которая «вьется», как «подпись на приговоре», «струей из простреленной головы», и, отвергая этот «поэтический садизм», с достоинством и брезгливостью возвращал Багрицкому-Дзюбину его растленные эпитеты и метафоры:

Мне на плечи бросается век-волкодав,
но не волк я *по крови* своей.
Запихай меня лучше, как шапку в рукав
жаркой шубы сибирских степей,
чтоб не видеть ни труса, *ни хлипкой грязцы*,
ни кровавых костей в колесе,
чтоб сияли всю ночь голубые песцы
мне в своей первородной красе...*

Но что мог сделать одинокий старомодный гуманист Осип Эмильевич, если за Багрицким бежала целая стая местечковых «волков по крови своей», уже знаменитых, называвших себя «пролетарскими», «большевистскими» – Александр Безыменский, Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Лев Кассиль, Лев Копелев? А за Копелевым подрастала волна литераторов второго призыва, прославлявших террор 1905 года, «красный террор» 1918 года, террор Гражданской войны. Вот только причину и смысл «большого террора» они не поняли.

Их предки в эпохе былой,
Из дальнего края нагрянув,
Со связкой гранат под полой
Встречали кареты тиранов.
(А. Межиров)

«Дальний край», упомянутой в этой строфе, – местечко Межиров из Галиции, давшее псевдоним отцу поэта, фамилия которого осталась неизвестна истории.

* Курсив мой. – *Ст. К.*

Ровесник Межирова, известный советский переводчик Лев Гинзбург в книге «Разбилось лишь сердце мое» так вспоминал о своем местечковом детстве:

«В школьные годы у меня были тайные от всех игры. Сначала я сам с собой или сам для себя играл в суд, печатал на пишущей машинке грозные определения, приговоры, обвинительные заключения с беспощадной до замирания сердца подписью: “Верховный прокурор СССР, – дальше шел росчерк – какая-нибудь выдуманная фамилия”».

Ну что это как не этническая шизофрения?

* * *

В последний раз бацилла чекистского мышления неожиданно воскресла в творчестве поэта следующего за военным поколения – шестидесятника Давида Маркиша, сына Переца Маркиша, прославившего в свое время террор 1937 года и сложившего свою курчавую местечковую голову в эпоху борьбы с «космополитизмом». Его сын, переселившийся в 80-е годы прошлого века в Израиль, сочинил на «исторической Родине» своеобразный манифест:

Я говорю о нас, сынах Синая,
О нас, чей взгляд иным теплом согрет.
Пусть русский люд ведет тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.

Мы ели хлеб их, но платили кровью,
Счета сохранны, но не сведены.
Мы отомстим цветами в изголовье
Их северной страны.

Когда сотрется лыковая проба,
Когда заглохнет красных криков гул,
Мы станем у березового гроба
В почетный караул.

….....
….....
Мы дали Маркса вам себе в ущерб,
Мы дали вам Христа себе на горе.

Когда я прочитал это стихотворенье, то не понял: они за наш хлеб «платили» чьей «кровью»?.. Может быть, Маркиш имел в виду «красный террор» 1918 года, когда за наш хлеб было заплачено «нашей кровью»? Или он вспоминает нашу кровь, пролитую на жертвенник продразверстки и коллективизации? Но это ведь та же «славянская» кровь, до которой ему «нет дела». «Мы дали вам Христа»... Ну это уже наглость. Вы отправили его на Голгофу, чтобы он никому не достался.

Ну что остается сказать в заключение «Сыну Синая»? А вдруг он ошибается, как ошиблись его старшие братья, когда жаждали умереть за мировую революцию, а она обернулась Отечественной войной? А вдруг не ему, а нам придется «класть цветы» в изголовье не «северной», а южной ближневосточной страны? Что тогда? Тогда Маркишу придется вспомнить, что он не только «сын Синая», но и побочный сын России, преобразиться из местечкового ашкеназа-чекиста в благонамеренного сефарда и вернуться на свою не мифическую, а в полном смысле историческую родину, в земле которой лежит прах его предков и где мы с ним обнимемся, как «дети разных народов». Очень разных...

От страха за судьбу проекта «государство Израиль» у еврейских историков сегодня просто «крыша поехала».

Недавно я прочитал в газете «Форум» (№ 282, 2010) исторические изыскания некоего Семена Файна из Нью-Йорка, в которых историк предъявляет миру счет за геноцид во время иудейской войны I века нашей эры, «истребивший два миллиона евреев», во время которого еще «один миллион» был изгнан, еврейское государство «уничтожено». А все это является доказательством того, «что Иудея и Самария (нынешний западный берег реки Иордан. – *Ст. К.*) являются законной родиной евреев и сегодня.

Пафос этой статьи бесподобен с клинической точки зрения: «За Холокост XX века нацисты понесли наказание. По-

чему же Холокост I века остается ненаказанным?» Поскольку, как считает Семен Файн, Холокост I века н.э. организовали антисемиты-греки при помощи антисемитов-римлян, то, видимо, греки и должны расплачиваться за это преступление, подобно гитлеровским нацистам. Одна беда: с Греции сегодня с ее долгами объединенной Европе взять нечего, и наш историк согласен на территориальные компенсации: «Два миллиона убитых древних евреев не вернешь, а вот кровные еврейские территории человечество может и должно возвратить, наконец, евреям – истинным их владельцам».

Если бы грозная фантазия Файна закончилась на этом! Нет, он обвиняет подлых греков в том, что они во времена Александра Македонского, понимая, что их «древнегреческая мифологическая религия» устарела, решили избавиться от нее, а взамен «по достоинству оценили иудейскую религию, ее высокие моральные и нравственные качества <...> Греки поняли, что лишь она своей гениальностью в состоянии спасти греческую нацию. И они решили любыми средствами приобрести Еврейское Священное Писание».

Короче говоря, для этого и уничтожили два миллиона евреев (и один миллион изгнали), захватили в свои грязные антисемитские руки священные еврейские книги и состряпали из них свою Библию, «состоящую из Ветхого и Нового Заветов». Поскольку они стали хозяевами положения, то насочиняли все, что их душе было угодно. И Христа «сочинили».

«Новый Завет – это мифологическое сочинение греческого производства о мнимых преступлениях евреев с вымышленными еврейскими персонажами – Иисусом Христом, Иоанном Крестителем, апостолами, подвергающимися казням руками самих же евреев» <...> Грекам «удалось интерполировать в события I века вымышленный суд и казнь Иисуса Христа в 29 г. н.э. и внедрить по всей Римской империи молву об Иисусе Христе» А как же быть с проклятиями Талмуда по поводу Христа? А как же быть со стихами Давида Маркиша, обращенными к нам, русским: «Мы (то есть евреи, а не греки. – *Ст. К.*) дали вам Христа себе на горе?» А главное – кого лечить? – Давида Маркиша или Семена Файна?

И еще вопрос: каким образом в деревнях Самарии и Иудеи жили столько же евреев, сколько их живет в современной Америке?

* * *

Последнюю точку в противостоянии, начавшемся между Урицким и Канегиссером, поставил Валентин Петрович Катаев, всю жизнь вынашивавший мечту рассказать правду о «красном терроре» и о романтиках, развязавших его. Он осуществил свою мечту на закате жизни, когда решился напечатать повесть «Уже написан Вертер» в июньском номере «Нового мира» за 1980 год. Именно в этой повести осторожный, запуганный жизнью старый конформист пошел (в отличие от Самойлова) ва-банк, создав бессмертные образы чекистов из одесской «чрезвычайки». Главный из них носил имя Наум Бесстрашный. Он «стоял в позе властителя, отставив ногу и заложив руку за борт кожаной куртки. На его курчавой голове был буденновский шлем с суконной звездой».

«У Маркина был неистребимый местечковый выговор. Некоторые буквы, особенно шипящие, свистящие и цокающие, он произносил одну вместо другой, как бы с трудом продираясь сквозь заросли многих языков – русского, еврейского, польского, немецкого».

«– У тебя сидит один юноша, – начал Лось.

– А ты откуда знаешь, что он у меня сидит? – перебил Маркин, произнося слово “знаешь”, как “жнаишь”, слово “сидит”, как “шидит”.

– Ты просишь, чтобы я его выпустил?

Он произнес “выпуштиль”.

– Я застрелю тебя на месте.

“На месте” он произнес как на “мешти”».

Перед нами, в сущности, герой поэмы Багрицкого «Февраль» – убийца и местечковый провинциальный авантюрист, стоящий на броневике «над летящими фарами и штыками». Вспомним о том, что и Багрицкий и Катаев – оба были одесситами и почти однолетками.

* * *

История испытала на практике три пути «преодоления еврейства в себе». Один – ницшеанский, гитлеровский – изгнание, вытеснение, в конечном счете уничтожение. Другой – советский, в который верил Ленин, носивший в себе, как и Гитлер, «четвертинку» еврейской крови: полная ассимиляция, растворение еврейства в русской стихии при помощи интернациональной коммунистической идеологии.

И третий путь, пролегший через самопожертвование, через Голгофу, путь полного духовного перерождения, – это путь Христа.

(Есть еще путь честной и объективной оценки еврейского менталитета и еврейской истории – путь интеллектуалов Нового времени Ханны Арендт, Роже Гароди, Нормана Финкельштейна, но это путь атеистов-одиночек.)

Неодухотворенность бунта завела «арийцев», изживавших в себе еврейство, в темные дебри Холокоста. Вера в абсолют крови, в которой якобы живет душа человеческая, обернулась примитивным культом суицида, отворила бунтовщикам двери к самоубийству – и они один за другим – Отто Вейнингер, Адольф Гитлер, Йозеф Геббельс, Генрих Гиммлер, Герман Геринг, Рудольф Гесс и воспитавший их всех профессор геополитических наук Хаусхоффер – шагнули в эту темную бездну, первопроходцем в которую был первый антихристианин и самый знаменитый ренегат в истории человечества Иуда из Кариота. (Кстати, единственный в истории человечества памятник Иуде был сооружен нашими местечковыми именно в России.) А сколько тысяч жрецов сатанистского культа крови и расы, исповедуемого в Третьем рейхе, бастардов и метисов, жрецов рангом помельче и потому недостойных остаться в истории разгрызали ампулы с цианистым калием, совали дуло пистолета в рот, завязывали ремни на спинках железных кроватей в своих камерах, словом, избирали безблагодатный, беспокаянный и потому греховный путь в небытие, и мир навсегда забыл о них, недостойных памяти...

Одним из самых ярых антисемитов, помогавших Гитлеру на пути к высшей власти, был полукровка Юлиус Штрейхер, казненный в 1946 году в Нюрнберге. Смерть его в сущности являлась тоже формой самоубийства, выбранного им самим:

«Стоя перед виселицей, он громко воскликнул: “Хайль Гитлер!” На вопрос об имени он резко ответил: “Вы его знаете”. В сопровождении священника он поднялся на ступеньки и воскликнул: “Пурим, 1946 год и к Богу”. <...> На ящике, в который уложили труп Штрейхера, было написано имя “Абрахам Гольдберг”» (Х. Кардель, стр. 76). Напомним, что казнь гитлеровских преступников в Нюрнберге совершилась 16 октября 1946 года в праздник Пурима, почитаемого как еврейский праздник радости.

Но и Ницше, потерявший рассудок и кончивший свои дни в сумасшедшем доме, тоже ведь по своей воле совершил духовное самоубийство.

* * *

Змея, кусающая собственный хвост, – это ветхозаветная метафора, выражающая сущность драмы самоуничтожения. Все происходит, как в книгах Ветхого Завета – помните: «Адам родил Каина», «Авраам родил Исаака» и т.д.? Но у нас немного по-другому: еврей Урицкий приговорил к смерти еврея Перельцвейга; еврей Канегиссер приговорил к смерти еврея Урицкого; еврей Зиновьев приговорил к смерти еврея Канегиссера; еврей Ягода приговорил к смерти еврея Зиновьева... Несчастный народ...

Наилучшей иллюстрацией к этому процессу, который «пошел» и идет до сих пор, является символическое событие ветхозаветной силы, о котором поведал грядущим поколениям видный чекист сталинской эпохи А. Орлов-Фельдбин:

«20 декабря 1936 года, в годовщину основания ВЧК–ОГПУ–НКВД Сталин устроил для руководителей этого ведомства небольшой банкет... Когда присутствовавшие основательно выпили, Паукер (начальник охраны Сталина, комиссар

госбезопасности 2-го ранга, т.е. генерал-полковник. – *Ст. К.*), поддерживаемый под руки двумя коллегами <...> изображал Зиновьева, которого ведут в подвал расстреливать. Паукер... простер руки к потолку и закричал, (изображая Зиновьева-Апфельбаума): "Услышь меня, Израиль, наш Бог есть Бог единый"» (А. Орлов. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк – Иерусалим, 1983, стр. 82.).

Через полгода, 14 августа 1937-го, Паукер повторил путь Зиновьева в расстрельный подвал, а Орлов-Фельдбин, шпион, сбежавший в июле 1938 года в США, первым делом, как сообщается в книге О. Царева и Д. Костелло «Роковые иллюзии», посетил синагогу, где, видимо, произнес слова той же древнееврейской молитвы. Да что говорить о местечковых шпионах и резидентах, если образованный, абсолютно ассимилированный, вросший в русскую культуру и советскую литературную жизнь Давид Самойлов, запуганный провокаторами из наших СМИ, кричавшими в конце 80-х годов о приближающихся еврейских погромах, почувствовал, что у него ожили от страха все наследственные еврейские комплексы, впал в истерику и записал на страницах дневника:

«Если меня, русского поэта и русского человека, погонят в газовую камеру, я буду повторять: "Шмо исроэл! Адоной элехейну, адонай эход!" Единственное, что я запомнил из своего еврейства». Ничего себе единственное! Да это еврейское «все», начало молитвы: «Услышь меня, Израиль, наш Бог есть Бог единый». Эти слова даже атеист и негодяй Паукер вспомнил перед расстрелом... Бедный Дезик.

Все вроде бы ясно, но остается только один вопрос, на который нет ответа: почему и с какой целью Создатель попустил, чтобы в кровавые внутрисемитские разборки, словно в черную воронку истории, затягивались племена и народы, ни сном ни духом не виновные в трагедии, которая началась в доисторические времена и которая завершится в День Гнева?

Ветхозаветная змея не просто укусила свой хвост – она растерзала его в клочья.

ЧАСТЬ III.
ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

КТО РАЗДУВАЕТ РУСОФОБИЮ
(выступление на пленуме СП СССР 28 апреля 1988 года)

Заметным событием нашей литературно-идеологической жизни последнего времени стал прошедший в марте секретариат правления СП РСФСР. Мне кажется, что он очень вовремя и во весь голос назвал те негативные явления, которые пышным цветом расцвели на страницах некоторых наших периодических изданий. С тревогой и волнением многие из нас читали слова Ю. Бондарева из выступления на секретариате о том, что: «Лжедемократы от литературы зажгли над краем пропасти украденный у справедливости и правды фонарь гласности. Эта украденная гласность предоставлена нашими средствами информации и печати только одной стороне – наступающей, разрушительной, широко открывающей ворота для серости, честолюбцев, фальшивых якобинцев... Дело может кончиться тем, что национальные ценности и все, что является духовной гордостью народа, будут опрокинуты в пропасть».

Первое впечатление от этих слов было таким: а не преувеличивает ли Юрий Васильевич накала страстей в литературной жизни? Но чем дальше развивались события, тем яснее становилось мне, что он прав в своей тревоге. Есть в нашей

литературе силы, которые жаждут монопольной власти во всех сферах, когда ощущают общественное сопротивление, то ведут дело к расколу. В первую очередь их воля направлена на то, чтобы навязать общественному мнению угодные этим силам оценочные клише, при помощи которых можно было бы монопольно править в литературе. Один из таких весьма износившихся стереотипов – запугивание нас внутренним классовым врагом, как правило, наряженным в русское национальное одеяние. В стихотворении «Охотнорядец» (Знамя. 1988. № 4) Е. Евтушенко так мыслит себе классового врага: пьет, лапает кухарку, цепь золотая висит у него через весь живот –

Вставал он во хмелю и в силе,
Пил квас и был на все готов
И во спасение России
Шел бить студентов и жидов.

Что и говорить, портрет, выполненный в стереотипном стиле плакатов и атеистических журналов 20-х годов, неприглядeн. И никто этого картонного охотнорядца-антисемита защищать не будет. Но вспомним о том, какая антинародная русофобская кампания велась в 20–30-х годах под этой маской борьбы с охотнорядцами и черносотенцами, вспомним, как наклеивались ярлыки «белогвардейский», «кулацкий», «охотнорядский», «религиозный», «антисемитский» на Есенина, Клюева, Клычкова, на «Тихий Дон», на «Белую гвардию» Булгакова, на стихи Твардовского, Заболоцкого, Ахматовой. У кого был один ярлык, а кое у кого и по нескольку штук. Вспомним, как из культурного обихода изымались полотна Рериха, Нестерова, Корина, уничтожалась и продавалась на Запад за бесценок наша великая иконопись, как хунвейбинами того времени взрывались памятники русской культуры, начиная от храма Христа Спасителя, расписанного Суриковым, Верещагиным, Крамским, от Чудова монастыря до скромных сельских церквей, обломки которых стоят по всей России как вечный укор нашему антикультурному вар-

варству. Вы скажете – зачем вспоминать прошлое? Но разве смена имен старинных российских городов на фамилии государственных деятелей, при которых мы погрузились, оказывается, в застой и пьянство, не есть продолжение этой же антикультурной и антиисторической практики? Вы не первый, Евгений Александрович, кто борется с лавочниками и охотнорядцами. У вас есть лихие идейные предшественники. Вспоминаю стихи, напечатанные в 1930 году:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского... Зачем им пьедестал...
Довольно нам двух лавочников славить, –
Их за прилавками Октябрь застал...

Как жаль, что мы им не свернули шею.
Оно, наверно, было бы под стать.
Подумаешь, – они спасли Расею!
А может, было б лучше не спасать?..

Вольно или невольно Евгений Александрович, дуя в ту же «классовую дуду» борьбы с охотнорядцами, становится в строй подобного хунвейбинства, может быть, не желая этого. Такова ирония истории.

Но прошлое не воротить, ибо давно уже вырос слой русской интеллигенции, которая легко разгадывает нехитрую социальную демагогию, прикрываемую лозунгами борьбы с охотнорядством, религиозными предрассудками, шовинизмом. И эта интеллигенция уже имеет волю и мужество, чтобы сказать: хватит! К сожалению, я говорю обо всем этом потому, что Евтушенко не одинок в своем навязывании современной действительности скомпрометированных идеологических стереотипов, разрушавших в свое время русскую культуру. Я не думаю, что современный поэт ставил себе задачу довести русофобскую истерию до предела, на котором она была в 30-е годы. Думаю, что это по легкомыслию, по неумению осторожно обращаться с историей.

Вот выступает в «Советском экране» прозаик Б. Васильев со статьей о фильме «Покаяние». Статья написана страстно, в ней немало интересных мыслей. Есть, правда, и наивные суждения, вроде: «Я прозрел, увидев фильм Тенгиза Абуладзе», или: «Он снял с глаз моих катаракту рабского равнодушия». Читая это, так и хочется спросить популярного писателя: ведь были же XX, XXII, XXVII съезды КПСС, да и написано в советской литературе о временах культа личности немало, неужели если бы Васильев не посмотрел фильма – так и жил бы дальше с «катарактой рабского равнодушия»? Но это детали, каждый прозревает в свой срок. Огорчает другое. Сетуя о том, что некогда разрушен храм Христа Спасителя, Борис Васильев одновременно, говоря о современной ситуации, находит в ней какие-то, цитирую, «рвотные приступы великорусского шовинизма». Опять то же самое. Опять правая рука не ведает, что творит левая. Разве Б. Васильеву неизвестно, что разрушение храмов в Грузии, о чем говорится в фильме, и в центре Москвы прикрывалось как раз в те времена лозунгами борьбы с «великорусским шовинизмом» и с «местническим национализмом»? Зачем же нам воскрешать эти позорные ярлыки, принесшие столько беды русским и другим национальным культурам?

Поиски великорусского шовинизма напоминают порой чуть ли не «охоту за ведьмами». Опытный критик Старикова пишет о романе Астафьева «Печальный детектив» в «Вопросах литературы»: «Доморощенный шовинизм дурного тона». До чего договариваемся: даже наш всенародный трагический праздник День Победы, по мысли Стариковой, способствует раздуванию шовинизма. Цитирую из той же статьи: «Выросли поколения, постоянно слышащие празднично-победные фанфары и литавры, восхваляющие как бы национальную исключительность». Стыдно читать. Можно подумать, что пишет какая-нибудь зарубежная журналистка, ничего не знающая ни о нашей войне, ни о нашей жизни, ни о нашем «празднике со слезами на глазах»! Какие литавры? Какие фанфары? Какая национальная исключительность? Вот как

создаются мифы о русском шовинизме! А впрочем – да, национальная исключительность всех павших и победивших русских, казахов, украинцев, грузин и других наших народов, да, национальная исключительность самопожертвования и героизма, исключительность не для себя – для других, нам нечего стыдиться такой исключительности, она – наша гордость! Эти идеологические, чаще всего русофобские клише, появляющиеся в нашей прессе, к сожалению, дезориентируют молодое поколение литераторов, внедряя в их сознание мысли о расколе культуры. И вот молодой поэт А. Еременко, в панике подхватывая мысли своих старших наставников, заявляет молодежной аудитории журнала «Юность»: «Держатели акций национальной идеи насаждают политику травли в литературе». Итак, опять великодержавные шовинисты опять кого-то травят... Но давайте посмотрим, какие писатели и критики за последние годы больше всех подверглись обстрелу критики: Василий Белов, Виктор Астафьев, Владимир Солоухин, Юрий Бондарев, Михаил Лобанов, Вадим Кожинов, Юрий Кузнецов, Валентин Сидоров, Аполлон Кузьмин, Марк Любомудров, Юрий Лощиц, Лев Гумилев, Валентин Пикуль, Сергей Лыкошин – известные имена русской прозы, поэзии, критической мысли. Именно по отношению к ним, русским по художественному мировоззрению, насаждается в условиях гласности «политика травли».

Я в последние годы много работал в архивах и вижу, что приемы, методы и терминология травли русских писателей 20–30-х годов рапповцами, лефовцами, напостовцами, конструктивистами очень похожи на приемы нынешних критиков, своеобразной команды быстрого реагирования – Суровцева, Оскоцкого, Николаева, Калтахчяна... После многолетнего преследования в печати все крестьянские поэты, друзья Есенина, закономерно закончили свой путь в местах не столь отдаленных. Пусть хоть эта историческая аналогия заставит быть осторожней борцов против «держателей акций национальной идеи». Хотя неприятно уже и то, что после кампании травли, организованной против них, Кожинову,

Лобанову, Любомудрову, Лощицу, Сидорову стало трудно печататься. (Опираясь на «террор среды», Любомудрова фактически лишили работы в его институте.) Все они в ответ на облыжную критику писали ответы и разъяснения своих взглядов в различные органы печати, – но ни одна из этих работ не была опубликована. Вот вам и гласность в одну сторону. Но, к счастью, кое-что изменяется в наше время. В одном из апрельских номеров «Литературной газеты» опубликовано интервью с академиком ВАСХНИЛ Тихоновым, где черным по белому сказано о том, что государство до коллективизации покупало хлеб у крестьянина, а после коллективизации стало фактически отбирать его у колхозника. Я помню, какой шум поднялся несколько лет тому назад в нашей прессе в ответ на статью «Освобождение» Мих. Лобанова, напечатанную в журнале «Волга», где он попытался рассмотреть нашу литературу, посвященную коллективизации, именно с подобных исторических позиций с целью выяснения ее правдивости и искренности. Как тогда возмутилась пресса! Полосы появлялись, подвалы... Главного редактора «Волги», его зама и заведующего отделом сняли с работы. А сейчас читаем Тихонова и видим – Лобанов-то был прав... Но Оскоцкий и Николаев, как бдительные идеологи, тогда нажили себе немалый политический капитал. Однако ведь инфляция таких капиталов – неизбежна во времена, подобно нашим.

За что у нас травят самых лучших русских писателей? Думаете, за то, что они пишут плохо? Нет, пишут они хорошо, и травят их не за стиль и язык, а за то, что они подымают пласты жизни и идеи, на которые многие наши критики и мыслители накладывают табу. Не сметь! А Белов взял да и прикоснулся к запретной, по мысли этих критиков, теме отъезда, отказа от советского гражданства, к русско-еврейской национальной болячке притронулся, и раздался крик: «Табу!» А почему эта тема должна быть для литературы запретна? Политики о ней говорят, публицисты по телевидению говорят, телемосты в ней завязли. Почему же Белову нельзя? Все боли, все язвы, все надежды и мечты нашего общества в каждой его

национальной ячейке – русской, грузинской, казахской, еврейской – все это наша общая историческая данность, и когда писатель такого большого таланта и совести, как Астафьев или Белов, говорит об этом, наш долг ободрить его и сказать ему «спасибо» за мужество, а не кричать: «Не тронь!» Эти запреты, которые отразились в статье Кучкиной, опубликованной в «Правде», есть явная отрыжка старого, охранительного мышления, покоящегося на всяких идеологических табу, в первую очередь национальных. Мы, как писатели, не будем свободны, пока не заговорим открыто на все национальные темы. Если мы будем своим молчанием загонять национальные болезни – а они у нас есть – в глубину жизни, будем делать вид, что их не существует, мы окажем плохую услугу революционному процессу, происходящему в нашей стране. Ибо кроме принципа социальной справедливости есть принцип справедливости национальной. Положение с существованием и преподаванием языков в национальных республиках, вульгарно-классовый подход к национальным культурным ценностям, взаимоотношение различных народов и отдельных людей разных национальностей, прагматическое давление политики, упрощающей всю сложность жизни и истории наций – все это в жизни есть, а в литературе почти нет, потому что во все времена было в нашей идеологии табу: не касаться национального вопроса, а если и касаться, то только изображая его в самых что ни на есть розовых тонах... Неразбериха в этом деле дошла до того, что даже «Правда», комментируя казахские события, не сводит концы с концами. Вот что недавно напечатал один казахский поэт в своей местной прессе: «Гордиться своим языком, заботиться о его чистоте, способствовать его развитию – одна из главных обязанностей каждого казаха, каждой казахской семьи, всего населения. Сила народа – сила языка. Мы должны превратить родной язык в один из самых грамотных и самых богатых языков. Это наша обязанность сегодня, а также будущих поколений». Наверное, каждый из нас, думая о своем родном языке, скажет в душе то же самое. Но как комментирует этот благородный и естественный

призыв не кто-нибудь, а, к сожалению, газета «Правда»: «В словах за заботой о развитии родного языка проглядывается (во, каким русским языком пишет автор «Правды»!) национальный эгоизм»... Да я думаю, что любой нормальный казах возмутится, прочитав это в газете. И я бы возмутился на его месте и подумал бы: вот она, русификация. К счастью, настоящие русские интеллигенты-интернационалисты не несут за такую русификацию никакой ответственности. Может быть, кому-то нужно, чтобы такие чувства по отношению к русским появлялись в республиках? Зачем же центральный орган так бестактен по отношению к здоровой заботе национальной интеллигенции о языке? Заботе, которая не имеет ничего общего с хулиганскими эксцессами, спровоцированными в Алма-Ате противниками перестройки? Национальный вопрос – дело тонкое, и не годится все валить в одну кучу. Недаром М. С. Горбачев недавно на совещании руководителей средств массовой информации сказал: «Мы за уважительное отношение к национальным чувствам, и к истории, и к языку всех народов, за полное и фактическое равенство». Озадачивает весьма тщательно организованная кампания, извращающая ленинское учение о двух культурах, широко развернувшаяся в последние месяцы в нашей печати. Стоило только Кожинову, опираясь на ленинские мысли, выступить в журнале «Москва» о защите русских национальных ценностей от всяких разрушительных взглядов, зародившихся в 20-х годах, как его тут же оборвали трехкратным залпом: сначала «Литературная газета» в статье Новиков (но она это сделала скромно), потом «Советская культура» в статье Калтахчяна и на другой день после «Советской культуры» «Правда» поместила резкую реплику на эту же тему. Не слишком ли много? Поймите меня правильно. В нашей несчастной культурно-исторической практике сектантское, вульгарно-социологическое перетолкование ленинских взглядов уже после революции несколько десятилетий било по нашим национальным ценностям – сначала по Пушкину и Карамзину, потом по Тютчеву, Гоголю, Достоевскому. Ведь дело доходило до того, – молодые писате-

ли и писатели из республик, может быть, об этом не знают, – что Достоевского просто, к примеру, изымали из обращения, а такой теоретик, как В. Шкловский, на 1-м съезде писателей призывал судить его революционным судом как изменника революции, а Константин Симонов еще в 1949 году в своей речи на пушкинском юбилее назвал его имя в ряду крупнейших пособников империализма. И Достоевского мы вынуждены были вернуть в родное лоно лишь после того, как приоткрылся «железный занавес», и мы увидели, что его чтит весь мир. Неудобно стало, закрыли глаза на то, что не умещается он в двухкультурной схеме, что не революционер-демократ он, вернули блудного сына... И вот когда сейчас Калтахчян или ректор Историко-архивного института Афанасьев (тот самый Афанасьев, который несколько лет назад предавал анафеме в журнале «Коммунист» «Лад» Белова) снова начинают углублять свою демагогическую колею, то наш печальный исторический опыт, опирающийся на развалины 250 уничтоженных великих архитектурных памятников только одной Москвы, говорит нам: будьте внимательны! Эти теоретики классовости чересчур избирательны в своем классовом подходе. Еще недавно писали о роке, о дискотеках, о западной музыке как о математически доказанной культуре буржуазной, как о своеобразном наркотике, уводящем от классовой борьбы, но сейчас замолчали об этом, слушают с утра до вечера буржуазную, по их вчерашним словам, рок-музыку и думают: да бог с ней – хоть и буржуазная, да ведь на ее критике сейчас внутри страны политического капитала не наживешь, на этом материале ведь не порусофобствуешь: то ли дело настоящие, крупные национальные мишени: Белов, Астафьев, Кожинов... Огонь!

Думаю, что Ю. В. Бондарев, когда говорил о том, что мы переживаем в культуре период, подобный июлю 1941 года, имел в виду многие обстоятельства. Разве появление в нашей прессе письма диссидентов, ставящих нам условия и дающих рецепты, как и до какой степени развивать нам нашу демократию, не есть этот идеологический натиск? Разве мощнейшая

пропаганда всеми средствами нашей массовой информации рок-музыки не есть явление того же порядка? Я не призываю ее запрещать, я говорю, что преступно насаждать ее всею мощью государственных средств массовой информации. А всякого рода заявления, до которых докатывается журнал «Юность»? Цитирую из апрельского номера за 1987 год: «Бюрократический аппарат породил полудиссидентские настроения», или из той же статьи, где автор пишет о некоем комсорге-преступнике, убившем свою подругу. Почему? Да потому, что его, цитирую, «развратили ура-комсомольскими стишками». А может быть, это своеобразная самокритика главного редактора «Юности» А. Дементьева или члена редколлегии Р. Рождественского, которые тоже немало писали о комсомоле? Может быть, публикация ими подобных мыслей есть их своеобразное покаяние? До абсурда доходим, друзья. Это ли не развязная попытка под ширмами демократии навести тень на плетень? Это ли, говоря словами М. С. Горбачева, не «анархия и вседозволенность»? Нечто слабоумное начинаем миллионными тиражами печатать, захмелели совсем от избытка демократии... А что вы скажете о циничном пассаже того же журнала «Юность»: «Зачастую «гражданственностью» литературы называют элементарную социальную рефлексию. Иначе и быть не может, если у нас писатель занимается проблемами поворота северных рек...» Как можно с таким холодным снобистским цинизмом говорить о великом гражданском подвиге Залыгина, Распутина, Белова – мы ведь знаем, кто у нас занимался борьбой с поворотом северных рек, – как можно их самоотверженное деяние во имя народного блага третировать как «элементарную социальную рефлексию»! Что-то во время этой многолетней изнурительной борьбы ни журнал «Юность», ни его главные авторы не проявляли этой «элементарной социальной рефлексии»... Может быть, поэтому они сегодня могут так пренебрежительно отзываться о подвижническом деле. Но пусть сие будет на совести журнала и его главного редактора. Жаль только миллионов молодых людей, которые всерьез могут принять это «фальшивоякобинское» брюзжание. Пора понять, что вся эта

демагогическая терминология, все поиски «великодержавного шовинизма», «русопятства», «охотнорядства», «национальной исключительности», «почвенничества» – вся эта охота за ведьмами стоит на пути к желанной консолидации. Давайте будем внимательней, бережней, уважительней относиться и к нашей истории, и друг к другу... Наша задача – не допустить раскола Союза писателей, пусть он выйдет из перестройки помолодевшим, очистившимся от догм и групповых страстей, чтобы стать **в** будущем надежной опорой партии и народу.

О НАЦИОНАЛ-НИГИЛИЗМЕ
(выступление на Пленуме правления СП СССР 1 марта 1988 года)

С болью и тревогой прочитал я в новогоднем номере «Литературной газеты» размышления Валентина Распутина «Если по совести»... Вот что, в частности, он сказал: «Искусство открывает двери для дешевой развлекательности, пошлости, больше того – начинает издеваться над тем, что являлось для человека и народа святынями. Дошло до того, что понятия “родина”, “патриот”, “память”, “история” все больше и больше сталкивают в националистическое русло».

Распутин как в воду глядел, его тут же столкнула в националистическое русло газета «Известия», которая обвинила Распутина в том, что он льет воду на мельницу экстремистов из «Памяти». И это – большого русского писателя (газета называет его «сибирским писателем»), который всю жизнь положил не на поддержку какой-то группки, а для всенародного патриотического движения. Стыдно за правительственную газету, стыдно, что журналисты учат Валентина Распутина уму-разуму и патриотизму.

На недавней встрече в ЦК КПСС Виталий Коротич пожаловался на то, что в прессе однажды промелькнул термин:

«либеральный террор». Но какие термины и ярлыки слышим мы чаще всего? «Шовинизм», «национализм», «расизм», «великодержавный» (то есть «русский»), «черносотенство»... Эти ярлыки аж затаскали до лоска «Огонек», «Московские новости», «Неделя», «Комсомольская правда». «Книжное обозрение» в письме Лесневского печатно обозвало поэта Юрия Кузнецова «черносотенцем». А «Комсомолка», «Огонек» и «Неделя» вообще для достижения своих целей в полемике «скатились» до публикации анонимок – в статьях Рассадина и Лосото, в подборках «читательских» писем. Слава Богу, что принят закон, обязующий не ссылаться больше на анонимные свидетельства и мнения ни в каких обстоятельствах, и теперь ни Лосото, ни Рассадин не смогут продолжить эту практику... Вы думаете, я не получаю анонимок самого грязного – чаще всего антирусского и сионистского содержания? Многим сидящим здесь в зале стало бы плохо, если бы я их прочитал, но предпочитаю не вытаскивать провокационную грязь на всеобщее обсуждение, ибо это только увеличит грязевой поток. Лишь запачкаемся все до единого. А вообще жонглирование такими ярлыками, которые я привел выше, – дело небезопасное.

Не один только Валентин Распутин – все мы видим, как многообразно порочатся в массовой прессе сегодня такие понятия, как «патриотизм», «почва», «отечество». Вот печатает Фазиль Искандер стихотворенье «Ода дуракам», и с недоумением читаешь:

Дурак – он разный. Он лиричен,
Он бьет себя публично в грудь,
Почти всегда патриотичен,
Но перехлестывает чуть.

Вот уже «патриотизм» и «глупость» под пером поэта увязываются в один узел. А что, дурак не может быть, что ли, «космополитичен» или даже «интернационалистичен»? Вот печатает Евтушенко стихотворенье «Русские коалы», где

упрекает русских людей в том, что, строя «мартены, блюминги, кессоны», они «духовно дрыхли» и трусливо молчали во времена репрессий. А что, наш поэт, может быть, не знает, что Магнитку и Кузбасс строили в основном вчерашние крестьяне, убежавшие из деревень от голода и насильственной коллективизации? «Русские коалы»! Нашел кому предъявить счет! Столько раз называвший себя интернационалистом, а в пороках сталинской системы обвиняет именно русских! Почему же этот «интернационалист» не написал в этом случае «советские коалы»? Что, грехи прошедших времен принадлежат исключительно и только русским? Вот вам интернационализм «по-евтушенковски»!

Одна реплика в связи с ходом нашего Пленума. Я думаю: стоит ли нам так нещадно эксплуатировать слова Ленина о старой России как о тюрьме народов. Мне кажется, что мы бы имели моральное право без колебаний то и дело опираться на них, если бы, выполнив его заветы, построили многонациональную гармонию на нашей земле. Но ведь, как можно судить по многим выступлениям, такого не произошло...

Я понимаю, что страсти накаляются по разным причинам. И с той и с другой стороны есть люди, искренно верующие в свою правоту. Но в спор вмешивается и немало демагогов, любящих половить рыбку в мутном потоке гласности. Поэтому давайте думать об общем деле, о том, чтобы нам создать спокойную, уважительную атмосферу дискуссии. В спокойной атмосфере мы сможем плодотворно рассуждать на самые трудные темы.

В спокойной атмосфере мы смогли бы спокойно поговорить не только о нескольких «африканских генах» Пушкина, но и о древнееврейской ветхозаветной структуре творчества Шагала, что лишь обогатило бы наше знание о художнике, которого не надо втискивать в ложе русского искусства: не лезет он в него.

Один из виднейших писателей Запада Лион Фейхтвангер, когда его однажды спросили, к какой национальной стихии принадлежит его творчество, ответил: «По убеждениям я

интернационалист, по языку немец, по чувствам еврей!» Вот свободный ответ откровенного человека, лишенного всяких комплексов. А теперь подумайте, что какой-нибудь критик у нас заговорит в подобном ключе – да какой шум подымется! И бедный Фейхтвангер в черносотенцы попадет или в сионисты – это уж как «Комсомолка» решит. Нет, не доросли мы еще до подлинной демократии, умения размышлять на жгучие темы, до настоящего социалистического плюрализма!

В журнале «Знамя» за январь 1988 года напечатан любопытный диалог «“Память” и “Память”» доктора экономических наук Г. Х. Попова и А. Аджубея.

В диалоге, посвященном национальным проблемам, много интересных наблюдений, толкований истории – порой здравых, но порой и фантастических. Главная идея диалога такова: а не опасно ли разным национальностям нашей страны развивать деятельность обществ по сохранению исторической памяти? Попов и Аджубей в два голоса дружно заклинают: «Кто дорожит памятью только своего народа, рано или поздно начинает оправдывать все на свете»; «что делать, когда память одного народа сталкивается с памятью другого народа»; «если следовать этой логике, “упрощать проблему” и дальше, то можно прийти к заключению: память имеет только тот народ, который сегодня взял верх»... Зачем же «упрощать проблему», и «кто сегодня “взял верх”»? – так и хочется спросить сразу.

Ответить на эти вопросы можно и в общей форме: как бы ни был шероховат процесс возрождения исторической памяти – он все равно есть благо на фоне «беспамятства» и денационализации. Это во-первых. А во-вторых, обратим внимание, что авторы все свои опасения излагают в сослагательном наклонении по принципу «если бы да кабы». Красноречив в этом смысле чуть ли не главный гипотетический эмоциональный тезис авторов диалога: они вспоминают битву при Калке и конструируют такую утопию: «Проиграй тогда монголы эту битву, и их полчища, возможно, откатились бы в степи и поля и память о них исчезла бы так же, как исчезла память о пече-

негах и половцах. Поэтому иная "Память" могла бы поставить на месте битвы знак в честь победы над русскими: логично? Но тут же возникает вопрос: а как отнесутся нынешние жители тех мест к попытке поставить такой памятник»... Уф-ф! Даже устал распутывать эту фантастическую гипотезу, которой нас вполне реально запугивают!

С точки зрения истории, в которой, видимо, не силен доктор экономических наук, – здесь все доведено до абсурда. Ведь громадные полчища завоевателей с Востока были многонациональными, ибо Чингисхан формировал их из числа многих покоренных народов, так что потомки какого племени из нескольких десятков, бывших в войсках Чингисхана, и какая национальная «Память» будет ставить памятник на Калке – вычислить это я предлагаю доктору экономических наук... И вообще все эти инфантильно-исторические рассуждения напоминают мне диалог Льва Толстого с английским журналистом, который приехал в Ясную Поляну и спросил у Толстого: «Вот вы проповедуете непротивление злу насилием, а представьте себе – вы входите в лес, и на вас нападает тигр: неужели вы не будете сопротивляться?»

Лев Толстой только развел руками: «Помилуйте, батенька, откуда в Ясной Поляне тигры?»

К тому же задумаемся вот о чем. По всей Европе сохранены в разных государствах памятники, которые Наполеон поставил в честь своих побед... Ни одному народу – народы там с весьма развитой исторической памятью – в голову не приходит разрушить их. Русское правительство в 1912 году разрешило французам установить памятник их павшим на Бородинском поле. На нашей территории со времен Петра есть обелиск шведским воинам Карла Двенадцатого – как дань их мужеству.

Зачем же «Знамени» ставить дилемму, что увековечивать: русские крепости и казацкие остроги, исторические следы продвижения России на Востоке или памятники живших здесь коренных народов? Надо увековечивать и те и другие, и на этом взаимном фундаменте крепить нашу интернациональную дружбу!

Такие диалоги, как в «Знамени», как бы рассчитывают на худшее, заранее конструируют образ врага, чаще всего в лице русского шовинизма. Кстати, что такое «шовинизм»? Это ведь даже не просто национализм, но крайняя, агрессивная степень не просто национального чувства, а действия. Но я внимательно читал в последние годы всю прессу, всю полемику на эту тему – и нигде, даже в самых оголтелых выступлениях не было приведено ни одного факта, что русское патриотическое движение ставит себе целью борьбу с исторической памятью украинского, татарского, грузинского, армянского и других народов. А тем более агрессию против них. Оно имеет только, я бы сказал, оборонительный смысл – от разрушительных денационализирующих сил. Именно о них, национальных нигилистах, жестко и точно сказал в одной статье Чингиз Айтматов: «Это они договорились до того, что рассматривают название аэропорта “Манас” как проявление национализма, отрицают необходимость национальных школ и детсадов, лишая тем самым национальные культуры их исходной почвы. Они ничего бы не оставили, никакой самобытности, в конце концов экзотики, в которой тоже нет ничего плохого. Поэтому я думаю, что в борьбе против национализма мы не должны упустить и мимикрию под интернационализм».

Поскольку великий Манас, созидая киргизский народ, вел немало войн с соседними племенами, то, по логике журнала «Знамя», их потомки, живущие на территории Советского Союза, должны бы протестовать против такого аэропорта с именем «Манас»... Разве это не абсурд?

Относясь подозрительно к оживлению исторической памяти русского народа, заранее загипнотизировав себя и читателя, что оно неизбежно станет националистическим, Попов и Аджубей восклицают: «Но ведь тогда каждый народ должен создать свое общество “Память”!» То есть разреши русским – и другие за ними потянутся! А что в этом плохого? Это можно только приветствовать, ибо надо делать ставку на доверие, добро, на гласность, на конструктивные силы

национально-духовной жизни, а не подозревать вся и всех в обязательном и неизбежном сползании к шовинизму. Если мы не научимся сопротивляться денационализированной интеллигентщине и бюрократии – слоям, лишенным любви к национальным культурам, – то все будем страдать от них. Если в Москве, не в сталинской и не в кагановической, а в нашей, в 1987 году, в трех километрах от Кремля срыта национальная святыня России Поклонная гора, несмотря на все негодованье писателей, архитекторов, скульпторов, на все протесты простых русских людей, то совершенно очевидно, что завтра подобным силам ничего не стоит уничтожить какую-либо национальную святыню в любой республике либо плюнуть на все требования украинской или белорусской интеллигенции восстановить преподавание родного языка на родных землях. Если так легко оскорбляются национальные чувства самого крупного народа нашего содружества, то что говорить о народах малочисленных по сравнению с русским.

Недавно в Горьком я увидел мемориальную доску, где сказано, что в этом доме жил «народный, революционный поэт Т. Г. Шевченко». Все есть, кроме одного слова – «украинский». Но ведь не русские в этом виноваты, а та денационализированная интеллигентщина, которая родному городу ни за что не желает вернуть древнее народное имя Нижний Новгород. Но есть у нас путь, на котором каждое национальное самосознание будет помогать другому, развивающемуся по тем же законам.

Я благодарен прекрасному грузинскому национальному поэту и прозаику Отару Чиладзе за его слова в статье «Ради жизни», напечатанной недавно в «ЛГ»: «Не приведи бог характеру какого-либо народа измениться настолько, чтобы это легко было разглядеть каждому! Это было бы равнозначно гибели народа, хотя, возможно, физически он продолжит свое существованье: гибели – потому что уже не будет в состоянии создавать духовные ценности, ибо для духовных усилий недостаточно только желаний или даже таланта, необходимо и отличное от всех мироощущение, самобытное восприятие

окружающего. Поэтому, чем более совершенствуется техника и универсализируется мир, чем шире раздвигаются границы массовой культуры, тем осторожнее надлежит быть всем нам, чтобы ни на мгновенье не забывать о родном языке, психологии и традиции, об этой святой троице, благодаря которой утверждается основа основ, сущность сущности и смысл смысла личности – ее национальное самосознание».

Я низко кланяюсь грузинским друзьям и счастлив тем, что грузинская общественность причислила своего великого сына писателя Илью Чавчавадзе к лику святых, ибо это вселило надежду в меня, что это деяние поможет нам, русским, пробить брешь в денационализированном слое и наконец-то поставить к тысячелетию христианства памятник великому святому моего народа Сергию Радонежскому! Хотя, по логике журнала «Знамя», против этого должны протестовать потомки всех тех, кто потерпел поражение на Куликовом поле...

Александр Блок однажды написал глубокое по своей диалектике стихотворенье, в котором, перечислив многие изъяны русского национального характера, тем не менее вдруг закончил: «Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне!» Обратите внимание – не лучше всех краев, но «дороже»... Те, кто кричит – «моя родина – лучшая», – вообще-то ничего страшного не делают, когда это звучит не хвастливо или воинственно. (Ведь подобные слабости были присущи даже Ленину. Горький вспоминает, как на Капри Ленин, глядя на итальянских рыбаков, говорит: а наши работают лучше, бойчее... Впрочем, он имел в виду дореволюционных работников.)

Те же, кто с яростью возражают: «коль ты так говоришь – ты националист!» – не правы. Хвала своему народу еще не есть зло для другого народа. Это обычное «простое» выражение патриотизма, которому нас учили Пушкин и Тургенев, Блок и Есенин, Руставели и Комитас, Шевченко и Райнис...

Да, у каждого народа есть своя история, с величием, с тупиками, с взлетами и падениями. И эта история, эта родина как мать. Она – всех дороже – и все тут! Так думают и русский, и казах, и киргиз. И наши примитивные спекулятивные

интернационалисты, не прошедшие школу трудной любви к родной земле и, значит, рассуждающие о неведомой им материи, только оскорбляют национальные чувства каждого из нас и тем самым разжигают национальные страсти или загоняют их внутрь организма, чтобы те рано или поздно прорвались на народном теле каким-нибудь гнойным нарывом.

Сегодня наша главная задача состоит в том, чтобы каждый народ, каждая национальная интеллигенция воспринимала тревоги, боли, надежды каждой нации как свои собственные. Ибо отдельно каждому бороться против мощного денационализированного слоя не под силу. Он, этот слой, – государство в государстве. Лишь поощряя духоподъемные силы каждого национального культурного движения, мы сможем спасти: и уникальную историко-природную Лесковицкую пойму в древнем Чернигове, и Хортицу, о чем ратуют Олесь Гончар, Иван Драч, Борис Олейник, и озеро Севан, и знаменитую грузинскую лозу – основу жизни грузинского земледельца, и бурятские дацаны и узбекские памятники, сооруженные Тамерланом, и тогда никакому русскому или грузинскому интеллигенту не придет в голову абсурдная мысль, что Тамерлан когда-то разорял Россию и Грузию... Так объединим же все возрождающиеся ручейки наших национальных патриотических усилий в одно многонациональное русло во имя будущего!

ХВАТИТ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Сегодня вече собирает известный русский поэт, критик и публицист, главный редактор популярного журнала «Наш современник» Станислав Юрьевич Куняев, выдвинутый кандидатом в народные депутаты РСФСР по Дзержинскому территориальному избирательному округу № 11 г. Москвы.

Родился он в 1932 году в городе Калуге, в семье русских интеллигентов, мать была врачом, отец педагогом. Там же

закончил школу, поступил в Московский государственный университет, закончил филологический факультет в 1957 году и поехал по собственному желанию работать в дальнюю Иркутскую область, в районную газету – г. Тайшета, где в то время началось строительство знаменитой дороги Тайшет – Абакан. Там же начал писать стихи, печататься в сибирских изданиях, и первая книга его стихотворений «Землепроходцы» вышла уже в 1960 году.

Вернувшись в Москву, молодой поэт работает журналистом в журнале «Смена», потом в «Знамени». А с 1963 года переходит на творческую работу. Много ездит по стране – Сибирь, русский Север, Средняя Азия, где он несколько сезонов работает в геологической партии, – вот вехи его судьбы и личной, и литературной.

С 1975 по 1980 год он – рабочий секретарь Московской писательской организации, а с осени 1989 года – главный редактор журнала «Наш современник», который под его руководством с каждым месяцем становится все более и более популярным изданием. Достаточно сказать, что в результате новой программы журнала, анонсированной главным редактором прошлой осенью, подписка на журнала в 1990 году увеличилась вдвое и достигла полумиллиона.

Станислав Куняев – член КПСС с 1960 года, лауреат Государственной премии РСФСР им. Горького 1986 года, секретарь Союза писателей РСФСР.

Женат, имеет сына и трех внуков.

О чем он думает сегодня, как кандидат в народные депутаты нашей Российской Федерации?

– О том, как мы разорили нашу родную землю... Я за последние 10–15 лет каждый год бываю на Русском Севере и вижу воочию: исчезают очаги жизни, с таким трудом зародившиеся в этом суровом краю века тому назад. Наши предки сверхчеловеческими усилиями обжили эти края, – а мы сегодня проматываем и разоряем их наследство. В чем дело? А в том, что люди в XX веке уже не могут жить даже в этом да-

леком от центра краю без школ, без дорог, без больницы, без магазина, без необходимых для жизни вещей и товаров. Необходимых – я подчеркиваю... Что нужно было для того, чтобы реализовать антинародный план нашей бюрократической элиты, которую своими идеями подпитывали экономисты и социологи, вроде академика Заславской, план, заключавшийся в уничтожении десятков тысяч бесперспективных деревень в 70-х годах? А просто-напросто прекратить финансирование, строительство, ремонт, развитие школьной, медицинской, торговой и дорожной структуры... На моих глазах люди беломорских деревень – Сояны, Мегры, Койды – помыкались-помыкались и поняли, что их выживают из насиженных мест. Поняли, что они никому не нужны, что строиться им не дают (лес заготавливать запрещают, должности врачебные и медицинские сокращают, рыбу, на которой выросли их деды и прадеды, ловить не дают – объявили ее монополией государства), и потекли потихоньку люди из деревень в города, в поселки... И доживают теперь в некогда процветавших деревнях лишь старики и старухи... А к тому же вокруг этих очагов жизни в последнее десятилетие – как язвы, уничтожающие лес, реки, воду, – расплодились бурильные установки, временные поселки изыскателей нефти и газа, тайга изуродована просеками, зимниками, пожарами... Варварство хищнического цивилизованного центра, работающего на ведомства и совместные предприятия, обогащающего западные фирмы и нашу бюрократию, описанию не поддается. На моих глазах вся еще пятнадцать лет назад здоровая, природная зона стала больной, изгаженной, обезлесенной, обезлюженной... Долг будущих российских депутатов – грудью встать на защиту родной земли, на защиту ее коренного населения от антинациональных, технократических и транснациональных сил. Страшно сказать – еще немного и коренное население в таких местах будет похоже на коренное население ЮАР... Впрочем, в ЮАР сейчас происходят изменения к лучшему, а у нас – к худшему. Знаю, что есть проекты по устройству в этих краях охотничьих зон-заповедников для богатых иностранных

туристов, чтобы они время проводили в свое удовольствие, а бедные мегорские мужики их бы обслуживали... Цинизму подобных планов нет предела. Говорят – а это за валюту! Но ведь эта валюта пойдет в карман нашей бюрократической элиты. Разве это не ясно? Нет, нужны законодательства, защищающие русский народ от подобного хищничества!

Может быть, хватит экспериментов над несчастной страной? В последнее время в умах теоретиков межрегиональной группы зародилась идея расчленения России на отдельные самостоятельные регионы. Для чего? Для того чтобы они лучше развивались. За это ратовал покойный Сахаров, за это ратует Ю. Афанасьев, об этом в прошлом году говорила на конференции демократических движений страны активная функционерка Межрегиональной группы Галина Старовойтова: «Для России этот вопрос актуален. Россия сама бы могла разделиться на несколько республик: Сибирь, Урал, Дальний Восток и так далее»; «Россия, как федерация внутри федерации, ликвидируется, поскольку из нее выходят автономии»; «это народ с искаженным самосознанием»... И таких идей и предложений от идеологов межрегионалки о необходимости разделения России в последнее время сказано немало... Ну что тут сказать? Разве что вспомнить несколько высказываний подобного же рода, но из другой исторической эпохи: «Надо предусмотреть разделение территории, населяемой русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие»... «Нет сомнения, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей окажется одним из средств борьбы с усилением русского народа» – это «Замечания и предложения» Восточного министерства Розенберга по генеральному плану «Ост». «Совершенно секретно! Государственной важности!» (Берлин, 27.4.1942) Можно еще к мыслям Альфреда Розенберга, произнесшего в свое время в 1919 году речь на съезде сионистов в Риге, добавить мысли Гиммлера по этому же вопросу: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем

случае не объединять народы восточных областей, а наоборот дробить их на возможно мелкие ветви и группы».

Вот так: то, что в 1942 году было «совершенно секретно», – то сейчас пропагандируется и тиражируется межрегиональщиками в миллионах экземпляров...

Так-то вот с нашей государственностью. С национальным достоинством еще хуже. Когда в сегодняшней перестроечной прессе мы вслед за невежественными откровениями эстонского профессора Маде читаем, что русская душа – «великая раба», что русский народ – «это народ с искаженным национальным самосознанием», что «русский характер исторически выродился, реанимировать его – значит вновь обрекать страну на отставание», что приезд в русский город на Неве, недавнюю столицу России, лучших русских писателей и публицистов – это «политическое безрассудство», я думаю о том, как любили Россию и русский народ ее великие сыновья. Сейчас, когда многие публицисты кричат на всех газетных перекрестках о неполноценности и рабстве русского человека, не след ли нам в дни юбилея Бориса Пастернака вспомнить одно из лучших его стихотворений – «На ранних поездах», написанное не когда-нибудь, а в 1941 году, перед самой войной, в эпоху расцвета сталинистского рабства:

...Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане.
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства.
Которые кладет нужда,
И новости, и неудобства
Они несли как господа...

Не холопы с рабскою душой, а люди с достоинством, – такими видел русских людей Пастернак. Так что все дело лишь в одном – ненавистью или любовью движется твое перо, когда ты пишешь о России и ее народе.

А теперь поговорим о нашем национальном достоинстве, которое так жаждут растоптать все деятели, кричащие о нашем «искаженном самосознании», о «рабской душе» русского человека, о «России-суке» и т.д. Когда я слышу такое – к тому же, когда мы знаем о тысячах оскорблений нашего национального российского достоинства в Закавказье, в Молдавии, в Прибалтике, о лозунгах, где фигурирует «мигранты», «оккупанты», «русские», – я думаю: почему наша пресса твердит, что нам нужно в первую очередь принять закон об антисемитизме на основании нескольких антисемитских эпизодов и совершенно не замечает сотни, тысячи антирусских акций и не предлагает принять закон о наказании за разжигание антирусских страстей, за пропаганду миллионными тиражами русофобских взглядов и убеждений? Я думаю, что нам нужно подтвердить или по-новому и жестко сформулировать закон о недопустимости разжигания любой межнациональной вражды, о недопустимости оскорбления любой нации, или чтобы каждая республика приняла законы, защищающие свое национальное достоинство, – но в таком случае и российский парламент должен принять подобный закон. Я считаю это жизненной необходимостью и вот почему. Когда народ теряет часть своей территории – это еще не значит, что он побежден. Такое с нами бывало не раз.

Когда страна попадает в хищно расставленные экономические и политические сети – и это еще не конец: их можно разорвать работой или революцией.

И даже когда народом начинает править антинародная денационализированная олигархия, – и тогда не надо отчаиваться – она не вечна.

Но народ теряет все лишь в одном случае: когда у него исчезает чувство национального достоинства и чести; государство разваливается, когда в его политике исчезает досто-

инство. Тогда и с народом, и с государством можно делать что угодно: продавать, управлять, эксплуатировать.

Когда конгрессмен США требует от нашего министра юстиции, чтобы текст нового закона о въезде и выезде перед тем, как он будет утвержден Верховным Советом, был одобрен американскими юристами, и наш министр подобострастно с этим соглашается и даже благодарит коллегу за помощь, – я считаю такое поведение лакейским. Попробовал бы наш министр поставить такое же условие американскому законодательному органу – послушал бы я, что ему бы ответили!

Когда из 190 миллиардов рублей прибыли, вырабатываемых за год Россией, она оставляет для себя чуть больше половины, а остальное идет на содержание ведомственной бюрократии и помощь союзным республикам, и естественно, что часть этих средств попадает в республиках в руки антироссийской коррумпированной и политизированной мафии – то такое положение дел я считаю унизительным и опасным для России. А если еще при том вспомнить, что зампредсовмина СССР академик Абалкин обвиняет русских перед стомиллионной телевизионной аудиторией, что русские ленивые и плохо работают, то это уже и прямое оскорбление России.

У Абалкина концы с концами не сходятся, ибо только что опубликованный статистический отчет о социально-экономическом развитии СССР в 1989 году свидетельствует, что планы по важнейшим показателям – по производству сельскохозяйственных продуктов, по строительству, по железнодорожным перевозкам не выполнен где угодно – в Молдавии, в Грузии, в Армении, в Литве, Латвии, Эстонии, а в Российской Федерации плохо-бедно, но все эти планы выполнены! Так как же можно обвинять почтенному академику Россию, если цифры его же ведомства опровергают это надуманное обвинение!

А разве не оскорбительна такая ситуация: везде на наших окраинах пролилась кровь, прошли погромы. Громили азербайджанцы армян, громили армяне азербайджанцев, громили узбеки турок-месхетинцев, громили казахи даге-

станцев в Новом Узене... Погромы и жертвы где угодно – в Душанбе, в Кишиневе, в Сухуми, в Южной Осетии. Взаимные грузино-абхазские и грузино-осетинские погромы... Разве это не фашизм, стыдливо прикрываемый в нашей прессе термином «экстремизм»? Да, это настоящий, порой взаимный фашизм...

Но таких оценок мы не слышим. Мы слышим истерический миллионнотиражный крик перестроечной прессы о каком-то русском фашизме, существующем в воображении «прорабов» перестроечной прессы, ибо нигде в России не найдет она никаких следов ни одного погрома, ни одного трупа погибшего от «русской фашистской руки» не обнаружит... Не потому ли с такой радостью пресса и телевидение страны сладострастно бросились комментировать маленький скандал в ЦДЛ и вылезли из кожи просто, чтобы из взаимных оскорблений, прозвучавших в зале, изобразить какой-то настоящий погром... И это на фоне настоящих погромов, настоящей крови, настоящих смертей и трагедий. Стыдно... Нужен закон о печати, будущему российскому парламенту необходимо принять его как можно скорее, чтобы органы массовой информации не могли манипулировать сознанием людей в своих корыстных, групповых целях...

А сколько средств уходит в бездонное чрево наших хищнических кооперативов? Вспомним недавние аферы с продажей военной техники и стратегического сырья кооперативом «АНТ»: продажа танков, редких металлов, планы продажи 10 процентов всего добываемого леса в стране! А медицинские кооперативы, на готовом государственном оборудовании обирающие население? А кооперативы, образовавшиеся при Детском фонде... Образовались они на всенародные пожертвования, а в результате служат обогащению дельцов. В прошлом году зарплата работников этих кооперативов составила от 1200 до 3–4 тысяч рублей в месяц. Полтора миллиона в 1989 году у них ушло на зарплату себе и лишь 250 тысяч – на пожертвования детям. А в системе Детского фонда уже выросла своя бюрократия: штат более

тысячи человек. Одних бюрократов сокращаем, других, тоже высокооплачиваемых, плодим. Откуда зарплата у них? А вот откуда: 150 миллионов собранных народом для детей денег они положили в банк на несколько лет (вместо того чтобы вложить их в детские учреждения), получают процентов 6 миллионов, которые идут на содержание аппарата. Пиявки, присосавшиеся к детским телам!

Любыми законными путями – налогами, денежной реформой, прогрессивным налогом на наследство – вернуть народу миллионы, украденные у него «теневой» экономикой, бюрократией, сросшейся с этими дельцами, деятелями хищной кооперации, миллионы, украденные не только в период застоя, но уже в годы перестройки.

Эти средства надо направить на повышение рождаемости в России, на оздоровление деревни, на строительство школ, больниц, библиотек, особенно в сельской местности. А то ведь у русских одно из самых последних мест в Союзе по числу людей с высшим образованием на тысячу человек... В полтора-два раза меньше, нежели у туркмен и киргизов, бывших до революции в общей массе неграмотными, в десять раз меньше, нежели у евреев... Со времен ленинской гвардии у нас сложилась политика – поставить Россию в неравное положение по сравнению с другими республиками. Вот она до сих пор в этом положении и стоит... А между прочим, именно Россия веками создавала наше многонациональное государство, шла на великие жертвы. И если наш Союз развалится, она уже не сможет начать это строительство заново. А потому сыны России, одетые в военную форму, не должны участвовать в разрешении межнациональных этнических распрей. Искупать русской кровью просчеты высшего политического руководства страны и притязания националистических мафиози – преступно. Кто заварил страшную кашу – тот пускай ее и расхлебывает.

Сенсацией февральского Пленума ЦК КПСС была правда о том, что решения по тбилисскому конфликту принимало все Политбюро во главе с Горбачевым... Так почему же они не

признались в своей ошибке на первом Съезде народных депутатов? Почему вместо того, чтобы покаяться или подать в отставку, высшее политическое руководство страны пошло на то, чтобы в тбилисских событиях в течение почти целого года обвиняют армию и подогревают антирусские настроения? А именно две эти атаки леворадикальной прессы на армию и Россию окончательно расшатали наше общество. И, однако, несмотря на то что в этой ситуации Горбачев показал себя слабым человеком, не решающимся нести ответственность за свои промахи, он должен остаться у власти. Пока нет лидеров более сильных – и этот приемлем. Лучше плохая власть, чем никакая. Худой мир лучше доброй ссоры. Иначе – гражданская война, кровь, погромы, всенародное горе... Но новых лидеров – энергичных, молодых, патриотически воспитанных, сильных, – надо искать в новой российской государственности. И еще несколько слов об армии. Мы живем не рядом с Канадой и с Панамой, не на Британских островах, а бок о бок с громадным тревожным мусульманским миром, рядом с громадным Китаем, будущее которого нестабильно и еще не ясно. Если в Китае случится то, что произошло в Румынии, и в результате гражданской войны миллионы или десятки миллионов китайцев развалят нашу государственную границу – как нам быть? А такие попытки уже были в шестидесятых годах в Киргизии, на Даманском... Но новые масштабы будут неизмеримо крупнее. Никакая профессиональная и сильно сокращенная армия не поможет нам во время подобных событий. Только народная, только многочисленная, только морально здоровая и хорошо вооруженная. Если она будет такой, то одно это может служить гарантом нашей безопасности. При слабой профессиональной армии опасность возникновения пограничных конфликтов, непредсказуемых ситуаций, чреватых беспорядками осложнений, всегда будет высокой.

О многопартийности. Я принимаю ее как идею. Но нам надо отдавать себе трезвый отчет, как это может выглядеть на практике. Всякая партия создается для политической борьбы за власть. Новая партия – новый бюрократический аппарат,

пресса, материальные средства, помещения, охрана, жесткая иерархия, противостояние другим партиям. Любой такой путь чреват жестокостью, диктаторскими тенденциями, борьбой с инакомыслящими. Вспомним, как еще при Ленине до революции партия большевиков боролась с другими революционными и демократическими партиями и течениями – меньшевиками, эсерами, кадетами и т.д.

Всякая партия проходит такой этап становления, когда, по логике борьбы, она должна быть своеобразным «орденом меченосцев», ибо рождается в суровой бескомпромиссной политической борьбе. Никакого плюрализма на деле вновь рождающиеся партии признавать не будут. В орбиту их действий естественно начнут вовлекаться широкие массы – это традиция российской политической жизни. И напряжение в обществе может в результате подскочить к критической черте. Я не говорю уже о том, что новые молодые сильные бюрократические аппараты новых партий опять же сядут в материальном смысле на народную шею. Такое положение дел надо людям представлять трезво. Иначе и быть не может...

В заключение несколько обобщений.

В 1917–1922 годах у нас к власти пришли левые радикалы. Наша нынешняя система закладывалась ими. Она состарилась, одряхлела, обызвестковалась в эпоху сталинизма и застоя и на данном этапе уже не устраивает новое поколение левых радикалов – идеологов и практиков межрегиональной группы, духовных наследников Троцкого, Бухарина, Ярославского, Каменева и, как бы они ни возражали, – Сталина... Левые радикалы двадцатых годов насильно загоняли народ в казарменный социализм, одновременно соблазняя его абстрактными картинами мировой социальной справедливости. На практике их деяния свелись к расказачиванию, к трудовым армиям, Соловкам и Беломорканалу, к Красному террору, к продразверстке, к подавлению крестьянских восстаний, к раскрестьяниванию, раскулачиванию, коллективизации, к разрушению религиозно-духовной жизни России, к всенародному голоду 21–22 и 30–33 годов, к изгнанию за рубеж самых культурных слоев России.

Во всех этих деяниях левый радикализм виноват не меньше, а значительно больше сталинизма.

Сейчас, понимая, что в условиях гласности народ начинает осознавать, что с ним произошло, и постепенно трезвеет, и доходит до мысли о том, кто виноват в его трагедии, левые радикалы нового поколения срочно выработали план, заманивая народ гораздо более низким идеалом, нежели призрак всеобщего счастья, – идеалом человеческого потребления, хотят пропустить его второй раз через мясорубку, – на этот раз не казарменно-социалистическую, а казарменно-капиталистическую. Этот путь чреват очередным букетом трагедий, иным, нежели в двадцатые годы, но тоже страшным: потеря национальной и государственной самостоятельности, массовая безработица, ожесточение общества вследствие социального расслоения, рост преступности, оформление новой диктаторской бюрократии, распродажа национальных богатств, фактическая интеграция нашей страны в полуколониальную систему стран Третьего мира... А случится это лишь потому, что наш исстрадавшийся народ попадет в очередные сети – на этот раз в призрачные сети потребительского благосостояния.

Нет, нам до́лжно быть трезвыми и не клевать на наживку ни всеобщего социалистического рая, на что мы клюнули в 17-м году, ни на «колбасно-потребительскую приманку», которую нам подсовывают сейчас. Мы должны опираться на свои силы, на свои возможности, отринуть наивную веру в чудеса. Медленный, тяжелый, упорный труд по возрождению разоренной всяческими экспериментами Родины – вот наше нелегкое необходимое будущее.

За последние годы, как я заметил, в нашей прессе к месту и не к месту, но очень часто цитировались знаменитые слова Александра Пушкина: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». На этом цитатчики обрывали мысль поэта, видимо, для того чтобы доказать, как он сурово относился к изъянам русского национального характера, к темным страстям, живущим в народе. Но любопытно продол-

жить пушкинскую мысль, потому что великий поэт дальше говорит не столько о народе, сколько о различных самозванцах и диктаторах, «левых радикалах» любого смутного времени: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка». А история такой забывчивости не прощает...

ПОМИРАТЬ СОБРАЛСЯ – А РОЖЬ СЕЙ!
(выступление на VII съезде писателей РСФСР 13 декабря 1990 года)

Дорогие товарищи! В последние три-четыре года многие средства массовой информации с яростью, достойной лучшего применения, разрушали, порочили, оплевывали патриотическую доминанту нашей истории и нашей жизни. Вспомним, как резвились идеологи так называемой «демократической прессы» потому, что многие кандидаты от патриотической платформы потерпели поражение на выборах в российский парламент. Как торжествовали многие желчные перья, как смаковали на разные лады поражение патриотических сил! И в голову никому из них не пришло (видимо, плохо знают историю страны, в которой живут), что патриотическое чувство всегда спасало нас в самые тяжкие времена. Я убежден, что и сегодня без патриотической воли все экономические, политические, правовые реформы у нас провалятся. Так что воюющие против патриотизма в сущности рубят сук, на котором сидят сами. Но есть и отрадные симптомы. Прошел год после выборов в Российский парламент, и настроение общества меняется. Борьба «демократических изданий» с патриотическим мировоззрением заводит их в тупик. Я анализировал известные результаты подписки. Издания какого типа явно провалились? Во-первых, резко партийные коммунисти-

ческие издания «Правда», «Коммунист», «Партийная жизнь», «Известия ЦК КПСС» – они сохранили в среднем лишь одну треть читателей. Кстати, лучше других на этом фоне выглядит газета коммунистов России «Советская Россия» – более 40 процентов. И лишь потому, что последовательнее, нежели другие партийные издания, поддерживала государственно-патриотическую идею, – и результаты налицо.

Вторая группа изданий, потерпевших весьма чувствительные потери, – это леворадикальные издания, балующиеся русофобией. Они в среднем сохранили так же, как и денационализированные партийные издания, тоже лишь одну треть подписчиков. Это «Знамя», «Огонек», «Советская культура», «Юность», которая, несмотря на всемирно известного «Чонкина», скатилась с 3 млн до 900 тысяч подписчиков. А два издания – «Дружба народов» и «Литературная газета» – потерпели просто сокрушительное поражение, набрав лишь по 23 процента подписчиков от уровня 1990 года. Да будет это хорошим уроком Ф. Бурлацкому, превратившему «Литературную газету» из общеписательской газеты в убыточный орган «апрелевского» направления, и С. Баруздину, сделавшему ставку на прозу уровня А. Рыбакова и на критику, выходящую из-под желчного пера Н. Ивановой. Кстати, С. Баруздин, по-моему, сидит уже в редакторском кресле около двадцати лет – 4 срока вместо двух, а Союз писателей на это совершенно не реагирует. Я имею в виду «большой» союз. Может быть, поэтому журнал фактически агонизирует.

Я не знаю, какова подписка у журнала «Октябрь». Вполне возможно, что, благодаря скандальной рекламе, разразившейся вокруг журнала, она может быть и неплохой. Но плохо другое. Вчера Гроссман – тенденциозно, но все-таки с размахом. Потом Синявский – автор пасквиля, но с ореолом. А что завтра? Смотрю анонсы на 91-й год. Какой-то остроумный человек их составил: Баткин, Нуйкин, Некрич, Буртин, Гефтер, Пинскер, Бирман... Ну так и приходит на ум сцена из бессмертного романа Ильфа и Петрова, помните компанию

художников на пароходе: Малкин, Палкин, Чалкин, Хавкин и примкнувший к ним Залкинд...

Учтите, что я цитирую классиков советской литературы!

Анонс на 91-й год «Октября» снова – в который раз – объявляет имена Синявского, Розановой (уже семейным становится журнал), Довлатова, В. Соловьева, Горбаневской, Войновича, Вайля, Гениса... Совершенно ясно, что А. Ананьев превращает замечательный в свое время российский, русский журнал в издание третьей эмиграции с ее тщеславными проблемами, с ее самолюбивыми претензиями к своей Родине... «Октябрь» сейчас вполне можно издавать и в Париже. От этого он ничего не потеряет, да и мы тоже.

Я с горечью хочу сказать, что руководство нашего Союза, склонив голову перед административной волей Верховного Совета, взявшего А. Ананьева под свои бюрократические крыла, не просто потеряло журнал. Если бы для себя, это было бы полбеды! «Октябрь» не просто отделился от СП РСФСР, он отделился от всей русской и российской литературы, отделился от народной традиции нашей литературы, перестал печатать тысячи авторов из глубинки и наших российских республик.

Подписка – это своего рода стихийное голосование, на которое нет прямого, как при выборах, давления, подкупа, политических махинаций читатель голосует за направления, и в данном случае он в целом проголосовал против русофобских тенденций – за издания, прямо и открыто исповедующие идею патриотизма. «Молодая гвардия» – 58 процентов подписчиков. Поздравим «молодогвардейцев» с успехом!

Отличная подписка у «Военно-патриотического журнала», у «Ветерана», «Слова». Окончательных цифр еще нет, но я твердо надеюсь, что хорошая будет подписка и у «Нашего современника».

На этом фоне интересны усилия коллектива «Знамени», соблазняющего читателя мемуарами академика Г. Арбатова, депутата Г. Старовойтовой и доктора Геббельса. О последних двух – Старовойтовой и Геббельсе – я много говорить не буду,

а что касается Г. Арбатова, то вспоминаю, как недавно в русскоязычной американской газете «Новое русское слово» мне попалось на глаза интервью З. Бжезинского, который недавно побывал в Советском Союзе. На вопрос интервьюера, встречался ли он с советскими дипломатами и общественными деятелями Яковлевым, Арбатовым, Бжезинский с польской заносчивостью и американской прямотой ответил: «С Яковлевым встречался, а что касается Арбатова, то нет, потому что я предпочитал встречаться с настоящими учеными и настоящими академиками»...

Вот так американцы относятся к обслуживающему их персоналу перестройки.

Голосование подписчиков послужит холодным душем для редакторов, избравших своей мишенью патриотическое мировоззрение, и в первую очередь русское патриотическое мировоззрение. Дальнейшая политика в этом направлении может привести их только к моральному и материальному краху...

Я должен упрекнуть и многие наши региональные журналы, которые не сориентировались – робко приняли вызов времени, не сумели выработать стратегическую линию, обеспечивающую успех. Оттого в трудном положении «Сибирские огни», «Подъем». А вот «Кубань» надо поздравить за смелость: 50 тысяч! Увеличились втрое!

После выборов в Московской писательской организации часть литераторов, недовольных результатами выборов, решила отъединиться, организовать свои секции, в частности, группа поэтов, а теперь и прозаиков выступила уже сегодня с таким заявлением в «Литературной газете». Главный аргумент – плохо скрытое высокомерие: мол, самых талантливых никуда не избрали. А бездарности, мол, объединились и захватили власть... По всем позициям авторы письма вроде бы «демократы», но когда выборы складываются не в их пользу, из их уст сразу слышится высокомерное, отнюдь не демократическое брюзжание... «Бездарности!»... Поосторожнее надо бы обращаться с этим словом, а то ведь придется признать самыми талантливыми и выдающимися поэтическими строч-

ками брежневской эпохи строчку Евтушенко «считайте меня коммунистом» (и спросить: так сегодня считать или нет?) или придется признать шедевром поэтического мышления афоризм «Уберите Ленина с денег – он для сердца и для знамен»... Это, правда, несколько слабее эпохальных строк 30-х годов: «Два сокола ясных вели разговор, первый сокол – Ленин, второй сокол – Сталин», но тоже эпохально. И вообще, если внимательно проанализировать итоги эпохи застоя, то придется все-таки признать, что главными идеологами эпохи были не Суслов, не Зимянин, не Шауро, даже не Альберт Беляев, а наши с вами товарищи Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Коротич, Сулейменов, Шатров. Они могли как угодно дразнить партийных чиновников своим непослушанием, капризами поэтического нрава, оппозиционными жестами, но при этом они прекрасно знали, что они – хозяева идеологического положения. Почему? Да потому, что не Сусловым и Беляевым были положены главные плиты в наш идеологический фундамент, а нашими знаменитыми поэтами. Ни у Беляева, ни у Зимянина, ни у Суслова не было, к примеру, поэмы о Ленине, а у Вознесенского – «Лонжюмо» (в школьной программе), у Рождественского – «210 шагов», у Коротича – поэма «Ленин, 54 том», а у Сулейменова – «От января до апреля», у Евтушенко – многотысячестрочный «Казанский университет», а у Шатрова вообще целая эпопея о профессиональных революционерах. Как сговорились! Вот настоящий идеологический фундамент, возведенный нашими собратьями по перу, легший в основу их материального и литературного благополучия, в основу собраний сочинений и вояжей за границу, в основу их ранних Государственных и Ленинских премий...

Главные идеологи эпохи! Ярые защитники революционного красного террора, берущие на себя ответственность за всю идеологию казарменного интернационализма. Кто требует, чтобы палачу казачества Якиру был возведен памятник? Евтушенко! Кто славит, когда надо, социализм во Вьетнаме? Он же. Кто пишет целые книги о Фиделе Кастро? Опять же

Евгений Александрович. Кто сегодня с депутатской трибуны требует, чтобы мы прекратили помощь Вьетнаму и режиму Кастро? Опять идеологи того же типа... О людях такого рода сурово и точно высказался А. Солженицын в своем письме об обустройстве России: «И вот в новую гласность кинулись и все грязные уста, которые десятилетиями обслуживали тоталитаризм. Из каждых четырех трубадуров сегодняшней гласности – трое недавних угодников брежневщины, – и кто из них произнес слово собственного раскаяния вместо проклятий безликому “застою”? Десятки тысяч образованцев у нас огрязнены лицемерием, переметчивостью...» Я думаю, что этот список идеологических перевертышей, к которому относятся наши известные поэты и публицисты, можно вполне расширить именам: Черниченко, Оскоцкого, Бурлацкого, Заславской, Татьяны Ивановой... и А. Н. Яковлева... Одна из драм перестройки заключается в том, что ее сегодня возглавляют люди, которые, по словам Солженицына, «огрязнены лицемерием и переметчивостью...».

Кстати, обратим внимание на то, что у поэтов так называемого почвенного направления 60–80-х годов Н. Рубцова, А. Передреева, А. Прасолова, В. Соколова, В. Казанцева, Н. Тряпкина, Г. Горбовского, А. Жигулина, да и у меня также нет этих расчетливо сварганенных идеологических блоков Ленинианы.

Нам надо расстаться с некоторыми иллюзиями. Чтобы окончательно поставить точку над идеологическим итогом нашего 70-летия, до́лжно понять драму профессиональных революционеров (кстати, слово «профессиональное» всегда добавлялось как эпитет к сомнительной профессии. Нельзя сказать, «профессиональный слесарь», «профессиональный пастух», но говорят: «профессиональная проститутка», «профессиональный провокатор», «профессиональный убийца», «профессиональный шулер» и т.д.). Темную уголовно-политическую драму профессиональных революционеров нам до́лжно знать не по «лениниане» Шатрова, Вознесенского, Евтушенко, Коротича, Сулейменова, а по правдивым, кровоточащим свидетель-

ствам, оставленным нам Буниным, Шмелевым, Волошиным, Шаляпиным, Короленко, Иваном Ильиным, Солоневичем и Сергием Булгаковым. Их страницы о той же эпохе должны быть в школьных хрестоматиях, а не патетически-конъюнктурные строки Вознесенского и Рождественского, Шатрова!

Вы скажете: а что плохого в том, что поэт славил Ленина? Да собственно, вроде бы ничего, если бы поэт, попав в эту идеологическую нишу, не обязан был славить все кровавые деяния революции, прославлять всех ее палачей («где-то Куйбышев и Менжинский так по-детски глаза смежили») – Якира, Свердлова, так же как прославляли Ягоду авторы позорной книги о Беломорканале.

Если бы поэт не должен был делать второй идеологический шаг и благословлять разрушение церквей и религии, если бы он не брал на себя обязательство порочить невинно убиенных царя и его семью с тем, чтобы оправдать кровавые преступления 1918 года:

В драндулете, как чертик в колбе,
изолированный, недобрый
среди великодержавных харь,
среди ряс и охотнорядцев,
под разученные овации
проезжал глава эмиграции –
Царь!

(из поэмы «Лонжюмо»)

И это о новом российском великомученике, убийство которого сейчас (да и давно уже) признается одним из самых кровавых и гнуснейших преступлений XX века.

Как грубо, как нагло организуется наша идеологическая борьба сегодня! И как жестко живая жизнь опрокидывает идеологические кампании фальсификаторов истории! Посмотрите, сколько яростных перьев «огоньковских», «литгазетовских», «известинских», «совкультуровских», «знаменских», «октябрьских» в течение последних лет пророчили

нам рождение и якобы чудовищные акции русского фашизма. И что же? Время прошло. Коричневые пятна человеконенавистничества – погромы, убийства, реабилитация фашистских деяний – эти коричневые пятна проступили в самых что ни на есть «демократических» структурах – в Прибалтике, в Молдавии, Западной Украине, только в России их нет как нет, к разочарованию оскоцких, щекочихиных, коротичей и прочих литературных мародеров перестройки.

Так где же их борзые перья? Почему они не осуждают погромы в Молдавии? Убийства русских в Средней Азии? Почему эти антифашисты ни словом не протестуют против коричневых пятен в Прибалтике? Почему они, благоговеющие перед общечеловеческими постановлениями ООН, не осуждают с общечеловеческих позиций этой организации недавно прошедший у нас сионистский съезд? Разве они не помнят о том, что резолюцию ООН о сионизме как о форме расизма приняла цивилизованная Организация Объединенных Наций?

Да ежу, как говорится, ясно, что не фашизм их беспокоит, не сионизм, а совсем другое: возрождение русского национального сознания, всегда цементировавшего нашу державу и нашу жизнь. Но я думаю, что они все-таки опоздали, ибо это самосознание, это возрождение стучится в наши двери, и важнейший долг писателей России – распахнуть эти двери как можно шире! Вспомним народную мудрость, которую всегда помнил крестьянин: помирать собрался – а рожь сей!

РОССИЯ – ДЛЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ

(выступление на Всемирном Русском Народном Соборе 5 апреля 2006 года)

Я хочу поделиться с вами своими опасениями по поводу оголтелой антирусской кампании, развернутой в средствах

массовой информации. Наше время становится все более похожим на времена 1988–1991 годов, когда, разжигая межнациональную рознь, Галина Старовойтова, желая стать избранницей I Съезда народных депутатов, кричала на митингах в Армении: «Армяне! Карабах – это ваша земля!»; когда она же заявляла, что «русские – это народ с искаженным национальным самосознанием»; когда Собчак, возглавлявший со своим заместителем Станкевичем Комиссию по расследованию трагических событий 9 апреля 1989 года в Тбилиси, вещал на всю страну, что русские солдаты с саперными лопатками виновны в гибели восемнадцати грузинских женщин; когда член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев восхищался «демократическими» действиями прибалтийских народных фронтов. Все они (за исключением соратника Собчака, уголовного преступника Станкевича, скрывшегося от российского правосудия в Польше) лежат в могилах, а мы до сих пор расхлебываем кровавую межнациональную кашу, круто заваренную этими провокаторами.

Именно в эпоху их деяний начали составляться списки «фашистских» и «антисемитских изданий», списки, которые сегодня усиленно тиражируются. В моем архиве сохранилась «Еврейская газета» от 7 мая 1991 года, в которой, как заявлено провокаторами, «подобный список публикуется впервые». В нем «Советская Россия», «Московский строитель», «Вологодский комсомолец», «Красная звезда», «Ветеран», «Литературный Иркутск», «Литературная Россия» и т.д. Всего 38 изданий, в их число даже «Русский голос» (Нью-Йорк) и «Наша страна» (Буэнос-Айрес) попали. И конечно, несколько журналов: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Кубань»… Именно в это же время двери и окна «Нашего современника» по ночам разукрашивались шестиконечными звездами, фашистскими знаками, надписями «Россия – родина свиней», «Белов – мертвец!», «Все, все с голоду передохнете» и т.д.

И вот через пятнадцать лет после спровоцированного распада Советского Союза снова, как грибы, растут новые списки «фашистских изданий» и фамильные перечни «русских

националистов» – для того чтобы разжечь вторую волну межнациональной ненависти и ускорить распад России. Кто же составляет эти «списки Шиндлера»?

В Генеральную прокуратуру в феврале месяце поступил список некоего В. Энгеля (директора Федерации еврейских общин России), в котором требовалось запретить десятки книг, якобы разжигающих национальную рознь. В списке фамилии известнейших историков и мыслителей прошлого: И. С. Аксакова, М. О. Меньшикова (расстрелянного в 1918 году соплеменниками Энгеля), Л. А. Тихомирова, Б. Башилова, С. А. Нилуса, И. А. Ильина (чей прах недавно был перенесен в Россию и которого цитировал в своем выступлении президент страны) и книги известных патриотических деятелей современной русской культуры: И. С. Глазунова, И. Р. Шафаревича, В. Н. Осипова, И. М. Шевцова и т.д. Есть в нем и моя фамилия. То, как она туда попала, характеризует методы современных провокаторов, раздувающих пламя межнациональной вражды. Как-то раз в одном из издательств мне было предложено: «Станислав Юрьевич! Ваши воспоминания хороши, но слишком серьезны, напишите книгу о своей жизни, которая имела бы настоящий коммерческий успех. И тираж хороший дадим, и гонорар большой заплатим».

Я подумал и ответил издателям: «В моей молодой жизни было много интересных драк – с Василием Аксеновым, с иллюзионистом Игорем Кио, с одним из эстонских “лесных братьев”, автором известной повести 70-х годов «Записки серого волка» писателем Ахто Леви… Я немало раздал пощечин в те времена – критику Станиславу Рассадину, пародисту Александру Иванову, организатору 16-й полосы “Литературной газеты” сатирику Виктору Веселовскому, тележурналисту Мацкявичюсу. И были на то причины: личных оскорблений и клеветы я не прощал, каждая моя пощечина и каждая драка – своеобразная новелла. Хотите такую книгу с эпиграфом из Пушкина: “Безумных лет угасшее веселье // мне тяжело, как горькое похмелье”?»

– Ой, это то, что нам нужно! – завопили в восторге издатели.

– А как назовем книгу? Хотите – «Моя рукопашная» или даже, – тут я не выдержал и захохотал: «Моя борьба!»

Издатели тоже захохотали.

Ну, посмеялись мы, посмеялись и разошлись. А я дома подумал: «Ну зачем мне вспоминать эти мутные, отнюдь не украшающие меня страницы моей беспутной молодости? Конечно, я не буду писать эту книгу»…

Но каково же было мое удивление, когда я прочитал в списке Энгеля, что изданную и продающуюся в Москве книгу Станислава Куняева «Моя борьба» надо обязательно изъять из продажи, а автора привлечь к ответственности за ее издание! Вот каковы провокаторы, норинские новой эпохи!

Вслед за списком Энгеля появился в печати в виде брошюры список некоего А. Брода (Московское бюро по правам человека) «Лик ненависти» (даже название – плагиат: у В. Коротича в 70-х годах вышла книга об американском расизме – «Лицо ненависти»). В этой брошюре Брода, разосланной во всяческие государственные и силовые структуры, «фашистами» были объявлены писатели Проханов, Платонов, Назаров, Хатюшин, некоторые депутаты Госдумы, полковник Квачков, журналисты Мухин, Миронов и т.д. Почти одновременно со списком Брода появился список Гельмана, в котором содержались имена уже 100 «фашистов». Этот Гельман по имени Марат, когда выиграл судебный процесс у православных людей, обвинивших его в религиозном кощунстве, с удовлетворением произнес, выступая на радиостанции «Свобода»: «Мракобесы проиграли!» Вот так-то. Православные верующие для этого «друга народа» – мракобесы.

Какие-то очередные списки составлены в Общественной палате, идет сколачивание антифашистских блоков, создаются «интернационалы», весь этот процесс обслуживается истерикой, хорошо организованной Познером, Сванидзе, радиостанцией «Эхо Москвы», многими газетами...

Но я бы предостерег вольных или невольных провокаторов от истошных криков о «русском фашизме». Все это уже было в нашей истории. Все это мы уже проходили. И не только в 1988–1991 годах, но и гораздо раньше.

Осенью 1924 года была арестована группа в 13 человек – молодых русских интеллигентов во главе с другом Есенина, поэтом Алексеем Ганиным. Они называли себя русскими националистами, но никогда не призывали к вражде с коренными народами России. Главный их документ назывался «Мир и свободный труд – народам». Они призывали к борьбе лишь с «сектантами-комиссарами», «еврейскими выродками», «бандами латышей». Они так писали в своем программном документе:

«России как государству грозит окончательная смерть, а русскому народу экономическое рабство и вырождение. Смотрите госбюджет России последних лет. Заработная плата рабочих и служащих. Бюджет крестьян. Соотношение цен на фабрикаты и сельскохозяйственные продукты. Соотношение максимума заработка и прожиточного минимума трудового населения».

«Три пятых школ, существовавших в деревенской России, закрыты. Врачебной помощи почти нет… Неслыханное взяточничество, подкупы, клевета, канцелярское издевательство и казнокрадство».

«Россия… превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние».

«Все многомиллионное население коренной России и Украины, равно и инородческое, за исключением евреев, – брошено на произвол судьбы. Оно существует только для вышибания налогов».

Ну разве эта картина не применима к тому, что было в 90-е годы, да и ныне еще творится?

Ганина и его товарищей, конечно же, окрестили в ЧК «орденом русских фашистов» (хотя в 1924 году итальянский фашизм был социальным движением рабочих и ничего расистского и антисемитского в нем не было). Но ордер на арест был подписан Генрихом Ягодой, а допрашивал несчастных

его заместитель Яков Саулович Агранов. Следствие вели также сотрудники ЧК Славатинский и Врачёв. Ганин с шестью товарищами был в марте 1925 года расстрелян, остальные семеро пошли на Соловки, откуда вернулись через несколько лет только двое.

А «дело Российской национальной партии», или, как было сформулировано в обвинении, «дело русских фашистов», в 1933–1934 гг.! Это был настоящий погром русской культуры – расстрелы и аресты историков, фольклористов, архитекторов, архивистов, славистов, этнографов, искусствоведов, археологов, музейщиков… Всего в Москве и Ленинграде было арестовано 76 человек. Среди них ученые с мировыми именами – академики Н. Н. Дурново, В. В. Виноградов, М. Н. Сперанский, В. Н. Перетц, А. М. Селищев, профессора В. Ф. Ржига, Н. К. Гудзий, П. Д. Барановский, А. Д. Седельников, профессор Р. Ф. Куллэ (немец) и многие другие. Из 76 человек 28 были расстреляны или погибли в лагерях.

Как впоследствии писал об этом погроме русской культуры исследователь С. Б. Бернштейн: «Среди арестованных не было лиц с нерусскими фамилиями…» «Точнее говорить о неславянских фамилиях: среди пострадавших по делу были русские, украинцы, белорус, чех… и два обрусевших немца».

С обвинениями в монархизме, пропаганде православия и, конечно же, в «русском фашизме» в 1928 г. в Ленинграде началось дело «Братства преподобного Серафима» (следователи А. Стромин – он же Геллер, Л. Коган, А. Мосевич, Иоселевич и Халемский). Великие люди России Флоренский и Клюев также были приговорены к тюрьме и ссылке как «русские фашисты» и «православные монархисты». Те же формулировки были в деле «сибирской бригады» русских писателей (Л. Мартынов, С. Марков, П. Васильев), 1932 год. Фамилии следователей по этим и многим другим делам перечислять не буду, а то ведь антисемитом объявят.

Нынешние борцы с «русским фашизмом» ничего этого не помнят. История ничему их не научила. Но мы этого уже никогда не забудем.

Теперь несколько слов о преступлениях скинхедов, об избиении азербайджанцев, о трагедии таджикской семьи, о происшествии в синагоге. Высказать свою точку зрения, отличную от познеровской или сванидзевской, узнать, что говорили на следствии свидетели, обвинители, адвокаты, обвиняемые – невозможно. Познер даже Жириновскому рот заткнул, когда тот попытался сказать, что питерская таджикская семья торговала наркотиками, от которых умер брат одного из тех, кто избивал таджиков. Оправдывать преступление нельзя. Но понимать, почему оно произошло, – необходимо. Не бывает самосудов без причины. Самосуд, как правило, – незаконная месть за что-то. Я не верю в то, что человек убивает другого человека только из-за цвета кожи. Причины национальной розни и самосудов куда глубже. Лучше всех судей, прокуроров и адвокатов в них разобрался Валентин Распутин в повести «Дочь Ивана, мать Ивана». Вот что надо читать Познеру, Сванидзе и членам Общественной палаты. Наши политические шоумены счастливы, увидев где-нибудь на заборе надпись «Россия – для русских». Сразу – «круглый стол» и дискуссия! Но ведь никто из известных русских писателей, философов, историков никогда не провозглашал этот провокационный лозунг. Я понимаю, почему авторы радиостанции «Свобода» так часто цитируют его: они боятся, что рано или поздно мы сумеем сказать на всю страну другие слова: «Россия – для всех коренных народов России!» И нас – услышат. Именно тогда все остальные народы, отколовшиеся от России, – грузины, узбеки, азербайджанцы и т.д. – правильно поймут, что их скромное место в России – быть просто гостями, мигрантами или эмигрантами, то есть приезжими людьми. Но какой-нибудь Познер этого боится, как черт ладана. Он хочет, чтобы, услышав «Россия – для русских», татары, башкиры, якуты, мордва, чуваши перессорились бы с русским народом и приползли к Познеру как к защитнику от «русских фашистов», прибежали бы с благодарностью и в ножки поклонились.

А разве не является одной из причин всех сегодняшних межнациональных распрей память о событиях 15–20-летней

давности на окраинах Советского Союза? Память о том, как в спину русским солдатам в Нагорном Карабахе стреляли и с армянской, и с азербайджанской стороны. Память о том, как местные националистические толпы в Таджикистане, Казахстане, Чечне, Узбекистане, Молдавии убивали русских, насиловали женщин, отбирали у русских дома, имущество, как орали им в лицо: «Чемодан – вокзал – Россия!». Десятки, сотни тысяч русских людей были изгнаны в эти страшные годы из нынешних стран СНГ. Их президенты с удовольствием приезжают в Москву, но за эти годы мы ни разу не слышали о том, что где-то в Душанбе, в Алма-Ате, в Кишиневе, в Ташкенте прошел хотя бы один судебный процесс над погромщиками, убийцами, насильниками, грабителями. Надо понимать, что память об этом – хотим мы этого или не хотим – живет в головах тех, кого называют скинхедами. Они – обездоленные юноши, а «юность, – как сказал Александр Блок, – это возмездие».

Одновременно с изготовлением «фашистских списков» все последнее время российскому обывателю тычут в глаза холокостом. Но при чем здесь Россия? Вот Европа – это да. Она – настоящая родина холокостов. В Европе, между прочим, их было два: первый – в Средневековье, когда в Англии, Франции, Испании, Португалии, в германских княжествах, как сообщает «Еврейская энциклопедия» 1912 года, была уничтожена почти половина европейского еврейства, а остальные изгнаны в Восточную Европу, чтобы в XX веке получить второй холокост, уже от объединенной фашистской Европы. Не случайно то, что все лагеря смерти, где уничтожались беззащитные евреи, были в европейских странах – в Германии, Польше, Австрии, Литве, Латвии. В России их не было, потому что немцы, видимо, понимали: русское население не будет выдавать евреев в лагеря смерти, в отличие от населения европейских стран. Выдачей евреев в Освенцим, Майданек, Маутхаузен, Заксенхаузен, Саласпилс занимались венгры, румыны, хорваты, словаки, латыши, поляки и французы петеновской Франции. Все работали на холокост.

Даже западные украинцы. Все, кроме русских. «Погром», по убеждению европейских историков, слово русское, но оно по справедливости должно принадлежать Польше: три последних еврейских pogroma в новейшей истории произошли в Парчеве под Люблиным, Кракове и Кельцах в 1945–46 годах. И это после Освенцима, после холокоста, после уничтоженных шести миллионов! Нигде в Новейшее время не было еврейских погромов – только в гитлеровской Германии и в освобожденной от фашизма Польше. А сейчас Европа ведет себя так, как будто во всем, что случилось на ее фашистских просторах, виновата Россия.

В январе 2005 года Путина чуть ли не силой заставили в Освенциме произнести речь. А когда он сказал там что-то весьма слабенькое с точки зрения холокоста и вины России, его стала «полоскать» европейская пресса. И особенно польская. За то, что плохо и неубедительно покаялся.

* * *

Но я вышел на трибуну еще и затем, чтобы сказать присутствующим на Соборе писателям о том, что осенью этого года журналу «Наш современник» исполняется 50 лет. Это действительно журнал писателей России. Возьмите в руки любой номер и вы убедитесь, что в нем половина (а то и более) авторов живут в республиках, краях и областях нашей страны. Не потому ли мы понимаем всю свою ответственность за сохранение межнационального мира в России и за ее пределами?

За последние десять лет мы издали три номера, посвященные нашим отношениям с братской Белоруссией, два номера о жизни и культуре Башкортостана, два аналогичных номера с участием писателей и общественных деятелей республики Коми… А еще был и ханты-мансийский номер, можно еще вспомнить татарский и якутский номера или выпуск журнала со стихами лучших поэтов Северного Кавказа, в том числе чеченских поэтов (и это в разгар чеченской

войны!). Мы щедро предоставляем страницы журнала авторам из Абхазии и Приднестровья, поэтам Северной Осетии. Обычным делом были и есть в нашем журнале публикации поэтов, прозаиков и публицистов с еврейскими фамилиями – Исраэля Шамира, Михаила Агурского, Роже Гароди, Марка Голанского, Аркадия Львова, Михаила Грозовского, Семена Сорина. Всех не упомнишь. А потому, когда осенью мы будем отмечать 50-летие журнала и вы в своих республиках, краях и областях, надеюсь, тоже проведете встречи с читателями, посвященные этому юбилею, не забудьте сказать о главном: журнал «Наш современник» открыт для авторов всех национальностей, живущих на просторах России. Лишь бы они жили мыслями и чувствами о судьбе России. Расскажите читателям о журнале, помогите нам увеличить к юбилею журнальную подписку и не забывайте: «Наш современник» – это наша общероссийская литературная судьба – и прошлая, и настоящая, и будущая.

УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ

(Речь, произнесенная на немецко-российском форуме)

Оклахома

«Умом Россию не понять?» О ком идет речь? Кому не понять? Нашим историческим врагам? Нашим союзникам? Нашим партнерам? Западному миру? Или нам самим? Правда, в другом стихотворении Тютчев уточнил эту мысль. «Не поймет и не заметит *гордый взор иноплеменный* красоты, что тайно светит в наготе твоей смиренной». И все-таки понять очень непросто. Не понять подвиги и взлеты России, но не понять и бездны и глубины ее падения. Почему, имея великую, более чем тысячелетнюю полноценную универсальную

цивилизацию, русские элиты разных эпох на протяжении всей истории не раз отрекались от родных устоев, впадали в тупиковые соблазны, в чужебесие и недостойное представителей великого народа обезьянничанье, становились сословием денационализированной черни? Примеров тому много. Ересь жидовствующих XV века; соблазны Смутного времени, во время которых наша боярская и часть клерикальной интеллигенции готова была ополячиться и окатоличиться; страшные зигзаги петровской эпохи, когда раболепие перед европейскими формами жизни, перед голландским протестантизмом и немецким орднунгом принимало не только бытовой, но почти религиозный характер; французомания начала XIX века (вспомним салон Анны Павловны Шерер из «Войны и мира»), от которой нас частично сумело излечить варварское нашествие французов и двунадесяти других европейских языков (словом, наполеоновской антанты).

Это российское обезьянничанье Пушкин не пощадил, сказав о русской образованщине XIX в., которая зачитывалась коммерческой литературой, хлынувшей к нам в послеНаполеоновскую эпоху с Запада: «Явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями, но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клейменного каторжника, журналы наполнились выписками из Видока, поэт Гюго не постыдился в нем искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явится, и, к стыду нашему, скажет, что успех его “записок” кажется несомнителен».

А вспомним германофильство середины XIX века и англоманию той же эпохи в умах и в быту русских аристократов, сегодня пародийно выродившихся чуть ли не в 250 семей, живущих в самых престижных районах Лондона.

А культ Америки в начале 20-х годов XX века (вспомним лозунг – русский революционный размах + американская деловитость), культ, повторившийся в нашей «образованщине»

через 70 советских лет в самых что ни на есть чудовищно-безобразных формах.

В конце 90-х годов я вместе с небольшой группой друзей-писателей участвовал в выборах губернатора Красноярского края. Нашим кандидатом был Сергей Юрьевич Глазьев. Край громадный, денег на вертолет у Глазьева не было, и нам приходилось вместе с ним выезжать из Красноярска для выступления и возвращаться обратно, порой одолевая в день по несколько сот километров.

Однажды мы заехали в таежный городок Лесосибирск, провели несколько встреч с населением, измученным бедностью и безработицей, а поздно вечером нас повезли ужинать в лучшую, по словам местных патриотов, забегаловку с национальной сибирской кухней: омуль, пельмени, брусника...

Когда мы подъехали к избе, сложенной из красноватых, смолистых лиственничных бревен, то я увидел на фасаде горящие неоновые буквы: «Оклахома».

Закусочная называлась по имени одного из пятидесяти американских штатов, где живут в резервации остатки индейских племен. Мне стало плохо – то ли от усталости, то ли от отчаяния. Ну разве можно было себе представить, чтобы в американской глубинке подобное заведение называлось «Ангара», «Енисей» или «Бирюса»?

– Леонид Иванович, – обратился я к Бородину. – Бесполезна наша агитация, Глазьев выборы проиграет...

Так оно и случилось. Губернатором Красноярского края стал «западник» Хлопонин...

С той поры слово «Оклахома» стало для меня символом нашего национального лакейства, нашей российской смердяковщины.

Поистине умом такую жалкую и раболепную Россию, такую «оклахомскую» родину трудно понять даже нам самим. На протяжении последних трех или даже четырех веков Россия, словно баба во хмелю, лезла в постель к другим цивилизациям, что можно объяснить лишь духовным помрачением или психическим заболеванием ее интеллигенции –

боярской, дворянской, монархической, чиновничьей, революционной, советской, антисоветской.

Казалось бы, Пушкин все, что мог, объяснил будущим поколениям в завещании, рассыпанном по всему творчеству:

«Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

«С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству».

«Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна».

Ан все равно российской интеллигентщине неймется. Вспомним письма Капицы Сталину после войны относительно лакейского низкопоклонства нашей интеллигенции перед Европой. Победа! Торжество! Россия в славе! Но опять они пошли лебезить и лакействовать перед прагматичным Западом, настолько потеряв чувство меры, что даже Капица, столько лет проживший на Западе, возмутился и, естественно, добился лишь одного – жестокой кампании против космополитизма, поскольку вождь был прагматичен не менее западных людей и в своих идеологемах не входил в тонкости, которые имел в виду Капица, а упрощал все до предела. Впрочем, так поступали и Черчилль, и Гитлер, и Рузвельт.

Но все-таки, если говорить серьезно, чужебесие, низкопоклонство, измена своей истории – есть болезненные крайности, изуродованные, извращенные формы русской всечеловечности, которую воспел Достоевский в речи о Пушкине.

Двадцатый век внес поправки в формулу о русской всечеловечности, отчеканенную Достоевским. Вот они, эти поправки из творчества русского поэта нашего времени Юрия Кузнецова.

Для того, кто по-прежнему молод,
Я во сне напоил лошадей.

Мы поскачем во Францию-город
На руины великих идей.

Мы дорогу найдем по светилам,
Хоть светила сияют не нам.
Пропылим по забытым могилам,
Прогремим по *священным камням.*

Нам чужая душа – не потемки
И не блеск Елисейских полей.
Нам едино, что скажут потомки
Золотых потускневших *людей*.

Только русская память легка мне
И полна, как водой решето.
Но чужие *священные камни,*
Кроме нас, не оплачет никто.

Выделенные слова – есть «цитаты» из романа «Подросток» Достоевского, из монолога главного героя романа Версилова.

И вновь Юрий Кузнецов:

Память

– Отдайте Гамлета славянам! –
Кричал прохожий человек.
Глухое эхо за туманом
Переходило в дождь и снег.

Но я невольно обернулся
На прозвучавшие слова,
Как будто Гамлет шевельнулся
В душе, не помнящей родства.

И приглушенные рыданья
Дошли, как кровь, из-под земли:

– Зачем вам старые преданья,
Когда вы бездну перешли?!

Смысл стихотворения в том, что Россия – есть последняя надежная наследница западной культуры. Это дерзкое продолжение «Скифов»: «Нам внятно все – и жар холодных числ, и дар божественных видений», но с окисью, со сверхисторическим опытом народа, «перешедшего бездну». А что касается «плача над священными камнями» Европы, то столько мы этих слез пролили – благодатных, горьких, яростных, желчных, что пора бы иссякнуть потокам этой мутной влаги, имея в виду духовные и материальные дефолты последнего времени. Но дефолты бывали и раньше.

Дефолт имени маркиза Астольфа де Кюстина

«Я часто повторяю себе: здесь все нужно разрушить и заново создать народ».

«Вся Россия – та же тюрьма, и тюрьма тем более страшная, что она велика и что так трудно достигнуть и перейти ее границы».

«Вообразите полудикий народ, который милитаризовали и вымуштровали, – и вы поймете, в каком положении находится русский народ».

И такие сгустки ненависти – на каждой странице этой по-своему уникальной книги. Кто же пишет? На первый взгляд – революционер, какой-нибудь Герцен или Бакунин, террорист-народоволец польско-еврейского происхождения или один из фанатиков, делавших революцию 1917 года. Нет, это пишет добропорядочный французский аристократ, маркиз Астольф де Кюстин в книге «Николаевская Россия в 1839 году».

При петербургском дворе Кюстина приняли с распростертыми объятиями. Все-таки роялист, чьи отец и дед были казнены на гильотине революционерами-якобинцами. Уж этот-то поймет и оценит великий смысл российского самодержавия! Наивные люди! Они не понимали того, что и монар-

хисты, и революционеры, и демократы Европы мазаны одним мирром, одним низменным страхом, одной лакейской и одновременно высокомерной дрожью перед Россией. Что они все – люди Запада. Об этом Кюстин сказал прямо и недвусмысленно. Так же, как немецкие рабочие во времена Гитлера были с фашистским Западом, а не с «пролетарской Россией», так же и аристократ Кюстин за сто лет раньше был в одном стане с «революционерами» всех наций. Лишь бы против России. Он даже в любви к декабристам объяснился: «Мы, люди Запада, революционеры и роялисты, видим в русском государственном преступнике невинную жертву абсолютизма». Ну прямотаки говорил, как Ленин или как Троцкий с Луначарским, а не как французский консерватор и аристократ!

Да если бы только о политике или о государственном или общественном устройстве речь шла в этом памфлете! Нет, тут все на каком-то генетическом, иррациональном, на неземном уровне. Как будто не человек арийской расы и христианин приехал к нам, а какой-нибудь гость из межпланетного пространства, с Марса или Сатурна, существо внечеловеческой, не белковой, а углеродной или просто инфернальной цивилизации.

Его русофобия в книге настолько тотальна, что объемлет все: русскую природу, русскую песню, русскую историографию, русскую литературу, русскую архитектуру, русскую церковь, русскую женщину.

«Вчера я перечел несколько переводов из Пушкина. Они подтвердили мое мнение о нем... Он заимствовал свои краски у новой европейской школы... Поэтому я не могу назвать его национальным русским поэтом».

«Мертвое уныние равнины без конца и без края. Ничего грандиозного, ничего величественного».

«Русский народ, говорят, очень музыкален, но до сих пор я еще ничего достойного внимания не слышал, а певучая беседа, которую вел в ту ночь кучер со своими лошадьми, звучала похоронно, речитатив без ритма...»

«Их внешность (это о русских женщинах. – *Ст. К.*), рост, все в них лишено малейшей грации», «Не видно было

ни одного красивого женского лица», а большинство отличается «исключительным безобразием и отталкивающей нечистоплотностью».

Не будем вспоминать о том, что у многих понимающих толк в красоте людей Запада (Пикассо, Ромен Роллан, Вальтер Шубарт, Фернан Леже, Сальвадор Дали) жены были русскими. Женофобство Кюстина, наверное, будет понятно, если вспомнить, что он был педерастом, как и Дантес с Геккерном (везло же николаевской России на французских аристократов!)

«Все православные церкви похожи одна на другую. Живопись неизменно византийского стиля, то есть неестественная, безжизненная и поэтому однообразная».

О Москве: город «без памятников архитектуры, то есть без единого произведения искусства», «Кремль – сердце этого чудовища», «Кремль есть создание существа сверхчеловеческого, но в то же время и человеконенавистнического», «сатанинский памятник зодчества», «Кремль, который не удалось взорвать Наполеону»...

Ах, вот где собака зарыта! Как жаль французскому аристократу, что революционер Наполеон не стер с лица земли Россию, что не превратил в прах ее святыни, что не вытряхнул из русских храмов, подобно троцкистским эмиссарам, чудотворное золото и серебро усыпальниц!

«Рака с мощами Сергия ослепляет невероятной пышностью. Она из позолоченного серебра великолепной отделки. Ее осеняет серебряный балдахин... Французам досталась бы здесь хорошая добыча», – плотоядно сожалеет о несбывшихся возможностях маркиз. Внимательно прочитав маркиза де Кюстина, я в свое время предположил, что лермонтовская «Родина» является как бы полемическим предвидением взглядов, изложенных французским маркизом.

В чем поручик и маркиз совершенно враждебны друг другу, так это в отношении к народной жизни, к мистическим пространствам России, к ее природным стихиям, сформировавшим русскую натуру. Все, что Лермонтов любит, вызывает у маркиза ужас, а порой и ненависть, порожденную этим

ужасом. Лермонтов чуть ли не буквально теми же словами, что и Кюстин, рисует величие русской жизни, но одухотворяет ее одним словом «люблю», которое в коротком тексте повторяется четыре (!) раза:

Но я люблю – за что, не знаю сам? –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

Вот это «за что, не знаю сам» – и есть предтеча тютчевского: «умом Россию не понять».

Может быть, я пристрастен, но эти строки представляются мне как бы загодя данным ответом на ужас, испытанный Кюстином перед нашими половодьями, перед безмерностью русской жизни: «От рек веет тоской, как от неба, которое отражается в их тусклой глади. Они катят свои свинцовые воды в песчаных берегах... Зима и смерть, чудится вам, бессмысленно парят над этой страной».

В России, как считал маркиз, «нет ничего, кроме пустынных равнин, тянущихся во все стороны, насколько хватает глаз. Два или три живописных пункта отделены друг от друга безграничными пустыми пространствами, причем почтовый тракт уничтожает поэзию степей, оставляя только мертвое уныние равнины без конца и без края».

Очевидно, что это впечатления путешественника, едущего на перекладных в кибитке или в карете.

Михаил Лермонтов тоже глядит из кареты на русские пустынные равнины и проселки и всматривается в них, «насколько хватает глаз»; но у него рождаются совершенно противоположные чувства:

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Маркиз де Кюстин удивляется, глядя на подвыпивших туземцев, веселящихся совсем не так, как французы или немцы: «Напившись, мужики становятся чувствительными и вместо того, чтобы угощать друг друга тумаками, по обычаю наших пьяниц, они плачут и целуются. Любопытная и странная нация!»

Лермонтов тоже не проходит мимо этой хотя и колоритной, но и весьма обычной для русской деревенской жизни картины:

И в праздник вечером росистым
Смотреть до полночи готов
На пляску с топотом и свистом
Под говор пьяных мужиков.

Культ души

Из писем Сергея Есенина Ан. Мариенгофу из Европы 1922 г.:

«Раньше подогревало, что при всех российских лишениях, что вот, мол, “заграница”, а теперь, как увидел, молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно... И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа, всегда в валенках, с грязными волосами и бородой Аксенова. С грустью, с испугом, но я уже начинаю учиться говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это так же неприятно, как расстегнутые брюки».

«Родные мои! Хорошие!

Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет.

Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину».

А вот ответ Есенина российским революционерам 20-х годов, восхищавшимся «американской деловитостью»:

«Наше едва остывшее кочевье мне не нравится. Мне нравится цивилизация. Но я очень не люблю Америку. Америка – это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка. Это не то что небоскребы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова...»

«Гордому иноплеменному» уму всегда был чужд культ души, рожденный русской жизнью. Редкие умы Запада понимали, что слово "душа" – проводит границу между нашими цивилизациями. В Европе их можно перечислить по пальцам: Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби, Вальтер Шубарт, Райнер Мария Рильке, Вирджиния Вульф.

Из статьи под названием «Русская точка зрения» (1925), принадлежащей перу Вирджинии Вулф:

«Именно душа – одно из главных действующих лиц русской литературы... Она остается основным предметом внимания. Быть может, именно поэтому от англичанина и требуется такое большое усилие... Душа чужда ему. Даже антипатична... Она бесформенна... Она смутна, расплывчата, возбуждена, не способна, как кажется, подчиниться контролю логики или дисциплине поэзии... Против нашей воли мы втянуты, заверчены, задушены, ослеплены – и в то же время исполнены головокружительного восторга».

Она же о романе «Идиот» Достоевского:

«Мы открываем дверь и попадаем в комнату, полную русских генералов, их домашних учителей, их падчериц и кузин и массы разношерстных людей, говорящих в полный голос о своих самых задушевных делах. Но где мы? Разумеется, это обязанность романиста сообщить нам, находимся ли мы в гостинице, на квартире или в меблированных комнатах. Никто и не думает объяснять. Мы – души, истязаемые несчастные

души, которые заняты лишь тем, чтобы говорить, раскрываться, исповедоваться».

Если хорошо подумать – можно все-таки догадаться, почему так называемый цивилизованный мир не любит Россию и боится ее. Нелюбовь родилась задолго до русского коммунизма. Она была при Иване Грозном и при Петре Великом, при Александре Первом и при Николае Втором...

Страх перед военной и материальной мощью? Да, но это не все. Мы терпим поражения то в Крымской войне, то в Японской, то в перестройке; мощь проходит, а неприязнь остается. Мистический ужас перед географической беспредельностью? Неприятие чуждого Западу Православия? Да, все это так... Но главная причина в чем-то другом...

Бродил я недавно по калужскому базару и разгадывал эту загадку. И вдруг полуспившийся мужичок с ликом кирпичного цвета, небритый, в засаленной куртяшке, помог мне додумать мои мысли... Он стоял в окружении нескольких помятых жизнью пожилых друзей, они торговали гвоздями, гайками и болтами и ждали, когда откроется палатка, чтобы сдать рюкзак стеклотары. А он, чтобы повеселить душу, играл на аккордеоне... Каждый из компании – поговори с ним – личность, философ, характер, – а перед музыкой все люди равны, соборны. Я прислушался... Сначала мой земляк сыграл музыку военных лет – «Синенький скромный платочек», потом отступил лет на сорок и довольно сносно и с чувством исполнил вальс «На сопках Маньчжурии», а заодно и какой-то жестокий романс начала века выплеснул в зябкое мартовское утро, а потом вдруг перешагнул на несколько столетий назад и, самозабвенно растягивая меха, выдохнул из бессмертного ямщицкого репертуара: «Вот мчится тройка почтовая...»

Вот тебе и калужский бомж, в душе которого живут несколько веков культуры и музыки... Видел я в Америке внешне похожих на этого мужика бомжей – все дебилы и все неграмотные. Да, с точки зрения Запада мы народ нецивилизованный, но я это понятие перевожу, как народ «сложный», «природный», «неупрощенный» и не желающий упрощаться

ни за какие коврижки... За это нас и не любят, наша сложность – вечный укор их уступкам перед жизнью. Сложностью можно только гордиться. А на том же калужском рынке стоит женщина, бедно одетая, продает петуха – наглого, крупного, с большим алым гребнем и грязным, но могучим хвостом, держит его, как ребенка, на руках и говорит соседке: «Петька у меня хороший, молоденький, девять месяцев ему. В хорошие руки отдать надо. А то утром пришли корейцы, стали торговать Петьку на зарез, а я не отдала... На зарез Петьку моего!..» И поцеловала петуха в гребешок...

Ну разве с таким народом западный рынок построишь? Умом – не понять. Ей «петуха на зарез» продать жалко, а европейские варвары-протестанты несколько миллионов прекраснейших созданий природы – бизонов – истребили, чтобы индейские племена лишились пропитания, зачахли, вымерли или ушли на Крайний Запад, освободив земли для расселения белого человека с его бизнесом.

А у нас Есенин: «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове» или: «Милый, милый, смешной дуралей, и куда, и куда он гонится, неужели не знает, что живых коней победила стальная конница?.. По-иному судьба на торгах перекрасила наш разбуженный скрежетом плес, и за тыщи пудов конской кожи и мяса покупают теперь паровоз».

Джек Лондон или Сетон-Томпсон наделяют животных чертами компаньонов или конкурентов по жизненной борьбе, характером когда достойных, а когда коварных соперников.

А у нас – Му-Му, Каштанка, Малек-Адель (конь из тургеневского рассказа «Чертопханов и Недопюскин»), у нас Серая Шейка и «Зимовье на Студеной» Мамина-Сибиряка. Словом – отношение к живому миру – это стена между традиционным и рыночным обществом.

Из сочинений Вальтера Шубарта: «Запад подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но лишил его души... В отличие от Европы, Россия приносит в христианство азиатскую черту – широко открытое око вечности, но преимущество России перед ев-

ропейцами и азиатами – в ее мессианской славянской душе. Поэтому только Россия способна вдохнуть душу в гибнущий от властолюбия, погрязший в предметной деловитости человеческий род...»

Антирасизм

Европейского расизма, который является главной причиной непонимания Европой России, в средневековой Европе почти не было. Он сложился в эпоху Великих географических открытий, то есть в эпоху так называемого Просвещения, маскировавшего практику зарождающейся колониальной системы. Теоретически же этот научный расизм был обоснован позже в трудах Рикардо, Дизраэли, Мальтуса, Гобино, Ницше и других мыслителей и политиков Запада. Сущность этого расизма не в линчевании негров, не в геноциде цыган или евреев, а в абсолютной уверенности в том, что человечество делится на низшие и высшие расы.

Я в молодости восхищался Уитменом, думал, что он поэт всемирной, гуманной, всечеловеческой демократии, но недавно перечитал его.

Друзья мои загорелые,
Стройно, шагом друг за другом,
Приготовьте ваши ружья.
С вами ли ваши пистолеты и острые топоры?
Нам надо идти в поход, мои любимые,
Мы молодые, мускулистые, и весь мир без нас погибнет.
Пионеры! О пионеры!
Мы бросаемся отрядами
Напролом в атаку, грудью завоевать и сокрушить.
С нами знамя, наше знамя.
Поднимите наше знамя, многозвездную владычицу.
Все склонитесь перед нею,
Боевая наша матерь, грозная во всеоружии,
Ее ничто не сокрушит.

Пионеры, о пионеры,
Все смести, снести с пути!

Но это же американский «Хорст Вессель», это же гитлерюгенд, это же марш юберменшей!

Разве человек такого склада сможет понять Россию и русского человека Пушкина, призывавшего не завоевывать и сокрушать, а любить и восхищаться:

Слух обо мне пройдет по все Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус...

Разве Уитмен способен был сказать, что его будет читать какой-нибудь гурон или могиканин?!

Тунгус – это якут, по происхождению кровный брат североамериканских индейцев, которых призывал «сокрушать» Уитмен... А что писал Есенин? «Край мой, любимая Русь и Мордва»; или Достоевский из «Мертвого дома»: «У них вера такая»... – о молящихся татарах так говорили русские преступники с уважением и особым тактом.

А вспомним есенинского «Пугачева», сцену, когда генерал Траубенберг требует от казаков, чтобы они догнали сбежавших от императорских войск калмыков со своими стадами (угнали скот, нанесли ущерб государству). Генерал требует «наказать монгольскую мразь, пока она Китаю не передалась», а казаки отвечают ему:

Он ушел, этот смуглый монголец,
Дай же Бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.

В начале колонизации третьего мира, в эпоху так называемого (как бы в насмешку над здравым смыслом), Просве-

щения (в XVI веке) на Западе произошел теологический спор, связанный с отношением к индейским племенам Нового Света. Католики установили, что у индейцев все-таки есть душа, что они не животные, а полноценные люди. Англосаксонские же протестанты посчитали, что индейцы – низший вид человечества и что души у них, видимо, нет, поскольку они не способны освоить ценности рационального мышления, и потому на них не должны распространяться права человека. Это не был схоластический спор: поскольку Ватикан и инквизиция пришли к выводу, что индейцы – люди по образу и подобию Божьему, то испанцы начали жениться на индианках, дав начало новой расе креолов, протестанты же провели этническую чистку Северной Америки от индейцев, уничтожив 80% ее аборигенов.

Да, Россия часто впадала, к сожалению, в западные соблазны, но насколько ей это удавалось, она «одушевляла» их. Да, она увлеклась в XIX веке дарвинизмом, но выбросила из него идею мальтузианства. Наш революционер-анархист и стихийный социалист князь Петр Кропоткин писал: «Чувства взаимопомощи, справедливости и нравственности глубоко укоренены в человеке всей силой инстинктов. Первейший из этих инстинктов – инстинкт взаимопомощи – является наиболее сильным».

Но через 100 лет после Кропоткина, после опыта Второй мировой войны, Фридрих фон Хайек – духовный гуру наших либералов – так возразит Кропоткину от имени гражданского общества: «Люди должны изжить некоторые естественные инстинкты, прежде всего инстинкт сострадания и солидарности». Нет, как гласит русская пословица, «черного кобеля не отмоешь добела». И никакие наши Цхинвалы западным людям не пример.

За что же тогда Запад осудил вождей гитлеровского рейха в Нюрнберге? Ведь они в основном проводили в жизнь на практике основные взгляды фон Хайека?

А наши соседи и вроде бы славяне – поляки – что думали на этот счет?

Из польского повстанческого манифеста 1831 года: «Не допустить до Европы дикой орды Севера». Но в ответ на польское оскорбление русскому народу, по иронии истории, поляки

через столетие получили той же монетой от немцев. Из Геббельса: «Полякам вполне возможно внушить чувство расовой неполноценности по сравнению с немцами. В Польше уже начинается Азия». И еще: «Сибирь начинается от Вислы».

Из школьного учебника кайзеровской эпохи, 1908 год: «Русские – это полуазиатские племена. Раболепие, продажность, нечистоплотность – это чисто азиатские черты характера».

Сразу же после речи Черчилля в Фултоне состоялось совещание промышленных магнатов США (1946). Вот выдержки из их резолюции: «Россия – азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в своей наглости, предательстве и терроризме». Чтобы блокировать Россию, это совещание призвало Америку разместить свои атомные бомбы «во всех регионах мира и безо всяких колебаний сбрасывать их везде, где это целесообразно».

И это сказано о союзниках, которые лишь полутора годами ранее спасли англо-американские войска от разгрома в Арденнах! Но в сущности «сливки» американской элиты лишь повторили все, что до них сказал Гитлер: «Все народы азиатского типа подлежат уничтожению». Вот такая цепочка любопытная – от маркиза де Кюстина к полякам, потом от Гитлера к американской элите.

Все это повторяется мыслителями и нашего времени. Из книги лауреата Нобелевской премии Чеслава Милоша «Родина – Европа»: «Московия была страной варваров, с которой, как с татарвой, вели на окраинах войны». А в журнале «Новая Польша» (№ 5, 2007) мало того, что проект северного российского газопровода сравнивается с «пактом Молотова – Риббентропа», но и комментарий дается «средневековый»: «Путин старается присоединить дикую страну к Европе».

Но представлю слово еще одному русскому человеку, который, как никто другой из русских знал Запад, полжизни прожил там, там и похоронен:

«Мы выше зоологической щепетильности и совершенно безразличны к вопросу о расовой чистоте... Мы очень доволь-

ны тем, что в наших жилах есть и финская, и монгольская кровь. Это ставит нас в родственные и братские отношения с теми расами-париями, о которых гуманная демократия Европы не может говорить иначе как только тоном оскорбительного презрения».

Это сказал Александр Герцен – западник, полукровка...

Культ народа

«Гордому иноплеменному взору» была непонятна Россия, потому что кроме стихийного культа личной души в ней всегда жил культ души народной, или, проще говоря, культ народа, поскольку народ всегда «выправлял» все исторические вывихи правящего интеллигентного сословия и в той или иной степени возвращал историю страны в ее традиционное русло. Это было и в 1612 году, и в 1812-м, и в 1917-м, и в 1941–1945.

Культ народа формировала вся великая русская литература – Пушкин с «Капитанской дочкой», Тургенев в «Записках охотника», Гоголь в «Тарасе Бульбе», Некрасов всем своим творчеством, Блок стихами о России... О Есенине и Клюеве чего уж говорить. Они – плоть от плоти... И главное то, что почти неграмотный русский народ всегда ставился нашими классиками выше европейской образованной черни. Вспомним Достоевского:

«Самые наиболее гуманные и европейские развитые любители народа русского сожалели откровенно, что народ наш столь низок, что никак не может подняться до парижской уличной толпы. В сущности, эти любители всегда презирали народ. Они верили: главное, что он – раб. Рабством же извиняли падение его, но раба не могли ведь любить, раб все-таки отвратителен. Пушкин первый объявил, что русский человек не раб и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство: было рабство, но не было рабов».

Западным умам невозможно было понять еще одну нашу особенность: «Есть идеи невысказанные, бессознательные и только сильно чувствуемые... К числу таких, скрытых в русском

народе, идей – идей русского народа – и принадлежит название преступления несчастьем, преступников – несчастными».

Эта пророческая мысль Достоевского, конечно же, была невыносима и кощунственна для правового, юридического мышления людей Запада. Но до Есенина докатилась эта пророческая догадка и выразилась в таких стихах:

Затерялась Русь в Мордве и Чуди.
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.

Виктор Астафьев в своих воспоминаниях о войне словно бы подтверждает правоту Достоевского: «...И на фронте, бывало, смотришь после боя на страшное поле и думаешь, только что сам на краю смерти стоял, сколько побито народа своего, а на мертвого врага смотришь, и будто это даже и не враг, а просто заблудившийся человек».

Запад, который избавился к XX веку от понятия совести и греха, конечно, своим юридическим и правовым умом не мог освоить этой мысли. Со времен Достоевского прошло полтораста лет, со времен Есенина почти век – и несмотря на громадные изменения (я избегаю лживого слова «прогресс») во всех областях жизни, люди Запада уходят все дальше и дальше от Достоевского и Есенина, а значит, от понимания России.

Иногда наше взаимонепонимание приобретает просто комические формы. Помню, как однажды в гости к Вадиму Кожинову приехал профессор-славист из ГДР. Он неплохо говорил по-русски, был антифашистом и коммунистом, и вот однажды, во время вечернего застолья у Вадима, который «угощал» немца собственными романсами на слова Рубцова, Соколова,

Передреева, гость попросил нас исполнить русскую народную песню. А мы как раз созрели для того, чтобы спеть «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах» – песнь о бродяге. Исполнили с душой. И посмотрели на гостя, естественно, ожидая одобрения. А он сидит хмурый.

– Что с тобой, Дитрих? – спросил Вадим. – Тебе не понравилось наше исполнение? Ну прости, конечно, мы пели кто в лес, кто по дрова!

Мало того, что нам пришлось долго растолковывать немцу смысл этой поговорки, но когда он ее понял, то совсем огорошил нас:

– Странно! Почему вы так восторгались, когда пели, героем этой песни? Вот он к Байкалу подходит и «рыбацкую лодку берет». А ведь лодка-то чужая! Он к тому же сбежал с каторги и опять за воровство принялся. Он же – рецидивист! Мало того! Навстречу ему «выходит родимая мать» и говорит, что брат его тоже в Сибири, «давно кандалами звенит!» Ведь вся семья у них криминальная! Чем же тут восторгаться?

Ну как не вспомнишь тут слова Бердяева о немцах: «Мы с немцем о понятии “свобода” никогда не договоримся. На вольном воздухе он ощущает на себе давление хаоса, немец чувствует себя свободным лишь в казарме».

А еще вспоминаю, как в громадных сибирских крестьянских дворах с высокими, из тесаных плах стенами – всегда в этих стенах было выпилено окошечко и дощатая подставка, на которой лежал хлеб и какая-нибудь немудреная еда: для того чтобы, если будет мимо, даже ночью, проходить «рецидивист», бродяга, он мог бы утолить голод.

Культ народа, народного понимания жизни безукоризненно выражен в коротком стихотворении одного из самых аристократических поэтов XIX века Е. Боратынского.

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И, чудеса постигнув, уповаем:
Какой же плод науки долгих лет,

Что наконец подсмотрят очи зорки?
Что наконец поймет надменный ум
(опять как у Тютчева! – *Ст. К.*)
На высоте всех опытов и дум?
Что? Точный смысл народной поговорки.

О культе денег

Вспоминаю сцену из нашей поездки по Америке в 1990 году. В зале, спроектированном и по интерьеру, и по размерам для узкого круга людей, серьезные, лощеные специалисты прочитали нам не то чтобы несколько лекций, а скорее несколько правил, на которых зиждется со дня основания финансовая мощь Америки. Главным правилом было, по их словам, благоговейное, почти религиозное отношение к доллару, как к иконе. Голос человека, рассказывавшего о том, что изображено на долларе (и всевидящее ветхозаветное око ревнивого Бога Израиля, и вершина пирамиды, олицетворяющая власть над миром, и лики пророков золотого тельца – Джексона, Франклина, Вашингтона) подрагивал от волнения – он читал нам не лекцию, а произносил проповедь, служил своеобразную литургию, зачитывал наизусть «священное писание»...

Ну конечно, я, как всегда, не удержался и испортил впечатление от этой «песни песней» в честь золотого тельца, когда попросил слово и сказал нечто совершенно бестактное – вроде того, что в России никогда деньгам не поклонялись и, видимо, никогда не будут, а потому нам такого рода изыскания чужды и ничего дать не могут... Возмездие наступило быстро.

В городе Феникс, когда мы собирались из гостиницы ехать в аэропорт, укладывая чемоданы и выбрасывая в мусорную корзину ненужные, накопившиеся в дорожной сумке бумаги, я случайно выбросил авиабилет. Пропажу я обнаружил в аэропорту перед посадкой... Все уже пошли к самолету, а мы с переводчицей Татьяной Ретивовой все выясняли отношения с администрацией аэропорта. Я горячился:

– Ведь билет был заранее заказан на мою фамилию, посмотрите в компьютере – там все должно быть, вот мой паспорт, никто по этому билету, кроме меня, полететь не сможет, так что вы вполне можете пропустить меня на посадку. Вот, кстати, компьютер и мое место выдает на экране!..

Но строгий худой администратор был неумолим. Аргументы его были железными и абсолютно непонятными для меня:

– Вы потеряли билеты, а это значит, что вы потеряли деньги! – Тут он начинал волноваться и негодовать, не в силах объяснить мне, что потеря денег – своего рода нарушение высших моральных и религиозных догм общества. Больше всего, как я теперь понимаю, его возмущали мои легкомысленные оправдания происшедшего: «Ну потерял и что такого! Все равно же – я в компьютере, а значит, можно посадить меня и без билета...» Такие речи, в его сознании, были издевательством над высшими ценностями жизни, над здравым смыслом, над верой в сверхчеловеческую силу денег...

Пришлось мне второй раз брать билет и снова заплатить двести долларов. Когда аэропортовский администратор добился этого, на его лице выразилось полное удовлетворение, как будто он принудил грешника к раскаянию и спас его заблудшую душу.

Свидетелем нашей мировоззренческой схватки был Леонид Бородин, с которым бок о бок я прожил целый месяц нашего путешествия.

– Станислав Юрьевич! – сказал он мне. – Ты их не переубедишь. Они не понимают, о чем ты говоришь, да не просто говоришь, а богохульствуешь...

Антибуржуазная закваска русского мировоззрения не позволяла Европе понимать Россию. Опять же у нас все от Пушкина. Вот что сказал он о знаменитой в начале XIX века французской литературе: «Легкомысленная, невежественная публика была единственною руководительницей и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толкаться по передним вельмож, они в их стремлении к низости обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостью и странностями, но с одной целью: выманить себе

репутацию и деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ!» – и это о литературе Гюго, Мериме, Бальзака, Альфреда де Мюссе и т.д.

* * *

Любимая книга моего детства о Томе Сойере чем заканчивается? Итог, венчающий все приключения, – счет в банке на его имя в несколько тысяч долларов с 6 процентами годовых. Он сразу становится уважаемым человеком в своем городке.

Индеец Джо умирает, как животное, лишенное души. Но вопрос на засыпку: а может ли Том Сойер, когда вырастет, понять сцену из «Идиота», где Настасья Филипповна бросает пачку банкнот в камин, и Ганечка, духовный брат пушкинского Германна из «Пиковой дамы», конечно, не сходит с ума, как Германн, но не выдерживает такого кощунства Натальи Филипповны и падает в обморок?

Из дневников Г. Свиридова:

«Нет, я не верю, что Русский Поэт навсегда превратился в сытого конферансье-куплетиста с мордой, не вмещающейся в телевизор, а Русская музыка превратилась в чужой подголосок, лишенный души, лишенный мелодии и веками сложившейся интонационной сферы, близкой и понятной русскому человеку. Я презираю базарных шутов, торгующих на заграничных и внутреннем рынках всевозможными Реквиемами, Мессами, Страстями, Фресками Дионисия и тому подобными подделками под искусство, суррогатом искусства. Они напоминают мне бойких, энергичных “фарцовщиков”, торгующих из-под полы краденными иконами из разоренных церквей».

Подумать только: через 150 лет после Пушкина Георгий Свиридов горюет о тех же позорных увлечениях русской либеральной черни и клеймит ее почти пушкинскими словами. О русская судьба! Которую не понять никаким умом...

Можно, конечно, антибуржуазность русской литературы в XX веке списать на советское идеологическое давление, на соцреализм, на диктат коммунистической партии. Но что

тогда делать с антибуржуазными сочинениями великих антисоветчиков – Бунина с его «Господином из Сан-Франциско», Ходасевича с книгой «Европейская ночь» – о фашистской Европе; со стихами Марины Цветаевой о людях Запада: «читатели газет, глотатели пустот». Глядя на вырождение Европы, она пишет: «Пора-пора-пора Творцу отдать билет». Вспомнила Достоевского! Советские патриоты и вышвырнутая с родины «антисоветская сволочь» в 30-е годы думали и чувствовали одинаково. Ну как после этого умом понять Россию?

Непонимание на уровне быта

Взаимное непонимание России и Европы существует на всех срезах жизни: в этике, в эстетике, в быту и даже на кладбище.

Помню, как в глубинной провинциальной Америке я бегал трусцой среди фермерских имений. Однажды добежал до провинциального кладбища – где на зеленом ровном травяном поле торчали из земли одинаковые стелы из серого гранита, на стелах были выбиты стандартные короткие надписи: «Блейк. 1831–1900», «Кларк. 1842–1910», «Джон. 1856–1919»... Никаких там сантиментов вроде «Любимому мужу от скорбящей жены и детей» или «Зачем ты нас так рано покинул?» Кладбище чистое, безо всяких православных излишеств, без оград, без изысков с каменными бордюрчиками и цветниками, без склонившихся к надгробию ангелов, без самодельных стихотворений и переведенных на фарфор фотографий, каких так много на надгробных камнях Пятницкого кладбища в моей родной Калуге.

Трава, гранитные прямоугольники, похожие на противотанковые надолбы, фамилии и даты. Все рационально, упрощенно, деловито, аккуратно до последнего предела.

Великий русский мыслитель Константин Леонтьев, кстати, как и Тютчев, будучи дипломатом, долго живший за границей, жестоко высмеивал рационалистическую бессовестность европейских нравов в знаменитой статье «Наши новые христиане»:

«Молодой граф Ростов, когда в “Войне и мире” молодцом один-одинешенек поколотил мужиков, бунтовавших против без-

защитной и, заметим, некрасивой княжны Болконской (которую он даже и видел в первый раз), обнаружил больше христианской любви, чем, например, французский живописец Давид, когда он на вопрос доброго, слабого, уже развенчанного и униженного Людовика XVI: “Когда вы окончите мой портрет?” – отвечал: “Я буду писать портрет тирана только тогда, когда голова его будет предо мной на эшафоте”. Каждый умный православный простолюдин поймет Ростова и назовет его не без соучастия “лихим барином”! А Давиду стоило бы за эти слова дать несколько десятков великорусских прежних плетей!»

А в какую сакральную, священную категорию западное мышление переводит низменную бытовую проблему туалетов, проще говоря сортиров. Помните у Есенина в «Стране негодяев» – революционер Чекистов, западник, политэмигрант, попавший во время гражданской войны в пугачевские оренбургские степи, витийствует:

Я ругаюсь и буду упорно
проклинать вас, хоть тысячу лет,
потому что хочу в уборную,
а уборных в России нет.
Странный вы народ:
всю жизнь строили храмы Божии,
да я бы давно их перестроил в места отхожие.

Интересно, что Андрей Кончаловский заклинился на той же, почти фрейдистской проблеме, пожив в Голливуде, то есть получив американскую прививку, и в фильме «Курочка Ряба» повторил устами главной героини те же заклинания об отсутствии в России комфортных сортиров. А вот еще пример. Однажды американские спецы по ракетам по приглашению Горбачева приехали на Байконур, где их поразили не столько красавицы-ракеты, сколько деревянные уборные с дырой в доске. Это все и не смешно, потому что подобные «очаги комфорта» для западной элиты наполнены чуть ли не сакральным смыслом. Недаром на Западе и в западном сознании существу-

ет мечта о золотом унитазе как о высшей точке жизненного успеха. И не зря Ленин, желая десакрализировать, дезавуировать эту мечту, говорил о том, что при победе коммунизма в мировом масштабе священный металл золото будет настолько обесценен и предан поруганию, что победивший пролетариат будет из него делать унитазы. То есть вождь революции как бы уравнивал разрушение религии с унижением другого западного божества – золотого тельца.

Когда западные люди гордились передо мной достопримечательностями своих особняков, они всегда подчеркивали, что их жилища имеют два, а то и три туалета, и это было похоже, что гордятся наличием двух, а то и трех красных, то есть священных, углов, домашних иконостасов.

Помню, как я расхохотался, когда в одном из ресторанов Марбурга пошел в туалет и увидел на его облицованных кафелем стенах изображения корзин с фруктами, подносов с мясными блюдами, с рыбой и прочими соблазнительными яствами. И это – в отхожем месте.

* * *

И в заключение еще один пример рокового непонимания умом.

В середине 20-х годов, во времена нэпа, пока еще Европа не обрела коричневый цвет и не наступила еще в СССР мобилизационная эпоха, вся наша творческая интеллигенция – литературная, киношная, театральная, научная, торговая, военная и прочая – на полную катушку до начала 30-х годов пользовалась свободами выезда в капиталистический мир. Театр Станиславского проехал с гастролями по всей Европе. Триумф был полный. В Берлине в конце гастролей труппа Станиславского встретилась с немецкими режиссерами и актерами. В конце беседы Станиславский, отвечая на обычный вопрос: «Над чем вы работаете?», с вдохновением стал рассказывать немецким коллегам, что он мечтает поставить спектакль по «Идиоту», в котором есть сцены, где Рогожин,

измученный страстью к Настасье Филипповне, отвергнутый ею, напился до полусмерти, утром очнулся и стал жаловаться князю Мышкину, что не помнил, как провел ночь, и какой ужас он испытал, когда очнулся и понял, что его «объели собаки». Немецкие режиссеры были поражены сценой и возмущенно заявили, что поставить ее невозможно. – Почему? – удивился Станиславский. – Да как же собаки могут объесть человека, – ответили немцы, – они же в намордниках!

Так что умом не то что русских людей, но даже и русских собак понять невозможно. У нас не то что люди – даже собаки, по сравнению с немецкими, – свободные существа.

А в завершение вспомню разговор с охотником Романом Фарковым на берегу Нижней Тунгуски – Угрюм-реки. Фарков – участник войны, побывал в плену, бежал, закончил войну в Вене. Я достаю на берегу фээргевскую фиберглассовую складную удочку, налаживаю ее, дед берет удилище в руки, восхищается им и говорит:

– Да, головастые мужики, – Потом на чуть-чуть задумывается и добавляет: – Но все равно мы их побили!

Мировой историей правят мифы. Даже в наше время на их фундаменте возникают целые государства. Вспомним, что сказал Хаим Вейцман, обосновывая право евреев на создание Израиля: «Библия – наш мандат на Палестину». Поэтому я остаюсь с Тютчевым, с Пушкиным, с Достоевским, с Вальтером Шубартом. Я хочу жить в мире мифов и умереть среди них, чтобы воскреснуть в день Второго Пришествия и Страшного Суда, ибо только после него прервется великая и животворная мифология истории.

КОММЕНТАРИИ

ЧАСТЬ I. ВОЗРОЖДАЯ ИЗ ПЕПЛА

Крупнозернистая жизнь

Первые три части статьи («Я сердцем виноват...», «Дивная мистерия вселенной», «Демон и ангел России») под общим названием «Крупнозернистая жизнь» были опубликованы в журнале «Наш современник» (№ 3, 2004). В части «Дивная мистерия вселенной» использован текст статьи «Огонь, мерцающий в сосуде» (Литературная учеба. № 5, 1978). Неполный текст четвертой части («Терновый венец») впервые напечатан в журнале «Наш современник» (№ 12, 1997). В окончательной редакции статья вошла в книгу С. Ю. Куняева «Мои печальные победы» (М., 2007).

Стр. 14: *И лишь в нашей «криминальной революции»...* – Выражение «великая криминальная революция» принадлежит Станиславу Говорухину, который именно этими словами определил двойной «демократический» государственный переворот августа 1991 и октября 1993 года. Под этим названием он снял документальный фильм, сценарий которого был напечатан в журнале «Наш современник» (№ 5, 1994).

Стр. 15: *...две ссылки, арест и смерть в лагере...* – Осип Мандельштам был арестован в ночь с 13 на 14 мая 1934 года и приговорен к ссылке в Чердынь (Пермский край). С 16 июня 1934 года до освобождения 13 мая 1937 года отбывал ссылку (по личному выбору) в Воронеже. Вторично арестован в ночь с 1 на 2 мая

1938 года, приговорен к 5 годам исправительно-трудового лагеря за контрреволюционную деятельность. Умер от тифа 27 декабря 1938 года в пересыльном лагере Владперпункт (Владивосток).

Стр. 15: *...семь лет тюрем, лагерей, ссылок...* – Николай Заболоцкий был арестован 19 марта 1938 года. Приговорен к 5 годам исправительно-трудового лагеря за антисоветскую пропаганду. Срок отбывал в системе Востоклага в района Комсомольска-на-Амуре и в Алтайлаге – в Кулундинских степях. С 1944 по 1946 год находился в ссылке в Караганде.

Стр. 15: *...двадцать пять лет тюремного заключения, из которых отсидел десять...* – Даниил Андреев был арестован 21 апреля 1947 года, его приговорили к 25 годам тюрьмы за антисоветскую агитацию и террористические намерения. Срок отбывал во Владимирском централе. Освобожден из-под стражи 23 апреля 1957 года.

Стр. 15: *...Ярослава Смелякова – трижды судимого по политическим статьям...* – Ярослав Смеляков был арестован 22 декабря 1934 года и приговорен к 3 годам лагерей. Освобожден в 1937 году. В ноября 1941 года попал в плен к финнам, где находился до 1944 года. Далее последовал фильтрационный лагерь и лагерь под Сталиногорском, из которого поэт вышел в 1946 году. В 1951 году – новый арест и приговор к заключению в лагере сроком на 25 лет. Вышел на свободу по амнистии в 1955 году.

Стр. 17: *…со знаменитыми словами Сталина, сказанными им в 1931 году...* – Далее цитируется речь И. В. Сталина «О задачах хозяйственников», произнесенная 4 февраля 1931 года.

Стр. 19: *...в «буднях великих строек»...* – Строка из «Марша энтузиастов» Анатолия д' Актиля: «В буднях великих строек, в веселом грохоте, в огнях и звонах, здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых!..»

Стр. 24: *...Шолохов шлет в Кремль Сталину страшные письма о гибели крестьян...* – См. сб. «Писатель и вождь. Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. 1931–1950 годы» (М., 1997).

Стр. 27: *Б. Сарнов... рассуждает как врач-психиатр...* – См. Б. Сарнов. Случай Мандельштама (М., 1990).

Стр. 28: *Ссылаясь на какое-то зарубежное издание поэта...* – Замену глагола «будить» на глагол «губить» произвела в своих комментариях Надежда Мандельштам (Н. Мандельштам.

Книга третья. Париж, 1978). В результате в отдельных подборках Мандельштама и была осуществлена эта совершенно неправомерная замена (см., например, сб. «Реквием». Составление и предисловие Бориса Романова. М., 1989).

Стр. 28: *«Я солдат на фельдмаршалов не меняю...»* – Фраза, сказанная Сталиным руководителю Красного Креста графу Бернадотту в ответ на предложение гитлеровцев обменять плененного под Витебском в июле 1941 года Якова Джугашвили на фельдмаршала Паулюса, взятого в плен в Сталинграде в январе 1943 года. Дочь Сталина Светлана Аллилуева в книге «Двадцать писем к другу» вспоминала, как Сталин воспринял известие об этом предложении: «Немцы предлагали обменять Яшу на кого-нибудь из своих... Стану я с ними торговаться!..»

Стр. 32: *...и содержание ее до сих пор неизвестно...* – Машинопись поэмы Николая Клюева «Кремль» хранится в семье народного художника РСФСР А. Н. Яр-Кравченко. Полный текст поэмы впервые был опубликован в книге Татьяны Кравченко и Александра Михайлова «Наследие комет» (М.–Томск, 2006). Уточненный текст поэмы с их же предисловием и комментариями – в журнале «Наш современник» (№ 1, 2008).

Стр. 32: *...из книги воспоминаний Иванова-Разумника...* – Р. В. Иванов-Разумник. Писательские судьбы (Нью-Йорк, 1951).

Стр. 32: *«Прости иль умереть вели»...* – См. финальные строки поэмы:

Я от зимы отчалил к маю
У нив цветущих бросить снасти,
Где солнце пролетарской власти
Нагую грудь не опалит, –
Она испытана, как щит,
Разувереньем и булатом
Перед Кремлем – могучим братом
Склоняет сердце до земли:
Прости или умереть вели!
«Поэма покрывается фугами великой стройки:
Прости или умереть вели!»

Стр. 32: *...Пастернак в отчаянье произнес слова...* – Эти слова Пастернака («Как мог он написать эти строки – ведь он ев-

рей!») известны со слов Надежды Мандельштам, которая приводит их в своей «Второй книге» (Нью-Йорк, 1972).

Стр. 32: *Шабесгой* – «субботний гой» – нееврей («гой», т. е. скот, по еврейским понятиям), нанятый иудеями для работы в шаббат (субботу), когда сами ортодоксальные иудеи не могут делать определенные вещи (зажигать и гасить огонь, приготовлять еду) в соответствии с религиозными запретами. В переносном смысле «шабесгой» – нееврей, который прислуживает евреям.

Стр. 33: *...развивавшую русофобские положения яковлевской работы «Против антиисторизма»...* – Статья Петра Николаева «Освобождение... от чего?» была напечатана в «Литературной газете» от 3 января 1983 года и посвящена разгрому статьи Михаила Лобанова «Освобождение» (Волга. № 10, 1982) о романе Михаила Алексеева «Драчуны». Статья Александра Яковлева «Против антиисторизма» публиковалась в «Литературной газете» от 15 ноября 1972 года.

Стр. 46: *...органы НКВД задумали создать «ленинградское дело»...* – «Дело» это началось осенью 1937 года с ареста 26 октября Бенедикта Лившица, который и дал 11 января 1938 года обширные показания, в том числе и на Николая Заболоцкого. См.: Е. Лукин. О Марсиевых ранах: Поэт Б. Лившиц. (Русская литература. № 2, 1993).

Стр. 47: *...жизнь Ивана Денисовича...* – Имеется в виду герой рассказа Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (Новый мир. № 11, 1962).

Стр. 48: *...ни Солженицын, ни Шаламов, ни Домбровский, ни Волков...* – Здесь названы самые известные писатели из тех, что долгие годы провели в лагерях и ссылках и оставили письменные свидетельства о своей подневольной жизни.

А. И. Солженицын был арестован 9 февраля 1945 года на фронте в Восточной Пруссии. Приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей и к вечной ссылке. Срок отбывал в лагере в Москве, в закрытых КБ Рыбинска, Загорска и Марфино, в Степлаге (Экибастуз); ссылку – в селе Берлик Коктерекского района Джамбульской области. Освобожден в июне 1956 года.

В. Т. Шаламов был арестован 19 февраля 1929 года за участие в подпольной троцкистской группе. Осужден на 5 лет лагерей, срок отбывал в Вишерском лагере (Северный Урал). Освобожден в 1932 году. Вновь арестован в январе 1937 года за контррево-

люционную деятельность. Приговорен к 5 годам лагерей, отбывал срок на Колыме. 22 июня 1943 года был повторно осужден на 10 лет за антисоветскую агитацию. Освобожден в 1951 году.

Ю. О. Домбровский первый раз был арестован в 1933 году и выслан в Алма-Ату. Второй раз арестован в 1936 году, освобожден через несколько месяцев. Вновь арестован в 1939 году, срок отбывал в Колымских лагерях. Был освобожден досрочно по инвалидности в 1943 году. В четвертый раз был арестован в 1949-м, освобожден в 1955-м.

О. В. Волков был арестован в феврале 1928 года. Приговорен к 3 годам лагеря за контрреволюционную деятельность. Часть срока отбывал в Соловецком лагере особого назначения. В апреле 1929 года лагерь был заменен высылкой в Тульскую область. В марте 1931 года – новый арест и приговор к 5 годам лагеря за контрреволюционную агитацию. К концу срока, отбываемого в том же Соловецком лагере, был сослан в Архангельск. В третий раз арестован 8 июня 1936 года и приговорен к 5 годам лагеря. Срок отбывал в Ухпетчлаге, был освобожден в 1941 году. В четвертый раз арестован в марте 1942 года по обвинению в контрреволюционной агитации. Освобожден в 1944 году по инвалидности. Пятый арест – в 1950 году. Был сослан в с. Ярцево Красноярского края. Освобожден в 1955 году.

Стр. 70: *…рукопись «Побежденных» попала в журнал в 1991 году не из архивов КГБ, а от... актрисы Янсен...* – Роман «Побежденные» был напечатан в журнале «Наш современник» с предисловиями Л. И. Бородина и Н. Ю. Квятковской в №№ 1–9 за 1992 год.

Стр. 71: *...с их «парадигмой несвободы»...* – Выражение А. Н. Яковлева, призывавшего сломать «тысячелетнюю парадигму несвободы» на III съезде народных депутатов СССР в 1990 году.

Стр. 73: *....где они похоронены – не знает никто...* – Борис Корнилов был расстрелян 20 февраля 1938 года (могила неизвестна). Павел Васильев – 16 июля 1937 года. Прах его был захоронен в общей могиле «невостребованных прахов» на кладбище Донского монастыря.

Стр. 86: *...прочитал стихи об Иване Калите...* – Стихотворение Наума Коржавина «Иван Калита» (1954).

Стр. 87: *...писал в одной из своих работ на исходе 1941 года...* – Цитируется повесть А. Ф. Лосева «Жизнь».

Стр. 90: *Какой шабаш поднялся после публикации!..* – Стихотворение Я. В. Смелякова «Ты себя под Лениным чистил...» было напечатано в альманахе «Поэзия» (№ 10, 1973).

Стр. 92: *...и за невзгоды, которые они перенесли вместе со своими народами...* – Фронтовик Кайсын Кулиев в апреле 1944 отправился в Киргизию вслед за депортированными балкарцами, многие из которых встречали гитлеровцев, как освободителей. Фронтовик Давид Кугультинов был в 1944 году депортирован вместе с калмыками, часть из которых воевала на стороне Гитлера против советских войск.

Пища? Лекарство? Отрава?

Часть статьи под заголовком «От великого до смешного» была напечатана в «Литературной газете» 9 июня 1982 года. Часть в первоначальной редакции под заголовком «Что тебе поют?» – в «Наш современник» (№ 7, 1984). В окончательной редакции под новым названием статья вошла в книгу С. Ю. Куняева «Огонь, мерцающий в сосуде» (М., 1986). Правда, из этой редакции были исключены важные фрагменты, о которых написал автору 18 февраля 1986 года исполняющий обязанности директора издательства «Современник» С. А. Барченко:

«...Вы просили меня изложить письменно те соображения, по которым я счел необходимым предложить Вам внести соответствующие коррективы и сделать сокращения в статье “Пища? Отрава? Лекарство?” (таково первоначальное название статьи. – *С. К.*).

...Первое. Мне представляется не совсем этичным, – с точки зрения издательства, дважды выпустившего сборник «Нерв», где в предисловии поэта Р. Рождественского дается весьма высокая оценка творчества В. Высоцкого, – выступать теперь по сути дела с диаметрально противоположных позиций.

Второе. В издательство поступили документы (и Вы с ними ознакомились во время нашей беседы), в которых опровергается факт захоронения майора Петрова. В частности, заместитель управляющего Спецтрестом бытового обслуживания тов. В. А. Тиганов сообщает, что “захоронения на 1 участке Ваганьковского кладбища, где в настоящее время находится могилы Высоцкого, в 40-е годы не производились. Освоение этой площади под захоронения началась в 60-е годы.

Металлическая табличка с надписью “Майор Петров А. С. ск. 1940 г.” была установлена неизвестными лицами у растущей рядом березы на свободном месте. Данная табличка была снята сразу же после ее установления в 1982 г.

Кроме того, издательство получило целый ряд фотографий, подтверждающих официальный ответ тов. Тиганова.

Согласитесь, уважаемый Станислав Юрьевич, что “Современник” не может взять на себя ответственность, в том числе и юридическую, за публикацию факта, бесспорность которого нельзя считать строго доказанной...»

В настоящем издании текст статьи «Пища? Лекарство? Отрава?» восстановлен в полном виде. Что касается ссылок С. А. Барченко на мнение управляющего Спецтрестом бытового обслуживания В. А. Тиганова, то они при ближайшем рассмотрении оказались полностью несостоятельными (см. комментарий к стр. 136).

Стр. 101: … *доктор философских наук В. Толстых*… – Статья В. И. Толстых «Парадоксы популярности» была напечатана в «Литературной газете 16 июня 1982 года.

Стр. 104: *...о зонгах современногог поэта в мюзикле «Убивец» (по «Преступлению и наказанию»)...* – Этот мюзикл был поставлен в 1978 году в Рижском русском драматическом театре Марком Розовским. Автор «зонгов» – Юрий Ряшенцев.

Стр. 108: *«Политехнический – моя Россия»...* – Строка из стихотворения Андрея Вознесенского «Прощание с Политехническим» (1962).

Стр. 111: *«...златую цепь в Торгсин снесли...»* – Эта пародия на Пушкина, очевидно, была сочинена в Соловецком лагере особого назначения и принесена оттуда. Во всяком случае, кое-какие строчки ее об этом свидетельствуют:

У Лукоморья дуб срубили,
Златую цепь в Торгсин снесли,
Кота на мясо изрубили,
Русалку паспорта лишили,
А лешего сослали в Соловки.

Стр. 112: *....рыбачили два москвича...* – Николай Николаевич Данич и Виталий Стефанович.

Стр. 115: «*какое время на дворе – таков мессия»...* – Здесь и далее приводятся строки из стихотворения Андрея Вознесенского «Реквием оптимистический 1970 года»:

О златоустом блатаре
Рыдай, Россия!
Какое время на дворе –
Таков мессия.

Стр. 115: *«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»* – Стихотворение Ф. И. Тютчева (1869).

Стр. 126: *Вот и Астафьев уже «опозорил»себя на всю страну.* – 11 апреля 1982 года в «Комсомольской правде» была напечатана статья «Рагу из синей птицы» с предисловием журналиста Николая Кривомазова о гастролях рок-группы «Машина времени» в Красноярске («от безвкусной литературщины до цинизма один шаг... смутные, желчные мечтания, нарочитый уход в беспредметное брюзжание... услышать нормальный мужской голос в подобного рода ансамблях становится проблемой...») за подписями Виктора Астафьева, главного режиссера Красноярского государственного театра оперы и балета Максимилиана Высоцкого, солиста Евгения Олейникова, директора Красноярской филармонии Леонида Самойлова, дирижера Николая Сильвестрова, поэта Романа Солнцева.

Стр. 133:...*у которого вроде бы действительно есть стихи памяти Высоцкого.* – После смерти Высоцкого по рукам ходили машинописные списки со стихотворениями, ему посвященными. Среди них было и стихотворение В. А.Солоухина «Владимиру Высоцкому – самому высокому из нас» (1980).

Стр. 136:... – *Думается, что этой могилы уже не существует...* – Сцена вручения фотографии описана с некоторой долей художественного вымысла. На самом деле фотографию фотохудожника Александра Лапина передала Станиславу Куняеву заведующая редакцией журнала «Литературная учеба» Л. Г. Баранова-Гонченко. Опубликована она была в газете «Московский литератор» от 10 июля 1987 года с приложением статьи А. Лапина «Отказаться от фотографии?», в которой он написал буквально следующее:

«Работа “Майор Петров” снята на Ваганьковском кладбище летом 1982 года. Меня поразила эта заброшенная могила, имен-

но заброшенная, а не затоптанная (на снимке ее никто и не топчет)... Меня потрясла эта заброшенная могила человека с такой русской фамилией – Петров. И вот такая судьба: майор – и не воевал, не погиб, как подобает, а просто мирно скончался, как написано на табличке. Много здесь было всего таинственного и волнующего. Это место действительно находится в нескольких метрах от могилы В. Высоцкого. Однако своим снимком я никак не хотел связывать близость этих двух могил... Снимок "Майор Петров" висел на московской фотовыставке в издательстве "Молодая гвардия" в феврале 1983 года. Контролька, переданная в журнал "Литературная учеба" для публикации, каким-то образом оказалась потом у Ст. Куняева и стала как бы центром этой почти детективной истории.

...На моей персональной выставке зимой 1985 года страсти разгорелись снова. Работу "Майор Петров" пришлось снять из экспозиции, оказалось, что за эти годы ее скандальная известность (все о ней слышали, но никто не видел, не все вообще верили, что такой снимок существует) выросла необычайно. Наверное, нельзя было показывать этот снимок в доме, где живет мать Высоцкого. С болью думаю об этом, вина моя. Я объяснил все Нине Максимовне, и мы решили, что снимок все же лучше пока снять. Не пришло еще то время, когда его можно будет показывать, не вызывая нездорового ажиотажа».

Тот же А. **Лапин прислал в редакцию «Нашего современ**ника» письмо за своей личной подписью следующего содержания: «Польщен вниманием к моей фотографии "Майор Петров". И хотя я, к сожалению, не был знаком со Станиславом Куняевым и узнал, что моя фотография оказалась у него, прочитав 7-й номер журнала, с удовольствием передаю свой снимок журналу. Сделан он в 1982 году...

Я вполне разделяю тревогу Станислава Куняева за развитие нашей массовой культуры. Но если он ищет виноватых как бы вне себя, на той стороне "баррикады", то я хотел выразить свою личную боль за судьбу майора Петрова и сказать зрителю: "Это ты в суете своих сует ходишь по и около могил. В том, что происходит, виноваты равно мы оба – я и ты. Остановись, оглянись, задумайся!"»

В статье «Необходимый комментарий» С. Ю. Куняев писал: «Имеются три фотографии, сделанные в разное время, в разные

времена года. Одна, сделанная зимой 1980 года, где изображен большой прямоугольный земляной холм, присыпанный снегом, с букетом засохших или замерзших цветов и с табличкой, где написано: “кинорежиссер Петров А. Г.”. Вторая сделана руководителем студии художественных фотографий ДК МГУ А. Лапиным летом 1982 года: холмик стал значительно меньше, “усох”, вокруг него и наступая на его края топчутся люди, на нем стоят живые цветы – букет гвоздик и табличка с надписью “майор Петров А. С. ск. 1940 г.”. На третьей фотографии, сделанной А. Лапиным еще через год, летом 1983 года, на месте могилы ровная земля, вернее, асфальтовая дорожка».

То, что могила майора Петрова именно затаптывалась – свидетельствовал ярославский журналист В. Константинов, опубликовавший в одной из газет в 1982 году (за два года до статьи Станислава Куняева) заметку «Певец и майор Петров» (ксерокопия газетной страницы без обозначения названия газеты и даты выпуска номера хранится в РГАЛИ. Ф. 3004. оп. 2. ед. хр. 332):

«Оказаться в Москве и не побывать на Ваганьковском кладбище, у Певца, сейчас, кажется, нельзя. Все туда едут.

Могилу искать не надо: два десятка шагов от главного входа. Да и не в шагах дело. Словно ключ людской бурлит средь погостовской тишины: шляпы и шляпки, сумочки и дипломаты-кейсы – все смешалось в месте поклонения бесспорному таланту...

Но у толпы свои законы. Те, кого оттерли более сильные плечи, начинают хитрить: кто подставит чурбачок, кто – вьюном – с полуулыбкой-полуизвинением – протискивается в первые ряды.

Только не видно могилы. Розы – сотнями – в корзинах, гвоздики в пузатых банках, гладиолусы в ведрах и просто так на земле – как скошенное диковинное разнотравье. Шикарный парад цветов, роскошь персидская...

А он пел: “нет алых роз и траурных лент...”

Вот еще одна поклонница с тремя гвоздиками в руках. Нет у нее чурбачка, не пробиться сквозь спины. Повезло: кто-то, наконец, освободил возвышение – незаметный такой бугорок. А на нем – поржавевший уже прямоугольник на металлическом штыре. И надпись простенькой краской: “Майор Петров. Погиб в 1940 г.”.

И все. Ушла поклонница, так и не поднявшись на холмик, продавленный в десятке мест то квадратным каблуком, то шпилькой. А на земляных ранах остались три гвоздики. Те самые...

Она любит Певца. Нерв его творчества понятен ей. Он пел, писал, играл не для публики. Для людей. О людях, их сомнениях и боли. И случись ему попасть сюда, не родилась ли бы тогда новая песня... О майоре Петрове. Потому что здесь тоже боль. За майора – за нас – в приливе модного чувства топчущих полуразрушенный уже холмик с маленькой жестяной табличкой: “Майор Петров. Погиб в 1940 г.”».

24 января 1985 года директор «Ваганьковского комплекса ритуального обслуживания» В. А. Кажаев направил заведующему редакцией критики журнала «Наш современник» Ю. М. Медведеву письмо следующего содержания:

«Уважаемый Юрий Михайлович!

Ваганьковский комплекс ритуального обслуживания населения сообщает Вам, что ни могилы “кинорежиссера Петрова”, ни могилы “майора Петрова” на самом деле не было и быть не могло т. к. на месте захоронения Высоцкого В. С. до 1950 г. находилось здание старинной постройки, и захоронения на этом участке Ваганьковского кладбища началось только с 1950 г.

Мнимый холм, образованный прямо на асфальте, был снесен по указанию администрации».

Однако к этому времени в руках Ю. М. Медведева были материалы совсем другого рода, о чем он и написал в докладном письме главному редактору «Нашего современника» С. В. Викулову от 6 декабря 1985 года:

«Уважаемый Сергей Васильевич!

Полагаю, для Вас будут небезынтересны подробности моей поездки на Ваганьковское кладбище г. Москвы в начале июня 1984 г. с целью проверки достоверности сведений в статье члена СП СССР Ст. Куняева, в ту пору готовящейся к печати. Как Вы знаете, в статье утверждалось, что рядом с могилой актера и поэта-барда В. Высоцкого была затоптана поклонниками последнего могила безвестного майора Петрова...

Как редактор, готовивший статью С. Куняева к печати, я, естественно, должен был самолично проверить это обстоятельство, для чего и пригласил автора статьи съездить на Ваганьковское кладбище.

Нас принял директор Ваганьковского комплекса тов. Абакумов. Взглянув на фотографии, он не только признал, что могила, действительно, затоптана, но и сообщил, что затаптывалась она

трижды, хотя каждый раз администрация кладбища принимала скороспешные меры к восстановлению. По словам Абакумова, после третьего затаптыванья пришлось могилу ликвидировать, то есть сравнять с землей, поскольку не было надежды, что многочисленные посетители могилы Высоцкого остепенятся от своих бесчинств. К числу этих бесчинств Абакумов относил распитие спиртных напитков и распевание песен Высоцкого в пьяном виде вокруг могилы, в том числе и после закрытия кладбища (даже ночью), вывешивание антиобщественных призывов возле могилы, продажу по спекулятивным ценам фотографий Высоцкого (2 р. за штуку); демонстрацию этих бесчинств иностранным гражданам, причем иностранцы обычно фиксировали происходящее на фото и кинопленку, записывали на магнитофоны.

На нашу просьбу ознакомиться с книгой регистрации похорон за 1940 год директор кладбища ответил отказом. По его словам, такие книги они начали вести лишь с 1945 года.

На наш вопрос, нельзя ли снова восстановить могилу майора Петрова, тов. Абакумов ответил, что это решительно невозможно: во первых, такое ходатайство может исходить лишь от родственников покойного, и то лишь по прямой линии; во-вторых – табличка, что видна на фотографии, давно утеряна».

Таким образом, и В. А. Тиганов, и В. А. Кажаев намеренно вводили своих корреспондентов в заблуждение. Что же касается В. Ф. Абакумова, то, как сообщал в письме В. А. Кажаеву С. Ю. Куняев, он «после выступления писателя Лазарева о безобразиях, творящихся на кладбищах, в том числе на Ваганьковском, переведен на работу на другое кладбище».

В. Я. Лазарев в статье «Трава забвения?.. Нет, свет памяти!» (Литературная газета. декабрь 1984 года) писал: «А сколько славных могил исчезло у нас как бы перед глазами, скажем, на Ваганьковском кладбище! Как это могло статься? А вот сталось. Назову хотя бы имена поэта Алексея Ермиловича Разоренова, поэта и переводчика (автора стихов знаменитого реквиема “Не плачьте над трупами павших борцов...”), Лиодора Ивановича Пальмина, композитора, автора многих широко известных в народе песен Александра Ивановича Дюбюка... Поразителен факт исчезновения на этом кладбище могилы замечательного русского писателя Николая Васильевича Успенского (двоюродного брата Глеба Успенского). Совсем недавно на месте захоронения Н. В. Успенского – поверх его

останков – неожиданно захоронили останки другого человека. Памятник, на котором начертано имя писателя, перенесли на другое, ложное место (праха Успенского там нет). Прошлым летом исчез и памятник. А уж не о пропавших, а просто неухоженных могилах и говорить не приходится. Несть им числа».

Безобразия на кладбищах продолжались и продолжаются по сей день. Одно московское кладбище – Всехсвятское, возле храма Всех Святых на Соколе – было полностью уничтожено в 1982 году. А на том же Ваганьковском бесследно исчезла могила замечательного поэта и прозаика Дмитрия Голубкова. В чужие могилы хоронили и продолжают хоронить – так, не на пустом месте рыли могилы на «престижном участке», близко ко входу, для бандитов братьев Квантришвили...

В журнале «Наш современник» (№ 12, 1984) было публиковано письмо читателя Г. Сидогобуллина: «25 июля я побывал на Ваганьковском кладбище. Пока я стоял в очереди на некоторых столбах висели коротенькие объявления. Я бы не обратил на них внимания, если бы не остановился против одного из них. Автор или авторы сообщали, что в 7-м номере “Нашего современника” напечатана статья, порочащая память Высоцкого, и названа фамилия автора. Я поначалу возмутился, как и все, но тут же отбросил от себя отрицательные эмоции. И вот, внимательно прочитав журнал, могу сказать, что статья написана честно и правдиво и в ней нет ничего, что порочило бы память Высоцкого... Не хочу скрывать – Высоцкий мне дорог, но если есть любители вывешивать всякие заборные объявления, я скажу им: права на критику у нас никто не отнимал, а заниматься анонимным критиканством – некрасиво. В целом я согласен с автором статьи. Побольше бы таких статей...».

Стр. 141:.*..попытки сопротивления этому бедствию бесполезны...* – 16 мая 1985 года был издан Указ президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом искоренении самогоноварения».

Стр. 159: *...малопопулярный, но истинный поэт...* – О. Г. Чухонцев.

Стр. 159: *...поэтическая знаменитость...* – Е. А. Евтушенко.

Жертвы и палачи «Метрополя»

Впервые опубликовано в журнале «Молодая гвардия» (№ 1, 1990), как часть из цикла «Человеческое и тоталитарное». «Пись-

мо в ЦК КПСС» впервые было напечатано в книге С. Н. Семанова «Андропов» (М., 1999).

Стр. 163: *...кто подписал «Письмо одиннадцати»...* – Письмо одиннадцати писателей «Против чего выступает “Новый мир”?» было напечатано в журнале «Огонек» (№ 30, 1969) за подписями Михаила Алексеева, Сергея Викулова, Сергея Воронина, Виталия Закруткина, Анатолия Иванова, Сергея Малашкина, Александра Прокофьева, Петра Проскурина, Сергея Смирнова, Владимира Чивилихина, Николая Шундика.

Стр. 165: *...живущим по принципу «чего изволите?»...* – Следующие цитируемые отрывки из выступлений писателей были опубликованы под «шапкой» «Мнение писателей о “Метрополе”: порнография духа» (Московский литератор. 23 февраля 1979). См. также публикацию «Уроки “Метрополя” (Из архива газеты “Московский литератор”)» (Наш современник. № 4, 1999).

Стр. 168: *...и пустил свое сочинение по белому свету.* – Перед этим С. Ю. Куняев выступал, как один из секретарей, на расширенном собрании в Московской писательской организации 23 января 1978 года, где обсуждался альманах «Метрополь»:

«Один рассказ Искандера – блеск. Он был напечатан (в журнале «Дружба народов», № 7, 1977. – *С. К.*). Второй менее интересен, он про полового психопата и его приключения, в том числе и с любовницей Берии. Алешковский – просто-напросто плохо и слабо. Сапгир – его не зря не печатают, плохо. Рейн – талантлив, но подбор стихов дает ощущение безвоздушной концентрации без высветляющих моментов. Карабчиевский. Стихи осложнены болезненной мизантропией, комплексом неполноценности. Вахтин. Паразитирует на Гоголе, Зощенко. Аксенов. Ирония на тему о воспитании человека. Злая, нехорошая ирония. Попов обиделся за Липкина (Е. Попов обиделся на реплику Ф. Ф. Кузнецова: «Что еще за Липкин-Влипкин?!». – *С. К.*). Да, он прекрасный поэт, но стихи малоудачные. У нас борьба с сионизмом, а тут стихи явной направленности. Как согласовать, что значит, что они независимы? Эстетически?

Альманах нужен, но не этот альманах. В основе этот альманах лежать не может. Спонтанность действий может далеко завести, может быть и пресс-конференция. Литература – дело индивидуальное, а здесь – коллективное и серое» (см. Новое литературное обозрение. № 82, 2006).

Стр. 169: *Когда-нибудь я напишу об этом фантасмагорическом действии поподробнее...* – Об этом написано в главе «Русско-еврейское Бородино» книги Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия» (Наш современник. № 4, 1999).

Стр. 174: *стихотворение «Союз И».* – Позднее Семен Липкин утверждал, что в этом стихотворении речь идет о буддийском племени «И», живущем в Китае, и что за это стихотворение антисемиты обвинили его в сионизме. Но прежде всяких «антисемитов» это стихотворение, как проповедь сионизма, квалифицировали и озвучивали в Израиле.

Стр. 174–175: *...нет стихов Александра Пушкина...* – Этот «Букварь» был издан в 1976 году.

Стр. 176: *....как «главного народа»...* – Речь идет о книге О. Сулейменова «Аз и Я» (Алма-Ата, 1975).

Стр. 176: *В одной книге его стихотворений...* – Олжас Сулейменов. Круглая звезда (М., 1975).

Стр. 179: *...и вот уже несколько лет не могу ее опубликовать...* – Статья «Легенда и время», в большей части посвященная творчеству и мировоззрению Эдуарда Багрицкого, была опубликована без ведома автора в журнале «22» (Иерусалим) в № 14 за 1980 год. В СССР под названием «Времена и легенды» напечатана в журнале «Дон» (№ 5, 1989). См. в настоящем издании на стр. 429–473.

Стр. 180: *...появится в том же обрезанном виде.* – До последнего времени все купюры, касающиеся «еврейского вопроса» в дневниках А. А. Блока были сохранены. См. Статью С. А. Небольсина «Искаженный и запрещенный Александр Блок» (Наш современник. № 8, 1991).

«За что боролись...»

Рецензия на книгу Збигнева Бжезинского «Большой провал» (М., 1991) печатается впервые. Написана в 1991 году.

Из литературного дневника смутного времени

Различные фрагменты дневника публиковались на протяжении долгого времени в разных изданиях, в частности: С. Ю. Куняев. Свободная стихия (М., 1979); Сборник «Позиция» (Иркутск, 1990); Литературная Россия. № 36, 1991; Литературная Россия. 18 сентября 1992; Литературная Россия. 22 октя-

бря 1993; Завтра. № 27 и № 38, 1994; Дневник писателя. Разлад (М., 1996).

Стр. 199: *...закрыв ряд изданий...* – Государственный комитет по чрезвычайному положению, взяв в свои руки власть 19 августа 1991 года, закрыл несколько «демократически» газет.

Стр. 199: *...победившая демократия поступила по-ленински...* – После поражения ГКЧП новая власть отдала распоряжение о закрытии ряда изданий, в частности, газет «Советская Россия», «Правда» и «День». Здесь наблюдалась прямая связь с действиями Военно-революционного комитета, который 17 ноября 1917 года прекратил выпуск газет «Воля народа», «День», «Единство», «Наша речь», «Рабочая газета», «Рабочее дело», «Трудовое слово», «Утренние ведомости», «Утро».

Стр. 202: *...с вашими чонкиными, собраниями анекдотов о Сталине...* – Имеются в виду роман В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» (Париж, 1975) и книга Ю. Борева «Сталиниада» (М., 1990).

Стр. 202: *...поливать «Память»?* – Общество «Память» было создано в 1980 году активистами городского отделения Общества охраны памятников истории и культуры. В 1987 году было преобразовано в «Национально-патриотический фронт "Память"» (руководитель – Д. Д. Васильев, с июля 2005 года – Г. Боровиков). В 2009 году переименован в «Русский фронт освобождения "Память"».

Стр. 205: *...«догнать и перегнать Америку»...* – Эту «задачу» Н. С. Хрущев поставил 22 мая 1957 года в речи на зональном совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик СССР.

Стр. 206: *...Грузия, уничтожающая Осетию?* – В ночь с 5 на 6 января 1991 года по приказу президента Грузии Звиада Гамсахурдиа и при «молчаливом нейтралитете» Москвы грузинские вооруженные части вошли в Цхинвал. С этого момента и начался многолетний грузино-осетинский вооруженный конфликт.

Стр. 209: *...со стенограммой самозваного секретариата...* – После поражения ГКЧП в Союзе писателей СССР состоялся свой «переворот», когда власть в Союзе насильно захватили литераторы так называемой «демократической ориентации». «Стенограмма самозванного секретариата», т. е. новых секрета-

рей, собравшихся с целью утвердить свою власть и изгнать неугодных, была опубликована в статье Марины Кудимовой и Елены Якович «Это есть наш последний... Батальные сцены из жизни писателей» (Литературная газета. 4 сентября 1991).

Стр. 212: ...*суд над компартией...* – «Суд над КПСС» с обвинениями партии в «неконституционности» проходил с 7 июля по 30 ноября 1992 года и закончился полным провалом затеи клевретов Б. Н. Ельцина. Конституционный суд снял наиболее существенные юридические обвинения «демократов».

Стр. 213: ....*как 14 армия при генерале Неткачеве...* – Генерал Ю. М. Неткачев все свое непродолжительное время командования 14-й армией, расквартированной в Приднестровье, соблюдал «нейтралитет», в то время как полицейские и солдаты молдавской армии президента Снегура пытались подавить силой Приднестровскую Молдавскую республику, убивая и калеча мирных жителей.

Стр. 213: *...с авторами воззвания «Слово к народу»!* – «Слово к народу» – обращение группы политиков и деятелей культуры с призывом прекратить распад СССР и обращенное в первую очередь к армии, опубликованное в газете «Советская Россия» 23 июля 1991 года, названное позднее «идеологической платформой путча ГКЧП». «Слово к народу» подписали Юрий Бондарев, Юрий Блохин, Валентин Варенников, Эдуард Володин, Борис Громов, Геннадий Зюганов, Людмила Зыкина, Вячеслав Клыков, Александр Проханов, Валентин Распутин, Василий Стародубцев, Александр Тизяков. Позднее Б. Громов и Л. Зыкина сняли свои подписи.

Стр. 214: *«Есть такая партия!»* – Фраза, произнесенная Лениным 4(17) июня 1917 года на 1 Всероссийском съезде Советов в ответ на слова меньшевика И. Г. Церетели: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место».

Стр. 214: *…«слоны схоронилися»...* – Цитата из стихотворной сказки К. И. Чуковского «Тараканище».

Стр. 214: *...и выиграли эту борьбу...* – 30 августа 1991 года состоялся пленум правления СП РСФСР. Во время пленума в здании появилась группа вооруженных молодчиков, объявивших, что распоряжением префекта Центрального округа г. Москвы А. Музыкантского Союз писателей РСФСР закрывается. Писате-

ли отказались подчиниться этому распоряжению, а С. Ю. Куняев разорвал предписание Музыкантского, после чего собравшиеся на пленум в течении 3-х дней не покидали здание в ожидании штурма, который так и не состоялся.

Стр. 215: *«...над промотавшимся отцом...»* – Строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума».

Стр. 216: «*от меча и погибнет...»* – Слова Александра Невского из сценария П. Павленко к кинофильму «Александр Невский» (1939). Парафраз слов Евангелия от Матфея: «Тогда говорит ему Иисус, возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (гл 26. ст. 52).

Стр. 218: *«...чем это кончится...»* – О своем впечатлении от расстрела Белого дома 4 декабря 1993 года и аресте Руслана Хасбулатова, Александра Руцкого и генерала Альберта Макашова Б. Окуджава говорил в интервью газете «Подмосковные известия» (11 декабря 1993): «Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним не было. И может быть, когда первый выстрел прозвучал, я увидел, что это – заключительный акт. Поэтому на меня слишком удручающего впечатления это не произвело».

Стр. 221: ...*во время апрельского референдума...* – Всероссийский референдум 25 апреля 1993 года включал 4 вопроса:

1. Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?

2. Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года?

3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?

4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

Стр. 221: *Задолго до письма 42-х своих кровожадных коллег...* – 5 октября1993 года в «Известиях» появилось так называемое «Письмо 42-х», авторы которого использовали следующие выражения по отношению к убитым защитникам Белого дома: «Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми... Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму?» Они призывали «запретить все виды коммунистиче-

ских и националистических фронтов и объединений», закрыть ряд журналов и газет (в частности, «День», «Советскую Россию», «Правду»), телепередачу «600 секунд», приостановить деятельность Советов, признать нелегитимными не только Съезд народных депутатов и Верховный Совет Российской Федерации, но и Конституционный Суд. Письмо это подписали: Алесь Адамович, Анатолий Ананьев, Артем Анфиногенов, Белла Ахмадулина, Григорий Бакланов, Зорий Балаян, Татьяна Бек, Александр Борщаговский, Василь Быков, Борис Васильев, Александр Гельман, Даниил Гранин, Юрий Давыдов (единственный, позже раскаявшийся в этой своей подписи.), Даниил Данин, Андрей Дементьев, Михаил Дудин, Александр Иванов, Эдмунд Иодковский, Римма Казакова, Сергей Каледин, Юрий Карякин, Яков Костюковский, Татьяна Кузовлева, Александр Кушнер, Юрий Левитанский, Дмитрий Лихачев, Юрий Нагибин, Андрей Нуйкин, Булат Окуджава, Валентин Оскоцкий, Григорий Поженян, Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Александр Рекемчук, Роберт Рождественский, Владимир Савельев, Василий Селюнин, Юрий Черниченко, Андрей Чернов, Мариэтта Чудакова, Михаил Чулаки, Виктор Астафьев.

Стр. 229: – *Ура баркашовцам!* – Баркашовцы – члены «Русского национального единства» (объединения, отколовшегося от «Памяти»), руководимого А. П. Баркашовым (до 2000 года). Принимали участие в защите Белого дома 3–4 октября 1993 года. Некоторые из них погибли.

Стр. 234: *«Перестаю понимать, к какой революции я принадлежал»...* – Из письма С. А. Есенина А. Б. Кусикову от 7 февраля 1923 года.

Стр. 237: *Снова литературные чекисты требуют крови...* – В «Литературной России» от 15 октября 1993 года был опубликован донос, ставший известным редакции и адресованный в администрацию Президента Российской Федерации. Авторы требовали «дополнить список изданий, подлежащих закрытию, газетами “Московский литератор”, “Литературная Россия”... журналами “Кубань”, “Наш современник”, служившими идеологической базой реакции»; «ходатайствовать перед Министерством юстиции Российской Федерации о приостановке деятельности... Союза писателей Российской Федерации, Московского отделения СП РФ», ибо «руководство обеих организаций... занимало прокоммунистическую позицию, разжигало шовинистическую ис-

терию», а также «ходатайствовать о запрещении деятельности Международного Сообщества писательских союзов», поскольку «МСПС в течение ряда месяцев служило штабом реакции, под крышей которого регулярно собирались руководители вооруженного мятежа – А. Макашов, И. Константинов, В. Уражцев и др., члены ГКЧП – А. Лукьянов, О. Шенин и др., лидеры оппозиции – А. Стерлигов, С. Умалатова, Ю. Власов и др.» Под этим документом стояли собственноручные подписи Марины Кудимовой, Александра Иванченко, Артема Анфиногенова и напечатаны на машинке (без рукописного подтверждения) фамилии Игоря Золотусского, Юрия Нагибина, Николая Панченко, Анатолия Приставкина, Романа Солнцева, Юрия Черниченко.

История спорит с поэзией

Опубликовано в журнале «Наш современник» (№ 7, 1997) в виде предисловия к посмертной публикации повести В. А. Солоухина «Чаша».

Стр. 241: *...в произведениях Рыбаса и Лихоносова...* – Имеются в виду повесть С. Рыбаса и Л. Тараканової «Гибель генерала Кутепова» и роман В. Лихоносова «Наш маленький Париж».

Стр. 241: *Но открываешь книгу эмигранта князя Н. Д. Жевахова...* – Речь идет о книге Н. Д. Жевахова «Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода» (Нови Сад, 1928).

Стр. 247: *...что его настоящая фамилия Тамарцев...* – Тамарцев – тоже лишь один из псевдонимов. Настоящая фамилия Башилова – Юркевич.

«За горизонтом старые друзья...»

Впервые опубликовано в журнале «Наш современник» (№ 7, 2002).

Стр. 257: *...переписал стихотворение, убрав из него имя Вадима...* – В одном из выступлений по Центральному телевидению уже после 1991 года В. Н. Соколов прочитал это стихотворение с измененной строкой: «Кто-то сказал: “Почитай-ка мне стансы...”»

Стр. 266: *…«Антологию современной поэзии»...* – См. «Страницы современной лирики (М.: Детская литература, 1980).

Эта книга включала в себя подборки стихов 12 поэтов: Алексея Прасолова, Николая Рубцова, Владимира Соколова, Глеба Горбовского, Анатолия Жигулина, Анатолия Передреева, Станислава Куняева, Василия Казанцева, Алексея Решетова Эдуарда Балашова, Олега Чухонцева, Юрия Кузнецова

Стр. 272: *прославил на страницах популярнейшего журнала «Огонек»...* – См. В. В. Кожинов. Воскрешение песни (Огонек. № 43, 1978).

Стр. 276: *...весной 1962 года Кожинов опубликовал две статьи о творчестве М. М. Бахтина...* – На самом деле В. В. Кожинов не единожды ссылался на М. М. Бахтина в своих работах по теории литературы, но собственно Бахтину была посвящена лишь одна статья, точнее, рецензия на кн. «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (В мире книг. № 5, 1966).

Стр. 279: *...японский профессор*... – Профессор университета «Васэда» Рё-хей Ясуэ.

Стр. 286: *«адвокатом диссидентства»...* – См. Т. Глушкова. Вычеркнутая нация, или Чему нас учат присяжные «русоведы»? (Молодая гвардия. № 2, 1994).

Стр. 287: *«Блеск и клевета кожиноведки»...* – Статья была опубликована в «Литературной России» 22 июля 1994 года.

Стр. 287: *...слишком доверчиво относился ко многому, что публиковали Солженицын и Шафаревич…* – См. В. В. Кожинов. Взгляд в прошлое: Патриоты, Солженицын, демократы... (Завтра. № 4, 1994).

Вы мне надоели...

Впервые опубликовано в журнале «Наш современник» (№ 10, 2005).

Стр. 299: *Можно вспомнить отчаянные вопли Валентина Оскоцкого, кажется, в «Лит. вестях»...* – Статья В. Оскоцкого «Фашизм – реальность нашего времени» была напечатана в «Известиях» 25 марта 2004 года.

Стр. 310: *...(если вспомнить трагедию Едвабне)...* – Об уничтожении еврейского населения поляками в местечке Едвабне сразу после начала немецкой оккупации см.: Ст. Куняев. Шляхта и мы. М., 2005 (глава «Холокост по велению сердца»).

Стр. 333: *...в комментариях к немецкой заметке «Кто расстреливал белорусских партизан...»* – См. журнал «Наш современник» (№ 12, 2004).

Стр. 343: ...*восьмерых правозащитников с плакатами...* – 25 августа 1968 года 8 человек, протестующих против ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию (Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делонэ, Виктор Файнберг, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов) были задержаны у Лобного места с плакатами: «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу!», «Свободу Дубчеку!» и др.

Стр. 344: *...кто-то из чешских студентов покончил с собой...* – Ян Палах, устроивший 19 января 1969 года самосожжение на Вацлавской площади в Праге.

Стр. 354: *...что дефолта не будет...* – В конце 1991 года Б. Н. Ельцин пообещал «лечь поперек рельсов», если либеральные реформы приведут к повышению цен более чем в три-четыре раза. В результате 2 января 1992 года цены выросли в 26 раз. 14 августа 1998 года Ельцин заявил: «Девальвации рубля не будет... Мое утверждение базируется на том, что все просчитано... Положение полностью контролируется». 17 августа последовал дефолт и девальвация рубля.

Стр. 355: *...говорит тоже о 6 миллионах...* – См. Мирослава Бердник. «Голод 33-его: пляски на костях»: «“Работа” Конквеста была вкладом в так называемую черную историю Советского Союза... За книгу “Жатва скорби” Конквест получил гонорар – 80 тыс. долларов – от Организации украинских националистов (ОУН). Та же ОУН в 1986 г. оплатила съемки фильма “Жатва отчаяния”, где как бы между прочим использован материал из книги Конквеста. Он не скрывает свой “научный метод”: “Правда может быть установлена исключительно в форме молвы. Самый лучший, хотя и небезупречный источник – слухи”».

Притом, что никто на Западе и не думал подвергать сомнению факт массовой гибели от голода жителей Украины, ряд ученых, среди которых известные советологи Арч Гетти, Герберт Хертле, Олег Арин, возмутились некомпетентными изысканиями Конквеста. А советолог Александр Даллин, профессор университета в Стэнфорде, назвал исследование Конквеста «бессмыслицей» и констатировал отсутствие свидетельств того, что голод «был намеренно направлен против украинцев»...

Оценка потерь народонаселения Украины от голода 1932–1933 годов является не результатом серьезного исторического подхода, а плодом идеологической борьбы, спекуляцией на памяти умерших, способом достижения политических целей» (Еженедельник «2000». № 51, 2005).

ЧАСТЬ II. РУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Жизнь и смерть поэта. Впервые опубликовано в журнале «Вопросы литературы» (№ 7, 1990). В настоящей редакции статьи использованы материалы дела «Ордена русских фашистов», опубликованные в журнале «Наш современник» № 1 и № 4, 1992.

Стр. 365: *...по «делу антисемитизма»...* – См. приложенную к «Делу» № 28980 «Справку архивного уполномоченного»:

«По делу проходят: Есенин Сергей Александрович, 1895 года рождения. Уроженец села Константиново Рязанской области. Поэт.

Клычков Сергей Антонович, 1889 года рождения. Уроженец деревни Дубровки Московской обрасти. Поэт.

Орешин Петр Васильевич, 1887 года рождения. Уроженец села Галахова Саратовской области. Поэт.

Ганин Алексей Алексеевич, 1893 года рождения. Уроженец деревни Коншино Вологодской области. Поэт.

Дело возбуждено 21 ноября 1923 года на основании заявления гражданина Родкина М. В. о том, что четверо неизвестных лиц в пивной на улице Мясницкого ругали евреев, называли их паршивыми жидами. При этом, упоминая фамилии Троцкого и Каменева.

Допрошенные Есенин, Клычков, Орешин и Ганин показали, что они беседовали на литературные темы, Троцкого и Каменева не оскорбляли. Одновременно Есенин и Орешин признали себя виновными в том, что называли Родкина паршивым жидом.

В имеющейся переписке говорится, что делу будет дан судебный ход. Однако 11 марта 1927 года дело было прекращено за давностью».

См. также: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. Т. 4. М., 2010. С. 128-137, 141, 143–149 и др.

Стр. 397: *...произведен в ГПУ 17 ноября 1924 года...* – Этот протокол допроса А. А. Ганина опубликован в книге: Ст. Куняев, С. Куняев. Растерзанные тени. М.: Голос, 1995. С. 32–53.

Стр. 397: *...созданного ими ВСХСОНа...* – ВСХСОН (Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа) – подпольная антикоммунистическая организация, созданная в Ленинграде в 1964 году. Основные цели: христианизация политики, христианизация экономики, христианизация культуры. В феврале 1967 года организация была раскрыта и ликвидирована. На процессе в декабре 1967 года руководители ВСХСОНа были приговорены к тюремным и лагерным срокам: И. В. Огурцов – к 15 годам заключения и 5 годам ссылки; М. Ю. Садо – к 13 годам заключения. Е. А. Вагин и Б. А. Аверичкин к 8 годам заключения каждый. Л. И. Бородин был судим на процессе в марте-апреле 1968 года в группе из 17 человек и приговорен к 6 годам заключения. Ни один из руководителей и членов ВСХСОН не реабилитирован по сей день.

Все начиналось с ярлыков

Впервые опубликовано в журнале «Наш современник» № 9, 1988.

Стр. 410: *...репликой в газете «Советская культура»...* – Речь идет о статье Ст. Куняева «Времена и легенды» (см. стр. 429–473 наст. изд.) и отклике Е. Евтушенко «Цинизм – тормоз перестройки» (Советская культура. 7 ноября 1987).

Стр. 410: *...(в статьях Бакланова, Рассадина и Лосото...)* – См.: Знамя. № 10, 1988; Неделя. № 25, 1987; Комсомольская правда. 22 мая 1987.

Стр. 411: *...приклеило Юрию Кузнецову ярлык «черносотенца».* – См. статью С. Лесневского в «Книжном обозрении» № 52, 1987.

Стр. 422: *...о «золотом яйце мысли...»*... – Речь о четверостишии, которое А. Вознесенский посвятил памяти В. Б. Шкловского.

Отшумевшие школы. Века и склоки.
Мыши.
На столе лежал одинокий Шкловский –
золотое яйцо отлетевшей мысли.

Времена и легенды

Первоначальный вариант статьи под названием «Легенда и время» публиковался (без ведома автора) в журнале «22» (Иерусалим. № 14, 1980). В этом же варианте статья прозвучала как устное выступление на дискуссии «Классика и мы» в Центральном доме литераторов 21 декабря 1977 года (см: Москва. № 1, 1990). В СССР в окончательном варианте статья была напечатана в журнале «Дон» (№ 5, 1989).

Клевета все потрясает. Впервые опубликовано в журнале «Молодая гвардия» (№ 7, 1988). Часть вторая статьи под названием «Обслуживающий персонал» впервые была опубликована в газете «Московский литератор» 12 января 1990.

Стр. 475: *...выступил А. Стреляный где-то, уже не помню.* – См. А. Стреляный. О сухарях и газетах (Московские новости. 1 мая, 1988).

Стр. 475: *…«Советская культура» раза три присоединилась...* – См. статьи В. Лакшина (Советская культура. 14 мая 1988) и Г. Бакланова (Советская культура. 26 мая 1988).

Стр. 481: *...опубликовал в журнале «Молодая гвардия» статью о поэтах...* – «Ради жизни на земле» (Молодая гвардия. № 8, 1987).

Стр. 482: *...замечательное стихотворение поэта Алексея Прасолова...* – «Еще метет во мне метель...» (1967).

Стр. 491: *...доктора исторических наук Л. Н. Гумилева.* – См. Л. Н. Гумилев. Корни нашего родства (Известия. 12 апреля 1988).

Лейтенанты и маркитанты

Впервые опубликовано в журнале «Наш современник» (№ 9, 2007).

Стр. 508: *...к посмертной рубцовской славе...* – Речь о книге Э. Шнейдермана «Слово и слава поэта» (Спб., 2005).

Стр. 546: *Очень точно изложил суть стихотворения Ф. Сухова Вадим Кожинов...* – В статье «Что такое мастерство писателя» (В. В. Кожинов. Статьи о современной литературе. М., 1982. С. 64).

Стр. 564: *...не любит известную поэтессу М...* – Имеется в виду Ю. П. Мориц.

Стр. 577: *Доживает он жизнь в Америке, где и будет похоронен.* – А. П. Межиров скончался в Нью-Йорке 22 мая 2009 года. 25 сентября того же года урна с его прахом была захоронена на кладбище в Переделкино.

Стр. 577: *...сказано: «не клянись»...* – И. А. Бродский умер 28 января 1996 года в Нью-Йорке и был похоронен там же 31 января. 21 июня 1997 года его прах был перезахоронен на кладбище Сен-Микеле в Венеции.

Палка о двух концах. Впервые напечатана в журнале «Наш современник» (№ 6, 1988).

Стр. 582: *...какой скандал поднялся в нашей русскоязычной прессе...* – См. переписку В. И. Белова и С. Ю. Куняева (Наш современник. № 10, 1012).

Стр. 584: *...бездействует антисионистский комитет...* – «Антисионистский комитет советской общественности» был создан 21 апреля 1983 года. В его руководство входили генерал Д. А. Драгунский, академик М. И. Кабачник, профессор С. Л. Зивс, профессор Г. О. Зиманас, писатель Ю. А. Колесников.

Стр. 584: *...что стихотворение принадлежит перу Лермонтова...* – Это стихотворение впервые привел П. И. Бартенев в письме к П. А. Ефремову от 9 марта 1873 года. Принадлежит оно, скорее всего, пародисту Дмитрию Минаеву. Впервые напечатано П. Висковатовым в журнале «Русская старина» (№ 12, 1887). Републиковано в 1890 году в журнале «Русский архив» с примечанием: «записано со слов поэта современниками», что является очевидной фальсификацией.

Стр. 586: *...об этом убедительно писал В. Кожинов в «Лит газете», 1989, № 10–13...* – Речь идет о четырехчастном диалоге Вадима Кожинова и Бенедикта Сарнова, публиковавшемся в четырех номерах «Литературной газеты» под названиями: «Кто виноват?», «Россия и революция», «Преступление и наказание», «Что делать?».

Стр. 588: *Когда шла избирательная кампания...* – Речь идет о выборах в народные депутаты СССР в начале 1989 года.

Стр. 589: *...раздавленного насилием турка-месхетинца...* – речь идет о погроме турков-месхетинцев в Ферганской долине Узбекистана в июне 1989 года.

Стр. 589: *...идут погромы и льется кровь в Закавказье...* – Речь идет о вооруженных столкновениях между азербайджанцами и армянами в Нагорном Карабахе, начавшихся в феврале 1988 года.

Стр. 605: *...недавний шум вокруг Марка Шагала...* – Речь идет о полемике, развернувшейся вокруг предполагаемого открытия музея Марка Шагала в Витебске. В конце концов в этом городе был открыт Арт-центр имени Шагала в 1992 г., а затем – мемориальный дом-музей в 1997 г.

Семейство Норинских

Впервые опубликовано в журнале «Вече» (Мюнхен. № 40, 1990). В третьей части статьи частично использован текст выступления на VII пленуме правления СП РСФСР (Литературная Россия. 30 марта 1990).

Стр. 612: *Переписка... была опубликована за рубежом.* – Переписка Н. Эйдельмана и В. Астафьева была опубликована в журнале «Даугава» (Рига. № 6, 1990).

Стр. 612: *...жаловался Бакланов читателям...* – См.: Московские новости. 6 ноября 1988.

Стр. 613: *...испепеляющей кинофильм Н. Бурляева о Лермонтове...* – С. Рассадин. Что творим? (Неделя. № 43, 1986).

Стр. 620: *...нагнетают истерию до предела...* – В частности, народные депутаты Ю. Щекочихин и А. Мурашов 27 января 1990 года в телевизионной передаче «До и после полуночи» пугали зрителя «еврейским погромом», который был, якобы, запланирован на 5 мая.

Стр. 623: *Разве Абалкин не знает…* – См. Письмо Л. Н. Кирюшиной «Мы требуем извиниться» (Наш современник. № 1, 1990): «Нам, русскому народу, нанесено публичное оскорбление. В недавнем своем «актуальном» интервью академик Абалкин назвал русский народ ленивым... Нам трудно представить, какой совокупностью академических знаний нужно обладать, чтобы назвать великий народ, создавший уникальную культуру, имеющий многотрудную и многотысячелетнюю историю за плечами, ленивым?.. Нам, русскому народу, не нужен член правительства, который не верит народу, которым вызвался руководить...»

«Змея, укусившая собственный хвост...»

Впервые опубликовано в журнале «Наш современник» (№ 2, 2004).

Стр. 640: *…«есть только миг между прошлым и будущим»...* – Строчка из песни «Призрачно все в этом мире бушующем...» на слова Леонида Дербенева.

Стр. 641: *«Вас положат на обеденный...»* – Строка из стихотворения М. И. Цветаевой «Квиты: вами я объедена...» (цикл «Стол». 1933).

Ритуальные игры

Впервые опубликовано в журнале «Наш современник» (№ 8, 2005) как предисловие к сокращенной стенограмме суда по «Делу Бейлиса». Вторая часть статьи под названием «Сам себе веревку намыливает...» публиковалась в журнае «Наш современник» (№ 4, 2007).

Стр. 661: *...опубликовал их в газете «Завтра»...* – См. Ст. Куняев. Провалы в памяти или злонамеренная клевета? (Завтра. № 42, 2006).

Стр. 676: *...стихотворение Фазиля Искандера.* – Речь идет о стихотворении, начинающемся строками: «Я не знал Лубянских кровососов синеглазых, дерганых слегка...»

Косматые сердца

Глава из книги «Жрецы и жертвы Холокоста» была впервые напечатана в журнале «Наш современник» (№ 8, 2010).

Стр. 699: *...призывало общество к суду над Достоевским...* – См. выступление В. Б. Шкловского на Первом всесоюзном съезде советских писателей 21 августа 1934 года: «Я сегодня чувствую, как разгорается съезд, и, я думаю, мы должны чувствовать, что если бы сюда пришел Федор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследники человечества, как люди, которые судят изменника, как люди, которые сегодня отвечают за будущее мира. Ф. М. Достоевского нельзя понять вне революции и нельзя понять иначе как изменника».

Стр. 699: *...ненавидит автора романов «Идиот» и «Братья Карамазовы»...* – См. А. Б. Чубайс: «Я перечитал всего Достоевского и теперь к этому человеку я не чувствую ничего, кроме физической ненависти. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски...» (The Financial Times. 13 ноября 2004).

Стр. 699: *....с репертуаром из произведений Вагнера...* – Это был Даниэль Баренбойм, который исполнил фрагменты из музыки Вагнера с Берлинским филармоническим оркестром на фестивале в Иерусалиме. Многие зрители в знак протеста покинули зал.

Стр. 726: *...грубый мужицкий демократизм...* – Заметка В. И. Ленина «О черносотенстве» была опубликована в газете «Правда труда» 26 сентября 1913 года.

ЧАСТЬ III. ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Кто раздувает русофобию (выступление на пленуме СП СССР)

Опубликовано в книге Ст. Куняева «Времена и легенды» (М., Современник, 1990).

Стр. 763: *...слова Ю. Бондарева из выступления на секретариате...* – См.: Литературная Россия. 27 марта 1987.

Стр. 765: *«Я предлагаю Минина расплавить...»* – Строки из «Вступления в поэму» Джека Алтаузена (30 дней. № 8, 1930).

Стр. 768: *Опираясь на «террор среды», Любомудрова фактически лишили работы в его институте...* – М. Н. Любомудров работал научным сотрудником Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. Травля его началась после публикации статьи «Режиссура в идейной борьбе 1930-х годов» (Сб. «Из истории советской режиссуры» Л., 1979) с критической оценкой творческого наследия В. Э. Мейерхольда.

Стр. 768: *...к запретной по мысли этих критиков теме отъезда...* – Имеется в виду роман В. И. Белова «Все впереди» («Наш современник» № 7–8, 1986).

Стр. 769: *…казахские события…* – 17–18 декабря 1986 года в Алма-Ате прошли выступления казахской молодежи, сопровождавшиеся массовыми погромами, с требованием назначить на должность главы республики представителя коренной национальности.

Стр. 770: *...выступить в журнале «Москва»...* – Имеется в виду статья В. В. Кожинова «Уроки истории. О ленинской концепции национальной культуры» (Москва. № 11, 1986).

Стр. 771: *...появление в нашей прессе письма диссидентов...* – 8 марта 1987 года в парижской газете «Фигаро» появилось письмо за подписями В. Аксенова, В. Буковского, Ю. Любимова и др. под заголовком «Пусть Горбачев нам представит доказательства». 5 апреля того же года письмо было перепечатано в газете «Московские новости».

Стр. 772: *...мы ведь знаем, кто у нас занимался борьбой с поворотом северных рек...* – проект переброса части речного стока сибирских рек и направлению его в Казахстан, Узбекистан и Туркмению был разработан Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР. Тогда же готовилось грандиозное строительство системы каналов и водохранилищ, которые позволили бы перебросить воду рек северной части Русской равнины в Аральское море. Над проектом работали около 20 лет более 160 организаций СССР – в том числе 32 союзных министерства и 9 министерств союзных республик. Проект продразделялся на два последовательных этапа: канал «Сибирь – Средняя Азия» и «Анти-Иртыш». 24 мая 1970 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О перспективах мелиорации земель, регулирования и перераспределения стока рек в 1971–1985 гг.». Проект грозил Сибири и средней полосе России чудовищной экологической катастрофой. Против него выступили многочисленные представители столичной интеллигенции, в том числе писатели, отмечавшие грубые ошибки, допущенные при разработке всей проектной документации Минводхоза. Группа академиков подписала подготовленное академиком А. Л. Яншиным письмо в ЦК «О катастрофических последствиях переброски части стока северных рек». Академик Л. С. Понтрягин написал личное письмо М. С. Горбачеву с критикой проекта. 14 августа 1986 года на специальном заседании Политбюро ЦК КПСС было решено прекратить работы по проекту.

В последнее время раздались голоса, призывающие вернуться к разработке этого жуткого проекта. Первым подал голос бывший мэр г. Москвы Ю. М. Лужков в книге «Вода и мир». Ныне настойчиво предлагает вернуться к проекту переброски стока северных и сибирских рек президент Казахстана Н. А. Назарбаев.

О национал-нигилизме

Опубликовано в «Литературной газете» 9 марта 1988 года.

Хватит экспериментов. Предвыборное выступление на выборах в народные депутаты РСФСР. Опубликовано в газете «Московский строитель» (20–27 июля 1990 года).

Стр. 785: *...вслед за невежественными откровениями эстонского профессора Маде...* – В 1989 году в шведской газете «Svenska Dagblaget» было напечатано интервью эстонского профессора Тийта Маде со следующими «откровениями»: «Редко можно найти приятного, дружелюбного и добродушного русского... Сегодня русский народ – смесь тех народов, которые однажды насиловали русских женщин... отсюда эта агрессивность». Эти и другие перлы профессора были тогда же перепечатаны в газете «Советская Эстония».

Стр. 787: *...требует от нашего министра юстиции...* – Министром юстиции СССР в первой половине 1989 года был Б. В. Кравцов.

Помирать собрался – а рожь сей!

Опубликовано в газете «Советская Россия» 14 декабря 1990 года.

Стр. 793: *...потерпели поражение на выборах в Российский парламент...* – На выборах в народные депутаты РСФСР в марте 1990 года многие кандадаты от блока национально-патриотических сил не сумели одолеть своих соперников в предвыборной борьбе во многом благодаря «артобстрелу» правительственных и «демсократических» бумажных и электронных СМИ, отождествлявших патриотизм с фашизмом. С. Ю. Куняев проиграл тогда предвыборную дуэль известному впоследствии депутату, перешедшему в конце концов на национал-патриотические позиции, М. Г. Астафьеву.

Стр. 795: *...не просто потеряло журнал...* – После публикации повести В. Гроссмана «Все течет» и отрывков из книги Абрама Терца (Андрея Синявского) «Прогулки с Пушкиным», носящих ярко выраженный русофобский характер, правлением Союза писателей РСФСР был поставлен вопрос о замене главного редактора, на что руководство Союза имело полное право. Но главный редактор «Октября» А. Ананьев, как избранный народный депутат СССР, обратился за зашитой в Верховный Совет. В результате решением высшего законодательного органа страны А. Ананьев сохранил свой пост, а тогдашнее руколводство СП СССР не осмелилось противоречить этому решению.

Стр. 798: *...в своем письме об обустройстве России...* – Статья А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?» была напечатана 18 сентября 1990 года в «Комсомольской правде» и «Литературной газете».

Россия – для коренных народов России

Опубликовано в журнале «Наш современник» (№ 6, 2006).

Стр. 801: *...скрывшегося от российского правосудия в Польше...* – 22 февраля 1996 года прокуратура выдала санкцию на арест С. Б. Станкевича. К этому времени – с ноября 1995 года – он был в эмиграции в США, а затем – в Польше. В 1997 году был арестован, месяц проыел в польской тюрьме. В январе 1999 года получил статус политического эмигранта, а 27 ноября того же года с него были сняты все обвинения (почему-то!) и он получил возможность вернуться в Россию.

Стр. 803: *«Мракобесы проиграли!»...* – 1 февраля 2006 года Замоскворецкий суд г. Москвы отказал в удовлетворении иска православных граждан к директору Центрального Дома художника и куратору так называемой «выставки» «Россия-2». Суд не согласился с доводами истцов о том, что «выставка имела кощунственный, богохульный характер, а также преследовала цель разрушения моральных и нравственных устоев общества, оскорбление национальных и религиозных чувств посетителей выставки».

Стр. 805: *...а то ведь антисемитом объявят.* – «Дело» «Сибирской бригады» вели следователи Н. Шиваров (болгарин), Б. Земляной и И. Илюшенко (евреи). Тот же Н. Шиваров вел и «дело» Н. А. Клюева 1934 года.

Стр. 806: ...*о трагедии таджикской семьи...* – Речь идет об убийстве таджикской девочки Хуршеды Султоновой 9 февраля 2004 года в Санкт-Петербурге.

Стр. 806: …*о происшествии в синагоге...* – Речь идет о пооисшествии 11 января 2006 года, когда Александр Копцев, ворвавшись в синагогу на Большой Бронной улице и ранил ножом 9 прихожан.

Умом Россию не понять

Опубликовано в журнале «Наш современник» (№ 6, 2009).

Стр. 812: *Вспомним письма Капицы Сталину...* См. – П. Л. Капица. Письма о науке. 1930–1980.

Стр. 824: *И никакие наши Цхинвалы западным людям не пример.* – В ночь с 1 на 2 августа 2008 года начались массированные бомбардировки Цхинвала со стороны Грузии, прешествовавшие вторжению грузиских солдат в Южную Осетию. Агрессия Грузии была с пониманием и одобрением встречена на Западе.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакумов В. Ф. – 846, 847.
Абалкин Л. И. – 623, 787, 862.
Абрамов Ф. А. – 133, 505.
Абрамович Р. А. – 34.
Абуладзе Т. Е. – 766.
Аввакум Петров Кондратьев – 85, 171, 493, 721.
Авдонин С. – 125.
Авербах Л. Л. – 374, 422, 425, 431, 587, 746.
Аверинцев С. С. – 27, 301.
Аверичкин Б. А. – 859.
Аверченко А. Т. – 244.
Авицеброн (Соломон ибн Габирол бен Иегуда) – 719.
Автоном (архимандрит) – 669.
Автономов А. А. – 673.
Агапов Б. Н. – 412.
Агранов Я. С. (Я-Ш. Ш.) – 228, 233, 387, 388, 550, 551, 661, 679, 805.
Агурский М. С. – 282, 283, 809.
Адалис (Ефрон) А. Е. – 178, 534, 754.
Адамович Алесь (А. М.) – 210, 237, 620, 854.
Аджубей А. И. – 776, 778.
Адлер Л. М. – 565.
Адрианов Ю. А. – 477.
Азбель Д. С. – 675, 684.
Айтматов Ч. Т. – 778.
Айхведе Вольфганг – 637, 639.
Аксаков И. С. – 581, 802.
Аксаков С. Т. – 464.
Аксельрод М. М. – 682.
Аксенов В. П. – 162, 163, 174, 560, 561, 659, 744, 802, 849, 865.
Аксенов И. А – 818.
д,Актиль А. А. – 837.
Акула Кастусь (Качан А. И.) – 329.
Акунин Борис (Чхартишвили Г. Ш.) – 649.
Алданов (Ландау) М. А. – 194.
Александр Македонский – 758.
Александр Невский – 64, 67, 216, 853.
Александр II («Освободитель») – 366.
Александр I – 820.
Александр III – 245.
Александра Федоровна – 737.
Александров А. В. – 355.

Алексеев Г. В. – 588.
Алексеев М. В. – 243, 505.
Алексеев М. Н. – 164, 167, 475, 529, 568, 839, 849.
Алексей Михайлович – 67.
Алексей Петрович – 83–85.
Алексин (Гоберман) А. Г. – 166.
Алешковский Ю.(И.) Е. – 7, 72, 163, 224, 293, 497, 849.
Алигер М. И. – 419, 424, 425, 559.
Алиев Г. А. – 215.
Аллилуева Н. С. – 28.
Аллилуева (Сталина) С. И. – 10, 28, 29, 535–537, 838.
Алпатов В. М. – 661, 662.
Алтаузен Д. (Я.) М. – 237, 410, 412, 413, 419, 616, 747, 755.
Алымов С. Я. – 422.
Альтман Л. С. – 660.
Альтман И. А. – 740.
Амвросий – 278.
Амвросий (архимандрит) – 669.
Амлинский В. И. – 165, 167, 430.
Ананьев А. А. – 210, 795, 854, 867.
Ангелина П. Н. – 225.
Андерс Владислав – 321, 326, 331, 337.
Андреев Н. А. – 176.
Андреев Д. Л. – 8, 12, 15, 61–72, 100, 300, 837.
Андреев Л. Н. – 61, 660.
Андреева Н. А. – 182.
Андрей Белый (Бугаев Б. Н.) – 370.
Андропов Ю. В. – 168, 270.
Андрущенко А. – 153.
Андурский – 505.
Аннинский (Иванов-Аннинский) Л. А. – С. 7, 103, 143, 260, 282, 299.
Антокольская Н. П. – 562, 564.
Антокольский М. М. – 655.
Антокольский П. Г. – 36, 37, 89, 99, 417, 418, 424, 472, 503, 506, 540, 563, 564, 679, 754.
Антонеску Ион Виктор – 351.
Антоний, митрополит (Храповицкий А. П.) – 671.
Антонов-Овсеенко В. А. – 441.
Анфиногенов А. З. – 217, 237,854, 855.
Аптер И. А. – 663.
Арабов Ю. Н. – 551.
Арбатов Г. А. – 186, 795, 796.
Арбатова (Гаврилина) М. И. – 503.
Арендт Ханна – 693, 737, 760.
Арин О. А. (Бэттлер Алекс, Алиев Р. Ш-А.) – 857.
Ариас Джино – 695.
Ариосто Лодовико – 22.
д'Арк Жанна – 751.
Арканов (Штейнбок) А. М. – 163, 167, 174, 308.
Артемьев А. В. – 132.
Асеев (Штальбаум) Н. Н. – 7, 412, 426.
Асс Е. В. – 635.

Астафьев В. П. – 80, 125–127, 133, 145, 164, 221, 222, 427, 505, 529, 612, 614, 616, 766, 767, 769, 827, 843, 854, 862.
Астафьев М. Г. – 221, 866.
Афанасьев А. Н. – 377.
Афанасьев Ю. Н. – 182, 635, 771, 784.
Афиногенов А. Н. – 39.
Афонина Е. И. – 151.
Ахад Хам (Гинцберг Ашер) – 600, 715–718, 730.
Ахмадинежад Махмуд Шахруди – 741.
Ахмадулина Б. (И.) А. – 91, 108, 132, 163, 165, 174, 236, 308, 547, 854.
Ахматова (Горенко) А. А. – 6, 7, 12, 22, 56, 57, 59, 60, 61, 79, 122, 160, 161, 248, 254, 266, 399, 425, 460, 462, 487, 507, 508, 528, 764.
Ашнин Ф. Д. – 661, 662.

Бабель (Бобель) И. Э. – 95, 178, 238, 426, 427, 473, 528, 556, 655, 658, 744, 745, 746.
Бабицкий К. И. – 857.
Бабич Д. О. – 298.
Багрицкий В. Э. – 485.
Багрицкий (Дзюбин) Э. Г. – 10, 11, 178, 179, 410, 414–416, 418, 428, 432, 433, 435, 439, 453, 463, 465, 470–473, 485, 567, 656, 679, 722, 746, 754, 755, 759, 850.
Бадхен А. С. – 149.
Баева Т. А. – 857.
Бажан М. П. – 569.
Бажов П. П. – 577.
Базанов В. В. – 380.
Байбаков Н. К. – 533.
Бак Б. А. – 676.
Бак С. А. – 676.
Бакланов (Фридман) Г. Я. – 165, 167, 410, 612, 740, 854, 859, 860, 862.
Бакланов О. Д. – 213.
Бакунин М. А. – 814.
Балашов Д. М. – 638.
Балашов Э. В. – 260, 856.
Балаян З. А. – 854.
де Бальзак Оноре – 831.
Бальмонт К. Д. – 244, 370.
Баранова-Гонченко (Баранова) Л. Г. – 285, 843.
Барановский П. Д. – 660, 673, 805.
Баренбойм Даниэль – 863.
Баркашов А. П. – 854.
Барметова И. Н. – 635, 646.
Бартенев П. И. – 861.
Барто А. Л. – 540.
Баруздин С. А. – 794.
Барченко С. А. – 841, 842.
Басилова Алена (Е. Н.) – 512.
Баткин Л. М. – 794.
Баурин И. – 365.
Бах Иоганн Себастьян – 16, 138.
фон дем Бах-Зелевский Эрих – 312, 322, 335, 336, 694.
Бахвалов А. – 141.
Бахтин М. М. – 7, 126, 271, 273–277, 296, 856.

Башилов (Юркевич) Б. П. – 246–248, 802, 855.
Бегин Менахем – 730.
Бегун В. Я. – 594–597.
Бедный Б. В. – 356.
Безыменский А. И. – 36, 237, 403, 410, 412, 413, 422, 428, 431, 587, 679, 746, 747, 754, 755.
Безыменский Л. А. – 517, 518, 523, 527, 554, 562.
Бейлис Менахем Мендель – 653–660, 666–670, 680, 718, 863.
Бек Т. А. – 236, 854.
Бек Юзеф – 309.
Белая Л. Л. – 571.
Беленький А. Я. (Х.). – 675.
Беленький Б. С. – 676.
Беленький Г. Я. (Х.). – 675.
Беленький Е. Я.(Х.). – 675.
Беленький З. М. – 676.
Беленький М. Н. – 676.
Белецкий С. П. С. 384.
Белинский В. Г. – 131, 142, 464, 475, 490, 493, 572.
Белов В. И. – 7, 126, 127, 133, 164, 167, 174, 278, 279, 474, 478, 582, 620, 641, 642, 767–769, 771, 772, 801, 861, 864.
Беляев А. А. – 164, 167–169, 188, 797.
Белянчикова М. Н. – 281.
Бен Гурион Давид (Грин Давид-Йосеф) – 730.
Бениславская Г. А. – 233, 387.
Берг М. Ю. – 635.
Бергман Ингмар – 189.
Бердник М. О. – 857.
Бердяев Н. А. – 244, 245, 583, 828.
Бережков В. М. – 21.
Березовский Б. А. – 34, 688.
Березкин Г. С. – 493.
Берзин (Берзиньш) Э. П. – 550.
Берзинь А. А. – 35, 36, 43, 68, 552, 553, 746.
Берия Л. П. – 334, 336, 485, 849.
Берлиоз Гектор – 107.
Берман Б. Д. – 675.
Берман М. Д. – 228, 421, 672, 675, 677, 679, 683, 746.
Бернадотт Фольке – 838.
Бернштейн С. Б. – 661, 805.
Берут Болеслав – 362.
Бершадский М. Л. – 528, 565.
Бескин О. М. – 45, 374, 403, 587.
ван Бетховен Людвиг – 435.
Бжезинский Збигнев – 181–183, 186–188, 318, 585, 586, 796, 850.
Бизе Жорж – 627.
Бикерман И. М. – 730–733, 735.
Биксон И. М. – 673.
Бирман И. Я. – 794.
Бирон Эрнст Иоганн – 216.
Бисмарк Отто Вильгельм – 629, 633.
Битов А. Г. – 163, 165, 174, 283, 635.
Блантер М. И. – 99.
Блок А. А. – 8, 83, 104, 137, 169, 172, 180, 189, 234, 244, 245, 256, 370, 400, 464, 477, 513,

528, 566, 579, 583, 607, 608, 640, 654, 780, 826, 850.
Блохин Ю. В. – 852.
Блюмкин Я. Г. – 730.
Блюхер В. К. – 442.
Бобков Ф. Д. – 270.
Бовин А. Е. – 186.
Богдан Хмельницкий – 330.
Богданов Н. – 150.
Богораз (Богораз-Брухман) Л. И. – 570, 857.
Богуславский – 335.
Бодоков А. – 147, 148.
Бокий Г. И. – 677, 678, 725.
Боков В. Ф. – 8, 250, 477.
Болотина – 34.
Болотников И. И. – 495.
Большаков В. В. – 187.
Бондарев А. – 357.
Бондарев Ю. В. – 105, 112, 210, 212, 763, 767, 771, 852, 864.
Бонди С. М. – 6.
Бонч-Бруевич В. Д. – 658, 686.
Боратынский Е. А. – 465, 828.
Борев Ю. Б. – 851.
Борис – 54.
Борисов М. Ф. – 548.
Боровиков Г. И. – 851.
Боровский Марек – 355.
Бородай Ю. М. – 280.
Бородин Л. И. – 68, 70, 397, 811, 830, 840, 859.
Бородулин Р. (Г. И.) – 91.
Борщаговский А. М. – 166, 167, 679, 686, 854.
Босх Иероним – 571.
Бочаров С. Г. – 264, 274.
Бочачер М. Н. – 663.
Бош Е. Б. (Г.) – 749.
Боярский М. С. – 152.
Брагинский А. П. – 229.
Брайнина Б. А. – 540.
Бранновер Герман – 657, 658.
Браун Н. Л. – 412.
Брежнев Л. И. – 185, 200, 210, 480.
Брод А. С. – 803.
Бродский И. А. – 7, 253, 256, 507, 508, 565, 577, 584, 637, 861.
Брозголь М. И. – 682.
Брондер Дитрих – 692.
Брускин Г. Д. – 652.
Брюханов В. – 130, 131.
Бугаев И. Б. – 168.
Буковский В. К. – 865.
Булгаков М. А. – 6, 38, 39, 98, 398, 503, 528, 556, 587.
Булгаков С. Н. – 182, 244, 245, 799.
Булгакова Е. С. – 38, 39.
Булгарин Ф. В. – 256.
Бунин И. А. – 6, 70, 173, 246, 253, 402, 430, 432, 489, 799, 832.
Бур-Комаровский Тадеуш – 312, 313, 320, 322, 327, 335, 336.
Бурбулис Г. Э. – 213, 233.
Бург Авраам – 741, 742.
Бурлацкий Ф. М. – 186, 794, 798.
Бурляев Н. П. – 613, 862.
Буртин Ю. Г. – 474, 493, 794.

Бухарина (Лурье) А. М. – 678.
Бухарин Н. И. – 36, 37, 39, 165, 195, 202, 209, 234, 373, 374, 401, 402, 425, 429–431, 447, 449–452, 454, 457, 526, 586, 587, 598, 678, 724, 791.
Бухбанд Я. А. – 669, 672.
Буш Джордж Уокер (младший) – 347.
Бушин В. С. – 276, 281, 289.
Бушков А. А. – 344.
Быков В. В. – 854.
Бялик Хаим Нахман (Х. И.) – 593, 594.

Вавилов Н. И. – 165, 677.
Вагин Е. А. – 397, 859.
Вагнер Вильгельм Рихард – 107, 599, 629, 630, 691, 696, 699–701, 863.
Вайль Б. Б. – 346.
Вайль П. Л. – 795.
Вал Е. Г. – 475.
Валенса Лех – 354, 362.
Вальд В. Г. – 665.
Вальзер Мартин – 649.
Вампилов А. В. – 7.
Варенников В. И. – 213, 852.
Варбург Макс Мориц – 704.
Варшавер Ю. М. – 503.
Василевский А. В. – 624, 625, 635.
Васильев Б. Л. – 590, 766, 854.
Васильев Д. Д. – 586, 851.
Васильев И. А. – 239.
Васильев П. Н. – 6, 22, 73, 79, 88, 210, 211, 237, 400, 411–414, 425, 427, 428, 486, 487, 490, 534, 615, 616, 665, 747, 753, 805, 840.
Васильева Л. Н. – 477.
Васин-Макаров А. Н. – 278.
Вахновский (Земский Кароль) – 322, 332.
Вахтангов Е. Б. – 423, 441, 456.
Вахтин Б. Б. – 849.
Вашингтон Джордж – 829.
Вейнингер Отто – 697, 699–701, 760.
Вейншток Я. М. – 681.
Вейсман – 34.
Вейцман Хаим – 710, 717, 730, 835.
митр. Вениамин (Федченков) – 241–244.
Вергелис А. А. – 564, 603, 609.
Верещагин В. П. – 764.
Вержбицкий К. А. – 421.
Верди Джакомо – 626, 627.
Вернадский В. И. – 660, 689.
Верт Александр – 318, 319.
Вертинский А. Н. – 29, 253.
Вершбоу Александр – 740.
Веселовский В. В. – 802.
Вигдорчик – 501.
Видок Эжен-Франсуа – 810.
о. Виктор (Заика) – 220.
Викулов С. В. – 164, 167, 281, 505, 548, 846, 849.
Вильсон Генриэтта – 810.
Винберг Ф. В. – 715.
Виноградов В. В. – 275, 660, 672, 805.
Винокур В. Н. – 140.

Винокуров Е. М. – 490.
Висковатов П. А. – 861.
Витковский Е. В. – 565.
Владимир Святой – 732.
Владимов (Волосевич) Г. Н. – 493.
Власенко А. Н. – 356.
Власов А. А. – 249.
Власов Ю. – 124.
Власов Ю. П. – 855.
Влодов Ю. А. – 621.
Воздвиженский В. Г. – 587.
Вознесенский А. А. – 91, 113, 129–132, 163, 165, 167, 174, 175, 253, 308, 422, 575, 611, 797–799, 842, 843, 859.
Вознесенский А. И. – 673.
Войков (Вайнер) П. Л. – 737.
Войнович В. Н. – 795, 851.
Волина М. Г. – 358.
Волков О. В. – 48, 286, 839, 840.
Волкогонов Д. А. – 281.
Володарский (Гольдштейн) М. М. – 450, 722, 723, 729, 732.
Володин (Лифшиц) А. М. – 565.
Володин Э. Ф. – 852.
Волошин М. А. – 799.
Волынский (Флексер) А. Л. – 698.
Вольнов И. И. – 426.
Вольпин М. Д. – 540.
Вольтер (Аруэ Франсуа-Мари) – 219.
Воронель Н. А. – 569, 570.
Воронин С. А. – 849.
Воронский А. К. – 431.
Ворошилов К. Е. – 448.
Врангель П. Н. – 241, 243.
Врачев Г. Я. – 805.
Вулич В. – 695.
Вульф Вирджиния – 819.
Высоцкий В. С. – 9, 72, 109–116, 119–123, 125–136, 138, 150, 167, 482, 568, 841, 844, 846–848.
Высоцкий Калонимос Зеев – 716.
Высоцкий М. С. – 843.
Вышинский А. Я. – 39, 211, 415.

Габрилович Е. И. – 746.
Гавриил Белостокский (Говдель Г. П.) – 668.
Гаврилин В. А. – 641.
Гагарин Ю. А – 630.
Гаер Е. А. – 684.
Гайда Радола (Гейдер Рудольф) – 344.
Гайдар Е. Т. – 233.
Галицкий С. – 122.
Галич (Гинзбург) А. А. – 72, 659, 679.
Галкин С. З. – 360.
Галковский Д. Е. – 271, 272.
Галчинский Константы Ильдефонс – 301.
Гамарник Я. Б. (П.) – 228.
Гамсахурдиа З. К. – 207, 851.
Гамсун (Педерсен) Кнут – 307, 649.
Ганецкая Х. Я. – 527.
Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С. – 196.

Ганин А. А. – 6, 8, 210, 211, 237, 363–365, 367, 370–372, 375, 377–385, 387, 388, 397–400, 426, 587, 665, 733, 735, 804, 805, 858.
Ганин А. С. – 365.
Гапон Г. А. – 612.
Гарбо Грета (Густафссон Грета Ловиса) – 143.
Гароди Роже – 760, 809.
Гарринча (дос Сантос Маноэл) – 157.
Гаспаров М. Л. – 23–25, 27, 301, 302.
Гачев Г. Д. – 263, 264, 274.
Геббельс Йозеф – 342, 343, 490, 694, 760, 795, 825.
Гегель Георг Вильгельм Фридрих – 632.
Гедда Николай (Гарри Густав Николай) – 253.
Гейдрих (Зюсс) Рейнхард Тристан Ойген – 694, 695, 705.
Гейер Людвиг – 699.
Гейзен Конрад – 194.
Гейман К. Б. – 682.
Гейне Генрих Христиан Иоганн – 180, 181, 418, 470, 506, 627, 719.
ван Геккерн де Беверваард Луи-Якоб-Теодор – 816.
Гельман А. И. – 413, 414, 590, 854.
Гельман М. А. – 803.
Гениева Е. Ю. – 740.
Генис А. А. – 795.
Генс Якоб – 737.
Гербер А. Е. – 740.
Гердт З. Е. – 538, 565, 577.
Геринг Герман – 309, 760.
Гесиод (Гезиод) – 51.
Гертнер С. О. – 682, 748.
Герцен А. И. – 249, 477, 491, 575, 576, 581, 607, 814, 826.
Герцль Теодор (Биньямин Зеев) – 600, 696, 712, 715–717.
Гершберг С. Р. – 457.
Гершензон М. О. – 465.
Герштейн Курт – 738.
Гесс Рудольф – 694, 709, 760.
Гесс Рудольф Франц Фердинанд – 738.
Гессен Ю. И. – 658.
Гетти Арч – 857.
Гефтер М. Я. – 794.
Гехт С. Г. (А. Г.) – 746.
Гете Иоганн Вольфганг – 127, 550, 629.
Гидаш Антал – 412.
Гильфердинг А. Ф. – 581.
Гиммлер Генрих – 694, 760, 784.
фон Гинденбург Пауль Людвиг Ганс Антон – 693, 694.
Гинзберг Аллен – 130.
Гинзбург Г. Е. – 655.
Гинзбург А. И. – 290.
Гинзбург Е. С. – 446, 447, 459, 561.
Гинзбург Л. В. – 420, 756.
Гинзбург Л. Я. – 565.
Гиппиус З. Н. – 244, 245, 654.
Гитлер (Шикльгрубер) Адольф – 32, 33, 35, 73, 194, 195, 204, 212, 226, 249, 302, 305, 307–

309, 330, 344, 359, 573, 574, 594, 595, 629, 630, 691, 692, 694, 695, 697, 699–702, 704, 705, 735, 741, 760, 761, 812, 815, 825.
Гладилин А. Т. – 744.
Гладков Г. И. – 147.
фон Глазенап И. О. – 658.
Глазков Н. И. – 107.
Глазунов И. С. – 261, 262, 802.
Глазьев С. Ю. – 811.
Глеб – 54.
Глинка М. И. – 107, 127.
Глобочник Одиль – 694, 738.
Глузман А. Г. – 663.
Глушкова Т. М. – 266, 281, 284, 286, 287, 518, 519, 566, 568, 856.
Гнездовский Ю. П. – 635.
Гоббс Томас – 595.
де Гобино Жозеф-Артюр – 822.
Говорухин С. С. – 836.
Гоголь Н. В. – 141, 142, 169, 276, 277, 282, 289, 476, 477, 518, 599, 607, 647, 750, 770, 826.
Гогун Александр – 323, 327.
Голанский М. М. – 280, 809.
Голдстоун Ричард – 741.
Голенпольский Т. Г. – 144.
Головкина (Римская-Корсакова) И. В. – 67, 70, 529, 664.
Голодный (Эпштейн) М. С. – 410, 412, 427, 453, 455, 679, 747, 753.
Голощекин Ш. И-И. – 730, 737.
Голуб Н. А. – 682.
Голубев Д. Б. – 741.
Голубков Д. Н. – 848.
Гольбейн Ганс – 107.
Гомер – 22, 27, 51.
Гомулка Веслав – 335.
Гончар Олесь (А. Т.) – 781.
Гончаров И. А. – 106, 577.
Гончарова Н. Н. – 539.
Горбаневская Н. Е. – 343, 345, 346, 795, 857.
Горбатов Б. Л. – 540.
Горбачев М. С. – 185, 200, 201, 206, 214, 215, 553, 740, 770, 772, 789, 790, 833, 865.
Горбовский Г. Я. – 256, 425, 508, 798, 856.
Горбунов Н. П. – 686.
Гордейчев В. Г. – 477.
Горелов П. Г. – 281.
Горький Максим (Пешков А. М.) – 15, 374, 388, 411, 464, 489, 529, 583, 630, 654, 660, 749, 750, 780.
Гранин Д. А. – 611, 740, 854.
Грачев П. С. – 243.
Гребнев (Рамбах) Н. И. – 565, 570.
Грибанов Б. Т. – 506, 513, 514, 517, 526, 536, 537–539, 562.
Грибачев Н. М. – 164, 564.
Григорьев А. А. – 254.
Грин (Гриневский) А. С. – 528.
Гринбаум – 665.
Гринфельд Виктор – 737.
Гринько И. Г. – 527.
Грозовский М. Л. – 565, 809.
Гройс Б. Е. – 635, 637,641.
Громов Б. В. – 852.

Гроссман В. Я. – 584, 585, 598–601, 679, 686, 731, 794, 867.
Грузенберг М. И. – 724.
Грузенберг О. О. (И. И.) – 669.
Губельман М. И. – 457.
Гудзенко С. П. – 517, 527.
Гудзий Н. К. – 6, 380, 459, 660, 805.
Гуль Р. Б. – 587, 733.
Гумилев Л. Н. – 280, 491, 767, 860.
Гумилев Н. С. – 200, 211, 385, 399, 528.
Гуревич – 34.
Гурлянд И. Я. – 718.
Гуро Ирина (Р. Р.) – 457.
Гусев В. М. – 412.
Гусев Г. М. – 262.
Гусинский В. А. – 688.
Гюго Виктор Мари – 567, 810, 831.

Давид Жак-Луи – 833.
Давыдов С. П. – 338.
Давыдов Ю. В. – 854.
Дали Сальвадор – 816.
Даллин Александр – 857.
Даль В. И. – 521, 581, 605–608.
Данилов С. П. – 577–579.
Данин (Плотке) Д. С. – 45, 854.
Данич Н. Н. – 842.
Даниэль А. Ю. – 749, 750.
Даниэль Ю. М. – 569, 570.
Данте Алигьери – 20, 22, 37, 38.
Дантес Жорж Шарль – 816.
Дантон Жорж Жак – 744.
Дассен Джо (Джозеф Айра) – 129.
Дашкова (Шишова) П. В. – 635, 637, 638.
Дега Эдгар Илер Жермен – 542.
Дейч Л. Г. – 676.
Дейч М. А. – 676.
Дейч М. М. – 655, 657–666, 668, 669, 672, 673, 676, 678, 679, 682, 683–687, 689–691.
Дейч Я. А. – 673, 676.
Делонэ В. Н. – 857.
Дельвиг А. А. – 293, 294.
Дельнов И. С. – 651.
Дементьев А. Г. – 291, 476, 477–480, 486, 493–498.
Дементьев А. Д. – 151, 515, 772, 854.
Демченко М. С. – 99.
Демьян Бедный (Придворов Е. А.) – 365, 381.
Денежкина И. – 649.
Деникин А. И. – 241, 243.
Дербенев Л. П. – 863.
Державин Г. Р. – 539.
Дерковская Н. С. – 446, 447.
Детеринг Генри Вильгельм Август – 704.
Деготь Е. Ю. – 635.
Джексон Эндрю – 829.
Джоплин Дженис – 129.
Джугашвили Я. И. – 28, 84, 838.
Дзержинский Ф. Э. – 203, 209, 228, 373, 414, 430, 451, 485, 660, 724, 744, 746.
Дидро Дени – 142.

Дизраэли Вениамин – 696, 697, 699, 704, 708, 712, 713, 719, 726, 822.
Дикий (Занкевич) А. И. – 674.
Диков Ю. П. – 565.
Дионисий – 259, 831.
Дмитриев С. А. – 7.
Дмитрий Донской – 64, 67.
Добровольский Сигизмунд – 322.
Доброскокин Ю. В. – 132.
Довгалевский П. – 720.
Довлатов (Довлатов-Мечик) С. Д – 795.
Долгих В. И. – 164.
Долматовский Е. А. – 540, 585.
Домбровский В. Р. – 682.
Домбровский Ю. О. – 48, 82, 469, 470, 674, 675, 679, 839, 840.
Домнич – 34.
Достоевский Ф. М. – 10, 104, 106, 107, 127, 131, 139, 142, 170, 173, 180–182, 191, 274, 276, 278, 299, 464, 482, 489, 490, 566, 583, 595, 599, 607, 698, 699, 770, 771, 812, 813, 819, 823, 826, 827, 832, 835, 863, 864.
Драгунский Д. А. – 861.
Драч И. Ф. – 781.
Дремлюга В. А. – 857.
Дробышев В. В. – 290.
Друнина Ю. В. – 481–483, 489.
Дубин Б. В. – 635, 640.
Дубчек Александр – 857.
Дудаев Д. М. – 207.
Дудин М. А. – 237, 854.
Дудкин И. – 123.
Дукис К. Я. – 669, 672.
Дунаевский И. О. – 99, 515.
Дункан Айседора – 366.
Дурново А. Н. – 660, 662, 664, 673.
Дурново Н. Н. – 672, 805.
Дыбенко П. Е. – 441.
Дюбюк А. И. – 847.

Евлампия Анкудиновна – 117–119.
Евсеев Е. С. – 594.
Евтушенко Е. А. – 82, 91, 109, 114, 115, 200, 253, 258, 261, 410, 414, 415, 424, 425, 455, 467, 481, 508, 541, 574, 585, 611, 764, 765, 774, 797, 798, 848, 859.
Егоров А. И. – 442.
Егорова М. А. – 527.
Ежов Н. И. – 353, 485, 663, 664.
Екатерина II – 650.
Елагин Ю. Б. – 423, 456.
Ельцин Б. Н. – 206, 212, 214, 230, 290, 343, 354, 851–853, 857.
Енукидзе А. С. – 421.
Еременко А. В. – 767.
Ерин В. Ф. – 218.
Ермилов В. В. – 263, 265, 266.
Ермолов А. П. – 619.
Ерофеев В. В. – 163, 165, 167, 224, 308, 635, 636, 639, 641, 643, 644, 646.
Есенин С. А. – 8, 20, 35, 108, 116, 122, 129, 141, 172, 189,

195, 210, 211, 227, 230, 233–236, 244, 253, 263, 268, 363, 364, 366, 369, 370, 374, 377, 380–385, 387, 398, 400, 402, 403, 404, 406, 407, 428, 430, 436, 463, 467, 474, 478, 482, 484, 528, 552, 586–588, 607, 623, 630, 637, 638, 640, 641, 665, 723, 726, 733, 750, 764, 767, 780, 804, 818, 821, 823, 826, 827, 833, 854, 858.
Ефремов П. А. – 861.

Жаботинский Зеев (Жаботински В. С.) – 283, 584, 594, 597, 718, 719–721, 730.
Жаворонкова М. Н. – 131, 135.
Жаров А. А. – 412.
Жданов А. А. – 29, 414, 457, 460, 536.
Жевахов Н. Д. – 241, 246, 674, 855.
Железняков Н. М. – 560.
Железнякова А. Н. – 530.
Жигулин А. В. – 425, 798, 856.
Жилевин Э. – 127.
Жириновский В. В. – 806.
Жихарев И. Н. – 299.
Жицинский Юзеф – 358.
Жук С. Я. – 421.
Жуков Г. К. – 320, 533, 630.
Жуков Д. А. – 7.
Жуков Ю. А. – 188.
Журбенко А. С. – 665.

Заболоцкая Е. В. – 48.
Заболоцкий Н. А. – 12, 15, 44–46, 48, 49, 51–56, 60, 79, 100, 110, 137, 300, 411, 426, 427, 462, 534, 679, 681, 764, 837, 839.
Заболоцкий Н. Н. – 48.
Зак А. Г. – 562.
Заковский Л. М. (Штубис Г. Э.) – 681.
Закруткин В. А. – 849.
Залка Н. М. – 527.
Залыгин С. П. – 166, 772.
Замятин Е. И. – 399, 491.
Зархи А. Г. – 99.
Заславская Т. И. – 783, 798.
Заславский Д. И.(О.) – 457.
Заславский И. И. – 203.
Захер Гарри – 717.
Зелинский К. Л. – 412, 427.
Земляной Б. – 867.
Землячка (Залкинд) Р. С. – 291, 730, 748.
Зивс С. Л. – 861.
Зигель Ф. Ю. – 562, 576.
Зиманас Г. О. – 861.
Зимянин М. В. – 164, 210, 797.
Зиновьев А. А. – 252.
Зиновьев Г. Е. (Апфельбаум-Радомышельский Е.-Г. А.) – 233, 373, 430, 450, 526, 569, 725, 730, 732, 749, 750, 761, 762.
Злобин С. П. – 356.
Золотусский И. П. – 237, 855.
Зорин В. С. – 188.
Зорин С. (Ш.). Н. – 327.
Зощенко М. М. – 36, 460, 556, 849.

Зыкина Л. Г. – 852.
Зюганов Г. А. – 221, 222, 852.

Иван IV (Грозный) – 62, 65, 67, 71, 94, 820.
Иван Калита – 86, 840.
Иванов А. А. – 140, 148, 802, 854.
Иванов А. С. – 164, 167, 475, 849.
Иванов А. Т. – 649.
Иванов В. Т. – 680.
Иванов Вс. В. – 422, 426.
Иванов В. В. (Кома) – 565.
Иванов-Разумник (Иванов Р. В.) – 32, 382, 426, 440, 443, 665, 838.
Иванова Н. Б. – 595–597, 794.
Иванова Т. И. – 489–491, 798.
Иванченко А. Л. – 855.
Ивашко В. А. – 215.
Игнатьева Н. – 110.
Измайлов А. – 651.
Иллеш Бела – 412.
Ильин Д. П. – 285.
Ильин И. А. – 7, 182, 799, 802.
Ильина Н. И. – 475, 493.
Ильинский Г. А. – 672.
Ильницкая Мария – 321.
Ильф (Файнзильберг) И. А. – 528, 794.
Илюшенко И. И. – 665, 867.
Инбер (Шпенцер) В. М. – 36, 412, 422, 746.
Иодковский Э. Ф. – 237, 854.
Иоселевич А. С. – 660, 725, 805.
Ираклий II – 619.
Исаакян А. С. – 491.
Исаковский М. В. – 99, 353, 424, 454, 534, 679.
Исбах Александр (Бахрах И. А.) – 745.
Искандер Ф. А. – 163, 165, 167, 174, 676, 679, 774, 849, 863.

Кабачник М. И. – 861.
Каган М. А. – 660, 662.
Каганович Л. М. – 673, 730.
Каддафи Муаммар – 741.
Кажаев В. А. – 846, 847.
Казакевич Э. Г. – 540.
Казакова Р. Ф. – 165, 167, 854.
Казанова Джакомо Джироламо – 810.
Казанцев В. И. – 798, 856.
Казинцев А. И. – 281.
Каледин С. Е. – 854.
Калинин М. И. – 421.
Калмановский Э. С. – 515.
Калтахчян С. Т. – 767, 770, 771.
Калугин О. Д. – 182, 187.
Каменев (Розенфельд) Л. Б. – 373, 430, 526, 732, 791, 858.
Каминер В. В. – 635.
Каминская Д. И. – 569.
Каминский И. И. – 346.
Канарис Вильгельм Франц – 695.
Канашкин В. А. – 278, 279.
Канегиссер Л. И. – 379, 623, 723–725, 728, 729, 751, 759, 761.
Кант Иммануил – 599.
Капанадзе Л. – 98.
Капица П. Л. – 812, 868.

Каплан Ф. Е. – 379, 623, 724, 725, 728.
Каплер А.(Л.) Я. – 28, 29, 99, 536.
Карабчевский Н. П. – 669.
Карабчиевский Ю. А. – 848.
Каракозов Д. В. – 449.
Карамзин Н. М. – 770.
Кардель Хеннеке – 691–694, 702, 704–706, 761.
Карим Мустай (Каримов М. С) – 107.
Карл X11 – 777.
Карл IX – 341.
Кармен (Корнман) Р. Л. – 540.
Карпов В. В. – 166.
Карпов П. И. – 364, 385, 400, 401, 425, 428.
Карпович – 665.
Карташева Н. В. – 227.
Картер Джеймс Эрл – 182.
Карякин Ю. Ф. – 132, 210, 413, 414, 854.
Касаткин И. М. – 210.
Кассиль Л. А. – 540, 755.
Кастейн Джозеф – 707, 708.
Кастелло Джон – 762.
Кастнер Рудольф – 736.
Кастро Рус Фидель – 200, 797, 798.
Катаев В. П. – 36, 58, 422, 426, 679, 759.
Катаев И. И. – 426.
Кауфман С. А. – 558.
Кацис Л. Ф. – 658.
Кацнельсон З. Б. – 672.
Квантришвили А. В. – 848.
Квантришвили О. В. – 848.
Квасневский Александр – 315, 332, 333, 340, 348.
Квачков В. В. – 803.
Квислинг Видкун – 307.
Квятковская Н. Ю. – 840.
Кедров М. С. – 749.
Кельнер Ганс – 332.
Керенский А. Ф. – 199, 724.
Керес Леон – 307, 319.
Кестлер Артур – 707.
Киляков – 651.
Ким Ю. Ч. – 507.
Кио И. Э. – 802.
Киплинг Редъярд – 528.
Киреева А. Б. – 109.
Киреевский И. В. – 465.
Киров (Костриков) С. М. – 24, 414, 422, 423, 430, 442, 445, 448, 452, 453.
Кирпотин (Рабинович) В. Я. (И.) – 427.
Кирсанов (Кортчик) С. И. – 7, 10, 410, 412, 426, 540, 747, 754.
Киршон В. М. – 39.
Кирюшина Л. Н. – 862.
Клейнер Р. А. – 565.
Климковский Ежи – 331.
Клыков В. М. – 852.
Клыпин С. В. – 369.
Клычков С. А. – 210, 234, 244, 364, 377, 380, 381, 387, 400, 401, 403, 425, 426, 428, 478, 764, 858.
Клюев Н. А. – 6, 8, 12, 22, 32, 211, 234, 237, 244, 245, 364,

377, 380, 398, 400, 401, 403, 411, 425, 426, 428, 454, 462, 478, 528, 654, 726, 764, 805, 826, 838, 867.
Клямкин И. М. – 635.
Кобец К. И. – 243.
Кобзон И. Д. – 138, 704.
Ковалев Д. М. – 477.
Ковалев И. В. – 33, 34, 573.
Ковда В. В. – 512.
Коган А. Г. – 571.
Коган Л. В. – 660, 661, 664, 665, 805.
Коган Л. И. – 421, 614, 672, 679, 683, 746.
Коган П. Д. – 485, 486, 490, 523, 524, 527, 543, 679.
Коган Т. И. – 319, 350.
Кожевников В. М. – 265.
Кожинов В. В. (Вадим) – 7, 12, 13, 164, 167, 172, 254, 256–263, 265–281, 283–297, 314, 476, 494, 500, 507, 546, 565, 566, 576, 586, 641, 677, 678, 690, 739, 767, 770, 771, 827, 828, 856, 860, 861, 865.
Козаков А. – 140, 141.
Козаков М. М. – 559, 560, 565, 746.
Козаков М. Э. – 746.
Козинцев Г. М. – 99.
Козловский И. С. – 152.
Козловский Я. А. – 570.
Колесников Ю. А. – 861.
Колмановский Э. С. – 515.
Колмогоров В. – 578.
Колодный Л. Е. – 28, 587.
Колчак А. Ф. – 344.
Кольцов А. В. – 436.
Кольцов (Фридлянд) М. Е. – 98, 99.
Комитас (Согомонян С. К.) – 780.
Кондакова М. А. – 365.
Конев И. С. – 357, 362.
Конквест Роберт – 355, 857.
Константинов В. – 845.
Константинов И. В. – 855.
Коняев Н. М. – 271.
Копелев Л. З. – 523, 527, 529, 541, 548, 550, 556, 565, 569, 659, 755.
Копцев А. А. – 688, 868.
Копштейн А. И. – 425, 487, 490.
Корабельников – 677, 678.
Корде д,Армон Шарлотта Мари-Анна – 728.
Коренева М. Ю. – 635, 641.
Коржавин (Мандель) Н. М. – 82, 86, 497, 565, 840.
Коржиков В. Т. – 90.
Корин П. Д. – 261, 764.
Коринман А. М. – 673.
Корк А. Я. – 37, 442, 615.
Корнилов Б. П. – 73, 412, 840.
Корнилов В. Н. – 556.
Корнилов Л. Г. – 241, 243, 291.
Короева Л. – 34.
Короленко В. Г. – 388, 489, 654, 799.
Королев С. П. – 630.
Коростылев В. Н. – 562.

Коротич В. А. – 91, 212, 474, 618, 619, 732, 773, 797, 798, 803.
Косиор С. В. – 450, 452.
Коссман Карл-Рихард – 332.
Костелло Джон – 762.
Костырченко Г. В. – 680.
Костюковский Я. А. – 854.
Косыгин А. Н. – 533.
Котюков Л. К. – 266, 267.
Кох Эрих – 249.
Кочетков В. И. – 356, 505, 548.
Кочетков О. В. – 132.
Кочетов В. А. – 564.
Кравцов Б. В. – 866.
Кравченко Т. А. – 838.
Кравчук Л. М. С. 461.
Краевский Казимеж – 323, 334.
Краль Вацлав – 342.
Крамер Йозеф – 738.
Крамаренко А. – 578.
Крамов И. Н. – 515, 527.
Крамской И. Н. – 764.
Красин Л. Б. – 744.
Красовицкий С. Я. (о. Стефан) – 290.
Крейн А. З. – 527.
Кренц Гюнтер – 147.
Кржижановский Б. Г. – 672.
Кривицкий В. Г. (Гинзберг С. Г.) – 663.
Кривомазов Н. П. – 843.
Кривополенова М. Д. – 371.
Криштапович Л. Е. – 325.
Кропоткин П. А. – 824.
Круглов С. Н. – 338.
Крутов А. Н. – 227.
Крыжановский Александр – 334.
Крыленко М. Н. – 527.
Крыленко Н. В. – 415, 424, 442, 443.
Крылов А. Е. – 124.
Крымова Н. А. – 132.
Кубичек Август – 692.
Кугультинов Д. Н. (Дава Кечтлин) – 92, 841.
Кудимова М. В. – 237, 852, 855.
Кудрявцев П. В. – 365.
Кузин Б. С. – 44.
Кузнецов В. П. – 90.
Кузнецов И. К. – 562.
Кузнецов Фел. Ф. – 166, 292, 849.
Кузнецов Ф. Ф. – 517.
Кузнецов Ю. П. – 133, 192, 258, 259, 273, 411, 520, 521, 522, 638, 641, 649, 767, 774, 812, 813, 856, 859.
Кузовлева Т. В. – 854.
Кузьмин А. Г. – 767.
Кузьминский К. К. – 508.
Куйбышев В. В. – 799.
Кукрыниксы (Куприянов М. В., Крылов П. Н., Соколов Н. А.) – 426.
Кулаков В. – 171, 172.
Кулиев К. Ш. – 92, 569, 841.
Куликов Б. Н. – 477.
Куллэ Р. Ф. – 805.
Кульчицкий М. В. – 481, 483, 486, 487, 490, 523, 524, 535, 562.
Кун А. Б. – 527.
Кун Бела – 526, 730, 750.

Кунадзе Г. Ф. – 207.
Куняев А. Н. – 462.
Куняев С. С. – 858.
Куприн А. И. – 244, 245, 583, 660.
Купцов В. А. – 215.
Курбатов В. Я. – 576.
Курчаткин А. Н. – 687.
Кусержицкая Е. А. – 530, 532.
Кусержицкий Я. З. – 532.
Кусиков (Кусикян) А. Б. – 398, 404, 665, 854.
Кусиков (Кусикян) Р. Б. – 665.
Кутепов А. П. – 61, 243, 855.
Кутилов А. П. – 280.
Кутузов М. И. – 64.
Кучкина (Павлова) О. А. – 481, 482, 769.
Кучма Л. Д. – 332.
Кушнер А. С. – 236, 255, 256, 854.
Кюнг Ханс – 548.
де Кюстин Астольф – 216, 642, 814, 815–818, 825.

Лавлинский Л. И. – 132.
Лазар Берл (Шломо Дов-Бер Пинхос) – 740.
Лазарев В. Я. – 847.
Лазарев (Шиндель) Л. И. – 481–485, 488, 489, 524, 635.
Лайдонер Йохан – 351.
Лакер Уолтер – 709, 736, 739, 740.
Лакшин В. Я. – 475, 493, 860.
Лангер Вальтер – 692.
Ландау Г. А. – 731.
Ландау Л. Д. – 677.
Ланщиков А. П. – 476.
Лапидус Н. М. – 673.
Лапин А. – 843–845.
Лапшин В. М. – 260, 278.
Ларин Юрий (Лурье И-М. З.) – 598.
Ласуриа М. Т. – 268.
Лебедев-Кумач (Лебедев) В. И. – 99.
Лебедева Н. С. – 340.
Лебедь А. И. – 243.
Лебедь Д. З. -680.
Леви Ахто (Липпу Л. А.) – 802.
Левин И. О. – 731.
Левитан И. И. – 605, 611, 655.
Левитанский Ю. Д. – 236, 237, 513, 527, 568, 574, 854.
Леже Фернан – 816.
Лелевич Г. (Калмансон Л. Г.) – 374, 425, 587.
Лемешев С. Я. – 152.
Ленский – 34.
Ленин (Ульянов) В. И. – 19, 28, 41, 43, 56, 61, 63, 64, 66, 67, 91, 100, 176, 177, 196, 200, 206, 235, 242, 379, 418, 421, 428, 445–447, 457, 458, 550, 563, 583, 595, 596, 601, 602, 610, 623, 683, 685, 686, 692, 693, 723–729, 732, 733, 751–753, 760, 775, 780, 797, 799, 815, 834, 841, 852, 864.
Леннон Джон – 129, 160.
Леонов Е. П. – 218.

Леонов Л. М. – 15, 273, 422, 426.
Леонтьев В. Я. – 152.
Леонтьев К. Н. – 7, 172, 182, 484, 495, 500, 822.
Леплевский Г. М. – 675.
Леплевский И. М. – 675.
Лермонтов М. Ю. – 107, 108, 190, 401, 464, 574, 584, 613, 816, 817–819, 853, 861, 862.
Лесков Н. Н – 607.
Лесневский С. С. – 260, 774, 859.
Лефлер Зигфрид – 647, 649.
Либкнехт Карл – 451.
Либерман Мишкет – 609, 702.
Лившиц Б. К.(Н.) – 839.
Лимонов (Савенко) Э. В. – 221, 222, 224.
Линин О. Г. – 673.
Липкин С. И. – 163, 167, 174, 175, 746, 849, 850.
Липский Юзеф – 307.
Лиснянская И. Л. – 163, 167, 174.
Литвин Д. И. – 673.
Литвин М. И. – 665, 681.
Литвинов М. (Баллах М.-Г.-М.) – 673.
Литвинов П. М. – 857.
Лихачев Д. С. – 152, 572, 574, 682, 854.
Лихоносов В. И. – 241, 855.
Личков Б. Л. – 672.
Личутин В. В. – 638, 649.
Лобанов В. – 114.
Лобанов М. П. – 12, 33, 164, 476, 494, 495, 497, 500, 572, 573, 767, 768, 839.
Лобзов А. С. – 272.
Лозовский С. А. – 457.
Ломоносов М. В. – 572, 624.
Лондон Джек (Гриффит Чейни Джон) – 821.
Лорка Федерико Гарсиа – 649.
Лосев А. Ф. – 87, 277, 840.
Лосото Е. Л. – 410, 613, 614, 774, 859.
Лощиц Ю. М. – 767, 768.
Луговской В. А. – 410, 412.
Луженовский Г. Н. – 751.
Лужков Ю. М. – 222, 229, 866.
Лука (евангелист) – 493.
Лукин В. П. – 507, 740.
Лукин Е. В. -681, 839.
Луков Л. Д. – 540.
Лукьянов А. И. – 855.
Луначарский А. В. – 373, 388, 403, 431, 450, 457, 598, 667, 685, 815.
Лурье – 663.
Львов А. Л. – 32, 809.
Львовский М. Г. – 523, 562.
Лыкошин С. А. – 767.
Лынев Р. А. – 342.
Любимов – 669.
Любимов А. М. – 282, 283.
Любимов Н. М. – 275.
Любимов Ю. П. – 635, 865.
Любомудров М. Н. – 767, 768, 864.
Людвиг Эмиль – 43.

Людовик XУ1 – 833.
Люксембург Роза (Розалия) – 451, 453, 631.
Лютер Мартин – 624, 629.
Люшков Г. С. – 661–664.
Ляля Черная (Киселева Н. С.) – 541.

Магидсон В. – 604.
Маде Тийт – 785, 866.
Мазе Я. И. – 668.
Майзель (Пластинина) Р. А. – 749.
Макаров А. М. – 213.
Макаревич А. В. – 140, 144, 155.
Макашов А. М. – 231, 238, 853, 855.
Маквэй Гордон – 404.
Макиавелли Николо – 595.
Маккормик (Мак-Кормик) Роберт – 819.
Маклаков В. А. – 669.
Маклярский М.(И.) Б. – 540.
Максакова М. П. – 152.
Максимов В. Е. (Самсонов Л. А.) – 566.
Максимова А. – 121, 131.
Малашкин С. И. – 849.
Малиновский Р. Я. – 353.
Мальгин А. В. – 163.
Мальтус Томас Роберт – 595, 822.
Мамин-Сибиряк (Мамин) Д. Н. – 821.
Мангушев В. – 124.
Мандель В. С. – 731.
Мандельштам Н. Я. – 16, 440, 444, 445, 729, 837, 839.
Мандельштам О. Э. – 11, 12, 15–24, 26–28, 30–32, 34, 36–39, 41, 42, 44–46, 49, 51–55, 61, 70, 79, 100, 236, 237, 300–302, 304, 358, 361, 399, 425, 431, 442, 444, 445, 454, 463–465, 471, 502, 528, 587, 642, 656, 729, 744, 754, 836, 837, 838.
Манин Ю. И. – 585.
Манн Генрих – 705.
Манн Томас – 629, 649.
Маннергейм Карл Густав Эмиль – 351.
Мануильский Д. З. – 457.
Мао Цзедун – 195.
Марат Жан-Поль – 429, 679, 744.
Маргвелашвили Г. Г. – 108.
Марголина С. В. – 529, 530.
Мариенгоф А. Б. – 724, 818.
Маркиш Д. П. – 756–758.
Маркиш П. Д. – 754, 756.
Марков А. Я. – 477.
Марков Н. Е – 739.
Марков С. Н. – 665, 805.
Маркс Карл – 100, 105, 197, 234, 446, 493, 583, 599, 610, 696, 705, 719, 757.
Маркус Самюэл – 704.
Мартин Терри – 353.
Мартинелли А. Я. – 673.
Мартынов Л. Н. – 79, 534, 665, 805.

Маршак С. Я. – 540, 559.
Мастеров В. – 298.
Матвеев Г. Ф. – 299.
Матвеев М. Р. – 682.
Матюшин А. – 604.
Махно Н. И. – 234.
Мацкявичюс Э. Г. – 802.
Маяковский В. В. – 21, 22, 61, 79, 88, 90, 109, 129, 175, 200, 482, 489, 619, 753.
Медведев Ж. А. – 12.
Медведев Р. А. – 12, 281.
Медведев Ф. Н. – 163.
Медведев Ю. М. – 846.
Медведева Г. И. – 575.
Медунов С. Ф. – 200, 219.
Межиров А. П. – 7, 57, 82, 264, 283, 284, 502, 503, 540–542, 545, 570, 577, 755, 756, 861.
Мезенцев Е. – 568.
Меир (Меерсон) Голда – 730.
Мейерхольд В. Э. – 441, 864.
Меклер Я. – 682.
Мелчетт (Монд Альфред Мориц) – 709.
Мелюхов П. И. – 682.
Мельгунов С. С. – 749, 750.
Менделеев Д. И. – 583.
Мендель Менахем – 716.
Менжинский В. Р. – 660, 799.
Меньшиков М. О. – 724, 802.
Мережковский Д. С. – 244, 245, 654.
Мержанов М. И. – 457.
Мериме Проспер – 831.
Меркадер Рамон – 538.
Меркович Л. – 562.
Метелица Катя – 635.
Меттерних Клемент Венцель Лотарфон – 203, 502.
Мехлис Л. З. – 413, 457.
Мигберт (Глейзер) М. И. – 682.
Миколайчик Станислав – 337.
Микоян А. И. – 448, 536, 537.
Милковская М. – 121.
Милош Чеслав – 310, 825.
Милюков П. Н. – 654.
фон Мильденштейн Леопольд – 706.
Минаев Д. Д. – 861.
Минин К. З. – 413, 765, 864.
Минц И. И. – 457.
Мироненко С. В. – 740.
Миронов Б. С. – 803.
Миронов Ф. К. – 234.
Миронов (Каган) Л. Г. – 676.
Миронов С. Н. (Король М. И.) – 676.
Михайлов А. А. – 612.
Михайлов А. А. – 644.
Михайлов А. В. – 280.
Михайлов А. И. – 838.
Михайлов О. Н. – 7, 261.
Михайлова Л. – 145.
Михайловская – 34.
Михалков-Кончаловский А. С. – 833.
Михаловский Витольд – 355.
Михоэлс С. М. – 729.
Мицкевич Адам – 360.
Мицнер Петр – 311, 317, 326.
Можаев Б. А. – 239, 408.

Моисеев Н. Н. – 280.
Молотов (Скрябин) В. М. – 302, 307–310, 334, 349, 825.
Молчанов Г. А. – 661, 663.
Молчанов М. Ф. – 97.
Молчанова Е. – 122.
Моргентай – 516.
Мориц Ю. П. – 308, 860.
Морозов (Мороз) Г. С. – 536.
Морозов П. Т. – 486.
Моррисон Джеймс – 129.
Мосевич (Бояров) Н. А. – 664, 805.
Моцарт Вольфганг Амадей – 108, 122, 127, 144, 273, 575.
Мрачковский С. В. – 673.
Мрожек Славомир – 357.
Музыкантский А. И. – 853.
Мурашов А. Н. – 862.
Мусоргский М. П. – 106, 107, 127.
Муссолини Бенито – 35, 695.
Мухин Ю. И. – 803.
Мэтлок Джек – 277.
де Мюссе Альфред – 831.

Н. О. – 153.
Набоков В. Д. – 399, 637.
Нагибин Ю. М. – 225–227, 237, 854, 855.
Назарбаев Н. А. – 215, 866.
Назаров М. В. – 803.
Наленч Томаш – 302.
Наполеон Бонапарт – 203, 204, 502, 599, 777, 816.
Наровчатов С. С. – 523, 562.
Наседкин В. Ф. – 210, 400, 425, 426.
Нахимсон С. М. – 732.
Наумова Г. – 635, 641.
Небольсин С. А. – 850.
Невзлин Л. Б. – 688.
Невчинский Адольф – 324.
Неизвестный Э. И. – 207.
Нейштадт – 34.
Некрасов Н. А. – 107, 142, 190, 436, 584, 826.
Некрасов В. П. – 659.
Некрич А. М. – 794.
Немирович-Данченко В. И. – 660.
Немцова З. Н. – 445, 446.
Неофит – 669.
Нерадовский П. И. – 673.
Неру Джавахарлал – 201.
Нестеров М. В. – 764.
Неткачев Ю. М. – 213, 852.
Нечаев А. – 309.
Никитин А. М. – 651.
Никишин А. – 616, 619.
Никишов И. Ф. – 680.
Николаев П. А. – 32, 33, 165, 167, 200, 210, 426, 476, 571–573, 767, 768, 839.
Николаева И. И. – 34.
Николай I – 247, 289.
Николай II – 195, 242, 820.
Никонов А. В. – 480, 498.
Никулин (Ольконицкий) Л. В. – 540, 746.
Нил Сорский – 274, 275.
Нилус С. А. – 715, 737, 802.

Ницше Фридрих – 595, 629, 630, 697–701, 822.
Нишанов Р. Н. – 603.
Новак Анджей – 305, 334, 349.
Новиков В. В. – 770.
Новицкий Марек – 354.
Нордау Макс (Меир Симха) – 600, 717, 718.
Норинский А. М. – 11, 612–614, 618.
Носенко В. И. – 591, 592, 594, 595.
Нуйкин А. А. – 282, 283, 794, 854.
Нуркевич Здислав – 327.
Нусинов И. И. – 562.

Обама Барак Хуссейн – 741.
Обухова Н. А. – 152.
Овидий Публий Назон – 41, 42, 465.
Огарев Н. П. – 465.
Огурцов И. В. – 397, 859.
Ожегов А. И. – 665.
Озолас Ромуальдас – 623.
Озолс К. П. – 673.
Ойстрах Д. Ф. – 655.
Октавиан Август Цезарь – 41, 42.
Окуджава Б. Ш. – 132, 217, 218, 490, 543–545, 547, 574, 575, 624, 744, 853, 854.
Окулицкий Леопольд – 315, 328, 334–336.
Олейник Б. И. – 781.
Олейников Е. С. – 843.
Олеша Ю. К. – 36, 426, 435, 472, 528, 556.
Ольшевский А. А. – 744.
Орджоникидзе Г. К. (Серго) – 448, 601, 602, 689, 690.
Орешин П. В. – 210, 234, 375, 380, 381, 387, 400, 426, 858.
Орлов А. М. (Фельдбин Л. Л.) – 663, 761, 762.
Орлов (Шапиро) В. Н. – 540.
Орлова (Либерзон) Р. Д. – 264, 527–529, 541, 552, 553, 569.
Орлова Р. – 121.
Осипов В. Н. – 290, 802.
Оскоцкий В. Д. – 107, 200, 210, 212, 236, 299, 475, 476, 620, 676, 767, 768, 798, 854, 856.
Осповат Л. С. – 527.
Оссиан (Ойсин) – 16.

Павел (апостол) – 493.
Павленко П. А. – 853.
Павлов И. П. – 430.
Павлов Ю. М. – 13.
Павлова А. П. (М.). – 244.
Павлович Н. А. – 516.
Павловский Г. С. – 665.
Палах Ян – 857.
Палиевский П. В. – 7, 107, 264, 283, 291, 576.
Пальмин Л. И. – 847.
Панченко Н. В. – 855.
Паперный З. С. – 152.
Парвус А. Л. (Гельфанд И. Л.) – 196.
Парин В. В. – 61.

Парсаданова В. С. – 317, 340.
Паршев А. П. – 281.
Пасманик Д. Е. – 534, 684, 731, 736, 754.
Пастернак Б. Л. – 12, 18, 19, 20, 22, 32, 34, 39, 79, 99, 108, 109, 137, 160, 290, 411, 425, 426, 454, 476, 528, 577, 608, 624, 656, 751–753, 785, 786, 838.
Паукер К. В. – 569, 677, 761, 762.
Паулс Р. В. – 143, 145, 148, 149, 153.
фон Паулюс Фридрих – 84, 312, 357.
Паустовский К. Г. – 353.
Пеле (до Насименту Эдсон Арантес) – 157, 160.
Пелевин В. О. – 649.
Пепперштейн П. В. – 635.
Передреев А. К. – 7, 91, 92, 172, 254, 257, 264, 267, 268, 273, 278–280, 285, 288, 290, 294, 425, 543, 798, 856.
Перельмутер Я. Е. – 682.
Перельцвейг В. Б. – 725, 761.
Перес Шимон – 730.
Перетц В. Н. – 672, 805.
Пестель П. И. – 744.
Петелин В. В. – 494.
Петен Анри Филипп – 307.
Петренко М. Е. – 356.
Петров (Шраер) Д. П. – 558–561, 568.
Петров (Катаев) Е. П. – 528, 794.
Петров Н. (А. С. ?, А. Г.?) – 136, 137, 841, 842–847.
Петров Н. В. – 674.
Петрова Т. Ю. – 272.
Петровский Г. И. – 353, 724.
Петровский Д. В. – 403.
Петрункевич И. Н. – 689.
Петрушевская Л. С. – 636.
Петр I – 62, 65–67, 83–86, 777, 820.
Петр III – 650.
Пивник Ян – 327.
Пикассо Пабло – 107, 816.
Пикуль В. С. – 767.
Пилсудский Юзеф Клеменс – 35, 303, 309, 324.
Пиляр Ю. Е. – 356.
Пиночет Аугусто – 212.
Пинскер Л. С. – 730, 794.
Пинский Д. О. – 731.
Пинский Л. Е. – 273, 503, 526.
Писарев А. А. – 281.
Пихоя Р. Г. – 340.
Платон – 156.
Платонов (Климентов) А. П. – 6, 75, 170, 432, 451, 452, 528, 587.
Платонов О. А. – 12, 803.
Платонов С. Ф. – 682.
Плевицкая Н. В. – 253.
Плиннер Н. И. – 672.
Плясов В. – 123.
Победоносцев К. П. – 170, 245.
Побуч-Малиновский Владислав – 313.
Подольская Н. Я. – 299.
Подольский (Вальден) Я. – 325, 356.
Пожарский Д. И. – 413, 765.

Поженян Г. М. – 854.
Познер В. В. – 590, 613, 614, 803, 806.
Пол Пот (Салот Сар) – 195, 595.
Полевой (Кампов) Б. Н. – 166.
Поленов В. – 639.
Поликарпов А. Р. – 682.
Поликарпов С. И. – 512.
Пользен А. – 562.
Польстер Л. А. – 562.
Поляновский М. Л. – 540.
Померанц Г. С. – 527, 551, 552, 730.
Помяновский Ежи (Либерсон Е. С.) – 298–303, 351, 353, 354, 356, 358–360.
Понаровская И. В. – 152.
Понтрягин Л. С. – 865.
Попов Е. А. – 163, 849.
Попов Г. Х. – 186, 203, 413, 414, 776, 778.
Портнягин Э. А. – 172, 260.
Поспелов (Фейгельсон) П. Н. – 457.
Постышев П. П. – 423, 424.
Потанин В. О. – 636.
Пранайтис Юстинус Бонавентура – 669.
Прасолов А. Т. – 273, 425, 482, 798, 856, 860.
Преловский А. В. – 7.
Пресли Элвис – 129.
Приблудный Иван (Овчаренко Я. П.) – 398, 400, 401, 425, 426, 665.
Пригов Д. А. – 635, 638, 644, 649, 652.
Примаков В. М. – 37.
Примеров Б. Т. – 477.
Приставкин А. И. – 237, 854.
Пришвин М. М. – 70.
Прозоров Григорий (протоиерей) – 670.
Прокофьев А. А. – 410, 412, 534, 849.
Проскурин П. Л. – 164, 475, 849.
Проффер Карл – 167.
Проханов А. А. – 210, 221, 222, 741, 803, 852.
Прохоров М. Д. – 636.
Прохорова И. Д. – 635–638, 640, 652.
Пугачев Е. И. – 495.
Пугачева А. Б. – 119, 123, 143, 152.
Пужок Казимеж – 315.
Пупков А. – 121.
Пуришкевич В. М. – 553, 594, 739.
Путин В. В. – 308, 337, 351, 353, 354, 808, 825.
Путна В. К. – 428, 442.
Пушкин А. С. – 8, 9, 16, 17, 62, 98, 103, 106–108, 111, 112, 120, 122, 126, 127, 129, 138, 175, 176, 209, 213, 234, 256, 258, 273, 276, 282, 289, 294, 296, 297, 437, 464, 482, 489, 539, 559, 574, 608, 619–624, 637, 639, 642, 647, 693, 750, 770, 775, 780, 792, 802, 810, 812, 815, 819, 823, 826, 830, 831, 835, 842, 850, 867.

Пыхалов И. В. – 356.
Пятаков Ю. Л. – 37, 418, 430.
Пятницкий (Тарсис) И. А. – 526.

Рабле Франсуа – 103, 275, 856.
Радек (Собельсон) К. Б. – 36, 37, 373, 374, 431, 526, 587.
Радек С. К. – 541.
Радзиховский Л. А. – 688, 732.
Радимов П. А. – 403.
Радциг С. И. – 6.
Разводова О. А. – 134, 138.
Разгон Л. Э. – 523, 580, 677–679, 691, 854.
Разин С. Т. – 495.
Разоренов А. Е. – 847.
Райзман Ю. Я. – 540.
Райкин А. И. – 108.
Райнис Ян – 491, 780.
Райх З. Н. – 364, 369, 381, 382, 384.
Раковский Мечислав – 361.
Ракоши Матиас (Розенфельд Матьяш) – 750.
Рапопорт Я. Д. – 421, 614, 672, 679, 683, 746.
Раппапорт Г. М. – 540.
Раппопорт Г. Я. – 682.
Раскольников (Ильин) Ф. Ф. – 388, 431, 441, 442, 444.
Распутин Г. Е. – 241, 718.
Распутин В. Г. – 7, 133, 200, 212, 556, 582, 637, 641, 649, 684, 772–774, 806, 852.
Рассадин С. Б. – 260, 410, 475, 493, 613, 614, 774, 802, 859, 862.
Рассел Бертран – 201.
Расторгуев П. А. – 673.
Ратенау Вальтер – 702, 704.
Раушенбах Б. В. – 306.
Рафаэль Санти – 107.
Рединг (Руфус Дэниэл Айзекс) – 709.
Резник И. Р. – 119, 151.
Резник Иосиф – 676.
Резник С. Е. – 653, 657, 658, 660, 666, 668, 673, 676, 679, 680, 682–684, 687, 688, 690, 691.
Рейн Е. Б. – 508, 849.
Рейснер Л. М. – 444, 748.
Рейсс И. С. (Порецкий Н. М.) – 663.
Рекемчук А. Е. – 854.
Ремовер – 749, 750.
Репин И. Е. – 654.
Рерих Н. К. – 105, 244, 356, 764.
Ретивова Т. – 829.
Решетов А. Е. – 412.
Решетов А. Л. – 856.
Ре-хей Ясуэ – 856.
Ржавский Я. П. – 682.
Ржевская Е. М. – 488, 489, 503, 524, 527, 533.
Ржига В. Ф. – 6, 385, 459, 673, 805.
фон Риббентроп Иоахим – 302, 307–310, 825.
Рид Дуглас – 697, 707, 708, 711, 714.
Рикардо Дэвид – 822.
Рильке Райнер Мария – 819.
Римский-Корсаков Н. М. – 67.

Робеспьер Максимилиан – 724, 744.
Ровецкий Стефан Павел – 313.
Рогинский А. Б. – 740.
Рогинский Г. К. – 663, 675.
Рогов С. М. – 590–592, 594, 595.
Роговин В. З. – 674.
Родкин М. В. – 858.
Родос Б. В. – 238.
Рождественский Р. И. – 91, 109, 114, 237, 797, 799, 841, 854.
Розанов В. В. – 7, 172, 276, 484, 558, 583, 654, 656, 670.
Розанова М. В. – 507, 795.
Розенберг Альфред – 699, 784.
Розенблат – 34.
Розенблюм – 34.
Розенталь С. – 45.
Розенфельд Б. – 403.
Розов В. С. – 166, 167.
Розовский М. Г. – 107, 113, 167, 174, 842.
Розовский Н. С. – 663.
Рокка Массимо – 695.
Рокоссовский К. К. – 318, 319.
Рокфеллер Джон Дэвидсон – 819.
Роллан Ромен – 103, 816.
Романенко А. З. – 594.
Романов А. А. – 477.
Романов Б. Н. – 838.
Ромм М. И. – 99, 540.
Рост Ю. М. – 590.
Ростропович М. Л. – 253.
Рохлин – 34.
Рошаль Г. Л. – 540.
Рубенс Петер Пауль – 107.
Рубинштейн Л. С. – 635, 652.
Рублев Андрей – 127, 140.
Рубцов Н. М. – 7, 8, 13, 110, 116, 132, 172, 174, 266, 267, 271–273, 278, 292, 293, 398, 425, 477, 507, 577, 798, 827, 856.
Рудаков С. Б. – 24.
Рудзутак Я. Э. – 450.
Рузвельт Франклин Делано – 812.
Рузский Н. В. – 241, 243.
Руставели Шота – 780.
Руцкой А. В. – 218, 853.
Руш Самуэль – 410.
Рыбак Н. С. – 540.
Рыбаков (Аронов) А. Н. – 540, 794.
Рыбас С. И. – 241, 855.
Рыбкин (Рывкин) Б. А. – 680.
Рыбников П. Н. – 371.
Рывкин – 34.
Рыжей (Тур) П. Л. – 540.
Рыжков Н. И. – 215.
Рыкачев Я. С. – 237, 746.
Рыклин М. К. – 635.
Рыков А. И. – 36, 37.
Рымкевич Ярослав Марек – 303.
Рындзюн В. И. (Ветлугин А.) – 227.
Рябинин (Меерович) М. И. – 151.
Рябов Г. Т. – 584.
Рябушинский В. П. – 243.
Рязанов (Семанов С. Н. и Иванов А. М.) – 568.
Рязанов Э. А. – 108.

Ряшенцев Ю. Е. – 107, 842.

Савельев В. С. – 212, 854.
Савонарола Джакомо – 721.
Садо М. Ю. – 859.
Сакс Джеффри – 216.
Салтыков-Щедрин М. Е. – 330, 491.
Сальери Антонио – 108, 121, 153, 273.
Самойлов (Кауфман) Д. С. (Дезик) – 7, 10, 107, 108, 264, 283, 284, 500, 504–506, 508–520, 522, 523, 525–529, 533, 534, 536, 537–539, 541, 545, 549, 551, 554–571, 574, 575–577, 677, 759, 762.
Самойлов Л. С. – 843.
Самюэл Морис – 658.
Сапгир Г. В. – 175, 849.
Сарнов Б. М. – 27, 70, 177, 260, 282, 430, 493, 837, 861.
Сарфатти Маргарита – 695.
Сафиева Гулрухсор – 224.
Сахаров А. Д. – 201, 576, 590, 784.
Сахаров В. И. – 268–270, 281.
Сац И. Л. – 493.
Саша Черный (Гликберг А. М.) – 244.
Саянов (Махлин) В. М. – 412.
Сванидзе Н. К. – 803, 806.
Свердлов А. Я. – 678.
Свердлов Я. М. – 195, 203, 211, 233, 373, 601, 685, 688, 723, 728, 730, 737, 799.
Светлов (Шейнкман) М. А. – 7, 410, 416–418, 538, 679, 754.
Свиридов Г. В. – 110, 121, 127, 253, 273, 641, 646, 649, 831.
Свирская М. Л. – 381.
Святослав – 216.
Северянин (Лотарев) И. В. – 244.
Севрук В. Н. – 168.
Сегень А. Ю. – 281.
Седельников А. Д. – 673, 805.
Седов Г. Я. – 55.
Сейфуллина Л. Н. – 457.
Селезнев Ю. И. – 268, 270, 278, 572.
Селиванова С. Д. – 684.
Селивановская В. С. 187.
Селивановский А. П. – 422.
Селивановский Н. Н. – 316.
Селищев А. М. – 660, 673, 805.
Сельвинский И. (Э.-К.) Л. – 7, 179, 292, 473, 559.
Селюнин В. И. – 237, 430, 854.
Семанов С. Н. – 7, 291, 494, 681, 690, 849.
Семашко Е. И. – 328.
Семенов (Ляндрес) Ю. С. – 587.
Сенкевич Генрик – 360.
Сенкевич Э. И. – 669, 672.
Серафим Саровский – 205.
Сербский В. П. – 27.
Сергеев-Ценский С. Н. – 660.
Сергий Радонежский – 780.
Сетон-Томпсон Эрнест – 821.
Семин В. Н. – 356.
Сидогобуллин Г. – 848.
Сидоров В. М. – 767, 768.

Сидоров Е. Ю. – 165, 167, 260, 292.
Сидоров С. М. – 661, 663, 672.
Сикорский И. А. – 669.
Сильвестров Н. Р. – 843.
Симанович А. С. – 718.
Симис К. М. – 569.
Симонов В. А. – 142, 143.
Симонов К. М. – 90, 358, 424, 516, 528, 534, 564, 771.
Синявский А. Д. (Абрам Терц) – 493, 497, 507, 569, 621, 794, 795, 867.
Сиротин Б. З. – 260, 278.
Ситарян С. А. – 207.
Скалдин А. Д. – 426.
Скоморовский (раввин) – 671.
Скоп Ю. С. – 7.
Скоркин К. В. – 674.
Скотт Вальтер – 147.
Скрябин А. Н. – 160.
Славатинский А. С. – 387, 665.
Славин Л. И. – 422, 746.
Сличенко Н. А. – 740.
Слонимский Антони – 360.
Слуцкий Б. А. – 7, 56, 79, 90, 476, 483, 484, 513, 523, 524, 534, 538, 543, 545, 557, 559, 562, 564, 609.
Смеляков Я. В. – 12, 15, 18, 19, 22, 70, 71, 73–76, 79–83, 85–95, 97, 100, 534, 679, 747, 748, 837, 841.
Сметона Антанас – 351.
Смилга Т. И. – 541.
Смирнов С. В. – 849.
Смирнова-Россет А. О. – 258.
Смоленский Я. М. – 507.
Снегур М. И. – 852.
Собир Бозор – 223, 224.
Собчак А. А. – 801.
Современница (Сент Эльм Ида) – 810.
Соколов А. – 158.
Соколов В. Н. – 7, 133, 256, 257, 425, 798, 827, 855, 856.
Соколов Нахум – 600.
Сокольников (Брильянт) Г. Я. – 37.
Сократ – 48, 51.
Солженицын А. И. – 48, 54, 82, 96, 97, 169, 205, 210, 253, 287, 501, 516, 527, 552, 554, 555, 558, 653, 657, 659, 674, 683, 746, 798, 839, 856, 867.
Солнцев Р. Х. – 237, 843, 855.
Соловьев В. И. – 795.
Сологуб (Тетерников) Ф. К. – 660.
Солоневич И. Л. – 7, 249, 799.
Солоухин В. А. – 105, 133, 239–242, 244, 247, 248, 253, 767, 843.
Сольц А. А. – 676.
Сольц И. Б. – 676.
Сонензон – 328.
Сопин М. Н. – 280.
Сорин С. Г. – 809.
Сорокин В. В. – 266, 477.
Соснковский Казимир – 313.
Сосновский Л. С. – 374, 380, 425, 587.
Соснора В. А. – 256.
Софокл – 22, 27, 51, 54, 642.

Софронов А. В. – 564.
Сперанский М. Н. – 660, 672, 805.
Спиноза Барух – 719.
Спиридонова М. А. – 751, 752.
Ставский (Кирпичников) В. П. – 44.
Сталин В. И. – 28.
Сталин (Джугашвили) И. В. – 6, 12, 17, 18, 20, 21, 24–29, 32, 33, 35, 36, 38–43, 48, 64, 65, 67, 69, 70, 72, 79, 80, 82, 84, 98–100, 183–185, 192, 194, 195, 200, 202, 212, 220, 221, 253, 300–302, 305, 320, 330, 334–336, 339, 349–351, 353, 354, 356, 359–362, 373, 388, 402, 416, 418–420, 422, 423–426, 430, 441 442, 444, 448, 454, 458, 487, 488, 533, 535, 537, 538, 551, 563, 569, 574, 576, 587, 596, 601, 630, 674, 678, 680, 686, 687, 689, 726, 728, 745, 752, 753, 761, 791, 797, 812, 837, 838, 868.
Станиславский (Алексеев) К. С. – 556, 834, 835.
Станкевич С. Б. – 203, 801, 867.
Стариков Е. Н. – 281.
Старикова Е. В. – 766.
Старовойтова Г. В. – 186, 203, 623, 784, 795, 801.
Стародубцев В. А. – 852.
Старостин В. А. – 278.
Старшинов Н. К. – 90.
Стаханов А. Г. – 533.
Стеклов (Нахамкес) Ю. М. – 452.
Степанов Н. (О. М.) – 45.
Стерлигов А. Н. – 855.
Стефанович В. – 842.
Столпер А. Б. – 540.
Стреляный А. И. – 475, 860.
Стрешнева Т. В. – 73, 90.
Стромин (Геллер) А. Р. – 664, 682, 805.
Струве П. Б. – 244, 245, 249, 654.
Стругацкий А. Н. – 107, 108.
Стругацкий Б. Н. – 107, 108.
Суворов А. В. – 64, 67.
Судоплатов П. А. – 533.
Сулейменов О. О. – 91, 176, 797, 798, 850.
Султонова Х. Ю. – 868.
Сургучев И. Д. – 253.
Суриков В. И. – 764.
Сурков А. А. – 412, 424.
Суровцев Ю. И. – 476, 767.
Сусанин И. О. – 278.
Суслов М. А. – 168, 170, 210, 275, 496, 797.
Сутырин Л. – 125, 127.
Сухарто Хаджи Мухаммед – 212.
Сухов Ф. Г. – 278, 505, 545–547, 860.
Сыровы Ян – 344.
Сэмюэл Герберт Луис – 709.

Тагер А. С. – 667.
Тазбор Я. – 321.

Таиров А. Я. – 441.
Талалаева Л. – 562.
Талейран Перигор Шарль Морис – 14.
Тамерлан (Тимур) – 781.
Тараканова Л. В. – 855.
Тарасенков А. К. – 45.
Тарковский А. А. – 189, 570.
Тарле Е. В. – 682.
Твардовский А. Т. – 15, 79, 96, 97, 135, 137, 161, 353, 424, 436–439, 455, 474–476, 478–480, 482, 493, 523, 528, 534, 630, 637, 679, 764.
Теплиц Кшиштоф – 326.
Тиганов В. А. – 841, 842.
Тизенберг Э. Ю. – 673.
Тизяков А. И. – 852.
Тимофеев Л. И. – 403.
Тимофеев Ю. П. – 562.
Тимченко В. И. – 131, 148, 157.
Тихомиров В. П. – 668.
Тихомиров Л. А. – 802.
Тихонов В. А. – 768.
Тихонов Н. С. – 46, 426, 534.
Тойнби Арнольд – 819.
Толстая Т. И. – 635, 638, 644, 647.
Толстой А. Н. – 15, 70, 636, 646, 647, 660.
Толстой Л. Н. – 106, 107, 126, 129, 156, 244, 375, 400, 435, 464, 482, 489, 490, 493, 598, 777, 819.
Толстой Н. И. – 280, 661, 662.
Толстых В. И. – 101, 142, 842.
Тоом Л. В. – 562, 564.
Травкин Н. И. – 186.
Траубенберг М. М. – 823.
Трифонов Ю. В. – 474.
Троицкий И. Г. – 668.
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. – 35, 36, 38, 194–196, 201, 202, 205, 206, 209, 233, 242, 373, 374, 379, 407–410, 422, 428, 430, 431, 449, 451, 535, 538, 587, 588, 595, 656, 722, 727, 728,730,732, 733, 791, 815, 858.
Трояновский О. А. – 527.
Трубецкой И. С. – 662.
Трумэн Генри – 311.
Тряпкин Н. И. – 174, 273, 278, 566, 798.
Тубельский (Тур) Л. Д. – 540.
Тувим Юлиан – 360.
де Тулуз-Лотрек Анри Мари Раймон – 542.
Тургенев И. С. – 647, 780, 826.
Турков А. М. – 260, 481, 482.
Тухачевский М. Н. – 36–38, 429, 430, 442, 443, 615.
Тухманов Д. Ф. – 143.
Тушнова В. М. – 507, 562.
Тынянов Ю. Н. – 464.
Тышлер А. Г. – 516.
Тюрин Н. А. – 272.
Тютчев Ф. И. – 107, 108, 281, 282, 289, 295, 297, 304, 402, 430, 622, 770, 809, 829, 832, 835, 843.
Тямкина М. Ф. – 507.

Уайльд Оскар – 569.

Уборевич (Уборявичюс) И. П. – 615.
Уилсон Рой – 25.
Уитмен Уолт – 822, 823.
Ульманис Карлис Аугустус Вильхелмс – 351.
Умалатова С. З. – 855.
Уражцев В. Г. – 855.
Урин В. А. – 507.
Урицкий М. С. – 379, 444, 449, 450, 654, 723–726, 729, 730, 744, 746, 759, 761.
Урланис Б. Ц. – 314.
Урнов Д. М. – 275.
Урфф – 625–628, 632–634, 643.
Усиевич Е. Ф. – 45.
Успенский Г. И. – 847.
Успенский Н. В. – 847, 848.
Утесов (Вайсбейн) Л. О.(И.) – 515.
Уткин И. П. – 237, 412, 747, 755.

Файн С. – 757, 758.
Файнберг В. И. – 857.
Файнциммер А. М. – 540.
Фарков Р. И. – 170, 835.
Фатьянов А. И. – 585.
Федин К. А. – 273, 275, 426.
Фейхтвангер Лион – 11, 608, 775, 776.
Феллини Федерико – 189.
Фельдман В. Д. – 663, 665.
Фельдман Л. – 565.
Фельцман О. Б. – 515.
Фердинанд Рафаэль – 520.
Фест Иоахим – 692.
Фет (Шеншин) А. А. – 41, 42, 257, 258, 464.
Федоров И. – 296.
Федоров М. П. – 106.
Фигур Д.(М.) Д. – 682.
Филатов С. А. – 740.
Филимонова С. – 616.
Финкельберг – 663.
Финкельштейн Норман – 760.
Финци Альдо – 695.
Фирин С. Г. – 421, 614, 672, 679, 683, 746.
Фирсов В. И. – 261.
Фитцджеральд Скотт Френсис – 129.
Фишер Анзелм – 737.
Флавиан (митрополит) – 670.
Флакк – 501.
Флоренский П. А. – 211, 237, 669–671, 805.
Фогельсон Л. И. – 506, 539.
Фогельсон Л. Л. – 539.
Фогельсон С. Б. – 539, 540.
Фокина О. А. – 566.
Фонер Э. М. – 665.
Форд Генри – 708.
Фрадкин М. Г. – 515.
Франк Ганс Михаэль – 692, 695.
Франк-Каменецкий М. Д. – 601.
Франкенбергер Леопольд – 694.
Франклин Бенджамен – 829.
Франко Баамонде Франсиско – 308.
Френкель Н. А. – 228, 421, 614, 673, 679, 683, 730, 746.
Фрид В. С. – 29.
Фридлянд Цви (Г. С.) – 744.

Фридрих Великий – 650.
Фришауэр Вилли – 692.
Фурманов (Фурман) Д. А. – 745.
Фучик Юлиус – 196, 741.

Хавкин О. А. – 591.
Хагемейстер Михаэль – 737.
Хазанов Г. В. – 108.
Хайден Конрад – 692.
Хайдер Хельмут – 692.
фон Хайек Фридрих – 824.
Халемский – 663, 805.
Хардаминов Л. – 171.
Хасбулатов Р. И. – 207, 218, 853.
Хатаневер А. М. – 46, 682.
Хатюшин В. В. – 803.
Хаусхоффер Карл – 694, 760.
Хват А. Г. – 677.
Хвольсон Д. А. – 670.
Хейфиц И. Е. – 99.
Хейфиц – 34.
Хендрикс Джеймс – 129.
Хенкин К. В. – 678, 679, 691.
Хертле Герберт – 857.
Хлебников О. Н. – 512.
Хлопонин А. Г. – 811.
Ходасевич В. Ф. – 399, 511, 832.
Ходорковский М. Б. – 688.
Ходос Э. – 667, 668, 684.
Хомракулова Р. – 126.
Хорол И. – 200.
Хохберг – 317.
Хрущев Н. С. – 200, 448, 851.
Хусейн Саддам – 341.
Хуциев М. М. – 635.
Хэмингуэй Эрнест – 528.

Царев О. И. – 762.
Цветаева М. И. – 6, 20, 57, 58, 155, 240, 244, 640, 641, 832, 863.
Цветов В. Я. – 613, 614.
Цви Лем – 600.
Церетели И. Г. – 852.
Цеткин Клара – 449.
Цибульский – 316.
Циглер Ганс – 692.
Циолковский К. Э. – 156, 630.
Цукерман Р. – 127.
Цыбин В. Д. – 425.

Чаадаев П. Я. – 465.
Чавчавадзе И. Г. – 780.
Чайковский П. И. – 106, 107, 122, 139.
Чаковский А. Б. – 527, 529, 540, 684.
Чалмаев В. А. – 7, 261, 476, 494, 497.
Чан Кайши – 538.
Чача Алекс – 538.
Чащегорева Н. – 123.
Чаянов А. В. – 459.
Черкасов А. В. – 311.
Чернинг – 146, 147.
Черниченко Ю. Д. – 200, 210, 218–220, 236, 237, 798, 854, 855.
Чернов А. Ю. – 854.
Черноуцан И. С. – 527.
Чернышевский Н. Г. – 464, 584.
Чернышенко В. С. – 158.
Черняев А. С. – 553.

Черток Л. И. – 551.
Черчилль Уинстон – 298, 337, 338, 348, 361, 694, 709, 710, 812, 825.
Чехов А. П. – 276, 432, 464, 489, 491, 583, 607.
Чиари Бернхард – 334.
Чивилихин В. А. – 164, 167, 849.
Чиладзе О. И. – 779.
Чингисхан (Тэмуджин) – 777.
Чистяков Георгий (священник) – 740.
Чкалов В. П. – 533.
Чоклин И. Я. – 682.
Чубайс А. Б. – 233, 699, 864.
Чубарьян А. О. – 740.
Чудаков С. И. – 290.
Чудакова М. О. – 38, 854.
Чуев Ф. И. – 216.
Чуковская Л. К. – 56, 556, 565, 677, 679.
Чуковский К. И. (Корнейчуков Н. К.) – 99, 852.
Чулаки М. М. – 854.
Чупринин С. И. – 8, 162, 163, 166, 260, 492, 493, 568, 635, 637, 644.
Чухонцев О. Г. – 576, 848, 856.

Шагал М. З. – 175, 593, 596, 597, 605, 611, 775, 862.
Шагинян М. С. – 457, 692.
Шаевич А. С. – 740.
Шаламов В. Т. – 48, 54, 82, 550, 839.
Шаляпин Ф. И. – 244, 799.
Шамир Исраэль Адам – 809.
Шамир Ицхак – 730.
Шапиро П. – 313.
Шапиро-Дайховский Н. Е. – 681, 682.
Шаповалов А. Ф. – 651.
Шаповалов В. – 607.
Шапошников Е. И. – 243.
Шатров (Маршак) М. Ф. – 200, 211, 797–799.
Шауро В. Ф. – 164.
Шафаревич И. Р. – 182, 287, 802, 856.
Шафиров – 512.
Шахназаров Г. Х. – 207.
Шаховской Ю. – 562.
Шахрай С. М. – 207, 213.
Шварц Е. – 742.
Шварцман Л. Л. – 238.
Швейцер М. А. – 608.
Швыдкой М. Е. – 351.
Шеварднадзе Э. А. – 188, 206, 215.
Шевцов И. М. – 802.
Шевченко Т. Г. – 107, 578, 779, 780.
Шейнин Л. Р. – 540.
Шейнман М. М. – 457.
Шекспир Вильям – 120.
Шенин О. С. – 213, 855.
Шестаков В. П. – 144.
Шиваров Н. Х. – 867.
Шиллер Фридрих – 147, 550.
Шиндлер Оскар – 802.
Шипунов Ф. Я. – 679, 680.
Ширяев Б. Н. – 440.

Шифф Джейкоб Генри (Яков Генрих) – 196.
Шифф Отто – 710.
Шкловский В. Б. – 36, 273, 422, 503, 699, 746, 771, 859, 863.
Шкляревский И. И. – 7, 266.
Шмелев И. С. – 246, 799.
Шмелев Н. П. – 186.
Шнеерсон Шулем Дов Бер – 742.
Шнейдерман Э. М. – 508, 860.
Шницер – 34.
Шолом-Алейхем (Рабинович Ш. Н.) – 360, 605.
Шолохов М. А. – 15, 24, 99, 291, 472, 482, 528, 533, 630, 637, 837.
Шонберг (Шенберг) Арнольд Франц Вальтер – 107.
Шостакович Д. Д. – 99, 139, 144, 304, 460, 515.
Шпенглер Освальд – 819.
Штейн (Рубинштейн) А. П. – 540.
Штейнберг А. А. – 570.
Штейнгардт В. К. – 665.
Штерн – 34.
Штрейхер Юлиус (Гольдберг Абрахам) – 761.
Шубарт Вальтер – 649, 816, 819, 821, 835.
Шуберт Франц – 626, 627.
Шугаев В. М. – 7, 172, 272.
Шукшин В. М. – 110, 113, 114, 174, 451, 554, 637.
Шульгин В. В. – 61, 173, 379, 583, 683, 704, 722, 728–730, 733–735.
Шульман – 660.
Шундик Н. Е. – 849.
Шурмак Г. М. – 683, 684.

Щапов А. П. – 382.
Щекочихин Ю. П. – 620, 862.
Щеголева Д. З. – 30, 560.
Щипачев С. П. – 439.

Эбаноидзе А. Л. – 635.
Эберт Фридрих – 704.
Эдельштейн Изидер – 737.
Эйдельман Н. Я. – 427, 565, 612, 614, 616, 679, 754, 862.
Эйдельман Я. Н. (Дельман Э.) – 427, 614–616, 679, 754.
Эйдук А. В. – 749, 750.
Эйнштейн Альберт – 201, 372, 655, 704, 719.
Эйтингон Н. И. – 538.
Эйфман Б. Я. – 139.
фон Эйхгорн Герман – 249.
Эйхман Адольф Отто – 693, 706, 736.
Эйхманс Ф. И. – 669, 672.
Эльвов Н. Н. – 459, 460.
Эльсберг (Шапирштейн) Я. Е. – 540.
Энгель В. В. – 802.
Энгельман Берндт – 692.
Энгельс Фридрих – 100.
Эренбург И. Г. – 177, 265, 266, 273, 426, 427, 471, 517, 518, 549, 576.
Эрмлер (Бреслав) Ф. М. – 540.
Эсхил – 22, 27, 51, 54, 642.
Эхманн А. – 736.

Юпп М. Е. – 508.
Юровский Я. М. (Х.) – 730, 737.
Юткевич С. И. – 99.
Ющенко В. А. – 332, 333, 350.
Ющинский А. – 655, 656, 666–668, 671.

Ягода Г. Г. (Иегуда Е. Г.) – 228, 233, 237, 387, 421, 422, 485, 660, 664, 665, 679, 730, 744, 746, 761, 799, 804.
Яжборовская И. С. – 324.
Якир И. Э. – 37, 228, 429, 442, 541, 797, 799.
Якобсон А. А. – 556, 569.
Якович Е. – 852.
Яковлев Адольф – 279, 280.
Яковлев А. Н. – 182, 186, 201, 206, 215, 281, 291, 341, 494–496, 498–500, 556, 566, 732, 796, 798, 801, 839, 840.
Яковлев Е. В. – 200.
Яковлев (Эпштейн) Я. А. – 424.
Яковлева А. Р. – 5.
Янец С. – 328.
Янкевич – 328.
Янковский Станислав – 315.
Янов А. Л. – 188, 497, 498, 584.
Янсен Л. И. – 70, 840.
Яншин А. Л. – 865.
Яр-Кравченко А. Н. – 32, 838.
Ярков – 368.
Ярмус А. – 338.
Ярославская М. Е. – 457.
Ярославский Емельян (Губельман М. И.) – 99, 209, 219, 373, 378, 457–462, 598, 699, 730, 791.
Ярузельский Войцех – 361.
Ясенский Б.(В.) Я. – 35, 399, 422, 552, 553, 746.
Яшин (Попов) А. Я. – 508, 529.

Fry L. – 715.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

ЧАСТЬ I. ВОЗРОЖДАЯ ИЗ ПЕПЛА

Крупнозернистая жизнь 14
«Я сердцем виноват...» 15
«Дивная мистерия вселенной» 44
«Демон и ангел России» 61
Терновый венец 73

Пища? Лекарство? Отрава? 100

Жертвы и палачи «метрополя» (история одного юбилея) 162

«За что боролись...» 181

Из литературного дневника смутного времени 188
«В начале было Слово...» 188
«Порвалась цепь великая...» 190
Плач по России 203
Литературные чекисты 209
Чума на оба ваши дома! 212
Обманутые аборигены 216
«Талантливый человек» 217
Раздавили 218
Сталин – тиран 220
Темная сила 221
«Мы не ожидали...» 222
Маразматик 224
Русский дом 227

Красное колесо 237
Русско-еврейский вопрос 238
История спорит с поэзией....239
«За горизонтом старые друзья...»....253
Вы мне надоели....298

ЧАСТЬ II. РУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Жизнь и смерть поэта....363
Все начиналось с ярлыков 399
Времена и легенды (идеология и поэзия тоталитаризма)....429
«Клевета все потрясает...»....473
Лейтенанты и маркитанты....500
Палка о двух концах 577
Семейство норинских....612
«Змея, укусившая собственный хвост...»....624
Ритуальные игры....653
Косматые сердца 691

ЧАСТЬ III. ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Кто раздувает русофобию....763
О национал-нигилизме....773
Хватит экспериментов....781
Помирать собрался – а рожь сей!....793
Россия – для коренных народов россии....800
Умом россию не понять 809

Комментарии....836

Именной указатель 869

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 90 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Л. И. Трифонова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 28.11.2012 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 39,7 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*

Русское Православие в трех томах *(вышли)*

Русское государство *(вышел)*

Русский патриотизм *(вышел)*

Русское мировоззрение *(вышел)*

Русский образ жизни *(вышел)*

Русская география

Русское хозяйство *(вышел)*

Международные отношения

Национальные отношения

Русская литература *(вышел)*

Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*

Русская архитектура и скульптура

Русская живопись

Русский театр

Русская музыка

Русская наука

Русская школа

Русское воинство

Памятники Отечества

Русские за рубежом

Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.

Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добролюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.

Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.

Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История – Душа – Победы, 808 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, podina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)